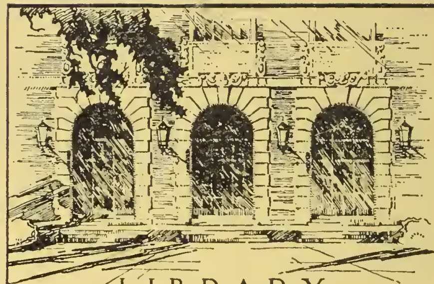
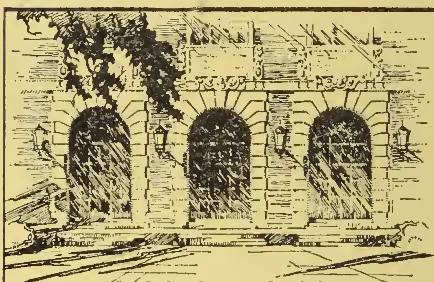

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

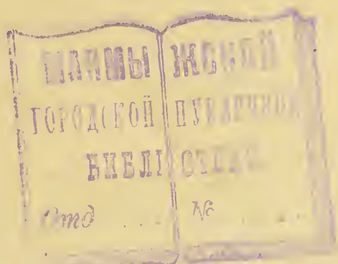
МАРТЪ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

МАРТЪ, 1910 г.

(См. слѣд. стран.).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки)[1].

XII.

ОЙ ОТЕЦЪ былъ на двадцать лѣтъ старше моей матери. Она вышла за него пятнадцати лѣтъ, отказавши молодому, красивому жениху. Мой отецъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свою деревню, попалъ къ сосѣдямъ на помолвку ихъ дочери, влюбился и отбилъ невѣсту у молодого человѣка. Была назначена дуэль, но мать отставного жениха, женщина властная, какъ-то узнала объ этомъ и увезла сына въ дальнюю деревню. Женившись, отецъ мой оставилъ военную службу и взялъ первое попавшееся мѣсто по гражданскому вѣдомству. Городокъ, въ который онъ попалъ, былъ на Волгѣ; онъ выстроилъ себѣ домъ на мѣстѣ съ необыкновенно красивымъ видомъ на Волгу и жилъ тутъ, никогда не заглядывая въ свое родовое имѣніе, которымъ управлялъ его меньшой братъ.

Съ ранняго дѣтства я помню отца, красиваго, стройнаго, веселаго, съ черными бровями и съ совсѣмъ бѣлыми кудрями. До женитьбы онъ былъ страстный игрокъ, и говорилъ, что посѣдѣлъ такъ за зеленымъ игорнымъ столомъ. До женитьбы онъ пилъ, курилъ, былъ охотникъ и рыболовъ, но отказался отъ всего для своей жены:

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX стр. 403.

табаку она не выносила; боялась не только пьяныхъ, но и тѣхъ, отъ кого пахло виномъ. Когда онъ возвращался съ охоты, находилъ ее всегда заплаканную и совсѣмъ несчастную: ей все время казалось, что его принесутъ къ ней мертваго, какъ былъ у нея на глазахъ случай въ ихъ семьѣ. Года черезъ два послѣ замужества моя мать изъ трусливой дѣвочки сдѣлалась благоразумной женщиной и не стала бы стѣснять мужа въ его привычкахъ, но отецъ уже сдѣлался домосѣдомъ, все свободное время отъ службы проводилъ съ семьей, съ своими книгами; любилъ даже поиграть въ преферансъ по маленькой, и къ нему часто собиралась его партія. Иногда и маменька съ ними играла; она любила играть, но играла дурно, и отецъ всегда забавлялся ея ошибками.

— Если бы ты, матушка, была богатая женщина и играла по большой, мы бы всѣ около тебя состояніе себѣ составили!

Отецъ былъ по своему времени хорошо образованъ; былъ уменъ и остроуменъ; вспыльчивъ, но очень добръ. Мы съ нимъ очень любили другъ друга: я имѣла право приходить къ нему въ кабинетъ во всякое время. Часто, когда онъ читалъ что-нибудь очень ему интересное и не замѣчалъ, что я стою подлѣ него, я позволяла себѣ дерзость: закрывала обѣими руками страницу, которую онъ читалъ. Иногда онъ весело захлопывалъ книгу и радовался, что я къ нему пришла, иногда говорилъ: «Дай, дай мнѣ дочитать, дурочка!»—сажалъ меня къ себѣ на колѣни, и я слѣдила, какъ его глаза бѣгали по строкамъ, какъ его красивое, выразительное лицо то освѣщалось отъ прочитаннаго, то потухало, черныя брови хмурились и сильно обозначалась складка поперекъ лба. Я особенно любила его веселаго и всегда старалась развеселить его, если онъ былъ серьезенъ и задумчивъ.

Когда всѣ наши гости уѣхали, когда я совсѣмъ поправилась и наша жизнь пошла попрежнему, я стала замѣчать, что мои родители чѣмъ-то озабочены: папенька все ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету и не брался за свои книги; маменька тоже все думала какую-то думу. Наконецъ она мнѣ сказала, что папенька очень безпокоится о своемъ братѣ, который управляетъ Ширяевымъ. Онъ ѣздилъ въ Москву по очень серьезному дѣлу, написалъ оттуда мѣсяцъ тому назадъ, что выѣзжаетъ къ намъ, только заѣдетъ дня на два въ свой уѣздный городъ, а вотъ до сихъ поръ не ѣдетъ и нѣтъ объ немъ никакихъ извѣстій. Папенька боится, что онъ заболѣлъ, и ѣдетъ самъ туда.

— Пришей-ка вотъ ему пуговицы къ шерстяной фуфайкѣ! Онъ получилъ отпускъ; думаетъ завтра выѣхать.

И на другой день мы его провожали. Всѣ притворялись веселыми; маменька говорила, что очень рада, что онъ проѣдется; онъ говорилъ, что помолодѣлъ, какъ одѣлся въ свое дорожное платье, которое не надѣвалъ лѣтъ десять; я старалась удержать слезы:

маменька просила меня не разстраивать отца. Но когда Вавила, садясь на облучекъ, крикнулъ ямщику: «съ Богомъ, трогай!» и ямщикъ тронулъ, я впрыгнула въ сани, плакала, цѣловала милое оживленное лицо, которое ужъ мы потомъ никогда такимъ не видали...

Было отъ него письмо съ дороги съ шутливой припиской ко мнѣ: «Несмотря на первый успѣхъ, не прыгай, дочурка, въ сани къ проѣзжающимъ на всемъ скаку». Потомъ мы ждали, ждали, а писемъ не было. Потомъ было письмо отъ какого-то господина изъ города, что папенька, не доѣзжая Ширяева, тамъ заболѣлъ. Маменька сейчасъ же туда уѣхала. Двѣ длинныя, страшныя недѣли послѣ ея отъѣзда писемъ не было. Наконецъ она написала, что папенькѣ лучше, но его непремѣнно надо везти въ Москву; а за мной пришлетъ тетушка. Маменька надѣялась, что я буду тамъ такой же умной и послушной, какъ была всегда. На обратномъ пути изъ Москвы они за мной заѣдутъ.

Во все это тяжелое, страшное время всѣ наши знакомые были очень добры ко мнѣ; всѣ меня навѣщали и успокаивали. Между ними не было только моей милой Александры Петровны: она была сама больна и жила въ Швейцаріи. Адріанъ Григорьевичъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ, я плакала и просила его ѣхать лечить папеньку.

— Когда бы можно безъ отпуска, сейчасъ бы поѣхалъ,—сказалъ онъ, ласково гладя меня по головѣ.

А когда пришло извѣстіе, что папеньку везутъ въ Москву, онъ пріѣхалъ веселый.

— Послушались меня, поѣдутъ,—сказалъ онъ, входя.—Ну, дѣвочка, тамъ его теперь будутъ лечить такіе доктора, что я недостоинъ развязать и ремня у ихъ обуви!

Когда мы оставались однѣ съ няней, она разсказала мнѣ о Москвѣ, куда она въ молодости ходила на богомолье; разсказывала мнѣ, сколько тамъ святыни, и говорила, что если папенькѣ не помогутъ доктора, его исцѣлятъ московскіе чудотворцы. Мы съ ней вмѣстѣ молились, вмѣстѣ плакали, и я часто засыпала, какъ маленькая, у нея на колѣняхъ.

Отъ тетушки пріѣхала за мной ея нѣмка-горничная Луиза, и няня сразу ее возненавидѣла. Нѣмка нашла, что у насъ комнаты малы и очень просто убраны, и это, на ея дурномъ русскомъ языкѣ, вышло что-то очень обидно для няни. Потомъ гостья не пошла обѣдать въ застольную и при этомъ обозвала мужскую половину нашей дворни грязными мужиками и еще, къ всеобщему негодованію, потребовала себѣ для ѣды серебряную ложку.

Провожать меня тоже пришли всѣ наши знакомые. Во время прощанья была трогательная сцена: няня поклонилась въ ноги ненавистной ей нѣмкѣ; плакала и умоляла ее любить и беречь меня.

Это все было такъ невыносимо грустно, что я не помню, какъ простилась съ нашимъ милымъ домомъ, съ няней, съ прислугой...

Дорогой Луиза старалась развлекать меня: говорила, какъ все грязно, скучно и бѣдно у насъ въ Россіи, и какъ все хорошо, чисто и весело въ ея родномъ городѣ Мангеймѣ. Говорила, какъ послѣ нашей тѣсноты будетъ мнѣ весело и хорошо у Excellenz: домъ огромный, вездѣ бархатъ и шелкъ, за обѣдомъ всегда пять блюдъ и очень хорошее пирожное, кофе варятъ безъ цикорія. Но себѣ она варитъ полфунта кофе, полфунта цикорія, потому что ей такъ велѣлъ ея gross Fater auf seinem Sterbebett [1]). Она знаетъ, что и мой Faterchen [2]) тоже очень боленъ и что онъ тоже старый человѣкъ; стало-быть, всего можно ожидать; но чтобы я не очень огорчалась; онъ, разумѣется, подумалъ обо мнѣ и назначилъ мнѣ такое же хорошее приданое, какое далъ и моимъ сестрамъ.

Во время этой длинной дороги, подъ говоръ Луизы, я много передумала. Горе сдѣлало меня старше. На первое время изъ моихъ размышленій я вывела себѣ одно правило: радоваться, какъ я до сихъ поръ жила и радовалась, можно со всѣми, даже съ Луизой изъ Мангейма; а горе съ этихъ поръ, а потомъ и всегда, я старалась прятать отъ постороннихъ.

XIII.

Въ нашей семьѣ были богаты Лиза и я. На нашихъ крестинахъ присутствовала добрая фея и одарила насъ. Это была одна богатая, важная барыня. Она пріѣзжала иногда въ свои приволжскія владѣнія и жила въ одномъ изъ помѣстій, которое было только черезъ Волгу отъ нашего города. Мой отецъ бывалъ у ней, она познакомилась съ моей матерью, очень полюбила ее. Случилось такъ, что Лиза, а потомъ и я, родились въ то время, какъ она была въ нашемъ сосѣдствѣ и сама напросилась къ намъ въ крестныя матери. Я помню, какъ разъ маменька и сестры смотрѣли съ балкона нашего дома въ зрительную трубу на Волгу, дали и мнѣ посмотрѣть, какъ наша крестная мать ѣхала въ городъ на своей красивой лодкѣ съ гребцами въ красныхъ рубашкахъ, а далеко впереди шелъ дощаникъ съ ея каретой и шестеркой сѣрыхъ. Нѣсколько помню и ее, всю въ черномъ, высокую, строгую. У ней убили на дуэли ея единственнаго сына: онъ очень ухаживалъ за одной барышней, потомъ совсѣмъ пересталъ ѣздить къ нимъ въ домъ. У барышни было три брата, они пріѣхали къ нему, угрожая стрѣляться съ нимъ одинъ послѣ другого, если онъ не женится на ихъ сестрѣ. Онъ принялъ вызовъ и былъ убитъ.

---

[1]) Дѣдушка на смертномъ одрѣ.

[2]) Папенька.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда умерла наша крестная мать, и ея душеприказчикъ привезъ маменькѣ два банковыхъ билета по пяти тысячъ каждый. Они были положены въ банкъ на десять лѣтъ безъ востребованія процентовъ, одинъ въ годъ рожденія Лизы, другой въ годъ моего рожденія. У Сони не было крестной матери-феи, и наши родители рѣшили, что заложатъ Ширяево, чтобы дать ей приданое, одинаковое съ нами. Какъ только сестеръ помолвили, отецъ послалъ всѣ нужныя для залога бумаги своему брату, который управлялъ Ширяевымъ.

Дядя былъ добрый, честный, но недалекій человѣкъ. Онъ потерялъ все свое состояніе въ ранней молодости: его ловко обобрала какая-то «женщина». Папенька щедро устроилъ его въ своемъ Ширяевѣ, но онъ сильно огорчилъ отца, женившись на своей дворовой дѣвушкѣ. Правда, что она оказалась очень умной и дѣловитой, но все-таки онъ ее къ намъ никогда не привозилъ. Дѣтей у нихъ не было, и они взяли воспитанницу, сиротку изъ духовнаго званія; ей теперь было лѣтъ двадцать. Жена дяди умерла года два тому назадъ, и съ тѣхъ поръ онъ не привозилъ самъ, а присылалъ по почтѣ ширяевскіе доходы. По смерти жены онъ переѣхалъ жить въ городъ, потому что его воспитанница, какъ онъ писалъ, очень слабаго здоровья и ей необходимо быть ближе къ доктору; а въ Ширяевѣ у него хорошій бурмистръ и онъ самъ туда часто наѣзжаетъ. Онъ охотно взялся заложить Ширяево, но выѣхалъ въ Москву на цѣлый мѣсяцъ позднѣе, чѣмъ его просилъ отецъ. Изъ Москвы онъ писалъ, что его все только водятъ со дня на день; что онъ тутъ совсѣмъ стосковался. Наконецъ, ужъ послѣ свадьбы сестеръ получили отъ него письмо, что дѣло кончено, онъ выѣзжаетъ къ намъ, только ему необходимо заѣхать хоть на одинъ день въ свой городъ. Такъ какъ дядя не привезъ денегъ къ свадьбѣ, то Сонѣ отдали мои билеты и еще должны были занять, чтобы пополнить обѣщанную сумму; Митя былъ правъ, когда сказалъ мнѣ, что мои родители съ тетушкой все о деньгахъ говорили. Маменька хотѣла, чтобы Платонъ Александровичъ не мѣнялъ моихъ билетовъ до пріѣзда дяди; но тетушка горячо возражала, что его нельзя такъ стѣснять, потому что при залогѣ имѣнія встрѣчаются часто препятствія, которыя затягиваютъ дѣло. Маменька, какъ всегда, ей уступила.

Прошелъ почти мѣсяцъ со свадьбы сестеръ, а дядя все не ѣхалъ и не писалъ. Вотъ тутъ мой отецъ, очень встревоженный, и поѣхалъ въ Ширяево самъ.

На послѣдней станціи передъ городомъ, гдѣ жилъ дядя, отецъ съѣхался съ мѣстнымъ предводителемъ, и тотъ, послѣ нѣсколькихъ приготовительныхъ фразъ, сообщилъ отцу, что дядю обокрали въ первую же ночь, какъ онъ возвратился изъ Москвы. Дядя съ дороги спалъ, какъ убитый, и не слыхалъ, какъ у него вытащили изъ-подъ подушки бумажникъ. Дядя въ отчаяніи поднялъ на ноги всю город-

скую полицію; въ его домѣ сдѣлали строжайшій обыскъ, но ничего не нашли. Только по подозрѣнію воспитанницы посадили ея горничную и лакея, который ѣздилъ съ дядей. Воръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ; поиски ничего не открыли; а дядя все еще надѣется, все разыскиваетъ и все не соберется съ духомъ, чтобы увѣдомить брата.

Пятнадцать тысячъ, которыя украли у дяди, была очень большая сумма въ то время. Разумѣется, это извѣстіе поразило отца. Но человѣку, посѣдѣвшему за карточнымъ столомъ, часто случалось выигрывать и проигрывать большіе куши, и это пріучало относиться легче къ приливу и отливу денегъ. Къ тому же украденное могли еще найти: тогда это случалось довольно часто.

Со станціи, гдѣ они встрѣтились, предводитель сѣлъ въ сани къ отцу, разсказывалъ разныя подробности розысковъ и между прочимъ сообщилъ, что всѣ полицейскія и гражданскія власти ихъ города и всѣ его обыватели увѣрены, что бумажникъ украла воспитанница. Это звѣрь красивый и хищный; она уже обобрала дядю, какъ только могла. Всѣ знаютъ, что дядя хочетъ на ней жениться, что онъ просилъ ее обвѣнчаться передъ отъѣздомъ въ Москву, чтобы ѣхать туда вмѣстѣ, но она все откладывала и довела до поста. Всѣ знаютъ, что у нея есть тайный женихъ, молодой, красивый протоколистъ изъ уѣзднаго суда. Но, благодаря его красотѣ, невѣстъ у него много, и онъ женится только на той, у которой будетъ больше приданаго.

Неожиданный пріѣздъ отца вызвалъ тяжелую сцену: дядя, блѣдный, взволнованный, бросился передъ нимъ на колѣни, кланялся ему въ ноги, прося прощенья за свою оплошность; клялся, что будетъ до конца жизни служить ему и его дѣтямъ, чтобы хоть что-нибудь возвратить изъ потеряннаго. Отецъ поднималъ, цѣловалъ, успокаивалъ его, говоря, что, Богъ дастъ, воръ разыщется и все найдется.

И все нашлось, и нашелъ нашъ Вавила. Въ первый же вечеръ за ужиномъ въ людской ему разсказали всѣ подробности покражи и прямо говорили, что украсть некому, кромѣ воспитанницы; только куда она спрятала, никто не можетъ догадаться, а ужъ всѣ за ней такъ смотрятъ, что на сторону ей нельзя было отдать. Подлѣ Вавилы сидѣла девятилѣтняя дѣвочка Ѳеня, которую недавно привезли изъ деревни. Ее всѣ еще только «учили», а онъ очень любилъ дѣтей, приласкалъ ее, далъ гостинцу, посадилъ за ужиномъ подлѣ себя. Чинно черпая ложкой щи изъ общей чашки, она заговорила:

— Она, дядя Вавила, что-нибудь мнѣ въ подушку прячетъ, гдѣ я кружева плету, она меня учитъ. Какъ тетку Маланью въ тюрьму посадили, я страсть какъ ночью боюсь... Закроюсь съ головой, а все не сплю, мнѣ и видно, какъ барышня ночью съ моей подушкой нянчится: вынетъ ее изъ лукошка, къ себѣ понесетъ,

а тамъ опять мнѣ въ лукошко сунетъ... и все тайкомъ... все тайкомъ, каждое утро у меня страсть какъ коклюшки перепутаны. Я ей разъ про коклюшки-то сказала... она меня такъ по головѣ ударила, что я обезпамятѣла.

Всѣ городскія власти съѣхались къ дядѣ по случаю пріѣзда отца. Вавила торжественно внесъ подушку съ гремящими коклюшками и просилъ позволенія ее распороть. Отецъ самъ ее разрѣзалъ, и изъ нея вмѣстѣ съ опилками грузно вывалился бумажникъ. На радостный крикъ гостей выбѣжала воспитанница, поблѣднѣла, какъ смерть, увидавши подушку и бумажникъ, но не потерялась.

— Я говорила, что это Маланья украла... Вотъ она и спрятала къ племянницѣ въ подушку,—сказала она.

Ловко посадила она въ тюрьму Маланью, чтобы свалить на нее, если бумажникъ найдутъ. Но на всякаго мудреца находитъ простота: она прежде зашивала въ эту подушку записочки своего протоколиста. Задумавши кражу и зная, что непремѣнно будетъ обыскъ, она рѣшила спрятать туда же украденное: если найдутъ, можно свалить на кого-нибудь изъ дворовыхъ. Записочки она хотѣла уничтожить, но все медлила, ей, вѣрно, жаль было съ ними разстаться; а дядя, побуждаемый ея нѣжными письмами, ея мольбами непремѣнно заѣхать, хоть на нѣсколько часовъ, пріѣхалъ раньше, чѣмъ она его ждала, и она второпяхъ оставила въ подушкѣ записочку, которая ее и выдала. Одинъ изъ присутствовавшихъ нашелъ ее въ опилкахъ и началъ громко читать, потѣшаясь напыщенными любовными фразами, и, обращаясь къ воспитанницѣ, просилъ ее объяснить, почему старую Маланью называютъ неоцѣненной Софочкой. Увидавши, что все пропало, воспитанница разсвирѣпѣла, какъ дикій звѣрь; бросилась вырывать записочку и когда ей это не удалось, не помня себя, въ безумномъ гнѣвѣ разсказала все, пересыпая свое признаніе проклятіями дядѣ, его покойной женѣ и грубыми насмѣшками надъ его любовью. Дядя убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. Ее связали и увели. Мой отецъ, страшно взволнованный всѣмъ этимъ, пошелъ въ кабинетъ къ брату и нашелъ его на полу, всего въ крови, съ перерѣзаннымъ горломъ, близъ него лежала бритва. Отецъ вскрикнулъ, упалъ и ударился головой о желѣзную печь. На другой день, когда его привели въ чувство, оказалось, что у него отнялся языкъ и вся правая сторона.

А дядя остался живъ.

XIV.

Всю эту нашу семейную драму я узнала только черезъ два года. Тетушка, когда я къ ней пріѣхала, сказала мнѣ только, что папенькѣ надо серьезно лечиться; маменька въ каждомъ письмѣ повторяла, что ему лучше, но что московскіе доктора совѣтуютъ ему ѣхать на

воды въ Германію, что папенька какъ-нибудь самъ мнѣ напишетъ, а теперь только проситъ меня во всемъ слушаться тетушку, хорошо учиться и писать къ нимъ каждую недѣлю. Папеньку лечили почти два года и въ Москвѣ, и на богемскихъ грязяхъ, и морскими ваннами, и воздухомъ Швейцаріи. Маменька вездѣ была его постоянной сидѣлкой, а Вавила ея усерднымъ помощникомъ. А я старалась хорошо учиться и писала имъ каждое воскресенье длинныя письма. Во время ихъ отсутствія я жила зиму у тетушки, а лѣто у Сони въ Грачахъ.

Маменька потомъ говорила, что меня все это время воспитывали, какъ молодого слона, строгостью и лаской. Сестра меня очень баловала, а тетушка была ко мнѣ очень строга. Исторія съ Митей уронила меня въ ея глазахъ; онъ увѣрилъ ее, что во время нашей ссоры просилъ у меня прощенья изъ жалости ко мнѣ; если бъ мой отецъ узналъ, что я его прибила, то наказалъ бы меня; онъ и взялъ на себя мою вину.

Роскошью и просторомъ дома Excellenz, которыми меня утѣшала дорогой Луиза, я совсѣмъ не пользовалась, а была все время на антресоляхъ губернаторскаго дома; выходила только въ назначенные часы гулять съ англичанкой миссъ Смисъ и съ сыномъ тетушки, девятилѣтнимъ Володей, который очень полюбилъ меня. Митя гулялъ съ гувернеромъ-нѣмцемъ. По праздникамъ меня возили къ обѣднѣ въ приходскую церковь, въ сопровожденіи экономки; мальчиковъ дядя-губернаторъ бралъ съ собой въ соборъ; тетушка бывала только у всенощной въ архіерейской церкви.

Миссъ Смисъ была тоже строга ко мнѣ первое время. Да я и была постоянно передъ ней виновата. Тетушка предупредила ее, что я очень избалована, просила ее пріучать меня къ строгому порядку и держать совсѣмъ по-англійски. Помѣстили меня въ ея комнатѣ, кровать ея отгородили ширмами, но умывальникъ, туалетный и письменный столы были у насъ общіе, а я совершенно не умѣла держать въ порядкѣ мои «things» [1]). Онѣ съ утра до ночи сердили м-съ Смисъ, потому что лежали не на указанныхъ мѣстахъ; чернильница была не закрыта; покрышка умывальника на боку... Няня тоже называла меня неприберихой и незатворихой, но я даже не знала, упрекъ это или ласка... Бывало, няня причесываетъ мнѣ на ночь волосы, а я читаю ей что-нибудь или разсказываю, потомъ, пока она прибираетъ гребни, я быстро разстегну и развяжу мои одежды, спущу все на коверъ и прыгну въ постель, сбрасывая башмаки, а няня все подберетъ, сложитъ, сниметъ съ меня чулки, грѣетъ и цѣлуетъ мои ноги... Теперь я сама расчесывала утромъ и вечеромъ мои волосы и приходила въ отчаяніе, совсѣмъ не зная, какъ съ ними справиться: они были у меня длинные, густые, тонкіе,

[1]) Мелкія вещи.

вьющеся и потому всегда спутанные. Теперь я въ первый разъ замѣтила, сколько было у меня вещей, которыя надо было вытряхивать, расправлять, складывать и всегда класть въ извѣстномъ порядкѣ. Мнѣ даже долго не удавалось поставить около постели башмаки такъ, чтобы носки и пятки были совсѣмъ ровно и не безпокоили миссъ Смисъ своей небрежной позой. Какъ трудно мнѣ было пріучиться закрывать и сейчасъ же ставить въ шкапъ книгу, если я на нѣсколько минутъ переставала читать и брала въ руки что-нибудь другое, или не оставлять неприбранной работу. Я очень выросла послѣ болѣзни; была худая, нескладная, длинноногая дѣвочка, что, мнѣ кажется, тоже должно было раздражать маленькую, пухленькую миссъ Смисъ. Она безпрестанно дѣлала мнѣ длинные выговоры, изъ которыхъ я первое время не понимала, разумѣется, ни одного слова; но она такъ строго смотрѣла на меня, такъ укоризненно качала головой, причемъ ея букли и большіе банты ея страннаго чепца такъ грозно колебались, что я чувствовала себя страшно виноватой.

Не веселы были и мои уроки: я училась вмѣстѣ съ мальчиками, и Митя исподтишка всегда старался сдѣлать мнѣ что-нибудь непріятное. Онъ былъ очень даровитъ, все хваталъ на лету, память у него была удивительная; а если ему иногда что-нибудь не удавалось, такъ онъ сидѣлъ часы надъ урокомъ, и все это, мнѣ теперь кажется, для того, чтобы знать лучше другихъ и этимъ ихъ унижать. Скажетъ прекрасно урокъ, быстро рѣшитъ трудную задачу и смотритъ презрительно не только на насъ, но и на учителя. Не было только у него уха для стиховъ, а тогда ихъ часто задавали. Какъ ни была хороша у него память, а въ стихахъ, бывало, переставитъ два слова съ одного мѣста на другое и не слышитъ, что все пропало. Разъ онъ, совершенно этого не замѣчая, сдѣлалъ такую прозу изъ стиховъ Шиллера, что нашъ нѣмецъ громко захохоталъ и велѣлъ мнѣ его поправить. Митя такъ разозлился, что, выходя изъ класса, сильно толкнулъ меня; я ударилась головой объ дверь, а онъ началъ насмѣшливо раскланиваться и извиняться. Это видѣлъ Володя и бросился на него съ кулаками. Митя струсилъ, вывертывался, оправдывался.

А вотъ что случилось съ моей музыкой. Въ городѣ была очень хорошая музыкантша, жена чиновника Такилова. Тетушка упросила ее давать мнѣ уроки и сказала ей, что я ужъ хорошо играю. Она попросила меня сыграть что-нибудь. Я бойко заиграла какія-то варіаціи, но не успѣла сыграть и одной страницы, какъ Такилова захлопнула и отбросила мои ноты, привинтила къ роялю guide-main, поставила метрономъ и велѣла мнѣ ударять поперемѣнно пальцами по пяти нотамъ, самымъ медленнымъ темпомъ. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Грачи она дала мнѣ этюды Крамера, велѣла играть по три часа въ день, а прежнюю мою музыку постараться забыть.

Въ Грачи отправили меня и Володю съ миссъ Смисъ. Тетушка уѣзжала въ Шлангенбадъ, за Митей долженъ былъ пріѣхать отецъ, чтобы везти его за границу. Платонъ Александровичъ сильно безпокоился, что Митя мало растетъ, и каждый годъ возилъ его по европейскимъ знаменитостямъ, а тѣ отправляли его на разныя воды и морскія купанья. Мы встрѣтились съ Платономъ Александровичемъ на большой дорогѣ; лакеи, сидѣвшіе на козлахъ, сообщили объ этомъ въ экипажи, и мы остановились. Володя выскочилъ изъ кареты, и Платонъ Александровичъ разспрашивалъ его о Митѣ.

— A! la troisieme Grâce [1]),—привѣтствовалъ онъ меня:—сестра тебя ждетъ. Ну, что, показалъ вамъ мой Митя, какъ надо учиться. Только вы съ нимъ что-то характерами не сошлись. Онъ мнѣ все писалъ.

— Онъ вамъ что-нибудь навралъ,—горячо вступился Володя.

— Не горячись, не горячись, маленькій пажъ. И про тебя все знаю. Иди къ своей королевѣ. Миссъ Смисъ, до свиданія.

И мы разъѣхались.

XV.

Какъ хороши были Грачи, грачевскій домъ, грачевскій садъ, широкая рѣка за садомъ и лѣсъ съ густымъ орѣшникомъ за рѣкой! Какіе были цвѣты, какія розы... Ихъ было такъ много, что, когда онѣ отцвѣтали, дорожки сада были розовыя отъ ихъ лепестковъ... И какъ мнѣ тамъ хорошо жилось. Соня дала намъ съ миссъ Смисъ двѣ комнаты съ окнами въ садъ, и все у насъ было отдѣльное, только дверь между нами никогда не затворялась. Первый же вечеръ, какъ мы пріѣхали, Соня пришла ко мнѣ взглянуть, хорошо ли мнѣ, и застала меня «за истребленіемъ моихъ волосъ», какъ она выразилась, когда увидала, что я, обвивши шею волосами, чтобы достать до ихъ концовъ, жестоко раздирала ихъ гребнемъ. Она начала сама мнѣ ихъ расчесывать, позвала миссъ Смисъ и попросила у ней позволенія присылать ко мнѣ утромъ и вечеромъ свою горничную, такъ какъ мнѣ самой очень трудно справляться съ такими большими волосами. Съ этихъ поръ наша Прасковья, которую я очень любила, приходила утромъ и вечеромъ меня причесывать и какъ будто мимоходомъ прибирала у меня все, такъ что мы съ миссъ Смисъ и не замѣчали, что у меня все идетъ совершенно по-русски и обѣ радовались, что мои things насъ не безпокоятъ. Къ тому же я стала все понимать по-англійски, очень полюбила англійскую литературу, даже начала порядочно говорить. Въ грачевской библіотекѣ было много англійскихъ книгъ, мы съ миссъ Смисъ вмѣстѣ читали на прелестной террасѣ, уставленной цвѣтами и растеніями, одна читала,

[1]) Третья Грація

другая работала. Она увидала, что я не лѣнива и умѣю хорошо работать. А когда я сдѣлала для ея чепца такіе же внушительные банты, какъ она всегда носила, она въ первый разъ поцѣловала меня и стала мнѣ разсказывать про себя, про свою семью, про Индію. Она провела тамъ свою молодость, разсказывала мнѣ про балы въ Калькутѣ, какъ тамъ, въ огромномъ залѣ съ крышей изъ рамъ, которыя поднимались и опускались, какъ вѣера, чтобы освѣжать присутствующихъ, танцовали дамы, всѣ залитыя брильянтами, и кавалеры въ красныхъ мундирахъ. Когда они переставали танцовать и садились за столы, уставленные европейскими винами и самыми изысканными кушаньями и рѣдкими фруктами, ихъ обвѣвали огромными вѣерами слуги-индусы въ живописныхъ костюмахъ. Показала мнѣ брошку, слона изъ мелкихъ брильянтовъ и сказала мнѣ, краснѣя, что у ней былъ въ Индіи женихъ, a brave and handsome soldier [1]); онъ подарилъ ей эту брошку, уходя въ походъ, гдѣ былъ убитъ взбунтовавшимися сипаями. Она одинъ разъ описала мнѣ великолѣпный въѣздъ красавца-раджи такъ хорошо, что я живо представила себѣ всю эту картину; только въ моемъ воображеніи, вмѣсто неизвѣстнаго мнѣ раджи, сидѣлъ на бѣломъ слонѣ, въ восточныхъ одеждахъ, окруженный великолѣпной и подобострастной свитой, Андрей Кирилловичъ Ступиловъ. Я часто его вспоминала, а тутъ еще маменька написала намъ, что онъ заѣзжалъ въ скучный Франценсбадъ, только чтобы съ ними увидаться, пробылъ два дня, и папенька былъ очень ему радъ.

Въ Грачахъ иногда меня мучило сознаніе, что я стала равнодушнѣе къ болѣзни отца, къ отсутствію моихъ родителей. У тетушки послѣ разныхъ неудачъ я, бывало, лягу въ постель и тихонько, чтобы миссъ Смисъ не услыхала, плачу о томъ, что папенька боленъ; воображаю, какъ онъ лежитъ худой и блѣдный, а маменька сидитъ у его постели съ такимъ же несчастнымъ лицомъ, какъ было у нея во время моей болѣзни. А въ Грачахъ мнѣ даже казалось, что папенька выздоровѣлъ. Тутъ утромъ Прасковья отдергивала въ моей комнатѣ занавѣски, отворяла окна, и меня будилъ яркій свѣтъ, теплый, душистый воздухъ, звонкіе голоса птицъ, и я радостно вскакивала съ постели, зная впередъ, какъ хорошъ будетъ день. А ложась, я быстро засыпала, увѣренная, что и завтра будетъ такъ же хорошо. Я выросла въ городѣ, и теперь, какъ будто за всѣ годы, прожитые тамъ, наслаждалась деревней. Я въ первый разъ въ жизни купалась въ рѣкѣ, училась плавать, училась управлять лодкой, училась ѣздить верхомъ. У Володи тутъ была своя маленькая лошадка, а я ѣздила на Сониной рыжей «Бьюти». Сама Соня это лѣто не ѣздила. Насъ училъ берейторъ Саврасовъ, съ виду свирѣпый, рябой, черный, усатый, но съ нами онъ былъ очень милъ.

[1]) Храбрый и красивый офицеръ.

Миссъ Смисъ поощряла мою верховую ѣзду, она сама ѣздила въ Индіи и находила, что это совершенно lady like [1]).

Но настоящее веселье началось для насъ съ Володей, когда пріѣхали дяди Мити, Дубецкіе. Сестры давно ихъ знали, а вотъ какъ я съ ними познакомилась. Это было въ началѣ моей верховой ѣзды: ѣхали мы съ Володей рано утромъ легкой рысью по полю, навстрѣчу намъ вылетѣла изъ лѣсу тройка киргизовъ; въ корню вороной иноходецъ, грива до земли, пристяжныя соловыя, ямщикъ въ красной рубашкѣ.

— Боря и Паша!—радостно вскрикнулъ Володя.

— Это они изъ города,—съ совершенно расцвѣтшимъ лицомъ сообщилъ берейторъ.

Тройка остановилась: молодые люди выскочили изъ коляски; Володя здоровался съ однимъ, другой подошелъ ко мнѣ.

— Вы непремѣнно должны быть кузина Мира, а я—Борисъ Дубецкій, къ вашимъ услугамъ.

Я протянула ему руку для shake hands [2]), какъ выучила меня Соня.

— А это мой братъ Павелъ.

Какъ всѣ имъ обрадовались! Весь домъ оживился, у прислуги не сходила съ лица неудержимая улыбка. Миссъ Смисъ, всегда такая чопорная и корректная, сбѣжала къ нимъ, забывши, что не сняла папильотокъ: Дубецкіе были когда-то ея лѣнивыми, но любимыми учениками. Соня тоже очень была имъ рада; они еще подростками пріѣзжали съ тетушкой къ нимъ въ институтъ; а потомъ сестры видали ихъ у тетушки, когда заживались у ней до лѣта, а Дубецкіе пріѣзжали изъ правовѣдѣнія и лицея на каникулы. Теперь Борисъ уже служилъ, а Павлу оставался одинъ годъ лицея.

На другой день ихъ пріѣзда былъ праздникъ. Послѣ обѣдни, у которой мы всегда бывали, пришла толпа мужиковъ и сельскіе власти съ хлѣбомъ и солью на узорномъ полотенцѣ поздравить Бориса и Павла съ пріѣздомъ. Они были тутъ настоящіе хозяева, а Платонъ Александровичъ только ихъ опекалъ. Первая жена его была ихъ старшая сестра: она вышла замужъ послѣ смерти своей матери, и ея отецъ, исполняя волю покойницы, далъ ей равную часть съ братьями, что прежде рѣдко случалось; только въ ея деревняхъ не было усадебъ.

Когда умеръ ея отецъ, ее сдѣлали опекуншей надъ несовершеннолѣтними братьями. Послѣ ея смерти управлялъ, опекалъ и жилъ въ Грачахъ Платонъ Александровичъ, а Борисъ и Павелъ пріѣзжали въ Грачи какъ гости; но у нихъ было тутъ цѣлое отдѣленіе, безъ нихъ всегда запертое, гдѣ жилъ послѣднее время ихъ покойный отецъ.

---

[1]) Прилично для леди.

[2]) Пожатіе рукъ.

Теперь тамъ было очень оживленно; оттуда слышались музыка, пѣніе, кузены пѣли на клиросѣ и обучали для этого мальчиковъ. Приглашали и меня, но Соня этого не одобряла. Она вообще строго опредѣлила мои отношенія къ кузенамъ: я не могла, какъ Володя, звать ихъ Борей и Пашей и быть съ ними на «ты», а должна была звать ихъ «mon cousin», здороваться съ ними «shake hands» и къ нимъ въ отдѣленіе съ Володей не ходить. Они пропадали иногда цѣлые дни на охотѣ, Борисъ часто ѣздилъ въ городъ; но когда они были дома, почти все время были съ нами. Они даже приходили на террасу во время нашего англійскаго чтенія. У Бориса стоялъ тутъ мольбертъ, онъ писалъ прелестный видъ, который открывался съ террасы. Павелъ приходилъ съ карандашомъ и бумагой и рисовалъ... наши карикатуры. Миссъ Смитъ читала намъ Вальтеръ Скотта и считала своей обязанностью при каждомъ мѣстѣ, удобномъ для нравоученія, говорить намъ проповѣдь. Это было ужасно!.. Герой въ страшной опасности, его хотятъ повѣсить, мы съ Володей въ такомъ возбужденіи, что даже встали и заглядываемъ въ книгу, а миссъ Смитъ закрываетъ ее и, поводя въ пространствѣ своими добрыми, блѣдно-голубыми глазами, очень долго и fluently [1]) уговариваетъ насъ никого не лишать жизни, даже вредныхъ насѣкомыхъ. У Павла было много удачныхъ карикатуръ на эту тему.

Недалеко отъ Грачей были деревни Мити, доставшіяся ему послѣ смерти матери, а въ нихъ часть, выдѣленная Платону Александровичу изъ состоянія жены. Безъ него всѣмъ хозяйствомъ управляла Соня. Къ ней, въ кабинетъ Платона Александровича, приходили конторщикъ съ книгами, бурмистры и старосты съ бирками. Иногда она сама ходила въ контору и разъ позволила мнѣ пойти съ ней. У крыльца конторы было много народа, всѣ почтительно разступились, низко ей кланяясь, и она прошла между ними, подбирая шитыя оборки своего пеньюара, красивая и нарядная, какъ королева, ласково кланяясь на обѣ стороны. Въ конторѣ она сѣла къ столу, конторщикъ съ маленькими плутовскими глазками положилъ передъ ней книги, вызвали къ ней четырехъ бородатыхъ мужиковъ съ умными и серьезными лицами. Когда она говорила съ ними, что-то имъ доказывая и щелкая по счетамъ бѣлыми пальчиками въ блестящихъ кольцахъ, мнѣ казалось, что эти серьезные мужики во всемъ съ ней соглашаются больше потому, что она такая красавица. Но все-таки я находила, что она очень умна и навѣрное теперь знаетъ, что опалы не ея... Когда пріѣхали Дубецкіе, она брала съ собой въ контору Павла, котораго все еще какъ-то опекали, и онъ часто при насъ разсказывалъ Борису, какъ умѣло она ведетъ дѣла... А когда она уличила въ плутняхъ конторщика, которому Платонъ Александровичъ совершенно довѣрялъ, Павелъ рѣшилъ, что если бъ она была мужчина, то непремѣнно была бы первымъ министромъ.

---

[1]) Быстро.

— А какимъ лихимъ корнетикомъ была бы кузина Мира, если бы была мальчикъ!—сказалъ Борисъ.

Они вскружили мнѣ голову моими успѣхами въ верховой ѣздѣ. Ѣздили мы каждый день, а иногда и два раза, утромъ и вечеромъ. Володя съ берейторомъ обыкновенно отставали, а кузены давали мнѣ усердные уроки ѣзды, такъ что я ужъ брала небольшія препятствія: канавы, низенькіе плетни.

Они оживили и мою музыку. До ихъ пріѣзда я покорно играла только этюды и экзерсисы, а теперь аккомпанировала Борису. У него былъ прекрасный голосъ, и я, замирая отъ восторга, слушала Шуберта. Иногда Соня садилась за рояль, и мы танцовали въ двѣ пары, Володя за даму.

Грачи было очень большое село съ ярмаркой и базарами. Народъ былъ веселый, и когда пріѣхали молодые господа, молодежь приходила большимъ хороводомъ пѣть и плясать на лугу передъ барскимъ домомъ.

XVI.

Тетушка возвратилась изъ Петербурга только въ концѣ января, и я находилась все это время подъ ласковой опекой дядюшки-губернатора. Онъ приходилъ къ намъ на верхъ каждый день, иногда рано утромъ въ довольно поношенномъ халатѣ, иногда вечеромъ во фракѣ съ звѣздами, приходилъ на нѣсколько минутъ, но такъ сердечно относился ко мнѣ, что надолго оставлялъ меня счастливой. Онъ бы желалъ дать мнѣ нѣкоторыя льготы, но миссъ Смисъ строго держалась правилъ, предписанныхъ тетушкой. Разъ онъ пришелъ къ намъ очень веселый, съ конфектами и объявилъ, что у Сони родился сынъ, Саша. Это была намъ большая радость, въ Грачахъ будетъ еще интереснѣе. Миссъ Смитъ начала вышивать прелестныя маленькія вещи для бэби, она была увѣрена, что Соня будетъ воспитывать его совсѣмъ по-англійски.

Теперь мнѣ и тутъ хорошо жилось: Митя былъ въ правовѣдѣніи, и безъ него уроки шли отлично. Такилова была довольна моей музыкой, миссъ Смисъ очень добра ко мнѣ. Она даже пожелала ѣздить со мной въ нашу церковь. Дядюшка очень это одобрилъ и послалъ ей туда коверъ и нарядное кресло.

Своего молитвенника она съ собой не брала, но торжественно сидѣла тамъ, ласково обводя своими добрыми глазами пѣвчихъ, причтъ и прихожанъ. Наша служба ей очень нравилась; она находила только, что the deacon is too noisy [1]).

А меня моя новая церковная обстановка очень смущала. Прошлаго года съ экономкой у насъ было совсѣмъ просто: пріѣзжали мы вдвоемъ

---

[1]) Діаконъ очень громокъ.

въ церковь и хотя насъ всегда заботливо пропускали впередъ, но потомъ никто не обращалъ на насъ вниманія, и мы съ ней усердно молились съ частыми земными поклонами, какъ я привыкла съ дѣтства. А теперь мы представляли что-то интересное, около насъ было тѣсно, несмотря на ливрейнаго лакея, который оберегалъ насъ. Миссъ Смисъ съ такимъ безпокойствомъ смотрѣла на меня при каждомъ моемъ земномъ поклонѣ, что я боялась волновать ее и покорно стояла у ея кресла.

Наконецъ и тетушка пріѣхала. Съ кузиной Нелли мы сразу подружились; комната ея была у насъ наверху, и я часто забѣгала къ ней между уроками. Когда она только что пріѣхала, то очень смѣялась, что меня, такую большую (я была много выше ея), миссъ Смисъ держитъ какъ маленькую up stairs [1]). Нелли говорила, что вывозить меня, разумѣется, еще рано, да и не въ этомъ дѣло... Она сама совсѣмъ, совсѣмъ не любитъ выѣздовъ... А ужъ дома-то мы заживемъ съ ней какъ большія.

На масленицѣ у тетушки былъ очень оживленный bal costumé [2]). Мы съ миссъ Смисъ смотрѣли на него съ хоръ изъ-за растеній, когда оттуда уходили музыканты. Володя былъ отдѣтъ пажомъ и до двѣнадцати часовъ былъ на балѣ при очень красивой маркизѣ; онъ носилъ ея шлейфъ и все время отыскивалъ насъ глазами на хорахъ. Передъ этимъ баломъ мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, и миссъ Смисъ заявила тетушкѣ, что, по ея мнѣнію, мнѣ бы можно быть, хоть ненадолго, на этомъ балѣ... Объ этомъ очень просила тетушку Нелли; Володя просилъ и плакалъ, но она была неумолима...

Подходилъ май. Тетушка съ Нелли уѣзжали за границу, а мы втроемъ опять въ Грачи. Къ тетушкѣ я больше не возвращусь: маменька въ каждомъ письмѣ повторяла, что они возьмутъ только курсъ въ Франценсбадѣ и тронутся въ Россію, разумѣется, съ большими остановками, чтобы не утомлять папеньку; но къ осени мы ужъ всѣ будемъ вмѣстѣ дома.

Въ послѣдній вечеръ передъ нашимъ отъѣздомъ Нелли повела меня внизъ.

— Ты завтра уѣзжаешь и почти не видала нашего дома; maman не принимаетъ, занята въ своемъ кабинетѣ, а мы пойдемъ посидѣть къ ней въ будуаръ; онъ очень красивъ.

Мы сѣли на маленькій диванчикъ. Нелли обняла меня и положила мнѣ голову на плечо.

— Тутъ по четвергамъ maman принимаетъ дамъ утромъ. Каждый пуфъ, каждый эссъ, каждая козетка здѣсь прелесть. Розовыя сторы всегда спущены. Въ солнечный день, когда будуаръ полонъ

---

[1]) На верху.

[2]) Костюмированный балъ.

нарядныхъ дамъ, всѣ онѣ кажутся хорошенькими при этомъ освѣщеніи. Но maman всегда лучше всѣхъ.

Теперь будуаръ былъ освѣщенъ розовымъ фонарикомъ съ потолка. Въ полусвѣтѣ выдѣлялись только фарфоровыя фигурки на консоляхъ, часы и вазы на каминѣ да золотыя рамы картинъ на темныхъ стѣнахъ.

— И ты тоже будешь красавица,—прибавила Нелли.

Я засмѣялась.

— Вотъ нашла красавицу... Посмотрѣла бы, какія карикатуры рисовалъ на меня Павелъ...

— Ты будешь красавица, это ужъ рѣшено... Ты, можетъ быть, такъ погружена въ свои молитвы въ церкви, что и не замѣтила, какъ разъ въ нашемъ приходѣ былъ пріѣзжій флигель-адъютантъ и вся наша отборная молодежь. Мы тебя прячемъ... такъ они тутъ показывали тебя пріѣзжему знатоку; онъ нашелъ, что ты прелестна...

Я вспомнила, что недавно, когда мы съ миссъ Смисъ выходили изъ церкви, было много полицейскихъ; они широко раздвигали публику передъ какимъ-то военнымъ, а онъ вѣжливо пропускалъ насъ впередъ и шелъ за нами; потомъ миссъ Смисъ говорила: the church vas full of gentlmen [1]).

— Ахъ какъ глупо...—сказала я, краснѣя отъ негодованія.

— Красота сила... Красота счастье...—продолжала Нелли.

Въ дверяхъ показалась горничная.

— Пожалуйте, барышня, къ ихъ превосходительству дорожное платье мѣрить.

— Иду, иду,—сказала Нелли, вставая.

XVII.

Когда мы пріѣхали въ Грачи, Платонъ Александровичъ еще былъ тамъ, но ужъ собирался въ Петербургъ, чтобы послѣ экзаменовъ Мити ѣхать съ нимъ за границу. Онъ посѣдѣлъ, и это къ нему шло: выраженіе лица стало какъ-то мягче. Онъ былъ особенно милъ, когда неловко, съ забавной осторожностью держалъ на рукахъ бэби, плотно запакованнаго въ великолѣпный англійскій конвертъ. Бэби сначала строго смотрѣлъ на него, хмуря брови, потомъ вдругъ прелестно улыбался и старался всѣми силами вырываться изъ своихъ путъ. Меня Платонъ Александровичъ встрѣтилъ очень радушно, но съ негодованіемъ относился къ моему росту, точно я выросла въ ущербъ его Митѣ. Съ Соней онъ все время былъ занятъ дѣлами, даже разговаривалъ объ нихъ по-французски за обѣдомъ и чаемъ. Видно было, что Соня знаетъ все въ хозяйствѣ

[1]) Церковь была полна мужчинъ.

гораздо лучше его: онъ во всемъ съ ней соглашался; но ему теперь непремѣнно надо было много денегъ.

Когда его провожали, всѣ вышли на крыльцо. Миссъ Смисъ держала на рукахъ бэби. Соня стояла серьезная и необыкновенно красивая. Платонъ Александровичъ со слезами на глазахъ трогательно прощался съ бэби.

Начали мы жизнь въ Грачахъ очень мирно. Моя любимая лошадь Бьюти хромала и мнѣ нельзя было ѣздить; Володя пристрастился къ рыбной ловлѣ и все свободное время сидѣлъ съ Саврасовымъ надъ рѣкой. Миссъ Смисъ увлекалась бэби, а я не разставалась съ Диккенсомъ. Его героини были всюду со мной, я переживала ихъ радости, ихъ горе и ходила какъ въ чаду. Я восхищалась Агнессой, Флоренсъ, милую, наивную Дору я оплакивала, какъ любимую сестру. Какъ старалась я быть совсѣмъ, совсѣмъ хорошей, чтобы быть достойной ихъ. Кажется, тутъ я могла бы сдѣлаться такой серьезной и сдержанной, какъ Агнесса, если бы не пріѣхалъ Павелъ Дубецкій.

Онъ отлично кончилъ лицей и пріѣхалъ къ намъ торжествующимъ побѣдителемъ.

— Гдѣ же Борисъ?—вскрикнула я, встрѣчая его.

— Непремѣнно Борисъ! Неужели вамъ мало одного Павла?—говорилъ онъ, здороваясь съ нами.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего нѣтъ Бориса; онъ писалъ, что ему даютъ отпускъ?—спросила Соня.

— Борисъ попрежнему поетъ дуэты... Теперь, къ несчастью, контральто у этой его... невѣсты... Такъ что дуэтамъ не будетъ конца...

— Ну, не дурачьтесь, Павелъ!—сказала Соня.

— Я не шучу... Я съ нимъ совсѣмъ разссорился... Ужъ, можетъ быть, его и обвѣнчали...

Онъ пошелъ съ Соней въ кабинетъ, что-то ей разсказывая.

Я очень заинтересовалась невѣстой Бориса. Какая она? На кого изъ моихъ излюбленныхъ героинь похожа? Павелъ недоволенъ, но и въ романахъ, когда затѣвается свадьба, часто кто-нибудь недоволенъ.

— Невѣста Бориса блондинка или брюнетка?—спросила я Павла при первомъ удобномъ случаѣ..

— Я ненавижу невѣстъ, кузина, и никогда на нихъ не смотрю. Да и вамъ еще рано этимъ заниматься... Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Какъ идетъ ваша ѣзда?

— Да Бьюти хромаетъ...

— Отчего?.. Неужели заковали?..—и онъ побѣжалъ въ конюшню.

Съ нимъ опять начались наши скачки, длинныя прогулки, уроки танцевъ; опять хороводъ приходилъ каждый праздникъ къ намъ на лужайку. Диккенсъ былъ отложенъ; Павелъ не любилъ англійской литературы; зато много читалъ мнѣ Жуковскаго, Пушкина,

Гоголя. Онъ еще очень просилъ у Сони позволенія прочесть мнѣ нѣсколько какихъ-то серьезныхъ статей, но Соня отказала и даже разсердилась.

— Я позволяю вамъ учить ее высшей школѣ ѣзды, а ужъ объ ея воспитаніи не безпокойтесь,—сказала она очень строго.

XVIII.

Павелъ уѣзжалъ на службу въ дальнюю губернію, я тоже должна была скоро ѣхать домой, и мы оба, прощаясь съ Грачами, усиленно пользовались деревенскими удовольствіями. Все раннее утро Павелъ бродилъ съ ружьемъ. Стрѣлокъ онъ былъ отличный; да и всѣ свои спорты онъ довелъ до опаснаго совершенства: въ бурю катался въ лодкѣ съ парусами, на ходуляхъ переходилъ рѣку. Разумѣется, мнѣ только съ берега позволялось любоваться его ловкостью, но зато въ прогулкахъ верхомъ я ему ни въ чемъ не уступала. Во время нашихъ скачекъ съ нами было много разныхъ приключеній, надъ которыми Соня только смѣялась вмѣстѣ съ нами, но разъ лошадь несла меня верстъ пять, только по счастливой случайности ее могли остановить. Павелъ, Саврасовъ ужасно испугались, а я такъ восхищалась этой бѣшеной скачкой, что Соня разсердилась и совсѣмъ запретила мнѣ ѣздить.

Я смиренно покорилась наказанію. Павлу было жаль меня, и онъ тоже казался виноватымъ и наказаннымъ, мы скромно ходили съ нимъ по парку и разговаривали. Онъ шутя давалъ мнѣ уроки свѣтской жизни, училъ быть любезной, училъ, какъ надо переносить комплименты, ихъ будутъ мнѣ говорить, когда всѣ признаютъ меня большой. Тутъ мы какъ-то договорились до того, что я еще никогда не видала театра, не знаю, какъ устраиваютъ сцену. Въ нашемъ городѣ былъ какой-то балаганъ, въ немъ иногда играли жалкіе пріѣзжіе актеры, но меня туда не брали. Павелъ повелъ меня въ сарай, гдѣ были сложены старыя декораціи: у ихъ отца бывали любительскіе спектакли. Мы лазили въ сараѣ по пыльнымъ доскамъ; всегда и вездѣ готовые служить намъ конюхи поднимали и ставили передъ нами кулисы. Павелъ отыскалъ декораціи, съ которыми играли у нихъ оперу-водевиль изъ швейцарской жизни «Дезертиръ», гдѣ они съ Борисомъ дѣтьми участвовали въ хорѣ. Потомъ онъ долго рылся въ отцовской библіотекѣ, отыскалъ пьесу, партитуру, перепробовалъ со мной нумера куплетовъ, всѣ очень живые и красивые, и исчезъ въ городъ. Возвратясь, онъ долго сидѣлъ у Сони въ кабинетѣ и вышелъ оттуда совсѣмъ довольный: у насъ будетъ любительскій спектакль. Онъ все срепетируетъ въ городѣ и привезетъ сюда труппу только на одинъ день. Утромъ будетъ репетиція на сценѣ, а вечеромъ спектакль. Залъ, гдѣ всегда ставили

сцену, былъ въ ихъ отдѣленіи, но Соня даетъ для его гостей и свои парадныя комнаты. Онъ забралъ вороха костюмовъ, бережно сохранявшихся въ кладовыхъ чопорной старушкой-экономкой въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, и опять уѣхалъ въ городъ. Двѣ недѣли онъ безпрестанно пріѣзжалъ и уѣзжалъ: онъ игралъ въ пьесѣ смѣшного нѣмца, полковника Штубака, и режиссировалъ, а въ Грачахъ былъ за декоратора и подмазывалъ облупившіяся швейцарскія горы.

Я все время только и жила этимъ спектаклемъ: пьесу знала наизусть; когда поставили сцену, мы съ Володей не сходили съ нея, пѣли, декламировали и нѣсколько разъ сидѣли въ суфлерской будкѣ. Но вотъ ужъ все готово и декораціи поставлены. Онѣ очень хорошо написаны: передъ зрителями хорошенькая швейцарская хижина, потомъ горы съ ледяными вершинами окружаютъ прелестное озеро: на его берегу плотикъ, гдѣ пристанетъ лодочка перевозчицы Лизбеты. Необыкновенно красивый старикъ Пахомъ, къ которому мы часто заѣзжали на пчельникъ, приходилъ устраивать машину, по которой выѣдетъ Лизбета на своей лодочкѣ; онъ устраивалъ такую при отцѣ Павла. Нѣсколько разъ Пахомъ пробовалъ ее, и мы съ Володей сидѣли въ лодочкѣ. Иногда она выплывала прекрасно, а иногда выдвигала съ собой берегъ съ розовымъ кустомъ. На одной изъ горъ написаны хижины, и съ этой горы должны будутъ сбѣгать швейцарцы навстрѣчу возвращающимся солдатамъ; будутъ ходить по ней и другіе актеры. Разумѣется, надо только показывать видъ, что бѣжишь, а дѣлать па все почти на одномъ мѣстѣ. Мы съ Володей отлично выучились такъ сбѣгать.

Наконецъ, завтра спектакль; ужъ пріѣхали жиды-музыканты. Я не спала всю ночь и съ ранняго утра была въ нашемъ залѣ, откуда виденъ подъѣздъ Павла. Гости начали съѣзжаться съ восьми часовъ. Павелъ встрѣчалъ дамъ на крыльцѣ. Изъ первыхъ пріѣхала та дама съ дочерью, отъ приставаній которой прошлаго года спасался Борисъ. Тогда Павелъ обозвалъ ее нахальной бабой, а теперь радостно привѣтствовалъ: дѣвица играетъ Гритли, и она привезла съ собою простака для Наца; Павелъ говоритъ, что это его лучшіе актеры. Экипажъ за экипажемъ подъѣзжали актеры и актрисы, хористы и хористки съ родственниками. Всѣхъ гостей было человѣкъ тридцать. Ихъ ждалъ у Павла завтракъ, а потомъ началась репетиція, Соня находила que la société est très mêlée [1]), но была со всѣми очень любезна, даже одѣла Володю швейцарцемъ, въ бывшій костюмъ Павла, чтобы онъ пѣлъ въ хорѣ. Я послѣ узнала, что Павелъ очень просилъ ее, чтобы и я участвовала въ хорѣ, но она отказала; и хорошо сдѣлала, потому что я и зрительницей была необыкновенно возбуждена. Ужъ на репетиціи я страшно волновалась; всѣ они такъ небрежно относились къ этому, необыкновенно важному

---

[1]) Что общество очень смѣшанное.

для меня дѣлу; разговаривали, смѣялись, пропускали реплики, знали плохо роли. Павелъ сердился, я была въ отчаяніи. Послѣ репетиціи актеры и актрисы разбѣжались по саду и парку, вмѣсто того, чтобы повторять неслаженныя мѣста. Къ обѣду пріѣхали еще гости-зрители. Столъ накрыли во всю столовую. Соня такъ хорошо всѣхъ угостила и была со всѣми такъ мила, что гости Павла казались очень довольными.

Вотъ ужъ вечеръ, мы сидимъ передъ опущенной занавѣсью. На ней написана группа трехъ красивыхъ женщинъ: это музы, Талія, Мельпомена и Терпсихора. Жидовскій квартетъ играетъ «польскій» Огинскаго. Первая скрипка, старикъ Моисей, играетъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и лѣвой рукой. Къ нему подходятъ, удивляются, одобряютъ. Иные кладутъ ему на пюпитръ деньги; онъ горячо благодаритъ, кланяясь чуть не до земли, но не перестаетъ играть все такъ же вѣрно и трогательно. Музыка не заглушаетъ говора на сценѣ. Что-то тамъ уронили, кто-то вскрикнулъ, кто-то свирѣпо зашикалъ, должно быть, Павелъ. У меня сильно дрожатъ колѣна и стучитъ въ виски: я страшно боюсь за актеровъ... Что-нибудь забудутъ... не выйдутъ во время... Можетъ быть, и занавѣсъ не поднимется, какъ ужъ разъ было, хоть его устраивалъ тоже Пахомъ и будетъ теперь самъ поднимать его: я вижу въ щель сбоку занавѣса его могучую фигуру въ необыкновенно длинной бѣлой рубашкѣ.

Звонокъ. Оркестръ замолкаетъ и потомъ по стуку суфлера начинаетъ прелюдію хора. Занавѣсъ плавно поднимается; молодыя крестьянки поютъ:

Всѣ ль, подруги, вы готовы?
Долго мѣшкать нѣтъ добра:
Нынче день у насъ торговый,
Въ городъ намъ давно пора.

Лизбета благополучно выдвигается въ своей лодочкѣ и ловко выпрыгиваетъ изъ нея. Она очень мила; ей шумно апплодируютъ. Начинается дѣйствіе. Какъ все идетъ хорошо! Даже регентъ архіерейскаго хора, который играетъ молодого француза Дервиньи, совсѣмъ хорошъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ къ роднымъ, и Павелъ завербовалъ его за красивую наружность и прекрасный голосъ, очень трудился съ нимъ, но все боялся за него. Хоръ швейцарцевъ прекрасно сбѣжалъ съ горы навстрѣчу къ солдатамъ. Мой милый Володя былъ впереди и усердно обнималъ солдатъ, какъ ему показалъ Павелъ, тщательно выводя мелодію своимъ звонкимъ голосомъ. Всѣ актеры очень хорошо играютъ и ловко бѣгаютъ по горѣ. Нацъ и Гритли необыкновенно милы и забавны. Фридрихъ-дезертиръ совсѣмъ не дуренъ; а Павелъ за него очень боялся. У меня все еще дрожатъ колѣна и бьетъ въ виски, но ужъ отъ восторга. Вотъ начи-

настся драматическая сцена: полковникъ узнаетъ своего дезертира. Лизбета падаетъ въ обморокъ, на руки къ Фридриху, всѣ поютъ:

О, бѣдный Фридрихъ! Онъ пропалъ...

Въ это время я вижу, что одинъ изъ хора швейцарцевъ, басъ и городской почтмейстеръ, переодѣвшись во фракъ съ свѣтлыми пуговицами, показывается наверху горы, начинаетъ спускаться съ нея, шумно спотыкается, хватается за снѣговыя вершины, потрясаетъ всю Швейцарію и, при громкомъ смѣхѣ и аплодисментахъ публики, согнувшись перебѣгаетъ сцену и скрывается за кулисами... Все пропало... Даже актеры смѣются, и только гнѣвный жестъ Павла заставляетъ ихъ перестать... Этого я не могла выдержать и заплакала. Къ счастью, я сидѣла между Соней и миссъ Смисъ, а кругомъ всѣ были заняты почтмейстеромъ. На сценѣ идетъ живая, неожиданная развязка, а публика все еще смѣется и перешептывается...

— Соскучился въ уборной, а оттуда выходъ только на сцену!..

— Думалъ пройти незамѣченнымъ!..

— При его-то корпуленціи!..

Соня, моя Соня, тоже смѣется!..и такъ проходитъ весь конецъ пьесы. Я смотрю на сцену, но уже для меня все погибло... Мнѣ все равно, что регентъ, вмѣсто того, чтобы обратиться съ прощальнымъ привѣтствіемъ къ швейцарцамъ, дѣлаетъ широкій, ласковый жестъ публикѣ и поетъ ей:

Ну, любезные, прощайте!
Можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Мнѣ теперь все равно... все равно! Я только рада, что могу убѣжать въ мою комнату и выплакать мое горе. Уходя, я слышу, что шумно вызываютъ почтмейстера. Я бросилась, какъ въ дѣтствѣ, лицомъ въ подушку и плачу.

Меня ищетъ миссъ Смисъ, удивляется, что я тутъ дѣлаю въ темнотѣ; зажигаетъ свѣчи. Соня сказала ей, что мы будемъ ужинать съ актерами. Я поскорѣе мою лицо, чтобы освѣжить глаза; у меня тоже не долго видно, что я плакала.

На площадкѣ лѣстницы намъ встрѣтился Павелъ.

— Ну, что, кузина, понравилось вамъ? Довольны вы?..

— Этотъ человѣкъ все погубилъ...—сказала я и опять заплакала.

— Да, да, это было ужасно,—подхватилъ Павелъ.—Я ужъ не говорю о публикѣ... но актеры... какъ могли смѣяться актеры!.. А знаете, кузина, почтмейстеръ какъ выбѣжалъ со сцены, велѣлъ запрягать своихъ лошадей, а самъ ушелъ безъ шапки въ городъ...

— Стало-быть, онъ все-таки хорошій человѣкъ,—говорю я сквозь слезы.

На площадку, гдѣ мы стоимъ, выходитъ дверь изъ Сониной комнаты. Она отворила ее, какъ-то странно посмотрѣла на насъ и строго спросила Павла:

— О чемъ она плачетъ?

— О томъ, что почтмейстеръ погубилъ весь спектакль...

— Да, Соня, это было ужасно!.. Все такъ превосходно шло... Какъ онъ могъ не понять, что этого нельзя... Что тутъ Швейцарія...

Я задыхалась отъ слезъ.

Соня обняла меня и прижала къ своему плечу мою голову.

— Милая моя дѣвочка,—говорила она:—какая ты у насъ странная! Совсѣмъ не похожа на насъ съ Лизой. Гдѣ всѣ смѣются, ты плачешь... Сидишь передъ декораціями и воображаешь, что ты въ самомъ дѣлѣ въ Швейцаріи...

— Надо такъ играть, чтобы всѣ это думали...—говорю я, горячась.

Миссъ Смисъ совсѣмъ не понимала, что у насъ происходитъ, очень безпокоилась и принесла мнѣ свои sels volatils [1]). Соня послала Павла къ его гостямъ, а мнѣ велѣла итти съ миссъ Смисъ въ садъ. Во время нашей прогулки по темнымъ аллеямъ я разсказала ей, о чемъ я плакала. Она очень удивилась, она была увѣрена, что это былъ прекрасно сыгранный комическій выходъ туриста: онъ потерялъ проводника, палку, шляпу, верхнее платье и бѣжитъ отыскивать все это; у нихъ любятъ мѣшать трагическое съ комическимъ. Это всегда есть въ пьесахъ Шекспира.

Соня прислала за нами, ужъ садятся за ужинъ. Меня такъ развеселила мысль о комическомъ выходѣ почтмейстера туристомъ, что я весело вбѣжала на террасу. Насъ встрѣтилъ Павелъ.

— Ну, слава Богу, кузина, кажется, вы совсѣмъ успокоились.

Я разсказала ему, что видѣла на сценѣ миссъ Смисъ. Онъ очень смѣялся; но я просила не разсказывать этого никому, кромѣ Сони. Ужинъ весело прошелъ; были тосты за актеровъ, за почтмейстера. Павелъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ за туриста. Послѣ ужина еще пѣли дуэты, русскія пѣсни хоромъ; но Соня послала меня спать, и я слышала все это въ постели черезъ мое открытое окно.

Впечатлѣнія вечера мѣшали мнѣ заснуть. Я встала, накинула блузу, открыла занавѣски и сѣла на окно. Гости уѣзжали съ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ, долго еще слышались ихъ колокольчики и бубенчики, появляясь и исчезая съ поворотами дороги. Наконецъ они совсѣмъ пропали.

Ночь была очень темная и душная, какъ часто бываетъ въ нашей сторонѣ и въ концѣ августа. Терраса и цвѣтники были освѣщены широкими полосами свѣта изъ оконъ столовой; тамъ слуги убирали со стола. На террасѣ слышались голоса Сони и Павла: они ходили и разговаривали... Мое окно было за самымъ концомъ длинной

---

[1]) Нюхательныя соли.

террасы, они говорили тихо, особенно Павелъ; но когда они подходили къ моей сторонѣ, до меня долетали отрывки ихъ фразъ, и я невольно ихъ слышала.

— Не заставляйте меня раскаиваться, что я все это позволяла...— говорила Соня очень ласково.

«Что-нибудь объ спектаклѣ», подумала я.

— Да и вы еще совсѣмъ ребенокъ, Павелъ, несмотря на ваши медали и дипломы...

— Я и говорю: черезъ два года,—горячо сказалъ Павелъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю ни слова, ни намека... — говорила Соня.—Это нѣмцы могутъ, потому что они только сентиментальничаютъ, а сами деревянные... Тогда я, можетъ быть, повѣрю въ постоянство Дубецкихъ,—засмѣялась она.

— Я не Борисъ,—вскрикнулъ съ негодованіемъ Павелъ.

— Два года для такихъ дѣтей... это цѣлая жизнь,—сказала горячо Соня...—Ну, полноте, Павелъ, у васъ будетъ дѣло... Ужъ поздно, вы забыли, что у васъ еще тамъ остались гости...

Соня ушла, а Павелъ долго еще ходилъ по террасѣ. Я такъ и заснула подъ его шаги, думая, какъ трудно Сонѣ справляться съ нашими кузенами.

Павелъ скоро уѣхалъ. Послѣднее время мы почти не видали его: онъ былъ или на охотѣ, или въ городѣ. «Сердится на Соню», думала я, вспоминая ихъ разговоръ ночью послѣ спектакля. Но, прощаясь съ ней, онъ былъ очень милъ, благодарилъ за ея доброту къ нему, за снисхожденіе къ его глупостямъ. Сказалъ, что если изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ, то только благодаря ей. Прощаясь съ Володей, велѣлъ ему держаться мужчиной, а не плакать, какъ теперь. Миссъ Смисъ обѣщалъ читать Диккенса и сдѣлаться образцовымъ англичаниномъ.

— Мы увидимся съ вами только черезъ два года, кузина,—сказалъ онъ мнѣ.—Постарайтесь не забыть, что есть на свѣтѣ Павелъ Дубецкій.

— Я никогда не забуду васъ, mon cousin, вы всегда были такъ добры ко мнѣ,—сказала я, готовая заплакать.

— Благодарю, кузина!.. Cela va me donner du courage... [1])

Возлѣ его экипажа толпились дворовые, сельскія власти. Онъ ласково простился съ ними и крикнулъ намъ, уѣзжая:

— Такъ черезъ два года, кузина?..

— Это онъ мнѣ или тебѣ?—спросила я Соню.

— Разумѣется, мнѣ,—сказала она смѣясь.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда Соня разсказала мнѣ настоящую причину папенькиной болѣзни, читала заграничныя письма ма-

---

[1]) Это придаетъ мнѣ бодрости.

меньки. Изъ нихъ видно было, какъ день за днемъ боролись они за его жизнь. «Что бы я тутъ дѣлала безъ Вавилы,—писала маменька:—я не знаю, когда онъ спитъ. По нѣмецки и по-французски объясняется не только съ прислугой, но и съ докторами, разумѣется, главное жестами, а тѣ хоть очень смѣются, но понимаютъ, въ чемъ дѣло». Въ послѣднемъ письмѣ изъ Москвы маменька ей писала: «Скажи Мирочкѣ, чтобы не встревожила отца при первомъ свиданіи. Предупреди ее, что онъ ходитъ съ клюкой, говоритъ запинаясь, что рука не совсѣмъ ему послушна. Онъ такой же горячій, какъ былъ, удрученъ тѣмъ, что тѣло ему не повинуется, и не любитъ, когда это замѣчаютъ. Чтобы встрѣтила его какъ здороваго».

Все это поразило меня. Страшная сцена въ кабинетѣ дяди такъ и стояла передо мной... Такъ вотъ что тамъ было!.. Вотъ какъ они тамъ жили!.. А я?.. Я веселилась... Даже были дни, что я ихъ только вспоминала на молитвѣ...

— Какъ вы могли скрыть отъ меня все это?—упрекала я Соню.

— Адріанъ Григорьевичъ написалъ всѣмъ намъ грозныя письма, даже дядюшкѣ; говорилъ, что такъ убить можно дѣвочку. А теперь маменька велѣла тебѣ все разсказать, все равно, ты сама увидишь...

Мое прощанье съ Грачами было очень грустное: всѣ плакали, даже маленькій Саша, потому что никто имъ не восхищался, а онъ къ этому не привыкъ: Володя и Саврасовъ провожали меня за нѣсколько верстъ. Прощаясь со мной, Володя опять забылъ, что онъ мужчина, плакалъ и говорилъ, что всегда будетъ жить со мной, когда выраститъ.

— Ужъ тогда и меня, старика, Владимиръ Николаевичъ, къ себѣ въ конюхи возьмите,—попросилъ Саврасовъ.

И онъ ему милостиво обѣщалъ.

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Александровичъ Демертъ.—Главные факты его жизни и характеристика его, какъ человѣка и писателя.—Два романа его—старорусскій и петербургскій.—Авантюристки, чающія замужества за литераторовъ.—Демертъ въ когтяхъ такой авантюристки.—Его помѣшательство и трагическая смерть въ Москвѣ.

I.

РАЧНАЯ трагедія Демерта имѣетъ ту особенность, что въ ней однимъ изъ главныхъ элементовъ является непризнанная и попранная любовь. Но прежде, чѣмъ повести рѣчь объ этой трагедіи, я считаю нелишнимъ познакомить читателей съ личностью Демерта, нынѣ почти забытою, тѣмъ не менѣе весьма замѣчательною.

Демертъ происходилъ изъ помѣщичьей семьи средняго достатка, Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда. Родился онъ въ 1835 году. У него было нѣсколько братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ самымъ младшимъ. Воспитывался онъ въ казанской гимназіи, куда поступилъ въ 1844 году, а вышелъ въ 1852 году; затѣмъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ по юридическому факультету. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ домашнимъ воспитателемъ у помѣщика Д—ва. Потомъ, послѣ кре-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 431.

стьянской реформы, былъ мировымъ посредникомъ первой серіи, причемъ имѣлъ возможность близко узнать крестьянскій бытъ, а съ открытіемъ земскихъ учрежденій сталъ членомъ чистопольскаго земства, а потомъ и предсѣдателемъ управы.

Но долгое пребываніе въ провинціи было ему не по нутру; онъ стремился въ столицы и сначала уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ 1865 году появился и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ рѣшился отдаться исключительно литературному труду, призваніе къ которому проявилось въ немъ еще въ гимназіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ груды его стиховъ того времени, тщательно имъ сохранявшихся, хотя напечатаны имъ до пріѣзда въ Москву только разсказъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1860 года «Изъ студенческихъ воспоминаній» да небольшая комедія въ «Современникѣ» 1861 года—«Гувернантка третьяго сорта съ музыкой».

Въ Москвѣ ему не повезло, и вся литературная дѣятельность этого времени исчерпывалась нѣкоторымъ участіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи В. Корша да въ «Развлеченіи». Увлекся онъ въ это время особенно сценой и едва не сдѣлался актеромъ.

Въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ товарищей своихъ по университету, работавшихъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Корша, гдѣ въ 1865 году ему было поручено завѣдывать отдѣломъ провинціальныхъ извѣстій. Одна изъ его замѣтокъ въ этомъ отдѣлѣ, выдававшаяся особенно живымъ юморомъ, оригинальнымъ складомъ и веселостью, обусловила знакомство его съ В. С. Курочкинымъ и положила начало постоянному сотрудничеству въ «Искрѣ», обошедшемуся этой газетѣ въ нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати. Въ 1867 году одинъ изъ его друзей посовѣтовалъ ему испытать свои силы въ романѣ, въ которомъ онъ могъ бы утилизировать свое разностороннее знаніе народной жизни. Демертъ горячо схватился за эту мысль, но, отвлеченный срочными работами, написалъ только начало, которое было напечатано въ «Невскомъ сборникѣ» 1867 года подъ заглавіемъ «Черноземныя силы». Въ злополучный для русской литературы 1867 годъ Демерту пришлось уѣхать изъ Петербурга въ Гдовъ и тамъ снова заняться педагогіей въ качествѣ домашняго учителя. Осенью же 1868 года онъ приглашенъ былъ въ «Отечественныя Записки», гдѣ почти до самой смерти помѣщались ежемѣсячно его хроники земства.

Хроники Демерта были весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ современной литературѣ. Прежде всего онѣ отличались глубокою страстностью. Ни одного слова не встрѣчалось въ нихъ, которое не задѣвало бы автора за живое, изъ-за котораго не обливалось бы кровью его сердце. Передъ вами былъ земецъ-практикъ, испытавшій земское дѣло на своей шкурѣ, отлично знавшій всѣ его тайны и поэтому способный, какъ никто, читать между строкъ сообщенія мѣст-

ныхъ газетъ и корреспонденцій изъ провинцій, печатавшихся въ столичной прессѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на земское дѣло онъ смотрѣлъ какъ на народное: это былъ страстный трибунъ народныхъ, крестьянскихъ интересовъ въ земствѣ; съ ненавистью, доходившею до ярости, набрасывался онъ на каждый такой фактъ изъ жизни земства, гдѣ онъ видѣлъ извращеніе общественнаго земскаго дѣла въ исключительную пользу какого-либо одного сословія въ ущербъ другимъ, безсовѣстную подтасовку земскихъ выборовъ или земскихъ управъ, или же невѣжественное непониманіе общихъ и взаимныхъ выгодъ. При отсутствіи обще-теоретическихъ обсужденій и обобщеній и при погруженіи исключительно въ міръ частныхъ, текущихъ фактовъ, хроники Демерта не могли имѣть такого успѣха и значенія въ столицѣ, какія онѣ имѣли въ провинціи. Если онѣ и читались столичною публикою, то благодаря своей страстности и остроумію. Зато въ провинціи каждая хроника Демерта поднимала бурю въ тѣхъ городахъ и земствахъ, о которыхъ шла рѣчь, и, вѣроятно, многіе герои хроникъ Демерта до конца жизни помнили этого безпощаднаго памфлетиста. Въ продолженіе своего недолгаго литературнаго поприща Демертъ неоднократно попадалъ на скамью подсудимыхъ, преслѣдуемый жертвами его памфлетовъ, по всей вѣроятности, ему пришлось бы не сходить съ этой скамьи, если бы статьи его не урѣзывались и не смягчались редакторами.

Несмотря на нѣмецкую фамилію, это былъ коренной русакъ, типическій выходецъ изъ заволжскихъ степей. Какъ достоинства, такъ и недостатки его обличали въ немъ непосредственную натуру, чуждую всякой выработки, надуманной принципіальности, двойственности. Это былъ человѣкъ наивно простодушный, искренній, руководившійся какъ въ хорошихъ, такъ и въ дурныхъ поступкахъ, тѣми импульсами, какіе овладѣвали имъ въ данную минуту. Это была въ то же время страстная натура, не теоретически только, но отъ всей души ненавидѣвшая всѣ вѣковыя неправды на Руси, и, какъ всѣ подобныя натуры, онъ былъ надломленъ этими неправдами. Надломленность эта выражалась опять-таки такъ же, какъ она выражается у русскихъ людей этого рода: именно наклонностью къ кутежамъ, которые, учащаясь и удлиняясь съ лѣтами, перешли подъ конецъ жизни въ запой. Всѣ такіе роковые пьяницы на Руси бываютъ мрачны и буйны во хмелю. Таковъ былъ и Демертъ. Помяловскій въ такомъ состояніи рыдалъ и проклиналъ свою жизнь и всю окружающую его дѣйствительность. Демертъ садился за фортепьяно или гармонику и начиналъ дикимъ, необработаннымъ, но громаднѣйшимъ басомъ распѣвать заволжскія разбойничьи пѣсни, а отъ нихъ переходилъ къ буйнымъ сценамъ и ругательствамъ. И этотъ же самый человѣкъ въ трезвомъ состояніи былъ крайне деликатенъ и обнаруживалъ подчасъ нѣжное и любящее сердце.

II.

Вотъ на почвѣ этого-то нѣжнаго и любящаго сердца и разыгрались въ жизни Демерта на моихъ глазахъ два романа, изъ которыхъ, если первый не привелъ ни къ чему, зато второй стоилъ герою жизни. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ сердце вселяло въ Демертѣ жажду любви и влекло его къ семейной жизни, наружность его была далеко не изъ такихъ, какія гарантируютъ семейное счастіе. Не первой уже молодости, неуклюжій медвѣдь, съ лицомъ, изрытымъ оспою, могъ ли онъ разсчитывать увлечь женщину, особенно такую, которой необходимо, чтобы герой ея романа блестѣлъ не одними душевными качествами, но и всѣми физическими совершенствами? Не мудрено, что ему пришлось жестоко поплатиться въ своихъ страстныхъ исканіяхъ.

Впрочемъ, въ первомъ романѣ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ доктора послали его въ Старую Руссу на грязевыя ванны. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ какою-то мѣщаночкой, кажется, чуть ли не съ квартирною хозяйкою. Связь эта была, повидимому, чисто физическая, тѣмъ не менѣе дѣло дошло до того, что Демертъ былъ готовъ жениться на своей возлюбленной. Пріѣхалъ онъ осенью въ Петербургъ съ непреклоннымъ намѣреніемъ обзавестить лишними деньжонками, пригласить шаферовъ и, не откладывая надолго, сыграть свадьбу. Невѣста осталась ждать его въ Старой Руссѣ. И деньги нашлись, и за шаферами дѣло не стало, но по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе окунался Демертъ въ омутъ петербургской жизни, его затянуло и съ руками, и съ ногами, и съ головой,—и показалось ему дикимъ и смѣшнымъ лѣтнее увлеченіе. Кончилось дѣло тѣмъ, что деньги, собранныя на свадьбу, были прокучены, шафера отпущены съ миромъ, и Демертъ съ хохотомъ объяснялъ своимъ пріятелямъ, что его женитьбѣ помѣшало то обстоятельство, что, пріѣхавши въ Петербургъ въ позднюю осень, онъ не могъ найти квартиры, подходящей для семейной жизни. Много смѣялись надъ чудачествомъ Демерта, отказавшагося отъ женитьбы за невозможностью найти квартиру, усматривали въ этомъ нѣчто подколесинское, но никому, какъ водится, при этомъ не пришло и въ голову: ну, а что же невѣста,—какъ относится она къ этому чудачеству? Тоже смѣется или плачетъ?

Къ оправданію Демерта въ настоящемъ случаѣ служитъ лишь то, что, во-первыхъ, надо полагать, что любовь Демерта не глубоко внѣдрилась въ сердце его и имѣла одинъ чувственный характеръ, а, во-вторыхъ, трудно предположить, чтобы, если бы бракъ состоялся, Демерта ждало что-либо доброе. Неравные браки интеллигентныхъ людей на простыхъ и необразованныхъ дѣвушкахъ

рѣдко бываютъ счастливы. Послѣ первыхъ же нѣжностей медоваго мѣсяца начинается семейный разладъ взаимнаго непониманія другъ друга. Мужа коробитъ и возмущаетъ отсутствіе въ женѣ малѣйшаго сочувствія къ его высокимъ гуманнымъ идеаламъ, низменныя матеріальныя требованія отъ жизни, грубое и несправедливое отношеніе къ дѣтямъ. Она отвѣчаетъ ему презрѣніемъ къ его непрактичности, неумѣнію загребать куши и ловить рыбу въ мутной водѣ, дѣлаетъ ему дикія сцены ревности, ссоритъ его съ друзьями, почему-либо не сумѣвшими заслужить ея расположеніе. Начинаются ожесточенные споры и ссоры, доходящіе до такихъ сумасшедшихъ выходокъ, какъ бросаніе котлетъ въ лицо или шлепанье туфлями по щекамъ и пр. и пр. Лучшее, чего могъ ждать Демертъ, это имѣть въ качествѣ жены безотвѣтную рабыню, пекущую вкусные пироги, но неспособную въ то же время связать двухъ-трехъ словъ о предметахъ, превышающихъ горизонты кухни и дѣтской.

III.

Вскорѣ послѣ перваго послѣдовалъ въ жизни Демерта второй романъ, причемъ бѣднягѣ предстояло попасть изъ огня да въ полымя. Это была уже не чувственная только страсть къ смазливенькой мѣщаночкѣ, а глубокое чувство къ интеллигентной дѣвушкѣ, съ которой Демертъ мечталъ дѣлить радость и горе въ продолженіе всей жизни. Само собою разумѣется, Демертъ видѣлъ въ ней вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей и чуть не молился на нее, и, конечно, дѣйствительность не имѣла ничего общаго съ воображаемымъ идеаломъ.

Въ литературные кружки, въ особенности стоящіе впереди и руководящіе общественнымъ движеніемъ, время отъ времени вторгаются особеннаго рода искательницы приключеній и устроительницы карьеры въ чаяніи уловить въ свои сѣти того или другого члена кружка. Я говорю не о тѣхъ поклонницахъ-психопаткахъ, которыя роятся вокругъ той или другой модной знаменитости, бѣгаютъ взапуски за каретами теноровъ и дѣлаютъ всяческія оваціи популярнымъ писателямъ. Такого рода поклонницы осыпаютъ цвѣтами и увѣнчиваютъ свои кумиры зачастую совершенно безкорыстно, изъ одного беззавѣтнаго увлеченія, не имѣя въ то же время никакихъ видовъ на нихъ. Я же разумѣю такихъ барынь, по большей части не первой уже молодости, которыя готовы бываютъ ухаживать вовсе даже не за модной знаменитостью первой величины, а за членомъ кружка средней руки, имѣя въ виду честолюбивое желаніе втереться въ кружокъ въ качествѣ жены одного изъ его членовъ, все равно какой—законной или гражданской.

Кружокъ «Отечественныхъ Записокъ» не избѣгъ отъ вторженія такого рода ловительницъ рыбокъ въ мутной водѣ. Такъ, на вто-

рой же годъ аренды появилась на горизонтѣ кружка нѣкая Л. Ож. Она написала романъ, который былъ принятъ Салтыковымъ и печатался въ нѣсколькихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1869 годъ. Это была женщина лѣтъ уже за сорокъ, нельзя сказать, чтобы мало-мальски красивая или хотя бы миловидная. Она пріѣхала изъ какой-то, должно быть, очень глухой провинціи, судя по тому, что на рубежѣ 70-хъ годовъ въ ея лицѣ сохранился въ чистѣйшемъ видѣ типъ сентименталистки даже не 40-хъ годовъ, а, по крайней мѣрѣ, 20-хъ, т.-е. эпохи Карамзина. Всѣ атрибуты сентиментализма были налицо: и закатыванья глазъ, и томные вздохи, и готовность каждую минуту пролить горькія слезы и даже зарыдать. Она не допускала въ жизни никакихъ слабостей вродѣ самыхъ невинныхъ развлеченій или той не лишенной порою остроумія, но въ то же время совершенно безцѣльной болтовни, какою пробавляются всѣ смертные въ часы досуга, не исключая и дѣлающихъ исторію. Она требовала, чтобы каждая минута въ жизни была посвящена рѣшенію міровыхъ вопросовъ. Такъ, однажды, въ іюлѣ, во Второмъ Парголовѣ, на дачѣ у Елисѣевыхъ я, Н. Курочкинъ и Демертъ лежали на лужкѣ и млѣли отъ чисто тропическаго зноя. Намъ было невмоготу связать двѣ-три мысли въ головѣ, а она приставала, чтобы мы рѣшили ей, какой изъ героевъ романа Шпильгагена выше, Андре Лео или Вальтеръ. Приходилось отмахиваться отъ нея, какъ отъ назойливой мухи.

Въ другой разъ она пришла ко мнѣ ради рѣшенія подобнаго же вопроса и застала меня за пулькой преферанса съ матушкой и сестрою. Какъ? Скабичевскій, и чѣмъ занимается!.. Картами!.. Она заплакала и, не въ состояніи будучи выносить такое позорное зрѣлище, ушла, замѣтивъ на прощанье, что презираетъ жалкое человѣчество, достойное слезъ и смѣха; собаки, по ея мнѣнію, неизмѣримо выше людей своею правдивостью и честностью.

Особенно хороша она была, когда пришла къ Елисѣевымъ и разразилась громкими рыданіями. Оказалось, что ее разогорчило то, что героиня ея романа должна была умереть въ злѣйшей чахоткѣ, а злодѣй Салтыковъ взялъ да и повѣнчалъ героиню съ героемъ.

Такъ вотъ эта самая Ож. по очереди бросалась на шею всѣмъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и объяснялась въ любви, предлагая руку и сердце. При этомъ она не ограничилась одними холостыми членами редакціи, а не преминула броситься на шею и старику Елисѣеву, увѣряя, что она лучше способна цѣнить его и вообще во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣе быть подругой его жизни, чѣмъ Екатерина Павловна. Курьезнѣе всего то, что Екатерина Павловна начала серьезнѣйшимъ образомъ ревновать ее.

Нѣсколько лѣтъ спустя, подобною же искательницей руки и сердца писателей явилась нѣкая В. Это была полька, брюнетка. Она была далеко не столь сентиментальна, какъ Ож., и старалась

завоевать сердце кого-либо изъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» путемъ хитраго кокетства. Впрочемъ, она не ограничивалась однимъ этимъ женскимъ оружіемъ, а обладая, повидимому, воинственными наклонностями, прибѣгала и къ огнестрѣльному оружію. Такъ, пококетничавши кое съ кѣмъ изъ членовъ редакціи, она остановилась на Гл. Ив. Успенскомъ и устремила на него самую горячую атаку. Она положительно гонялась за нимъ по пятамъ: онъ въ Сябринцы, гдѣ у него была дачка, и гдѣ онъ проживалъ съ семьей зиму и лѣто, и она въ Сябринцы; онъ въ Петербургъ, и она въ Петербургъ, угрожая при этомъ порою револьверомъ (вѣроятно, не заряженнымъ). Наконецъ, онъ началъ прятаться отъ нея, едва заслышитъ ея голосъ въ сѣняхъ, куда придется, подобно герою гоголевской «Коляски». Тогда она начала осаждать жену его, Александру Васильевну, и убѣждать ее, чтобы она уступила Глѣба Ивановича ей, такъ какъ она болѣе достойна во всѣхъ отношеніяхъ быть подругой его жизни, и съ нею онъ будетъ неизмѣримо счастливѣе. Не помню ужъ, какъ отдѣлались они въ концѣ концовъ отъ этой атаки.

IV.

Къ числу такихъ же устроительницъ матримоніальной карьеры принадлежала и Д., которую судьба послала Демерту на погибель. Это была одна изъ тѣхъ «переводчицъ», которыми въ обиліи снабжали Петербургъ разные медвѣжьи углы. Дочь, конечно, ужъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, она была одной изъ тѣхъ раздвоенныхъ натуръ, которыхъ высокіе идеалы влекли въ одну сторону, а дворянское, салонное воспитаніе въ другую. Въ ней было всего понемножку: и мечты о самопожертвованіи, и жажда наслажденій, блеска, поклоненій, и готовность закабалиться въ деревенскую глушь ради скромнаго и невиднаго труда сельской учительницы, и тщеславная потребность гордаго возвышенія надъ толпою и самолюбованія на трибунѣ среди грома рукоплесканій, и презрѣніе къ пошлости и суетѣ свѣтской жизни, и брезгливое отвращеніе отъ простоты и бѣдности обстановки людей честнаго труда.

Пріѣхавши въ Петербургъ послѣ смерти отца, испытавши разныя мытарства и разочарованія, и голодъ, и холодъ, барышня нашла переводную работу въ какой-то редакціи, гдѣ работалъ и Демертъ. Они познакомились и подружились, причемъ Демертъ влюбился въ барышню по-уши. Съ каждымъ днемъ она становилась ему дороже и милѣе, такъ какъ ловко умѣла поддѣлаться къ его интересамъ, дѣлая видъ, что ее интересуютъ и земства, и налоги, и полемика его съ врагами, и съѣздъ сельскихъ хозяевъ, и статистическій конгрессъ, и выставка картинъ. Они всюду ходили вмѣстѣ

и жили комната противъ комнаты, черезъ коридоръ, въ меблированныхъ номерахъ.

Демерту, конечно, мало было одной дружбы съ барышней; онъ жаждалъ полной любви. А она... она очень походила на одну изъ героинь, не помню, Гоголя или Островскаго, которая любила заниматься тѣмъ, чтобы мужчину приблизить и потомъ отдалить, опять приблизить и опять отдалить. Такъ и барышня наша поступала съ Демертомъ: то она окружала его нѣжнымъ участіемъ и попеченьями, старалась его поддерживать, ободрять и зажигала въ немъ свѣтлыя надежды; онъ пріободрялся, молодѣлъ, покупалъ себѣ новый фетръ и даже лайковыя перчатки самаго моднаго цвѣта. То вдругъ начинала нервничать, капризничать, не говорила съ нимъ и запиралась отъ него по цѣлымъ днямъ. Онъ впадалъ тогда въ окончательное уныніе и принимался пить горькую.

Въ ней, очевидно, происходила борьба. Ей льстила возможность сочетаться съ хроникеромъ «Отечественныхъ Записокъ» и войти, такимъ образомъ, въ нашъ кружокъ. Но слишкомъ ужъ былъ непрезентабеленъ этотъ хроникеръ. Ему ли, горемычному, нечесанному, небритому, обрюзгшему, съ виннымъ запахомъ изо рта, съ унылыми, мутными взорами, неловкими манерами, нетвердою походкою и съ проклятіями на устахъ на свою злосчастную долю, прельстить барышню, въ головкѣ которой мелькали идеалы совсѣмъ иного характера. Ей нужно было Вронскаго, который при атлетическихъ формахъ сумѣлъ бы и въ вальсѣ увлечь ее на седьмое небо, и лихо прогарцовать рядомъ съ нею на бѣшеномъ конѣ.

Такой герой и явился въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ проходимцевъ, какіе часто встрѣчались въ то время среди пишущей братіи и учащейся молодежи. По внѣшности словно какъ бы и настоящій герой прогресса, послѣдователь Лассаля и агитаторъ вродѣ шпильгагенскаго Лео; на самомъ же дѣлѣ, по словамъ самого Демерта, «наглый хлыщъ, какой-то бѣглый маркеръ изъ плохого трактира, одинъ изъ тѣхъ моншеровъ, которые существуютъ или на счетъ старыхъ купчихъ, или въ крайности рѣшаются на кражу старыхъ брюкъ у товарищей по работѣ, за что, разумѣется, выталкиваются въ шею»...

Увлекши шальную барышню турами бѣшенаго вальса, нашему Лео изъ плохого трактирчика ничего не стоило сдѣлать ее матерью и благополучно скрыться невѣдомо куда. Этотъ романъ, происходившій на глазахъ Демерта, потрясъ всѣ его душевныя силы до полнаго умопомраченія. Не имѣя никакихъ правъ на дѣвушку, онъ тѣмъ не менѣе въ пьяномъ видѣ дѣлалъ ей дикія сцены ревности, а когда отрезвлялся, являлся къ ней съ повинной головой, ползалъ передъ нею на колѣняхъ и умолялъ ее дать ему двѣ плюхи въ обѣ щеки. Говорили, будто, когда она родила, онъ предлагалъ ей взять на воспитаніе ея ребенка, но ребенокъ въ скоромъ времени умеръ, и сама она куда-то стушевалась.

V.

Послѣ этого романа, а также двухъ самоубійствъ близкихъ и любимыхъ родственниковъ Демерта, жизнь его представляла собою медленную агонію. Онъ пилъ теперь уже мертвую чашу, почти не отрезвляясь, и ходилъ среди своихъ товарищей живымъ трупомъ. Онъ сохранялъ, повидимому, полное сознаніе, отправлялъ всѣ свои служебныя и личныя дѣла, ходилъ въ гости, интересовался политикой и общественными вопросами, но во всемъ этомъ началъ обнаруживать ненормальную забывчивость, разсѣянность и сумбурность во всѣхъ своихъ разговорахъ и дѣйствіяхъ. То, придя въ большое общество, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и ни съ кѣмъ не здороваясь, садился къ столу и просиживалъ весь вечеръ, положивъ голову на столъ; то, придя домой, забывалъ снять шубу и просиживалъ въ ней до утра; то не узнавалъ близкихъ знакомыхъ; то при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ посвящалъ его въ такія обстоятельства, до которыхъ этому господину не было ни малѣйшей надобности, радовалъ его, напримѣръ, извѣстіемъ, что у А. родилась дочь, а Б. уѣхалъ въ Москву.

Въ редакціонныя занятія онъ внесъ тотъ же сумбуръ: то совсѣмъ не являлся составлять хронику для «Биржевыхъ Вѣдомостей», то составлялъ ее такимъ образомъ, что у него одно извѣстіе являлось напечатаннымъ нѣсколько разъ въ одномъ номерѣ изъ разныхъ газетъ; то онъ вырѣзывалъ изъ провинціальной газеты извѣстіе, которое эта провинціальная газета перепечатывала изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Въ такомъ же сумбурномъ видѣ были представлены имъ послѣднія хроники въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», не напечатанныя редакціею за невозможностью.

При этомъ очевидномъ разстройствѣ мозга оно, однакоже, не достигало все-таки до такой степени, при которой человѣка подвергаютъ медицинскому надзору или отправляютъ въ психіатрическую лечебницу. Это было гибельнымъ несчастіемъ для Демерта, такъ какъ, въ чаду своего помѣшательства и не переставая пить, онъ уѣхалъ въ Москву, и никто не обратилъ на это вниманія. Въ Москвѣ онъ остановился въ одной изъ видныхъ московскихъ гостиницъ, но какимъ-то образомъ попалъ въ дрянненькій трактиришко, въ общество темныхъ личностей, московскихъ жуликовъ, за которыми давно уже слѣдила полиція. Три дня хороводился онъ съ этими людьми въ безпросыпномъ хмелю и былъ, наконецъ, захваченъ полиціею вмѣстѣ съ этими подонками московскаго населенія. Когда онъ проспался и проснулся въ части, онъ началъ удостовѣрять пристава въ своей личности и въ отсутствіи какой-либо солидарности съ людьми, съ которыми онъ былъ схваченъ, кромѣ одного общаго кутежа при случайной встрѣчѣ въ трактирѣ. Полицей-

скій приставъ навелъ справку. Дѣйствительно, оказалось мѣсто жительства Демерта въ извѣстной гостиницѣ; документы его были тамъ налицо, причемъ прислуга гостиницы извѣстила, что этотъ самый Демертъ остановился въ гостиницѣ, затѣмъ исчезъ и три дня не являлся. Чего, казалось бы, недоставало еще, чтобы отпустить совершенно невиннаго человѣка? Но приставу всего этого было мало; видно, литературная извѣстность Демерта никогда не доходила до его административныхъ ушей, — это былъ такой спеціалистъ своего дѣла, которому некогда было интересоваться, что творится въ литературѣ и кто ее пишетъ. Какъ бы то ни было, а Демертъ былъ задержанъ при части на испытаніе, захворалъ, попалъ въ полицейскую больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Кто закрылъ глаза несчастному? Можетъ быть, пьяный фельдшеръ не разъ пихнулъ и дернулъ его въ предсмертной агоніи и напутствовалъ его въ могилу грубыми ругательствами. А гдѣ его могила? И есть ли у него могила? Можетъ быть, его, какъ безвѣстнаго арестанта, умершаго въ части, отправили въ университетскій анатомическій кабинетъ и тамъ распотрошили рядомъ съ трупомъ одного изъ жуликовъ, съ которыми онъ былъ захваченъ.

Господи! Подумать только: и это одинъ изъ постоянныхъ и талантливѣйшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нѣсколько словъ объ остальныхъ постоянныхъ сотрудникахъ «Отечественныхъ Записокъ»: Д. И. Писаревѣ, Ѳ. М. Рѣшетниковѣ, Гл. Ив. Успенскомъ, А. Н. Плещеевѣ, С. Н. Кривенкѣ.

I

Чтобы очертить вполнѣ кружокъ писателей, группировавшихся вокругъ «Отечественныхъ Записокъ», мнѣ остается сказать по нѣскольку словъ еще о нѣкоторыхъ личностяхъ.

Такъ, въ числѣ писателей, призванныхъ Некрасовымъ къ участію въ журналѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, какъ извѣстно, Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. Но онъ не сближался ни съ кѣмъ изъ насъ, рѣдко бывалъ въ редакціи, не принималъ участія и въ нашихъ вечеринкахъ. Ему было, очевидно, не до насъ. Онъ былъ въ это время весь поглощенъ своею любовью къ Марку Вовчку. Уже въ 1867 году, когда однажды я посѣтилъ его, онъ жаловался мнѣ, что ничего не можетъ писать: что ни напишетъ, то сейчасъ же рветъ въ клочки.

— И еще бы,—присовокупилъ онъ:—такая ужъ моя судьба быть влюбленнымъ въ своихъ родственницъ, и каждый разъ одинаково неудачно!

Надо замѣтить при этомъ, что Марко Вовчокъ приходилась ему чѣмъ-то вродѣ двоюродной или троюродной сестры.

Не знаю ужъ, насколько были успѣшны его ухаживанія въ слѣдующемъ, 1868 году; достовѣрно было лишь то, что онъ жилъ уже въ этомъ году на одной квартирѣ съ предметомъ своей страсти и почти безвыходно сидѣлъ дома. Одинъ разъ только онъ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ Некрасовымъ въ январѣ 1868 года по случаю выхода первой книжки «Отечественныхъ Записокъ». Я гдѣ-то писалъ уже о томъ щекотливомъ положеніи, которое испытывалъ Писаревъ, сидя за однимъ столомъ съ Щедринымъ, котораго такъ недавно еще онъ сводилъ къ нулю въ своей статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора». Это щекотливое положеніе и вызвало у него замѣчаніе, съ которымъ онъ, сидя рядомъ со мною, обратился ко мнѣ:

— Мы съ тобою точно двѣ институточки, которыхъ начальница удостоила присутствовать на своемъ парадномъ обѣдѣ.

Замѣчаніе это могло относиться ко мнѣ, какъ къ писателю, дѣйствительно, начинающему и мало еще извѣстному, но странно было слушать его изъ устъ писателя, имя котораго возбуждало энтузіазмъ въ молодежи по всей Россіи и литературная дѣятельность котораго уже оканчивалась, но на самомъ дѣлѣ оно было какъ нельзя болѣе естественно.

Это была не одна только присущая Писареву врожденная скромность. Надо принять въ соображеніе всѣ обстоятельства его несчастной жизни, чтобы понять, что до самаго конца ея онъ могъ продолжать считать себя литературнымъ пижономъ. Едва началъ онъ сотрудничать въ «Русскомъ Словѣ», какъ былъ арестованъ и пять лѣтъ просидѣлъ въ крѣпости. Здѣсь онъ былъ постоянно подъ ферулой Благосвѣтлова, который держалъ его въ черномъ тѣлѣ и по своему обыкновенію позволялъ себѣ дѣлать съ его статьями все, что ему приходило въ голову. Затѣмъ по выходѣ на свободу Писаревъ возился со своею несчастною любовью. Вообще, нужно сказать, жизнь не улыбалась ему; бѣды и неудачи такъ и сыпались на его больную голову. Нервы его были сильно издерганы, когда весною 1868 года онъ пришелъ въ редакцію заявить, что уѣзжаетъ на лѣто въ Дубельнъ купаться въ морѣ, именно по причинѣ крайняго разстройства нервовъ... И затѣмъ никто изъ насъ болѣе не видалъ его: онъ, какъ извѣстно, утонулъ, купаясь въ морѣ, и въ Петербургъ привезли его трупъ.

Не многимъ дольше вращалась среди насъ и другая призванная Некрасовымъ знаменитость 60-хъ годовъ въ лицѣ Ѳедора Михайловича Рѣшетникова. Стоило разъ увидѣть Рѣшетникова, чтобы непрезентабельная наружность его навсегда запечатлѣлась въ ва-

шей памяти. Невысокаго роста, съ лицомъ широкимъ, какъ лопата, круглымъ и лунообразнымъ, съ узенькими подслѣповатыми глазками и широкимъ мясистымъ ртомъ, онъ выглядѣлъ типическимъ инородцемъ монгольской расы, напоминая собою одного изъ тѣхъ подлиповцевъ, которыхъ онъ изобразилъ въ своей знаменитой повѣсти,—особенно, когда начиналъ посасывать свою носогрѣечку съ коротенькимъ чубучкомъ.

Но какъ ни была непрезентабельна его наружность, какъ ни былъ застѣнчивъ, робокъ, неловокъ, угрюмъ и неразговорчивъ онъ въ обществѣ, тѣмъ не менѣе простой, искренній, дѣтски наивный, какъ ребенокъ или дикарь, попавшій въ столичный омутъ прямо изъ дремучихъ лѣсовъ своей далекой родины, онъ привлекалъ людей непосредственностью и цѣльностью своей натуры и въ то же время вызывалъ невольную улыбку при видѣ анекдотически-комичныхъ проявленій наивнаго незнанія ни людей, ни жизни.

Такъ, біографъ Рѣшетникова Глѣбъ Успенскій разсказываетъ, какъ Рѣшетниковъ по старой афишкѣ думая попасть на концертъ, тщетно порывался въ своей плохонькой одежонкѣ войти въ дворянское собраніе; его не пустили ни въ одинъ подъѣздъ, «прогнали прочь», какъ онъ выразился; онъ разсердился, выругался; на него прикрикнули: «Куда лѣзешь? Кто ты такой?» — «Мастеровой!» отвѣчалъ Рѣшетниковъ. Результатомъ такого отвѣта было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый и безъ кольца.

Я былъ свидѣтелемъ другого случая въ такомъ же родѣ, не имѣющаго, впрочемъ, такого драматическаго характера, а исключительно комическаго. Однажды мы собрались на вечеринку къ Демерту. Вечеринка подходила уже къ концу; сѣли ужинать. Рѣшетникова все еще не было. Думали, что онъ совсѣмъ уже не будетъ. Какъ вдругъ часовъ около двѣнадцати является онъ сильно уже навеселѣ. По словамъ его, оказалось, что онъ былъ въ итальянской оперѣ, въ Большомъ театрѣ, ходилъ слушать Патти. Забрался онъ въ парадизъ и ничего не видѣлъ,—одна люстра передъ глазами.—Ну, а какъ же нашелъ онъ голосъ дивы?—спрашиваютъ у него.

— Что голосъ?—отвѣчаетъ онъ мрачнымъ тономъ.—Выдумали тоже голосъ! Кричатъ всѣ: Патти, Патти! Вышла, завизжала, какъ кошка драная! Я рукой махнулъ и весь вечеръ въ буфетѣ просидѣлъ... Вотъ ваша Патти!..

Въ концѣ концовъ оказалось, что Патти въ тотъ вечеръ совсѣмъ и не пѣла. Рѣшетниковъ не позаботился заглянуть въ афишу и принялъ за Патти другую какую-то пѣвицу.

Помню я еще одинъ комическій эпизодъ, случившійся въ самой редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Въ одинъ изъ пріемныхъ понедѣльниковъ собралось въ редакціи человѣкъ до тридцати. Зашла рѣчь о томъ, что въ прежнія времена беллетристы были несравненно образованнѣе и начитаннѣе нынѣшнихъ.

— Нынѣшніе только и знають, что пишуть, а сами ничего не читають, кромѣ своихъ собственныхъ сочиненій,—ораторствовалъ Салтыковъ,—вотъ хоть бы Рѣшетниковъ...

Приведя въ примѣръ Рѣшетникова, Салтыковъ былъ въ полной увѣренности, что Рѣшетникова не было въ редакціи. А Рѣшетниковъ какъ разъ въ эту самую минуту вошелъ и стоялъ сзади Салтыкова, такъ что тотъ его не видѣлъ. И представьте себѣ смущеніе Салтыкова, когда вдругъ сзади него раздался голосъ Рѣшетникова:

— Пятьсотъ томовъ собралъ,—всѣ подлецы растащили!

Раздался, конечно, общій хохотъ. Не помню ужъ, какъ вывернулся Салтыковъ изъ неловкаго положенія.

III.

Съ поступленіемъ съ 1868 года въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» съ опредѣленнымъ ежемѣсячнымъ жалованьемъ, Рѣшетниковъ избавился отъ той страшной нужды, какую терпѣлъ въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ. Онъ получилъ теперь возможность нанять маленькую квартирку въ три комнатки и завести кое-какую обстановочку. Будучи женатъ на своей землячкѣ и имѣя отъ нея двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, онъ даже нанялъ для нихъ гувернантку. Но съ этой гувернанткой случился эпизодъ весьма прискорбнаго характера, а главное дѣло, такого рода, что его можно предположить гдѣ угодно, только не въ домѣ Рѣшетникова.

Я познакомился лично съ Рѣшетниковымъ въ 1870 году, и въ маѣ того года былъ приглашенъ имъ на какое-то семейное торжество. Онъ проживалъ въ то время на Петербургской сторонѣ, по Кронверкскому проспекту. Я нашелъ у него довольно многочисленное общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и неизвѣстныхъ мнѣ людей. Въ числѣ послѣднихъ былъ представленъ мнѣ, къ моему удивленію, князь Шахъ-Назаровъ-Гохчайскій. Присутствіе титулованной особы въ салонѣ Рѣшетникова вызывало невольную улыбку, хотя, по правдѣ сказать, князь, нельзя сказать, чтобы имѣлъ соотвѣтствующую его титулу внѣшность. Средняго роста, приземистый, въ старенькомъ пиджачкѣ, онъ не только по наружности, но и по всѣмъ манерамъ и ухваткамъ походилъ скорѣе на маркера захолустнаго трактиришки, чѣмъ на князя, а тѣмъ болѣе ни по своей бѣлокурой масти, ни по росту нисколько не напоминалъ «восточнаго человѣка», на что имѣлъ претензію, судя по фамиліи.

Что касается хозяина, то онъ не оказывалъ князю ни на волосъ болѣе вниманія, чѣмъ всѣмъ прочимъ гостямъ, также молчаливо и угрюмо сосалъ свою носогрѣечку. Напротивъ того, во время

обѣда онъ жестоко оборвалъ его, выказавъ себя, по чисто рыцарской гуманности, цѣлою головой выше своихъ гостей, кичившихся своимъ высокимъ развитіемъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря близкимъ еще традиціямъ крѣпостного права, и до сего дня стоитъ собраться у насъ нѣсколькимъ людямъ, непремѣнно найдутъ они въ компаніи смѣшного человѣка, котораго обратятъ въ шута, и начнутъ взапуски потѣшаться надъ нимъ, пока не доведутъ его до слезъ или какого-нибудь скандала. Не обошлось безъ шута и на обѣдѣ у Рѣшетникова. Незавидную роль эту взялъ на себя какой-то на этотъ разъ несомнѣнно восточный человѣкъ, черный, съ курчавыми волосами и въ грузинскомъ костюмѣ. Немного подпивши, онъ пустился въ откровенные разговоры, несмотря на то, что находился въ чужомъ обществѣ, среди людей, которыхъ видѣлъ въ первый разъ: началъ въ отчаяніи бить себя въ грудь, заявляя, что онъ самый несчастный человѣкъ, что въ жизни ему ничего не удается, потому что онъ дуракъ и всѣ надъ нимъ смѣются. Надъ нимъ и дѣйствительно всѣ начали смѣяться, причемъ лица у смѣющихся сдѣлались злыми, хищными; бѣднягу довели до того, что онъ зарыдалъ. При этомъ болѣе всѣхъ глумился надъ несчастнымъ князь Гохчайскій. Вдругъ раздается со стороны хозяина такой сильный ударъ кулакомъ по столу, что и бутылки, и стаканы, и тарелки подпрыгнули; что-то упало и разбилось. Разомъ воцарилось глубокое молчаніе, и среди него раздался грозный голосъ хозяина:

— Прошу прекратить эти насмѣшки! Я не позволю, чтобы въ моемъ домѣ издѣвались надъ моими гостями! Это подло, гадко!

Нужно ли и говорить о томъ, что травля человѣка тотчасъ же прекратилась.

Между тѣмъ, какъ хозяинъ выказалъ себя такъ безподобно, женскій персоналъ, напротивъ того, былъ очень польщенъ присутствіемъ князя; за нимъ ухаживали, съ нимъ кокетничали; только и слышно было вокругъ: князь, князя, князю... И что же впослѣдствіи вдругъ оказалось! Оказалось, что князь вовсе не былъ княземъ, а мѣщаниномъ, и не Шахъ-Назаровымъ-Гохчайскимъ, а Бабаевымъ. Онъ вскорѣ послѣ того судился за многоженство и самозванство и былъ сосланъ въ мѣста отдаленныя. Онъ занимался тѣмъ, что являлся въ тотъ или другой городъ подъ разными именами и съ подложными паспортами, сватался къ какой-нибудь выгодной невѣстѣ съ кругленькимъ капитальчикомъ, и если ему не удавалось завладѣть приданымъ ея до женитьбы, въ качествѣ жениха, то онъ вступалъ въ бракъ, а затѣмъ, прокутивъ женины деньги, скрывался изъ города.

Удивительно, какъ могъ подобный проходимецъ попасть въ домъ Рѣшетникова! Надо полагать, что онъ пробрался вслѣдъ за гувернанткою въ качествѣ ея ухаживателя. Это была молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, ослѣпительной красоты и во всѣхъ отношеніяхъ

симпатичная. Бабаевъ же не ограничивался одн҇ѣми богатенькими невѣстами, а между дѣломъ, будучи большимъ сердцеѣдомъ, лакомился и бѣдненькими жертвами своего ненасытнаго сластолюбія. Гувернанткѣ Рѣшетникова пришлось сдѣлаться одною изъ такихъ жертвъ. Мало-по-малу Бабаевъ совсѣмъ поселился въ домѣ Рѣшетникова, едва ли не сталъ жить на его счетъ. Рѣшетникову пришлось куда-то отлучиться со всѣмъ своимъ семействомъ на мѣсяцъ, на два. Гувернантка осталась при квартирѣ. Пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, Бабаевъ овладѣлъ несчастной дѣвушкой, увезъ ее, затѣмъ, конечно, бросилъ.

Не прошло и года послѣ этого, какъ Рѣшетникова уже не стало. Я навѣщалъ его передъ самой его смертью. Онъ уже лежалъ, но былъ въ полномъ сознаніи. У него былъ отекъ легкихъ, но онъ, повидимому, и не подозрѣвалъ объ этомъ: покуривалъ свою носогрѣечку и сосалъ леденцы отъ кашля. Говорили, что и передъ самой кончиной онъ попросилъ дать ему затянуться и вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ испустилъ и духъ свой.

Я въ своей жизни не запомню другихъ литературныхъ похоронъ, столь жалкихъ и убогихъ, какъ похороны Рѣшетникова. Въ тепленькій, но пасмурный мартовскій день тянулись по Лиговкѣ къ Волкову простенькія дроги, на которыхъ возятъ обыкновенно бѣднѣйшихъ ремесленниковъ или канцелярскихъ писцовъ. Угрюмый возница съ печатью нетрезваго поведенія на челѣ, въ черномъ плащѣ съ короткимъ капюшономъ и въ помятомъ цилиндрѣ управлялъ парою жалкихъ одровъ, покрытыхъ грязными и измызганными черными попонами. На дрогахъ возвышался ординарный гробъ изъ самыхъ дешевенькихъ. За гробомъ шла вдова въ глубокомъ траурѣ и вся въ слезахъ, и двое маленькихъ дѣтишекъ съ дѣтскою безпечностью весело провожали папашу, не думая, конечно, что они никогда болѣе его не увидятъ. Далѣе шли вразсыпную человѣкъ десять-пятнадцать братьевъ-писателей и близкихъ знакомыхъ. Корифеевъ «Отечественныхъ Записокъ», ни Некрасова, ни Салтыкова, ни Елисѣева я что-то не запомню за гробомъ. Ни депутацій съ вѣнками, ни прочувствованныхъ рѣчей на могилѣ: отвезли на кладбище, отпѣли, безмолвно опустили въ могилу, засыпали землею и молча разошлись въ разныя стороны.

Надо сказать правду, полиція оказала болѣе почета умершему литератору, чѣмъ братья-писатели: она озаботилась послать на похороны своего тайнаго агента, ожидая, конечно, что похороны могутъ имѣть политически-демонстративный характеръ, такъ какъ отправляли къ праотцамъ писателя-народника, радикальнаго образа мысли. У меня былъ товарищъ по гимназіи, Калпаковъ. Онъ покинулъ гимназію въ одномъ изъ низшихъ классовъ, и я его совсѣмъ потерялъ изъ виду. Слышалъ только, что онъ поступилъ въ сыщики въ тайную полицію. И вдругъ онъ явился ни съ того, ни съ сего на

похороны Рѣшетникова, проводилъ гробъ до кладбища, присутствовалъ и на отпѣваніи, и при опущеніи тѣла въ могилу, и удалился послѣднимъ, набожно перекрестившись,—отправился, по всей вѣроятности, докладывать по начальству, какъ вели себя радикальные писатели.

IV.

О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, о которомъ я намѣренъ теперь вести рѣчь, такъ много уже появилось воспоминаній послѣ его смерти, что на мою долю врядъ ли осталось что-либо новое. Поэтому я полагаю ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ фактовъ, разсѣянныхъ въ воспоминаніяхъ о немъ современниковъ.

Познакомился я съ Успенскимъ въ первомъ же году новой редакціи «Отечественныхъ Записокъ», въ 1868 году. Лѣтомъ въ этомъ году я проживалъ во Второмъ Парголовѣ, въ сообществѣ съ писателемъ Н. А. Александровымъ и студентомъ Сѣриковымъ. Лѣто было такое знойное, что я не запомню въ теченіе всего нашего пребыванія на дачѣ ни одного дождя. Кругомъ, какъ водится въ такія сухія лѣта, горѣли лѣса и болота, пахло гарью и дымъ сгущался порою до того, что совсѣмъ закрывалъ солнце и превращалъ іюльскій день въ сумерки, а по ночамъ небо кругомъ было объято заревами. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ дней, поздно вечеромъ, когда мы собирались уже на покой, у нашей дачи остановилась чухонская таратайка, и передъ нами предсталъ изъ дыма пожаровъ Глѣбъ Ивановичъ, проживавшій въ то лѣто въ Стрѣльнѣ вмѣстѣ съ Н. Ст. Курочкинымъ. Онъ былъ не одинъ, а въ сопровожденіи, не помню, какого-то спутника. Пріѣхалъ онъ къ Александрову, но само собою разумѣется, что и я не замедлилъ съ нимъ познакомиться. Какой онъ былъ въ то время еще юный, какой веселый! Въ то время онъ былъ далекъ еще отъ исканій «настоящаго мужика», писалъ «Нравы Растеряевой улицы». Надо полагать, что знакомство его съ Александровымъ, съ которымъ онъ не могъ имѣть ничего общаго, обусловливалось тѣмъ, что до того времени онъ помѣщалъ свои очерки въ «Женскомъ Вѣстникѣ», гдѣ Александровъ писалъ рецензіи.

Впрочемъ, онъ гостилъ у насъ недолго, такъ что въ этотъ разъ мы не успѣли еще и разглядѣть другъ друга. Но затѣмъ, встрѣчаясь часто то въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то на вечеринкахъ у товарищей, мы сближались мало-по-малу, и въ 1870 году наше сближеніе было уже настолько коротко, что весною въ этомъ году я былъ приглашенъ Успенскимъ въ качествѣ шафера и свидѣтеля на его бракосочетаніе.

Свадьба его была столь же оригинальна, какъ и все въ его жизни. Вѣнчаніе было утромъ, въ 12 часовъ, въ одной изъ домовыхъ

церквей. Поѣзжанъ было не болѣе десяти человѣкъ, наиболѣе близкихъ жениху или невѣстѣ. Послѣ вѣнчанія мы собрались на завтракъ въ старопалкинскій трактиръ. Завтракъ продолжался часовъ до четырехъ, до пяти. Затѣмъ были наняты двѣ коляски, въ которыхъ умѣстились всѣ поѣзжане, и мы отправились на острова. Гдѣ только мы не перебывали: и въ Аркадіи, и на Елагинѣ,—не помню ужъ, кто тамъ въ то время содержалъ ресторанъ,—и на Крестовскомъ. Вездѣ мы останавливались и совершали новыя возліянія. Въ концѣ концовъ мы очутились въ биржевомъ скверѣ, гдѣ въ то время какъ разъ былъ птичій базаръ. Тамъ мы дразнили обезьянъ, торговали раковины и прочія заморскія бездѣлушки, и оттуда, едва уже держась на ногахъ, разбрелись наконецъ по домамъ.

Затѣмъ знакомство наше не прерывалось вплоть до начала 90-хъ годовъ, т.-е. до его болѣзни. Впрочемъ, онъ былъ и на моемъ юбилеѣ въ 1894 году, такъ какъ въ это время какъ разъ было нѣкоторое просвѣтлѣніе въ его болѣзни, хотя просвѣтлѣніе это ограничивалось тѣмъ, что онъ могъ пребывать на свободѣ и въ своей семьѣ, могъ сознательно прійти на мой юбилей, но въ то же время въ головѣ его все-таки былъ порядочный сумбуръ. По крайней мѣрѣ, когда я подошелъ къ нему на юбилеѣ, онъ все время толковалъ мнѣ о какихъ-то ангелахъ, летавшихъ яко бы надъ нашею головою.

Особенно памятна мнѣ его дачка въ деревенькѣ Сябринцахъ, верстахъ въ трехъ отъ станціи Чудово, въ которой онъ проживалъ съ семьей не только лѣтомъ, но часто и зимой, куда нерѣдко онъ уѣзжалъ и одинъ отъ проживавшей въ городѣ семьи—работать въ полномъ одиночествѣ. Мнѣ случалось гащивать у Успенскаго на этой дачкѣ по нѣскольку дней, и много въ ней переговорено и передумано и одинъ на одинъ съ хозяиномъ, и въ сообществѣ съ прочими членами кружка «Отечественныхъ Записокъ»... Особенно въ этомъ отношеніи памятны были поѣздки на именины Успенскаго 24-го іюля въ день Бориса и Глѣба, когда къ Успенскому собиралось человѣкъ по десяти и по пятнадцати.

V.

Во всѣхъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ, какія мнѣ приходилось читать, онъ рисуется крайне непрактичнымъ, нерасчетливымъ, вѣчно ищущимъ, гдѣ бы достать денегъ и путающимся въ безысходныхъ долгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ на видъ его страсть къ скитальчеству; куда только онъ ни ѣздилъ и гдѣ только ни бывалъ: и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и на Балканахъ. Россію изъѣздилъ онъ вдоль и поперекъ. Если не предстояло въ ближайшемъ будущемъ далекое путешествіе, то онъ ѣхалъ въ Москву, и тамъ носился по всей Бѣлокаменной. Онъ самъ разсказывалъ такой съ нимъ случай.

Пріѣхалъ онъ однажды въ Москву, остановился въ гостиницѣ, оставилъ въ занятомъ номерѣ вещи, а самъ отправился по разнымъ знакомымъ. «Вы ужъ знаете, — разсказывалъ онъ: — что такое Москва: попади только въ нее, закрутитъ тебя, завертитъ, такъ что и не опомнишься! Обѣдъ въ одномъ ресторанѣ съ одной компаніей, ужинъ—въ другомъ съ другой. Вдругъ влекутъ тебя въ 7 часовъ утра, въ темень, куда-то на окраину ѣсть блины въ кабачкѣ, особенно вкусно приготовляемые».

Словомъ, такъ онъ закрутился, что вернулся въ занятый номеръ лишь черезъ недѣлю. Приходитъ и застаетъ въ своемъ номерѣ какого-то незнакомаго поручика. Что такое? Оказалось, что хозяинъ гостиницы, не дождавшись пропавшаго постояльца, отдалъ номеръ другому лицу, а вещи Успенскаго сдалъ въ полицію на храненіе. И немалаго труда стоило Успенскому возвратить свои вещи.

Такъ-то такъ, а все слѣдуетъ сказать, что во всѣхъ толкахъ о нерасчетливости и о скитальчествѣ Успенскаго есть и нѣкоторыя преувеличенія. Правда, что Успенскій былъ то, что въ старину называли «художественная натура», принимая это слово въ смыслѣ человѣка съ крайне чуткими нервами, отзывчиваго, впечатлительнаго и всецѣло отдающагося влеченію даннаго момента. Правда, случалось, что, получивъ порядочный гонораръ за свою работу, онъ начиналъ разбрасывать деньги направо и налѣво, давалъ въ долгъ первому встрѣчному, угощалъ дюшесами и шампанскимъ какую-нибудь пріѣзжую барыню, какъ «очень хорошаго человѣка» и т. п., и домой ничего не приносилъ. Правда, что со своими долгами онъ дѣлалъ такія комбинаціи, что недаромъ Салтыковъ говорилъ, что изъ него могъ бы выйти отличный министръ финансовъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе и нѣкоторыя смягчающія обстоятельства.

Прежде всего сообразимъ то, что Успенскій никогда не былъ журналистомъ, получающимъ опредѣленное жалованье за редакцію какого-либо отдѣла. Это былъ исключительно беллетристъ, и притомъ не крупныхъ романовъ, а мелкихъ очерковъ, и эти очерки составляли единственный рессурсъ его жизни съ многочисленной семьей. Мы видимъ, что и на Западѣ, гдѣ литературный трудъ цѣнится не въ примѣръ выше, не въ рѣдкость встрѣтить писателей, которые не въ состояніи бываютъ сводить концы съ концами. Вспомните только Бальзака, Гейне. Чего же вы въ правѣ требовать отъ нашихъ? У насъ даже Пушкинъ, это солнце русской поэзіи, оставилъ послѣ себя, несмотря на всѣ щедроты и милости, свыше 50 тысячъ долга. Гоголь, Достоевскій, въ свою очередь, до самой смерти путались въ долгахъ. Что же мудренаго, что, несмотря на всѣ финансовыя ухищренія, не выходилъ изъ долговъ и Успенскій.

И, однакоже, изъ всѣхъ современныхъ писателей-пролетаріевъ Успенскій является единственнымъ настолько практичнымъ, что

сумѣлъ устроить для себя маленькую осѣдлость, въ видѣ одной десятины земли и двухъэтажнаго домика въ Сябрицахъ. И замѣчательно, что онъ не ограничился только тѣмъ, что проживалъ въ этомъ домикѣ съ семьею, оставляя его въ томъ неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ купилъ. Онъ всю жизнь перестраивалъ свою усадебку, и въ концѣ концовъ, по словамъ его сына-архитектора, произвелъ нѣкоторое чудо архитектуры: умудрился устранить всѣ внутреннія капитальныя стѣны, оставивъ однѣ перегородки, и, несмотря на это, домъ не развалился.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что не дешево доставались ему его мелкіе очерки; они требовали такихъ большихъ затратъ, которыхъ далеко не окупалъ получавшійся за нихъ гонораръ. Скитальчество Успенскаго обусловливалось именно собираніемъ матеріаловъ для его произведеній. Если бы Успенскій былъ домосѣдъ, выѣзжавшій изрѣдка лишь въ гости, то можно навѣрное сказать, что дальше «Нравовъ Растеряевой улицы» онъ не пошелъ бы. Ни одной поѣздки онъ не дѣлалъ изъ одного безцѣльнаго жуированья или для поправленія здоровья. Всѣ онѣ были вполнѣ цѣлесообразны, имѣли видъ своего рода научныхъ экскурсій. Россія была для него библіотекой, въ которой онъ всю жизнь рылся, изучая народъ. Онъ напоминалъ при этомъ тѣхъ ученыхъ, которые такъ бываютъ проникнуты своею спеціальностью, что не могутъ допустить, чтобы кто-либо не интересовался ихъ дифференціалами въ той же степени, какъ они. Такъ, однажды, собираясь ѣхать въ Ладогу изучать артельное рыболовство мѣстныхъ обывателей, онъ всерьезъ приглашалъ меня сопутствовать ему въ его экскурсіи, воображая, что изученіе это столь же нужно и интересно для меня, какъ и для него. Когда ему удавалось набрести на маломальски цѣнные и интересные факты народнаго быта, онъ до такой степени проникался весь этими фактами, что съ кѣмъ бы ни встрѣчался, онъ не былъ въ состояніи ни о чемъ говорить съ собесѣдникомъ, какъ лишь объ этихъ фактахъ, и вы могли быть увѣрены, что черезъ мѣсяцъ, черезъ два всѣ эти рѣчи его явятся на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» въ видѣ новаго очерка.

Такъ, однажды, когда всѣ находились въ лѣтнемъ разъѣздѣ, онъ пригласилъ на свои именины меня и нашего метранпажа Чижова. Онъ проживалъ въ то лѣто съ семьею не на своей дачкѣ, которая ремонтировалась, а верстахъ въ семи отъ нея, въ усадьбѣ своего знакомаго помѣщика К—скаго. Усадьба была расположена въ глухомъ лѣсу и за отсутствіемъ хозяевъ управлялась одной крестьянской семьей. Эта крестьянская семья была предметомъ наблюденій Успенскаго въ продолженіе всего того лѣта (1881 годъ), и наблюденія эти привели Успенскаго къ весьма важнымъ результатамъ. Они до такой степени овладѣли имъ, что и по дорогѣ въ Чудово, и дома, и въ именины, и послѣ нихъ Успен-

скій только и говорилъ, что о нихъ. И вотъ въ результатѣ этихъ наблюденій и появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ скоромъ времени его разсказъ «Власть земли». Когда я принялся читать его, я былъ удивленъ, найдя въ немъ слово въ слово все, что говорилъ Успенскій мнѣ и Чижову.

VI.

Въ заключеніе объ Успенскомъ остается сказать нѣсколько словъ о его мнимомъ алкоголизмѣ. Въ послѣдніе годы, какъ въ медицинѣ, такъ и среди строгихъ моралистовъ, какъ извѣстно, воздвиглось ожесточенное гоненіе на вино, и къ числу «жупеловъ», которыми пугаютъ слабонервныхъ женщинъ, прибавилось грозное слово—«алкоголизмъ». Между тѣмъ до сей поры не опредѣлено точно, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ алкоголикъ. Одни подразумѣваютъ человѣка, у котораго частое употребленіе вина, и притомъ въ большомъ количествѣ, вошло въ порочную привычку, и весь организмъ проникнутъ алкоголемъ. Другіе же готовы считать алкоголикомъ каждаго, кто только не отказывается отъ рюмки водки. Къ числу такихъ ригористовъ принадлежалъ покойный профессоръ В. Ав. Манассеинъ. У меня, по крайней мѣрѣ, вышелъ съ нимъ казусъ, превращенный Успенскимъ въ пресмѣшной анекдотъ.

Однажды у меня приключился бронхитъ, столь продолжительный, что грозилъ, казалось, превратиться въ хроническій. Я обратился къ Манассеину. Изслѣдуя меня, онъ, между прочимъ, спросилъ, много ли я пью и не принадлежу ли къ числу алкоголиковъ.

Я отвѣчалъ ему, что каждый день пью не болѣе одной рюмки передъ ѣдою, допьяна же напиваюсь очень рѣдко.

— Ну,—возразилъ онъ,—значитъ вы—форменный алкоголикъ. Вовсе не тотъ алкоголикъ, кто напивается разъ въ мѣсяцъ, хотя бы до положенія ризъ, а именно тотъ, который пьетъ хотя бы по одной рюмочкѣ каждый день.

Замѣчаніе профессора я передалъ своимъ товарищамъ. Успенскій подхватилъ его, и потомъ, когда кто-либо отказывался пить болѣе одной рюмки, говорилъ:

— Чего вы отказываетесь, когда самъ Манассеинъ запрещаетъ пить по одной рюмкѣ, велитъ напиваться не иначе, какъ до положенія ризъ.

Это была, конечно, не болѣе, какъ остроумная шутка. Самого же Успенскаго никто никогда не видалъ напившагося до положенія ризъ, и не только потому, что вино на него не дѣйствовало, не опьяняло его, а потому, что онъ отнюдь не имѣлъ къ нему такого рокового пристрастія, какъ это многіе полагали.

Во французскомъ языкѣ существуетъ два слова для обозначенія любителей спиртныхъ напитковъ: «buveur» и «ivrogne». Въ рус-

скомъ языкѣ, въ свою очередь, почти такое же различіе между словами «питухъ», «кутила» и «горькій» или «запойный» пьяница. Успенскій былъ именно питухъ и кутила. Онъ отнюдь не принадлежалъ къ типу тѣхъ запойныхъ пьяницъ, какъ Помяловскій, Демертъ, Рѣшетниковъ и многіе другіе. У него не было такихъ опредѣленныхъ періодовъ, о которыхъ сложилась извѣстная пословица: «запилъ и ворота заперъ», подразумѣвая подъ этимъ, что одержимый подобнымъ припадкомъ пьяница бросаетъ всѣ свои дѣла и съ утра до ночи хлопаетъ рюмку за рюмкой, ничѣмъ иногда не закусывая; въ заключеніе же пароксизма заболѣваетъ бѣлой горячкой. Ничего подобнаго съ Успенскимъ никогда не было. Послѣ какого бы ни было сильнаго кутежа съ пріятелями онъ садился на другой день за работу и по недѣлямъ могъ обойтись безъ капли вина. Такъ что предположеніе, будто болѣзнь Успенскаго произошла на почвѣ алкоголизма, лишено, по моему мнѣнію, всякаго основанія.

VII

Въ заключеніе мнѣ остается сказать по нѣскольку словъ еще о двухъ писателяхъ, входившихъ въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»—Алексѣѣ Николаевичѣ Плещеевѣ и Сергѣѣ Николаевичѣ Кривенкѣ.

А. Н. Плещеевъ примкнулъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» въ 1872 году. Переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, онъ занялъ при журналѣ нехитрую должность секретаря редакціи, заключавшуюся въ томъ, что онъ записывалъ въ книгу поступающіе въ редакцію рукописи и возвращалъ непринятыя авторамъ. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ, изрѣдка кое-что переводилъ. Но вообще участіе его въ журналѣ было незначительно.

Высокаго роста, довольно полный, представительной наружности, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ старческій видъ не по лѣтамъ. Ему было всего 47 лѣтъ, когда онъ вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», но онъ былъ значительно уже посѣдѣлый, страдалъ одышкой и вообще имѣлъ болѣзненный видъ. Тихій, кроткій, молчаливый, задумчивый и меланхоличный, онъ былъ вѣчно словно въ воду опущенный. Недаромъ В. Ст. Курочкинъ сострилъ о немъ въ веселую минуту, что какъ его разстрѣляли въ 1848 году, такъ онъ и ходитъ весь свой вѣкъ разстрѣлянный. Салтыковъ же говорилъ, что Плещеевъ грустить о томъ, что пропилъ свой домъ въ Москвѣ на сельтерской водѣ. И дѣйствительно, я не зналъ человѣка, который истреблялъ бы столь много сельтерской воды, какъ Плещеевъ. Можетъ быть, эта неутолимая жажда была предвѣстіемъ той сахарной болѣзни, которая свела его въ могилу.

С. Н. Кривенко появился на горизонтѣ «Отечественныхъ Записокъ» годомъ позже, именно въ 1873 году. Дѣло было лѣтомъ,

когда всѣ были въ разъѣздахъ, и я въ единственномъ числѣ оставался въ редакціи. И вотъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ явился въ редакцію молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, довольно плотнаго сложенія и такой брюнетистый, что я принялъ его за восточнаго человѣка. Онъ принесъ рукопись о потребительныхъ обществахъ въ Петербургѣ. Когда черезъ двѣ недѣли онъ пришелъ за отвѣтомъ, я сказалъ ему, что рукопись очень мнѣ понравилась, но принять ее я некомпетентенъ, такъ какъ отдѣломъ по внутреннимъ вопросамъ завѣдуетъ Елисѣевъ, и я могу лишь передать ему рукопись со своимъ мнѣніемъ. Елисѣеву, когда онъ вернулся въ августѣ въ Петербургъ, въ свою очередь, рукопись понравилась до такой степени, что онъ сдѣлалъ даже визитъ ея автору, послѣ чего Кривенко началъ бывать у Елисѣева на понедѣльничныхъ обѣдахъ.

Но нельзя сказать, чтобы въ продолженіе семидесятыхъ годовъ Кривенко принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ. Онъ былъ для этого слишкомъ непосѣда: постоянно ему приходилось разъѣзжать, то на родину, въ Тамбовскую губернію, то на Кавказъ, гдѣ онъ былъ членомъ земледѣльческой колоніи въ Туапсе. Да и самый процессъ писанія, сопряженный съ собираніемъ массы матеріаловъ, былъ медлителенъ. О скудости его производительности мы можемъ судить по тому, какъ мало оставилъ онъ послѣ тридцати лѣтъ своей литературной дѣятельности. Лишь въ 1881 году, когда Елисѣевъ заболѣлъ и принужденъ былъ уѣхать за границу, участіе Кривенка въ журналѣ сдѣлалось болѣе дѣятельнымъ, такъ какъ онъ принялъ подъ свое вѣдѣніе отдѣлъ внутреннихъ вопросовъ и началъ писать ежемѣсячныя обозрѣнія. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ въ началѣ 1884 года онъ былъ арестованъ, а затѣмъ высланъ въ Сибирь.

Кривенко былъ вполнѣ человѣкомъ семидесятыхъ годовъ. Его считаютъ рьянымъ народникомъ, но ограничиваться такимъ опредѣленіемъ было бы крайне поверхностно. Народничество 70-хъ годовъ вовсе не было чѣмъ-либо однороднымъ и опредѣленнымъ; оно заключало въ себѣ разные толки, между которыми были и такіе, которые взаимно другъ друга исключали. Такъ, напримѣръ, что было общаго между народниками по ученію Юзова и Червинскаго, требовавшими, чтобы народу ничего не навязывали, и посему отрицавшими всякую политическую дѣятельность, и народовольцами или чернопередѣльцами? Самое хожденіе въ народъ имѣло различныя цѣли: одни шли въ города и веси, не задаваясь ничѣмъ болѣе, какъ мирною проповѣдью соціализма подобно тому, какъ христіане первыхъ вѣковъ распространяли всюду свое ученіе. Другіе старались сѣять въ народѣ революціонныя идеи съ цѣлью подготовленія его къ возстанію. Третьи не ограничивались одною словесною пропагандою, а занимались устройствомъ среди народа земледѣльческихъ интеллигентныхъ колоній. Колоніи эти заводились опять-

таки съ разными цѣлями. Однѣ имѣли при этомъ цѣлью на собственномъ примѣрѣ показать народу образцы земледѣльческихъ ассоціацій. Другіе же ограничивались лишь скромными цѣлями осуществленія своихъ личныхъ индивидуально-нравственныхъ идеаловъ святой жизни, основанной на почвѣ оздоровляющаго душу и тѣло земледѣльческаго труда и братской взаимопомощи.

Слѣдуетъ при всемъ этомъ обратить вниманіе на тѣ двоякаго рода требованія, съ одной стороны духовныя, съ другой—физическія, какія входили въ теченіе 70-хъ годовъ въ составъ представленія идеальнаго революціонера. Такъ, съ одной стороны, П. Л. Лавровъ, самъ будучи своего рода ходячей энциклопедіей по богатству знаній, внушалъ молодежи, что истинный революціонеръ не долженъ ограничиваться случайно нахватанными идейками изъ популярныхъ брошюрокъ, а стараться запасаться основательными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знаній. Съ другой стороны, А. Н. Энгельгардтъ убѣждалъ, что, если революціонеръ хочетъ, чтобы народъ питалъ къ нему довѣріе и слушалъ его, онъ долженъ заслужить его уваженіе, а уваженія онъ не заслужитъ, если будетъ выступать передъ мужикомъ слабосильнымъ бариномъ, а не такимъ же сильнымъ и знающимъ мужицкое дѣло, какъ любой крестьянинъ.

И вотъ въ то время, какъ одни бросились усиленно пополнять свои знанія, другіе осаждали Батищево съ цѣлью научиться земледѣльческому труду. Первыми піонерами по заведенію интеллигентныхъ земледѣльческихъ колоній были именно ученики Энгельгардта. Энгельгардтъ въ этомъ отношеніи былъ предтечею Льва Толстого, но съ тою существенною разницею, что въ продолженіе всѣхъ 70-хъ годовъ въ заводимыхъ колоніяхъ продолжали еще господствовать прогрессивныя идеи 60-хъ годовъ, хотя и въ тѣ годы не въ рѣдкость было встрѣтить учениковъ Энгельгардта, которые, отвергали всякую политическую дѣятельность и проповѣдывали полное незлобіе въ христіанскомъ духѣ любви и братства.

Кривенко былъ народникъ именно энгельгардтовскаго толка. Онъ не отвергалъ политики и былъ замѣшанъ въ ней, но у него былъ свой конекъ, на которомъ онъ подвизался всю жизнь. Конекъ этотъ заключался въ устройствѣ земледѣльческихъ колоній и всякаго рода коопераціи. Начиная съ земледѣльческой колоніи въ Туапсе, въ которой онъ подвизался въ началѣ 70-хъ годовъ, онъ затѣмъ перешелъ къ ряду журнальныхъ артелей. Таковы были: «Русское Богатство», «Устои», «Дѣло», «Слово» и пр.

Замѣчательно, что и въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ онъ оставался вѣренъ своему коньку: таковы «Сборникъ объ артеляхъ», «Физическій трудъ, какъ элементъ воспитанія», «На распутьи».

А. М. Скабичевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Повѣсть [1]).

VI.

РОШЛО двѣ недѣли. Фабрика пыхтѣла и шумѣла попрежнему, но приближалась осень, окна въ фабричной конторѣ были закрыты, и шумъ фабрики въ ней былъ менѣе слышенъ.

Въ 9 часовъ утра, въ тотъ самый часъ, когда Андерсъ, не опаздывая ни на минуту, являлся въ свой кабинетъ и оживлялъ его своимъ громкимъ и веселымъ голосомъ, явилась и Роня въ сопровожденіи неизмѣннаго Сѣркина, бережно принявшаго ея шляпу и накидку. Роня за эти двѣ недѣли мало измѣнилась, только черные ея глаза стали больше и смотрѣли какъ-то вопросительно, точно у человѣка, для котораго прежде все было ясно, а теперь многое стало неяснымъ. Входя въ контору, она тотчасъ же бросила взглядъ на письменный столъ, гдѣ красовался букетъ бѣлыхъ розъ.

— Такъ кто же ставитъ мнѣ на столъ эти цвѣты?—обратилась она къ Сѣркину.—И сегодня не скажешь?

— Не приказано говорить, Виринея Павловна,—отвѣтилъ Сѣркинъ сухо.

— Друзья,—вздохнула Роня, устало опустилась въ кресло передъ письменнымъ столомъ, пододвинула къ себѣ цвѣты и склони-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 449.

лась надъ ними.—Славно пахнутъ, Сѣркинъ. Я такъ люблю цвѣты,—продолжала она и задумалась. Потомъ, вдругъ спохватившись, спросила:—Өедоръ Өедоровичъ здѣсь?

— Давно уже, Виринея Павловна, съ семи часовъ.

— Скажи, Сѣркинъ, случалось ли когда-нибудь Өедору Өедоровичу не прійти или опоздать?

— Өедоръ Өедорычъ, какъ и Павелъ Иванычъ,—отвѣтилъ Сѣркинъ весело:—всегда на мѣстѣ.

— Папы нѣтъ... я на его мѣстѣ,—проговорила Роня, безсильно опустивъ голову.

Сѣркинъ, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, но помялся и тихо вышелъ. Роня долго сидѣла съ опущенной головой. Потомъ она вдругъ громко, насколько позволялъ ея голосъ, крикнула:

— Өедоръ Өедорычъ!

Ивановъ вошелъ своей быстрой походкой, поздоровался съ Роней и сталъ у письменнаго стола, какъ онъ обыкновенно стоялъ передъ Андерсомъ.

— Не лучше, Виринея Павловна?—спросилъ онъ.

— Вы и сегодня не сядете, Өедоръ Өедорычъ?

— Я люблю слышать въ своемъ кабинетѣ, к-та, вашъ зовъ: онъ мнѣ напоминаетъ Павла Ивановича. Я люблю порядки, какіе онъ установилъ.

— Такъ стойте же, стойте,—горячо вырвалось у Рони, но вслѣдъ затѣмъ она снова ослабѣла.—Только папа,—сказала она:—умѣлъ... умѣетъ говорить кратко, а я болтлива.

— Какъ его здоровье?—повторилъ Ивановъ свой вопросъ.

Роня вскочила.

— Ахъ, это ужасно, ужасно,—отвѣтила она.—Вчера вечеромъ мнѣ княгиня все сказала: папа уже никогда не поправится, хотя еще можетъ нѣкоторое время протянуть въ этомъ состояніи... полужизни, полусмерти.

Роня металась по комнатѣ; Ивановъ молча выжидалъ.

— Виринея Павловна, — проговорилъ онъ наконецъ: — надо серьезно подумать о дѣлахъ, надо примириться съ мыслію, что Павелъ Иванычъ—уже не работникъ.

— Не могу, Өедоръ Өедорычъ, не могу.

— Надо, Виринея Павловна,—настаивалъ Ивановъ.—Вотъ тутъ, въ этомъ кабинетѣ, Павелъ Иванычъ меня хвалилъ за то, что я, чужой человѣкъ, люблю фабрику больше себя. Вы—его дочь...

Въ голосѣ Иванова чувствовалось столько твердости и въ то же время доброты, что Роня тотчасъ же повиновалась. Она опять сѣла у письменнаго стола.

— Хорошо, Өедоръ Өедорычъ,—сказала она покорно:—займемтесь дѣлами. Вы меня уже многому научили.

Ивановъ продолжалъ:

— Дѣла, слава Богу, идутъ хорошо. Заказовъ не оберешься. Не даромъ Павелъ Иванычъ всю жизнь трудился, не покладая рукъ. Но вотъ теперь какая забота...

— Вы все хотите,—возразила Роня:—увеличивать доходность фабрики? Къ чему это? Развѣ это нужно для самой фабрики? Вы мнѣ говорили, что если ликвидировать дѣло, то мой ежегодный доходъ превыситъ шестьдесятъ тысячъ рублей. Къ чему мнѣ эти деньги? Я къ роскоши не привыкла: папа пріучилъ меня къ скромной жизни. Мнѣ въ сущности такъ мало нужно. Вы меня убѣдите, что расширеніе фабрики нужно для чего-то лучшаго. Мнѣ кажется, что я начинаю это понимать, но все еще не могу сердцемъ войти въ фабрику: я ее люблю только потому, что люблю папу, а мнѣ хотѣлось бы полюбить самую фабрику, потому что тогда только... Вы меня понимаете, Ѳедоръ Ѳедорычъ?

— Павелъ Иванычъ,—подхватилъ Ивановъ,—любитъ фабрику не изъ-за дохода, да и дохода никогда не бываетъ: онъ почти весь идетъ снова въ дѣло... Какъ вамъ объяснить, почему онъ любитъ фабрику?

Онъ на минуту задумался, потомъ серьезное его лицо озарилось мимолетною улыбкой, и онъ продолжалъ:

— Вы были тогда ребенкомъ, Виринея Павловна, к-та, Ронечкой... На томъ мѣстѣ парка, гдѣ теперь площадка для крокета, была куча песку, и вы тамъ играли. Я какъ-то прохожу и вижу: вы построили замокъ съ высокой башнею и окнами. Кругомъ замка былъ валъ и глубокій ровъ...

— Помню, помню,—воскликнула Роня:—я такъ много и долго надъ нимъ трудилась...

— И онъ вышелъ на славу. Стоялъ онъ нѣсколько дней. Но выпалъ дождь и совсѣмъ его размылъ. Когда вы вышли въ паркъ послѣ дождя и увидѣли, что замка больше нѣтъ, вы заплакали, горько заплакали. Я вамъ говорю: «Ронечка, стоитъ ли такъ тужить?» А вы: «Сама сдѣлала, сколько работала». И залились еще пуще слезами...

— Я васъ начинаю понимать, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—проговорила Роня въ задумчивости.

Ивановъ продолжалъ:

— Когда гибнетъ дѣло, надъ которымъ ты долго-долго работалъ, невольно заплачешь. Павелъ Иванычъ, работая день и ночь тридцать лѣтъ, выстроилъ этотъ замокъ-фабрику. Для себя ли одного? Нѣтъ, Виринея Павловна. Я прежде, какъ вы знаете, служилъ у Селезнева. Нехорошо мнѣ тамъ было. Я попросился къ Павлу Иванычу. Онъ, должно быть, уже раньше ко мнѣ присматривался, потому что сейчасъ согласился, только говоритъ: «А какъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, вы будете у меня служить? Что я прикажу, то и сдѣлаете?»—«Буду стараться», отвѣтилъ я.—«Нѣтъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ,

вы будете служить не мнѣ, а фабрикѣ. Если прикажу неладно, вы мнѣ скажете. А я подумаю». Тогда я эти слова не совсѣмъ понялъ, но потомъ понялъ, к-та, понялъ, почему у другихъ дѣло часто гибнетъ, и почему фабрика Павла Иваныча стоитъ крѣпко. Мы ее любимъ, какъ нашу мать-кормилицу, а еще и потому, что каждый изъ насъ влагаетъ въ нее часть своей души, потому что, если бы вездѣ работали такъ, какъ на нашей фабрикѣ, то матушка-Русь стояла бы такъ же крѣпко, какъ наша фабрика, и всѣмъ жилось бы лучше. Виринея Павловна, тутъ есть надъ чѣмъ поработать, во что, к-та, войти сердцемъ...

Роня вскочила. Лицо ея въ эту минуту было красиво,—столько оно выражало энергіи и душевнаго подъема.

— Да, да,—проговорила она порывисто:—я вложу душу, я найду въ себѣ силу...

Въ дверяхъ показалась голова Сѣркина.

— Тамъ Кузьма Егорычъ,—доложилъ онъ съ видимою брезгливостью.

Роня шепнула Иванову:

— Боже мой, какъ некстати! Что ему нужно?

Ивановъ отвѣтилъ такъ же тихо:

— Кажется, нужна ему наша фабрика.

Роня повернулась къ Сѣркину и рѣшительно произнесла:

— Проси!

Ивановъ тотчасъ же вышелъ, и въ кабинетъ медленно вошелъ, еле передвигая ноги, Селезневъ.

— Мое вамъ, Виринея Павловна,—прохрипѣлъ онъ.

— Какъ поживаете, Кузьма Егорычъ? Прошу садиться

Тонъ Рони былъ холодный.

— Здоровье тятеньки?

— Все такъ же.

— О-о-о! Время печальное. На все воля Божія.

Наступило молчаніе. Его прервалъ Селезневъ.

— Въ теплые бы края-съ.

— Въ теплые края?—переспросила Роня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Года мои большіе, а здоровъ. Все на воздухѣ, все на воздухѣ. Въ саду прохаживаюсь али сижу. Зимою и лѣтомъ, во всякую погоду. А больному гдѣ же при нашемъ-то климатѣ! Въ теплые края надо-ть, безпремѣнно надо-ть. И вамъ надо-ть. Не оставлять же тятеньку одного, больного, на попеченіи чужихъ. Да и время такое тревожное, безпокойное, печальное. О-о-о!

— Къ чему вы все это, Кузьма Егорычъ?—спросила Роня съ упрекомъ.

— Старъ я, Виринея Павловна, совѣтовать могу. Акромя всего прочаго, фабрика-то, этакая-то махинища—дѣло ли дѣвичьихъ рукъ?

— У меня есть друзья,—возразила Роня.

— Друзья друзьями, а голова-то одна, охъ, одна!

— Продать мнѣ фабрику, что ли?

— Продать лучше. И покупатель есть.

— Кто же покупатель?

— Я могу купить. Для Андрюши. У Моронова состоя, къ дѣлу-то присмотрѣлся. Да и я при немъ. Женился. Что толку-то лодыремъ ходить? Я бы купилъ,—прибавилъ онъ рѣшительно.

— Нѣтъ, Кузьма Егорычъ,—возразила Роня горячо.—Спасибо за совѣтъ, но этому не бывать. Папа не для того работалъ, чтобы фабрика попала въ чужія руки. Онъ еще живъ, и я вѣчно буду хранить его завѣтъ, я буду управлять фабрикою въ духѣ отца, такъ, что, когда онъ умретъ, онъ могъ бы спокойно лежать въ гробу.

Ни одинъ мускулъ на морщинистомъ лицѣ Селезнева не дрогнулъ. Онъ отвѣтилъ равнодушно, только хрипота его усилилась:

— Оно, конечно: и завѣтъ, и духъ, и гробъ. Но всяко бываетъ, всяко бываетъ. Я—настоящій покупатель и цѣну настоящую дамъ. Коли надумаете, милости просимъ. И съ Павломъ Иванычемъ мы ладно жили: ссоры тамъ или непріятности никогда не бывало. На томъ и порѣшимъ: если надумаете. Счастливо оставаться,—прибавилъ онъ, вставая, и затѣмъ, слегка наклонившись къ Ронѣ, произнесъ:—а насчетъ Ѳеди скажу одно: крутенекъ, порядка требуетъ, какъ бы не вышло чего-нибудь съ рабочими. Боже упаси!

Затѣмъ онъ сталъ прощаться и уже громко сказалъ:

— Такъ если надумаете. Счастливо оставаться,—и, уходя, еще разъ глубоко вздохнулъ:—О-о-о! Время-то какое!

— Спасибо, Кузьма Егорычъ, спасибо. До свиданія,—провожала его Роня. Но какъ только онъ вышелъ, она крикнула:—Ѳедоръ Ѳедорычъ!

— Да, онъ хочетъ купить фабрику,—сказала она вошедшему Иванову:—но я ему наотрѣзъ отказала. Почему онъ, однако, такъ предостерегаетъ противъ рабочихъ? Онъ и о васъ говоритъ, что вы ихъ слишкомъ подтягиваете?..

— Старая лиса,—возразилъ Ивановъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Хочетъ васъ напугать, чтобы вы скорѣе продали фабрику. А тамъ положитъ рабочихъ, к-та, подъ прессъ и будетъ выжимать изъ нихъ послѣдніе соки. Кащей безсмертный! А насчетъ рабочихъ кое-что вѣрно. Вотъ объ этомъ я и собираюсь съ вами поговорить, давно собираюсь.

— Пожалуйста, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—съ горячностью проговорила Роня.—Не скрывайте отъ меня ничего: я все хочу знать.

— На всѣхъ фабрикахъ,—продолжалъ Ивановъ дѣловымъ тономъ,—теперь броженіе. Никто не доволенъ своей судьбой. А тутъ наобѣщали съ три короба. Кто много обѣщаетъ, тотъ у народа всегда правъ. Изъ нашихъ рабочихъ почти никто не поддается:

видятъ, что у насъ лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ, чувствуютъ, что имъ хорошо, что на большее они разсчитывать не могутъ. Тогда имъ говорятъ: «Такъ что же, что вамъ хорошо; надо думать не о себѣ только, надо думать о другихъ, чтобы всѣмъ было хорошо, а вы—отступники, откалываетесь отъ дерева». На совѣсть, значитъ, дѣйствуютъ. Нѣкоторые,—правда, ихъ мало,—сдались. Они мутятъ. Но это было бы не страшно, если бы на самой фабрикѣ, к-та, все было исправно...

— Что же у насъ не исправно?—спросила Роня съ живымъ интересомъ.

— Илью Петровича очень недолюбливаютъ,—отвѣтилъ Ивановъ нерѣшительно.

— За что? Скажите, ради Бога, за что?

— Слухи тамъ разные.

— Какіе слухи? Если вы меня любите, Ѳедоръ Ѳедорычъ, вы обязаны мнѣ все сказать.

— Говорилъ я, к-та, съ однимъ рабочимъ, главнымъ смутьяномъ...

— Кто это?

— Да вы его не знаете... Онъ и говоритъ: «Вы бы, Ѳедоръ Ѳедорычъ, въ это дѣло не вмѣшивались. Ваша сила тутъ не возьметъ». Больше я отъ него ничего вывѣдать не могъ.

— Хорошо, но какіе слухи?

— Вы, можетъ быть, не знаете, Виринея Павловна... Павелъ Иванычъ отъ всѣхъ это скрывалъ, по добротѣ своей душевной... Изъ чистаго дохода фабрики онъ бралъ на свои потребности пятнадцать тысячъ, и изъ нихъ на Рождество и на Пасху выдавалъ мнѣ по тысячи рублей для раздачи самымъ бѣднымъ рабочимъ, к-та, на гуся тамъ, что ли, или на поросенка, чтобъ и у нихъ былъ настоящій праздникъ. И раздавалъ я эти деньги будто бы отъ какого-то благотворительнаго общества...

— Милый папа!

— Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ Илья Петровичъ поступилъ на фабрику, Павелъ Ивановичъ поручилъ ему раздавать эти деньги. Онъ мнѣ сказалъ: «Васъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, и такъ уже любятъ на фабрикѣ, пусть и его полюбятъ»...

— Ахъ, какой папа славный! Ну, и что же дальше?

— Рождество прошло благополучно, но вскорѣ послѣ Пасхи начали распространяться эти слухи...

— Какіе же слухи?

— Будто бы не всѣ деньги доходятъ по назначенію. Съ этого началось. Потомъ...

— Какая глупость, какая гадость, какая низость, какая подлость!—вскричала Роня, вся пылая отъ негодованія.

— Съ этого началось, к-та, потомъ...

— Нѣтъ, я не могу васъ слушать,—кипятилась она.—Вы должны все сдѣлать, чтобы эти гнусные слухи прекратились немедленно...

VII.

Въ дверяхъ опять появилась голова Сѣркина. Онъ доложилъ:

— Иванъ Семеновичъ.

Роня обрадовалась.

— Вотъ кто пришелъ кстати!—воскликнула она.—Онъ такъ популяренъ среди рабочихъ и вмигъ прекратитъ это гнусное движеніе на фабрикѣ. Онъ вѣдь—другъ дома.

Она быстро повернулась къ Сѣркину:

— Проси!

Ивановъ печально улыбнулся и тихо сказалъ:

— Это одинъ изъ тѣхъ друзей дома, передъ которыми Павелъ Ивановичъ совѣтуетъ, к-та, держать верхнюю пуговицу застегнутой.

Роня вопросительно взглянула на Иванова, но давать объясненія было уже поздно: Красновъ вошелъ.

— Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ, — привѣтствовала его Роня.—Что это васъ такъ давно не видно? Вы совсѣмъ насъ забыли,—прибавила она.

— Зачѣмъ забывать? Но, знаете, дѣла, дѣла...

— Садитесь, пожалуйста.

— Какъ здоровье Павла Иваныча?

— Все въ томъ же положеніи,—отвѣтила Роня, провела своею маленькою рукою по лицу, словно снимая съ него паутину, и продолжала хлопотливо.—Вотъ что, Иванъ Семенычъ. Кромѣ болѣзни папы, меня очень тревожитъ настроеніе рабочихъ.

Красновъ крякнулъ.

— Общее движеніе, Вероника Павловна, общее движеніе,—отвѣтилъ онъ.—Развѣ только на вашей фабрикѣ? Вездѣ одно и то же. Я всегда утверждалъ, что худо кончится. Нельзя такъ, нельзя, Вероника Павловна.

— Согласитесь, однако, Иванъ Семеновичъ,—быстро возразила Роня:—что на нашей фабрикѣ это движеніе чисто-искусственно. Развѣ рабочіе недовольны отцомъ? И теперь, когда онъ тяжко захворалъ... Нѣтъ, движеніе на нашей фабрикѣ подогрѣвается отвратительными средствами: клеветой, загрязненіемъ репутаціи, даже чести безукоризненныхъ людей. Это гадко, это низко, это подло...

Красновъ снова усиленно крякнулъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ спокойно, хотя въ глазахъ его сверкнулъ злой огонекъ:—о комъ или о чемъ вы говорите. Но политика, особенно въ такой странѣ, какъ Россія, не допускаетъ чрез-

мѣрной щепетильности. Потомъ скажу вамъ: хотя я вообще сторонникъ политическихъ правъ женщинъ, но, чтобы заниматься политикой, все-таки надо глубже вникать въ дѣло.

Онъ откинулся на спинку кресла, какъ будто желая покончить съ этимъ вопросомъ.

Но Роня возразила:

— Помилуйте, Иванъ Семенычъ, какая же тутъ политика? Папа дѣлаетъ добро, а за это ему платятъ неблагодарностью.

Красновъ потеръ руки и рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, знаете, Вероника Павловна, мы не столкуемся. Вопросъ это очень сложный, и если я съ вами буду о немъ говорить, то съ совершенно другой стороны. Я въ личныхъ отношеніяхъ ставлю честность высоко, очень высоко. Я всегда утверждалъ и утверждаю, что эти отношенія должны быть вполнѣ корректны. Меня возмущаетъ всякое двусмысленное положеніе.

— Я васъ не понимаю,—возразила Роня, и, по ея растерянному виду судя, она дѣйствительно ничего не понимала.

— Позвольте мнѣ выразиться вполнѣ опредѣленно и ясно,—проговорилъ Красновъ съ большою авторитетностью.—Можетъ быть, у васъ рабочимъ живется лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Я это вполнѣ признаю, иначе я не поддерживалъ бы дружескихъ отношеній съ Павломъ Ивановичемъ и его домомъ. Только не въ этомъ дѣло. Фабриканты вообще крайне непопулярны, а въ послѣднее время къ нимъ стали относиться очень недоброжелательно, скажу: враждебно, даже съ ненавистью. Одинъ человѣкъ—я разумѣю Павла Ивановича — тутъ ничего не значитъ. Сталкиваются двѣ грозныя силы: капиталъ и трудъ. Спрашиваю васъ и жду отъ васъ честнаго отвѣта, какъ и я говорю съ вами честно: на чьей сторонѣ я долженъ быть? То есть на сторонѣ капитала или на сторонѣ труда? Всѣ мои симпатіи на сторонѣ обиженнаго, страждущаго, на сторонѣ меньшей братіи. Я всегда утверждалъ, что народъ страдаетъ. И теперь, когда онъ вступилъ въ рѣшительную борьбу, я долженъ стоять на его сторонѣ, я долженъ держать знамя его интересовъ высоко. Не въ личныхъ отношеніяхъ тутъ дѣло: я могу чувствовать искреннее расположеніе къ Павлу Ивановичу или даже къ вамъ, но принципъ, принципъ выше всего. Вы меня поняли, Вероника Павловна? Вы поняли, что здѣсь никакія уступки для меня невозможны?

— Я такъ несчастна, Иванъ Семеновичъ,—отвѣтила Роня съ прежнимъ растеряннымъ видомъ.—Я такъ мало понимаю въ политикѣ. Мнѣ трудно васъ убѣдить. Но вотъ что,—блеснула у нея мысль:—я позову Ѳедора Ѳедоровича—онъ васъ убѣдитъ.

Она хотѣла уже позвать Иванова, но Красновъ остановилъ ее повелительнымъ жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь, Вероника Павловна,—сказалъ онъ.—Мы съ нимъ не столкуемся. Онъ самъ по себѣ, можетъ быть, и симпатичный человѣкъ, но онъ, какъ и Селезневъ, представитель буржуазіи изъ народа, худшей изъ всѣхъ буржуазій...

— Какъ,—воскликнула Роня съ широко раскрытыми глазами:—вы ставите Ѳедора Ѳедорыча на одну доску съ Селезневымъ?..

— Не совсѣмъ,—возразилъ Красновъ съ прежнею авторитетностью, подчеркивая каждое слово.—Селезневъ—буржуа-хозяинъ, Ивановъ—буржуа-приказчикъ. Но сегодняшній приказчикъ можетъ завтра стать хозяиномъ,—одного поля ягода, Вероника Павловна, одного поля ягода.

Кровь кинулась Ронѣ въ голову. Она почувствовала себя оскорбленной не то за Иванова, не то за себя.

— Я полагаю,—проговорила она обидчиво:—что пора прекратить этотъ разговоръ. Не то, пожалуй, и я окажусь въ компаніи Селезнева.

Роня встала, всталъ и Красновъ.

— Не по душевнымъ качествамъ, Вероника Павловна,—продолжалъ онъ:—не по душевнымъ качествамъ... Какъ честный человѣкъ, я считалъ своимъ долгомъ объяснить вамъ откровенно причину моего отказа быть впредь юрисконсультомъ вашей фабрики... Ахъ, да,—вспомнилъ онъ:—за мной есть тамъ маленькій должокъ... сущіе пустяки... я теперь его скоро уплачу...

Роня съ испугомъ глядѣла на Краснова. Но онъ, повидимому, этого не замѣчалъ.

— Честь имѣю кланяться,—отвѣсилъ онъ низкій поклонъ и, полагая, что Роня съ намѣреніемъ не подаетъ ему руки, вышелъ съ гордо поднятой головой.

И только когда онъ закрылъ за собой дверь, она опомнилась и безсильно опустилась въ кресло. Такъ она сидѣла, пока Сѣркинъ опять не отворилъ дверей, доложивъ:

— Евгенія Михайловна.

Роня слабымъ голосомъ, не оглядываясь, отвѣтила:

— Проси!

Сѣркинъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвушку, покачалъ головой и вышелъ. Черезъ секунду влетѣла Горяинова.

— Ахъ, ma pauvre Véronique!—воскликнула она, обнимая Роню и нѣсколько разъ крѣпко цѣлуя ее.—Какъ мнѣ васъ жаль, какъ мнѣ васъ жаль! Вы убиты горемъ, вы такъ страдаете, ma pauvre petite! Вы все еще не можете прійти въ себя. О, какъ я васъ понимаю, какъ я васъ понимаю, и какъ трогательно видѣть такую любовь въ наше время, когда люди такъ черствы. Мнѣ чаще, мнѣ ежедневно надо бывать у васъ, чтобы васъ утѣшать въ постигшемъ васъ ужасномъ горѣ. Но сегодня я зашла сюда, въ контору, по маленькому дѣлу. Вы догадываетесь, по какому? Да развѣ дога-

даться трудно? Вы вѣдь меня знаете? Ну, улыбнитесь мнѣ, улыбнитесь же, милая Роня. По какому дѣлу я, Евгенія Михайловна Горяинова, могла пріѣхать? Понятно же, только по дѣлу человѣколюбивому...

Но Роня не улыбнулась. Она какъ-то машинально только переспросила:

— Вы по дѣлу? По какому дѣлу? Простите, я задумалась.

— Прощать? Вы должны меня простить, что я васъ въ такое время безпокою. Но, повторяю, я никогда не рѣшилась бы васъ затруднять, если бы мое дѣло не было дѣломъ человѣколюбивымъ.

— Ахъ, если бы на свѣтѣ было больше человѣколюбія!—вырвалось у Рони.

— Voilà le mot!—воскликнула Горяинова.—Да, если бы на свѣтѣ было больше человѣколюбія. Но, позвольте, я васъ займу моимъ маленькимъ дѣломъ: это васъ развлечетъ. Болѣзнь вашего отца и моего друга Андерса васъ очень разстраиваетъ, chère Véronique, и это очень утѣшительно, особенно, повторяю, въ наше черствое время, когда родители перестали любить дѣтей, а дѣти—родителей, когда любви вообще и человѣколюбія въ частности становится все меньше и меньше. Но нельзя отчаиваться. Итакъ, я васъ немного развлеку. Видите, въ чемъ дѣло. Я задумала нѣчто совсѣмъ новое. Вы никогда не догадаетесь, что́ собственно я задумала. Скажите, пожалуйста, отчего до сихъ поръ никому не пришло на умъ позаботиться о женщинахъ, остающихся безъ всякихъ средствъ къ существованію послѣ смерти ихъ кормильцевъ, я хочу сказать: мужей? Вы подумайте только, chère Véronique, сегодня обезпеченность, довольство, можетъ быть, даже роскошь, а завтра—нищета!! Вы вдумайтесь только въ положеніе этихъ женщинъ, вы вникнете въ ихъ безпомощность, въ ихъ страданія! Я могла бы привести вамъ много примѣровъ, des exemples navrants, но это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Вотъ я и намѣрена создать убѣжище, пріютъ для этихъ несчастныхъ женщинъ.

— Вы думаете, что только такія женщины нуждаются въ состраданіи?..

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—замахала Горяинова обѣими руками и даже привскочила.—Несчастныхъ всякаго рода такъ много, такъ ужасно много! Но вѣдь объ этихъ женщинахъ никто не заботится. И вотъ мой пок... мой другъ Андерсъ обѣщалъ мнѣ внести свою лепту...

— Обѣщанія моего отца святы,—устало проговорила Роня.

— Онъ, правда, въ точности не опредѣлилъ размѣра своего взноса....

— Все равно, вы можете на меня разсчитывать... Не знаю, сколько у насъ свободныхъ суммъ, но я посовѣтуюсь съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ...

— Я увѣрена,—воскликнула Горяинова:—что при добротѣ вашего сердца взносъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать почетной извѣстности вашей фирмы. Тѣмъ болѣе,—прибавила она уже таинственно, наклонившись къ Ронѣ надъ столомъ:—что задуманный мною пріютъ принятъ подъ свое покровительство одной высокопоставленной особой...

Она прошептала Ронѣ имя этой высокопоставленной особы и продолжала уже громко, съ полнымъ сознаніемъ важности того, что она сообщаетъ:

— Могу васъ увѣрить, что особѣ этой будетъ очень пріятно видѣть фамилію моего друга Андерса во главѣ списка жертвователей...

Горяинова не успѣла договорить, какъ въ дверяхъ показалась голова Сѣркина, доложившаго:

— Петръ Сергѣевичъ!

VIII.

По тѣлу Рони пробѣжалъ точно электрическій токъ. Она вскочила и бросилась навстрѣчу Мостовскому.

— Дѣдуня,—вырвалось у нея, но она спохватилась и, держа руку Мостовскаго въ своей рукѣ, обратилась снова къ Горяиновой:—Простите, милѣйшая Евгенія Михайловна, я посовѣтуюсь, я сдѣлаю все, все, что можно.—Затѣмъ она снова привѣтствовала Мостовскаго, заглядывая ему радостно въ глаза.—Какъ я рада, какъ я безконечно рада васъ видѣть, дѣдуня!

— Здравствуйте, Роня, здравствуйте, подшибленная моя пташечка,—отвѣчалъ Мостовскій на ласки Рони.—Какъ поживаете, Евгенія Михайловна?—обратился онъ къ Горяиновой и спросилъ:—Я не помѣшалъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Евгенія Михайловна только по маленькому дѣлу,—отвѣтила Роня.

— Отъ васъ, chère Véronique,—прервала ее Горяинова:—зависитъ значительно его расширить.

— Ну да, ну да,—проговорила Роня уже нетерпѣливо.—Дастъ Богъ, оно будетъ процвѣтать. Но пока мы съ нимъ покончили, а мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить съ дѣдуней.

— Ухожу, ухожу, не буду мѣшать,—заторопилась Горяинова.—У меня, какъ всегда, куча дѣлъ. И я вполнѣ понимаю, что и другіе заняты. Школьное ваше дѣло на фабрикѣ все развивается, Петръ Сергѣевичъ,—не правда ли? Какъ я ему сочувствую и не только въ принципѣ, mais parce que j'adore ces petits bambins! Однако, не задерживаю, не задерживаю... Итакъ, я твердо на васъ разсчитываю, chère Véronique.

— Сдѣлаю, что могу,—чуть не простонала Роня.—Прощайте, Евгенія Михайловна.

Роня проводила ее до дверей и тутъ же опустилась на стулъ.

— Наконецъ ушла. Измучила она меня.

Мостовскій подошелъ къ Ронѣ и спросилъ участливо; его пріятный баритонъ раздавался мягко и вкрадчиво:

— Да что съ вами, Роня? Вы сегодня такъ возбуждены, такъ нервны.

Роня вскочила.

— Вы не повѣрите, дѣдуня, какъ люди гадки, какъ они противны. Представьте себѣ, Иванъ Семеновичъ... Но не въ немъ дѣло; о немъ послѣ. А вотъ рабочіе...

Она замялась.

— Что же рабочіе?

— Ахъ, и не хочется говорить... До чего только могутъ дойти люди въ своей глупости... Просто повѣрить трудно, какіе гнусные слухи они распускаютъ про Илью Петровича...

— Про Ильюшу?

— Ну да, ну да. Чортъ знаетъ, что говорятъ.

Мостовскій сперва какъ бы смутился, но вдругъ сталъ декламировать:

Повѣрили глупцы,—другимъ передаютъ....
И вотъ общественное мнѣнье.

— Да, но этого нельзя такъ оставить,—рѣшительно заявила Роня.

— Въ чемъ же собственно дѣло?—съ скрытымъ любопытствомъ и тревогой спросилъ Мостовскій.

— Такія гадости! Будто бы онъ утаилъ чужія деньги или что-то въ этомъ родѣ. Знаете что, дѣдуня: поговорите съ рабочими, выясните имъ всю нелѣпость этихъ подлыхъ розсказней. Ваше имя пользуется такой популярностью. Они вамъ повѣрятъ...

— Во всемъ повѣрятъ, Роня, только не въ этомъ,—возразилъ Мостовскій уже спокойно.—Я—отецъ.

Онъ на минуту призадумался.

— Знаете, Роня, къ кому лучше всего обратиться,—рѣшилъ онъ наконецъ.—Поручите это дѣло Ѳедору Ѳедорычу: онъ съ нимъ справится,—и Мостовскій какъ-то странно улыбнулся.—Рабочіе вѣрятъ ему въ дѣлахъ, а мнѣ съ Красновымъ въ обѣщаніяхъ. Вотъ обѣщать мы имъ можемъ,—они повѣрятъ. Тутъ они вѣрить хотятъ. И знаете что, Роня, они правы, что мнѣ въ дѣлахъ не вѣрятъ. Какой я дѣловой человѣкъ? Вы вѣдь знаете, Роня: я въ дѣлахъ—малое дитя.

И у Мостовскаго въ эту минуту было такое простосердечное, наивное лицо, что нельзя было сомнѣваться, что онъ дѣйствительно въ дѣлахъ ровно ничего не смыслитъ.

— Увѣряю васъ, Роня, обратитесь къ Ѳедору Ѳедорычу: онъ все прекрасно устроитъ.

Роня покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, —возразила она:—мнѣ Ѳедоръ Ѳедорычъ самъ сказалъ, что ему рабочіе въ этомъ дѣлѣ не повѣрятъ.

— Ему не повѣрятъ? Можетъ ли быть?—переспросилъ Мостовскій съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.—Ну, да велика ли бѣда? Не повѣрятъ, такъ не повѣрятъ. Пусть себѣ сплетничаютъ. Посплетничаютъ, посплетничаютъ, да и перестанутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя такъ оставить,—съ жаромъ возразила Роня.—Богъ знаетъ, что у нихъ на умѣ...

— Да, время теперь безпокойное,—подтвердилъ Мостовскій.—Знаете что, Роня, обратитесь къ Краснову. Онъ очень популяренъ. Да, Роня, обратитесь къ нему. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ могутъ человѣка ни за что ославить и чего добраго укокошить...

При этихъ словахъ Роня вся поблѣднѣла.

— Нѣтъ, дѣдуня,—возразила она:—вы сами только что сказали, что и Краснову рабочіе не повѣрятъ. Къ тому же онъ торжественно отрекся отъ фабрики. Фабриканты, говоритъ онъ, ненавистны обществу, и онъ съ ними якшаться не хочетъ. Другъ дома!—промолвила она, и болѣзненная улыбка искривила ея лицо.

— Это — новость, — произнесъ Мостовскій задумчиво.— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—новость, не неожиданная. Время ужъ такое: ничего не подѣлаешь. Вотъ что, Роня, вамъ вообще надо быть осторожнѣй въ отношеніяхъ съ людьми. Возьмемъ, напримѣръ, княгиню...

— При чемъ тутъ княгиня!—съ удивленіемъ спросила Роня.

— Вы ее очень любите, пташечка моя?

— Кромѣ хорошаго я ничего отъ нея не видѣла. Она всегда предупредительна, добра, сама вызвалась ѣхать со мною за границу...

— Куда же ей и было дѣваться?

— Я васъ не понимаю, дѣдуня.

— Нѣтъ, я долженъ сказать правду. Вы ошиблись въ Красновѣ, вы ошибаетесь и въ княгинѣ. Роня, вы знаете, какъ я васъ люблю. Я долженъ васъ оберечь отъ ошибокъ теперь, когда вашъ естественный совѣтникъ временно, будемъ надѣяться, умолкъ, когда онъ не можетъ вамъ протянуть руку помощи. Что такое княгиня? Покойный ея мужъ занималъ довольно видный постъ; но прокутилъ и ея, и свое состояніе, оставивъ ей полупенсію, ничтожную при ея наклонностяхъ и привычкахъ. Что ей теперь остается? Жить по чужимъ людямъ, въ богатыхъ домахъ. Приживалки бываютъ не только въ повойникахъ, но и съ замашками великосвѣтскихъ дамъ...

Роня вся съежилась, словно ей нанесли по головѣ ударъ.

— Перестаньте, ради Бога, дѣдуня, перестаньте,—взмолилась она:—я не могу, я не хочу васъ слушать.

— Да я такъ только,—успокаивалъ Мостовскій:—къ слову пришлось. А насчетъ Ильюши, Роня, не безпокойтесь. Я знаю, что

мнѣ дѣлать. Я поговорю съ нимъ самимъ, и я увѣренъ, что онъ сумѣетъ покончить съ этими нелѣпыми слухами. Ну что, моя милая пташечка, мой безцѣнный пострѣленокъ? Все грустите, все нервничаете,—прибавилъ онъ, видя, что Роня никакъ не можетъ успокоиться.—Страшное горе васъ постигло. Но не забудьте, Роня, что у васъ есть друзья. Не одинъ же Красновъ и княгиня существуютъ на свѣтѣ. Дайте-ка мнѣ руку.

Онъ взялъ холодную руку Рони и медленно поднесъ ее къ губамъ.

— А теперь улыбнитесь мнѣ,—продолжалъ онъ:—вотъ такъ, вотъ такъ! Немного отлегло? Отошло? Дѣла житейскія. Вновѣ трудненько, но потомъ все устроится, все уляжется. И какая у насъ Роня будетъ дѣловая женщина!

Мягкій его баритонъ и ласкалъ, и нѣжилъ, глаза его улыбались такъ искренно, такъ дружелюбно, что Роня ожила.

— Вотъ такимъ, дѣдуня, я васъ люблю,—говорила она, не спуская глазъ съ Мостовскаго, словно ища въ немъ опоры.—И не надо отзываться о другихъ дурно, не надо меня мучить—мнѣ и такъ не легко.

Мостовскій продолжалъ ворковать:

— Побранились, помирились,—говорилъ онъ и не могъ удержаться, чтобы не продекламировать съ чувствомъ:

Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья...

Но онъ вдругъ оборвалъ.

— Ахъ, да, кстати, Роня,—проговорилъ онъ беззаботно:—почти совсѣмъ забылъ сказать вамъ, почему я зашелъ къ вамъ сюда, въ контору. Опять кредиторъ донимаетъ. Завтра срокъ вексельку. Я такъ мало въ дѣлахъ смыслю, Роня. Все еще старые счеты по изданіямъ. Векселекъ самый пустой, всего на 500 рублей. Ихъ тамъ уже много въ конторѣ, но все на мелкія суммы...

— Мнѣ папа ничего не говорилъ,—промолвила Роня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Не знаю, есть ли въ конторѣ деньги. Спрошу Ѳедора Ѳедорыча. Въ крайнемъ случаѣ, могу дать изъ своихъ: у меня есть маленькія сбереженія. Но оставимъ этотъ разговоръ. Такъ вы съ Ильей Петровичемъ переговорите. Онъ такой умный, онъ сумѣетъ все уладить...

— Да вотъ и онъ!—воскликнулъ Мостовскій.

Дѣйствительно, въ кабинетъ вошелъ, какъ обыкновенно, безъ доклада Ильюша. Костюмъ его былъ такъ же изященъ, движенія такія же мягкія, только взглядъ его большихъ черныхъ глазъ былъ печальнѣе обыкновеннаго, и вообще у него видъ былъ сосредоточенный. Онъ подошелъ къ Ронѣ и почтительно поцѣловалъ у нея руку.

— Какъ здоровье Павла Ивановича?—спросилъ онъ тихо и, взглянувъ съ участіемъ на Роню, прибавилъ:—Вы какъ будто чѣмъ-то встревожены, Вероника Павловна?

— На фабрикѣ все благополучно?—спросила Роня.

— Совершенно благополучно,—успокоительно отвѣтилъ Илюша.—Только въ котлѣ маленькая неисправность. Ремонтикъ потребуется. Я зашелъ позвать Ѳедора Ѳедорыча, чтобы вмѣстѣ осмотрѣть, да еще насчетъ кое-чего распорядиться. Все пустяки, Вероника Павловна.

— Ступайте, ступайте, Илья Петровичъ,—ласкала и ободряла Илюшу Роня.—Когда я васъ вижу, я всегда успокаиваюсь.

— Развѣ что-нибудь случилось?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего. Тамъ была исторія съ Иваномъ Семеновичемъ...

Илюша вопросительно взглянулъ на отца.

— Онъ отказывается отъ фабрики,—продолжала Роня.

Илюша покачалъ нѣсколько разъ головой, какъ будто ему сообщали нѣчто, хотя и прискорбное, но давно предусмотрѣнное.

— Потомъ эти вѣчные слухи о волненіяхъ среди рабочихъ. Это приводитъ меня въ нервное состояніе. Но теперь все хорошо. Такъ я позову Ѳедора Ѳедорыча,—закончила она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—остановилъ ее Илюша.—Ради Бога не безпокойтесь. Я самъ къ нему пойду.

— И я съ тобой,—точно обрадовался Мостовскій.—Мнѣ надо перекинуться двумя словами съ нимъ, только двумя словами: я васъ нисколько не задержу. Значитъ, можно?—обратился онъ къ Ронѣ.

— Можно, можно! До свиданія,—отвѣтила она и проводила уходившихъ долгимъ взглядомъ, полупечальнымъ, полулюбовнымъ. Въ дверяхъ Мостовскій, пропустивъ Илюшу, повернулся еще разъ къ Ронѣ и успокоительно кивнулъ ей головой.

Сѣркинъ, уже нѣсколько разъ заглядывавшій въ дверь, насмѣшливо доложилъ:

— Господинъ Кукинъ.

Роня вздрогнула.

— Кукинъ... Кукинъ... Что за Кукинъ?—спросила она, словно ничего не понимая.

Сѣркинъ степенно пояснилъ:

— Они уже были-съ у Павла Иваныча. Кажись, насчетъ газеты для рабочихъ,—прибавилъ онъ.

— Можетъ быть, и нужный человѣкъ,—подумала Роня вслухъ и прибавила:

— Проси!

Кукинъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, вошелъ, словно маршируя, но, присмотрѣвшись къ Ронѣ, вдругъ измѣнилъ походку, не подошелъ, а скорѣе подлетѣлъ къ ней, любезно спрашивая:

— Вероника Павловна?

— Чѣмъ могу служить?

Роня уже сидѣла въ своемъ креслѣ у письменнаго стола.

— Вы позволите?—освѣдомился Кукинъ и на утвердительный знакъ Рони усѣлся на стулѣ противъ нея. Затѣмъ онъ повелъ рѣчь внушительно.

— Я уже имѣлъ честь докладывать Павлу Иванычу о пользѣ распространенія среди рабочихъ вашей фабрики моей газеты «Стягъ». Онъ отнесся къ моему предложенію не съ тѣмъ... вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ. Но теперь движеніе среди рабочихъ все разрастается. Я убѣжденъ, что, если бы Павелъ Иванычъ занимался въ настоящее время дѣлами, то онъ обстоятельнѣе вникъ бы въ громадное значеніе изданія...

— Да, да,—поспѣшила согласиться Роня:—это рабочее движеніе принимаетъ, повидимому, серьезные размѣры.

— Меня, Вероника Павловна, не хотѣли слушать, когда я предсказывалъ, что все это можетъ худо кончиться. Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ. Но теперь слѣпые увидѣли, глухіе услышали. Волна вздымается все выше и выше: она можетъ затопить міръ... если не принять мѣръ предосторожности. Враги порядка не брезгаютъ никакими средствами: они сулятъ журавля въ небѣ, они обманываютъ, лгутъ, клевещутъ...

— Какъ ваше замѣчаніе вѣрно!—подхватила Роня.

У Кукина точно выросли крылья.

— И послѣдствія ихъ агитаціи ужасны,—продолжалъ онъ ораторствовать съ жаромъ.—Вездѣ убійства, разбои, грабежи. Вы развѣ всѣми фибрами вашего существа не чувствуете, что мы уже переживаемъ ужасы гражданской войны съ безчисленными жертвами, потоками крови, разложеніемъ государства, крушеніемъ цивилизаціи. Надо бороться, надо бороться, надо бороться,—бороться, не давая себѣ ни секунды передышки. Завѣдуя дѣлами фабрики, вы, вѣроятно, уже сами въ этомъ убѣдились. Вы пережили уже не одинъ тревожный часъ. Можетъ быть, отчаяніе уже закралось въ ваше сердце. Но терять мужества не слѣдуетъ. Каждый изъ насъ долженъ быть на своемъ посту. Если бы вы мнѣ позволили, я могъ бы вамъ развить цѣлый планъ противодѣйствія рабочему движенію...

— Вы—не юристъ?—спросила Роня, какъ бы соображая что-то.

— Какъ же,—отвѣтилъ Кукинъ.—Я кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ и теперь служу въ вѣдомствѣ, гдѣ нерѣдко встрѣчаются юридическія дѣла.

— Вы не профессоръ?—продолжала допрашивать Роня.

— Нѣтъ, знаете, всѣ профессора—либералы или хуже того. А я—врагъ разрушенія. Созидать надо, Вероника Павловна, созидать оплоты противъ вздымающихся волнъ разрушенія, противъ про-

исходящей вездѣ подпольной работы, противъ этихъ минъ и подкоповъ, угрожающихъ страшной катастрофой. Вѣдь вы посмотрите,—возвышалъ онъ все болѣе голосъ:—вѣдь вы послушайте, что вокругъ насъ происходитъ. Это нѣчто такое...

Но Кукинъ не договорилъ. Съ большою отчетливостью раздались послѣдовательно три сухихъ удара.

Поблѣднѣлъ Кукинъ, поблѣднѣла Роня.

— Господи, да что это такое!—воскликнула она, вскочивъ.— Илья Петровичъ говорилъ, что въ котлѣ что-то неладно, но это не похоже на взрывъ...

Она дрожащею рукою надавила кнопку электрическаго звонка и продолжала растерянно говорить:

— Что это Сѣркинъ не идетъ?.. Θедора Θедорыча нѣтъ... Онъ ушелъ съ Ильей Петровичемъ... Сѣркинъ, Сѣркинъ,—крикнула она вдругъ въ изступленіи.

Кукинъ старался ее успокоить, хотя и у него голосъ обрывался.

— Не извольте тревожиться, Вероника Павловна,—бормоталъ онъ.—Пустяки какіе-нибудь, хотя...

— Нѣтъ, знаете, я такая нервная. Посмотрите, пожалуйста, что тамъ такое. Сѣркинъ, Сѣркинъ,—крикнула она снова въ безумномъ страхѣ.

— Бѣгу, бѣгу,—бросился Кукинъ къ двери:—служить всегда вамъ радъ.

Но тутъ онъ почти столкнулся съ Ильюшей, который вбѣжалъ въ комнату блѣдный, какъ смерть, еле переводя дыханіе и, отстранивъ Кукина, забѣжалъ за письменный столъ.

— Бога ради, что съ вами!—вскричала Роня, все еще сильно встревоженная, но уже безъ признаковъ охватившаго ее паническаго страха.

— Они меня и здѣсь убьютъ,—проговорилъ Ильюша.—Изъ окна въ меня стрѣляли...

— У васъ рука въ крови,—кинулась къ нему Роня.

Ильюша машинально поднялъ руку, сталъ ею двигать и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не раненъ... Царапина какая-нибудь... Я успѣлъ убѣжать... но Θедоръ Θедорычъ...

Въ дверяхъ показался Сѣркинъ и, широко крестясь, доложилъ:

— Θедоръ Θедорычъ Богу душу отдалъ. Царствіе ему небесное.

Роня отшатнулась къ стѣнѣ и стояла тутъ съ остановившимся взглядомъ. Она походила на трупъ.

Кукинъ, должно быть, сообразилъ, что въ эту минуту ему здѣсь дѣлать нечего, и тихо спросилъ Сѣркина:

— Любезнѣйшій, какъ мнѣ вѣрнѣе пройти домой?

— Ступайте, ступайте, господинъ Кукинъ,—отвѣтилъ Сѣркинъ:—васъ-то никто не тронетъ.

IX.

Въ паркѣ было тихо. Только вѣтеръ изрѣдка срывалъ желтые листья, которые безшумно падали на дорожки, напоминая о быстромъ приближеніи осени. Но было еще тепло.

Княгиня сидѣла передъ террасою на садовомъ стулѣ со скамеечкой въ ногахъ и предавалась своему любимому занятію — вышиванію. Поодаль, на своемъ обычномъ мѣстѣ сидѣлъ Алеша въ тепломъ студенческомъ пальто и калошахъ и читалъ книгу.

— Не устали читать, Алеша?—спросила княгиня, мелькомъ взглянувъ въ его сторону.

Алеша ничего не отвѣтилъ.

Черезъ нѣкоторое время княгиня опять взглянула на студента.

— Ужасныя событія проходятъ мимо васъ: вы ихъ не замѣчаете?—проговорила снова княгиня, но Алеша и на этотъ разъ промолчалъ.

— Авель, гдѣ вашъ братъ Каинъ?—спросила княгиня замогильнымъ голосомъ.

Алеша схватился рукой за голову.

— И зачѣмъ, княгиня,—чуть не простоналъ онъ:—вы вѣчно перевираете цитаты, даже изъ священнаго писанія? Это дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

Княгиня вздохнула съ облегченіемъ, точно совершила трудную работу, заставивъ Алешу заговорить, встала и пересѣла къ нему на скамейку, гдѣ продолжала вышивать.

— Въ цитатахъ я часто ошибаюсь,—сказала она:—но не въ жизни, Алеша, не въ жизни. Вашъ братъ—не Каинъ, онъ даже не Іуда, онъ просто—заяцъ. Онъ трусливо бѣжалъ, какъ заяцъ. А вы все-таки, Авель, ваша жертва угодна Богу.

— Я жертвоприношеніями не занимаюсь. Перестаньте, ради Бога, княгиня.

— Можетъ быть,—согласилась княгиня:—можетъ быть, но все-таки есть люди, угодные Богу. Алешенька, вы—Божій человѣкъ, какъ святой, имя котораго вы носите. Вы угодны не только Богу, но и всѣмъ праведникамъ, въ томъ числѣ и Ронѣ.

— Не призывайте имени Господа всуе и оставьте Роню въ покоѣ,—взмолился еще разъ Алеша:—мнѣ грустно, княгиня, перемѣните, пожалуйста, тонъ.

У него былъ видъ по-истинѣ страдальческій. Но княгиня не обратила на это вниманія.

— Вамъ всегда грустно, Алешенька, а у меня другого тона нѣтъ; при томъ мой тонъ выстраданъ, а ваша грусть—наносна. Вы, очевидно, не знаете, что одиночество, душевное одиночество озлобляетъ. Гдѣ вамъ это знать? У васъ книги, цѣлый міръ сладостныхъ грезъ

и видѣній. Но вотъ что вы мнѣ объясните, Алешенька: какъ это Роня можетъ одновременно любить людей, столь различныхъ, какъ вы и вашъ братъ? Не удивительно ли это? Но еще удивительнѣе, что люди, столь различные, какъ вы и я, до поры до времени должны быть союзниками.

Алеша съ досадою отвернулся, дѣлая видъ, что снова углубляется въ чтеніе.

Княгиня улыбнулась и произнесла, цѣдя каждое слово:

— Не пора ли вамъ промѣнять книжную мудрость на простую житейскую логику? Заяцъ сбѣжалъ—это очень хорошо. Но, Алешенька, что если Роня побѣжитъ за зайцемъ?

Алеша вдругъ захлопнулъ книгу и проговорилъ съ совершенно несвойственной ему энергіей:

— Этого никогда не будетъ, слышите, никогда.

Княгиня взглянула на студента такъ, какъ смотрятъ на ребенка.

— Вамъ, поэтамъ,—улыбнулась она:—дано пророчествовать. Я не пророчествую, но утверждаю, что это очень легко можетъ случиться, и что это нисколько не мирится ни съ вашими, ни съ моими намѣреніями. Поэтому мы должны быть въ этомъ дѣлѣ союзниками. Поняли ли вы меня? По глазамъ вижу, что не поняли. Вы опять мечтаете! Алёшенька, мой житейскій силлогизмъ слѣдующій: если мы любимъ Роню и если не хотимъ, чтобы ея любовь къ третьему лицу сдѣлала ее несчастной, то не цѣлесообразно ли, чтобы мы противодѣйствовали этому сообща. Какъ вы полагаете?

У Алеши былъ теперь видъ мечтательный. Онъ весь сгорбился, легкая судорога искривила его тонкія губы, уловить его взглядъ было совершенно невозможно. Онъ словно говорилъ самъ съ собою:

— Если Роня броситъ фабрику и побѣжитъ за Ильюшей, то какъ, какъ это назвать?

Княгиня внимательно слѣдила за студентомъ и отвѣтила за него почти его же интонаціею:

— Первое—умнымъ поступкомъ, особенно, если она выгодно продастъ фабрику, а второе—непростительною глупостью.

Но Алеша, повидимому, и не слышалъ отвѣта княгини. Онъ продолжалъ:

— А какъ назвать всѣ эти насилія, грабежи, убійства, все зло, которое полновластно царитъ на землѣ, всю эту кровь, въ которой мы захлебываемся?

— Милый Алеша,—попробовала возразить княгиня:—я васъ перестаю понимать.

Но Алеша ее не слушалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—замахалъ онъ руками:—все это одно и то же, и то, что можно назвать умнымъ поступкомъ, и то, что называютъ непростительною глупостью, и вся эта неправда, и все это зло, и вся эта кровь, въ томъ числѣ и кровь Ѳедора Ѳедорыча. Все это—одно и то же, все это только дурной сонъ.

Княгиня слегка дернула студента за рукавъ, словно желая его разбудить.

— А что же, по-вашему, не дурной сонъ?—спросила она.

— Та жизнь, которая наступитъ послѣ всѣхъ искупительныхъ жертвъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ага, понимаю,—уже съ раздраженіемъ возразила княгиня.— Когда Роня продастъ за безцѣнокъ фабрику и выйдетъ замужъ за вашего милаго братца, когда жизнь ея будетъ исковеркана, разбита,—тогда кончится дурной сонъ и начнется настоящая жизнь. И вы, Алешенька, полагаете, что эта жизнь будетъ сладка?

Студентъ схватился за голову.

— Все это зло,—простоналъ онъ,—неизбѣжно, иначе оно не могло бы быть. Вѣдь люди не сошли же поголовно съ ума, а только сумасшедшіе могли бы навлечь на себя всѣ эти муки по доброй волѣ. Поймите же меня, наконецъ, злая женщина...

Княгиня медленно встала, аккуратно сложила свою вышивку и направилась величественно къ террасѣ. По дорогѣ она, однако, остановилась и сказала вполоборота:

— Я не умѣю философствовать. Я должна теперь смѣнить Роню у Павла Ивановича. Она, вѣроятно, придетъ сюда подышать свѣжимъ воздухомъ, и я надѣюсь, что вы въ разговорѣ съ нею оставите свои бредни и будете имѣть въ виду ея счастье. Вѣдь вы ее любите, Алешенька. До свиданія.

И она своею медленною, степенною поступью пошла къ дому, а Алеша, продолжая держать обѣими руками голову, остался неподвижно на мѣстѣ. Вѣтеръ усилился, зашумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ, срывая листья, которые частымъ дождемъ посыпались на площадку передъ домомъ. Вмѣстѣ съ этимъ порывомъ вѣтра на террасѣ появилась Роня. Она облокотилась на баллюстраду и долго смотрѣла вглубь парка, точно кого-то ожидая, затѣмъ сошла съ террасы и опустилась на ближайшій стулъ. Она увидѣла студента.

— А я тебя и не замѣтила, Алеша,—проговорила она медленно.

— Какъ Павелъ Иванычъ?—спросилъ онъ, но не дождался отвѣта.—Ты очень страдаешь, Роня?

Дѣвушка быстро встала и подсѣла къ Алешѣ.

— Папа спитъ, онъ теперь постоянно спитъ,—сказала она.— Но съ часъ тому назадъ онъ проснулся, и мнѣ показалось, что онъ совершенно сознательно взглянулъ на меня. Отъ этого взгляда у меня по спинѣ прошелъ морозъ. «Что дѣлается на фабрикѣ?» спрашивалъ онъ. Что дѣлается на фабрикѣ? Ѳедоръ Ѳедорычъ убитъ. Приходилъ ко мнѣ Селезневъ. Говоритъ: продайте мнѣ фабрику— она нужна моему сыну, онъ долженъ богатѣть, какъ и я, старикъ Селезневъ, богатѣлъ. Приходитъ Красновъ и говоритъ: заботясь о благѣ народа, не могу дружить съ фабрикантами, ихъ естественными врагами; отпустите меня. Ему все равно,—погибнетъ ли фаб-

рика, попадетъ ли она въ руки Селезнева, главное, чтобы никто не подумалъ, что онъ дружитъ съ фабрикантами. Приходитъ Евгенія Михайловна и говоритъ: я задумала очень оригинальное дѣло, призрѣніе какихъ-то бездомныхъ женщинъ. Ей и въ голову не приходитъ, что если фабрика погибнетъ, то тысячи мужчинъ, женщинъ, дѣтей останутся на болѣе или менѣе продолжительное время безъ куска хлѣба. Дѣдуня, по его собственнымъ словамъ, въ дѣлахъ малое дитя. А княгиня — женщина разсудительная, она, конечно, скажетъ, какъ и Селезневъ, что лучше всего продать фабрику и уѣхать въ теплые края...

Роня умолкла и долго сидѣла съ опущенной головой.

— Продать фабрику?—вдругъ какъ бы проснулась она.—Да развѣ это возможно? Я не могу видѣть папина взгляда, мнѣ дорога память Ѳедора Ѳедорыча. Знаешь, Алеша, что̀ мнѣ иногда на умъ приходитъ? Не отдать ли фабрику рабочимъ? Но нѣтъ, и этотъ выходъ для меня невозможенъ. Вѣдь папа мнѣ говорилъ, что это неизбѣжно приведетъ къ гибели фабрики...

— Роня,—проговорилъ Алеша съ мукою въ голосѣ:—я въ дѣлахъ ничего не смыслю. Тутъ—все борьба, а гдѣ борьба, тамъ ложь, насиліе, жестокость, кровь...

Но Роня не слушала. Она взглянула украдкой на Алешу, хотѣла что-то спросить, но, видимо, не рѣшилась. Такъ прошло съ минуту. Затѣмъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, она все-таки спросила:

— Алеша, скажи, ты любишь княгиню?

Вопросъ звучалъ равнодушно, но Алеша отвѣтилъ на него горячо:

— Въ томъ-то и мое горе, что я хотѣлъ бы любить людей, но я ихъ не люблю.

— И княгиню не любишь?

— Нѣтъ, и ея не люблю.

— Почему?

— Ахъ, если бы я зналъ, почему я людей не люблю.

— Ты въ ней что-нибудь замѣтилъ?

— Ничего особеннаго, но она вѣчно перевираетъ цитаты—это меня раздражаетъ. Затѣмъ ея высокомѣрный, насмѣшливый тонъ...

— Да, да, я сама замѣтила, хотя со мною она добра и ласкова. Слушай, Алеша, дѣдуня назвалъ ее сегодня такъ, что мнѣ даже страшно стало. Вообще я со времени болѣзни папы чувствую, что въ сердце мое закрадывается змѣя. Прежде всѣ мнѣ казались такими добрыми, хорошими... А теперь... Насчетъ княгини я стала припоминать... Алеша, тамъ въ глубинѣ парка кто-то ходитъ,— почти вскрикнула она, схвативъ его за руку.

— Нѣтъ, Роня, тамъ никого нѣтъ,—успокоительно замѣтилъ Алеша, хотя и ему стало почему-то жутко.

— Ахъ, я такая нервная. Да, что, бишь, я хотѣла спросить?.. Мы говорили о княгинѣ... Скажи, Алеша,—спросила она боязливо, сдѣлавъ снова усиліе надъ собою:—а брата своего ты любишь?

— Нѣтъ, я его не люблю,—отвѣтилъ Алеша, не глядя на Роню.

— Не любишь? Почему? Онъ такой милый, деликатный, добрый, ласковый. Онъ всегда, даже когда я была ребенкомъ, относился ко мнѣ хорошо.

— Онъ со всѣми, Роня, ласковъ.

— Ты, Алеша, предубѣжденъ противъ него: у тебя поэтическая натура, а онъ — дѣловой человѣкъ. Вотъ съ нимъ я могла бы управлять фабрикой. Правда, его теперь рабочіе не любятъ, но... Нѣтъ, Алеша, тамъ положительно кто-то ходитъ,—проговорила Роня въ испугѣ и даже вся поблѣднѣла.

— Да, дѣйствительно,—проговорилъ Алеша:—тамъ ходитъ какой-то мастеровой. Но чего ты боишься, Роня? Я его спрошу, чтó ему нужно...

— Нѣтъ, пойдемъ лучше домой,—слабо пыталась остановить его дѣвушка, но онъ былъ уже далеко.

Роня со страхомъ слѣдила за нимъ. Она видѣла, какъ онъ подошелъ къ мастеровому, какъ они о чемъ-то поговорили и затѣмъ направились въ ея сторону. Роня недоумѣвала, чтó все это значитъ. Мастеровой, уже по близости отъ нея, сталъ немного отставать, такъ что Алеша подошелъ къ ней одинъ.

— Это—Ильюша,—пояснилъ онъ.

X.

Роня всплеснула руками и бросилась къ Ильюшѣ.

— Это вы, Илья Петровичъ,—воскликнула она.—Нѣтъ... это не вы... Да, это вы.

Его, дѣйствительно, трудно было узнать въ костюмѣ мастерового съ бритымъ лицомъ и фуражкою набекрень.

— Какая неосторожность!—возмущалась Роня.—Отчего вы не уѣхали? Уѣзжайте, пожалуйста, поскорѣе.

— Я опоздалъ на поѣздъ,—объяснилъ Ильюша.—Отецъ требовалъ, чтобы я непремѣнно надѣлъ этотъ костюмъ для большей безопасности. Слѣдующій поѣздъ идетъ черезъ два часа. Я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы еще разъ съ вами повидаться...

— Я васъ не узнаю, Илья Петровичъ,—повторяла Роня:—нѣтъ, это вы! Но, если я васъ не узнала, то кто же васъ узнаетъ? Дѣдуня вамъ прекрасно посовѣтовалъ. И какъ я рада васъ видѣть. Но, смотрите, не опоздайте на слѣдующій поѣздъ. Вы ни за что не должны здѣсь оставаться. Я тѣмъ временемъ все сдѣлаю, чтобы рабочіе васъ полюбили. Но уѣхать вамъ непремѣнно надо. Какъ я рада васъ видѣть, но въ этомъ костюмѣ вы мнѣ чужды: я все еще не могу васъ признать. А все-таки,—улыбнулась она:—это—вы, да, это—вы.

Алеша, бросивъ печальный взглядъ на Роню, тихо отошелъ и скрылся въ боковой аллеѣ, а Роня продолжала:

— Вы мнѣ теперь напоминаете дѣтство, когда вы были еще гимназистомъ. Давно это было, но все, что васъ касается, я хорошо помню: какъ вы со мной играли, какъ мнѣ помогали уроки готовить, какъ вы всегда были привѣтливы, какъ вы меня катали въ лодкѣ тайкомъ,—гувернантка и папа всегда боялись, что я утону. О, у насъ было тогда много тайнъ! Помните, какъ вы мнѣ носили сюда въ паркъ мороженое, когда у меня горло болѣло? Помните? И оно мнѣ не повредило. Однако, разъ я попалась: вы за меня написали сочиненіе, а учитель сейчасъ замѣтилъ, но я васъ не выдала. Меня наказали, но за васъ я готова была пострадать: вы были такой добрый, такой славный. Помните?.. Ахъ, Боже мой, я разболталась, а вамъ пора уже ѣхать.

Ильюша посмотрѣлъ на часы.

— Еще есть время,—произнесъ онъ успокоительно.—На этотъ разъ я не опоздаю, хотя торопиться и надо: я заблудился въ переулкахъ, когда шелъ сюда окольнымъ путемъ, чтобы не попасться на глаза... Я хотѣлъ васъ просить, Вероника Павловна, въ мое отсутствіе не вѣрить слухамъ, которые какіе-то люди распространяютъ. Я никому не сдѣлалъ зла...

— Ну, конечно, Илья Петровичъ.

— Но, знаете, я всѣмъ этимъ политическимъ увлеченіямъ не сочувствую, а это создало мнѣ много враговъ, и они всячески меня чернятъ. Они навѣрное воспользуются моимъ отсутствіемъ, чтобы очернить меня и въ вашихъ глазахъ...

— Трудъ ихъ пропадетъ даромъ. Если я кому-нибудь вѣрю, то именно вамъ. И вы мнѣ такъ нужны теперь, когда я вслѣдствіе болѣзни папы и смерти Ѳедора Ѳедорыча почти совсѣмъ одинока.

— Ахъ, это убійство,—воскликнулъ Ильюша.—Я не могу о немъ вспомнить. Выходитъ, что я виноватъ въ смерти Ѳедора Ѳедоровича: стрѣляли вѣдь въ меня.

— Ну, чѣмъ же вы виноваты?.. Но, скажите, почему это рабочіе васъ такъ не любятъ?

— Когда страсти разгораются,—отвѣтилъ Ильюша съ убѣжденіемъ:—нуженъ козелъ отпущенія, и достаточно ничтожнаго слуха, чтобы ненависть направилась даже на совершенно невиннаго человѣка.

— Я все сдѣлаю, Илья Петровичъ,—горячо замѣтила Роня:—все сдѣлаю, чтобы разсѣять это роковое недоразумѣніе, и вы скоро, очень скоро вернетесь къ намъ.

— Вы знаете, Вероника Павловна, что я готовъ за васъ душу положить...

— И какъ мы тогда славно заживемъ, работая для фабрики. Папа будетъ радоваться, если ужъ не живя среди насъ, то тамъ, въ томъ другомъ мірѣ...

У нея навернулись на глазахъ слезы.

Они были настолько заняты разговоромъ, что не замѣтили, какъ подошла Дуня, съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывавшаяся въ Ильюшу и вздрогнувшая, когда узнала его.

— Барышня,—пролепетала она:—баринъ что-то безпокоится... Княгиня васъ проситъ...

— Это ты, Дуня,—всполошилась Роня.—Ты узнала Илью Петровича? Смотри,—никому ни словечка... Ахъ, папа безпокоится. Хорошо, я сейчасъ приду.

И она отпустила Дуню движеніемъ руки. Та сдѣлала видъ, что направляется къ террасѣ, но сама скрылась за деревьями въ боковой аллеѣ.

— Такъ прощайте же, Илья Петровичъ,—говорила между тѣмъ Роня:—прощайте и не мѣшкайте, уѣзжайте поскорѣе и пишите мнѣ, пишите почаще. Дастъ Богъ, скоро свидимся и ужъ болѣе не разстанемся... Прощайте, прощайте, прощайте...

Уходя и затѣмъ поднимаясь по террасѣ, она нѣсколько разъ оборачивалась и медленно кивала Ильюшѣ головой, а тотъ не спускалъ съ нея глазъ, пока она, кивнувъ ему въ послѣдній разъ, не скрылась въ домѣ. Затѣмъ онъ быстро направился въ глубину парка. Но не успѣлъ онъ пройти и двадцати шаговъ, какъ изъ кустовъ ему наперерѣзъ выбѣжала Дуня.

— Тебя-то мнѣ и надо,—сказалъ онъ ей со злобою.

— Ильюша, ты уѣзжаешь?—простонала она.

— Дуняша, что ты натворила? Это ты своего брата подожгла на такое дѣло. Полиція его ищетъ и найдетъ. Тогда и тебѣ не сдобровать: въ тюрьмѣ сгніешь...

— Напрасно коришь, Ильюша, я ни въ чемъ не повинна.

— Виновата или не виновата,—шипѣлъ онъ:—а въ тюрьмѣ сгніешь, если я за тебя не заступлюсь; а заступлюсь я за тебя только, если ты меня въ покоѣ оставишь и тотчасъ же отсюда уберешься, никому не сказавъ ни слова о томъ, что было. Слышишь,—никому, не то въ тюрьмѣ сгніешь. Уѣзжай тотчасъ же и брось обо мнѣ думать. Слышишь: брось.

— Не могу, Ильюша, люблю тебя,—взмолилась Дуня съ отчаяніемъ.

— Эй, Дуняша, брось—въ тюрьмѣ сгніешь. Вотъ тебѣ деньги...

Онъ сунулъ ей въ руку пачку кредитокъ. Она ихъ взяла, сама не сознавая, что дѣлаетъ, а онъ продолжалъ:

— И впредь будешь получать, только уѣзжай, уѣзжай поскорѣй, перестань обо мнѣ думать, слышишь, перестань и думать, не то въ тюрьмѣ сгніешь. Брось и думать.

Онъ хотѣлъ итти, но Дуня вцѣпилась въ него своими сильными крестьянскими руками.

— Ильюша,—молила она его:—ради Христа, ради меня... ради младенца...

Ильюша на минуту смутился.

— Младенца?—спросилъ онъ.—Какого младенца? Отъ кого младенецъ?.. Отъ меня?

Онъ злобно разсмѣялся.

— Отъ меня?—продолжалъ онъ.—Нѣтъ, не отъ меня, а отъ прохожаго молодца.

Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ вырвался изъ рукъ Дуни, грубо оттолкнулъ ее, стоявшую передъ нимъ на колѣняхъ, и убѣжалъ, прошипѣвъ въ послѣдній разъ:

— Слышишь, никому ни слова, не то сгніешь, сгніешь въ тюрьмѣ.

— Ильюша, Ильюша, не уѣзжай,—рыдала Дуня, то поднимаясь, то припадая снова къ землѣ. Затѣмъ она точно въ изступленіи кинулась за нимъ.

Зрителемъ конца этой сцены былъ Алеша. Когда Дуня убѣжала, онъ вышелъ на площадку и въ изнеможеніи опустился на свое обычное мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ на террасѣ снова появилась княгиня. Она звала:

— Дуня, гдѣ ты?

Не дождавшись отвѣта и замѣтивъ Алешу, она обратилась къ нему:

— Авель, гдѣ Дуня?.. Вы все молчите?

Она спустилась съ террасы, продолжая говорить:

— Вы все молчите, Авель? Вы не знаете, гдѣ Дуня? Впрочемъ, это не такъ важно: обойдутся и безъ нея. Я собственно сбѣжала оттуда. Къ Павлу Ивановичу пришли доктора. Не могу видѣть, какъ они безъ конца выстукиваютъ, мучатъ больного, когда смерть ужъ смотритъ черезъ плетень...

— Чрезъ заборъ, княгиня, чрезъ заборъ,—вырвалось у Алеши съ мукою.

Княгиня подсѣла къ нему и заговорила самымъ участливымъ образомъ, словно желая его успокоить:

— Знаю, Алешенька, знаю. У насъ, въ Россіи, смерть и заборъ имѣютъ что-то общее. Смерть смотритъ чрезъ заборъ, люди умираютъ подъ заборомъ, заборы подпираютъ мертвыми тѣлами. Но и это въ сущности не важно... Вы чѣмъ-то очень разстроены, Авель? Ваша тихая, кроткая, ангельская душа взволнована...

Княгиня хотѣла еще что-то спросить, но вниманіе ея было отвлечено Дуней, которая въ эту минуту пронеслась, какъ ураганъ, обратно черезъ террасу въ домъ.

— Дуня вернулась,—сказала она.—Вообще Дуня теперь какъ-то странно появляется и исчезаетъ. Пора и мнѣ исчезнуть, то-есть вернуться къ докторамъ.

Она встала и направилась къ дому. Въ дверяхъ она встрѣтилась съ Роней, которая ей сказала:

— Я говорила съ докторами. Какъ они ни притворяются, чтобы меня щадить, но я вижу, ясно вижу. Княгиня, вы побудете у папы? Мнѣ слишкомъ тяжело.

Княгиня отвѣтила:

— Иду, иду, не безпокойся, Роня. Если понадобишься, тотчасъ позову.

Увидѣвъ Алешу, Роня спросила:

— Братъ, надѣюсь, давно ушелъ?

— Давно.

Роня присѣла у стола.

— Ты видишь, Алеша, какой онъ славный. Вся моя надежда теперь на него: онъ фабрику поддержитъ.

Она припала лицомъ къ столу.

— Силы мнѣ измѣняютъ: я слишкомъ много страдала за это время, не правда ли, Алеша? Ты подумай только: болѣзнь отца, смерть Ѳедора Ѳедорыча, потомъ эти разочарованія въ людяхъ. Это слишкомъ, слишкомъ много. Вся надежда на твоего брата, вся надежда на него.

Алеша схватился за голову, вскочилъ и ушелъ. Роня не смотрѣла на него, но слышала удаляющійся звукъ его шаговъ.

— Ты уходишь, Алеша,—продолжала она говорить.—Да, меня нечѣмъ утѣшить. Ступай, ступай, знаешь, туда, къ пруду, на мое любимое мѣстечко. Почитаешь, помечтаешь, унесешься въ другой міръ, свѣтлый, радостный, гдѣ нѣтъ этого горя... Ахъ, если бы и я могла туда унестись, хоть на пять минутъ, хоть на минуту.

Алеши давно уже не было. Возлѣ Рони стояла Дуня, тихо подкравшаяся, оглядываясь, нѣтъ ли кого по близости.

— Барышня, а барышня,—окликнула она ее шопотомъ:—что я вамъ хочу сказать...

Роня не поднимала головы.

— Это ты, Дуня?—спросила она.—Что, голубушка? Папа спитъ?

— Баринъ спятъ-съ... Только я...

Роня вдругъ выпрямилась, почувствовавъ что-то неладное, и съ широко раскрытыми глазами смотрѣла на свою горничную.

— Да что это, Дуня? На тебѣ лица нѣтъ. Папа умеръ? Скажи, папа умеръ?

— Что вы, барышня, что вы?.. Нѣтъ, я насчетъ...

Она кинулась Ронѣ въ ноги.

— Да что съ тобой?—повторила Роня въ явномъ недоумѣніи.

— Спасите, барышня, спасите... Въ тюрьмѣ мнѣ сгнить или по свѣту съ позоромъ моимъ маяться...

И она истерически зарыдала.

— Ничего не понимаю,—недоумѣвала Роня.—Встань, Дуня, и говори толкомъ. Не насчетъ ли Ѳедора Ѳедорыча?

Дуня повиновалась, встала и сквозь рыданія отвѣтила:

— Да, и насчетъ Ѳедора Ѳедорыча...

— Ты знаешь, кто его убилъ?

Дуня перестала рыдать и съ горячностью отвѣтила:

— Ничего я не знаю, барышня, ничего не знаю,—и потомъ съ прежнею робостью прибавила:—только какъ Илья Петровичъ...

— При чемъ тутъ Илья Петровичъ?—строго спросила Роня.

— Только какъ рабочіе его очень не любятъ...

— Ну?

— Изъ-за того, что онъ ихъ сторону не держитъ, потомъ изъ-за этихъ праздничныхъ... И потомъ... Андрюша зналъ...

Она снова кинулась Ронѣ въ ноги и продолжала, уже стоя на колѣняхъ:

— Ей-Богу, барышня, я бы не говорила... но... если... если ужъ младенецъ взыгралъ...

— Какой младенецъ? Гдѣ взыгралъ?.. Дуня, ты беременна?

— Барышня, милая барышня, — продолжала вопить Дуня: — люблю я его, больше жизни люблю, все отдамъ для него...

— Для кого? Кого ты любишь?

— Илью Петровича, Ильюшеньку... Отъ него младенецъ.

Роня вскочила, какъ ужаленная, и глаза ея дико сверкнули.

— Лжешь!—крикнула она не своимъ голосомъ. Но она тотчасъ же снова опустилась на стулъ и съ тѣмъ же остановившимся, почти безумнымъ взглядомъ, съ какимъ встрѣтила вѣсть объ убійствѣ Ѳедора Ѳедорыча, пробормотала: —Все можетъ быть, самое невѣроятное можетъ быть, и это можетъ быть, все... все...

— Андрюша знаетъ,—зачастила между тѣмъ Дуня:—Петръ Сергѣичъ знаютъ-съ, многіе знаютъ, Алексѣй Петровичъ только что видѣли-съ...

— Ты говоришь: Петръ Сергѣевичъ?

— Да, сколько разъ мнѣ строго наказывали молчать...

— Такъ чего же ты отъ меня хочешь? Говори же наконецъ, чего... хочешь... ты... отъ меня?

Нечеловѣческія муки слышались въ этомъ вопросѣ.

Дуня испуганно встала и зачастила:

— Барышня, милая барышня, заступитесь. Онъ приказалъ мнѣ уѣхать. Куда я уѣду? Въ деревню... со своимъ срамомъ, чтобы люди меня осмѣяли?.. Молчать приказываетъ... Промолчу,—онъ за другими волочиться зачнетъ. Женится, тогда пропадай моя головушка... Грозится въ тюрьмѣ сгноить... Но чѣмъ я виновата, ежели Андрюша подсмотрѣлъ и рабочихъ науськивалъ на него?.. Заступитесь, барышня, Бога ради, заступитесь. Скажите ему, что такъ нельзя: онъ у васъ служащій, вами кормится и побоится вамъ перечить...

— Хорошо, хорошо,—соглашалась Роня:—я подумаю... Ступай себѣ, ступай...

Дуня снова бросилась на колѣни и страстно цѣловала руки у Рони; та не отнимала ихъ, но съ боязливымъ отвращеніемъ слѣ-

дила за всѣми движеніями горничной и только автоматически повторяла: «Ступай себѣ, ступай».

Наконецъ Дуня встала и, еще разъ поцѣловавъ у Рони руку, медленно повернулась и взошла на террасу, гдѣ встрѣтилась съ Мостовскимъ. Она пропустила его, потупивъ взоръ. Тотъ взглянулъ на нее подозрительно.

XI.

— Какой ужасъ, какой ужасъ!—воскликнулъ Мостовскій, подходя къ Ронѣ.—Нашего Өедора Өедоровича нѣтъ... Слава Богу, что Ильюша-то уцѣлѣлъ...

Онъ подсѣлъ къ Ронѣ, которая упорно избѣгала его взгляда.

— Я хотѣлъ вамъ сообщить, Роня,—продолжалъ онъ:—что Ильюша благополучно уѣхалъ.

— Уѣхалъ,—повторила, какъ эхо, Роня.

— Вы такъ добры къ нему, принимаете въ немъ такое участіе... Я его и проводилъ, не подавая, конечно, вида, только чтобы убѣдиться, что все обошлось благополучно. А ловко я придумалъ насчетъ костюма? Узнать его трудно. Ничего я въ этихъ дѣлахъ не понимаю, но отецъ во мнѣ заговорилъ. Однако, пташечка, вы на меня и не взглянете. А я думалъ васъ порадовать хорошимъ извѣстіемъ... Что, не хуже ли Павлу Ивановичу? Я тамъ проходилъ: сидитъ въ своемъ креслѣ, лицо такое спокойное, только немного блѣдное,—даже повѣрить трудно, что онъ тяжело боленъ. Княгиня при немъ, какъ всегда, вышиваетъ... Нѣтъ, Роня, знаете, не предавайтесь такъ горю: горе сушитъ, а ваша жизнь нужна для дѣла, для большого дѣла. Поберегите свои силы...

Мостовскому не удалось окончить фразы. Съ террасы скатилась Горяинова, и голосъ ея сразу наполнилъ паркъ.

— Chère Véronique, вы здѣсь? Какой ужасъ, какой ужасъ! Я все еще не могу прійти въ себя. Здравствуйте, здравствуйте еще разъ. Ну, думали ли мы, что увидимся еще разъ сегодня, и что сердце наше будетъ разрываться при мысли, что Өедора Өедорыча уже нѣтъ? Ужасное время, когда люди истребляютъ другъ друга, comme des cannibales. О, эти рабочіе! Я ихъ всегда сожалѣю, но не даромъ я ихъ всегда боялась... Дѣла у меня пропасть, но все-таки я заѣхала погрустить съ вами. Ну, какъ здоровье Павла Ивановича? Pauvre cher ami! Какъ бы это извѣстіе его сразило, если бы онъ былъ... въ полномъ сознаніи. Ему все еще не лучше?

Она подсѣла къ Ронѣ съ другой стороны.

— Знаете что, Véronique,—блеснула у нея мысль.—Охота вамъ возиться съ медицинскими знаменитостями. Вы бы лучше къ отцу Іоанну; онъ пріѣдетъ, навѣрное, пріѣдетъ, къ вамъ пріѣдетъ. Впрочемъ, il est démodé. Знаете, лучше обратитесь къ этому восточному доктору... Le nom m'a échappé... Помните, у него что-то общее съ

далай-ламой. Не смѣйтесь надъ Востокомъ. Мы все думали: варвары, et nous voilà pincés, joliment pincés!.. Въ военномъ дѣлѣ собаку съѣли, почему же не въ медицинѣ? Непремѣнно, душенька Вероника, обратитесь къ нему, къ этому восточному доктору. Онъ поможетъ, говорю вамъ, онъ поможетъ... А о моемъ дѣльцѣ не забыли? Vous avez bonne mémoire pour le bien, que vous pouvez faire. Такъ прощайте же, chère Vèronique,—сказала она совершенно неожиданно, замѣтивъ, что Роня какъ бы отсутствуетъ.—Спѣшу, спѣшу... Вы не повѣрите, сколько у меня сегодня дѣла: полгорода надо объѣхать. Я не жалуюсь, но иногда, право, голова кругомъ идетъ. Не успѣешь одного сдѣлать, какъ тебя захватываетъ другое, третье, десятое и уноситъ, уноситъ, точно мчишься на автомобилѣ и никакъ остановиться не можешь. Однако, голубушка, у васъ сегодня видъ совсѣмъ нехорошій. Впрочемъ, можетъ ли быть иначе: такія событія! Непремѣнно обратитесь къ далай-ламѣ О, Востокъ—великая вещь! Но прощайте, прощайте. Я спѣшу, спѣшу...

Она наскоро пожала руку Ронѣ и хотѣла проститься съ Мостовскимъ, но и тотъ заторопился.

— Я съ вами, Евгенія Михайловна,—сказалъ онъ.—Прощайте, Роня,—продолжалъ онъ нерѣшительно, словно ожидая, что она его удержитъ.—Такъ прощайте же,—говорилъ онъ, пожавъ безжизненную руку Рони.

Онъ чувствовалъ, что положеніе не совсѣмъ ясно, и рѣшилъ выжидать: эта тактика давала въ его рукахъ по большей части хорошіе результаты. Поэтому, замѣтивъ Алешу, который снова сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, онъ обратился къ нему, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Ахъ, ты здѣсь, Алеша?

И затѣмъ уже со ступеней террасы онъ крикнулъ Ронѣ:

— Онъ вамъ не надоѣдаетъ, Роня?

— Bonjour et adieu, Алеша,—послышался голосъ Горяиновой.—Allons nous, Петръ Сергѣевичъ?

— Иду, иду,—торопился Мостовскій.

Въ паркѣ стало вдругъ тихо, какъ послѣ бури. Тишина эта длилась долго.

— Алёша, ты что-нибудь знаешь о Дунѣ?—спросила беззвучно Роня.

Алеша промолчалъ. За него отвѣтилъ вѣтеръ, зашумѣвшій въ верхушкахъ деревьевъ.

— Я спрашиваю только, правда ли это?

Алеша опять долго не отвѣчалъ. Потомъ послышался его тихій отвѣтъ, почти слившійся съ шумомъ вѣтра:

— Да, это правда.

Изъ глубины парка подошла княгиня и сказала:

— Я видѣла, какъ пронесся благотворительный смерчъ; джентльменъ-педагогъ еле за нимъ поспѣвалъ. Утомили тебя, Роня? А Па-

велъ Ивановичъ у насъ гуляетъ. Движенiе его всегда успокаиваетъ. Вотъ онъ ѣдетъ.

По боковой аллеѣ дѣйствительно Сѣркинъ везъ Андерса въ большомъ креслѣ.

— Я побуду съ Павломъ Ивановичемъ,—продолжала княгиня:—и мнѣ погулять не мѣшаетъ, начинаю полнѣть. Съ чего бы, кажется? Алешенька, а, Алешенька, вы бы Ронѣ что-нибудь почитали, что-нибудь такое, чего никакъ понять нельзя.

Княгиня ушла и снова стало тихо.

— Алеша,—окликнула Роня студента.

Онъ медленно всталъ, подошелъ къ ней и спросилъ какъ-то особенно нѣжно:

— Что, Роня?

Затѣмъ онъ взялъ скамеечку и усѣлся у ногъ дѣвушки.

— Ты, Алеша,—почти шопотомъ сказала Роня:—одинъ у меня остался, папа уже ничего не видитъ и не слышитъ... Ахъ, Алёша, мнѣ кажется, что и ты немного видишь, а я—я столько сразу увидала, что ослѣпла...

— Роня...

— Что, милый?

— Смотри, куда я смотрю, и ты будешь лучше видѣть, чѣмъ прежде.

Но Роня оставила это замѣчанiе безъ отвѣта.

— Вотъ что ужасно,—говорила она:—двѣ недѣли тому назадъ я была такая, какъ ты: я вѣрила. А теперь вѣры нѣтъ. Я вѣрила, что мнѣ предстоитъ большое дѣло, что все теперешнее—такъ, между прочимъ, что настоящее начнется, когда я съ папой вступлю въ управленiе фабрикой. Папа меня такъ оберегалъ отъ всего непрiятнаго, тягостнаго, что я жила себѣ, какъ бабочка. Все было просто и ясно: пробьетъ часъ, и я, окруженная папой и друзьями дома, начну жить по-настоящему. Часъ пробилъ. И что же? Папы все равно, что нѣтъ. Но это, скажемъ, случайность. Повидимому, и смерть Θедора Θедорыча—случайность. Алеша, случайность ли? Вѣдь если бы не было рабочаго движенiя, за которымъ скрывается одинъ изъ друзей дома, а, можетъ быть, и два, если бы рабочiе не ненавидѣли твоего брата, то Θедоръ Θедорычъ былъ бы живъ. Не такъ ли, Алеша? Я не знаю, какъ твой отецъ ведетъ свое дѣло на фабрикѣ, но теперь уже не вѣрю, что онъ ведетъ его хорошо. Княгиня? Не естественно ли въ ея положенiи думать о себѣ? И всѣ думаютъ только о себѣ: никто не думаетъ о фабрикѣ. И вотъ я теперь одна, совершенно одна, безъ опыта, а главное, безъ вѣры въ людей и въ возможность справиться съ моей огромной задачей. А уже завтрашнiй день можетъ потребовать много знанiй, много опыта...

Роня умолкла. Вѣтеръ зашумѣлъ сильнѣе. По главной аллеѣ опять показался Сѣркинъ съ Андерсомъ. Княгиня шла сбоку. Когда они подвезли Андерса, княгиня сказала:

— Павелъ Ивановичъ заснулъ. Мы его лучше поставимъ здѣсь, около дома: вѣтеръ съ той стороны.

Сѣркинъ подкатилъ больного къ стулу Рони и продолжалъ стоять за его кресломъ. Княгиня сѣла поодаль на скамью Алеши: вышивка была у нея уже въ рукахъ.

Роня смотрѣла долго на отца. Безъ кровинки въ лицѣ, онъ лежалъ спокойно, весь укутанный пледами. Она прислонилась головой къ креслу.

— Одна... совсѣмъ одна... Папа, наставь, вразуми,—шептала она, и слезы текли по ея блѣднымъ щекамъ.

Алеша все еще сидѣлъ у ея ногъ.

— Плачь, Роня, плачь,—говорилъ онъ.—Ты думаешь, я жизни не знаю. О, я ее хорошо знаю! Я исходилъ всю Россію, былъ въ богатыхъ и бѣдныхъ домахъ, на промыслахъ и заводахъ, въ усадьбахъ и избахъ, вездѣ я былъ,—и вездѣ царили зло, обманъ, ложь, насиліе, и... люди плакали. Прошло время,—не знаю, сколько,—и я снова увидѣлъ родину, я ее увидѣлъ, нѣтъ, я ее вижу. И, представь себѣ, Роня, вездѣ, вездѣ, гдѣ тѣ слезы оросили землю—а она вся ими орошена—расцвѣли чудные цвѣты. Я родины не узналъ—такъ она была прекрасна...

Алеша весь преобразился, словно онъ былъ не на землѣ, а въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ.

Роня ничего не отвѣтила. Она, повидимому, была тоже гдѣ-то далеко-далеко:

— Сѣркинъ,—произнесла она отсутствующимъ голосомъ:—ты здѣсь?

— Что прикажете, Виринея Павловна?—тихо откликнулся артельщикъ.

— Онъ рано встаетъ, тотъ, кто людей кладетъ подъ прессъ и выжимаетъ изъ нихъ послѣдніе соки?

Сѣркинъ ничего не отвѣтилъ: онъ не понялъ вопроса.

— Селезневъ-то рано встаетъ?—пояснила Роня.

Теперь Сѣркинъ понялъ, и лицо его стало мрачнымъ.

— Съ пѣтухами, должно полагать,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ надо съ нимъ поговорить.

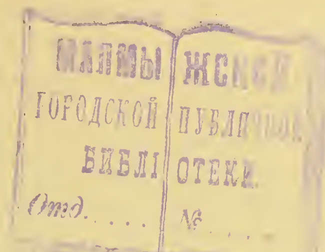
— Осмѣлюсь доложить: не подождать ли, Виринея Павловна?—произнесъ Сѣркинъ робко, и голосъ у него дрогнулъ.

— Чего ждать!—продолжала Роня.—Ѳедора Ѳедорыча убили, друзей дома нѣтъ, а мы съ папой и Алешей уѣдемъ въ теплые края плакать и мечтать... мечтать о томъ, какъ родина расцвѣтетъ пышнымъ садомъ... отъ крови и слезъ...

Княгиня одобрительно кивала головой.

Р. И. Сементковскій.

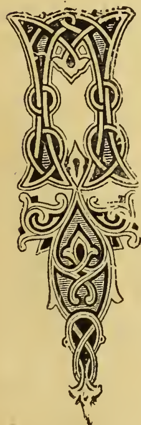

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ [1].

(Воспоминанія шестидесятника).

VII.

Типъ будничнаго губернатора Э. В. Лерхе.—У министерскаго подъѣзда.—Полонофобство невпопадъ и улыбка П. А. Валуева. — Монументъ тысячелѣтія и фонари.—Графъ Чапскій.

РЕЕМНИКЪ Скарятина Эдуардъ Васильевичъ Лерхе принадлежалъ къ иному типу губернаторовъ; типу во многихъ отношеніяхъ болѣе удобному для министровъ. Онъ благоговѣйно старался исполнять не только предначертанія, но и предупреждать желанія даннаго министра и начальника его канцеляріи. Хотя случалось, что, усердствуя не по разуму, иногда оправдывалъ русскую пословицу объ усердіи до расшибанія лба при молитвѣ. Но промахи эти охотно прощались министрами.

Для обывателей же, дворянства, земства и голодающей черни эти губернаторы не всегда удобны, даже если имѣютъ доброе сердце и честны. Неудобны по совершенному отсутствію личной самостоятельности и иниціативы. Мѣняется министръ, правитель его канцеляріи, или даже только вѣяніе въ министерствѣ, и такимъ типамъ начальниковъ приходится, какъ солдатамъ во фронтѣ, «перемѣнять ногу и дирекцію». А въ которую сторону, этого они долго не осмысливаютъ. Обыватели же вообще и служащіе по выборамъ не знаютъ, sur quel pied dancer, чтобы продолжать приносить пользу дѣлу.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 483.

Человѣкъ Лерхе былъ хорошій, т. е. добросовѣстный и честный въ смыслѣ матеріальномъ, этого нельзя не поставить ему въ заслугу, ибо онъ прослужилъ вице-губернаторомъ многіе дореформенные годы, когда въ губернскомъ правленіи, которымъ вице-губернаторъ завѣдывалъ, отъ грязнаго взяточничества нельзя было продышать. Для борьбы со взяточничествомъ онъ не имѣлъ, однако, ни энергіи, ни проникновенности. Да по дореформенной административной обстановкѣ и борьба была просто невозможна. Но самъ себя онъ сохранилъ въ дѣвственной чистотѣ. Сердце имѣлъ доброе; въ семейномъ отношеніи былъ безупреченъ и безкорыстенъ. Его административный «credo» былъ кратокъ: угождать высшему начальству. Состоянія у него не было; семья была не маленькая. Связей, кромѣ нѣкоторой протекціи у принца П. Г. Ольденбургскаго, при дворѣ котораго служилъ кто-то изъ его родныхъ, да нѣкоторой пріязни съ школьными товарищами (онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія), которые были счастливѣе его въ свѣтской обстановкѣ, тоже никакихъ. Умственный кругозоръ узокъ. Даже предугадываніе желаній начальства, составлявшее главную гимнастику такихъ умовъ, далеко не всегда удавалось. Вотъ факты, о которыхъ пишущій эти строки слыхалъ отъ Лерхе.

После продолжительнаго вице-губернаторства въ Новгородѣ Лерхе около шестидесятаго года кратковременно губернаторствовалъ въ одной изъ среднихъ губерній (кажется, въ Тулѣ). Вскорѣ послѣ празднествъ тысячелѣтія Скарятинъ, пожалованный въ егермейстеры двора, переѣхалъ въ Петербургъ, а Лерхе былъ назначенъ начальникомъ Новгородской губерніи, которую, по праву служебной давности, онъ считалъ «своей». Покуда онъ сидѣлъ въ Тулѣ, либерально-реформенное настроеніе валуевскаго министерства замутилось возстаніемъ въ Польшѣ. Направляясь въ Петербургъ по пути въ Новгородъ (раньше, чѣмъ вступить въ должность) Лерхе чувствовалъ, по его собственнымъ словамъ, потребность провѣрить свои помышленія соприкосновеніемъ съ министерствомъ. Ему представился удобный, по его понятіямъ, случай доложить министру, что еще до вступленія въ должность онъ совершилъ благое для отечества дѣяніе. А именно. На первой станціи, гдѣ поѣздъ остановился уже въ «его» губерніи, въ вагонъ явился, какъ полагается, съ надлежащимъ рапортомъ мѣстный уѣздный исправникъ Г—кій, бравый кавалерійскій подполковникъ, польскаго происхожденія. Лерхе зналъ его раньше, цѣнилъ его служебную распорядительность, свѣтскій лоскъ, элегантныя манеры, длинные пушистые усы и лихое дирижированіе мазуркой на провинціальныхъ вечеринкахъ. «Я принялъ рапортъ отъ Г. и говорю ему: «вы больны». (Такъ мнѣ разсказывалъ самъ Эдуардъ Васильевичъ). Тотъ вытаращилъ глаза, удивился и доложилъ, что ничѣмъ, дескать, не боленъ, ваше превосходительство. Но я твердо повторялъ, что онъ

боленъ, очень боленъ. Это мнѣ хорошо извѣстно; недугъ не позволяетъ ему продолжать службу. Въ заключеніе я (т. е. Лерхе) предложилъ ему подать въ отставку по болѣзни; какъ только я вернусь изъ Петербурга, приму дѣла. Признаюсь, мнѣ было жалко всегда усерднаго по службѣ человѣка, семейнаго. Но что же было дѣлать въ виду польскаго возстанія?»

Въ Петербургѣ, являясь Валуеву, Лерхе доложилъ о совершенномъ имъ образчикѣ стремительной патріотической распорядительности. Дескать, «прежде всего я началъ искоренять польскій элементъ во ввѣренной мнѣ губерніи». Валуевъ мягко улыбнулся,—въ то время никто изъ высокопоставленныхъ лицъ не умѣлъ такъ пріятно улыбаться, какъ Валуевъ,—и замѣтилъ: «Зачѣмъ же это? Я знаю, что Г—кій одинъ изъ исполнительнѣйшихъ исправниковъ. Вы, пожалуйста, не принимайте его отставки»! И Лерхе, разумѣется, не принялъ ея, хотя и самъ приказалъ подать. Разсказывая это событіе въ кругу близкихъ знакомыхъ, Эдуардъ Васильевичъ не вдавался въ размышленія о мотивахъ министерскаго «совѣта», поставившаго его самого въ комическое положеніе. Подтвержденіе этого разсказа я слышалъ потомъ въ Петербургѣ отъ лицъ, близкихъ Валуеву. Да Лерхе и самъ не имѣлъ обыкновенія сочинять, прибѣгать къ неправдѣ, хотя въ необходимѣйшихъ случаяхъ натуживался дипломатничать, à contre coeur, подъ наитіемъ своего собственнаго правителя канцеляріи. Но потуги выходили тоже комичны. Когда онъ увлечется, бывало, благодушной бесѣдой, то невиннѣйшимъ манеромъ разсказываетъ о системѣ сношеній губернаторовъ его типа и его самого съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и Маковымъ (какъ извѣстно, правитель канцеляріи въ нѣкоторомъ отношеніи практически вѣситъ болѣе принципала) черезъ посредство швейцаровъ, камердинеровъ и курьеровъ. Салтыковъ, описывая своего Прокопа, правда, губернскаго предводителя, но добивавшагося губернаторскаго мѣста, мало преувеличивалъ. Первый въ Петербургѣ визитъ, конечно, словно мимоходомъ—проѣздомъ около министерскаго зданія—въ существѣ наносился министерскому швейцару; и пятирублевка по малой мѣрѣ давалась ему за то, что онъ соблаговолитъ подойти къ дверцѣ кареты и доложить два, повидимому, незначительныхъ, но полезныхъ для губернатора, слова объ «его высокопревосходительствѣ». Хорошо, если покажется знакомый курьеръ: ему тоже, какъ будто невзначай, губернаторъ дастъ синенькую. Немалое удобство представляетъ личное знакомство съ камердинеромъ его высокопревосходительства: «собачкѣ дворника, чтобъ ласкова была». Все это (хоть игнорируемые) колесики великой бюрократической машины. Эти колесики, разумѣется, въ ожиданіи дальнѣйшихъ синенькихъ дадутъ добродѣю знать, когда, гдѣ и при какихъ удобнѣйшихъ обстоятельствахъ можно видѣть министра, правителя его канцеляріи или иное, скромное по рангу,

по полезное по вліянію, лицо.—«А это для дѣлъ губерніи очень много значитъ. Хе-хе-хе-хе!» заключалъ, бывало, свои откровенія наивный, очень довольный собой Лерхе, игриво постукивая по ковру носкомъ своей почти женской ножки.

Между прочимъ, Эдуардъ Васильевичъ гордился первою мѣрой, которую принялъ, водворясь губернаторомъ въ Новгородѣ. А именно онъ предложилъ городской думѣ постоянно отъ захода до восхода солнца держать огонь въ фонаряхъ, окружающихъ монументъ тысячелѣтія. «Въ лѣтнія и лунныя ночи остальные фонари на улицахъ не зажигаются.—Ну, а у монумента всегда горятъ. Надо же дѣлать различіе», мотивировалъ онъ свое распоряженіе.

Польское возстаніе изрядно спутало воззрѣнія губернаторовъ этого типа. Лерхе промахнулся тутъ не съ однимъ исправникомъ Г—кимъ. Онъ вообще долго не могъ составить себѣ ясное представленіе, напримѣръ, о томъ, чѣмъ отличаются сосланные въ русскія губерніи поляки или просто русскіе студенты, удаленные изъ столицъ и водворенные въ усадьбахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ихъ родителей, отъ арестантовъ, которые выщипываютъ траву изъ мостовой около памятника тысячелѣтія и Софійскаго собора.

Когда, водворясь въ Новгородѣ, онъ однажды нашелъ въ своей пріемной визитныя карточки двухъ сосланныхъ въ этотъ городъ поляковъ, то, невзирая на ихъ блестящія историческія фамиліи и связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, велѣлъ посадить подъ арестъ жандарма, охраняющаго пріемную и принявшаго эти карточки. Карточки же отослалъ къ тѣмъ, отъ кого онѣ исходили. Такой поступокъ онъ считалъ патріотическимъ и соотвѣтствующимъ видамъ высшаго правительства. При этомъ онъ выражалъ негодованіе, что дерзкіе молодые люди были приняты во многихъ хорошихъ домахъ. И вдругъ... онъ едва ли что могъ сообразить, когда самъ мѣстный жандармскій полковникъ,—никогда, впрочемъ, жандармскаго мундира не носившій,—вскользь при случаѣ намекнулъ ему по поводу ареста жандарма, что недурно бы и ему самому, Эдуарду Васильевичу, оставить (или хоть послать) вѣжливымъ людямъ свои визитныя карточки. Эдуардъ Васильевичъ послѣдовалъ этому совѣту, и съ тѣхъ поръ элегантные титулованные «повстанцы» стали появляться и на губернаторскихъ журфиксахъ.

Лерхе особенно былъ озадаченъ, когда на бывшее его мѣсто вице-губернатора—былъ назначенъ графъ Чапскій, кровный полякъ. Онъ даже ѣздилъ въ Петербургъ объясняться съ Маковымъ о такой, по его мнѣнію, опасной несообразности. Но ему дали понять, во-первыхъ, что графъ Чапскій одинъ изъ бывшихъ предводителей дворянства Западнаго края, одинъ изъ иниціаторовъ и выразителей пріятнаго верховной власти желанія дворянства, чтобы

крѣпостное право было уничтожено, поэтому онъ съ отличной стороны извѣстенъ государю. Во-вторыхъ, что назначенія Чапскаго на эту должность требуютъ высшія административныя соображенія и—о бюрократическій ужасъ!—что самъ Валуевъ благоволитъ Чапскому.

Чапскій принадлежалъ къ типу администраторовъ, противоположному лерховскому образчику. Ему удалось сдержать дальнѣйшіе порывы своего патріотическаго принципала относительно ссыльныхъ вообще (а ихъ, особенно поляковъ, было въ губерніи много), дабы не подливать масла въ огонь. Онъ, впрочемъ, пробылъ не долго въ провинціи, получивъ повышеніе и званіе камергера. «Je suis rassasié de son éloquence» [1],—говорилъ онъ мнѣ на отъѣздѣ, подразумѣвая долготныя рѣчи на русскомъ языкѣ, въ стилѣ Anneñschule, всегда впадающія въ прописной тонъ, «гувернёра великаго Новгорода», какъ мѣстные остряки прозвали у насъ бѣднаго Эдуарда Васильевича.

Не легче было Эдуарду Васильевичу уживаться съ земской и судебными реформами, чѣмъ съ «повстанцами» и сосланными студентами. Прислушиваясь къ камертону столицы, съ земствомъ онъ обращался напряженно-осторожно, памятуя, что это земство есть, что не говори, созданіе П. А. Валуева. Съ одной стороны, онъ любилъ подчеркивать, что при ревизіяхъ въ уѣздахъ лишенъ удовольствія даже заходить въ земскую управу. Въ первые годы (покуда въ Петербургѣ не начали открыто хмуриться на земство) губернаторъ утверждалъ безпрекословно тѣхъ немногихъ должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ тогда подлежало губернаторской апробаціи. Никогда даже не дозволялъ своей женѣ присутствовать въ аристократической публикѣ на хорахъ при засѣданіяхъ губернскихъ земскихъ собраній, полагая, что это походило бы нѣкоторымъ образомъ на начальственное давленіе или по малой мѣрѣ наблюденіе. Съ членами земскихъ управъ, въ особенности губернской, обращался весьма любезно; а предсѣдателю губернской управы оказывалъ такой же почетъ, какъ и губернскому предводителю. Съ другой стороны, его мнительность и осторожность изъ году въ годъ, помимо его воли, обострялись просмотромъ земскихъ докладовъ и утвержденій постановленій земства, требующихъ его согласія. Онъ почти никогда не налагалъ своего veto; а если и налагалъ, то было возможно убѣдить въ необходимости снять запретъ. Таковы были вѣянія, доносившіяся въ провинцію съ береговъ царственной Невы. Однако въ такомъ вопіющемъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, голодъ 1867 года, охватившій значительную часть губерніи, Эдуардъ Васильевичъ не разсчиталъ и съ ужасомъ узрѣлъ паденіе П. А. Валуева.

---

[1]) Я сытъ по горло его краснорѣчіемъ.

VIII.

Голодъ, земство и бюрократія. — Лживость всеподданнѣйшаго доклада.—Ночное нападеніе земцевъ на губернатора.—Комиссія цесаревича Александра Александровича —Тимашевскій недородъ.

Еще осенью 1867 года замѣчалось, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ сосѣднихъ — Вологодской и въ особенности Архангельской) озимые всходы обѣщали мало хорошаго. Очередныя уѣздныя собранія обратили на это вниманіе, однако не признали факта вполнѣ безнадежно опаснымъ. Тѣмъ не менѣе они сообщили о немъ губернской управѣ, которая, въ свою очередь, увѣдомила губернатора и хотя никакихъ практическихъ мѣръ сразу не принимала, но внесла въ очередное губерское собраніе (въ декабрѣ) докладъ, въ которомъ, излагая положеніе дѣла, испрашивала полномочія на случай необходимости продовольствовать нуждающихся весной, выдавать зерно на яровой посѣвъ, а, по обстоятельствамъ, и на озимый. Собраніе одобрило этотъ докладъ. Губернаторъ же опротестовалъ рѣшеніе собранія. Это, конечно, затормозило предварительныя мѣропріятія губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Зимняя погода весь январь и начало февраля стояла неблагопріятная для полей. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ ясно обнаружилось, что озими вымерзли, что не только ѣсть, но и сѣять значительной части крестьянскаго населенія будетъ нечего. Яровыя сѣмена были быстро съѣдены, ибо и предыдущій годъ былъ скудноватъ урожаемъ. Цѣны хлѣба всюду поднялись до размѣровъ, недоступныхъ значительной части жителей. Выяснилось, что въ селенія, отдаленныя отъ водяныхъ путей сообщенія, даже весной нельзя будетъ доставить хлѣба. Въ Новгородской губерніи есть уѣзды, пространствомъ превосходящіе, напримѣръ, все Саксонское королевство и имѣющіе Богомъ и людьми забытые углы. Въ эти захолустья и по стаяніи снѣга можно проникнуть только на особаго рода салазкахъ съ длинными жердями, которыя къ нимъ привязываются сзади.

Уѣздныя земства, ознакомившись въ февралѣ же съ продовольственными рессурсами этихъ угловъ, пришли къ убѣжденію, что этихъ рессурсовъ нѣтъ, что голодъ со всѣми его ужасами къ веснѣ неминуемъ, что недостатокъ хлѣба уже и въ данную минуту опасно отражается на здоровьѣ населенія. Всѣ уѣзды просили разрѣшенія губернатора на немедленное открытіе экстренныхъ собраній для обсужденія продовольственнаго вопроса. Лерхе отказалъ. Губернская земская управа просила о разрѣшеніи созвать экстренное губернское собраніе, и тоже получила отказъ. Губернаторскіе отказы мотивировались тѣмъ, что по донесеніямъ непосредственно подчиненныхъ ему лицъ (т. е. исправниковъ) никакого голода не пред-

видится; озими изрядны, недородъ, котораго можно ожидать въ немногихъ мѣстностяхъ, неопасенъ и коррективы его не требуютъ никакихъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Несомнѣнно, губернаторъ былъ вполнѣ самъ убѣжденъ во всемъ этомъ. Къ тому же нѣкоторые земцы южныхъ уѣздовъ, которыхъ признаки опаснаго недорода почти или вовсе не коснулись, имѣя основаніе полагать, что въ случаѣ обнаруженія голода на сѣверѣ губернскому земству не обойтись безъ крупнаго заимообразнаго правительственнаго пособія, за уплату котораго будетъ отвѣтственна вся губернія, не желали кормить сѣверянъ до нѣкоторой степени на счетъ своихъ мѣстностей. Они желали убѣдить самихъ себя и склоняли начальника губерніи къ мнѣнію, что сѣверяне преувеличиваютъ свои опасенія. Кромѣ того, Лерхе по бюрократической инерціи хотѣлъ вѣрить только своимъ тринадцати исправникамъ болѣе, чѣмъ нѣсколькимъ сотнямъ земскихъ гласныхъ. Главную же роль тутъ игралъ тонъ министерства внутреннихъ дѣлъ. А къ этому тону Эдуардъ Васильевичъ прислушивался съ пеленокъ или, точнѣе, съ правовѣдскихъ нашивокъ, подобно вѣрующему въ откровеніе свыше. Министерство же, и первый П. А. Валуевъ, настойчиво опровергали слухи о голодѣ офиціально и гласно при всякомъ удобномъ случаѣ даже въ докладахъ императору. Былъ ли Валуевъ искрененъ, довѣряя «своимъ» губернаторамъ болѣе, чѣмъ имъ же созданному земству (на которое, правда, онъ начиналъ уже коситься), трудно рѣшить. Но несомнѣненъ былъ фактъ: Валуевъ въ этотъ моментъ находился въ очень затруднительномъ положеніи непосредственно къ верховной власти. И вотъ почему.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ года представляетъ государю отчетъ о различнымъ отрасляхъ административной дѣятельности, а также объ экономическомъ положеніи имперіи за истекшій годъ. Этотъ,—великаго въ то время значенія,—документъ назывался обыкновенно: «всеподданнѣйшій февральскій докладъ». Матеріалы для него министръ внутреннихъ дѣлъ собиралъ заблаговременно черезъ посредство губернаторовъ. А губернаторы черезъ своихъ исправниковъ, которые, въ свою очередь, пользовались становыми, а становые—сотскими. Подготовка доклада обыкновенно къ новому году заканчивалась, и самый докладъ представлялся министромъ императору въ началѣ февраля. Такъ дѣлалось въ 60-хъ годахъ. Въ высочайшемъ министерскомъ докладѣ за данный годъ, уже лежавшемъ на письменномъ столѣ царя (когда земскія управы хлопотали о разрѣшеніи экстренныхъ собраній), согласно съ донесеніями губернаторовъ, въ томъ числѣ и новгородскаго, указаній на опасенія по народному продовольствію министромъ не высказывалось. Между тѣмъ эти опасенія уже и въ Петербургѣ начинали обнаруживаться, по словамъ независимыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ провинціей. Наслѣдникъ цесаревичъ (впослѣдствіи

императоръ Александръ III) былъ заинтересованъ этимъ вопросомъ. Разрѣши администрація экстренныя собранія въ февралѣ и мартѣ,— земства, навѣрно, не пытались бы обнаружить ошибочность свѣдѣній, представленныхъ верховной власти по дѣлу такой высокой важности. Ошибка это или просто недосмотръ—все равно: тутъ было не только оскорбленіе величества, но и погибель сотенъ тысячъ, если не милліоновъ, народа.

Администрація же пыталась, какъ страусъ въ вершину пальмы, спрятать свою голову въ упрямый «non possumus» по части экстреннаго созыва земскихъ собраній. Но, конечно, она не могла прятаться долго. Съ первыми же признаками весны грозный призракъ голодовки выступилъ слишкомъ реально: административныя власти еще продолжали отрицать существованіе голода, но экстренныхъ собраній уже не могли не допустить, хотя бы потому, что наслѣдникъ цесаревичъ принялъ горячее участіе въ дѣлѣ, побуждаемый, между прочимъ, частными сообщеніями лично ему извѣстнаго тогдашняго предсѣдателя новгородской губернской земской управы Н. А. Качалова (вскорѣ назначеннаго архангельскимъ губернаторомъ, а затѣмъ директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ) и нѣкоторыхъ другихъ земскихъ гласныхъ, въ томъ числѣ генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя А. А. Суворова, А. А. Татищева [1]) (скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ званіи члена государственнаго совѣта) и др. При этомъ нельзя не помянуть добрымъ словомъ адъютанта его высочества, П. А. Козлова, который много содѣйствовалъ освѣдомленію цесаревича о настоящемъ положеніи продовольственнаго дѣла.

П. А. Валуевъ, продолжая поддерживать при большомъ дворѣ безошибочность своего донесенія, въ этотъ моментъ какъ бы боролся съ будущимъ императоромъ. Но по убѣжденію ли, по расчету ли, не могъ не разрѣшить созыва земскихъ собраній, словомъ, какъ бы отступилъ съ передовой позиціи. Однако онъ все еще крѣпко держался на мѣстѣ и послѣ частичнаго отступленія. Губернаторамъ было внушено слѣдовать его примѣру въ предѣлахъ ихъ власти. Новгородское губернское земское собраніе было разрѣшено, но, къ сожалѣнію, поздно—только поздней весной. Предположенія объ опасности голода выяснились въ собраніи неопровержимо. Оно работало день и ночь, сознавая, что каждый часъ промедленія могъ стоить жизни многимъ голодающимъ. Оно проектировало энергичныя мѣры для облегченія положенія несчастнаго населенія (о практическихъ сторонахъ этихъ мѣръ и объ отношеніяхъ по этому дѣлу между губернаторомъ и земствомъ мы будемъ когда-нибудь говорить въ другомъ очеркѣ). Согласно положенію о земскихъ учрежденіяхъ большинство мѣръ не могло быть приведено въ дѣйствіе безъ раз-

---

[1]) См. ниже, глава X.

рѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно, прежде всего земству надо было обращаться къ министерству. Но разрѣшеніе министра нельзя было получить безъ одобренія постановленій собраній губернаторомъ. А намъ губернаторъ упорно отказывалъ въ своей санкціи,—какъ не безъ основанія полагали нѣкоторые,—руководясь конфиденціальными указаніями, если не самого Валуева, то его alter ego Макова. И, чтобы избѣжать непрерывныхъ настоятельныхъ посѣщеній земскихъ представителей, Лерхе удалился на дачу, подъ прикрытіе Юрьева монастыря.

Земское собраніе, просидѣвъ до глубокой ночи, вѣрнѣе, до утренней зари, въ томительномъ ожиданіи губернаторскаго отвѣта, выбрало уже депутацію для надлежащихъ ходатайствъ въ Петербургѣ. Депутаціи слѣдовало утромъ рано выѣхать, чтобы въ тотъ же день, добравшись до столицы, успѣть объѣхать всѣхъ, имѣющихъ надлежащую власть, для спасенія голодныхъ отъ лютой смерти. Нѣкоторые депутаты уже были въ дорожномъ платьѣ, а отъ Лерхе все не приходило отвѣта на сообщенныя ему постановленія собранія. «Если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ двинется къ горѣ», предложилъ А. Н. Качаловъ, и длинный рядъ наскоро запряженныхъ экипажей, попавшихся подъ руку извозчиковъ и лихихъ троекъ, уже готовыхъ для петербургской депутаціи [1]), направился къ губернаторской дачѣ, гремя по варварской мостовой, для чего-то замѣнявшей мѣстами шоссе по дорогѣ, огибающей Ильмень, и съ грохотомъ подкатили къ чугунной рѣшеткѣ большого сада, окружавшаго роскошную дачу, когда-то выстроенную знаменитой графиней Орловой. Здѣсь когда-то гащивалъ Аракчеевъ, здѣсь бывалъ болѣе чѣмъ хозяиномъ другъ Аракчеева, архимандритъ Фотій, передъ которымъ благоговѣла дѣвственная старуха графиня. Теперь же тамъ мирно почивалъ Эдуардъ Васильевичъ Лерхе, который по своей природѣ мухи бы не могъ обидѣть, но благодаря бюрократическому упрямству котораго умирало въ губерніи не менѣе людей, чѣмъ полвѣка назадъ гибло отъ звѣрскихъ затѣй грузинскаго деспота.

Какъ перетрусилъ Лерхе отъ ночного нашествія въ его мирную обитель земства гуртомъ; какъ онъ безуспѣшно пытался не принять непрошенныхъ гостей; какъ эти гости, наконецъ, овладѣли имъ, убѣдили то лаской, то суровой логикой немедленно дать свое согласіе на постановленія,—мы описывать не будемъ. Важно то, что губернаторъ сдался; а сдавшись, впалъ въ горькое уныніе. Онъ чувствовалъ себя въ утломъ челнѣ между Сциллой и Харибдой. Думалъ ли въ это утро этотъ добросовѣстнѣйшій изъ губернаторовъ объ ужасахъ голода въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи, или просто чувствовалъ себя межъ двухъ огней, трудно сказать. А огни были

[1]) Новгородско-чудовской узколейки тогда еще не существовало.

опасные. Съ одной стороны министерство, а съ другой—такіе, напримѣръ, земскіе гласные, какъ А. А. Суворовъ, который часто играетъ въ карты съ государемъ и запросто пьетъ чай у императрицы Маріи Александровны; какъ А. А. Татищевъ, имѣющій въ высшемъ и родовомъ дворянствѣ и бюрократическихъ сферахъ огромныя связи, да еще состояніе, позволяющее до отвала кормить тончайшими обѣдами любого сановника, чтобъ побудить его дѣйствовать въ пользу тѣмъ, кому нечего ѣсть; или какъ Н. А. Качаловъ, имѣющій доступъ къ цесаревичу; или сенаторъ князь М. Н. Шаховской и другіе, все благовоспитанные люди, не задумавшіеся, однако, забраться въ домъ начальника губерніи ночью. Не согласись Лерхе, то всѣ эти члены депутаціи, ѣдущей въ столицу, уже прямо на него будутъ жаловаться въ Петербургѣ. Жаловаться не дальше, какъ сегодня, ибо уже солнце всходило надъ Рюриковымъ городищемъ. Согласившись же, онъ измѣнитъ указаніямъ своего кумира Петра Александровича; онъ своей шкурой рискнетъ и можетъ даже навредить самому министру. А честный нѣмецъ былъ къ Валуеву искренно привязанъ, даже помимо своего служебнаго подчиненія.

Однако, подъ давленіемъ вѣжливыхъ, но настоятельныхъ убѣжденій своихъ гостей, онъ согласился подписать, что требовалось. Экипажи загремѣли по мостовой обратно; и лица, избранныя земскимъ собраніемъ ходоками, немедленно умчались въ столицу. Депутація успѣла прибыть туда послѣ полудня, когда еще вліятельные главари администраціи были при дѣлѣ. Ходатайства, конечно, не безъ затрудненій и большихъ хлопотъ были удовлетворены благодаря почти исключительно вліянію наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра III) и частію, болѣе или менѣе, вѣскихъ лицъ Аничковскаго дворца.

Но наше земство получило хоть нѣкоторую возможность спасти отъ голода значительную часть населенія сѣверныхъ уѣздовъ. Мы не вдаемся въ подробности о принятыхъ мѣрахъ, о поучительной исторіи ихъ практическаго примѣненія. Ограничимся здѣсь только штрихами, обрисовывающими дальнѣйшее отношеніе къ дѣлу начальниковъ губерніи типа Эдуарда Васильевича Лерхе.

Валуевъ былъ смущенъ. Въ сущности, онъ былъ виноватъ только въ томъ, что довѣрился губернаторскимъ отчетамъ объ урожаѣ и позволилъ себѣ доложить ихъ безъ надлежащей провѣрки государю. Однако изъ другихъ губерній появлялись тяжелыя вѣсти, подобныя новгородскимъ; наличіе голода (какъ говорили при дворѣ наслѣдника) или недорода (какъ выражались при большомъ дворѣ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) стало осязательно.

Александръ II, какъ извѣстно, назначилъ комиссію, въ просторѣчіи окрещенную «о голодающихъ», подъ предсѣдательствомъ цесаревича для изслѣдованія размѣровъ голода и пособія голодающимъ во всей имперіи. Къ работамъ комиссіи были привлечены

земскіе дѣятели голодающихъ губерній. Между прочимъ отъ Новгородской тогдашній предсѣдатель мѣстной губернской земской управы Н. А. Качаловъ, ранѣе извѣстный августѣйшему предсѣдателю и великому князю Владиміру Александровичу, какъ энергичный и рѣдко практическій человѣкъ. Комиссія немедленно приняла рядъ спасительныхъ мѣръ: существованіе голода стало еще явственнѣе. Валуевъ былъ вынужденъ просить объ увольненіи его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ и былъ уволенъ.

Какъ относились ко всему этому губернаторы извѣстнаго типа, истинные виновники (если не считать становыхъ и сотскихъ) трагическаго бѣдствія?

Э. В. Лерхе, повторяемъ, былъ честенъ, имѣлъ доброе сердце и заботился о семьѣ, которую могъ обезпечить единственно служебнымъ путемъ. Понятно, что для него паденіе Валуева казалось катастрофой. Къ тому же онъ на Валуева привыкъ смотрѣть, какъ католики на папу: признавая его непогрѣшимымъ. Невзирая на прирожденную чиновническую робость и инстинктивное проникновеніе бюрократическимъ принципомъ: le ministre est tombé mort, vive le ministre, Лерхе доходилъ до того, что, хотя, правда, шопотомъ, въ интимныхъ только разговорахъ съ близкими знакомыми, говаривалъ: «Петръ Александровичъ пострадалъ безъ вины. Повѣрьте, этотъ великій (sic) государственный человѣкъ вновь возвысится». (Это предсказаніе оправдалось отчасти; черезъ немного лѣтъ Петръ Александровичъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ). Лерхе еще смѣлѣе сталъ выражать свои мысли (онъ оставался вѣренъ не только своему принципалу, но и отрицанію послѣднимъ голода), когда убѣдился, что новый министръ Тимашевъ не только не смѣняетъ креатуръ своего предшественника, но относится къ голодному вопросу почти равнодушно.

Какъ глядѣлъ на вопросъ о голодѣ Тимашевъ, не знаемъ. Но, очутившись, нѣкоторымъ образомъ, между двухъ огней, онъ, съ одной стороны, не осмѣливался оппонировать комиссіи цесаревича «о голодающихъ»; практически содѣйствовалъ (въ предѣлахъ компетенціи своего министерства) осуществленію предначертаній этой комиссіи, а съ другой стороны, ради охраненія спокойствія государя, сохраненія добраго къ себѣ отношенія при большомъ дворѣ, поддерживалъ мнѣніе, что собственно голода нѣтъ, но есть довольно серьезный недородъ и помочь нѣкоторой части населенія необходимо. Такой же системы, разумѣется, держался губернаторъ Лерхе. Но иногда, увлекаясь воспоминаніями о Валуевѣ, попадалъ въ положенія комичныя, даже при трагическихъ обстоятельствахъ.

IX.

Разговоръ губернатора съ волостными старшинами о голодѣ. — Нецензурность выраженія: «ознаменовался голодомъ». — Губернаторская просьба.—Губернаторское упрямство и земская тактика: «За здравіе его императорскаго высочества государя цесаревича».

Эдуардъ Васильевичъ вынужденъ былъ практически сдаться по вопросу о голодѣ, т. е. содѣйствовать земству по принятію мѣръ противъ бѣдствія, но все-таки онъ при всякой возможности отводилъ душу, хотя бы теоретически отвергая его. Въ первое время это дѣлалось, насколько его нравъ позволялъ, настойчиво и открыто. Впослѣдствіи же, когда коммиссія цесаревича стала дѣйствовать настойчивѣе, очень осторожно, келейно.

Вотъ примѣры его цѣпкости, впрочемъ, уже невинной, очень наивной, хотя и весьма характерной. Осенью того же года, когда представители земства поступили съ нимъ обратно словамъ извѣстнаго фетовскаго романса: «На зарѣ ты ее не буди», Лерхе объѣзжалъ губернію; ревизовалъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, гдѣ я служилъ предводителемъ дворянства, губернаторъ въ моемъ домѣ принималъ волостныхъ старшинъ, созванныхъ со всѣхъ концовъ уѣзда. Онъ первымъ дѣломъ запросилъ ихъ: «Былъ ли у васъ голодъ?»—и спросилъ это такимъ строгимъ тономъ, какъ будто голодъ не смѣлъ существовать. Старшины, съѣхавшіеся изъ «тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ», представлявшіе себѣ (если не всѣ, то многіе) губернаторовъ громовержцами, съ которыми смертные могутъ разговаривать, только преклоня колѣни, оробѣли. Языкъ ихъ прилипъ къ гортани. Тѣ же, что бойчѣе, осмѣлились доложить маленькому Зевсу на высокихъ каблукахъ, что, дескать, «большой голодъ былъ, ваше превосходительство».—«Что же отъ голода съ вами было?» спросилъ начальникъ губерніи, еще повысивъ голосъ. Кто и какъ могъ объяснилъ, что нечего было ѣсть, «животы подводило, изъ коры съ мякиной крещеные хлѣбъ пекли, да и мякины не хватило до лѣта, яровыя сѣмена къ веснѣ поѣдены были» и т. д. Кто-то довольно громко произнесъ: «Мёрли, ваше превосходительство». Тогда губернаторъ, принявъ грозный видъ (что онъ обыкновенно совершалъ, поднимаясь на цыпочки и поднимая возможно выше свой красивый прямой носикъ), какъ бы наступая на старшинъ, спросилъ: «Говорите мнѣ, отчего же люди мёрли?» Двое старшинъ со страху опустились на колѣни. Изъ остальныхъ онъ не безъ труда, поддѣлывая свою рѣчь на народный ладъ, вытянулъ, что «дескать, ваше превосходительство, горячки, поносы, лихоманки; а то и такъ просто пухли. Кто ихъ знаетъ... отъ Бога».

— Да отъ голоду-то, отъ голоду, собственно отъ голоду—умеръ кто-нибудь?—произнесъ добрѣйшій Эдуардъ Васильевичъ съ до-

ступной ему грозностью, не умѣя схватить непосредственной связи перечисленныхъ болѣзней съ отсутствіемъ питанія.

Смѣлѣйшіе изъ старшинъ оцѣшили. Какая-то непосредственная натура, понявшая требованіе начальства шиворотъ на выворотъ, поспѣшила скороговоркой заявить: «всѣ съ голоду; съ голоду, батюшка, переболѣли; и мёрли съ голоду». Но тутъ его превосходительство настойчиво выразилъ увѣренность, даже требованіе, чтобы умершихъ отъ голоду не было. Да и голоду совсѣмъ не было... развѣ, что недородъ. Даже смышленнѣйшіе и смѣлѣйшіе изъ народныхъ избранниковъ поспѣшили совершенно успокоить его по обоимъ пунктамъ: разговоръ свелся на столь сладостное начальству: все обстоитъ благополучно...

Когда мы вернулись въ мой кабинетъ, Эдуардъ Васильевичъ, торжествуя, обратился ко мнѣ: «Видите, Н. Н., умирали отъ горячекъ, поносовъ... а съ голоду никто не умиралъ. А земство подняло такую тревогу». Я ему напомнилъ о комиссіи, работающей по высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ цесаревича... Это было единственное средство избавиться отъ его длинныхъ, ни къ чему не ведущихъ тирадъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что развелъ своими маленькими ручками. Однако въ душѣ остался непоколебимъ, въ чемъ я и убѣдился года три спустя, когда слѣды голода были почти заглажены.

Тогда я уже былъ предсѣдателемъ губернской земской управы. Дѣло было передъ самымъ съѣздомъ очередного декабрьскаго губернскаго собранія. Я самъ писалъ докладъ о народномъ продовольствіи. Докладъ этотъ, уже принятый управой, былъ отправленъ на губернаторскую цензуру, безъ которой земство не имѣло законнаго права ничего печатать [1]).

Рано утромъ, не было еще девяти часовъ, ко мнѣ зашелъ («съ гигіенической прогулки», какъ онъ объяснилъ) Э. В. Лерхе. Я былъ нѣсколько изумленъ такимъ несвоевременнымъ визитомъ. Оказалось, что онъ имѣлъ до меня просьбу: «чтобы я измѣнилъ въ моемъ докладѣ «о народномъ продовольствіи» два слова.

А именно. Невзирая на то, что надѣлавшій хлопотъ Лерхе, а Валуеву стоившій мѣста голодъ составлялъ уже нѣкоторымъ образомъ достояніе исторіи, слѣды его были еще не вполнѣ сглажены, и я упомянулъ въ докладѣ о немъ, употребивъ выраженіе: «1868 годъ, ознаменовавшійся голодомъ...» Эта фраза напомнила Эдуарду Васильевичу его борьбу съ «идеей» о голодѣ и глубоко его огорчила. Онъ пришелъ просить меня (видите, какъ деликатно въ тѣ времена администрація, впрочемъ, по духу, если не буквѣ, закона, обращалась съ земствомъ), чтобы я: 1) слово «голодъ» замѣнилъ словомъ «недородъ» и 2) пріискалъ какое-нибудь болѣе подходящее выра-

---

[1]) Писанные доклады управы могли прямо представлять собраніямъ.

женіе вмѣсто «ознаменовавшійся». Потому, объяснилъ мнѣ мой ранній гость, что слово «ознаменовать» подразумѣваетъ нѣчто хорошее, возвышенное; а «недородъ» хлѣба, хотя и довольно обычное, къ сожалѣнію, явленіе, все-таки нежелательное.

Я, конечно, исполнилъ его желаніе, ибо оно сути дѣла въ это время уже не измѣняло, а, благодаря мягкому характеру губернатора, устраняло его придирчивость по другимъ земскимъ дѣламъ, стоявшимъ на очереди.

Въ немъ при всей простотѣ его ума, при всемъ желаніи прослыть непреклоннымъ было нѣчто ребяческое. На него сердиться даже было трудно. Если онъ самъ говорилъ сердито, взвинчивая себя, рѣчи, могущія обратиться во вредъ общественному дѣлу, которое было близко земскому сердцу, то надо было предоставить ему отвести душу, а затѣмъ, улучивъ минутку по возможности tête à tête, во всякомъ случаѣ въ отсутствіи лицъ, передъ которыми и подъ вліяніемъ которыхъ онъ становился на офиціозно опасный путь, можно было противорѣчить сколько угодно, академически и мало-по-малу довести его до требуемаго въ данномъ общественномъ вопросѣ или дѣлѣ, рѣшенія. Полезно было доказать ему, что, поступивъ такъ, какъ вамъ самимъ желательно, онъ поступитъ по своей, а не по вашей иниціативѣ. А главное, ужъ тутъ приходилось по-іезуитски кривить душой ради общественныхъ интересовъ, увѣрять, что онъ, начальникъ губерніи, явится благодѣтелемъ «ввѣреннаго его попеченію» населенія.

Только надо было ковать желѣзо, покуда горячо, т. е. закрѣплять по возможности практически результаты его новаго взгляда прежде, чѣмъ ваше вліяніе, подобно пуху, будетъ свѣяно кѣмъ-либо, не сочувствующимъ сей новой постановкѣ дѣла. Такъ съ нимъ поступали тогдашніе общественные дѣятели, земцы, предводители, предсѣдатели. Особенно ловко примѣнялъ эту систему Н. А. Качаловъ, предсѣдатель губернской земской управы (потомъ директоръ департамента таможенныхъ сборовъ). Честолюбіе Эдуарда Васильвича было тоже ребяческое. Онъ любилъ атрибуты своего главенства—вещественные знаки невещественныхъ достоинствъ, но любилъ не по отношенію къ сути дѣла.

То, что называется честолюбіемъ у другихъ, у него выходило комично. Напримѣръ, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, когда не имѣлъ еще звѣзды. (Впослѣдствіи, пробывъ чуть не 20 лѣтъ на мѣстѣ, онъ всѣхъ надлежащихъ наградъ дослужился). Когда въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ всѣмъ служащимъ по выборамъ и на государственныхъ должностяхъ лицамъ, имѣвшимъ касательство къ приведенію въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года, были пожалованы для ношенія на груди красивые серебряные, довольно крупные значки (нѣкоторыми остроумцами называемые «колесомъ»), имѣ-

ющіе нѣкоторое подобіе звѣзды, Лерхе въ тотъ же день, когда получилъ значокъ, обѣдалъ въ одномъ знакомомъ семействѣ. Изъ-подъ лѣваго лацкана его фрака выглядывало что-то лучистое. Его поздравляли съ полученіемъ звѣзды. И я видѣлъ по его лицу, какъ ему было трудно сознаться, что это—не звѣзда, а только невинный, хотя и очень почетный значокъ.

Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Лерхе, уже носившій настоящую звѣзду, получилъ тайнаго совѣтника, и лица, плохо знакомыя съ табелью о рангахъ (или нарочно въ данномъ случаѣ ошибавшіяся), величали его «высокопревосходительствомъ», то Эдуардъ Васильевичъ, невзирая на природную правдивость, не опровергалъ никого, хотя (къ чести его надо сказать) и краснѣлъ легонько при этомъ нелегальномъ умалчиваніи.

Вотъ еще одинъ изъ многочисленныхъ анекдотовъ, характеризующихъ до нѣкоторой степени будничныхъ губернаторовъ того времени.

Однажды въ нашемъ новгородскомъ театрѣ пріѣзжая драматическая труппа давала представленіе. Конечно, на первомъ представленіи былъ tout Novgorod; и, конечно, въ своей привилегированной ложѣ бельэтажа былъ губернаторъ съ семьей. Деревянный театръ этотъ былъ мало чѣмъ лучше посредственнаго балагана (по крайней мѣрѣ въ архитектурномъ отношеніи). И какъ за предѣлами зала можно было слышать нерѣдко голоса актеровъ, такъ и въ самомъ залѣ можно было слышать голоса говорившихъ громко за предѣлами его. Но, благодаря полицеймейстеру, сидѣвшему въ первомъ ряду и его агентамъ въ коридорахъ, въ присутствіи начальника губерніи послѣднее явленіе никогда не имѣло мѣста. Однако въ данный вечеръ изъ буфета долетали въ залу не только шумные разговоры, но возбужденные (или восторженные—трудно было разобрать) возгласы. Эдуардъ Васильевичъ послалъ полицеймейстера справиться о причинѣ, нарушающей благочиніе, и возстановить порядокъ. Полицеймейстеръ, вернувшись изъ буфета, доложилъ начальнику, что тамъ собрались купцы, болѣе или менѣе молодые, что между прочимъ тамъ сидитъ извѣстный кутила и шутникъ Б.—купецъ зрѣлыхъ лѣтъ; всѣ эти господа немного подъ шафе. Б. ихъ смѣшитъ. Однако больше они шумѣть не будутъ, какъ обѣщали полицеймейстеру. Лерхе успокоился; однако черезъ нѣсколько минутъ шумъ и возгласы возобновились. Негодующій губернаторъ рѣшилъ задать кутиламъ острастку. Маленькими поспѣшными шагами онъ прослѣдовалъ въ буфетъ. За нимъ шелъ, слегка бряцая саблей, полицеймейстеръ, а за полицеймейстеромъ квартальный. Поспѣшно войдя въ небольшую буфетную комнату, наполненную облаками табачнаго дыма, Эдуардъ Васильевичъ протянулъ руку къ столику, за которымъ, подъ предсѣдательствомъ чернобородаго массивнаго Б., пировали купчики, и раскрылъ было ротъ, чтобы

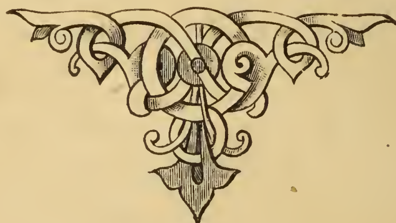
произнести выговоръ. Но передъ нимъ мгновенно появилась почтительно склоненная фигура Б., всегда добродушно и чуточку иронически улыбавшагося. Его собутыльники тоже встали. Б. вкрадчиво произнесъ:

— Ваше превосходительство, не откажитесь откушать (злодѣй указалъ на подносъ съ бокалами шампанскаго, который держалъ словно выросшій изъ земли половой), соблаговолите провозгласить тостъ за здравіе его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича Александра Александровича!.. Сегодня день его рожденія».

Лерхе взялъ бокалъ... И, вмѣсто выговора, провозгласилъ тостъ за августѣйшаго новорожденнаго. Онъ вынужденъ былъ смущенно, не смѣло, но крикнуть три раза: «ура»! А за нимъ кричали ура, уже не смущенно и смѣло, всѣ присутствующіе и полицеймейстеръ тоже.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МАЛЕНЬКАЯ ПОЛЬСКАЯ ГРАФИНЯ И МАЛЕНЬКАЯ РУССКАЯ КНЯЖНА.

Въ БѢГЛЫХЪ отрывкахъ личныхъ интимныхъ воспоминаній не можетъ, конечно, быть рѣчи о болѣе или менѣе точной оцѣнкѣ личности и характера того или другого историческаго лица.

Оцѣнка эта—дѣло исторіи, частныя же записки могутъ только передать потомству все видѣнное и слышанное, и отъ нихъ требуется единственно несомнѣнная и неукоснительная правда всего сообщаемаго. Дѣло свидѣтеля—подробно разсказать то, что онъ видѣлъ или что почерпнулъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, оцѣнка же историческаго значенія того или другого факта въ его компетенцію не входитъ.

Мало встрѣчается въ исторіи личностей, мнѣнія о которыхъ дѣлились бы такъ рѣзко и такъ діаметрально противорѣчили одинъ другому, какъ личность императора Николая Павловича, и мнѣ кажется, что источникомъ этого является та раздвоенность характера, которая была присуща этому государю.

Видѣнный близко и оцѣненный вполнѣ безпристрастно характеръ Николая Павловича является полнымъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, самыхъ діаметральныхъ противоположностей. Рядомъ съ рѣзкими и крайне несимпатичными чертами въ характерѣ этого государя встрѣчаются такіе мягкіе нюансы, такія нѣжныя черты, что не знаешь, чему вѣрить и на чемъ останавливаться?..

Передамъ здѣсь нѣсколько анекдотическихъ разсказовъ, за достовѣрность которыхъ я вполнѣ ручаюсь. Выводъ предоставляю на судъ читателя.

Извѣстно всѣмъ, какъ сильно не любилъ Николай I все польское, какъ онъ не вѣрилъ полякамъ и какъ неохотно входилъ въ сношенія со всѣмъ, что носило на себѣ польскій характеръ, но немногіе, вѣроятно, знаютъ, что эта рѣзко выраженная антипатія распространялась не только на женщинъ, но и на дѣтей, и что польскій ребенокъ былъ такъ же антипатиченъ государю, горячо любившему дѣтей вообще, какъ и взрослый, вполнѣ правоспособный полякъ съ рѣзко установившимися мнѣніями и убѣжденіями.

Мнѣ, какъ воспитанницѣ Смольнаго монастыря и личной пансіонеркѣ государя, все это было и памятно и замѣтно болѣе, нежели кому бы то ни было.

Не было случая, чтобы государь, очень милостиво относившійся всегда къ воспитанницамъ Смольнаго, когда-нибудь сознательно пошутилъ съ полькой или продолжалъ милостиво начатый разговоръ, когда узнавалъ, что разговариваетъ съ дѣвочкой этой антипатичной ему національности.

Всѣ, кто помнитъ Николая Павловича, подтвердятъ, что, услыхавъ польскую фамилію, государь моментально прерывалъ свой милостивый разговоръ и отходилъ, не бросивъ даже взгляда на растерянную воспитанницу, такъ своеобразно вызвавшую его царскій гнѣвъ. Въ силу этой всѣмъ хорошо извѣстной и всѣмъ равно памятной особенности нижеслѣдующій разсказъ можетъ имѣть свое историческое значеніе.

Николай Павловичъ, какъ извѣстно, имѣлъ привычку ежедневно во всякую погоду прогуливаться по Дворцовой набережной, и всѣ, кому приходилось по дѣламъ службы проходить по той же набережной между 9 и 10 часами, заранѣе знали, что они обязательно встрѣтятъ императора.

Выходилъ государь на прогулку въ 9 часовъ ровно и, смотря по погодѣ, прогуливался часъ или полтора, послѣ чего возвращался во дворецъ и вновь принимался за прерванныя прогулкой занятія.

Въ одну изъ такихъ его прогулокъ, ранней весною, вскорѣ послѣ польскаго мятежа, государь, направляясь вдоль набережной, увидалъ двоихъ дѣтей, осторожно пробиравшихся по скользкому тротуару прямо ему навстрѣчу.

Это были мальчикъ и дѣвочка, изъ которыхъ первый, на видъ лѣтъ 10 или 11, велъ за ручку дѣвочку, значительно меньше его, блѣдную и тщедушную. Мальчикъ шелъ быстро и рѣшительно, дѣвочка, напротивъ, видимо, робѣла и едва поспѣвала за братомъ, почти тащившимъ ее за собою. Погода стояла сиверкая, холодная, и дѣти, одѣтыя хотя и чисто, но очень небогато, видимо, продрогли.

Государь шелъ обычнымъ своимъ крупнымъ и довольно быстрымъ шагомъ...

Мальчикъ старался не уступать ему ни въ быстротѣ, ни въ рѣшимости. И императоръ, и оригинальная пара шли по довольно узкому тротуару и имъ, очевидно, предстояло почти столкнуться.

Такъ и вышло...

Дѣти почти въ упоръ подошли къ государю, и мальчикъ, остановившись передъ нимъ, смѣло и рѣшительно спросилъ его:

— Вы русскій императоръ?

— Да! — отвѣтилъ государь, сильно озадаченный такимъ рѣшительнымъ вопросомъ.

— Я къ вамъ! — попрежнему смѣло, чуть не дерзко, продолжалъ оригинальный мальчикъ.—Возьмите насъ, намъ итти некуда!..

— Кто ты такой? —спросилъ государь, самъ очень смѣлый и рѣшительный, но въ другихъ не любившій особо рѣзко выраженной смѣлости.

— Я—графъ Коловратъ-Червинскій!—гордо отвѣтилъ мальчикъ:—а это моя сестра! Вы казнили нашего отца... вы взяли всѣ наши имѣнія... мать наша умерла отъ горя и бѣдности... У насъ никого и ничего не осталось! Возьмите насъ!

— Кто тебя послалъ? — спросилъ императоръ, грозно нахмуривая брови.

— Никто не посылалъ меня! Я самъ пришелъ! — смѣло и гордо отвѣтилъ мальчикъ.

Николай Павловичъ остановился на минуту въ раздумьѣ и, сказавъ затѣмъ: «идите за мной», направился во дворецъ.

Тамъ дѣтей прежде всего накормили сытнымъ завтракомъ, причемъ съ аппетитомъ кушала только маленькая дѣвочка. Что же касается ея брата и защитника, то онъ едва притрагивался къ угощенію, сказавъ, что онъ сытъ.

Государь тѣмъ временемъ передалъ все императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, которая была само милосердіе и сама нѣжность. Она глубоко заинтересовалась дѣтьми и настояла на томъ, чтобы судьба маленькихъ сиротъ была въ тотъ же день вполнѣ обезпечена.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разспросовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, удалось очень мало узнать, мальчикъ былъ отвезенъ въ кадетскій корпусъ, а дѣвочка препровождена въ Смольный монастырь, гдѣ и была немедленно зачислена пансіонеркой государыни императрицы.

Изъ свѣдѣній, съ трудомъ добытыхъ отъ мальчика, видимо, не желавшаго отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, удалось узнать только, что отецъ его, въ званіи камергера польскаго двора, былъ казненъ въ Варшавѣ, что всѣ ихъ богатыя имѣнія были конфискованы, а мать ихъ, почти ослѣпшая отъ слезъ, умерла въ бѣдной обстановкѣ, не оставивъ имъ ровно ничего. Въ Петербургъ ихъ привезъ бывшій камердинеръ ихъ отца на деньги, собранныя

ихъ прежними знакомыми, и, переночевавъ съ ними на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, котораго мальчикъ не умѣлъ ни назвать, ни указать, распростился съ ними на другой же день и уѣхалъ обратно въ Польшу, но куда именно, мальчикъ не зналъ или не хотѣлъ сказать.

Идеи итти къ государю мальчику, по его словамъ, никто положительно не внушалъ. Ему сказали только, что все взялъ у нихъ русскій царь, и онъ самъ догадался и понялъ, что кто взялъ, тотъ и отдать долженъ, къ тому и итти надо!..

— Я не за чужимъ пришелъ, а за своимъ!..—смѣло и почти враждебно отвѣтилъ маленькій графъ, прямо глядя въ глаза допрашивавшимъ его лицамъ.

Императоръ, которому весь разговоръ съ ребенкомъ былъ переданъ отъ слова до слова, выслушалъ разсказъ этотъ съ нескрываемымъ гнѣвомъ но на дальнѣйшую судьбу дѣтей этотъ гнѣвъ не повліялъ, и черезъ два или три дня послѣ ихъ водворенія въ указанныя государемъ учебныя заведенія дѣти въ полной формѣ стояли уже въ рядахъ казенныхъ воспитанниковъ, вполнѣ равноправныя съ дѣтьми русскихъ родовитыхъ дворянъ...

Графиню Розалію я живо помню... Она была однимъ классомъ старше меня, такъ какъ пріемы и выпуски изъ Смольнаго въ то время производились всякіе три года. Это была очень стройная, но очень некрасивая блондинка, съ холоднымъ, худощавымъ лицомъ и большими, какъ-то особенно равнодушными и безстрастными, сѣрыми глазами. Училась она не хорошо и не дурно, ни съ кѣмъ изъ подругъ своихъ особенно дружна не была и вообще никого, кромѣ брата, не любила.

Ее тоже никто особенно горячо не любилъ, и жизнь ея въ стѣнахъ Смольнаго монастыря протекала какъ-то исключительно тихо и монотонно, озаряемая только аккуратными посѣщеніями брата-кадета, неукоснительно являвшагося на свиданіе съ сестрой во всѣ пріемные дни, совпадавшіе съ праздниками и съ отпускомъ его изъ корпуса.

Мальчикъ, какъ старшій, окончилъ курсъ наукъ раньше сестры и былъ произведенъ въ офицеры, когда графиня Розалія еще только переходила въ старшій классъ. Онъ вышелъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и уѣхалъ, надолго простившись съ сестрой.

На экипировку свою онъ получилъ деньги отъ казны, причемъ, по словамъ его сестры, ему обѣщано было, что при первой открывшейся вакансіи онъ будетъ переведенъ въ гвардію. Было ли исполнено это обѣщаніе, или нѣтъ, я въ точности не знаю, помню только, что онъ долго не появлялся въ пріемномъ залѣ Смольнаго монастыря и что одинокая жизнь молодой графини сдѣлалась еще скучнѣе и еще сосредоточеннѣе.

Въ отсутствіе брата, съ переходомъ Розаліи въ старшій классъ, ее въ пріемные дни стала навѣщать только что выпущенная изъ Смольнаго молодая дѣвушка Петрашевская, сестра извѣстнаго впослѣдствіи революціоннаго вожака поляка Петрашевскаго, въ дѣятельности котораго, по распространившимся между нами слухамъ, она принимала дѣятельное участіе еще въ бытность свою въ Смольномъ, переписывая приносимыя имъ бумаги. Бумагъ этихъ никто изъ насъ лично не видалъ, и, насколько правдива эта послѣдняя версія, сказать трудно.

За правдивость ея говоритъ то, что въ первый пріѣздъ въ Смольный императора Николая послѣ событій 1848 года онъ, сдвинувъ свои густыя брови, коротко и внушительно спросилъ:

— Въ чьемъ классѣ и дортуарѣ выросла только что выпущенная изъ института воспитанница Петрашевская?—и, обратившись къ указаннымъ ему лицамъ, коротко замѣтилъ:

— Не поздравляю васъ съ такой воспитанницей!

О привлеченіи Петрашевской къ отвѣтственности по дѣлу брата одно время говорили, но слуху этому врядъ ли можно было давать серьезную вѣру, тѣмъ болѣе, что за все время суда и слѣдствія, за которымъ мы, несмотря на нашъ сравнительно юный возрастъ, очень зорко слѣдили, Петрашевская не прекращала своихъ посѣщеній и постоянно видалась съ Червинской.

Полагаю, что черезъ нее именно проникали къ намъ въ Смольный такія подробности политическаго процесса, какихъ намъ, помимо этого источника, взять было неоткуда. Такъ, напримѣръ, относительно самаго дня, назначеннаго для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора, произнесеннаго надъ виновными, въ памяти моей сохранились очень характерныя подробности, которыя никакъ не могли быть плодомъ дѣтскаго измышленія, а навѣрное проникли къ намъ извнѣ, и притомъ изъ очень хорошо освѣдомленнаго источника.

Согласно этой интересной версіи, Петрашевскій съ первой минуты ареста отличался необычайнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, не оставлявшими его даже у позорнаго столба, къ которому осужденные были выставлены съ опущенными на ихъ глаза капюшонами савановъ. Онъ наотрѣзъ отказывался отъ дачи показаній, никого изъ сообщниковъ не выдалъ и съ смѣлымъ и открытымъ осужденіемъ относился къ тѣмъ изъ своихъ товарищей и единомышленниковъ, которые выказывали признаки робости или раскаянія.

— Это моя вѣра, и я ее громко исповѣдаю!..—сказалъ будто бы онъ на допросѣ при прочтеніи ему революціоннаго катехизиса, имъ же, по слухамъ, и сложеннаго.

Въ день, назначенный для казни, Петрашевскій ни на одну минуту не измѣнилъ себѣ, не выказалъ ни малѣйшаго признака робости

и подошелъ къ позорному столбу ровной и спокойной походкой. Отъ предложенія исповѣдаться передъ смертью Петрашевскій наотрѣзъ отказался, какъ равно отказался и отъ увѣщаній ксендза, подошедшаго къ нему послѣ прочтенія конфирмованнаго приговора. На предложеніе выразить посмертную волю свою Петрашевскій, будто бы, отвѣчалъ, что Россіи онъ желаетъ прозрѣть, родной ему Польшѣ желаетъ сбросить съ плечъ своихъ иго русскаго тиранства, а завѣщать никому ничего не можетъ, потому что у него ровно ничего въ мірѣ нѣтъ.

— Могу только развѣ родной Польшѣ завѣщать мое сердце... да князю Голицыну мои кишки!—будто бы громко произнесъ Петрашевскій, стоя у позорнаго столба. Но насколько все это справедливо, я сказать не берусь. Повторяю же это какъ характерное доказательство степени политическаго развитія дѣтей въ то далекое отъ насъ время.

Вѣдь повторялось все это среди общества маленькихъ дѣвочекъ отъ 13-ти до 15-лѣтняго возраста и притомъ дѣвочекъ, принадлежавшихъ исключительно къ старымъ дворянскимъ фамиліямъ, занесеннымъ въ Бархатную книгу.

Свидѣтельствуя о строгой истинѣ всего сказаннаго, я обращаю вниманіе читателей настоящихъ воспоминаній на то, какъ все это далеко отъ той легендарной наивности, какою, по разъ навсегда укоренившейся привычкѣ, стараются снабдить институтокъ старыхъ временъ.

Смѣю увѣрить всѣхъ тѣхъ, кто убѣжденъ въ этой небывалой наивности, что ею были заражены только тѣ, кто отъ вѣка былъ осужденъ на олицетвореніе глупой наивности, и что институтское воспитаніе тутъ ровно ни при чемъ. Ровно ничего не понимать можно при всякомъ въ мірѣ воспитаніи... Это зависитъ отъ степени природнаго предрасположенія къ непониманію!...

Въ числѣ осужденныхъ и приговоренныхъ къ смертной казни былъ нѣкто Кашкинъ, очень еще молодой человѣкъ, едва достигнувшій совершеннолѣтія, и котораго всѣ мы знали еще въ приводскомъ мундирѣ. Какимъ образомъ этотъ скромный и не особенно далекій мальчикъ могъ попасть въ такое серьезное дѣло, было намъ всѣмъ совершенно непонятно. Намъ передавали, что въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался, онъ по цѣлымъ днямъ разливался горькими слезами и выражалъ самое горячее раскаяніе, что не помѣшало ему быть причисленнымъ къ первому разряду осужденныхъ и выслушать прочтеніе смертнаго приговора, отмѣненнаго въ послѣднюю минуту, передъ самымъ его исполненіемъ, тѣмъ оригинальнымъ порядкомъ, который отъ вѣка практиковался и практикуется въ подобныхъ случаяхъ.

Послѣ прочтенія смертнаго приговора, когда капюшоны савановъ были уже опущены на глаза осужденныхъ, въ окружающей

помостъ толпѣ произошло внезапное движеніе... Вдали показался всадникъ, мчавшійся во весь карьеръ къ мѣсту совершенія казни и издали махавшій какой-то бумагой....

— Помилованіе!.. Помилованіе!!.. безшумно разнеслось по наэлектризованной толпѣ....

Всѣ насторожились, и подскакавшій фельдъегерь, разомъ осадивъ взмыленную лошадь, подалъ пакетъ, запечатанный государственной печатью.

Присутствовавшій при этомъ прокуроръ военнаго суда съ благоговѣйнымъ трепетомъ ознакомился съ содержаніемъ пакета...

Онъ громко произнесъ слова: «Высочайшее помилованіе»— и далъ знакъ снять съ осужденныхъ опущенные на лица ихъ капюшоны...

Изъ толпы грянуло громовое «ура»...

Двое изъ осужденныхъ перекрестились...

Осужденный Монъ-Трезоръ громко воскликнулъ: «Великодушіе есть отличительная черта русскаго государя!».

Эта фраза, натянутая и словно съ французскаго языка переведенная, вызвала ярый протестъ со стороны неугомоннаго Петрашевскаго.

— Молчи, дуракъ!—громко и отчетливо крикнулъ онъ, возбуждая въ присутствующихъ невольное сожалѣніе, что такая мощная нравственная сила была направлена противъ правительства, а не за него.

Кашкинъ громко зарыдалъ и былъ такъ потрясенъ, что потребовалась помощь доктора, чтобы привести его въ полное сознаніе.

Сильно взволнованы были и остальные подсудимые, что, строго говоря, не могло быть имъ поставлено въ особую вину, такъ какъ всѣ они, за исключеніемъ одного только Тимковскаго, были совсѣмъ еще молодые люди.

Главѣ и вдохновителю всего этого рискованнаго дѣла Петрашевскому было съ небольшимъ 27 или 28 лѣтъ, Кашкину едва минуло 22 года, Монъ-Трезору не было 30 лѣтъ; все это роковое дѣло, такимъ образомъ, являлось плодомъ одного только увлеченія, а отнюдь не строго обдуманной злой воли...

Самый старшій изъ всѣхъ былъ Тимковскій, которому въ моментъ рокового исхода процесса было 39 лѣтъ. Замѣчательно, что въ моментъ осужденія Тимковскаго его родной братъ служилъ жандармскимъ полковникомъ въ Рязани. Этого Тимковскаго я впослѣдствіи встрѣчала въ Рязани и могу засвидѣтельствовать, что это былъ самый гуманный и самый либеральный изъ всѣхъ жандармовъ Россійской имперіи. Такіе жандармы, какъ Тимковскій, способны были бы даже съ синимъ мундиромъ всѣхъ примирить.

Повторяю еще разъ, что всѣ вышеописанныя мною подробности составляли въ тотъ жгучій моментъ предметъ громаднаго интереса

и самыхъ оживленныхъ разговоровъ въ классахъ и дортуарахъ Смольнаго монастыря, что, какъ я полагаю, не могло оставаться неизвѣстнымъ институтскому начальству.

Откуда эти мельчайшія подробности и, главное, откуда этотъ живой интересъ... для меня навсегда осталось тайной!..

Возвращаясь къ исторіи Червинскихъ, не могу не упомянуть объ очень интересной и симпатичной подробности этой характерной странички изъ исторіи царствованія императора Николая I.

Такъ какъ большинство дѣтей, воспитывавшихся въ Смольномъ монастырѣ, принадлежало къ семьямъ вполнѣ состоятельнымъ и болѣе или менѣе знатнымъ,—то понятно, что и отношенія этихъ семей къ дѣтямъ выражались въ широкомъ баловствѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, какіе были возможны и доступны при условіяхъ той эпохи, когда двери заведенія оставались закрытыми для ребенка въ теченіе долгихъ девяти лѣтъ.

Ни на туалетъ дѣтей, ни на ихъ пріѣздъ и отъѣздъ изъ дома не приходилось родителямъ ровно ничего тратить, и понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи объ отказѣ исполнять ихъ скромныя требованія, ограничивавшіяся покупкой сначала нарядныхъ куколъ и затѣйливыхъ игрушекъ, затѣмъ болѣе или менѣе прихотливыхъ пеналей и тетрадокъ, а въ старшемъ классѣ покупкой перчатокъ, духовъ и газовыхъ вуалей, допускавшихся какъ единственная варіація къ однообразному институтскому костюму.

Всѣмъ этимъ самые небогатые родители обильно снабжали дѣтей своихъ, и только рѣдкія изъ воспитанницъ, круглыя сироты, оказывались лишенными этой скромной дѣтской роскоши.

Маленькая графиня Червинская, съ первой минуты своего поступленія въ Смольный не имѣвшая, кромѣ маленькаго брата, никого близкаго или родного, тѣмъ не менѣе не знала никакихъ лишеній и на ряду съ самыми богатыми подругами своими получала въ маленькомъ классѣ самыя дорогія и затѣйливыя игрушки, впослѣдствіи дорогія тетради и книги, а въ старшемъ классѣ во всѣ дни, предшествовавшіе казеннымъ баламъ, когда подраставшія уже воспитанницы озабочены были предстоявшими скромными отступленіями отъ казенной формы,—щегольскія перчатки и большіе флаконы дорогихъ заграничныхъ духовъ.

Все это присылалось и доставлялось ей молча, адресованное прямо на ея имя, безъ малѣйшаго упоминанія о томъ, кѣмъ и откуда все это присылается, а когда наступилъ моментъ выпуска изъ института и графинѣ Розаліи объявлено было, что она остается въ Смольномъ пепиньеркой еще на три года,—то къ Червинской, не имѣвшей никакихъ средствъ на экипировку, явились представительницы самыхъ дорогихъ магазиновъ для того, чтобы снять съ нея мѣрку на платья и прочіе наряды, причемъ ей представлены были образцы самыхъ лучшихъ и дорогихъ матерій на выборъ.

Здѣсь тоже имя благодѣтельной феи, такъ заботливо обдумывавшей все, что касалось бѣдной и безродной сироты, оставалось тайной для всѣхъ.

Знали только, что все оплачивалось дорогой цѣной, и только когда наканунѣ выпуска прислана была на имя графини Розаліи богатая, какъ бы свадебная, корзина, на днѣ которой подъ ворохомъ дорогихъ кружевъ и лентъ оказался съ трогательной заботливостью положенный католическій молитвенникъ, переплетенный въ черный бархатъ, съ серебрянымъ крестомъ наверху,—и сама молодая дѣвушка, и ближайшее начальство Смольнаго монастыря поняли источникъ этой нѣжной, неустанной долголѣтней заботы... и узнали царски-щедрую и нѣжно-заботливую руку императрицы Александры Ѳеодоровны.

Не менѣе ясно сказалась ея великодушная поддержка и въ другомъ случаѣ изъ жизни графини Розаліи.

По разъ узаконенному обыкновенію, при выпускѣ печатается подробный списокъ всѣхъ воспитанницъ, съ обозначеніемъ именъ, фамилій и чиновъ или титуловъ ихъ отцовъ. Дошелъ чередъ до дочери казненнаго преступника, замѣшаннаго въ заговоръ противъ власти и особы государя. Начальство института поставлено было втупикъ.

Какъ поступить?.. И чьей дочерью назвать молодую дѣвушку, отецъ которой, лишенный всѣхъ правъ состоянія, окончилъ позорной смертью на висѣлицѣ?!

Тутъ опять въ дѣлѣ приняла участіе императрица Александра Ѳеодоровна. Она, всесильная надъ волей своего царственнаго супруга, смѣло пошла къ нему съ открытымъ листомъ, въ которомъ пропущено было спорное имя дочери казненнаго поляка,—и вышла изъ кабинета государя, держа въ рукахъ тотъ же листъ, на которомъ стояли собственноручно написанныя государемъ слова:

«Графиня Розалія Александровна Коловратъ-Червинская, дочь умершаго камергера бывшаго двора польскаго».

Надо было знать характеръ и направленіе императора Николая I, чтобы понять все значеніе этихъ словъ, имъ самимъ начертанныхъ.

Кромѣ графини Розаліи, поступила въ мое время въ Смольный еще маленькая воспитанница, сама себя опредѣлившая; но это опредѣленіе состоялось при несравненно болѣе веселыхъ условіяхъ.

Императоръ Николай Павловичъ всегда и во всѣхъ своихъ резиденціяхъ любилъ вставать очень рано и подолгу гулять на свѣжемъ воздухѣ, не считаясь съ погодой. Особенно любилъ онъ Царскосельскій паркъ и въ бытность свою въ Царскомъ всегда совершалъ очень дальнія и продолжительныя прогулки по парку.

Однажды, когда онъ присѣлъ отдохнуть около одного изъ па-

вильоновъ, слухъ его поразилъ необыкновенно громкій и капризный голосъ ребенка, съ кѣмъ-то горячо спорившаго.

Всѣмъ извѣстна исключительная любовь государя къ дѣтямъ... Горячій дѣтскій споръ заинтересовалъ его, онъ всталъ и тихонько прокрался, чтобы разглядѣть поближе, кто именно и о чемъ спорилъ.

На поворотѣ аллеи, въ сторонѣ отъ павильона, онъ увидалъ очень миловидную дѣвочку лѣтъ 8 или 9, съ веревочкой въ рукахъ, съ оживленнымъ, раскраснѣвшимся личикомъ и полными слезъ глазками. Она горячо спорила съ пожилой, просто одѣтой женщиной, видимо, горничной или простой русской няней, которая напрасно старалась ее въ чемъ-то убѣдить.

— Я сказала, что пойду, и пойду!..—кричалъ ребенокъ, топая маленькими, щегольски обутыми ножками.

— А я говорю, что нельзя!.. Вотъ я ужо маменькѣ пожалуюсь!.. Что это на самомъ дѣлѣ такое?.. Никакого сладу съ вами нѣту!.. Силъ моихъ недостаетъ!

Дѣвочка махнула рукой и, стряхнувъ съ глазъ остатокъ набѣгавшихъ слезъ, принялась ловко прыгать черезъ веревочку, направляясь въ сторону только что оставленнаго государемъ павильона. Въ нѣсколько бойкихъ и ловкихъ прыжковъ она очутилась прямо передъ государемъ. Она на минуту остановилась, а затѣмъ, сдѣлавъ ему учтивый книксенъ, рукой показала ему, чтобы онъ пропустилъ ее впередъ.

Государь, вмѣсто того, чтобы посторониться, широко раздвинулъ руки, какъ бы желая поймать маленькую шалунью.

— Пустите!..—отмахнулась она.—Вѣдь я вамъ сдѣлала книксенъ, чего вамъ еще надо?..

— Мнѣ надо, чтобы вы мнѣ дали ручку и сказали мнѣ, какъ васъ зовутъ?..

Дѣвочка разсмѣялась и, протянувъ ему руку, громко и отчетливо сказала, слегка и очень граціозно грассируя:

— Зовутъ меня княжна Лидія Владимировна Вадбольская, а называютъ меня всѣ Лили. Довольно съ васъ?..

— Нѣтъ, мало!..—разсмѣялся государь.—Я хочу знать, съ кѣмъ и о чемъ вы такъ ожесточенно спорили?

— Это старая няня Афимья!.. Она совсѣмъ несносная! По цѣлымъ днямъ ворчитъ и пристаетъ!.. Теперь вотъ я отъ нея ускакала и ей меня не поймать, тѣмъ болѣе, что она должна еще на ферму за молокомъ пройти... А мамѣ она на меня непремѣнно нажалуется!.. Ужъ она безъ этого не можетъ!..

— О чемъ же вы такъ ожесточенно спорили съ ней?

— Она не хотѣла меня сюда пускать... Увѣряетъ, что бѣда будетъ, ежели я здѣсь прыгать стану, потому что здѣсь иногда самъ государь гуляетъ!.. А по-моему, никакой тутъ нѣтъ бѣды!..

Онъ будетъ гулять, а я буду скакать!.. Что это ему помѣшать можетъ?.. Вѣрно вѣдь?..

— Совершенно вѣрно, княжна!.. Я даже увѣренъ, что императоръ очень радъ бы былъ посмотрѣть, какъ вы мило прыгаете!

— Ну, ужъ вотъ это вздоръ!..—покачала она своей кудрявой головкой.—Онъ, говорятъ, сердитый...

— Кто жъ это говоритъ?..—разсмѣялся государь.

— Всѣ...—пожала малютка своими узенькими плечиками.—Всѣ его боятся! Да онъ и въ самомъ дѣлѣ недобрый... Я и сама это знаю!..

— Вы-то откуда же это знаете?!

— А онъ меня въ Смольный монастырь принять не хочетъ! Мама его просила, бумагу ему подавала... Большая такая бумага, и написана, точно напечатана! А ей и прислали отказъ. Какъ она, бѣдная, плакала! Вспомнить даже жалко! У нея ничего нѣтъ теперь... Прежде много всего было... когда папа былъ живъ... А теперь все ушло... Ужъ куда ушло... я не знаю... Няня говоритъ, что мама сама виновата... Да вѣдь у няни Афимьи всѣ виноваты! Она одна только всегда права!—Но денегъ у насъ совсѣмъ нѣтъ. Со-о-всѣмъ!.. Со-о-всѣмъ!..—протянула она грустнымъ тономъ.—Только то, что баронъ дастъ...

— Какой баронъ?

— Нашъ баронъ... Длинный такой и худой... Онъ тутъ, близко отъ насъ, на дачѣ живетъ...

— А какъ его фамилія?..

— Ну, ужъ этого я не знаю!.. Баронъ да баронъ!.. А фамиліи его я запомнить не могу... Нѣмецкая какая-то и длинная... такая же, какъ онъ самъ!.. Это баронъ мамѣ посовѣтовалъ меня въ Смольный отдать!.. Мама плакала, когда бумагу объ этомъ писала... А когда отказъ получила, опять плакала! Ничего у нихъ не поймешь!—взмахнула руками дѣвочка, вновь закидывая свою веревочку за головку.

— А вамъ хотѣлось бы поступить въ Смольный монастырь?—спросилъ государь.

— Да,—беззаботно отвѣтила малютка.—Мама сама тамъ воспитывалась... и ея мама тоже!.. Тамъ, говорятъ, хорошо!..

— Хотите, я за васъ попрошу государя?—улыбаясь спросилъ императоръ.

— Вы?!..

— Да... Я!..

— А развѣ вы можете съ государемъ разговаривать?!..

— Могу!..

— Часто?..

— Когда захочу!..

— И вы это не врете?!..—внезапно разразилась она неэлегантнымъ вопросомъ, вызвавъ этимъ искренній смѣхъ императора.

— Нѣтъ, не вру!

— То-то!.. Врать стыдно!..

— Такъ попросить?

— Попросите, пожалуй!

— А какая мнѣ за это награда будетъ?

— Конфетъ мнѣ тогда принесите! Вотъ вамъ какая награда!—разсмѣялась шалунья.

— Какъ?!.. Я дѣло устрой, да я же и конфетъ купи?! Развѣ это справедливо?..

— А что же я могу вамъ дать? У меня ничего нѣтъ, и денегъ тоже нѣтъ... Былъ одинъ золотой, да и тотъ няня Афимья мнѣ на туфельки взяла!.. Говоритъ, у мамы своихъ нѣтъ, а у барона няня Афимья брать не хочетъ... Она не любитъ барона!.. Однако пора мнѣ домой... Няня, вѣрно, ужъ и молоко съ фермы принесла... Завтракать пора!.. А то опять она ворчать станетъ!

— Когда же я васъ увижу, чтобы вамъ отвѣтъ императора передать?..—спросилъ государь.

— Да я всякій день почти здѣсь гуляю... Няня приведетъ меня, да и оставитъ одну побѣгать!.. Здѣсь не страшно!

— Хорошо... Приходите же завтра...

Маленькая княжна кивнула головкой, сдѣлала наскоро шаловливый книксенъ и быстрыми прыжками исчезла за деревьями.

Вернувшись во дворецъ, государь сообщилъ императрицѣ о сдѣланномъ имъ новомъ знакомствѣ, и она очень заинтересовалась бойкой и хорошенькой дѣвочкой.

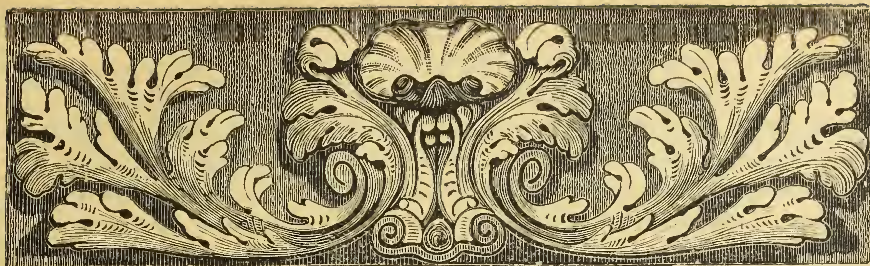
На другой день государь привелъ маленькую княжну завтракать во дворецъ, предупредивъ до смерти перепуганную няню, куда и съ кѣмъ дѣвочка уходитъ, а нѣсколько дней спустя, маленькая княжна Вадбольская была отвезена въ Смольный монастырь, куда и была принята, съ зачисленіемъ ее пансіонеркой государя императора.

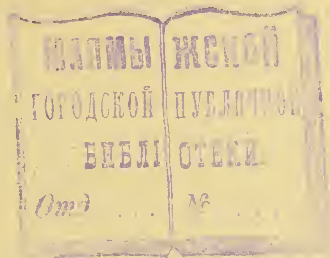
Дальнѣйшая судьба дѣвочки мнѣ неизвѣстна. Помню только, что государь почти каждый свой пріѣздъ въ Смольный вспоминалъ объ ней и всегда съ ней очень милостиво разговаривалъ.

Въ частной жизни Николая I встрѣчается не одна черта такого добраго и гуманнаго отношенія къ людямъ, противорѣчащая его обычной серьезности и той холодной, непоколебимой строгости, которая легла въ основаніе его историческаго характера.

А. И. Соколова

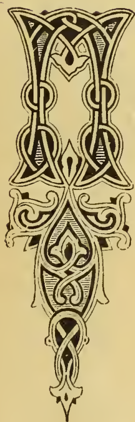

„ГОЛУБЧИКЪ, ПОТЕРПИ".

(Къ характеристикѣ Аракчеева).

ЕРЕБИРАЯ свои бумаги, я нашелъ четвертушку, исписанную карандашомъ. Это оказался разсказъ, записанный мною когда-то со словъ покойнаго профессора П. А. Висковатова и относящійся къ временамъ недоброй памяти Аракчеева.

Хотя эта «фигура» достаточно уже очерчена нашею исторіею и новаго разсказъ П. А., пожалуй, ничего и не прибавляетъ, но рѣчь въ немъ идетъ о такомъ отвратительно-грустно-забавномъ эпизодѣ, что не мѣшаетъ и его присоединить ко всему, что уже извѣстно о знаменитомъ «безъ лести преданномъ» холопѣ русской земли...

Отецъ П. А., служившій генераломъ въ аракчеевскихъ поселеніяхъ, одно время, по обязанностямъ своей службы, долженъ былъ проживать въ знаменитомъ Грузинѣ. Однажды утромъ, подходя къ дому Аракчеева съ докладомъ, генералъ услышалъ неистовый крикъ, несшійся изъ внутреннихъ покоевъ. Онъ инстинктивно бросился на вопль, быстро пробѣжалъ цѣлый рядъ совершенно пустыхъ комнатъ и, какъ вкопанный, остановился передъ полуоткрытою дверью графскаго кабинета. Передъ глазами генерала Висковатова открылась слѣдующая картина. На простой бѣлой скамьѣ лежалъ растянутый личный секретарь графа, человѣкъ пожилой, лѣтъ подъ 50, чуть ли не статскій генералъ. Всѣмъ было извѣстно, что человѣкъ этотъ былъ правою рукою

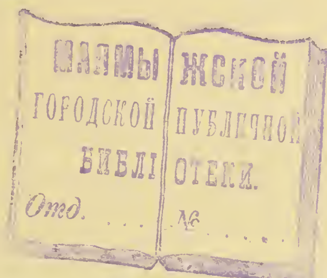
Аракчеева, его любимцемъ, свято и педантично исполнявшимъ его велѣнія. На этотъ разъ онъ, видимо, чѣмъ-то провинился. Секретарь неистово кричалъ. Онъ былъ «форменно» обнаженъ. Его больно пороли двое дворовыхъ графа... Два дюжихъ парня, одинъ за ноги, другой навалившись на плечи, крѣпко держали бившуюся жертву. Какой-то унтеръ стоялъ тутъ же и громко отсчитывалъ удары. Фалда форменнаго фрака, закинутая къ головѣ и прикрытая до половины бѣльемъ, какъ-то странно изогнувшись, торчала на спинѣ. Въ петлицѣ разстегнутаго борта растерзаннаго фрака болтался какой-то крестъ. Искаженное, полное ужаса, багровое лицо старика обращалось то въ одну, то въ другую сторону... И неслся отчаянный старческій вопль, густо наполнявшій собою воздухъ комнатъ... А у изголовья жертвы, на колѣняхъ, со скрещенными пальцами рукъ, въ позѣ жарко молящагося человѣка, стоялъ самъ Аракчеевъ и слезливо, безъ умолку, вопилъ благимъ матомъ, какъ бы желая перекричать свою жертву: «Голубчикъ, потерпи... Не могу... Ей-Богу, не могу... Такъ нужно... Голубчикъ... люблю я тебя... а не могу... Потерпи... За это положено 50... только 50... Ради Бога потерпи... Сейчасъ... сейчасъ кончимъ... только потерпи... Голубчикъ... жаль мнѣ тебя... Ну, ради Бога... ради меня...»

Генералъ Висковатовъ наконецъ вышелъ изъ оцѣпенѣнія и стремглавъ выбѣжалъ изъ дому.

Сообщилъ В. А. Корсаковъ.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ САМОЗВАНЦЕВЪ.

(Изъ недалекаго прошлаго).

Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ газетахъ стали особенно часто появляться извѣстія о разнаго рода самозванцахъ: то какой-нибудь проходимецъ назовется акцизнымъ чиновникомъ и объѣзжаетъ питейныя заведенія, всюду пріемля мзду за невозбужденіе преслѣдованія по обнаруженнымъ будто бы имъ нарушеніямъ питейнаго устава; то вдругъ появится въ городѣ никому до тѣхъ поръ неизвѣстный полковникъ и живетъ себѣ цѣлый годъ, разъѣзжая на собственной парѣ лошадей, соритъ деньгами въ клубахъ и театрахъ, ходитъ въ военной формѣ, строго требуя отданія ему чести, состоитъ въ дружбѣ съ полиціей, благодаря любезности которой получаетъ черезъ участокъ газеты, доставляемыя ему на домъ полицейскимъ разсыльнымъ,— и, къ общему удивленію, оказывается проворовавшимся лакеемъ [1]); помнится случай, доходившій до правительствующаго сената [2]), когда какой-то самозванецъ, не имѣвшій ничего общаго съ духовнымъ вѣдомствомъ, разъѣзжалъ по монастырямъ, въ качествѣ командированнаго святѣйшимъ синодомъ священника-ревизора, служилъ молебны, произносилъ проповѣди, вызывавшія у слушателей-монаховъ обильныя слезы, и, опять-

---

[1]) «Новое Время» 1898 г., № 7886.

[2]) Рѣшеніе уголовнаго кассаціон. департамента 1892 г., № 11 и 1899 г., № 21

таки, принималъ во время своихъ ревизій благодарности всякаго рода; припомните кстати похожденія русскаго Рокамболя, корнета, а впослѣдствіи нарымскаго мѣщанина изъ ссыльныхъ Николая Герасимовича Савина, оставившаго на память о себѣ цѣлую литературу [1]).

Все это были самозванцы-лихоимцы, люди темные, бившіеся изъ-за куска хлѣба, далеко не всегда умные и находчивые и потому сравнительно скоро попадавшіеся. Я лично зналъ одного самозванца, который, не получивъ не только соотвѣтствующаго, но почти никакого образованія, въ теченіе не одного, а нѣсколькихъ лѣтъ успѣшно врачевалъ страждущее человѣчество, былъ земскимъ, а затѣмъ и короннымъ полицейскимъ врачомъ, пользовался любовью населенія и уваженіемъ сослуживцевъ, торжественно и въ присутствіи властей праздновалъ полученіе имъ орденовъ и знаковъ отличія, производилъ судебно-медицинскія вскрытія, былъ неоднократно приглашаемъ на консиліумы, дѣлалъ удачныя операціи, отличался полнымъ безкорыстіемъ, былъ ярымъ преслѣдователемъ взятокъ всякаго рода и въ концѣ концовъ оказался бѣжавшимъ изъ Сибири ссыльнымъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Исторію этой далеко незаурядной личности мнѣ хочется передать читателямъ частью по личнымъ воспоминаніямъ, частью по разсказамъ знакомыхъ, а главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, имѣющихся въ весьма обширномъ слѣдственномъ объ этомъ господинѣ производствѣ. Это производство составляетъ пять объемистыхъ томовъ и носитъ такое заглавіе: «По настольному 1885 г., № 6. Дѣло судебнаго слѣдователя московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ о тобольскомъ городовомъ крестьянинѣ Андреѣ Аполлоновѣ Запольскомъ (онъ же Черемшанскій, Рубецъ, Корсаковъ, Ивановъ и Щегирчинскій), обвиняемомъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 294, 295, 296 и 1412 ст. улож. о наказ.».

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я былъ товарищемъ прокурора сарапульскаго окружнаго суда и проживалъ въ городѣ Елабугѣ Вятской губерніи; здѣсь мнѣ впервые случилось повидаться и познакомиться съ упомянутымъ самозванцемъ.

Появленіе его въ нашихъ краяхъ разсказывается такъ. Въ маѣ 1878 г. шелъ по Камѣ пароходъ, направлявшійся изъ Казани въ Пермь. Въ рубкѣ перваго класса сидѣли и пили чай два пассажира: одинъ—предсѣдатель сарапульской уѣздной земской управы, а другой—извѣстный въ Прикамскомъ краѣ богатый купецъ. Они мирно вели между собою бесѣду, не обращая вниманія на третьяго, сидѣвшаго въ углу рубки пассажира; то былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, судя по костюму, отставной военный. Въ разговорѣ пред-

[1]) «Биржевыя Вѣдомости» 1903 г., №№ 495, 499, 503 и друг.

сѣдатель управы, между прочимъ, упомянулъ, что возвращается изъ Казани послѣ досадно неудачной поѣздки. Ѣздилъ онъ искать врача хотя бы на одну изъ свободныхъ въ его уѣздѣ вакансій, но не нашелъ и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что вывѣсилъ въ университетѣ объявленіе, вызывающее желающихъ занять это мѣсто изъ кончающихъ курсъ студентовъ-медиковъ. «Хотя и очень не хотѣлось бы брать неопытныхъ, только что испеченныхъ врачей, но что же дѣлать? Все-таки это лучше, чѣмъ ничего», такъ закончилъ онъ свой разсказъ.

Въ это время упорно до сихъ поръ молчавшій военный подошелъ къ нимъ съ такими словами: «Извините, господа, что вмѣшиваюсь въ вашъ разговоръ. Позвольте представиться: отставной военный врачъ Черемшанскій. Я ѣду изъ Туркестана. Бродилъ по Сибири, да все это надоѣло, и рѣшилъ я перебраться въ Европейскую Россію. Не думалъ я вовсе гдѣ-нибудь устраиваться болѣе или менѣе прочно, но, прослушавъ вашъ разговоръ, мнѣ пришло на мысль: не могу ли я быть вамъ полезнымъ и почему бы мнѣ не послужить земству? Попробуйте, возьмите меня земскимъ врачомъ; окажусь негоднымъ или самому мнѣ не понравится, мѣсяца черезъ два-три мы разойдемся такъ же тихо и спокойно, какъ сошлись. А вотъ мой документъ». Съ этими словами онъ подалъ предсѣдателю управы бумагу, оказавшуюся временнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ 16 марта 1878 г. командиромъ туркестанскаго линейнаго № 2 батальона старшему врачу, доктору медицины, надворному совѣтнику Черемшанскому, уволенному по болѣзни въ отпускъ впредь до окончательнаго увольненія въ отставку.

Предсѣдатель управы подумалъ; Черемшанскій ему понравился и 27 мая 1878 г. онъ былъ назначенъ земскимъ врачомъ Сарапульскаго уѣзда.

Пробылъ онъ въ этой должности недолго,—почему-то повздорилъ съ земствомъ и 10 октября 1878 г. былъ уволенъ. Гдѣ онъ былъ до марта 1879 г., не знаю, но съ 14 марта онъ уже состоялъ земскимъ врачомъ по Мензелинскому уѣзду. Мензелинскій уѣздъ Уфимской губ. отдѣляется отъ Елабужскаго рѣкою Камою и мензелинцы часто посѣщаютъ Елабугу. Нерѣдко бывалъ тамъ и Черемшанскій и тамъ-то мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться.

Лица, лучше меня его знавшія, передаютъ о немъ много интереснаго. Такъ, нынѣ умершій, бывшій елабужскій нотаріусъ И. П. Дмитревскій, изложившій, по моей просьбѣ, свои воспоминанія о Черемшанскомъ въ особой запискѣ, разсказываетъ о первой съ нимъ встрѣчѣ слѣдующее: «Съ докторомъ Черемшанскимъ я познакомился въ 1878 г., въ первыхъ числахъ августа въ Сарапулѣ, въ квартирѣ моего пріятеля доктора Стельмаховича, служившаго въ то время врачомъ мѣстной земской больницы. Сидѣли мы за послѣобѣденнымъ чаемъ: хозяева—мужъ и жена, я и предсѣда-

тель сарапульскаго окружнаго суда Ф. И. Шмелевъ. Вскорѣ въ прихожей послышался звонъ шпоръ и громкій разговоръ съ вышедшею туда хозяйкою, а вслѣдъ затѣмъ въ залъ вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, моложавый, въ военномъ мундирѣ съ Анною на шеѣ, солдатскимъ Георгіемъ и цѣлымъ рядомъ мелкихъ орденовъ и медалей въ колодкѣ; шатенъ съ небольшими усами на гладко выбритомъ лицѣ; онъ носилъ темно-синія очки съ видимою цѣлью скрыть замѣтную косину глазъ; одѣтъ онъ былъ, что называется, съ иголочки: все, начиная съ мундира и кончая ослѣпительной бѣлизны воротничкомъ и манжетами, все блистало свѣжестью и безукоризненною чистотою. На предложенный хозяйкою вопросъ: «не хотите ли чаю?» онъ отвѣтилъ: «я уже пилъ, но пожалуй». Хозяйка принесла графинъ водки и пошла было за рюмкою, а Черемшанскій, принявъ отъ хозяйки графинъ, сталъ искать глазами чистый стаканъ, но ни одного, не вымытаго послѣ чаю, на столѣ не было; на глаза ему попалась полоскательная чашка, онъ посмотрѣлъ на нее, обтеръ ее внутри и вылилъ туда изъ графина всю водку, а ея было почти полный графинъ,—выпилъ все это сразу и не только не поморщился, но даже не крякнулъ, а лишь вытеръ усы надушеннымъ носовымъ платкомъ. Это никого изъ присутствовавшихъ не удивило, не удивлялся потомъ и я, когда узналъ Черемшанскаго поближе, и когда мнѣ стало извѣстнымъ, что на его языкѣ подъ именемъ чая разумѣется водка. Ни въ этотъ разъ, ни впослѣдствіи онъ послѣ такого пріема водки пьянъ не былъ, не былъ даже выпивши, да вообще пьянымъ его никто никогда не видалъ».

Какъ разъ вслѣдъ затѣмъ, по словамъ Дмитревскаго, у него возникъ со Шмелевымъ весьма интересный разговоръ по спорному вопросу гражданскаго права. Въ разговоръ вмѣшался Черемшанскій и обнаружилъ весьма недюжинныя юридическія познанія, такъ что удивленный Шмелевъ спросилъ его: «Да вы кто—юристъ или медикъ?»—«Если хотите,—былъ отвѣтъ:—пожалуй, я и юристъ, только юриспруденцію вашу, и преимущественно криминальную, я изучилъ поневолѣ. Я былъ пятнадцать разъ подъ судомъ и пятнадцать разъ оправданъ, а на судѣ всегда защищалъ себя самъ. Помните ли вы такія-то дѣла?» При этомъ были названы три громкія дѣла, на долгое время занявшія тогдашнюю печать; судя по подробностямъ, которыя онъ передавалъ, можно было повѣрить, что онъ былъ въ этихъ дѣлахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Разсказывалъ онъ живо, интересно, но съ замѣтными преувеличеніями. Всѣ его разсказы изобличали въ немъ героя, безшабашную личность, любителя и искателя разныхъ приключеній, но, во всякомъ случаѣ, не плута, не шарлатана, а скорѣе симпатичнаго шалопая. Во время этой бесѣды въ городѣ случился

пожаръ: горѣлъ домъ на Старцевой горѣ [1]). Черемшанскій вскочилъ со стула и стремительно бросился изъ комнаты. Часа черезъ два онъ вернулся къ Стельмаховичамъ запыленный, обрызганный водою и съ жаромъ разсказывалъ, какъ онъ командовалъ на пожарѣ, который, по его словамъ, прекращенъ только благодаря его энергіи и распорядительности. Послѣднее, впрочемъ, подтверждали и свидѣтели-очевидцы пожара.

О своемъ прошломъ, по словамъ того же Дмитревскаго, Черемшанскій говорилъ всегда какъ-то загадочно, полунамеками, такъ что у всѣхъ его знавшихъ сложилось убѣжденіе, что онъ очень высокаго, но какого-то полнаго тайны происхожденія. По его намекамъ выходило, что онъ незаконнорожденный сынъ императора Николая I; таковымъ его считали многіе, да онъ отчасти и былъ похожъ на покойнаго государя.

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ я излагаю собственными словами записки Дмитревскаго: «Однажды былъ такой случай; это было спустя два года послѣ перваго моего знакомства съ Черемшанскимъ; онъ былъ уже мензелинскимъ земскимъ врачомъ; Стельмаховичъ служилъ въ томъ же земствѣ и жилъ въ селѣ Челнахъ; я пріѣхалъ къ нему погостить и при мнѣ, однажды вечеромъ, пріѣхалъ туда и Черемшанскій; его оставили ночевать въ кабинетѣ; Стельмаховичъ утромъ зашелъ за чѣмъ-то въ кабинетъ, и при входѣ его Черемшанскій быстро вскочилъ съ постели, сѣлъ свѣсивъ ноги на полъ и, поднявъ руки кверху, сталъ потягиваться, причемъ на обнаженной груди его, изъ-подъ разстегнутой рубашки, Стельмаховичъ увидѣлъ довольно большой медальонъ, висѣвшій на массивной золотой цѣпочкѣ. Замѣтивъ вниманіе, съ которымъ Стельмаховичъ смотрѣлъ на него, Черемшанскій быстро обѣими руками схватилъ медальонъ и прижалъ къ груди, обнаруживъ не то испугъ, не то сожалѣніе, что обнаружена его тайна, а затѣмъ сказалъ: «Эту святыню я всегда скрывалъ отъ любопытныхъ, но такъ какъ вы уже видѣли и такъ какъ я васъ люблю и уважаю,— я не жалѣю». Съ этими словами онъ открылъ медальонъ, не выпуская его изъ рукъ, показалъ Стельмаховичу, и тотъ увидѣлъ на одной сторонѣ портретъ императора Николая I, а на другой— изображеніе какой-то поразительно красивой дамы».

Случай этотъ сталъ извѣстенъ многимъ, и это обстоятельство еще болѣе подтвердило ходившее въ обществѣ предположеніе, что Черемшанскій незаконнорожденный сынъ Николая I. Нужно сказать, что самъ Черемшанскій очень часто и особенно любовно говорилъ объ усопшемъ государѣ, но никогда ни прямо, ни косвенно не упоминалъ о томъ, о чемъ всѣ догадывались. Зато онъ очень часто и охотно говорилъ о своихъ связяхъ въ Петербургѣ,

---

[1]) Одна изъ улицъ гор. Сарапуля.

гдѣ, по его словамъ, ему бабушка ворожитъ, разсказывалъ о письмахъ, получаемыхъ имъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и въ томъ числѣ даже отъ высочайшихъ особъ.

Однажды по Сарапулю распространился слухъ, будто Черемшанскій переводится на службу въ Петербургъ. Черемшанскій не отрицалъ этого и, въ доказательство справедливости слуха, показывалъ кое-кому, а въ томъ числѣ и упомянутому выше Дмитревскому, объявленіе, написанное на великолѣпной бумагѣ съ изящно отпечатаннымъ бланкомъ: «Канцелярія его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича», и приблизительно такого содержанія: «его высочество великій князь изволилъ приказать извѣстить васъ, что вы назначаетесь...» Дмитревскій говорилъ, что рѣчь шла о назначеніи инспекторомъ или начальникомъ какого-то учрежденія въ Петербургѣ. Бумага была адресована доктору медицины Черемшанскому и подписана генералъ-майоромъ, фамилію котораго Дмитревскій забылъ.

На разспросы, по какому случаю онъ, медикъ, могъ получить солдатскій георгіевскій крестъ, Черемшанскій разсказывалъ, что, бывши студентомъ II-го курса медико-хирургической академіи, онъ съ тремя товарищами учинилъ какую-то дерзкую выходку противъ начальства, за что былъ разжалованъ въ рядовые и попалъ на Кавказъ. Тамъ онъ выдѣлялся своимъ озорствомъ, храбростью и былъ извѣстенъ всему полку, какъ отчаянный бреттеръ; за одну изъ схватокъ съ горцами онъ получилъ георгіевскій крестъ, а затѣмъ, лѣтъ черезъ семь-восемь, былъ помилованъ, вернулся въ Петербургъ, гдѣ снова поступилъ въ академію и кончилъ курсъ докторомъ медицины.

О томъ, какъ онъ попалъ въ сарапульское земство, Черемшанскій разсказывалъ цѣлую исторію, начавъ, по обыкновенію, издалека. По его словамъ, онъ былъ врачомъ въ дунайской арміи, въ отрядѣ цесаревича, гдѣ, какъ и повсюду, оказывалъ чудеса храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ряду вонъ выходящаго озорничества. Тамъ онъ повздорилъ съ однимъ генераломъ, непосредственнымъ его начальникомъ, вызвалъ его на дуэль, за что подлежалъ военному суду, но высшія власти порѣшили выпроводить его изъ арміи и съ этою цѣлью отправили въ Петербургъ съ особымъ порученіемъ. Въ Петербургѣ совершенно неожиданно онъ получилъ назначеніе въ Тобольскъ. «Выдали мнѣ подъемныя, говорилъ онъ, двойные прогоны по чину, да взялъ и третное жалованье; денегъ оказалась въ рукахъ цѣлая куча и порѣшилъ я перво-на-перво запастись въ Петербургѣ женою; здѣсь было изъ кого выбрать, а въ Сибири пришлось бы, пожалуй, брать всякую дрянь, какая попадется. Напечаталъ я въ газетахъ объявленіе: «Не молодой-де человѣкъ, имѣющій много денегъ и отправляющійся въ Западную Сибирь, желаетъ жениться. Молодыя, красивыя, здоровыя, желающія выйти замужъ, приглашаются по такому-то адресу». Начали ходить, что ни день,

то больше, только знай, выбирай. Однако, выбралъ-таки. Весело мы пожили въ Петербургѣ, да не скучно и въ пути; доѣхали до Перми и тутъ застряли надолго,—добрались до Екатеринбурга— та же исторія; здѣсь жена мнѣ надоѣла, я отправилъ ее въ Петербургъ, а самъ, запасшись другой женой, двинулся дальше. Въ Тюмени я узналъ, что за неявкою въ срокъ къ мѣсту служенія я отчисленъ, поэтому вернулся обратно и дорогою узналъ случайно, что сарапульское земство ищетъ врача,—явился, подалъ прошеніе и былъ принятъ».

Въ Сарапулѣ онъ быстро познакомился со всѣмъ чиновнымъ міромъ, вездѣ бывалъ и повсюду его принимали охотно. Онъ всегда больше говорилъ, чѣмъ слушалъ, и его разсказы привлекали постоянно слушателей; водку пилъ онъ, какъ воду. Тотъ же И. П. Дмитревскій разсказывалъ такой случай: «Зашелъ какъ-то ко мнѣ Черемшанскій и стравилъ у меня цѣлую бутылку водки, а затѣмъ я увелъ его въ клубъ, гдѣ и познакомилъ со всѣми, тамъ бывшими; минутъ черезъ десять я оставилъ Черемшанскаго, окруженнаго цѣлою толпою новыхъ знакомыхъ, а утромъ мнѣ передавали, будто онъ заплатилъ въ клубѣ за восемьдесятъ рюмокъ водки и будто все это выпилъ онъ одинъ».

Въ Сарапулѣ онъ извѣстенъ былъ за женатаго; жена была при немъ, но никуда не выѣзжала, а у нихъ рѣдко кто бывалъ, да и трудно было застать его дома: цѣлый день, съ ранняго утра до поздней ночи онъ или ѣздилъ по дѣламъ, или былъ гдѣ-либо въ гостяхъ; частной практикой онъ занимался неохотно, не искалъ ея, но по приглашеніямъ не отказывался никогда. Будучи врачомъ при земской больницѣ, онъ аккуратно посѣщалъ ее, принималъ больныхъ, прописывалъ лекарства; съ сослуживцами-врачами былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, охотно помогалъ имъ въ работѣ и, при случаѣ, оказывалъ денежную помощь; за товарищей стоялъ горою, и по этому поводу у него было немало столкновеній съ земскими главарями, которымъ онъ, не стѣсняясь, говорилъ въ глаза дерзости и велъ себя такъ, что во всякое время можно было ожидать отъ него или рукопашной расправы, или вызова на дуэль.

Про медицинскія познанія его сарапульскіе врачи говорили, что видно, что онъ чему-то когда-то учился, но давно уже не слѣдитъ за наукой, ничего не читаетъ и сталъ забывать то, что когда-то зналъ; въ его рецептахъ не разъ замѣчались грубыя ошибки въ правописаніи: онъ писалъ по-латыни, какъ фельдшеръ, а не какъ врачъ.

«Черемшанскаго сарапульцы очень любили,—говоритъ допрошенный при слѣдствіи свидѣтель Н. А—тъ.—Лечилъ онъ, главнымъ образомъ, купцовъ—тѣ ходили къ нему массами—и лечилъ, обыкновенно даромъ; любилъ онъ ходить по гостямъ, а у себя принималъ рѣдко. Впрочемъ, свидѣтель помнитъ такой случай: Черемшанскій

какъ-то устроилъ вечеринку по случаю полученія имъ Владимира 4-й степени за службу въ дунайской арміи; гостей было много; были всѣ судейскіе, исправникъ и мѣстный жандармскій подполковникъ. На столѣ, на виду у всѣхъ, валялась бумага отъ командующаго войсками восточнаго сибирскаго округа на имя доктора Черемшанскаго съ препровожденіемъ знаковъ ордена св. Владимира 4-ой степени съ мечами и тутъ же лежалъ орденскій крестъ. Невдалекѣ лежало тоже на виду письмо командующаго войсками барона Фредерикса на имя Черемшанскаго такого содержанія: «довольно вамъ скитаться по земствамъ; переходите ко мнѣ; мѣстный врачебный инспекторъ старъ, скоро выйдетъ въ отставку и вы можете занять его мѣсто».

Пока я жилъ въ Елабугѣ (1874—1881 года), а Черемшанскій служилъ въ мензелинскомъ земствѣ, онъ нерѣдко бывалъ въ Елабугѣ; мнѣ случалось встрѣчать его въ клубѣ, всегда въ кругу слушающихъ его собесѣдниковъ, но у меня въ домѣ онъ не бывалъ, а встрѣчать его въ другихъ знакомыхъ домахъ мнѣ какъ-то не доводилось; при встрѣчахъ въ клубѣ и на улицахъ мы здоровались, но я не помню, чтобы я вступалъ съ нимъ въ бесѣды и слышалъ какіе-либо его разсказы, но зато о немъ я очень много слышалъ.

Въ мензелинскомъ земствѣ онъ прослужилъ менѣе полугода, всего съ 14 марта по 6 сентября 1879 года, а затѣмъ поступилъ частнымъ врачомъ на Симскіе заводы (Уфимской губерніи), гдѣ благополучно несъ службу до начала 1883 года.

По офиціальнымъ даннымъ, имѣющимся въ слѣдственномъ производствѣ, Черемшанскій, въ бытность его въ Мензелинскомъ уѣздѣ, сначала жилъ въ городѣ и завѣдывалъ земскою больницею съ шестьюдесятью кроватями, а затѣмъ былъ перемѣщенъ въ уѣздъ, гдѣ получилъ въ завѣдываніе пріемный покой. Затѣмъ, будучи уже заводскимъ врачомъ, онъ съ 1880 и 1881 гг. принималъ участіе въ пріемѣ новобранцевъ; здѣсь онъ «блистательно доказалъ» знаніе медицины, успѣшно отличалъ притворныя болѣзни, изобличилъ нѣсколькихъ инородцевъ въ искусственномъ голоданіи съ цѣлью избѣжать воинской повинности; на земскихъ собраніяхъ 1880 и 1881 гг. онъ былъ избранъ врачебнымъ персоналомъ въ секретари и прекрасно докладывалъ собранію о медицинскихъ нуждахъ уѣзда; по порученію врачебнаго отдѣленія имъ были обревизованы двѣ аптеки и отчетъ его получилъ полное одобреніе врачебнаго отдѣленія; приглашаемый часто на судебно-медицинскія вскрытія, онъ никогда не отказывался, ссылаясь, какъ то дѣлаютъ обыкновенно не только частные, но и земскіе врачи, на неимѣніе инструментовъ, а всегда охотно исполнялъ требованія судебныхъ слѣдователей и полиціи; у него былъ собственный наборъ для производства вскрытій. Жизнь онъ велъ скромную, пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ, и большимъ авторитетомъ, какъ врачъ; особенно любило его сель-

ское населеніе,—здѣсь онъ охотно и безъ отказа шелъ на помощь и помогалъ не только медицинскими средствами, но и деньгами, отдавая нерѣдко послѣдній рубль. По общему отзыву, онъ былъ «врагъ своимъ деньгамъ».

По словамъ одного мензелинца, хорошо знавшаго Черемшанскаго, послѣдній въ этомъ городѣ пользовался общимъ уваженіемъ, хотя и слылъ за большого оригинала. Онъ заставилъ говорить о себѣ цѣлый городъ по такому случаю: пригласили его какъ-то на консультацію; предстояла весьма тяжелая и настолько рискованная операція, что собравшіеся врачи не рѣшились приступить къ ней; за нее взялся Черемшанскій и исполнилъ быстро и блистательно. Денегъ за эту операцію онъ не взялъ, сколько его о томъ ни упрашивали.

Другое, знавшее его лицо отзывается о немъ такъ: «кто бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкъ не дурной, умомъ онъ не блисталъ, нахаломъ не былъ; вранье его вначалѣ было весело и занятно, но потомъ, какъ и всякое повтореніе, надоѣдало».

3 апрѣля 1883 года Черемшанскій былъ назначенъ бирскимъ уѣзднымъ врачомъ и, такимъ образомъ, вступилъ на государственную службу. При поступленіи на службу онъ представилъ копію послужного списка, составленнаго будто бы 14 марта 1879 года на имя старшаго врача туркестанскаго линейнаго № 2 батальона доктора медицины, оператора и акушера статскаго совѣтника Андрея-Александра-Карла Аполлоновича Черемшанскаго, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; сдѣлано это было очень хитро; онъ представилъ при прошеніи не самую подложную (имъ самимъ составленную) копію, которая хранилась въ мензелинскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, а снятую и завѣренную этимъ послѣднимъ копію съ этой копіи и, такимъ образомъ, въ губернскомъ правленіи, куда было подано прошеніе, оказался документъ, не возбуждающій никакихъ сомнѣній. Затѣмъ, какъ видно изъ архивнаго дѣла медицинскаго департамента (№ 1257—39), этотъ послѣдній многократно за все время служенія Черемшанскаго бирскимъ уѣзднымъ врачомъ требовалъ представленія имъ подлиннаго указа объ отставкѣ, но указа этого доставлено не было по той простой причинѣ, что его въ дѣйствительности не существовало. Переписка эта заслуживаетъ большого вниманія. Первое требованіе медицинскаго департамента было 7 мая 1883 года, 21 іюля 1884 года департаментъ проситъ губернатора поспѣшить присылкой указа, на что губернаторъ 8 августа того же 1884 года отвѣчаетъ, что, по отзыву Черемшанскаго, указъ этотъ находится въ производствѣ по его бракоразводному дѣлу и будетъ имъ лично представленъ въ медицинскій департаментъ, для чего ему и разрѣшенъ отпускъ на двадцать дней, считая съ 1 августа. 20 сентября департаментъ сообщаетъ губернатору, что Черемшанскій не являлся, и проситъ въ случаѣ непред-

ставленія имъ указа замѣнить этого врача другимъ лицомъ. 1 ноября 1884 года губернаторъ извѣщаетъ медицинскій департаментъ, что требованіе его о присылкѣ указа было отослано къ бирскому исправнику для предложенія Черемшанскому исполнить его въ двухнедѣльный срокъ, но исправникъ донесъ, что Черемшанскій 7 октября выбылъ въ Уфу для личныхъ объясненій съ губернаторомъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ Уфѣ онъ дѣйствительно былъ, но къ губернатору не являлся; не вернулся онъ и въ Бирскъ, а, какъ видно изъ полученнаго его женою письма отъ него, посланнаго, судя по почтовому штемпелю изъ Чистополя, онъ намѣревался отправиться въ Италію. 29 октября 1884 года состоялось постановленіе уфимскаго губернскаго правленія объ увольненіи Черемшанскаго отъ должности бирскаго уѣзднаго врача, а 25 ноября 1885 года департаментъ полиціи увѣдомилъ медицинскій департаментъ, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, Андрей-Александръ-Карлъ Аполлоновичъ Черемшанскій по книгамъ медико-хирургической академіи не значится ни въ числѣ студентовъ, ни въ числѣ соискателей ученыхъ степеней.

Въ Уфѣ меня судьба снова столкнула съ Черемшанскимъ: съ августа 1881 года по іюнь 1884 годъ я занималъ должность уфимскаго губернскаго прокурора, слѣдовательно Черемшанскій поступилъ при мнѣ (3 апрѣля 1883 года); а когда я покинулъ Уфу, онъ еще оставался уѣзднымъ врачомъ и о самозванствѣ его до самаго его побѣга (7 октября 1884 года) и рѣчи не было. Самому мнѣ встрѣчаться съ нимъ приводилось рѣдко; я видѣлъ его всего раза три или четыре; онъ являлся ко мнѣ во время поѣздки моей въ Бирскъ да въ Уфѣ былъ у меня раза два, да и то не на квартирѣ, а въ камерѣ по дѣламъ службы. Помнится, онъ являлся просить содѣйствія къ удовлетворенію его ходатайства передъ мѣстнымъ земствомъ; горячо и весьма краснорѣчиво описывалъ онъ свое тяжелое положеніе при поѣздкахъ по уѣзду для производства вскрытій и судебно-медицинскихъ осмотровъ; къ нему обращается масса больныхъ, и онъ ничѣмъ не можетъ помочь имъ, поэтому онъ просилъ земство ассигновать ему 200 рублей на устройство походной аптечки, обязуясь безплатно пользовать всѣхъ обращающихся къ нему больныхъ. Въ этомъ ему, несмотря на мои ходатайства, поддержанныя и губернаторомъ, было отказано, и въ концѣ концовъ онъ завелъ эту аптечку на собственныя средства.

Другой разъ онъ былъ у меня, обвиняя какого-то становаго пристава во взяточничествѣ; обвиненіе было поставлено такъ твердо, что не встрѣтилось никакихъ затрудненій къ возбужденію противъ виновнаго судебнаго преслѣдованія.

По общему отзыву, Черемшанскій и въ Бирскѣ велъ себя превосходно; не было случая, чтобы онъ отказался явиться или принять у себя больного, кто бы онъ ни былъ, или отклонилъ подъ какимъ-

либо предлогомъ приглашеніе судебной власти или полиціи для производства судебно-медицинской экспертизы, но полиція недолюбливала его за то, что онъ былъ принципіальный врагъ и неуклонный преслѣдователь всякаго взяточничества, какъ бы ничтожно и мелко оно ни было. При полицейскихъ вскрытіяхъ онъ не отходилъ отъ станового, пока не убѣждался въ его безкорыстіи; въ каждомъ селеніи, гдѣ ему случалось останавливаться, онъ говорилъ цѣлыя проповѣди и внушалъ крестьянамъ не кормить даромъ полицейскихъ, начиная съ исправника и кончая урядникомъ, а тѣмъ паче не давать никому ни единой копейки въ видѣ взятки. О каждомъ такого рода случаѣ онъ производилъ разслѣдованіе, добывалъ свидѣтелей и затѣмъ подробно передавалъ губернатору или прокурору. Бывали случаи и собственноручной расправы. Вотъ одинъ такой случай. Какъ-то, по окончаніи полицейскаго вскрытія, Черемшанскій сидѣлъ со становымъ приставомъ; они распивали чай; легко можетъ быть, что то былъ «его чай», то-есть водка; въ сторонѣ сидѣлъ фельдшеръ и переписывалъ протоколъ вскрытія; въ это время въ избу вошелъ писарь станового, пошептался съ фельдшеромъ и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ избы. Черемшанскій, что-то увлекательно разсказывавшій приставу, на половинѣ фразы всталъ и быстро, чуть не бѣгомъ, вышелъ сначала въ сѣни, а затѣмъ въ другую половину избы, гдѣ засталъ накрытый столъ, а на немъ бутылку водки съ подходящею закускою, къ которой только что собирались приступить фельдшеръ и писарь. Полицейскій сотскій стоялъ у дверей и въ почтительной позѣ ожидалъ приступа «начальства» къ даровой выпивкѣ. Не говоря ни слова, Черемшанскій взялъ бутылку, разбилъ ее о голову своего фельдшера, сбросилъ на полъ тарелки съ закусками, а затѣмъ такъ же быстро вернулся къ становому и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ прерванный на полуфразѣ разсказъ.

И въ Бирскомъ уѣздѣ, какъ въ Мензелинскомъ и въ Сарапульскомъ, Черемшанскій пользовался большою любовью крестьянъ; и здѣсь онъ охотно и безплатно подавалъ каждому медицинскую помощь; и здѣсь онъ также щедро помогалъ деньгами, кому только могъ; онъ не въ силахъ былъ спокойно относиться къ нищетѣ и къ несчастью. Его медицинскіе акты и протоколы попрежнему, безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, утверждались врачебнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, и во время службы въ Бирскомъ уѣздѣ онъ сталъ считаться однимъ изъ лучшихъ врачей губерніи, причемъ я лично слышалъ отъ губернатора Н. П. Щепкина, что возбуждался вопросъ о назначеніи его на должность помощника губернскаго врачебнаго инспектора.

Черезъ мои руки немало проходило его протоколовъ и заключеній. Не скажу, чтобы они были особенно грамотно изложены, но они были очень обстоятельны и съ формальной стороны вполнѣ безупречны. По существу они отличались категоричностью и смѣ-

лостью выводовъ, но таковы были протоколы не одного Черемшанскаго. Впослѣдствіи, когда обнаружено было его самозванство, мнѣ случалось спрашивать врачей, какъ это они не догадывались, что предъ ними не врачъ, а невѣжда, на что получалъ отвѣтъ, что такихъ врачей немало, особенно изъ такъ называемыхъ «севастопольскихъ героевъ», когда, во второй періодъ кампаніи, за недостаткомъ врачей, были вызваны на театръ войны студенты-медики IV и V курсовъ, которые затѣмъ безъ экзаменовъ были удостоены званія лекаря. Такіе врачи, недоучившіеся и впослѣдствіи не слѣдившіе за наукой, признавали только старыя, давно извѣстныя лечебныя средства; подобные доктора были не въ диковину, и Черемшанскій былъ типичнымъ ихъ представителемъ. Впрочемъ, въ разрѣзъ съ этимъ общимъ отзывомъ одинъ очень хорошій земскій врачъ удостовѣрялъ, что Черемшанскій по образованію несомнѣнно врачъ, порядочный хирургъ, знающій свое дѣло практикъ, и къ тому же хорошо воспитанный, образованный человѣкъ.

Вскорѣ, однакоже, и онъ попался впросакъ, и чуть ли не это обстоятельство послужило первымъ толчкомъ къ обнаруженію его самозванства. По какому-то дѣлу имъ дано было черезчуръ смѣлое заключеніе, и, не знаю какимъ образомъ, это заключеніе попало въ печать и было жестоко раскритиковано въ № 23 журнала «Врачъ» за 1884 г. Такъ какъ въ этой журнальной статьѣ, носившей заглавіе: «Прискорбная экспертиза», фигурировала фамилія «Черемшанскій», то докторъ Е. М. Черемшанскій, служившій врачомъ въ Ирбитѣ, отецъ извѣстнаго въ Петербургѣ психіатра и директора больницы Всѣхъ Скорбящихъ Александра Евграфовича Черемшанскаго, хорошо зная, что, кромѣ его и двухъ его сыновей, врачей съ такой фамиліей нѣтъ, заинтересовался своимъ однофамильцемъ и справками въ Петербургѣ убѣдился, что такого господина въ числѣ окончившихъ курсъ въ медико-хирургической академіи никогда не было. Тогда онъ написалъ въ Бирскъ знакомому земскому врачу Н. П. Гоняеву, прося сообщить, что ему извѣстно объ его однофамильцѣ, а затѣмъ послалъ о томъ же депешу бирскому аптекарю Ченцову, но прежде, чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить ему, онъ получилъ отъ лже-Черемшанскаго письмо такого содержанія: «Бирскъ, 29-го іюня 1884 г. Уважаемый коллега, возвратясь вчера изъ уѣзда, содержатель нашей вольной аптеки Ченцовъ показалъ мнѣ телеграмму, изъ которой видно, что вы заинтересовались мною, какъ личностью однофамильца. Вслѣдствіе того, что Ченцовъ не можетъ сообщить всего того, чего вы желаете, я счелъ долгомъ подѣлиться съ вами, какъ съ коллегой. Уроженецъ я петербургскій, воспитывался въ Парижѣ, гдѣ кончилъ курсъ медицины, затѣмъ, возвратясь въ Россію, имѣлъ несчастье прослужить десять лѣтъ солдатомъ; потомъ держалъ экзаменъ на оператора и акушера въ кіевскомъ университетѣ, затѣмъ на доктора медицины въ бывшей медико-хирургической академіи.

Пробывъ шесть мѣсяцевъ за границей, я возвратился лишь къ турецкой кампаніи, въ которой былъ въ войскахъ задунайскихъ. По окончаніи войны служилъ въ земствахъ сарапульскомъ и мензелинскомъ, но, придя къ убѣжденію, что земская служба не прочна, служу около двухъ лѣтъ въ Бирскѣ уѣзднымъ врачомъ. Я давно знаю о существованіи трехъ моихъ однофамильцевъ докторами, но, какъ не родственники, никогда не случалось видѣться и переписываться. Теперь очень радъ, что представился случай. Семейство мое состоитъ изъ меня и трехъ очень маленькихъ дѣтей. Мнѣ кажется теперь, что отвѣтъ на телеграмму вашу вполнѣ удовлетворенъ. Извините меня за нѣкоторую навязчивость на знакомство, но я привыкъ всегда для своихъ коллегъ дѣлать всѣ любезности».

Продолжая и затѣмъ интересоваться однофамильцемъ, Е. М. Черемшанскій разузналъ, что когда сынъ его Александръ Евграфовичъ былъ въ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи, къ нему какъ-то въ ноябрѣ 1861 г. явился молодой человѣкъ, назвавшійся Андреемъ Аполлоновичемъ Запольскимъ, и, говоря, что онъ бывшій студентъ медико-хирургической академіи, по несчастію сосланный въ Сибирь на поселеніе, просилъ его помощи. А. Е. помогъ ему чѣмъ могъ, но знакомство ихъ продолжалось недолго, такъ какъ черезъ мѣсяцъ А. Е. былъ откомандированъ въ Тобольскъ и они болѣе не видались.

Сопоставляя тождество имени и отчества Запольскаго и лже-Черемшанскаго и допуская, что послѣдній легко могъ присвоить себѣ фамилію тогда еще никому неизвѣстнаго, но несомнѣнно существующаго въ дѣйствительности врача, къ тому же врача, живущаго въ трущобѣ за тысячи верстъ, Е. М. высказалъ предположеніе, не скрывается ли подъ именемъ Черемшанскаго этотъ самый Запольскій. Объ этомъ своемъ предположеніи онъ, около сентября 1884 г., написалъ въ Бирскъ Ченцову, присовокупляя, что имъ поручено разнымъ лицамъ собрать свѣдѣнія о личности Запольскаго по Сибири.

Все это, конечно, въ тайнѣ не осталось, и вскорѣ объ этой перепискѣ заговорилъ весь Бирскъ.

7-го октября 1884 г., какъ уже сказано выше, Черемшанскій изъ Бирска скрылся. Что было ближайшею причиною его побѣга, неизвѣстно; ходила молва, будто его встрѣтилъ на улицѣ какой-то пріѣзжій изъ Сибири, знавшій все его прошлое; другіе говорили, будто къ нему явились двѣ прежнія жены, которыхъ онъ бросилъ, но вѣрнѣе всего, что причиною побѣга были, съ одной стороны, настойчивыя требованія медицинскимъ департаментомъ присылки подлиннаго указа объ отставкѣ, а съ другой—только что упомянутая переписка аптекаря Ченцова.

Оставшейся въ Бирскѣ женѣ съ дѣтьми Черемшанскій послалъ съ пути рядъ писемъ. Первое было отъ 9-го октября изъ Чистополя, второе, 25-го октября, изъ Петербурга. Въ этихъ письмахъ онъ,

между прочимъ, говоритъ: «я счелъ за лучшее не являться къ губернатору, а для того, чтобы устроить матеріальное положеніе твое и дѣтей, ѣду за границу». Слѣдующее письмо было опять изъ Петербурга и извѣщало, что онъ возвратился въ Россію съ дурными вѣстями: «ничего не устроилъ, а адреса своего тебѣ дать боюсь,—пишетъ онъ:—ибо ты изъ тѣхъ, что, пока устроится дѣло, не вытерпишь и отдашь меня въ руки; окаянная судьба заставляетъ еще разъ обращаться къ старой фамиліи, чего бы не хотѣлось, но такъ хотятъ сильные міра». 2-го февраля 1885 г. при письмѣ изъ Петербурга онъ посылаетъ женѣ 100 р. и разныя матеріи на платья и сообщаетъ, что опять только что вернулся изъ-за границы; въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4-го февраля, съ двадцатью рублями и посылкою, поданною въ Тулѣ «отъ Ивановой проѣздомъ», онъ извѣщаетъ жену, что ѣдетъ въ Константинополь, гдѣ пробудетъ до апрѣля, а черезъ мѣсяцъ или два она получаетъ отъ него письмо изъ Константинополя. Судя по почтовому штемпелю и маркѣ, письмо это несомнѣнно подано въ Константинополѣ, вслѣдствіе чего была возбуждена переписка съ турецкимъ правительствомъ о выдачѣ бѣжавшаго русскимъ властямъ, но перепиской этою установлено, что Черемшанскій въ Константинополѣ никогда не былъ и какимъ путемъ отправлено оттуда упомянутое письмо, осталось не обнаруженнымъ; можно думать, что онъ просилъ кого-либо, ѣдущаго въ этотъ городъ, сдать тамъ письмо на почту.

Пока турецкія власти, по требованію русскаго правительства безуспѣшно разыскивали Черемшанскаго по Константинополю, онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ Россіи, добывая повсюду разными способами деньги, которыми, какъ видно изъ писемъ его, дѣлился съ семьей.

Въ этомъ отношеніи предварительнымъ слѣдствіемъ установлено слѣдующее.

Въ двадцатыхъ числахъ октября 1884 г. содержатель аптекарскаго магазина въ Вильнѣ И. Сегаль получилъ изъ Мензелинска отъ незнакомаго ему доктора Черемшанскаго письмо, которымъ тотъ извѣщалъ его, что командированъ земствомъ за границу и по пути заѣдетъ сдѣлать ему большой для земства заказъ. Изъ Рыбинска Сегаль получилъ отъ него депешу, которою Черемшанскій извѣщалъ, что его дорогою обокрали, и просилъ выслать ему 50 руб., что Сегаль и исполнилъ. Затѣмъ Черемшанскій пріѣхалъ въ Вильну и былъ встрѣченъ на вокзалѣ Сегалемъ, который передалъ ему полученныя на его имя по адресу на магазинъ Сегаля депеши изъ Мензелинска и Петербурга; между прочимъ одной изъ этихъ депешъ Черемшанскій извѣщался, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на поѣздку за границу ему ассигновано 600 р. При свиданіи Черемшанскій передалъ Сегалю списокъ разныхъ медикаментовъ на восемь тысячъ рублей, причемъ наиболѣе дорогіе изъ нихъ, тысячи на двѣ

рублей, хотѣлъ взять съ собою, а остальные просилъ переслать въ Мензелинскъ. Сегаль ему сказалъ, что снесется съ мензелинскимъ земствомъ по телеграфу и до полученія отвѣта заказа не приметъ. Черемшанскій болѣе въ магазинъ не являлся и тутъ же исчезъ изъ Вильны, а изъ Мензелинска Сегаль получилъ отвѣтъ, что докторъ Черемшанскій въ тамошнемъ земствѣ не служитъ.

Въ декабрѣ 1884 г. Черемшанскій, подъ именемъ доктора медицины Иванова и по документу, будто бы выданному медицинскимъ департаментомъ, пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ, гдѣ живетъ съ 14-го по 17-е число и уѣзжаетъ съ поѣздомъ на Гродно.

За время съ 5-го по 22-е января Черемшанскій былъ въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ въ меблированныхъ комнатахъ и былъ прописанъ подъ именемъ доктора медицины Александра Ивановича Иванова, прибывшаго изъ Ковна.

9-го января онъ является въ петербургскую типографію Арнгольда и заказываетъ одну десть бланокъ иркутскаго генералъ-губернатора, двадцать пять конвертовъ и сто облатокъ, при чемъ предъявляетъ разрѣшеніе графа Игнатьева на печатаніе всего этого. Назвался онъ при семъ чиновникомъ канцеляріи иркутскаго генералъ-губернатора Корсаковымъ.

21-го января 1885 г. въ московской казенной палатѣ было получено отношеніе иркутскаго генералъ-губернатора отъ 16-го января за № 18 изъ Петербурга о выдачѣ коллежскому совѣтнику Ивану Семеновичу Корсакову, назначенному на должность верхоленскаго окружнаго исправника, подъемныхъ и двойныхъ прогоновъ отъ Москвы до Верхоленска. Бумага эта была на печатномъ бланкѣ, въ форменномъ конвертѣ, заклеенномъ форменною же облаткою и за подписью генералъ-губернатора графа Игнатьева и управляющаго канцеляріею Лисицына. Казенная палата увѣдомила генералъ-губернатора, что кредитъ на путевое довольствіе распредѣленъ по министерствамъ и ему слѣдуетъ обратиться не въ казенную палату, а въ министерство внутреннихъ дѣлъ, на что графъ Игнатьевъ отозвался, что бумаги этой онъ не посылалъ, что подпись на ней не его, что канцеляріей его управляетъ не Лисицынъ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Юрьевъ, да и бланкъ совсѣмъ не похожъ на его бланки. Все это было дѣло рукъ Черемшанскаго, самъ онъ являлся было въ казенную палату узнать, получена ли изъ Петербурга эта бумага, и ему сказали, что бумага-то получена, но денегъ ему выдать нельзя, о чемъ уже и написано въ Петербургъ. Болѣе въ палату онъ, конечно, не являлся, но зато на другой же день, 22-го января 1885 г., въ московскомъ окружномъ интендантскомъ управленіи была получена изъ Петербурга бумага отъ командующаго войсками сибирскаго военнаго округа объ отпускѣ командированному въ Москву и Петербургъ военно-медицинскому инспектору сибирскаго округа, статскому совѣтнику Рубцу прогоновъ отъ Москвы до Иркутска.

По этой бумагѣ была составлена ассигновка на 769 р. 80 коп., которые и выданы Рубцу изъ московскаго казначейства 23-го января. Получая эти деньги подъ росписку, Рубецъ представилъ удостовѣреніе личности своей, подписанное графомъ Игнатьевымъ. О состоявшейся выдачѣ денегъ интендантство увѣдомило штабъ войскъ иркутскаго округа, но получило отвѣтъ, что медицинскій инспекторъ Рубецъ находится въ Иркутскѣ и уже десять лѣтъ никуда оттуда не уѣзжалъ. Какъ установлено слѣдствіемъ, подъ именемъ Рубца фигурировалъ въ настоящемъ случаѣ Черемшанскій.

Около того же времени онъ заходилъ въ Москвѣ въ магазинъ Пристлея, съ заказомъ для мензелинскаго земства на 2,000 рублей; для себя онъ взялъ въ магазинѣ наборъ инструментовъ въ 75 рублей и деньгами двадцать пять рублей и затѣмъ исчезъ. Назывался онъ въ этомъ случаѣ Черемшанскимъ.

Затѣмъ онъ появляется въ магазинѣ Швабе подъ именемъ дивизіоннаго врача Грюнера съ заказомъ для дѣйствующей арміи въ 4,000 р. Управляющій магазиномъ Адольфъ Гамбургеръ, по оставленному имъ адресу, зашелъ въ гостиницу и засталъ его крайне взволнованнымъ, онъ жаловался, что сидитъ безъ денегъ и не знаетъ, что дѣлать. Денегъ ему Гамбургеръ не далъ и заказа отъ него не принялъ, заподозрѣвъ тутъ что-то не ладное.

Далѣе Черемшанскій является въ аптекарскій складъ Лютеръ и Гиршфельдтъ, подъ именемъ доктора Черемшанскаго, уполномоченнаго всѣми земствами Уфимской губерніи на покупку медикаментовъ для земскихъ аптекъ на 20,000 рублей, беретъ «для пробы» товару на 146 рублей безъ денегъ и скрывается.

Наконецъ около того же времени онъ заходитъ въ московскій магазинъ хирургическихъ инструментовъ Миллера и, назвавшись докторомъ Симскихъ заводовъ Черемшанскимъ, заявляетъ, что намѣренъ купить для разныхъ земствъ Уфимской губ. инструментовъ на 15.000 рублей, причемъ передаетъ списокъ этихъ инструментовъ, составленный на печатномъ бланкѣ врача Симскихъ заводовъ. При входѣ онъ спросилъ: получены ли магазиномъ двѣ тысячи рублей? Нужно сказать, что за нѣсколько дней до этого Миллеромъ получена была изъ Москвы депеша, что черезъ его магазинъ высылается доктору Черемшанскому двѣ тысячи рублей. Въ виду этого Миллеръ выдалъ ему инструментовъ на сто двадцать рублей безъ денегъ; Черемшанскій пробылъ въ Москвѣ дней девять и за это время нѣсколько разъ заходилъ въ магазинъ, все справляясь о полученіи двухъ тысячъ рублей, затѣмъ взялъ на нѣсколько часовъ двадцать пять рублей и исчезъ.

По справкѣ въ московскомъ адресномъ столѣ оказалось, что Черемшанскій 22 марта 1885 г. былъ прописанъ въ Москвѣ подъ именемъ доктора медицины, коллежскаго совѣтника Андрея Николаевича Щегирчинскаго по письменному виду, выданному коман-

диромъ 2 Туркестанскаго линейнаго батальона 20 февраля 1885 г. за № 496. Отмѣченъ выбывшимъ въ Самару 21 апрѣля того же года. О какихъ-либо похожденіяхъ его подъ этимъ вымышленнымъ имененемъ ничего изъ дѣла не видно.

Особенный интересъ представляютъ показанія отставного генералъ-маіора Рупесова. По его словамъ, около того же времени является къ нему въ Москвѣ военный врачъ и рекомендуется старымъ знакомымъ. Оговариваясь, что немудренно черезъ тридцать лѣтъ не узнать прежняго сослуживца, онъ назвалъ себя докторомъ Павлуцкимъ, дѣйствительно когда-то служившимъ вмѣстѣ съ Рупесовымъ въ 6-й легкой батареѣ 15-й артиллерійской бригады; генералъ оставилъ его обѣдать и тотъ въ интимной бесѣдѣ напомнилъ такія обстоятельства жизни генерала, которыя могли быть извѣстны только лицу, близко съ нимъ знакомому, тѣмъ не менѣе лицо и вся фигура этого господина казались генералу совершенно незнакомыми и ничего не напоминающими. Между прочимъ Павлуцкій жаловался на свое безвыходное положеніе, говоря, что возвращается изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ, гдѣ долженъ получить деньги, а теперь сидитъ безъ копейки; онъ показывалъ при этомъ бумагу на бланкѣ и съ печатью главной квартиры. Генералъ предложилъ ему 100 р., но онъ сказалъ, что довольно пятидесяти, которые и взялъ. Послѣ обѣда генералъ прошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ своему старому другу и сослуживцу по батареѣ генералу Фролову, но и тотъ его не призналъ. Уходя, Павлуцкій оставилъ свой адресъ, указавъ на одну изъ московскихъ гостиницъ. Послѣ его ухода оба генерала долго обсуждали этотъ инцидентъ, много толковали про старое доброе время и тутъ припомнили, что новый знакомецъ ихъ вовсе не похожъ на доктора Павлуцкаго, тотъ былъ высокаго роста, а этотъ ниже средняго; тотъ былъ уже тогда лысый, а этотъ, несмотря на протекшія тридцать лѣтъ, имѣетъ прекрасно сохранившуюся шевелюру,—тутъ, по собственному выраженію Рупесова, они «прозрѣли», и установили, что ни ростомъ, ни фигурой, ни оборотомъ рѣчи, словомъ, ничѣмъ этотъ господинъ не напоминаетъ доктора Павлуцкаго. Углубляясь все болѣе и болѣе въ воспоминанія, Рупесовъ остановился на мысли, не скрывается ли подъ этимъ именемъ нѣкто Запольскій, котораго онъ въ пятидесятыхъ годахъ зналъ юнкеромъ, судившимся за разныя кражи. Подъ вліяніемъ этой мысли, генералъ отправился по указанному адресу въ гостиницу, но тамъ о Павлуцкомъ никто никогда не слыхалъ. По предъявленной при слѣдствіи фотографической карточкѣ оба генерала признали, что подъ именемъ доктора Павлуцкаго передъ ними былъ Черемшанскій.

Въ началѣ февраля 1885 г. Черемшанскій, подъ именемъ и по фальшивому письменному виду на имя доктора медицины Иванова появляется въ Орлѣ, гдѣ лечится у мѣстнаго врача Залѣсскаго, и 5 февраля выбываетъ въ Липецкъ, но вскорѣ затѣмъ оказывается

въ Коротоякѣ, Воронежской губ., и останавливается на постояломъ дворѣ; здѣсь ему показалось грязно и неудобно, и онъ пользуется любезностью полицейскаго надзирателя, въ квартирѣ котораго и проживаетъ съ 7 по 11 февраля.

Затѣмъ по май 1885 г. Черемшанскій исчезаетъ, и, гдѣ находится, неизвѣстно.

29 декабря 1884 г. возбуждено предварительное слѣдствіе о самозванствѣ Черемшанскаго, а 14 марта 1885 г. судебный слѣдователь Бирскаго уѣзда разослалъ фотографическія карточки Черемшанскаго по всѣмъ пристанямъ Бѣлой и Камы съ требованіемъ о розыскѣ и задержаніи бѣжавшаго.

Въ то время, когда повсюду шли розыски Черемшанскаго, онъ съ свойственною ему смѣлостью, ночью, тайно отъ всѣхъ, явился въ Бирскъ повидаться и проститься съ женою и благословить свою любимую дочку. Въ ту же ночь онъ уѣхалъ изъ Бирска, а когда утромъ слѣдующаго дня объ этомъ узнали, его и слѣдъ простылъ.

Оказалось, что онъ благополучно добрался до Казани и 13 мая 1885 г. занялъ мѣсто на только что пришедшемъ изъ Самары самолетскомъ пароходѣ «Суворовъ». Такъ какъ, исполняя буквально распоряженіе судебнаго слѣдователя, казанская полиція слѣдила за пріѣзжающими только на пристаняхъ бѣльскаго и камскаго пароходствъ, то никому и въ голову не приходило осматривать пароходы, приходящіе съ низовыхъ городовъ Волги. Поэтому Черемшанскому не грозила никакая опасность, но судьба была противъ него; онъ соскучился сидѣть въ душной пароходной каютѣ и вышелъ прогуляться по пристани; нужно сказать, что этотъ смѣлый до дерзости человѣкъ, хорошо зная, что его разыскиваютъ, ни въ чемъ не измѣнилъ ни своей одежды, ни своей наружности: тѣ же густые усы, тѣ же темно-синія очки, тотъ же мундиръ отставного военнаго врача. На пристани онъ натолкнулся на околоточнаго, который, взглянувъ на бывшую при немъ фотографическую карточку, подошелъ къ нему и спросилъ фамилію, но получилъ при этомъ такой рѣзкій и грозный отвѣтъ, что не медля оставилъ его въ покоѣ. Такой же результатъ имѣло и объясненіе его съ приставомъ, которому околоточный доложилъ о зародившемся у него сомнѣніи, не есть ли это разыскиваемый Черемшанскій. Оба они, и околоточный, и приставъ, сознавались впослѣдствіи, что, получивъ рѣзкую отповѣдь, пришли къ заключенію, что имѣютъ дѣло съ высокопоставленною особою, и рѣшили умолчать объ этомъ эпизодѣ. Между тѣмъ, встревоженный приставаніями полиціи, Черемшанскій ушелъ на свой пароходъ и легъ въ каютѣ, закрывшись съ головою; былъ данъ уже второй свистокъ и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ долженъ былъ отвалить, но на бѣду Черемшанскаго на пристань пріѣхалъ вообще рѣдко тамъ бывавшій полицеймейстеръ. Выслушавъ докладъ пристава, полицеймейстеръ отпра-

вился въ каюту Черемшанскаго и потребовалъ у него письменный видъ; Черемшанскій разразился крупною бранью, грозилъ именами разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, называя въ числѣ ихъ и нѣсколькихъ великихъ князей, но полицеймейстера не напугалъ и долженъ былъ предъявить ему свой письменный видъ; то былъ аттестатъ, выданный 12 ноября 1881 г. за № 4718 медицинскимъ департаментомъ отставному окружному верхоленскому врачу, доктору медицины, коллежскому совѣтнику Александру Ивановичу Иванову.

Не удовлетворившись объясненіями именующаго себя Ивановымъ, полицеймейстеръ взялъ его съ парохода и увезъ въ городъ, но арестовать не рѣшился, а оставилъ его у себя въ квартирѣ. Задержанный продолжалъ грозить ему страшными послѣдствіями его необдуманнаго поступка и требовалъ немедленнаго освобожденія, но полицеймейстеръ оставилъ его у себя ночевать, а самъ поспѣшилъ разузнать, нѣтъ ли въ числѣ студентовъ мѣстнаго университета или духовной академіи кого-либо изъ Бирска, знавшаго уѣзднаго врача Черемшанскаго. Въ университетѣ оказался такой студентъ. 14 мая задержанный былъ ему предъявленъ, и тутъ произошла такая сцена:

— Здравствуйте, Андрей Аполлоновичъ,—сказалъ призпавшій его студентъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ,—отвѣчалъ тотъ:—будьте Бога ради осторожнѣе. Я имѣю несчастье походить на какого-то жулика, разыскиваемаго полиціей, но клянусь вамъ, я самый мирный гражданинъ и вполнѣ порядочный человѣкъ; я докторъ Ивановъ изъ Сибири, никогда въ Бирскѣ не бывалъ и васъ вижу въ первый разъ въ жизни. Мнѣ настоятельно необходимо ѣхать немедленно на югъ, для меня дорогъ каждый часъ, а тутъ меня по какому-то нелѣпому подозрѣнію задерживаютъ, вы же своей опрометчивостью замедляете мое освобожденіе. Повторяю, я не тотъ, за кого вы меня принимаете; все это, конечно, разъяснится, но за что же я теряю понапрасну время, а потеря его можетъ имѣть непоправимыя для меня послѣдствія.

Озадаченный этими словами, студентъ смутился и заявилъ, что предъявленное ему лицо и ростомъ, и фигурою, и манерами поразительно похоже на бирскаго уѣзднаго врача Черемшанскаго, но утверждать, что это дѣйствительно Черемшанскій, онъ не рѣшается, хотя долженъ сознаться, что пораженъ такимъ, никогда имъ не виданнымъ сходствомъ.

Смутился и полицеймейстеръ; онъ отпустилъ студента, но, должно быть, часъ Черемшанскаго пробилъ. Уходя, уже въ прихожей, оставшись одинъ на одинъ съ провожавшимъ его полицеймейстеромъ, студентъ сказалъ ему:

— Странное сходство, удивительное сходство, но знаете что? На дняхъ сюда пріѣхалъ одинъ купецъ изъ Бирска и привезъ мнѣ

отъ отца кое-какія вещи и провизію; онъ уѣзжаетъ сегодня, но, быть можетъ, вы его застанете еще въ Казани. Этотъ господинъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей доктора Черемшанскаго и уже, конечно, узнаетъ его скорѣе, чѣмъ я, который видалъ его лишь во время вакантныхъ поѣздокъ въ Бирскъ и притомъ случайно.

Купца этого разыскали, предъявили ему задержаннаго; встрѣча ихъ была сердечная, оба они расплакались, и тутъ Черемшанскій объявилъ, что онъ именно то лицо, которое разыскивается полиціей, и сознался въ составленіи подложнаго имъ самимъ составленнаго письменнаго вида на имя доктора Иванова; онъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму и отправленъ подъ стражею въ Бирскъ, о чемъ бирскія власти были извѣщены телеграммою.

О предстоящемъ прибытіи его скоро узналъ не только весь Бирскъ, но это стало извѣстнымъ и попутному городу Елабугѣ: вѣдь здѣсь Черемшанскій бывалъ часто, и его знали почти всѣ. Елабужскій уѣздный исправникъ Машковцевъ, нынѣ уже умершій, отправился на пароходную пристань и здѣсь на арестантской баржѣ Курбатовскаго пароходства видѣлъ Черемшанскаго. Вотъ какъ описываетъ онъ свое съ нимъ свиданіе:

«Черемшанскій былъ въ арестантскомъ халатѣ, обрюзглый, обросшій бородою, сидѣлъ онъ на стулѣ вытянувъ широко разставленныя ноги и опустивъ голову на руки; видимо, онъ страдалъ отъ физической боли (у него была паховая грыжа); были ли на немъ кандалы, я не замѣтилъ. Я всѣми мѣрами и, какъ казалось мнѣ, ловко подъѣзжалъ къ нему, улещая его открыть свое имя и званіе, но онъ молча сидѣлъ въ описанной позѣ и горько улыбался, а затѣмъ, подобравъ ноги, вытянувши корпусъ, но оставаясь попрежнему на стулѣ, поднялъ руку и трагически воскликнулъ:

— Кто я—это тайна. Свѣтъ никогда этого не узнаетъ и никакая сила не заставитъ выдать меня тайну. Если бы вы узнали, кто я—вы пали бы предо мною ницъ.

Возникшее въ Бирскѣ предварительное слѣдствіе о Черемшанскомъ, въ виду необходимости разслѣдованія его похожденій чуть ли не по всей Россіи, было передано судебному слѣдователю московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ и имъ закончено въ апрѣлѣ 1886 г. Составленнымъ прокурорскимъ надзоромъ обвинительнымъ актомъ онъ предавался суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ присвоеніи не принадлежащаго ему званія, въ многочисленныхъ подлогахъ, въ проживаніи по фальшивымъ, имъ самимъ составленнымъ, письменнымъ видамъ, въ мошенничествѣ и во вступленіи, послѣ смерти третьей своей жены, въ четвертый бракъ по подложно составленнымъ документамъ, а затѣмъ при жизни этой четвертой жены—въ пятый бракъ по такимъ же документамъ.

Дождаться суда ему не пришлось: онъ умеръ въ тюрьмѣ и возбужденное о немъ дѣло опредѣленіемъ московской судебной палаты 10 іюля 1886 г. за смертью его прекращено.

Кто же въ дѣйствительности скрывался подъ этой таинственной личностью и каково было его прошлое?

Въ составленномъ имъ самимъ подложномъ послужномъ спискѣ, томъ самомъ, по которому онъ служилъ въ земствахъ Вятской и Уфимской губерній, выданномъ будто бы на имя старшаго врача туркестанскаго линейнаго № 2 батальона доктора медицины, оператора и акушера Андрея-Александра-Карла Аполлоновича Черемшанскаго, онъ значится изъ «усыновленныхъ по высочайшему повелѣнію въ дворянское семейство дѣтей съ правами потомства», евангелическо-реформатскаго исповѣданія, затѣмъ въ этомъ спискѣ идетъ цѣлый рядъ фантастическихъ отмѣтокъ о наградахъ за оказанныя чудеса храбрости, о нѣсколькихъ случаяхъ разжалованія въ рядовые, о производствѣ затѣмъ въ офицерскіе чины, о выдержаніи экзамена въ медико-хирургической академіи на званіе доктора медицины, о полученіи многочисленныхъ медалей, знаковъ отличія и т. п.

На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Изъ имѣющейся при дѣлѣ копіи формулярнаго его списка видно, что онъ православный и происходитъ изъ совершенно законной семьи: онъ сынъ подполковника Аполлона Андреева Запольскаго, служившаго въ 1848 г. полицеймейстеромъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и законной жены его Анастасіи Ивановны, умершей въ 1851 г. Имя его Андрей, а родился онъ 10 мая 1830 года.

Изъ этой, доставленной тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ копіи формулярнаго списка видно, что Андрей Аполлоновичъ Запольскій 10 августа 1844 г. поступилъ въ артиллерійское училище изъ студентовъ II курса медико-хирургической академіи и 10 декабря того же года произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ училища, а 6 мая 1845 г. получилъ чинъ подпоручика и откомандированъ въ 20 артиллерійскую бригаду; 22 іюля 1846 г. за убійство собственнаго человѣка штабсъ-капитана Чавчавадзе, по высочайшему повелѣнію, разжалованъ въ рядовые, а 21 іюня 1847 г. за отличіе въ бояхъ съ горцами произведенъ въ подпрапорщики. 7 марта 1850 г. за драку въ кофейномъ домѣ, нанесеніе побоевъ жителямъ города Бухареста, изъ коихъ два найдены убитыми на мѣстѣ, а одинъ умеръ черезъ часъ послѣ драки, за дерзость противъ полковника турецкой арміи Али-Бея и нанесеніе ему удара камнемъ по головѣ, а ординарцу его кинжаломъ въ бокъ, по высочайшему повелѣнію, разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго званія. За боевыя отличія 1 сентября 1851 г. назначенъ фельдфебелемъ, а 27 декабря 1855 г. за нерадѣніе по службѣ снова разжалованъ въ рядовые, наконецъ, 10 іюля 1857 г.

за составленіе подложныхъ писемъ и бумагъ, по рѣшенію главнаго аудиторіата, лишенъ воинскаго званія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Такъ говоритъ имѣющаяся при дѣлѣ копія формулярнаго списка, документъ, несомнѣнно, офиціальнаго происхожденія, но несомнѣнно и то, что имѣющіяся въ этой копіи свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; спрошенный объ этомъ Черемшанскій заявилъ, что «формулярный списокъ этотъ недѣйствителенъ, но какъ и почему— объ этомъ я ничего не скажу». Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что, судя по отмѣткамъ этого списка, Черемшанскій, онъ же Запольскій, въ 14-лѣтнемъ возрастѣ поступаетъ въ артиллерійское училище, успѣвъ до того пройти два курса въ медико-хирургической академіи, что затѣмъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ онъ успѣваетъ получить два офицерскихъ чина и 15-ти лѣтъ отъ роду отправляется уже въ дѣйствующую армію,—по дѣлу несомнѣнно доказано, что въ медико-хирургическую академію Запольскій никогда не поступалъ и за все время съ 1836 г. по 1844 г. въ числѣ студентовъ академіи лица, носившаго такую фамилію, не было; установлено также, что этотъ Запольскій никогда въ офицеры производимъ не былъ и всѣ изложенныя выше свѣдѣнія объ его подвигахъ и военно-служебныхъ проступкахъ измышлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснено, что, какъ уже сказано, копія этого формуляра доставлена судебному слѣдователю тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, а имъ, въ свое время, была получена изъ казанскаго губернскаго правленія, по справкѣ же въ дѣлахъ этого послѣдняго оказалось, что хотя по книгамъ и видно, что губернское правленіе 20 апрѣля 1859 г. посылало въ приказъ о ссыльныхъ какую-то копію формуляра Запольскаго, но провѣрить эту отмѣтку и разыскать подлинный формуляръ, съ котораго была снята отосланная копія, оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ дѣла по ссыльной экспедиціи губернскаго правленія уничтожены пожаромъ 1870 года.

Такимъ образомъ, исторія этой копіи формуляра такъ и осталась невыясненною, но что въ нее включены невѣрныя свѣдѣнія— это не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдствіемъ установлено, что Андрей Аполлоновичъ Запольскій съ 13-го сентября 1844 года былъ въ юнкерскомъ училищѣ, но курса не кончилъ и, просидѣвъ въ одномъ классѣ два года и восемь мѣсяцевъ, былъ «за весьма малые успѣхи и дурныя наклонности» выключенъ изъ заведенія и поступилъ юнкеромъ въ 6-ю легкую батарею 15-й артиллерійской бригады. Командиръ этой батареи, несмотря на предупрежденіе начальства, принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и помѣстилъ его въ своей квартирѣ, но Запольскій похитилъ у него и заложилъ еврею бѣлье и столовое серебро. Посовѣтовавшись съ офицерами батареи, командиръ рѣшилъ не возбуждать объ этомъ дѣла, а ограничился тѣмъ, что перевелъ Запольскаго въ общія казармы, но и здѣсь онъ оказалъ

ему особое снисхожденіе, распорядившись помѣстить его не въ солдатскія комнаты казармъ, а въ помѣщеніе фельдфебеля. Запольскій взломалъ сундучокъ этого фельдфебеля и укралъ хранившіяся тамъ деньги и вотъ ужъ за это, а также и за другіе проступки по службѣ онъ въ 1851 году, по приговору военнаго суда, былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянскаго достоинства, а въ 1852 году, по другому приговору, отданъ въ исправительное отдѣленіе сначала житомирскаго, а затѣмъ кіевскаго гарнизоннаго батальона. Наконецъ, въ 1858 году, по рѣшенію генералъ-аудиторіата, за подлоги и другія преступленія онъ лишенъ воинскаго званія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, гдѣ въ 1859 году причисленъ въ поселенцы Тобольскаго округа деревни Бойдучаловой.

Въ 1864 и 1865 гг. Запольскаго видятъ въ гор. Курганѣ, гдѣ онъ служитъ приказчикомъ въ иконостасномъ заведеніи, причемъ выдаетъ себя за студента-медика, пострадавшаго за какую-то политическую исторію и сосланнаго сначала на Кавказъ, гдѣ былъ фельдшеромъ, а затѣмъ въ Сибирь. Черезъ нѣкоторое время Запольскій появляется въ Тобольскѣ, въ качествѣ домашняго учителя дѣтей одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ; но гдѣ онъ затѣмъ былъ до 1871 года, изъ дѣла не видно, а по разсказамъ, онъ за это время пристроился лакеемъ у какого-то врача, который, по существующимъ въ Сибири порядкамъ, имѣлъ собственную аптечку. Въ этой аптечкѣ и занимался Запольскій, помогая врачу при приготовленіи лекарствъ и при пріемѣ больныхъ; нерѣдко, за неимѣніемъ фельдшера, онъ исполнялъ обязанности послѣдняго при производствѣ врачомъ судебно-медицинскихъ вскрытій и изслѣдованій; достаточно напрактиковавшись, онъ поступилъ вольнонаемнымъ фельдшеромъ на какіе-то золотые пріиски и здѣсь нерѣдко замѣнялъ отсутствующаго врача, не безъ успѣха исполняя его обязанности.

Въ апрѣлѣ 1871 года онъ появляется въ городѣ Тихвинѣ, Новгородской губерніи, гдѣ въ качествѣ переселенца изъ Сибири приписывается къ мѣстному мѣщанскому обществу подъ своимъ именемъ Запольскаго. Въ 1872 году онъ, какъ неправильно приписанный къ городскому обществу Европейской Россіи, на что, какъ ссыльно-поселенецъ, онъ не имѣлъ права, исключается изъ мѣщанъ города Тихвина и возвращается въ Сибирь, гдѣ 10 іюля 1872 года поступаетъ въ число городовыхъ крестьянъ города Тобольска и водворяется въ этомъ городѣ, по вслѣдъ за водвореніемъ исчезаетъ и отмѣчается бѣжавшимъ.

Какъ видно изъ дѣла, онъ нѣкоторое и весьма немалое время странствовалъ по внутреннимъ губерніямъ Россіи и оставилъ по себѣ слѣдъ въ судебныхъ анналахъ этихъ губерній. Приговорами смоленскаго окружнаго суда 19 декабря 1874 года, кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда 4 октября 1875 года, одесскаго окружнаго суда 4 іюля 1876 года и кишеневскаго окружнаго суда

13 января 1877 года онъ за разныя мошенничества и въ томъ числѣ за обманъ губернаторовъ: харьковскаго, полтавскаго, курскаго и бессарабскаго на сто рублей каждаго [1]), присужденъ по совокупности преступленій въ тюрьму на одинъ годъ и четыре мѣсяца. Въ наказаніе же ему зачтено предварительное заключеніе его во время предварительнаго слѣдствія, и, въ силу этого, онъ 13 января 1877 г. изъ тюрьмы освобожденъ и отданъ подъ надзоръ общества на два года, но тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы скрылся, и эта часть приговора осталась неисполненной.

Въ маѣ 1877 года, какъ уже сказано въ началѣ этой статьи, Запольскій подъ именемъ и по документамъ доктора Черемшанскаго поступилъ на службу въ сарапульское земство.

Женатъ онъ былъ пять разъ. Первый разъ онъ былъ повѣнчанъ 20 января 1860 года въ Тобольскѣ подъ именемъ Запольскаго съ солдатскою дочерью Евгеніей Абрамовой. Жена его умерла 7 апрѣля 1865 года, оставивъ дочь Екатерину. Эту послѣднюю видѣли въ Тобольскѣ уже взрослою дѣвицею, брошенною съ малолѣтства отцомъ и крайне нуждающеюся въ средствахъ.

Вторично онъ женился 20 мая 1865 года на мѣщанкѣ Маріи Тимофеевой, тоже въ Тобольскѣ и тоже подъ своимъ именемъ Запольскаго. Эта жена его умерла 30 іюня того же 1865 года отъ тифа.

26 августа 1866 года онъ женился въ Тобольскѣ въ третій разъ на мѣщанской дѣвицѣ Надеждѣ Степановой Кабалиной. Эта жена его умерла 28 іюля 1876 года отъ чахотки.

Въ четвертый разъ онъ женился въ Москвѣ 13 февраля 1877 года на пензенской мѣщанкѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Коробовой уже по фальшивымъ документамъ и подъ именемъ доктора Черемшанскаго; съ недѣлю супруги жили мирно, но затѣмъ мужъ до того сталъ тиранить жену, что та ночью въ одномъ бѣльѣ сбѣжала отъ него. Черезъ нѣкоторое время они снова сошлись, но ненадолго. Въ августѣ 1877 года Черемшанскій объявилъ супругѣ, что она у него уже тридцать восьмая жена, что онъ ее бросаетъ и ѣдетъ въ Благовѣщенскъ на Амурѣ съ молоденькою гувернанткою.

Въ 1878 году въ Сарапулѣ онъ сходится съ дочерью діакона Лидіей Разсыпкинскою, вступаетъ съ нею въ связь и приживаетъ дочь Нину. Эта его сожительница вскорѣ умираетъ, оставя на рукахъ у него малолѣтнюю дочь, а Черемшанскій, уже перешедшій въ это время на службу въ Мензелинскъ, женится въ пятый и въ послѣдній разъ на акушеркѣ Елизаветѣ Александровнѣ Харламовой; это и была та его супруга, которая жила при немъ въ Мензе-

[1]) Обманъ этотъ заключался въ томъ, что онъ представилъ перечисленнымъ губернаторамъ письма, составленныя имъ самимъ, отъ имени генералъ-губернатора Западной Сибири А. П. Хрущова съ просьбою оказать подателю письма денежную, за счетъ Хрущова, помощь въ размѣрѣ ста рублей.

линскѣ, а затѣмъ и въ Бирскѣ. Отъ нея онъ имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерло, а одна дѣвочка осталась жива. Эта дѣвочка, по имени Раиса, и оставшаяся послѣ смерти Разсыпкинской незаконнорожденная дочь Нина и составляли въ послѣднее время семейство Черемшанскаго. Судя по письмамъ его, а равно и показаніямъ свидѣтелей, на этотъ разъ онъ былъ очень привязанъ къ семьѣ, любилъ жену и дѣтей и въ особенности сиротку Нину, и, надобно думать, исключительно желаніемъ проститься съ семьею и благословить эту самую Нину и объясняется его внезапный ночной пріѣздъ въ Бирскъ съ послѣдовавшимъ затѣмъ арестомъ въ Казани.

Въ этотъ послѣдній бракъ онъ вступилъ при жизни четвертой жены своей, брошенной имъ на произволъ судьбы въ Москвѣ; при вступленіи въ этотъ бракъ онъ представилъ подложное, имъ самимъ составленное «рѣшительное постановленіе» московской духовной консисторіи и опредѣленіе святѣйшаго синода о расторженіи второго брака его съ мѣщанкою Коробовой за нарушеніе послѣднею супружеской вѣрности и свидѣтельство медицинскаго департамента о неимѣніи препятствій къ вступленію въ третій бракъ съ Елизаветою Харламовой. Во всѣхъ этихъ документахъ онъ выступаетъ подъ именемъ доктора Черемшанскаго. По мнѣнію эксперта, секретаря московской духовной консисторіи, первые два документа написаны съ такими грубыми нарушеніями формъ и съ такими ошибками, что, очевидно, составлены лицомъ, понятія не имѣющимъ о такого рода дѣлахъ.

Смертью въ тюрьмѣ покончились многолѣтнія и многообразныя похожденія Черемшанскаго-Запольскаго; судъ не сказалъ своего послѣдняго авторитетнаго слова объ этихъ похожденіяхъ, но личность самозванца достаточно рельефно обрисована предварительнымъ слѣдствіемъ; изъ собранныхъ имъ данныхъ видно, что то была личность далеко незаурядная, личность способностей выдающихся, и, что бы вышло изъ нея при другихъ условіяхъ, при иной обстановкѣ, сказать трудно.

У насъ на Руси разыграть роль самозванца не хитро. Я не разъ думалъ о томъ, вспоминая свои поѣздки по Россіи въ качествѣ члена консультаціи при министерствѣ юстиціи по ревизіоннымъ порученіямъ. Помню я, какъ однажды, пріѣхавъ въ Кіевъ съ такого рода порученіемъ, я остановился въ гостиницѣ и, не успѣвъ разобраться, отказался предъявить немедленно свой письменный видъ, заявивъ, что исполню это черезъ два-три часа. Дорожа временемъ, я тотчасъ же нанесъ визиты генералъ-губернатору и губернатору, и вотъ, послѣ посѣщенія меня генералъ-губернаторомъ, отдавшимъ черезъ полчаса визитъ, я уже никоимъ образомъ не могъ заставить гостиницу прописать мой паспортъ; мало того, когда я настойчиво просилъ объ этомъ же явившагося ко мнѣ полицеймейстера, тотъ категорически отказалъ мнѣ и даже съ какимъ-то ужасомъ отстранилъ мою руку съ

паспортомъ. Развѣ при такихъ условіяхъ невозможно появиться самозванцу ревизору?

Конечно, это вполнѣ возможно, но возможно только на короткое время. Между тѣмъ описанный мною самозванецъ успѣшно и безукоризненно разыгрывалъ свою роль съ 27 мая 1878 года по 7 октября 1884 года, то-есть въ теченіе шести въ половиною лѣтъ.

Къ тому же, если не всѣ, то во всякомъ случаѣ громадное большинство случаевъ самозванства является средствомъ преступнаго добыванія денегъ,—между тѣмъ Черемшанскій-Запольскій за все время бытности своей самозваннымъ врачомъ велъ себя безупречно и какъ врачъ, и какъ чиновникъ коронной службы, и какъ частное лицо; общая любовь и расположеніе къ нему были вполнѣ имъ заслужены. Совершенные имъ многочисленные подлоги и мошенничества или предшествовали его бытности врачомъ, или послѣдовали затѣмъ, во все же время проживанія его въ Сарапулѣ, Мензелинскѣ, на Симскихъ заводахъ и Бирскѣ каждый считалъ его за вполнѣ порядочнаго человѣка, да онъ и дѣйствительно былъ такимъ за это время. Нельзя не остановиться и на томъ, что этотъ оригинальный человѣкъ, мѣнявшій женъ, какъ перчатки, обрѣлъ, наконецъ, семью въ лицѣ жены и горячо любимой дочери. Съ этою семьею онъ, уже скрываясь отъ разыскивавшихъ его властей и тщательно заметая свои слѣды, старается дѣлиться частью добытыхъ имъ преступнымъ путемъ денегъ и посылаетъ женѣ и дѣтямъ подарки и дышащія глубокою любовью письма: «Болитъ, болитъ сердце мое о ребятахъ и о тебѣ,—пишетъ онъ въ этихъ письмахъ:—за особенное счастье счелъ бы получить отъ тебя вѣсточку. Райка, вѣроятно, уже болтаетъ... Какъ хорошо бы я вздохнулъ, если бы зналъ, что вы устроились безъ меня, какъ слѣдуетъ... одна моя забота желать, чтобы мало-мало обезпечить ребятишекъ; это одно мое ревностное желаніе».

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на ту смѣлость, доходящую до виртуозности, съ которой онъ совершаетъ свои похожденія, и вѣдь все это продѣлано имъ однимъ, безъ всякихъ соучастниковъ и пособниковъ!

Словомъ, личность эта крупная и избери она себѣ не скромную роль земскаго и уѣзднаго врача, а какую-либо иную, болѣе высокую, была бы, пожалуй, личностью исторической, а получи Черемшанскій-Запольскій надлежащее образованіе, я, право, не знаю, что бы онъ сдѣлалъ.

Все это такъ,—но что сказать о неосмотрительности властей, допустившихъ самозванца свободно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ врачевать человѣчество и занимать коронную должность судебнаго и полицейскаго врача, довольствуясь грубо поддѣланными и имъ самимъ представленными копіями какихъ-то фантастическихъ бумагъ, и не догадавшихся хотя бы однажды въ теченіе этихъ лѣтъ снестись съ вѣдомствомъ, въ которомъ онъ, судя по представленнымъ

имъ документамъ, служилъ послѣднее время? Нельзя не задуматься и надъ тѣмъ, какъ могло случиться, что человѣкъ, не получившій не только медицинскаго, но, собственно говоря, никакого образованія, вращается постоянно среди патентованныхъ врачей, занимается медицинскою практикою, завѣдуетъ больницами, участвуетъ въ консиліумахъ, успѣшно производитъ выходящія изъ ряда вонъ операціи и ни разу не обнаруживаетъ своего невѣжества. Наконецъ, какимъ образомъ врачебное отдѣленіе губернскаго правленія, это высшее медицинское учрежденіе въ губерніи, контролируя постоянно это лицо въ его судебно-медицинской дѣятельности, не только не обнаружило его невѣжество, но даже восхищалось его работами?

И вѣдь все это было не при царѣ Горохѣ, а всего около двадцати лѣтъ тому назадъ, и не въ тундрахъ Сѣверной Сибири или Камчатки, а въ двухъ наиболѣе густо населенныхъ губерніяхъ Прикамскаго края.

Вотъ уже по истинѣ есть многое на свѣтѣ, о чемъ не снилось нашимъ мудрецамъ.

Ив. Мѣщаниновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ.

ИТАКЪ, вы рѣшили поступить къ намъ на службу? Вы хорошо обдумали прежде, чѣмъ рѣшиться? Не забудьте, что вамъ предстоитъ жить среди отбросовъ, подонковъ общества! Вы увидите и услышите такія вещи, которыя вамъ и не снились... Вы будете вращаться въ обществѣ воровокъ, проституток, убійцъ... Подумайте!

Съ этими словами обратился ко мнѣ начальникъ тюрьмы города N, когда я явилась къ нему съ заявленіемъ, что принимаю предложенное мнѣ мѣсто тюремной надзирательницы.

Спокойнымъ, мягкимъ голосомъ онъ въ краткихъ словахъ посвятилъ меня во всѣ ужасы тюремной жизни. Мнѣ казалось, что онъ умышленно сгущаетъ краски и представляетъ все въ худшемъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, я рѣшила... Вѣдь вы поможете мнѣ первое время... пока я попривыкну?

— Съ удовольствіемъ, конечно!—ласково сказалъ онъ, пожимая мою руку.—Вамъ будетъ тяжело, и врядъ ли вы привыкнете... Васъ могутъ оскорблять—вы слишкомъ мягки, слабы для этой среды. Вы увидите дикія, искаженныя злобой лица, кровавыя сцены и услышите площадную ругань.

— Я составила себѣ планъ дѣйствій и воздѣйствій на нихъ. Вѣдь это люди... несчастные люди!

— Да, вѣрно, это люди, но потерявшіе человѣческій образъ, и вы ихъ не исправите...

Нужно было $3^1/_2$ года жизни въ тюрьмѣ съ ея удручающей обстановкой для того, чтобы убѣдиться, что тюрьма въ самомъ дѣлѣ никого не исправляетъ и не можетъ исправить. Самый лучшій изъ арестантовъ, побывавъ въ заключеніи, понемногу теряетъ свой симпатичный обликъ, становится озлобленнымъ, плутоватымъ, дичаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ тюрьма, при ея современной постановкѣ, можетъ оказать воспитательное вліяніе на заключенныхъ! Не говоря уже о тюремныхъ надзирателяхъ, собираемыхъ съ бору да съ сосенки, даже начальники тюремъ въ большинствѣ случаевъ обладаютъ слишкомъ слабыми понятіями о чести и своихъ обязанностяхъ.

Заключенные очень чутко прислушиваются и присматриваются къ дѣйствію начальства. Они видятъ, что деньги, предназначенныя на ихъ нужды, исчезаютъ въ карманѣ начальства. Полотно, выдаваемое на ихъ рубахи, остается на кухнѣ начальника, а на двѣнадцать арестантокъ выдается девять рубахъ Женщина принуждена ходить безъ рубахи, когда ей вздумается выстирать свою. Сами надзиратели учатъ воровать, носятъ имъ водку и дерутъ за нее втридорога... Все это ложится на ихъ душу, еще больше загрязняетъ ее и озлобляетъ ихъ.

— Вотъ мы сидимъ въ тюрьмѣ за воровство, а всѣ они также воруютъ, но почему-то гуляютъ на волѣ.

Подобныя рѣчи приходилось очень часто слышать изъ устъ арестантовъ. Многіе освобождались отъ заключенія, благодаря слѣдователю, получавшему отъ арестантовъ «денежные подарки». При мнѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ человѣкъ, изъ мести къ помѣщику спустившій у четырехъ лошадей кожу. Онъ прорѣзалъ ее на спинѣ лошадей и отвернулъ на обѣ стороны. Этотъ человѣкъ-звѣрь разсказывалъ, что онъ наединѣ, въ кабинетѣ слѣдователя, пригрозилъ ему: «Ты взялъ съ меня 25 рублей и не финти!»—И я видѣла своими глазами, какъ этотъ слѣдователь, придя въ тюрьму, скромно подавалъ руку этому арестанту.

За время моей службы въ тюрьмѣ перемѣнились три начальника. Первый изъ нихъ старался улучшить пищу заключенныхъ, не жалѣлъ топлива, но, напримѣръ, закрылъ всѣ водопроводные краны, чтобы не портились. Воду арестанты таскали ушатами, между тѣмъ какъ извѣстная сумма отпускалась на починку водопровода. Къ пріѣзду тюремнаго инспектора всѣ краны открывались и воды было сколько угодно.

Освѣщеніе было самое скудное, скверное, не давали стеколъ для ламиъ, и люди буквально дышали копотью. Опять-таки къ пріѣзду начальства тотчасъ появлялись стекла, какъ и вода въ водопроводѣ. Тутъ же при арестантахъ во время посѣщенія инспектора рапортовались просто небылицы для сокрытія своихъ, можно сказать, преступленій по службѣ.

Наконецъ, тѣ же инспектора дѣйствовали по своему личному усмотрѣнію. Одинъ сокращалъ паекъ, другой, наоборотъ, старался улучшить пищу, завелъ наволочки и простыни. Одинъ устроилъ вентиляціонныя печи, другой, стараясь экономить топливо, воспретилъ топку этихъ печей, и міазмы, проникая черезъ печныя трубы, еще больше заражали воздухъ.

И, Боже мой, сколько мученій пришлось терпѣть и мнѣ, и заключеннымъ хотя бы изъ-за этихъ ламповыхъ стеколъ. Ночью нельзя было отойти ни на шагъ, такъ какъ лампы ежеминутно вспыхивали, коптили, или же вовсе потухали. Копоть набьется въ ротъ, носъ, такъ что дышать тяжело. Ждешь, не дождешься утра, чтобы потушить всѣ лампы и открыть форточки. Я стала покупать стекла на свой счетъ. Но при 12 р. 40 к. въ мѣсяцъ жалованья этотъ расходъ былъ слишкомъ чувствителенъ. Когда я заявила объ этомъ начальнику, онъ былъ очень недоволенъ и сказалъ, что у него нѣтъ денегъ на стекла. И не скоро, совершенно случайно, я добилась этой милости.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего поступленія въ тюрьму приняли на службу новую, вторую надзирательницу. Это была дочь бывшаго урядника съ мужскимъ лицомъ, злыми глазами и стриженной головой.

Она тотчасъ вступила въ дружбу съ арестантами, носила имъ водку и спиртъ и вела съ ними романы. Дошло до того, что она стала подготовлять побѣги, приносила поддѣльные ключи. Все это было мнѣ извѣстно, но прекратить подобныя беззаконія я не могла, да и пришлось бы подвергнуть опасности свою жизнь.

Такъ продолжалось до пріѣзда новаго начальника, который самъ поймалъ ее съ водкой и тотчасъ уволилъ.

Новый начальникъ былъ человѣкомъ въ высшей степени добрымъ, честнымъ, но слабохарактернымъ. Заключенные почувствовали себя совершенно свободными, и тюрьма была до того распущена, что съ арестантами не было никакого сладу. Всякій руководствовался только своимъ усмотрѣніемъ. Начались побѣги. Новый начальникъ бился нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ вынужденъ былъ уйти.

И временно назначили третьяго начальника. Это былъ полное ничтожество, развратникъ, пьяница и взяточникъ. Онъ дѣйствовалъ съ самымъ беззастѣнчивымъ цинизмомъ. Первымъ дѣломъ онъ сталъ заводить знакомства среди заключенныхъ женщинъ. Арестантокъ стали часто сажать въ мужской карцеръ, ключъ отъ котораго былъ у начальника, и по ночамъ онъ ходилъ въ женское отдѣленіе и карцеръ «на провѣрку». Бывали случаи, когда арестантка, безъ всякаго повода, начинала бить стекла и скандалить, такъ что приходилось вести ее въ карцеръ. Позже она сознавалась, что начальникъ научилъ ее этому и онъ самъ являлся къ ней въ карцеръ для «бесѣды». Карцеръ сталъ желаннымъ убѣжищемъ для свиданій съ начальникомъ.

По ночамъ изъ квартиры начальника раздавались по всей тюрьмѣ крики, женскій визгъ, звонъ разбиваемой посуды. Дошло до того, что арестантки стали умышленно грубить мнѣ, чтобы попасть въ карцеръ и добиться такой чести, какъ свиданіе съ начальникомъ. Въ концѣ концовъ арестанты подали жалобу на незаконныя дѣйствія начальника, и его назначили въ другую тюрьму. Но къ дѣйствіямъ этого начальника я еще возвращусь, а пока постараюсь обрисовать нѣкоторые типы заключенныхъ.

Въ началѣ моей службы въ тюрьмѣ составъ заключенныхъ былъ довольно симпатичный. Среди арестантокъ преобладали женщины, сидѣвшія за мелкія кражи.

Только позже появились дѣтоубійцы, убійцы и вообще совершившія болѣе тяжелыя преступленія.

Когда я явилась въ первый разъ въ тюрьму, всѣ арестантки представлялись мнѣ въ видѣ одной сѣрой массы. Мнѣ казалось, что это скопище какихъ-то демоновъ, бездушныхъ, съ сильной волей. Но я стала наблюдать, и понемногу изъ этой сѣрой массы стали обрисовываться отдѣльныя типичныя фигуры. Многія изъ нихъ до сихъ поръ живутъ въ моей памяти.

Оказалось среди нихъ много трусливыхъ, слабыхъ, служившихъ только орудіемъ преступленія.

Арестантки съ любопытствомъ приглядывались ко мнѣ, но скоро освоились и понемногу стали посвящать меня въ свои дѣла. Большинство изъ нихъ охотно разсказывали о причинахъ ихъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Среди моихъ новыхъ знакомыхъ я обратила вниманіе на молодую, краснощекую дѣвушку съ лукавыми глазами и живымъ, веселымъ выраженіемъ лица. Тутъ же около нея сидѣла пожилая женщина, которую она называла матерью.

— За что вы попали сюда?—обратилась я къ дѣвушкѣ.

Она отвѣтила не сразу и только сверкнула глазами.

— Я ей прихожусь матерью... мы попали сюда за воровство...

— Я ворую куръ...—вставила дочь.

— И за это заключены въ тюрьму?

— Ну, да! украла курицу и буду сидѣть три мѣсяца...

— Стоило воровать... изъ-за такого пустяка!!.

— Что же! подыхать съ голоду? Жрать нечего... и крала. Вы думаете, я выйду изъ тюрьмы и перестану красть? Жили всю жизнь воровствомъ—и будемъ воровать до смерти... Я сама незаконнорожденная и... настряпаю такихъ же...—нагло заявила она.

— Молчи, стерва! Вотъ вырастила золото!..

— Не нравится? А ты не воровствомъ живешь? Не ты учила меня красть? А еще лается...

Мать ничего не отвѣтила, вздохнула и обратилась ко мнѣ:

— Видите, какую вырастила... А вѣдь когда она была маленькая, нечѣмъ было кормиться... Работы не нашла... Пошла это я

съ корзинкой за городъ, къ лѣсу... Думаю, что-нибудь найду... Ходила, ходила—вижу, лежитъ дохлая лошадь... еще недавно вывезли—свѣжая... Вороны, какъ черная туча, кружились около нея. Ножикъ у меня былъ въ карманѣ... и давай срѣзать мясо... Нарѣзала полную корзинку, прикрыла и понесла въ городъ. Въ хатѣ ничего нѣтъ... ни корочки хлѣба! Заперла я эту самую дѣвчонку и пошла продавать мясо для собакъ и кошекъ... Глядишь—десять-пятнадцать копеекъ и заработала.... Хлѣба купила... Дома этого мяса много осталось... Набрала по дорогѣ щепокъ, растопила печку и сварила мяса... много... полный горшокъ... Сначала не могла его ѣсть... претило, а дѣвчонка—какъ схватитъ да такъ живо уплела большой кусокъ... Еще проситъ. Супу поѣла... попробовала и я кусочекъ мяса... Ничего, вкусно, какъ солью посыпать густо да съ хлѣбомъ... Съ тѣхъ поръ и стала я продавать падаль для собакъ и кошекъ... Да и сами каждый день ѣли мясо... Видите, какую здоровую выростила! И ругали меня люди—зачѣмъ ребенка падалью кормишь... Ругать вѣдь не трудно, а жрать никто не дастъ.

— А воровать когда же стали?

— Да вотъ... выросла... и одѣться надо... пошла куръ красть. Она ничего больше не крадетъ, окромя куръ... А я... что попало...

Я стала увѣщевать ихъ, что красть не слѣдуетъ, нужно искать работу...

— Пустые разговоры! Вспухнешь... искавши работу... что зря болтать! Воровать все равно не перестанемъ!

Спустя два года я случайно встрѣтила на улицѣ женщину, несшую что-то въ глиняномъ кувшинѣ. Я присмотрѣлась. Да, это моя знакомая, выкормленная падалью дѣвушка. Она немного похудѣла, но стала какая-то серьезная, степенная.

— Если не ошибаюсь, мы съ вами знакомы?

Она покраснѣла и нерѣшительно остановилась.

— Да, я васъ помню, но боялась кланяться.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Я живу здѣсь у одного рабочаго... Жена бросила его и трое дѣтей... Я за ними смотрю, стряпаю, стираю... Вотъ несу обѣдъ—онъ на работѣ.

— А вы... не... воруете больше?—спросила я нерѣшительно.

— Нѣтъ, барышня, ни-ни! Мнѣ такъ хорошо! Я дѣтей люблю, сыта, зачѣмъ воровать.

Такъ она и не сдержала обѣщанія, что будетъ заниматься воровствомъ до конца жизни.

Въ той же камерѣ, гдѣ сидѣла эта дѣвушка съ матерью, помѣщалась молодая, красивая женщина, производившая впечатлѣніе молоденькой дѣвушки. Бѣлая, румяная, съ тоскующимъ выраженіемъ въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, она привлекала вниманіе всѣхъ посѣтителей тюрьмы. Это была жена тюремнаго надзирателя,

обвиняемая въ попыткѣ отравить мужа. При ней былъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ. Она вела романъ съ другимъ надзирателемъ, сослуживцемъ ея мужа, и, повидимому, они въ самомъ дѣлѣ очень любили другъ друга. Мужъ ея былъ очень несимпатичный, грубый человѣкъ, постоянно издѣвавшійся надъ нею. Очутившись въ тюрьмѣ, она стала усердно учиться писать. По цѣлымъ днямъ и вечерамъ она выводила на клочкахъ бумаги карандашомъ большія буквы, такъ что даже не обращала никакого вниманія на своего ребенка. Приходилось ей напоминать, что пора вымыть ребенка или выстирать его рубашонку. Вскорѣ она научилась кое-какъ писать и стала посылать записки любимому ею надзирателю. Когда онъ дежурилъ, она очень часто просила меня пустить ее то за водой, то выстирать что-то. На второмъ коридорѣ она встрѣчалась съ упомянутымъ надзирателемъ, говорила съ нимъ и даже улучала минутку поцѣловаться съ нимъ. Я могла бы воспретить эти отлучки, но не хватало духу лишать ее этихъ счастливыхъ минутъ. Я притворялась, что ничего не замѣчаю.

Въ то же время ея ребенокъ постоянно плакалъ, капризничалъ и не хотѣлъ играть. Мать не обращала никакого вниманія на него, и, повидимому, у нея не было никакого чувства къ ребенку отъ ненавистнаго ей мужа.

Въ одинъ прекрасный день мнѣ заявляютъ, что выдаваемая ребенку пища въ видѣ молока и булки поѣдается матерью, а манну она продаетъ. Согласно тюремной инструкціи, для каждаго ребенка до двухъ лѣтъ полагалось бутылка молока и пятикопеечная французская булка ежедневно и два фунта манны въ недѣлю.

Меня эта вѣсть очень взволновала и возмутила. Я тотчасъ отобрала у нея дѣтскій паекъ и стала сама кормить ребенка, остатки же отдавала матери. Надо было видѣть, съ какою жадностью изголодавшійся ребенокъ поѣдалъ молоко, кашу и булку. Мать была, конечно, сконфужена и недовольна такимъ оборотомъ дѣла. Она исподтишка говорила:

— Очень хорошо! буду жить барыней—есть нянька для моего ребенка.

— И не стыдно вамъ такъ говорить! Конечно, буду нянчить, разъ у него такая мать... Вѣдь жаль безотвѣтнаго, ни въ чемъ неповиннаго ребенка. Развѣ его вина, что вы не любите мужа?

Она промолчала. Вскорѣ отецъ взялъ у нея ребенка, а ее оправдали.

И она ушла не къ мужу, а къ герою своего романа и зажила съ нимъ дружно, душа въ душу.

Кстати о дѣтяхъ. Въ тюрьмахъ жило вмѣстѣ съ матерями довольно много дѣтей. Матери были обязаны смотрѣть за ними, мыть ихъ и стирать. Но эти несчастныя дѣти, вынужденныя жить въ одной камерѣ со взрослыми, были невольными свидѣтелями всякихъ

ссоръ, дракъ. Они слышали площадную ругань и дышали убійственнымъ, спертымъ воздухомъ тюремныхъ камеръ. Изъ-за этихъ бѣдныхъ дѣтей я старалась не запирать камеры, чтобы дѣти могли свободно бѣгать по коридору. Я выпускала ихъ побѣгать на тюремный дворъ, устраивала для нихъ игры. Дѣти постарше были посвящены во всѣ тюремныя передряги, говорили тюремнымъ жаргономъ и носили арестантамъ любовныя записки отъ своихъ матерей. И ничѣмъ я не могла оградить ихъ отъ всего этого. Приходилось съ болью сердца наблюдать, какъ дѣти заражаются всѣми пороками и дичаютъ.

Среди дѣтей былъ десятилѣтній мальчикъ, котораго арестанты брали на мужскую половину подъ видомъ обученія грамотѣ.

Мальчикъ очень быстро научился всякимъ плутнямъ, продѣлкамъ, отчаянной ругани и сталъ грубить матери и даже мнѣ. Я много разъ заявляла начальнику тюрьмы, что необходимо воспретить мальчику пребываніе среди арестантовъ, тѣмъ болѣе, что это даже противорѣчитъ тюремной инструкціи.

— Охота вамъ принимать къ сердцу всякіе пустяки... пусть себѣ бѣгаетъ, куда ему угодно... Вѣдь онъ не арестантъ...

Черезъ нѣкоторое время въ женское отдѣленіе явился тюремный инспекторъ.

— Сколько у васъ женщинъ-заключенныхъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Шестнадцать!

— А дѣтей?

— Дѣтей семеро. Здѣсь шестеро, а седьмой проводитъ время наверху, въ мужскомъ отдѣленіи.

— Помилуйте! да развѣ вы не знаете инструкцій, по которымъ дѣти должны находиться при матеряхъ... Это незаконно!

— Я многократно заявляла объ этомъ, но почему-то мои заявленія оставлялись безъ вниманія.

Тюремный инспекторъ ничего не отвѣтилъ и отправился въ мужское отдѣленіе. А тѣмъ временемъ прибѣжалъ начальникъ тюрьмы.

— Не говорите инспектору, что мальчикъ наверху!

— Да я уже заявила—онъ былъ здѣсь.

Начальникъ махнулъ рукой и быстро побѣжалъ за инспекторомъ.

Арестанты успѣли мальчика спрятать. Они не подозрѣвали, что инспектору все извѣстно.

— Гдѣ у васъ тутъ мальчикъ изъ женскаго отдѣленія?

— У насъ нѣтъ мальчика!

— Какой мальчикъ? Гдѣ мы возьмемъ для него мальчика?—раздались голоса изъ толпы арестантовъ.

— Молчать! Подайте сейчасъ мальчика!

И мальчикъ быстро очутился передъ инспекторомъ. Въ это время прибѣжалъ начальникъ тюрьмы.

— Какъ же вы допускаете сюда дѣтей—это незаконно,—сказалъ ему инспекторъ.

— Я... я не успѣлъ принять мѣры,—заикаясь отвѣтилъ переконфуженный начальникъ.

Съ того дня мальчикъ все время оставался внизу, и мнѣ пришлось вынести немало непріятностей, вызванныхъ вновь пріобрѣтенными привычками бѣднаго мальчугана.

Среди заключенныхъ находилась шестнадцатилѣтняя дѣвочка, осужденная на 6 лѣтъ въ рабочій домъ и отбывавшая наказаніе въ тюрьмѣ. Она убила ребенка во время своей службы въ нянькахъ.

У помѣщика былъ внѣбрачный ребенокъ, котораго жена его вздумала взять на воспитаніе. Эту дѣвушку или, вѣрнѣе, дѣвочку взяли въ няньки. Когда ребенокъ очень раскапризничался и кричалъ, нянька налила ему въ ухо сѣрной кислоты, причемъ кислота попала на подушку и выжгла огромную дыру. Ребенокъ сталъ еще больше кричать. Тогда нянька налила ему кислоты въ ротикъ, и ребенокъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Дѣвочка объяснила свое преступленіе тѣмъ, что страшно не любитъ дѣтей. Она и не хотѣла итти въ няньки, но мать заставила ее. Дѣвочка всегда исподтишка мучила дѣтей, и онѣ не любили ее. И въ тюрьмѣ она, дѣйствительно, всегда обижала дѣтей, била ихъ, щипала. И мнѣ пришлось изолировать ее и не пускать въ камеру, гдѣ были дѣти.

Это былъ ея единственный недостатокъ. Въ остальномъ она была ласковая, работящая и очень способная дѣвочка. Она очень скоро научилась въ тюрьмѣ писать и, какъ большинство арестантокъ, начала переписываться съ арестантами.

Это было необыкновенно влюбчивое существо. Увидитъ арестанта и начинаетъ платонически любить его, переписываться и посылать ему картинки. И когда его отправляютъ по этапу изъ тюрьмы, она безутѣшно плачетъ нѣсколько дней.

Но пройдетъ нѣсколько дней, она снова кому-то пишетъ и посылаетъ картинки.

Одновременно съ нею въ тюрьмѣ содержался красавецъ-арестантъ Поповъ. Это былъ извѣстный своею ловкостью воръ, вытащившій даже у меня изъ кармана платокъ въ то время, когда я проходила мимо него по двору. Онъ, повидимому, серьезно полюбилъ эту дѣвочку и обѣщалъ на ней жениться послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Между ними завязалась трогательная переписка, и они дѣлились всѣмъ.

Какъ-то я отправилась въ мужскую мастерскую насчетъ починки какихъ-то ткацкихъ принадлежностей для женской мастерской. Здѣсь ко мнѣ подошелъ красавецъ Поповъ. Очень вѣжливо, въ изысканныхъ выраженіяхъ сказалъ мнѣ, что сдѣлаетъ для меня все,

что угодно, готовъ итти для меня въ огонь и воду, но проситъ объ одномъ:

— Не обижайте эту дѣвочку, Маню! Пожалѣйте ее, ради Бога!

— Да что вы говорите! развѣ я обижаю кого-либо? Спросите женщинъ.

— Я видѣлъ, какъ она плакала.

— Я не знаю, отчего она плакала... Можетъ быть, отъ тоски, но не отъ обиды.

— Будьте великодушны—облегчите ея участь!

— То есть, какимъ образомъ я могу облегчить ея участь? Научите!

— Предоставьте ей больше свободы... Разрѣшите ей, напримѣръ, въ воскресенье во время свиданій взлѣзть на окно мастерской и и смотрѣть, какъ люди идутъ на свиданіе... Ей будетъ легче... вѣдь къ ней никто не приходитъ.

Я обѣщала предоставить ей это удовольствіе, и Поповъ выразилъ мнѣ за это живѣйшую благодарность.

Съ тѣхъ поръ эти два любящихъ существа стали моими надежными друзьями и даже предупредили о готовящемся побѣгѣ. И какъ глубоко способны были любить эти темные, исковерканные люди!

Однажды меня позвали изъ тюрьмы, заявивъ, что какая-то женщина хочетъ меня видѣть и давно стоитъ подъ воротами.

Женщина оказалась матерью Мани, явившеюся на свиданіе съ дочерью изъ деревни въ неурочное время. Она стала просить устроить ей свиданіе. Я позвала ихъ въ свою квартиру. Мать сообщила Манѣ, что отецъ утонулъ въ колодцѣ, и дѣвочка безутѣшно рыдала, говоря, что это перстъ Божій за убитаго ребенка. Я утѣшала ихъ, какъ умѣла, и угостила чаемъ.

Вскорѣ дѣвочка, по манифесту, подлежала освобожденію отъ тюремнаго заключенія, одновременно съ ея женихомъ—Поповымъ.

Передъ уходомъ изъ тюрьмы она просила меня поговорить съ ней наединѣ. Мы сидѣли съ ней въ моей комнатѣ, пили чай и долго бесѣдовали.

— Ты испытала теперь, что значитъ свобода! Люби ее, цѣни, чтобы тебя никогда больше не лишили ея... Ты очень способная дѣвочка—учись хотя бы шить и живи своимъ трудомъ...

Все время нашего разговора она беззвучно плакала, и у меня текли по щекамъ непрошенныя слезы.

Поповъ, выйдя на волю, тотчасъ напился и въ пьяномъ видѣ учинилъ драку. Затѣмъ онъ попалъ къ главарю воровской шайки.

На второй день его снова водворили въ тюрьму, и Маня пришла къ нему на свиданіе. Но я не пустила ее.

— Онъ тебя не любитъ—забудь его! Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ тебя, то, выйдя на свободу, прежде всего разыскалъ бы тебя... А то пошелъ сразу пьянствовать и воровать! Онъ не стоитъ тебя!

Дѣвочка пробовала упрашивать меня позволить ей повидаться съ нимъ въ послѣдній разъ, но я была непреклонна. Я поняла, что это свиданіе можетъ ее выбить изъ колеи и погубить навсегда.

Она долго плакала и наконецъ ушла, обѣщавъ мнѣ взяться за дѣло.

Прошло больше года, и я встрѣтила на улицѣ бывшую арестантку, жившую въ одной камерѣ съ этой дѣвочкой.

— Здравствуйте! Что же вы не хотите узнавать меня?

Бывшая арестантка расплакалась.

— Барышня милая! да я не смѣла думать, что вы будете разговаривать со мной на улицѣ.

— Не знаете ли, гдѣ теперь Маня?

— Она здѣсь, въ городѣ... Учится шить, такая стала хорошая дѣвушка!

— Кланяйтесь ей отъ меня, когда увидите.

Слава Богу! человѣкъ не погибъ, и тюрьма его не испортила. Этотъ день былъ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.

Очень часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю въ тюрьму доставлялись люди, отправляемые по этапу на мѣста ихъ приписки.

Нѣтъ ничего ужаснѣе путешествія по этапу. Въ тюрьмахъ большею частью не хватаетъ для нихъ мѣста, и они валяются на полу голодные, грязные, измученные.

Среди зимы привезли по этапу маленькую, симпатичную старушку лѣтъ 80, бѣлую, какъ лунь. Ее, какъ безпаспортную, отправляли на родину. Она была одѣта въ совершенно изорванное платье и рваную рубаху. Когда я подошла ближе, то увидѣла, что она вся усѣяна паразитами. Они буквально копошились въ ея лохмотьяхъ, словно муравьи въ муравейникѣ. Старушка была не вполнѣ нормальна и только вздыхала. Руки ея были покрыты толстымъ слоемъ грязи, бѣлые волосы растрепаны. Одна изъ арестантокъ принесла теплой воды и стала ей мыть руки и лицо.

— Что ты, бабушка, дѣлала? отчего руки такія черныя? картофель копала?

— Да, да! вчера копала картофель!—отвѣтила старуха. Она не отдавала себѣ отчета, что теперь зима и картофель давно выкопали. Когда она помылась и напилась чаю, то быстро улеглась прямо на полъ и уснула крѣпкимъ сномъ.

Я отправилась въ аптеку и купила порошку противъ паразитовъ. Мы засыпали ее спящую этимъ порошкомъ. Она и не шелохнулась. На утро на мѣстѣ ея ночлега смели добрую пригоршню паразитовъ. Затѣмъ я повела ее въ баню и дала чистую рубаху и кофту изъ своего гардероба. Начальникъ не разрѣшилъ дать ей старую казенную рубашку. Старушка вся сіяла отъ удовольствія. Ставъ на колѣни, она горячо плакала и благодарила Бога за счастье,

ниспосланное, и въ видѣ чистой, лишенной паразитовъ рубашки. Согрѣвшись и поѣвъ сытно, она собралась уходить.

— Теперь прощайте! Спасибо! Пусть Богъ пошлетъ вамъ счастье за то, что пригрѣли старуху! А я пойду къ своей барынѣ! И пошла къ дверямъ.

Но куда бы она ни сунулась—всѣ двери были на запорѣ.

— Господи! гдѣ же выходъ? Что это за домъ, изъ котораго нѣтъ выхода....

И она все ходила взадъ и впередъ, стучалась во всѣ двери и просила указать ей дорогу къ ея барынѣ.

На слѣдующiй день ее отправляли по этапу дальше. Я открыла дверь въ коридоръ, гдѣ ждали конвойные и арестанты. Старушка, радостная, сiяющая, выскочила въ коридоръ. Конвойные и арестанты разразились хохотомъ и стали подтрунивать:

— Вотъ какая барышня съ нами поѣдетъ! прелесть! недурна! какая нарядная!

Они стали ее толкать.

Старушка смотрѣла на нихъ со страхомъ, и веселость ея пропала. Я вышла вслѣдъ за старушкой и, переждавъ, пока конвойные немного успокоились, сказала:

— Я очень прошу васъ—не издѣвайтесь надъ старушкой... Не мучьте ее... Вѣдь она даже не преступница, а только несчастная, бездомная, и ее везутъ на родину.

Старуха какъ будто пришла въ сознанiе и подбѣжала ко мнѣ:

— Барышня! скажите, чтобъ они меня не били; они бьютъ больно, пожалуйста скажите!

Я только молча взглянула на конвойныхъ и пожала плечами:

— Неужели вы будете ее бить?

— Нѣтъ! Нѣтъ! мы ее не тронемъ.

Спустя нѣсколько дней я сидѣла за работой въ коридорѣ женскаго отдѣленiя тюрьмы, и тутъ же, близъ топящейся печки, играли дѣти и грѣлись арестантки. Вдругъ дверь въ коридоръ съ шумомъ открылась, и кто-то бросилъ съ размаху на полъ какой-то комокъ солидныхъ размѣровъ. Комокъ съ грохотомъ шлепнулся о полъ и застоналъ.

— Получайте—это ваше добро!—сказалъ кто-то и захлопнулъ дверь.

Арестантки бросились къ дверямъ, за ними дѣти.

— Смотрите, барышня! Какаго-то урода привезли! Добро! Какая вонь отъ нея—бррр!

Я подошла къ арестанткамъ и увидѣла, что этотъ комокъ—живое человѣческое существо. Я увидѣла всклокоченную стриженую голову, желтое изможденное лицо, покрытое грязью. Это существо было одѣто въ отрепья, висѣвшiя на немъ клочьями. Отрепья намокли, совершенно обледенѣли и издавали страшное зловонiе.

При каждомъ движеніи она стонала и тяжело вздыхала. На видъ ей было лѣтъ 20..

— Ой! какъ мнѣ холодно! болитъ!

— Вы не можете ходить?

— Не могу,—отвѣтила она ломанымъ русскимъ языкомъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ:—у меня нѣтъ ногъ... Они меня бросили какъ собаку, прямо въ снѣгъ...

— Кто это?

— Кто? Солдаты. .. били бросили. Смотрите, какая моя юбка ледъ! Ой, какъ холодно!

— Давно васъ везутъ по этапу? Васъ везутъ домой?

— Домой? гдѣ мой домъ?.. У меня нѣтъ никого.

— Гдѣ же васъ взяли?

— На улицѣ взяли и снова бросятъ на улицѣ.

Она жалобно застонала, стуча зубами.

— Нечего тутъ долго разглядывать—несите ее въ камеру!—сказала я.

Арестантки заволновались.

— Мы не хотимъ, мы не пустимъ въ свою камеру—такая вонь.

— Не будетъ же она лежать здѣсь у дверей! Несите ее ближе къ печкѣ!

Арестантки безпрекословно взяли ее на руки и, отворачиваясь, отплевываясь съ отвращеніемъ, бросили ее въ другомъ концѣ коридора. Еврейка дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Увидавъ топящуюся печку, она взвизгнула отъ радости.

— Ой! печка! какъ я давно не видѣла печку! Дрова горятъ... ай! какъ хорошо!

Когда ея платье понемногу оттаяло, она очутилась въ лужѣ грязной воды.

— Надо ее переодѣть! Нѣтъ ли у васъ старой рубашки для нея?—я куплю у васъ!... обратилась я къ женщинамъ.

Онѣ переглянулись, пожимали плечами.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ!...

Я пошла въ свою комнату, отыскала свою рубашку и короткую юбку. «Вотъ ей рубаха и юбка—живо переодѣвайте ее». Увидѣвъ, что я отдаю еврейкѣ хорошую рубашку, арестантки стали мнѣ наперерывъ предлагать свои рубахи взамѣнъ принесенной мною.

— Нѣтъ, теперь я не желаю! Вы сказали, что у васъ нѣтъ, и пусть она теперь беретъ мою.

Арестантки замолчали и стали переодѣвать вновь прибывшую. Ея же отрепья тотчасъ были брошены въ отхожее мѣсто.

Когда ее переодѣвали, мы увидѣли, что одна нога у нея безъ ступни, а другая отрѣзана по колѣно, у котораго торчала голая кость и образовалось нагноеніе. Очевидно, эта нога и причиняла ей боль, отъ которой она стонала. Наша тюрьма была не первымъ

этапомъ на пути къ мѣсту ея приписки. При каждой тюрьмѣ существуютъ докторъ и фельдшеръ. Но никто не обратилъ вниманія на ея стоны, не осмотрѣлъ ея рану. Ее бросали прямо на снѣгъ, били... Удивительно безсердечны могутъ быть люди...

Ей дали воды, и она умыла лицо и руки. Я напоила ее чаемъ съ хлѣбомъ, дала ей тюфякъ и велѣла ложиться тутъ же въ коридорѣ.

— Да пусть спитъ въ камерѣ—Богъ съ ней! Теперь она чище,— заявила одна изъ арестантокъ.

Она перенесла тюфякъ въ камеру и положила на него еврейку.

— Ой! какъ здѣсь хорошо! Я хочу здѣсь жить до смерти... Ой! какъ хорошо.

На слѣдующій день топилась баня, и я велѣла арестанткамъ нести въ баню и урода, какъ онѣ ее называли.

— Мы не будемъ ее мыть...

— Да вѣдь вамъ же лучше будетъ, когда она будетъ чисто вымыта... Вѣдь она дышитъ однимъ воздухомъ съ вами... Несите безъ разговоровъ!—сказала я строго.

Еврейка посмотрѣла на меня, улыбнулась и сказала, обращаясь къ арестанткамъ:

— Вы не бойтесь, когда она кричитъ: она добрая... я ее знаю...

— Барышня! этотъ уродъ васъ знаетъ!

— Какимъ образомъ?

— Вы были въ нашемъ мѣстечкѣ Р.—я васъ видѣла!

— А какъ васъ зовутъ?

— Добка.

Добка! При одномъ звукѣ этого имени на меня хлынулъ цѣлый рой воспоминаній. Я нѣсколько разъ гостила лѣтомъ въ мѣстечкѣ Р. у учителя. Здѣсь я часто встрѣчала здоровую, краснощекую еврейскую дѣвушку Добку. Всѣ называли ее дурочкой. Сильная, цвѣтущая, съ цѣлой копной черныхъ вьющихся волосъ на головѣ, она по цѣлымъ днямъ рыскала по мѣстечку въ поискахъ работы. Она мела дворы, улицы, таскала воду и дрова. Всегда веселая, жизнерадостная, она вѣчно улыбалась и напѣвала что-то.

Когда я гостила тамъ въ послѣдній разъ, Добки не было видно. Но какъ-то, гуляя, я встрѣтила мѣстнаго урядника, несшаго бережно что-то въ полѣ своего пальто.

— Что вы несете?

— Да вотъ Добка родила на улицѣ, бросила свое добро и удрала куда-то... Несу въ еврейскую больницу...

Позже я слыхала, что Добку разыскали и водворили въ больницу кормить ребенка, но она скрылась оттуда. Родственники, лишь только замѣтили ея беременность, выгнали ее вонъ, и никто изъ евреевъ не пускалъ ее въ домъ, даже на ночь. И она зиму и лѣто ночевала на улицахъ, въ сараяхъ, подъ навѣсами. Никто

не относится такъ безжалостно, безчеловѣчно къ такъ называемымъ опозореннымъ дѣвушкамъ, какъ евреи. «Подлые евреи! Я ихъ ненавижу,—говорила Добка:—христіане меня еще пускали иногда, во время морозовъ, ночевать, а они гнали, какъ собаку... Я зимой спала на улицѣ, на ступенькахъ крылечка и отморозила ноги...» Съ тѣхъ поръ она страшно боялась холода. Она предпочла бы голодать—лишь бы было тепло. Послѣ того, какъ ее вымыли въ банѣ, я пригласила тюремнаго фельдшера и просила полечить ея ногу.

— Не стоитъ возиться—чортъ съ ней! Вѣдь ее скоро увезутъ!

— Пожалуйста, я васъ очень прошу—полечите! Она очень страдаетъ и всѣмъ намъ непріятно слышать ея стоны... Наконецъ еще неизвѣстно, когда ее увезутъ,—быть можетъ, не скоро...

Фельдшеръ осмотрѣлъ ея ногу и сталъ ее лечить, а я выхлопотала для нея больничную пищу. Спустя короткое время, Добка очень поправилась, пополнѣла и стала похожа на прежнюю здоровую дѣвушку. Она окрѣпла настолько, что стала самостоятельно ползать по коридору и камерамъ. Она чувствовала себя вполнѣ счастливой и десятки разъ говорила: «Ахъ! какъ мнѣ хорошо! Тепло! Въ мѣстечкѣ давали кушать, но спать было холодно...»

Она очень любила дѣтей, играла съ ними и помогала арестанткамъ ихъ нянчить.

Лишь только заплачетъ ребенокъ, какъ Добка быстро подползетъ и начнетъ укачивать и даже напѣвать.

Арестантки ее постоянно дразнили. То увѣрятъ, что будутъ меня бить, и Добка поднимаетъ крикъ на всю тюрьму; то ее угощаютъ сахаромъ, намоченнымъ въ керосинѣ...

Но она готова была переносить какія угодно насмѣшки и униженія, лишь бы жить здѣсь, въ этомъ «раю».

Добка прожила въ тюрьмѣ довольно долго, такъ какъ у нея не было никакого паспорта и не скоро отыскали мѣсто ея приписки.

Въ тотъ день, когда ее увозили изъ тюрьмы, она страшно плакала и кричала, что ни за что не уѣдетъ отсюда. «Ой! Ой! опять выгоняютъ! Буду спать на дворѣ... Ой, какъ холодно!» И она дрожала, какъ въ тотъ день, когда ее привезли къ намъ. Она молила всѣхъ не увозить ее, но ничто не помогло, и она уѣхала.

Какъ и во всякой тюрьмѣ, здѣсь, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ отдѣленіи, были такъ называемые вожаки. Они вертѣли всѣмъ, слѣдили за выполненіемъ всѣхъ тюремныхъ традицій, блюли тюремную этику.

Почти все время моей службы въ тюрьмѣ вожакомъ женскаго отдѣленія была извѣстная карманная воровка, отбывавшая наказаніе одновременно со своимъ мужемъ. Безобразная, съ огромной бородавкой на носу и плутоватымъ выраженіемъ лица, она убѣдила мужа нарядиться чертями. Они смастерили себѣ соотвѣтствующіе костюмы, придѣлали рога, хвосты и на руки надѣли желѣзныя

перчатки съ огромными когтями. Въ такомъ видѣ они нападали на ѣдущихъ съ базара крестьянъ. Послѣдніе, увидя чертей, усиленно открещивались. Но черти не исчезали и отбирали всѣ деньги и болѣе цѣнныя вещи.

Слухъ о появленіи въ окрестностяхъ чертей привелъ въ ужасъ всѣхъ крестьянъ, которые даже перестали ѣздить на базаръ. Наконецъ устроили засаду, и черти были пойманы.

Костюмы и всѣ приспособленія фигурировали въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ на судѣ. Эта-то «чертовка» и руководила всѣми арестантками и даже многими арестантами.

Привезли беременную арестантку. Черезъ нѣсколько дней изъ мастерской исчезли два мотка нитокъ, цѣною не болѣе десяти копеекъ. «Чертовка» объявила мнѣ, что нужно обыскать новую арестантку.

— Это дѣло ея рукъ... Мы не хотимъ, чтобы насъ подозрѣвали въ этой кражѣ... Обыскивайте!—кричали арестантки, подученныя «чертовкой».

— Я не стану никого обыскивать...

— Нѣтъ, вы должны...

И онѣ вытолкали арестантку въ коридоръ и заперли дверь. Я вся дрожала при мысли, что придется обыскивать... Арестантка сняла блузу, разстегнулась, и, дѣйствительно, вокругъ пояса были обмотаны исчезнувшія нитки.

Я замерла. Если, открывъ двери, объявить арестанткамъ, что нитки въ самомъ дѣлѣ у этой женщины—онѣ ее изобьютъ и могутъ ей, какъ беременной, причинить увѣчья. Пока я обдумывала, какъ поступить, арестантка снова одѣлась. Мы не промолвили съ ней ни слова. Я отворила дверь въ камеру. Арестантки мигомъ выскочили въ коридоръ.

— А что—нашли?

— Нѣтъ! никакихъ нитокъ у нея нѣтъ... Напрасно вы ее подозрѣвали.

Арестантки переглянулись, а обысканная стояла, потупивъ голову. Позже я призналась арестанткамъ, что нитки были у этой женщины, и объяснила, почему я это скрыла отъ нихъ.

— Ея счастье,—конечно, мы ее изувѣчили бы...

Я застала въ тюрьмѣ старую женщину лѣтъ 60, проведшую за мелкія кражи въ общей сложности въ тюрьмѣ двадцать пять лѣтъ. Теперь она обвинялась въ кражѣ кофты у содержательницы дома терпимости, гдѣ она въ качествѣ прислуги получала 4 рубля жалованья, да еще солдатъ платилъ ей за сожительство полтора рубля въ мѣсяцъ. Старуха очень боялась, что ее, какъ рецидивистку, осудятъ за эту кофту надолго.

Всѣ арестанты терпятъ самыя большія мученія до суда, въ ожиданіи приговора. Каковъ бы ни былъ приговоръ, разъ онъ объявленъ, имъ нечего больше ждать, и они чувствуютъ облегченіе.

Кромѣ неопредѣленности положенія, эту женщину еще мучила—какъ это ни странно—тоска по солдату. Она говорила, что пусть бы осудили хоть на 20 лѣтъ, только бы онъ былъ съ нею... Безъ него жить трудно... Вялая, апатичная, она бродила, какъ сонная муха, лѣниво бралась за дѣло и тотчасъ бросала его. Сначала она, подъ видомъ больной, весь день лежала на тюфякѣ и молчала или плакала. Я употребляла всѣ усилія, чтобы отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, но старуха не поддавалась. Наконецъ я рѣшила отнять у нея на день тюфякъ и такимъ образомъ заставить ее двигаться. Но и это не помогло. Она ложилась на голый полъ и точно такъ же лежала по цѣлымъ днямъ, уткнувшись носомъ, безъ движенія.

Она любила гадать. Подойдя къ окну, она прислушивалась къ карканью воронъ и спрашивала ихъ, на сколько лѣтъ ее осудятъ за эту злосчастную кофту. Когда ворона начинала каркать безъ конца, она рыдала, какъ безумная. Въ день суда она все утро натощакъ молилась, стоя на колѣнахъ и обливаясь слезами. Ее осудили за кражу кофты на три съ половиною года тюремнаго заключенія, и она была безконечно счастлива.

— Никогда не буду больше вѣрить никакимъ гаданьямъ—ворона накаркала мнѣ чуть не двадцать лѣтъ...—говорила она, улыбаясь.

Послѣ объявленія ей приговора она совершенно преобразилась. Исчезло безконечно унылое, тоскующее выраженіе лица, и она стала работать наравнѣ съ другими женщинами. О дальнѣйшей судьбѣ ея мнѣ ничего неизвѣстно, такъ какъ я вскорѣ бросила службу въ тюрьмѣ и оставила ее досиживать срокъ своего заключенія. Она дала мнѣ слово, что никогда, до конца своей жизни, не будетъ красть и не могла съ тѣхъ поръ равнодушно переносить малѣйшее проявленіе несправедливости и смѣло отстаивала правду.

Черезъ годъ послѣ моего поступленія на службу въ тюрьму привели молодую женщину—бѣлую, румяную, съ широкимъ, добродушнымъ лицомъ. Она обвинялась въ дѣтоубійствѣ.

Эта тихая, удивительно кроткая женщина убила собственнаго ребенка, прижитаго съ сыномъ хозяина, у котораго она состояла прислугой. Съ трудомъ вѣрилось, чтобы эта женщина съ такимъ мягкимъ, добрымъ взглядомъ могла кого-либо убить. Но она мнѣ сама разсказывала очень подробно о совершенномъ ею преступленіи.

— Поступила я на службу... Работы—пропасть! Съ утра до ночи бѣгаешь, даже поѣсть некогда... Хозяинъ вѣчно ворчитъ и торопитъ... Не успѣешь докончить одну работу, а онъ уже приготовитъ двѣ другихъ... Былъ у хозяина сынъ, молодой, красивый. Онъ совсѣмъ не походилъ на отца... Добрый, ласковый, онъ много разъ говорилъ мнѣ: «брось, Аннушка, зачѣмъ такъ много работаешь—отдохни немножко». Отдохнешь тутъ... какъ бы не такъ! Нравилось

мнѣ, что онъ меня жалѣетъ... Ждешь, не дождешься, чтобы увидѣть его—хоть словечкомъ перекинуться... Какъ-то въ воскресенье осталась я одна-одинешенька въ домѣ... сижу и плачу о своей судьбѣ. Тоска! Пришелъ сынъ хозяина. «Ты одна? Тебѣ скучно... никакъ плачешь»... И давай утѣшать! Такъ мнѣ хорошо стало на душѣ... Гладитъ меня... и цѣлуетъ... Съ того дня стали мы часто разговаривать, и онъ всякій разъ меня успокаивалъ, ласкалъ. Отецъ-то замѣтилъ,—хитрый былъ,—что со мной ласковъ, но ничего не говорилъ. Еще больше сталъ гонять и ругать... Знаетъ, что теперь не уйду! А мнѣ ничего и не нужно было—лишь бы онъ былъ со мной... Очень ужъ я его любила. И цѣлый годъ мы любили другъ друга—жили словно мужъ и жена... Забеременѣла я. Вдругъ онъ мнѣ объявляетъ, что ѣдетъ въ Америку... денегъ накопитъ и женится на мнѣ! Какъ я жила въ послѣднее время передъ его отъѣздомъ, и не помню хорошенько. Весь день работаешь и виду не показываешь—а всю ночь плачешь... Лишь только онъ уѣхалъ—хозяинъ сталъ еще злѣе, гонялъ, какъ собаку. Я все терпѣла—ждала обѣщаннаго письма. Только разъ слышу, какъ хозяинъ говоритъ: «Слава Богу! развязался съ этой коровой, теперь ее и прогнать можно». Это меня-то! Такъ вотъ какъ,—подумала я,—онъ меня обманулъ, уѣхалъ, чтобы развязаться... А у меня будетъ его ребенокъ... Теперь мнѣ и совсѣмъ житья не было... Хозяинъ ругалъ по цѣлымъ днямъ, работать становилось все тяжелѣе... Уйти некуда — родить скоро придется... Денегъ хозяинъ не платилъ ни копейки... Еще ребенокъ не родился, а я ужъ думала, что не надо мнѣ его:—нѣтъ отца, не надо и ребенка...

Когда приблизились роды, она ушла въ сарай, и здѣсь, на соломѣ, родился ребенокъ. Она, еще слабая, схватила его и, обвернувъ шейку пучкомъ соломы, зарыла его тутъ же въ солому. Оправившись немного, она пошла работать, да и пить очень захотѣлось. Никто ее не навѣстилъ и даже воды не принесъ... Хозяинъ тотчасъ спросилъ, куда дѣвала ребенка, и пошелъ въ сарай, гдѣ и нашли полумертвое дитя. Помыли его, привели въ чувство и велѣли ей кормить. Она нѣсколько дней кормила, но однажды ночью схватила ребенка, нажала ему изо всей силы грудную клѣтку, переломила ее, и ребенка нашли утромъ мертвымъ. Хозяинъ на слѣдующій день объявилъ ее дѣтоубійцей, и такимъ образомъ она попала въ тюрьму.

На судѣ хозяинъ заявилъ, что она убила и перваго своего ребенка пяти лѣтъ. Это была наглая ложь, такъ какъ многіе знали, что тотъ ребенокъ умеръ отъ инфекціонной болѣзни. За двойное убійство ее приговорили къ пятнадцати годамъ въ каторгу. На судѣ она держалась спокойно, почти не защищалась и даже не сочла нужнымъ сказать, что хозяинъ не платилъ ей денегъ и постоянно преслѣдовалъ. Уже въ тюрьмѣ кто-то пожалѣлъ ее, научилъ подать жалобу на приговоръ суда и доказать свидѣтельскими показаніями, что

первый ребенокъ умеръ своею смертью. И дѣйствительно—она добилась того, что срокъ ея заключенія былъ сокращенъ до четырехъ лѣтъ.

Привезли по этапу молодую, красивую, чисто одѣтую еврейку. Это была душевно-больная. У нея былъ недавно женихъ, котораго она очень любила. Онъ постоянно говорилъ о скорой свадьбѣ, но какъ-то разъ потребовалъ, чтобы она отдалась ему, и даже пробовалъ употребить насиліе. Это такъ поразило дѣвушку, что разстроило всю нервную систему. Она постоянно твердила, что она—честная и никому не позволитъ себя тронуть...

Когда ее привели въ тюрьму, арестантки, уже деморализованныя безнравственнымъ начальникомъ тюрьмы, стали дразнить, бить душевно-больную и украли у нея шелковый платокъ. Главной вдохновительницей всѣхъ безобразій была дѣвушка-прислуга, убившая свою барыню, сидѣлицу винной лавки. Это было возмутительное по обстановкѣ, звѣрское убійство, взволновавшее всѣхъ. Эта женщина производила отталкивающее впечатлѣніе. Высокая, здоровая, съ глазами, которые поражали своимъ холоднымъ металлическимъ блескомъ. Отъ нея вѣяло какимъ-то бездушіемъ. Вѣроятно, съ такимъ же невозмутимымъ взоромъ она подняла топоръ на свою беззащитную, одинокую барыню. Эта-то убійца заслужила любовь и вниманіе начальника—арестантки называли ее «начальницей». Она, по его наущенію, постоянно скандалила, била стекла, изводила меня,—лишь бы попасть на ночь въ карцеръ на свиданіе съ начальникомъ. Она больше всѣхъ мучила упомянутую душевно-больную, которая, конечно, приходила въ ярость и страшно кричала. Начальникъ, которому эта еврейка, очевидно, приглянулась, велѣлъ запереть ее въ мужской карцеръ.

Вечеромъ я, послѣ повѣрки, заперла камеры, и, отдавъ ключи въ контору, ушла на свою квартиру.

Когда я пришла утромъ въ женское отдѣленіе, то увидѣла душевно-больную, забившуюся въ дальній уголъ коридора, растрепанную и съ почти оторваннымъ рукавомъ кофты.

Она злобно сверкнула на меня своими красивыми черными глазами, какъ затравленный звѣрекъ. Арестантки наперебой стали мнѣ разсказывать, что онѣ почти не спали. Ночью былъ страшный скандалъ. Начальникъ явился въ карцеръ и сталъ приставать съ любезностями къ душевно-больной, пробовалъ употребить насиліе. Между ними произошла борьба, еврейка вырвалась и, выбѣжавъ въ коридоръ, стала звонить изо всей силы. Поднялся переполохъ—всѣ проснулись, стали стучать въ двери камеръ, а начальникъ, на виду у всѣхъ надзирателей, ушелъ къ себѣ на квартиру.

Мнѣ было страшно жаль эту бѣдную женщину. Въ душѣ зародилась жажда вывести на чистую воду всѣ преступныя дѣйствія негодяя-начальника. Я хотѣла какъ-нибудь успокоить больную и предложила ей чай съ булкой.

Еврейка вскочила, какъ ужаленная.

— Убирайся вонъ съ твоимъ чаемъ! Я лучше буду голодать, лучше умру, но не возьму ничего отъ тебя... Всѣ вы тутъ дряни, и ты дрянь... Гдѣ ты была ночью? Съ этимъ рыжимъ чортомъ... онъ думалъ, что и я такая же дрянь, какъ всѣ вы... Нѣтъ! я честная дѣвушка—я убью его, если онъ еще придетъ... И ты дрянь... дрянь... не хочу твоего чаю,—кричала въ изступленiи несчастная дѣвушка.

Арестантки выбѣжали изъ камеръ и хотѣли бить ее.

— Мы ей покажемъ... Сама ты дрянь! Какъ ты смѣешь ругать нашу надзирательницу!

Но я быстро подскочила къ еврейкѣ, заслонила ее собой и, не помня себя, закричала:

— Маршъ всѣ въ камеру... не смѣйте трогать, а то я...

Арестантки одна за другой ушли въ камеры. Онѣ говорили, что я была страшна въ эту минуту—съ блѣднымъ, какъ смерть, искаженнымъ лицомъ. Такою онѣ меня еще не видѣли.

Я заперла арестантокъ по камерамъ и не выпускала ихъ весь день. А душевно-больная просидѣла въ углу коридора до вечера, не принимая никакой пищи и бросая мнѣ злобные взгляды.

Когда начальникъ явился на повѣрку и только показался въ коридорѣ, еврейка страшно вскрикнула и заметалась изъ угла въ уголъ.

— Ее надо на ночь посадить въ карцеръ,—замѣтилъ онъ мнѣ.

— За что? Ее не за что сажать въ карцеръ—она здѣсь никому не мѣшаетъ... Я буду сама смотрѣть за нею ночью.

Онъ нагло посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше.

Злобныя слезы душили меня. Я была такъ измучена всѣмъ происшедшимъ, такъ болѣла душой за ни въ чемъ неповинную жертву человѣческой разнузданности!.. Всю ночь я ходила по полутемному коридору женскаго отдѣленiя и обдумывала, какимъ образомъ и гдѣ я могла бы добиться правды, вывести на чистую воду все, что творится здѣсь. Чувство полнаго безсилiя принести какую-нибудь пользу дѣлу и этимъ несчастнымъ заключеннымъ привело меня къ мысли оставить службу. Я боролась $3^1/_2$ года, не щадя силъ и здоровья, и чего же я добилась? Во главѣ учрежденiя поставили разнузданное, лишенное человѣческаго образа животное, обратившее тюрьму въ какой-то вертепъ пьянства и разврата... Тюрьма была совершенно деморализована, имущество раскрадено, цейхгаузы были почти пустые... Но молчать я не могла—нужно было кричать объ этомъ, быть можетъ, кто-нибудь услышитъ.

На слѣдующiй день душевно-больную увезли по этапу дальше.

Я рѣшила отправиться сначала къ городскому священнику—вѣдь долженъ же онъ отстаивать правду и помочь мнѣ освѣтить этотъ темный, запущенный уголъ.

Священникъ выслушалъ меня внимательно, ахалъ и охалъ и въ концѣ концовъ посовѣтовалъ оставить все на милость Божью.

— Ничего не добьетесь, а только измучаетесь. Очевидно, у него есть протекція.—О, протекція! закутавшись въ ея мягкій, теплый плащъ, можно итти навстрѣчу всякимъ случайностямъ... смѣло, не останавливаясь ни передъ чѣмъ...

Я не повѣрила священнику и рѣшила отправиться къ предводителю дворянства....

Неужели и онъ боится протекціи?

Съ трудомъ добившись свиданія съ нимъ, я изложила все подробно, волнуясь и тяжело дыша.

— Да-съ!—отвѣтили мнѣ.—Дѣло вопіющее, но очень трудно что-либо сдѣлать. Вы не забудьте, что, вѣроятно, изъ свидѣтелей всѣхъ дѣйствій начальника никто на допросѣ не дастъ показаній противъ него. А вы одна ничего не докажете... И онъ еще обвинитъ васъ въ клеветѣ...

Оставалось только отдаться теченію событій и, положивъ весла, терпѣливо ждать, куда вынесетъ эта мутная, грязная волна.

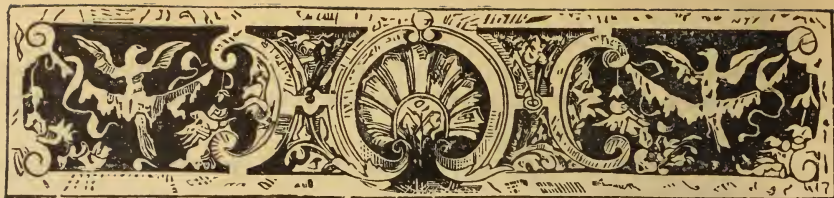
Жизнь въ тюрьмѣ стала невыносимой.

Преступныя дѣянія начальника очень скоро оказали свое дѣйствіе, и арестанты превратились въ стадо необузданныхъ звѣроподобныхъ существъ. Женщины дрались между собою чѣмъ попало до крови за честь въ видѣ свиданія въ карцерѣ съ начальникомъ. Все это такъ потрясло меня, что я слегла и, пролежавъ двѣ недѣли, оставила тюрьму навсегда.

Позже арестанты подали мотивированную, подробную жалобу на дѣйствія начальника. Мнѣ говорили, что и меня разыскивали, какъ свидѣтельницу, но мнѣ не суждено было еще разъ окунуться въ эту грязь. Слѣдствіе не привело ни къ чему,—не знаю, помогла ли тутъ пресловутая протекція, или батюшкина «милость Божія». Начальника перевели въ другую тюрьму, гдѣ онъ, вѣроятно, до сихъ поръ живетъ въ свое удовольствіе, завязывая романическія исторіи съ убійцами и насилуя душевно-больныхъ женщинъ.

Л. Я. К.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

ЮРІЙ Вадимовичъ Гончаревскій только что легъ въ постель и хотѣлъ затушить свѣчу на ночномъ столикѣ, когда вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней.

«Кто бы это такъ поздно?» подумалъ Гончаревскій и, приподнявшись на локтѣ, сталъ прислушиваться.

— Дома... но они уже спятъ,—донесся до Гончаревскаго тоненькій голосъ горничной.

И затѣмъ ея же слова:

— Хорошо... Я доложу!

Послышалось повертываніе ключа, скрипнула дверь, и въ передней раздался громкій, пріятный баритонъ: «Идите, я подожду въ столовой».

Гончаревскій узналъ голосъ пріятеля, Дмитрія Алексѣевича Окунева, петербургскаго писателя, застрявшаго въ Москвѣ вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки. Еще утромъ сегодня онъ былъ у Гончаревскаго, они вмѣстѣ завтракали и горячо спорили. Давнишніе друзья, представители прогрессивнаго направленія, они расходились въ частностяхъ и при каждой встрѣчѣ спорили съ азартомъ. Споръ кончался почти всегда одной и той же фразой со стороны Окунева:

— Мы оба бьемъ въ одну цѣль. Только ты вѣришь еще и въ то, во что я не вѣрю. Но это не бѣда. Твоя вѣра дѣлу не мѣшаетъ. Твоя вѣра—хорошая: въ ней любовь и свѣтъ. Ну, а частности... Эхъ, если бы можно было многое говорить прямо въ печати, я бы тебѣ доказалъ... пусть насъ судятъ другіе. Но—нельзя!

Почти такими же словами закончился и сегодняшній споръ.

Окуневъ—высокій, жгучій брюнетъ, съ легкой сѣдиной въ курчавыхъ волосахъ, «красавецъ-мужчина», какъ шутливо называлъ его Гончаревскій,—крѣпко пожалъ тонкую руку пріятеля и отправился на какое-то собраніе. Уже затворяя дверь, онъ кинулъ:

— Завтра, можетъ быть, на минуту заверну!

И вотъ вдругъ примчался въ часъ ночи.

«Что это? Не случилось ли чего ужаснаго?» подумалъ съ тревогой Гончаревскій и крикнулъ громко:

— Это ты, Дмитрій Алексѣевичъ?

— Вставай скорѣе! Будемъ христосоваться!—отозвался Окуневъ изъ столовой.

— Какъ христосоваться?—удивленно спросилъ Гурій Вадимовичъ и добавилъ:—Да иди сюда... говори: что такое случилось?

Тяжело ступая, Окуневъ вошелъ въ спальню, держа въ рукахъ какую-то бумажку. Отъ всей крупной, энергичной фигуры его вѣяло восторгомъ. Гончаревскій взглянулъ на него и сразу рѣшилъ: «Ничего ужаснаго... если и случилось, то что-нибудь хорошее».

И онъ промолвилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Что такое?

— Радуйся!.. Мы воскресли!—отвѣтилъ Окуневъ, стремительно обнявъ Гончаревскаго и поцѣловавъ его.

Гурій Вадимовичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на товарища.

— Свершилось то, чего никто не ожидалъ... такъ скоро, — сказалъ Окуневъ, присаживаясь на кровать и снова вскакивая съ нея.—Смотри!

Онъ подалъ пріятелю бумажку, мелко исписанную карандашомъ.

— Что это?—повторилъ Гончаревскій.

— Манифестъ! Я сейчасъ изъ редакціи: только что получена телеграмма текста манифеста. Читай!..

Гончаревскій дрожащими руками взялъ бумажку и сталъ читать. Онъ плохо разбиралъ и оттого, что написано было мелко, и отъ волненія, которое охватило его.

— Видишь,—проговорилъ Окуневъ:—свобода слова, собраній, союзовъ и на новыхъ началахъ дума... Развѣ не Пасха?

Гончаревскій взглянулъ на пріятеля и радостно воскликнулъ:

— Да! правда. Ну, слава Богу!

Они опять обнялись и поцѣловались.

— Теперь не то пойдетъ!—воскликнулъ Окуневъ:—теперь мы иначе будемъ писать!

— И спорить?—съ улыбкой спросилъ Гончаревскій.

— И спорить,—подтвердилъ Окуневъ.—Я тебѣ теперь все докажу. Теперь можно.

— Но моя вѣра хорошая?..

— Ее оставь. А вотъ о частностяхъ... О, какая наступаетъ ширь! Вотъ когда работать-то! Вотъ когда мы будемъ сильны!

Гончаревскій снова пробѣжалъ бумажку и промолвилъ:

— Погоди, Дмитрій! Тутъ: свобода слова, а не печати?

— Все равно! Это только...

— Недомолвка?

— Конечно! Ясно... Э, другъ, хорошо, что блеснула заря... Вставай! Есть у тебя вино?

— Найдется!

— Разопьемъ по бокалу! А тамъ я и полечу! Да, вотъ ночь-то... И все послѣ того, что было... Вѣдь чего еще ожидали... Хаосъ и вдругъ свѣтъ!.. Вставай!

— Пасхальная ночь?

— Именно!.. Говорю: христосоваться надо.

Гончаревскій быстро началъ одѣваться, перебрасываясь съ пріятелемъ отрывочными фразами.

— Значитъ, Дмитрій, ты будешь издавать газету?

— Непремѣнно. Теперь да не издавать. Не только стыдно, а прямо преступно.

Окуневъ схватился руками за голову и воскликнулъ:

— Господи, какой горизонтъ! Какая ширь!

— Только не сразу,—замѣтилъ Гончаревскій, надѣвая пиджакъ.

— Пусть такъ... но путь открытъ, двери отворены... заря блеснула... идетъ день... А утро...

И вдругъ, не кончивъ, Окуневъ крикнулъ:

— Паша! давай скорѣе вина!

Онъ направился въ столовую, гдѣ уже была зажжена лампа: электричество не горѣло. Вслѣдъ за пріятелемъ вошелъ и Гончаревскій.

— Видишь,—сказалъ онъ съ улыбкой:—еще полусвѣтъ!

— Да, но завтра загорится электричество,—перебилъ Окуневъ:—это несомнѣнно! То же и въ жизни... Это «завтра»—у порога. Оно уже фактъ!

— Ты заражаешься моей вѣрой,—сказалъ хозяинъ, опускаясь на оттоманку.

— Не совсѣмъ твоей... а впрочемъ... что же, какъ же иначе... я вѣрю! нѣтъ, точнѣе: я чувствую, я вижу, Гурій!

Окуневъ хлопнулъ по плечу пріятеля и дабавилъ:

— Гурій, до чего мы дожили? Думалъ ли ты, что доживешь до такого дня? Что ты будешь не обыватель, а гражданинъ, и станешь писать то, что хочешь, что никакая красная черта (ха-ха-ха... какая насмѣшка!) не исполосуетъ твоихъ черныхъ строкъ въ статьѣ.

И, не давъ отвѣтить пріятелю, онъ продолжалъ возбужденно:

— А помнишь, какъ мы работали въ «Вѣстникѣ»? Какъ насъ кастрировали? Какъ мы боялись слова «свобода»? Какъ мы... Эхъ, да что вспоминать сегодня о томъ, что прошло навсегда...

— Не кричи,—остановилъ его Гончаревскій.

— Отчего? Кого бояться?

— Не потому, а ты разбудишь сосѣдей. За стѣной спальня, тамъ маленькая дѣвочка.

Въ этотъ мигъ за стѣной раздался плачъ.

— Вотъ видишь—разбудилъ!

— Ничего! Это особенная ночь!

И Окуневъ крикнулъ, подходя къ стѣнѣ:

— Не плачь, гражданка! Ты рождена для свободы, ты увидишь ее! Нужно не плакать, а радоваться!

Плачъ смолкъ. Окуневъ захохоталъ.

— Видишь?—сказалъ онъ, обращаясь къ пріятелю:—она поняла. Э, друже!

— Ты, кажется, пьянъ отъ радости?

— Вѣрно! пьянъ, ничего не пивши. И какъ не опьянѣть, когда я могу проклянуть прошедшее...

— Зачѣмъ проклинать?—примирительно прервалъ его хозяинъ: забвеніе... забвеніе и прощеніе! Если сегодня Пасха, какъ ты сказалъ, такъ вѣдь тогда: «простимъ вся ненавидящимъ насъ». Знаешь?

— Да, это по твоей вѣрѣ!

— Развѣ она не хорошая? Развѣ это не любовь?

— Любовь, друже, любовь! но нельзя всего простить! И за кого простить? За себя? ну, за себя да, положимъ, а за другихъ? За всѣхъ погибшихъ? Господи! ты вѣдь, Гурій, помнишь Пельцева? Вѣдь онъ умеръ тамъ, далеко... а за что? За то, что сегодня считается фактомъ, что насъ сдѣлало счастливыми! И онъ теперь радовался бы, а онъ лежитъ въ землѣ, ничего не чувствуетъ, не можетъ ликовать съ нами. А вѣдь ему-то бы и надо радоваться, вѣдь онъ-то больше насъ съ тобою на это имѣетъ право. Это тяжело... Друже! я не чувствую злобы, нѣтъ! У меня нѣтъ въ сердцѣ для нея мѣста. Боже избави! Теперь не то время, не о томъ надо думать, но... тяжело, тяжело!

Голосъ Окунева дрогнулъ.

— Вѣдь и тебѣ жаль его, Гурій?

— Жаль!

И въ этомъ короткомъ отвѣтѣ сказалась вся сила скорби, которую чувствовалъ Гончаревскій.

Онъ добавилъ:

— Но я вѣдь не смотрю, какъ ты. Я вѣрю, что онъ и другіе отошедшіе сегодня, знаютъ о нашей радости и радуются вмѣстѣ съ нами.

— Милый мой!—воскликнулъ Окуневъ, кладя руку на плечо друга:—ты счастливѣе меня... многихъ насъ! И я хотѣлъ бы тебѣ вѣрить... и не могу. Но оставимъ это... Это не мѣшаетъ работѣ... а новая жизнь идетъ... и несетъ такъ много жгучихъ вопросовъ. Твоя вѣра свѣтлая, хорошая... и она не помѣшаетъ тебѣ работать съ нами?

— Конечно, если вы пойдете съ правдой, освященной моей вѣ-

рой... Да, моя вѣра не помѣшаетъ... а даже поможетъ не заблудиться на новой дорогѣ... Безъ моей вѣры легко потерять почву изъ-подъ ногъ и... попасть въ трясину, и тогда сегодняшняя радость можетъ обратиться въ печаль.

Вошла горничная и внесла бутылку вина и фрукты.

— Наливай, Гурій!

Въ этотъ мигъ послышался звонокъ.

— Это еще кто?

Гончаревскій самъ пошелъ отпирать дверь. Онъ отворилъ ее и въ изумленіи воскликнулъ:

— Кира Александровна! Голубушка! Вы какимъ образомъ?

— Мы...

— А! Милости-съ просимъ! — привѣтствовалъ Окуневъ, появляясь въ передней.—Знаете радость?

— Какъ же... сейчасъ узнала! Проходя мимо, увидала огонекъ... Надо, думаю, завернуть и сказать...

— Ура!—крикнулъ Окуневъ.—Чѣмъ больше, тѣмъ лучше и веселѣе!

Онъ помогалъ раздѣваться молодой дѣвушкѣ, спутникъ которой, плотный мѣшковатый блондинъ, медленно снималъ свое барашковое пальто.

— Вы откуда? Изъ собранія?—спросилъ Окуневъ.

— Нѣтъ, отъ Хлюстиныхъ... Рожденіе Марьи Ивановны.

— А тутъ рожденіе свободы! Съ одного праздника на другой! Пьемъ!

Окуневъ первый подошелъ къ столу и сталъ наливать бокалы.

— Вотъ неожиданный пиръ!.. Можно ли было предполагать?—говорила молодая дѣвушка, поправляя передъ зеркаломъ прическу.

— Да, дожили до Пасхи, Кира Александровна!—сказалъ Окуневъ.

— Послушайте,—перебилъ хозяинъ:—я схожу къ Полянскому... Онъ живетъ по этой же лѣстницѣ, этажомъ ниже. Если онъ не спитъ (а онъ ложится поздно), пусть съ нами встрѣтитъ праздникъ свободы слова!

— Отлично!—согласился Окуневъ.—Зови его!.. Но какъ его здоровье?

— Ничего... хотя слабъ уже.

— Зови... Полянскій ветеранъ... и милый человѣкъ.

— Вѣдь онъ очень уже старъ?—спросила Кира Александровна.

— Да, ему около семидесяти пяти!—отвѣтилъ Гончаревскій.

— Онъ весь въ прошломъ, — промолвилъ Окуневъ.—Но онъ не трупъ. Зови скорѣй его!..

Гончаревскій отправился къ Полянскому.

Было уже два часа ночи, а веселый пиръ продолжался. Полянскій—сѣдой, согбенный старикъ съ открытымъ умнымъ лицомъ, съ

глазами полными юношескаго огня, — сидѣлъ за столомъ на «предсѣдательскомъ мѣстѣ», по шутливому выраженію Окунева, и разсказывалъ изъ прошлаго, дѣлясь воспоминаніями и думами. Онъ говорилъ тихо, но тѣмъ милымъ голосомъ, который когда-то волновалъ слушателей. Много было скорбнаго, даже мрачнаго въ воспоминаніяхъ старца, бо̀льшую часть жизни «говорившаго съ респираторомъ», но не уставшаго взывать къ правдѣ и свѣту.

— И вы застали это время.—говорилъ Полянскій, обращаясь къ хозяину и Окуневу:—но вы все же не знали того, что̀ испытали мы до той поры, когда пронеслась струя свѣжаго воздуха и стало легче дышать...

— О, и мы вдосталь наговорились съ респираторомъ!—воскликнулъ Окуневъ.

— Да, да,—согласился старикъ, вздыхая:—но вы все же не испытали нашихъ мукъ... А вотъ...

— А вотъ дожили и да свѣтлаго дня... до возможности говорить безъ респиратора!—перебилъ Окуневъ, наливая бокалы... Пьемъ за свободное слово!

Всѣ чокнулись.

— Пью за собратьевъ, боровшихся за свободное слово! За живыхъ и мертвыхъ!—возгласилъ Окуневъ, поднимаясь.—Да будутъ они жить въ памяти народной! Да служатъ они намъ примѣромъ чистоты и стойкости!..

Опять всѣ чокнулись.

— Вы вѣдь хорошо знали Пельцева, Николай Семеновичъ?—произнесъ Гончаревскій, обращаясь къ Полянскому.

— Да,—отвѣтилъ старикъ, и голосъ его задрожалъ.—Я провожалъ его въ далекій путь, и онъ сказалъ мнѣ, прощаясь... пророчески сказалъ: «Я не увижу еще того, за что боролся... а ты, Никъ, увидишь... Я это чувствую»... И онъ оказался правъ...

Слезы блеснули на глазахъ Полянскаго и покатились по морщинистымъ щекамъ...

На минуту водворилось невольное молчаніе.

Николай Семеновичъ отеръ клѣтчатымъ платкомъ слезы и продолжалъ:

— Да, онъ оказался пророкомъ... Богъ судилъ мнѣ увидѣть этотъ день, далъ мнѣ это счастье...

— Вотъ теперь и вы будете говорить безъ респиратора,—замѣтила Кира Александровна.

Старикъ грустно улыбнулся.

— Мнѣ уже поздно,—сказалъ онъ:—я свое дѣло сдѣлалъ... Я—инвалидъ и не гожусь для битвы... это уже вашъ праздникъ, вамъ открытъ свободный путь, — продолжалъ Полянскій, обращаясь къ хозяину и Окуневу.

— И мы не юноши, Николай Семеновичъ!

— Да, но вы еще сильны... а моя пѣсенка спѣта.

— Но и васъ это радуетъ?

— Правда... и для меня Пасха, какъ выразились вы. Да! Но я, какъ Моисей, уже только взгляну на обѣтованную землю, а не войду въ нее... или, если уже пошло на библейскія сравненія,—я, какъ старецъ Симеонъ, благословляя наступающій день, скажу: «нынѣ отпущаеши»!

Глубокая тоска зазвучала въ голосѣ Полянскаго, и снова слезы увлажнили его глаза. Всѣмъ стало жаль его.

Произошло опять минутное молчаніе. Гончаревскій заговорилъ первый:

— Ну, что вы, Николай Семеновичъ!.. Вы будете помогать совѣтами молодымъ писателямъ... да и сами еще можете изрѣдка... никто не считаетъ васъ инвалидомъ.

Полянскій промолвилъ, покачавъ головой:

— Нѣтъ, моя пѣсня спѣта. Спасибо за пожеланія... Молодежь!.. Едва ли она захочетъ меня слушать. Вѣдь и при свободѣ мы во многомъ не сойдемся. Нѣтъ, мнѣ пора на покой... Идите и служите вы родинѣ свободнымъ словомъ... Но помните, друзья мои, что нельзя свое желаніе выдавать за желаніе всего народа... будьте и при свободѣ слугами, сынами родины, а не властелинами ея, не чужаками... Уважайте ея святыни... И помоги вамъ Богъ!

Старикъ не выдержалъ и заплакалъ. Доставая платокъ, онъ поднялся съ мѣста.

— Прощайте! Я сильно взволнованъ... Я пойду. Спасибо, что вспомнили старика и пригласили его на свой праздникъ... Спасибо!

— Погодите, Николай Семеновичъ!—перебилъ Окуневъ.—Мы пили, вообще, за работниковъ слова... но мы должны выпить за васъ...

Онъ налилъ вина, подошелъ къ Полянскому, подалъ ему бокалъ и, чокнувшись, поцѣловалъ старика. Потомъ, обратившись къ остальнымъ, воскликнулъ:

— За честнаго борца, за работника, за учителя и друга! За милаго, дорогого Николая Семеновича!.. Ура!

— Ура!—подхватили всѣ.

Полянскій чокался, цѣловался и растроганнымъ голосомъ благодарилъ всѣхъ. Онъ снова со всѣми облобызался и вышелъ изъ комнаты тихой поступью.

Гончаревскій пошелъ провожать его до квартиры.

— Славный старикъ!—сказалъ Гурій Вадимовичъ, вернувшись.

— Да, идеалистъ—промолвилъ Окуневъ.—Одряхлѣлъ, но не замеръ. Если бы всѣ были такіе старики... Жаль его... Но свѣтлый день, увы! дѣйствительно не для него.

Окуневъ поднялся.

— Я лечу!.. И засидѣлись же мы!.. Теперь уже придется прямо домой, въ «Лоскутную».

— И намъ пора!—сказала Кира Александровна.

Стали прощаться.

— Ты заглянешь ко мнѣ завтра?—спросилъ Гончаревскій у пріятеля.

— Завтра? Это уже сегодня!.. Не знаю! Если пойдутъ поѣзда, улечу въ Питеръ... Дѣла! Пріѣзжай къ намъ... Ну, до свиданія, Глѣбъ Ильичъ. Вы проводите до дому барышню?

Тотъ отвѣчалъ утвердительно кивкомъ головы.

Всѣ вышли за разъ.

Гончаревскій вернулся въ столовую. Ему не хотѣлось спать. Онъ присѣлъ къ столу, облокотился на его уголъ и задумался...

Мысли роились въ мозгу. Картины прошлаго одна за другою проносились въ памяти.

Часы на каминѣ пробили четыре раза. Ихъ бой вывелъ Гончаревскаго изъ раздумья.

— Однако, пора!—сказалъ онъ вслухъ и всталъ.

Паша уже спала.

Гурій Вадимовичъ самъ потушилъ лампу, прошелъ въ спальню и сталъ раздѣваться.

Опять мысли унеслись къ прошлому. Вспомнились тѣ борцы-писатели, что̀ сошли уже со сцены жизни.

«Какіе титаны были! невольно подумалъ онъ, уже ложась.— Пусть была ночь, но въ эту ночь боролись за свѣтъ могучіе люди... Свѣтъ теперь загорѣлся... Кто-то выступитъ далѣе? Кто приметъ на свои рамена новую ношу? Нужны силы... Да, внукъ Царя-Освободителя докончилъ дѣло дѣда: освободилъ печатное слово... Но эта свобода налагаетъ большія обязанности... Какое-то новое слово скажетъ свободный писатель?..»

«О!—воскликнулъ мысленно Гончаревскій: — они придутъ, работники мысли и слова... не оскудѣла русская земля... а дверь теперь отворена, какъ выразился Дмитрій... Надо быть благодарнымъ и... честно работать!.. Слава почившимъ и Богъ въ помощь живущимъ!..»

Онъ задумался о своихъ новыхъ работахъ. Есть намѣченныя... Ихъ нельзя было раньше выполнить, потому что приходилось говорить вполголоса... нельзя было рисовать картины надлежащими красками... А теперь...

Онъ замечтался и незамѣтно для себя уснулъ, когда уже начало разсвѣтать и заблаговѣстили на колокольнѣ ближайшей церкви.

А. В. К—въ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

1.

«Деревенскіе дѣльцы».

ВЪ ПРОСТОРНОЙ избѣ зажиточнаго крестьянина сельца Новаго, Алексѣя Ѳедоровича Скачка, только что вернувшагося изъ поѣздки въ городъ, сидѣлъ благообразный мужчина среднихъ лѣтъ, зять Скачка, швейцаръ, пріѣхавшій изъ Петербурга на побывку въ родную деревню.

Хозяинъ и зять его сидѣли за столомъ, на которомъ стоялъ ведерный самоваръ, пустая сороковка и связка баранокъ, нанизанныхъ на мочалку.

Выцѣдивъ изъ самовара кипятокъ до послѣдней капли и обтирая вспотѣвшія лица, собесѣдники продолжали начатый разговоръ.

— Да... это я и въ городѣ у Колобка въ трактирѣ слышалъ... Говорили, что теперь кажинный можетъ укрѣпить за себя свой надѣлъ, а укрѣпимшись—можетъ эфтотъ самый надѣлъ продать,—говорилъ хозяинъ.

— По закону это такъ!..—вставилъ швейцаръ.

— Вотъ, по закону-то я и говорю,—продолжалъ Скачокъ:—и таперь, значитъ, и для насъ выходитъ линія. Къ примѣру, возьмемъ хотя бы бережковскаго Юдина, али Софроныча... для че имъ надѣлы.. хозяйство бросили и только пьянствуютъ непутевые... Надо будетъ на дняхъ толкнуться къ нимъ, покеда изъ нашихъ кто не пронюхалъ.

Разговоръ этотъ велся вскорѣ послѣ изданія закона 9-го ноября.

— Позвольте, тятенька, вамъ доложить,—сказалъ почтительно зять.—Конечно, земля-то она землей, но тутъ можетъ выйтить другая коммерція. Вѣдь бережковскіе-то надѣлы намъ очинно хорошо извѣстны... землю-то надо хвалить-погодить, около нея походить да походить надо, запущена она ужъ очинно... Я вѣдь это говорю не для того, чтобы васъ отговаривать отъ покупки, а просто жалѣючи ваши преклонные годы, а вы очинно жадны на работу-то... А купить и я совѣтую... Купить надо безпремѣнно, но вотъ тутъ-то и загвоздка. Какъ, значитъ, купите, то перво-на-перво надо поклониться бережковскому обчеству примѣрно двумя хотя ведрами, да и просить купленную-то землю выдѣлить изъ черезполосицы къ одному, значитъ, мѣсту. Ладно... Потомъ, значитъ, какъ только отведутъ къ одному углу, сейчасъ прошеніе въ крестьянскую банку: такъ, молъ, и такъ, купилъ землю и желательно мнѣ распространить свое хозяйство: прикупить скота, ну, и все такое прочее... Аблакатъ въ городѣ знаетъ, что написать... Просить банку, чтобы она дала ссуду за эту землю. Если, къ примѣру, вы посулите Юдину, или тамъ другому кому изъ непутевыхъ, рублей по сту за надѣлъ, такъ они съ похмелья-то во какъ обрадуются. Теперь вы учтите... за четыре надѣла заплатите четыре сотенныхъ, ну, да на пропой обчеству рублей двадцать, нотаріусу тамъ да оцѣнщику на проѣздъ... Я такъ располагаю, что болѣе пяти Екатеринъ не изойдетъ. Купили вы эти четыре надѣла, а въ нихъ, вѣдь, въ кажинномъ по четыре съ половиною десятины, значитъ, во всѣхъ-то и всѣ восемнадцать десятинъ окажутся. Господинъ-то оцѣнщикъ осмотритъ и хучь земля и неважная, и все же обозначитъ ее не менѣе ста рублей за десятину, а банка-то выдастъ на худой конецъ по шести красныхъ... Это, значитъ, въ опчемъ преподнесутъ тыщу рублей, да еще восемьдесятъ...

— А процентъ-то платить?—вставилъ Скачокъ, внимательно слушая.

— Погодите, тятенька... дайте обсказать!.. Хорошо, получили вы изъ банки тыщу и ни гугу... Приходитъ срокъ проценту платить, а вы опять ни гу-гу... Сейчасъ эта банка вамъ повѣстку... за вами, молъ, Ляксѣй Θедоровичъ, недоимочка, и мы васъ обвяжемъ платить пеню. А вы опять притаились и молчокъ. Хорошо-съ. Подходитъ, значитъ, второй срокъ, и уже начинаютъ пугать, что землю мы-де продадимъ, а вы и ухомъ не ведете... Пущай продаютъ... Вамъ изъяну нѣту—купили вы за пятьсотъ, а получили тыщу съ хвостомъ...—закончилъ швейцаръ и сталъ крутить махорочную цыгарку.

— Ужъ и голова ты у меня Фролъ Θедосѣичъ,—сказалъ Скачокъ и любовно хлопнулъ по плечу зятя.

На другой день Скачокъ отправился въ сосѣднюю деревню Бережокъ, захвативъ съ собою каменнообразныя баранки и двѣ полубутылки казёнки.

Въ избѣ съ покосившимся потолкомъ и щелящимъ поломъ, по которому ползалъ, гоняясь за котенкомъ, сопливый мальчонка въ грязной рубашонкѣ, у русской печки хлопотала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Самого хозяина дома не было.

— Тятька дома?—спросилъ вошедшій Скачокъ, помолившись сперва на темную икону, висѣвшую въ переднемъ углу.

— Къ Софронычу пошелъ!—отвѣтила дѣвочка, продолжая возиться съ корчагой.

— Добѣги-ка, дѣвонька, да скажи: гость, молъ, по пути зашелъ.

Дѣвочка поставила корчагу на шестокъ, оправила платье и выбѣжала на улицу.

Не то съ сожалѣніемъ, не то съ пренебреженіемъ осматривалъ Скачокъ окружающую его обстановку. Покосившіяся окна съ разбитыми кое-гдѣ стёклами и заткнутыя въ этихъ мѣстахъ грязной рванью, шатающійся столъ, нѣсколько старыхъ глиняныхъ горшковъ, стоящихъ на полкѣ, и миріады таракановъ, проворно бѣгающихъ повсюду и по всѣмъ направленіямъ, возмущали чувства хозяйственнаго мужика.

— Ляксѣичу наше почтеніе!—сказалъ, входя, мужикъ цыганскаго типа, протягивая руку.

— Шёлъ, вишь, я въ волостное правленіе да присталъ маненько.. дай, думаю, зайду къ Юдину, отдохну чуточку,—сказалъ Скачокъ, пожимая руку Юдина.

— Что жъ, милости просимъ садиться,—сказалъ Юдинъ, указывая на мѣсто въ переднемъ углу:—только ужъ на угощеньи не обезсудьте—тонко, охъ, какъ тонко! Какъ, значитъ, побывшалась моя хозяйка, такъ нѣтъ тебѣ ни печёнаго, ни варенаго. И то думаю Таньку въ кусочки спосылать... А все Лександра... Взялъ онъ этто у меня запрошлый годъ землю въ аренду, какъ есть оба, значитъ, надѣла за четырнадцать рублей, задатку далъ, честь-честью, три рубля, ну, конешно, угостилъ сороковочкой, да съ тѣхъ-то съ самыхъ поръ и по сейчасъ не платитъ ни копеечки... Думаю въ судъ на него подать.

— Что судиться-то? Для че? Ты вотъ лучше эфту самую землю продай,—сказалъ Скачокъ.

— Да нешто можно?

— Теперь, значитъ, послѣ забастовки разрѣшили...

— Ой ли? Не врешь ли, дядя Ляксѣй?

— Почто врать? Сходи въ волость, благо близко, спроси... Писарь все обскажетъ.

— И впрямь сходить,—сказалъ раздумчиво Юдинъ, потирая съ похмелья свой лобъ и виски.—Сходить-то эфто плёвое дѣло, да только какой же это дуракъ у меня купитъ?—закончилъ онъ, посматривая въ окно на растрепанную голову и приплюснутое лицо, прижавшееся къ стеклу съ наружной стороны рамы, и, вглядѣвшись, призывнымъ жестомъ махнулъ рукой и громко сказалъ:

— Другъ! Софронычъ! Заходи къ намъ въ пріятную компанію.

Вошёлъ мозглявый мужичонка босикомъ, одѣтый въ грязную рубашку и разорванные штаны.

— Вамъ пріятную бесѣду и почтеніе сосѣду...—сказалъ вошедшій и, кривляясь, сѣлъ на лавку.

— Слышь-ко, Софронычъ, о чемъ доказываетъ Ляксѣичъ-то... Нынѣ, гритъ, землю-то продавать можно.

— Какую землю?—насторожился Софронычъ.

— Да, душевой-то надѣлъ... Только я такъ располагаю, что не найтить покупателевъ,—добавилъ Юдинъ, посматривая на Скачка.

— Коли не подорожиться, то какъ не найтить покупателевъ... Вотъ, къ примѣру, хучь меня взять... по сходственной цѣнѣ и я, пожалуй, не прочь купить,—сказалъ Скачокъ, вынимая изъ кармана принесенную съ собой водку.

Юдинъ и Софронычъ даже затряслись отъ пріятнаго ожиданія даровой выпивки.

— Захватилъ съ собой на дорожку... путина-то не близкая,—говорилъ Скачокъ, держа лѣвой рукой бутылку и ударяя ладонью правой руки по донышку сосуда. Пробка вылетѣла.

Юдинъ суетливо доставалъ изъ поставца чашки и разставилъ по одной предъ каждымъ изъ присутствующихъ.

Скачокъ съ осторожностью, чтобы зря не пролить ни одной капли, медленно разлилъ водку и предложилъ собесѣдникамъ. Трясущимися руками поднесли пьяницы ко рту казенное «добро» и, такъ сказать, процѣдили вино сквозь зубы.

Скачокъ помедлилъ наливать по второй.

— Такъ вотъ я и говорю,—началъ онъ, закупоривая бутылку:—если не дорого, значитъ, то и я, пожалуй, рискнулъ бы, да и купилъ бы... а деньги въ секундъ выложилъ бы на бочку,—закончилъ Скачокъ, ударяя рукою по столу и какъ бы дѣйствительно платя деньги.

— А почемъ положишь за надѣлъ?—спросилъ Софронычъ, скашивая глаза на водку.

— Ты, паря, помолчи!.. Нешто у тебя покупаютъ?—окрысился Юдинъ.

— Да, пожалуй, я и у обоихъ купилъ бы... А по сколько положить? Если, значитъ, считать по божецки, дамъ я по полсотнѣ за надѣлъ,—говорилъ Скачокъ, пристально смотря на свои руки, въ которыхъ держалъ сломанную баранку.

— А не дешево будетъ?

— Сами глядите... Вашъ товаръ... Ну, учитывай,—обратился онъ къ Юдину:—сдалъ ты Лександру оба надѣла за четырнадцать, значитъ, по семь рублей за кажинный, да и тѣхъ онъ тебѣ не платитъ... а я-то даю тебѣ за разъ, какъ бы за семь лѣтъ впередъ... Ну, да ладно... мы вашей цѣны не слышали... объявляй! Самъ хозяинъ, ну, и назначай цѣну.

— По сотнѣ дашь?—спросилъ неувѣренно Юдинъ.

— Охъ! И засидѣлся же я съ вами,—сказалъ Скачокъ, вставая и пряча бутылку въ карманъ:—пойтить засвѣтло, а то и старшину не застанешь,—вылѣзая бокомъ изъ-за стола, продолжалъ Скачокъ.

— Эвона... версты не будетъ до волости-то.

— Не торопись, Ляксѣичъ, посиди, поспѣешь... Садись, поговоримъ толкомъ,—говорилъ Юдинъ, опасаясь упустить водку.

— Да развѣ съ вами столкуешь? Экъ тоже... нако... заворотилъ тоже по сотельной... нѣтъ, ты объявляй настоящій спросъ...

— Ну, ладно... пятерку скостимъ

— Жирно, паря, будетъ, а вотъ, значитъ, послѣднее слово—восемьдесятъ рублей... и давай Богу молиться.

Пріятели переглянулись.

— А задатокъ дашь?—спросилъ Софронычъ.

— Ну, знамо дѣло... какъ укрѣпите надѣлы подъ себя, такъ по синенькой аль по красненькой на носъ и отвалю, ну, а теперь на обоихъ при старшинѣ дамъ трешку.

— Идетъ! Наливай!—заговорилъ оживленно Юдинъ.

Бутылки опустѣли.

Отдавъ баранки дѣвочкѣ Танѣ, Скачокъ, въ сопровожденіи пріятелей, отправился въ волость. Энское волостное правленіе помѣщалось въ старомъ двухъэтажномъ домѣ, принадлежавшемъ волостному старшинѣ Ѳедору Романовичу Романову. Въ верхнемъ этажѣ было «присутствіе», комната для пріѣзжающихъ чиновниковъ, свидѣтельская и кухня. Въ кухнѣ жилъ сторожъ, отставной солдатъ Финогеичъ, спеціалистъ по части тѣлеснаго наказанія приговариваемыхъ волостнымъ судомъ къ сему исправительному наказанію.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась лавка, а рядомъ съ нею—«холодная», въ которой за маловажныя упущенія отсиживали старосты и другіе провинившіеся крестьяне.

Въ «присутствіи» засѣдалъ волостной судъ.

Предъ судейскимъ столомъ, обтянутымъ зеленою клеёнкою, стоялъ лавочникъ изъ сосѣдняго села, одѣтый въ сибирку синяго сукна, и краснымъ платкомъ обтиралъ потное лицо, держа въ другой рукѣ растрепанную счетную книгу.

— Ну, Краюшкинъ, выкладывай,—сказалъ председатель суда, обращаясь къ лавочнику.

— Такъ что я, значитъ, по своей душевной добротѣ и милостивому снисхожденію довѣряю ему, а ёнъ замѣсто благодарности и не думаетъ платить. А намнясь увидѣлъ около своего огорода маво борова, да и съѣздилъ его коломъ—эфто за мою-то доброту, господа, милостивые судьи?!. Учтите теперь: безъ семитки набралъ на пять съ полтиной и ни шиша. Вѣдь, если всѣ будутъ такъ дѣлать, то и купцу придется безъ портокъ ходить. Нѣтъ, говорю, шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь—я вѣдь и до суда дойду...

— Довольно!—остановилъ предсѣдатель.

— Михайло! а ты что скажешь?—обратился предсѣдатель къ угрюмому мужику, стоявшему рядомъ съ лавочникомъ.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ, такъ и передъ вами, поштенные судьи... все-то я ему отдалъ до копеечки. Какъ лёнъ продалъ, такъ тогды и отдалъ.

— А книга-то на что, вотъ она, книга-то, не ты ль тогда кресты самъ подъ счетомъ ставилъ...—подставляя книгу судьямъ, перебилъ Краюшкинъ...

— Ты книгой-то намъ не тычь... Погоди маненько... кажинному свой чередъ,—остановилъ предсѣдатель расходившагося лавочника.

— Такъ вотъ какъ же, Михайло?.. вотъ онъ говоритъ, что ты и кресты самъ ставилъ?

— Эфто правильно онъ обозначаетъ, кресты я самъ ставилъ... да когда ставилъ-то?—послѣ сѣнокоса, а долгъ-то я отдалъ въ самый Покровъ Пресвятой Богородицы. Какъ, лёнъ продамши, изъ города вернулся, такъ, значитъ, къ нему и пошелъ. Еще обождать малость пришлось. Юдинъ съ Софронычемъ ему платокъ матерчатый закладывали, ну, я пообождалъ да при нихъ ему и деньги всѣ заплатилъ,—закончилъ Михайло и потупился.

— Напиши повѣстки Юдину и Софронычу для явки къ намъ на слѣдующее засѣданіе,—приказалъ предсѣдатель, обращаясь къ волостному писарю.

— Не для че и писать... они тутъ внизу со Скачкомъ валандаются,—вмѣшался Михайло.

Предсѣдатель распорядился позвать обоихъ пріятелей.

И Юдинъ и Софронычъ подтвердили показаніе Михайла.

Послѣ недолговременнаго совѣщанія предсѣдатель объявилъ резолюцію, по которой Краюшкину въ искѣ было отказано. Затѣмъ предсѣдатель закрылъ засѣданіе и, выйдя изъ-за стола, дружески поздоровался съ Краюшкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ трактиръ, находящійся черезъ улицу.

Въ тотъ же трактиръ пошли и Скачокъ съ Юдинымъ и Софронычемъ, которые сдѣлали старшинѣ соотвѣтствующее заявленіе объ укрѣпленіи за ними ихъ надѣловъ.

Подсѣвшій въ трактирѣ къ ихъ столику Михайло отъ себя поставилъ свидѣтелямъ сороковку и, выпивъ за компанію, уѣхалъ домой. Поздно вечеромъ этого же дня къ бревенчатому мостику, перекинутому чрезъ грязную канавку близъ сельца Бережокъ, подходили, пошатываясь и обнявшись, два друга и, ковыляя изъ стороны въ сторону, орали во все горло:

Далъ намъ батюшка
Лишь одинъ талантъ—силу крѣпкую.

И, не угодивъ на мостъ, оба свалились въ канаву, въ которой, обнявшись, спокойно проспали до утра.

Все произошло такъ, какъ предсказывалъ петербургскій швейцаръ.

Скачокъ землю купилъ, получилъ ссуду изъ банка и тотчасъ фиктивно продалъ свое движимое и недвижимое имущество своему зятю, взявъ съ него на соотвѣтствующую сумму вексель. Затѣмъ процентовъ не платилъ, и купленная земля была назначена въ продажу съ аукціоннаго торга, но, за неимѣніемъ покупателей, осталась за банкомъ. Слышно, что банкъ предполагаетъ послать управляющаго съ приличнымъ окладомъ жалованья для веденія на этой землѣ раціональнаго хозяйства. А вѣдь, пожалуй, и пошлетъ?!

Юдина и Софроныча видѣли на большой дороги поджидающими загулявшихъ крестьянъ, возвращающихся изъ города. А Танька, дочь Юдина, таская на рукахъ чуть не голаго братишку, ходитъ въ кусочки и вспоминаетъ то блаженное время, когда покойная ея мамка кормила ее мягкимъ хлѣбомъ. «Бывало, жрешь до отвала», шепчетъ она часто, прижимая братишку къ своему истощенному тѣлу.

II.

«Подкрѣпилъ подъ себя».

Стоялъ жаркій іюльскій день. Солнце повсюду бросало свои живительные лучи, а также и просушивало насквозь огуменное жирное сѣно, разбросанное по лугу за огородомъ. Сѣно пора было уже убирать и его убирали. По лугу, подхвативъ граблями большую охапку сѣна и поддерживая ее правою рукою, по направленію къ сѣнному сараю быстро ходили мужчина и женщина, а въ сараѣ, въ лубяной колясочкѣ, закрытой тонкой, чистой дерюгой отъ назойливыхъ слѣпней и мухъ, спалъ невиннымъ сномъ младенца новорожденный ребенокъ.

Убиравшіе сѣно въ сарай были мужъ и жена. Встрѣчаясь другъ съ другомъ при этой работѣ, они перекидывались отрывочными разговорами.

— Не окончимъ?!—не то вопросительно, не то утвердительно сказала молодуха Прасковья, взглядывая на мужа.

— Хошь разорвемся, а кончить надоть!—отвѣтилъ мужъ Силантій, внося послѣднюю охапку сѣна въ сарай.—Оно, конешно,—продолжалъ онъ:—эфтакая еще уйма осталась... Одинъ панкратьевскій клинъ чего стоитъ?! И то я думалъ Ваньку солдата на денекъ сопригласить, такъ вѣдь ёнъ зафратованъ, утрось ящо видѣлъ, какъ съ Хуторовъ за нимъ приходили, тоже и тамотко съ покосомъ тужатъ.

— Такъ какъ же быть-то?

— А такъ и быть: накормишь Васютку, да и айда опять на сѣнокосъ,—отвѣтилъ Силантій и сталъ править косу.

Прасковья осторожно вынула изъ колясочки проснувшагося ребенка и стала кормить грудью; а затѣмъ, перепеленавъ, снова уложила въ мягкую постельку. Взявъ свою косу, она не хуже мужика стала ловко водить по ней точиломъ, при чемъ визгъ, производимый точеніемъ косы, далеко разносился по окрестности.

Силантій былъ неотдѣленный и единственный сынъ крестьянина Степана Шилки и въ то время, когда Силантій съ женой усердно работалъ, самъ «большакъ», несмотря на рабочую пору, былъ пьянъ и, пятясь съ печки, искалъ ночью приступокъ лѣсенки, ведущей на печку, и, не найдя его, свалился на полъ избы.

Шилка былъ давно уже вдовецъ.

Когда была жива его жена, то хозяйство шло въ порядкѣ, но послѣ смерти работящей Акулины, оставившей ему девятилѣтняго сына Силашку, Шилка сдалъ многосемейному сосѣду въ аренду всю надѣльную землю, а «Силашку» каждую весну ставилъ въ подпаски вплоть до выпаденія снѣга. Самъ же отправлялся въ «коренную»—гонять унжаки и барки по теченію рѣки.

Получивъ осенью отъ хозяина сплава расчетъ, Шилка являлся въ деревню «навеселѣ» и затѣмъ изо дня въ день пилъ, какъ онъ говорилъ, «въ плепорцію». Сегодня же онъ, по особому случаю, «перепустилъ маненько».

Силашка по зимамъ ходилъ съ холщевою сумочкою по окрестнымъ деревнямъ «въ кусочки» и, какъ малый бродяжка, даже рѣдко ночевалъ дома, а ютился въ той избѣ, которая была на очереди для пріема странниковъ.

Такъ жилъ отецъ. Такъ воспитывался сынъ. Хотѣлъ было Силашка, по своей инціативѣ, поступить въ школу, но подумалъ о томъ: кто же кормить-то будетъ? Вѣдь въ кусочки-то «тогды ходить будетъ некогды»—разсуждалъ онъ и оставилъ свою затѣю.

Когда же ему минуло 14 лѣтъ, то онъ категорически заявилъ отцу, уходившему въ плаваніе, что «я, молъ, тятенька пасти скотину напредки не согласенъ... али вы возьмите меня съ собою въ коренные, али же я наймусь къ Хуторамъ въ работники...

Шилка даже и ротъ разинулъ отъ такой «прыткости». Отъ Силашки онъ никогда «супротивнаго» слова не слышалъ, а тутъ на... эфто, значитъ, задатокъ за пастушню мнѣ теперь не получить,—разсуждалъ разсерженный отецъ, а на Хуторахъ мнѣ за него никогда ничего не дадутъ... Значитъ, и сиди до навигаціи на похмелье!—послѣ такихъ соображеній хотѣлъ было дать трепку негодному Силашкѣ, но сынъ оттолкнулъ руку отца, дрожавшую отъ пьянства, и убѣжалъ на Хутора. У Хуторовъ, двухъ братьевъ крестьянъ, живущихъ не въ раздѣлѣ на землѣ, дарованной имъ отъ удѣла въ награду за окончаніе курса въ низшей сельско-хозяйственной школѣ, хозяйство велось образцовое: сѣвооборотъ былъ многопольный, кромѣ озимаго и яровыхъ хлѣбовъ, сѣялся клеверъ съ тимофеевой травой и была даже разведена хмелевая плантація .Вотъ въ такое-то

хозяйство поступилъ четырнадцатилѣтній Силантій и, постепенно пріучаясь, на 20-мъ году отъ роду изъ него выросъ трезвый ловкій работникъ, которымъ хозяева очень дорожили.

Въ это время у сосѣда, бравшаго въ аренду землю, принадлежавшую Шилкѣ, произошелъ семейный раздѣлъ и никто изъ раздѣлившихся не пожелалъ продолжать аренды.

Узнавъ объ этомъ, молодой парень Силантій рѣшилъ самъ обрабатывать отцовскій надѣлъ. Было его на три души, т. е. тринадцать съ половиною десятинъ.

Но, какъ «одинъ въ полѣ не воинъ», говоритъ русская пословица, то парень пришелъ къ тому заключенію, что на отца надежда плохая, а потому надо жениться!

Бродивши «въ кусочки», онъ иногда имѣлъ спутницею сиротку дѣвочку и такъ какъ она была года на три моложе Силашки, то онъ всегда и бралъ ее подъ свое покровительство, защищая отъ злющихъ деревенскихъ собакъ, набрасывающихся съ остервенѣніемъ на всѣхъ проѣзжающихъ и прохожихъ, а также не давалъ въ обиду и мальчикамъ, а иногда, схвативъ ее за руку, самъ удиралъ отъ какого-нибудь «безработнаго», высланнаго изъ столицы и пробиравшагося въ другую столицу и по дорогѣ желавшаго отнять даже отъ нищихъ ребятъ собранные ими «кусочки».

Въ то время, когда Силантій задумалъ вести свое хозяйство, эта дѣвочка, или, вѣрнѣе сказать, 17-лѣтняя Параша жила въ работницахъ на маслобойнѣ-сыроварнѣ. Мѣсто было хорошее, но Параша думала «отойтить», такъ какъ ей проходу не давалъ помощникъ мастера-сыровара своимъ ухаживаніемъ. Надумавъ обзавестись своимъ домомъ, Силантій отправился на эту сыроварню, отыскалъ на скотномъ дворѣ Парашу, которая одна замѣшкалась вслѣдствіе того, что доимая ею холмогорская корова требовала усиленнаго выдаиванія, подошелъ къ дѣвушкѣ и безъ дальнихъ околичностей спросилъ:

— Параня! Хошь за меня замужъ иттить?

Параша закраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Изъ всѣхъ видѣнныхъ ею парней нравился ей больше всѣхъ Силантій. И во снѣ-то она часто его видѣла, «а тутъ вотъ оно... не даромъ, эфто, я сонъ-отъ видѣла, быдто наша бурёнка отелилась», думала дѣвушка, закрывая одною рукою свое лицо, а другою продолжая держать вымя не выдоенной холмогорки.

— Ну, что же скажешь?—сказалъ Силантій, присаживаясь на корточки и любовно отнимая руку Параши, закрывавшую ея лицо.

Параша безъ словъ склонила голову на плечо своего сужёнаго.

— Одначе мнѣ некогды! Надо-ть на погостъ сбѣгать, отца Лександру упредить: такъ, молъ, и такъ, желаемъ, значитъ, сочетаться законнымъ бракомъ! Въ волость тоже надо смахать—пусть писарь выхѣритъ арендный договоръ, ну, да тамъ и ащо иное-прочее. А ты, Параня, ступай въ «Думново» къ моей теткѣ, значитъ. Тамъ ты

промежъ ейныхъ дочекъ и будешь оставаться до вѣнца. А я ужо забѣгу—принесу деньжонокъ, чтобы, значитъ, тетка Палагея тебѣ бы справила все въ акуратѣ...

Тутъ онъ всталъ и крѣпко поцѣловалъ свою невѣсту.

Уговорившись съ священникомъ о вознагражденіи за свадьбу, окончивъ дѣла въ волостномъ правленіи, онъ забѣжалъ домой, желая сообщить отцу о принятомъ имъ рѣшеніи, но сообщить было некому, такъ какъ отецъ, по обыкновенію, былъ пьянъ.

Горько вздохнувъ, онъ что есть духу побѣжалъ въ деревню Думново, гдѣ проживала его тетка вдова Пелагея съ двумя дочерьми-невѣстами.

— Эфто ты умненько надумалъ,—сказала Пелагея, когда племянникъ, войдя въ избу, «истово» помолился въ передній уголъ, въ которомъ находились старинныя иконы съ заткнутыми за ними высохшими пучками вербъ и висящей лампадкой.

— Садись, садись, желанный... Кабы свѣтъ-то Акулинушка, мать-то родная, жива-то была, какъ бы она-то обрадовалась бы. Ну, да ейная душенька, царство ей небесное, теперя, навѣрно, около насъ пòрхаетъ... Такъ вотъ я и говорю, умёнъ ты у меня, племяшъ, эфтакую дѣвку отыскалъ! А коли она безприданница, то ейныя руки дороже золота; въ округѣ-то, небось, никто ее не охàетъ—король дѣвка!..

— Знамо король!—согласился Силантій и, вынувъ изъ «заголенища» кожаный кошель на вздержкахъ, высыпалъ изъ него на столъ деньги.

— Вотъ тутъ, теточка Палагея, полсотни рублей, такъ вы, значитъ, сдѣлайте имъ распорядокъ, чтобы все въ акуратѣ было, а на свадьбу у меня особо есть, да еще въ городѣ на книжкѣ лежитъ двѣ сотни..: я, вѣдь, отъ Хуторовъ-то что получалъ, все туды складывалъ... Вотъ, думаю, лошадушку да коровку куплю. Эфто ужъ опосля—вмѣстяхъ съ Параней!..—закончилъ онъ.

— Я думаю. тепломатъ ей тоже надыть?—спросила тетка.

— Нѣ—погодьте... Маненько оправимся, тогды и тепломатъ заведемъ, а теперь что тамъ требоваетъся изъ бѣльишка, тоже сарафаны немудрящіе... Вѣдь у насъ, тетенька, и въ избѣ-то хушь шаромъ покати: квашни и той нѣтъ! Вотъ вы эфто и учтите. Родитель-то все сволокъ къ Ивану Елкину,—грустно добавилъ онъ.

— Ладно ужъ, Силантьюшка, постараюсь, ровно какъ бы для себя самой—все справлю и благословлю Параню подъ вѣнецъ замѣсто матери,—говорила Пелагея, собирая деньги со стола и прощаясь съ уходившимъ племянникомъ.

— И дѣвушникъ справимъ... эфто ужъ я отъ себя какъ быдто,—закончила она, выходя на крыльцо проводить любимаго племянника.

Пелагея овдовѣла только годъ тому назадъ, а то она давно взяла бы въ свою семью малолѣтняго Силашку, но при жизни ея «большака» она не осмѣливалась объ этомъ и заикнуться предъ мужемъ.

Сыграли свадьбу. Шилка-отецъ сначала было заартачился, говоря, что Силашка ащо не въ совершенныхъ годахъ и что ёнъ, какъ родитель, запрещаетъ жениться на нищей, но обѣщанная ему красная бумажка, изъ которой было вручено въ задатокъ три рубля, мигомъ его успокоила, и онъ пошелъ пропивать «пастушёнка», какъ онъ всегда называлъ своего сына.

Съ первыхъ же дней послѣ свадьбы молодые ретиво запряглись въ работу. Облюбовали и купили не одну лошадь, а двѣ, а вмѣсто дойной коровы купили «лѣтошницу», отъ которой къ слѣдующему празднику Рождества Христова ожидался теленокъ.

На паровое поле вывезли навозъ, запахали, заборонили. Засѣяли овесъ и принялись за сѣнокосъ, при чемъ на косьбу прихватили на первый разъ поденщиковъ; затѣмъ засѣяли рожь къ слѣдующему году. И все-то у нихъ «спорилось». Всякая работа шла одна за другой, какъ заведенная исправная машина.

Шилка-отецъ не вмѣшивался и только акуратно приходилъ къ обѣду и ужину. Въ «коренные» его уже не брали за пьянство, и онъ путался безъ всякаго дѣла. Иногда копалъ червей для гимназиста, пріѣхавшаго на каникулы въ сосѣднюю барскую усадьбу, большого любителя рыбной ловли, или же въ рѣдкіе трезвые дни ставилъ западни для птицъ, и вообще настоящимъ крестьянскимъ дѣломъ не занимался.

Перезимовали. Силантій и его молодуха на парѣ своихъ мохнатыхъ коньковъ подрядились отъ «жида» возить дрова на станцію изъ лѣса, купленнаго евреемъ у разоряющагося помѣщика за треть стоимости. На этомъ извозѣ новобрачные заработали порядочно и могли положить на книжку.

Кажется, и жить бы имъ да поживать да радоваться на растущаго не по днямъ, а по часамъ «крѣпыша сынишку», но... безъ этого «но» нынѣ и въ деревнѣ ужъ не обходятся. Возвращаясь съ покоса въ тотъ вечеръ, съ котораго начался разсказъ, Силантій и Параня встрѣтили шорника, который, переходя изъ деревни въ деревню, работалъ по своему ремеслу.

Завидя идущихъ ему навстрѣчу, шорникъ спросилъ, не надо ли какихъ передѣлокъ въ хомутахъ, аль чего тамъ другого—може и новую сбрую надоть...

— Не надо!—сказалъ Силантій, снимая шапку въ отвѣтъ на привѣтствія шорника.

— Да! Пожалуй, что вамъ теперь энтаго и ничего будетъ не надо-ть,—сказалъ шорникъ.—Коней-отъ вы продадите... а вотъ я коровёнку-то вашу, пожалуй бы, и купилъ, если не подорожитесь!..

— Да Господь съ тобой! Мы и не думаемъ продавать...

— А для че держать-то будете? Батька твой вчера въ волости землю-то всю цѣликомъ Финогенычу продалъ. Укрѣпился-то онъ уже недѣли двѣ тому назадъ, а вчера и купчую писали. Я такъ полагаю, что онъ поди сёдни съ радости вдрызгъ пьянъ?!

Силантій опрометью бросился въ избу. Шилка сидѣлъ, покачиваясь на лавкѣ, и, желая опохмелиться, держалъ сороковку, но дрожавшія руки его не слушались и онъ никакъ не могъ ладонью правой руки ударить по донышку бутылки, чтобы вылетѣла пробка. Дрожащія руки дѣлали все промахи.

Въ этотъ моментъ вбѣжалъ Силантій.

— Тятька! Правду ль шорникъ баитъ, что быдто ты земельный надѣлъ подкрѣпилъ подъ себя, а вчера продалъ Финогенычу?— спросилъ сынъ, тяжело дыша.

— А ну тя въ болото... Помѣшалъ только... Вишь, дѣломъ займаюсь, а ты съ пустякамъ лѣзешь!

Силантій выхватилъ бутылку и, наступая на отца, крикнулъ:

— Говори! А не то...

— А ты отдашь бутылку?—въ свою очередь, спросилъ пьяница.

— Скажешь—такъ отдамъ!—сказалъ Силантій, въ изнеможеніи садясь на лавку.

— Эфто вѣрно... Какъ, значитъ, слѣдственно по ноябрьскому закону перва укрѣпился, а апосля и къ Финогенычу вкупился... Ну!.. Ну! давай-отъ бутылку-то. Чего башку-то повѣсилъ?

Силантій сидѣлъ не шевелясь. Прошло нѣсколько минутъ. Въ избу вошла Параня и внесла на рукахъ спящаго Васютку и положила на кровать, покрытую одѣяломъ, сшитымъ изъ разнообразныхъ лоскутковъ ситцу. Силантій вышелъ на дворъ, вывелъ лошадь и, вскочивъ, поскакалъ въ городъ, гдѣ жилъ земскій начальникъ. Вемскій начальникъ былъ въ разъѣздахъ, а младшій помощникъ письмоводителя объяснилъ Силантію, что отецъ его имѣлъ право укрѣпить за собою всю землю, которою онъ владѣлъ со времени послѣдняго передѣла, и затѣмъ уже, какъ собственникъ, могъ продать землю кому угодно изъ лицъ крестьянскаго сословія, а такъ какъ Финогенычъ хотя и торгуетъ въ лавкѣ, но крестьянинъ, «а потому сдѣлка совершена правильно и апелляціи не подлежитъ!»— закончилъ писарь глубокомысленно топомъ присяжнаго повѣреннаго.

Силантій и Параня живутъ въ работникахъ у Финогеныча и обрабатываютъ землю, когда-то принадлежавшую предкамъ Силантія.

Подумывалъ было Силантій выкупить, но Финогенычъ заломилъ несообразную цѣну, а тотъ же писарь въ камерѣ земскаго начальника объяснилъ Силантію, что «вотъ гг. дворянамъ разрѣшается выкупать родовыя имѣнія въ теченіе 3 лѣтъ со дня продажи... на, вонъ, смотри ст. 1363 X тома «Свода законовъ», а про крестьянъ-то въ ноябрьскій законъ въ думѣ не поспѣли включить», закончилъ онъ, захлопывая съ трескомъ книгу десятаго тома.

Д. Перскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА (ВИЛЕНСКАГО).

(Изъ прошлаго).

I.

Въ 1904 ГОДУ въ одной изъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ печатались воспоминанія С. И. Плаксина о шестидесятыхъ годахъ, во 2-ой главѣ которыхъ говорится о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, начальникѣ Сѣверо-Западнаго края, и его, якобы, враждебныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, свѣтлѣйшему князю А. А. Суворову, внуку великаго полководца, причемъ г. Плаксинъ приводитъ отвѣтъ Муравьева князю Суворову на вопросъ послѣдняго: «не родственникъ ли онъ повѣшенному декабристу Муравьеву?»

— Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые сами вѣшаютъ!

Насколько исторически правдивъ этотъ извѣстный анекдотъ, не знаю, достовѣрно лишь то, что за Муравьевымъ въ то время твердо установилась репутація суроваго и безпощаднаго администратора, получившаго среди поляковъ прозвище «Муравьева висѣльника».

Затѣмъ въ январской книжкѣ текущаго года «Историческаго Вѣстника» помѣщено начало «Воспоминаній шестидесятника» Н. Н. Фирсова (Л. Рускина), въ которыхъ также затрагивается въ связи съ характеристикой свѣтлѣйшаго князя Суворова вопросъ о его враждѣ съ Муравьевымъ на почвѣ безпощадности послѣдняго.

Однако безпристрастныя историческія разслѣдованія документовъ той эпохи и большинство воспоминаній современниковъ графа,

служившихъ съ нимъ, далеко не подтверждаютъ правильности такого суроваго приговора надъ Муравьевымъ и доказываютъ всю пристрастность даннаго ему эпитета «висѣльника».

Отецъ мой, служившій въ гвардіи и дѣлавшій въ то время вмѣстѣ со своимъ полкомъ походъ въ Польшу для усмиренія мятежа, лично хорошо зналъ графа Муравьева, который предлагалъ ему перейти къ нему на службу въ Вильну, но отецъ мой отказался отъ этого предложенія, не желая оставлять свой полкъ и мѣнять военную службу на административную. По мнѣнію моего отца, подтверждаемому многими другими историческими воспоминаніями, графъ Михаилъ Николаевичъ далеко не былъ въ дѣйствительности такимъ жестокимъ человѣкомъ, какимъ его рисовали поляки, да и многіе русскіе; онъ обладалъ лишь твердымъ характеромъ и не менѣе твердо держался разъ навсегда выработанныхъ принциповъ. Принявъ на себя передъ государемъ тяжелую обязанность усмирить мятежъ, который и разроссся лишь благодаря неустойчивой и шаткой политикѣ правителей края до Муравьева, графъ выполнилъ свою задачу и быстро, и, какъ это ни покажется страннымъ, съ гораздо меньшими жертвами (въ смыслѣ казней), нежели его слабые предшественники, какъ, напримѣръ, слабовольный и ни на что въ сущности не способный генералъ Потаповъ, при которомъ число политическихъ казней было гораздо больше, чѣмъ при Муравьевѣ.

Дѣло въ томъ, что всѣ они послѣ принятія крутыхъ мѣръ (до смертныхъ казней включительно) опять ослабляли поводья, дѣлали уступки, которыя принимались за слабость правительства и усиливали тѣмъ только броженіе, что принуждало власть вновь обращаться къ репрессивнымъ мѣрамъ. Справедливость сказаннаго подтверждается историческими данными, и если судить лишь по числу казненныхъ, то эпитетъ «висѣльника» скорѣе можно отнести къ предшествовавшимъ Муравьеву администраторамъ Сѣверо-Западнаго края, но ужъ никакъ не къ графу Михаилу Николаевичу.

II.

И г. Плаксинъ и г. Фирсовъ говорятъ, что князь Суворовъ былъ заклятымъ врагомъ графа Муравьева. Позволю себѣ не совсѣмъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и вотъ почему. По словамъ отца моего, лично хорошо знавшаго обоихъ администраторовъ, и по другимъ печатнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ былъ добрѣйшей души человѣкъ, неспособный лично ни на что дурное, но притомъ обладалъ полнымъ отсутствіемъ характера и твердыхъ политическихъ взглядовъ. Онъ никому не умѣлъ отказывать въ просьбѣ, и въ тогдашнемъ петербургскомъ «свѣтѣ» отлично это знали и просто не давали ему прохода съ раз-

наго рода ходатайствами. Зналъ эту слабость князя и Муравьевъ и во время своего генералъ-губернаторства въ Вильнѣ постоянно получалъ отъ него многочисленныя и слезныя ходатайства за того или другого поляка, уличеннаго въ преступныхъ сношеніяхъ съ повстанцами, но принадлежавшаго къ высшему польскому обществу и имѣвшаго связи при дворѣ..

Эпизодъ, переданный г. Фирсовымъ въ своихъ воспоминаніяхъ о запросѣ Суворовымъ Муравьева по поводу просьбы послѣдняго арестовать кого-то въ Петербургѣ: «За что арестовывать?» произошелъ совершенно не такъ, какъ передаетъ г. Фирсовъ, и въ своемъ настоящемъ видѣ представляетъ дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, въ пользу графа Муравьева, и нисколько не подтверждаетъ враждебныхъ отношеній этихъ двухъ лицъ. Разсказъ этотъ я слышалъ отъ отца своего и хочу привести его здѣсь, какъ характеристику и князя Суворова, и графа Муравьева, и существовавшихъ между ними далеко не враждебныхъ отношеній. Муравьевъ уважалъ князя, какъ честнаго человѣка, но зналъ хорошо его слабость къ всевозможнымъ заступничествамъ, и... il ne le prenait pas au sérieux, какъ говорится.

Въ Вильнѣ попался Муравьеву какой-то польскій магнатъ, уличенный въ важномъ содѣйствіи мятежу, но дѣйствовавшій тайно, подъ наружной личиной доброжелательности къ Россіи и вѣрности государю. Муравьевъ предалъ его военному суду и для назиданія другимъ рѣшилъ повѣсить. У арестованнаго была въ Петербургѣ родственница, состоявшая фрейлиной при государынѣ, которая и обратилась къ князю Суворову, прося его ходатайства передъ государемъ о смягченіи участи своего дяди. Мой отецъ передавалъ мнѣ и фамиліи обоихъ, но я тогда не записалъ ихъ, а теперь забылъ и боюсь спутать, да это и не важно... Почему эта фрейлина обратилась именно къ князю Суворову, а не лично къ императрицѣ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что государь, возмущенный вѣроломствомъ поляковъ, имѣвшихъ связи и при дворѣ, рѣшительно воспретилъ членамъ царской семьи обращаться къ нему съ какими-либо ходатайствами за возставшихъ.

Князь же Суворовъ, къ которому государь относился хотя и милостиво, но также зналъ его слабую сторону просить за всѣхъ и за все, зачастую безъ основательныхъ данныхъ, ввиду серьезности случая, рѣшилъ, вопреки своему обыкновенію, на этотъ разъ запастись серьезными аргументами передъ докладомъ государю ходатайства фрейлины X. и запросилъ Муравьева о преступленіяхъ, содѣянныхъ ея дядей, въ чемъ обвиняется, и пр. и пр.

Такая подробная и необыкновенная для Суворова форма запроса, къ которой Муравьевъ не привыкъ, удивила послѣдняго и заставила улыбнуться. Съ другой стороны, онъ не любилъ, чтобы изъ Петербурга вмѣшивались въ дѣла его управленія Сѣверо-Западнымъ

краемъ и тѣмъ парализовали плоды его дѣятельности, поэтому онъ попрежнему ne prenant pas au sérieux ходатайство князя и полушутливо отвѣтилъ ему лаконическимъ: «Отгадайте».

Пока, озадаченный этой депешей, князь «отгадывалъ», волновался, наводилъ справки, ходатайствовалъ въ Петербургѣ, въ Вильнѣ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, что только и требовалось Муравьеву.

Уже самый полушутливый тонъ, царившій въ перепискѣ между Суворовымъ и Муравьевымъ а таковая переписка сохранилась), указываетъ на характеръ нѣкоторой близости въ ихъ свѣтскихъ отношеніяхъ и дѣлаетъ апокрифическимъ въ извѣстномъ анекдотѣ вопросъ князя Суворова:

— Изъ какихъ вы Муравьевыхъ?

Оба они отлично знали свои дворянскія родословныя, принадлежа къ одному и тому же обществу.

Князь Суворовъ и не обижался на многочисленные отказы, получаемые имъ въ отвѣтъ на свои безчисленныя ходатайства, которыми были завалены чуть ли не всѣ вѣдомства тогдашнихъ годовъ и въ большинствѣ своемъ за разныхъ пройдохъ, казнокрадовъ и вообще недостойныхъ людей. Будучи добрымъ, но недалекимъ человѣкомъ, по словамъ современниковъ, онъ не умѣлъ относиться критически къ словамъ обращавшихся къ нему лицъ, принимая все на вѣру, а при отказахъ на свои ходатайства добродушно замѣчалъ:

— Вотъ подите, опять попался! За какого-то негодяя заставили просить... а я и не зналъ!

III.

А вотъ и другой разсказъ моего покойнаго отца, характеризующій графа Муравьева, какъ умнаго и твердаго администратора, у котораго чувство законности было сильно развито, и чуждаго какого бы то ни было проявленія самоволія или самодурства.

Приводимый случай мой отецъ слышалъ отъ самого участника эпизода, поляка по происхожденію, котораго уже во всякомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ благожелательномъ пристрастіи къ Муравьеву. Это нѣкій Яновскій, полковникъ въ отставкѣ, служившій впослѣдствіи по акцизному вѣдомству въ Орловской губерніи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ занималъ мѣсто уѣзднаго начальника въ Виленской губерніи и оставался въ этой должности и при графѣ Муравьевѣ, который не только не смѣстилъ его, чистокровнаго поляка, но цѣнилъ за работу, честность и вѣрность присягѣ.

Какъ-то разъ Муравьеву пришлось издать какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано.

Всѣ уѣздные начальники поспѣшили, разумѣется, безъ разговоровъ привести въ исполненіе данное имъ распоряженіе (еще бы смѣть противорѣчить и не исполнить предписанія грознаго генералъ-губернатора), кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ не считаетъ себя въ правѣ исполнить незаконное требованіе.

Черезъ нѣсколько дней всѣ уѣздные начальники были экстренно вызваны въ Вильну безъ объясненія причинъ и съ трепетомъ ожидали въ пріемной выхода графа, трепеща за свою судьбу и теряясь въ догадкахъ, чѣмъ они могли не угодить или прогнѣвать грознаго начальника края. Прошло нѣсколько часовъ томительнаго ожиданія, наконецъ дверь отворяется, и входитъ графъ, насупившись, съ характерными складками между бровями, дѣлавшими его и безъ того суровый взоръ еще болѣе суровымъ и грознымъ.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Смущенныя и трепещущія уѣздныя власти еще болѣе растерялись и еле-еле собрались съ силами, чтобы пролепетать:

— Нельзя, ваше сіятельство, нельзя...

Муравьевъ усмѣхнулся.

— Ну, такъ я покажу вамъ человѣка, который рѣшился на это.

Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи! сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой. Господи! пронеси мимо меня эту грозную тучу.

— Полковникъ Яновскій!—громко позвалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій, сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву. Ни капли смущенія нельзя было прочесть на его лицѣ.

— Вотъ онъ!—сказалъ Муравьевъ:—полюбуйтесь!

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ, по-вашему?

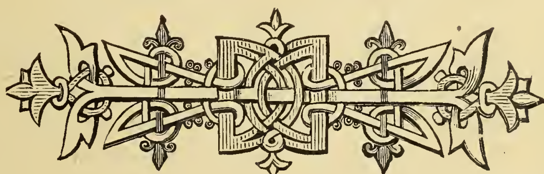
Уѣздные начальники облегченно вздохнули: горькая чаша минула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою продерзость; это его дѣло...

— Вы молчите? вы не знаете? Гмъ. Ну, такъ я самъ скажу вамъ. Полковникъ Яновскій! вашу руку (и съ этими словами Муравьевъ крѣпко жметъ ее своею). Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ! Вы указали мнѣ на мою ошибку (ошибаться всякій смертный можетъ) и не побоялись этого сдѣлать. Вы истинный слуга царю и отечеству и бережете свое начальство... Вотъ какъ надо служить, господа!

Я думаю, передавая эти воспоминанія, внести и свою скромную лепту въ сокровищницу исторіи той эпохи, очевидцы которой понемногу сходятъ со сцены. Воспоминанія очевидцевъ, хотя они и касались бы мелкихъ фактовъ, имѣютъ, несомнѣнно, свое значеніе; они дополняютъ и освѣщаютъ многіе факты, добытые историческими изслѣдованіями.

Надо надѣяться, что теперь, по истеченіи болѣе полувѣковой давности, сочиненная озлобленными въ то время поляками басня о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, какъ о «висѣльникѣ», отойдетъ въ область фантастическихъ апокрифовъ, гдѣ ей и мѣсто, а настоящій, могучій образъ этой крупной исторической личности получитъ наконецъ должную, правильную и справедливую оцѣнку.

В. Марковъ.

ПАВЕЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДАШКОВЪ.

(Характеристика и воспоминаніе).

НЕУМОЛИМАЯ смерть вырываетъ изъ рядовъ нашей общественной жизни одну жертву за другою, вырываетъ неожиданно, безпощадно. Не успѣли предать землѣ С. С. Боткина, профессора академіи, въ самый расцвѣтъ его жизни и дѣятельности, какъ газеты принесли извѣстіе о скоропостижной смерти его собрата по профессіи М. М. Шершевскаго, въ тотъ же день читающіе были оповѣщены тоже о скоропостижной кончинѣ П. Я. Дашкова, а черезъ два дня телеграфъ принесъ извѣстіе съ далекой среднеазіатской окраины о трагической смерти талантливой представительницы нашего театральнаго міра Вѣры Ѳедоровны Коммиссаржевской. Ударъ за ударомъ падаетъ на русское общество, лишая его выдающихся дарованій и замѣчательныхъ личностей. О Боткинѣ и Коммиссаржевской читатели найдутъ свѣдѣнія въ отдѣлѣ «Некрологовъ», М. М. Шершевскому въ текущей книгѣ посвящается особая статья; въ настоящемъ очеркѣ я скажу о П. Я. Дашковѣ, состоявшемъ другомъ «Историческаго Вѣстника» со дня его основанія и безъ просвѣщеннаго содѣйствія котораго было бы трудно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія журнала поставить его на надлежащую высоту въ отношеніи иллюстраціи, о чемъ и было публично засвидѣтельствовано С. Н. Шубинскимъ въ день 25-лѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника» въ декабрѣ 1904 г., на банкетѣ у Контана.

Да, для «Историческаго Вѣстника» и его редактора смерть Павла Яковлевича, тяжелая вообще по своей неожиданности, не-

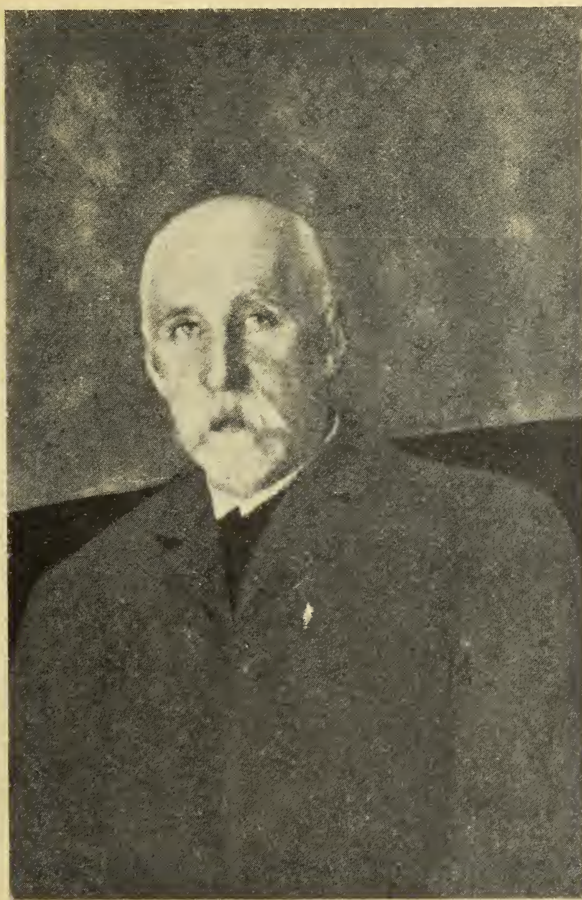
вознаградимая утрата: съ его именемъ отходитъ въ даль цѣлый журнальный періодъ, въ которомъ онъ игралъ извѣстную роль, какъ совѣтчикъ, другъ, какъ центръ, около котораго группировался кружокъ людей, полезныхъ историческому знанію своими значительными общественными связями. Еще такъ недавно по случаю 30-лѣтія журнала сотрудники «Историческаго Вѣстника», собравшись на товарищескую вечернюю трапезу въ «Маломъ Ярославцѣ», дружно поднимали бокалъ за здоровье отсутствовавшаго Павла Яковлевича, какъ уважаемаго и заслуженнаго члена журнальной семьи, и послали ему привѣтственную телеграмму; еще за нѣсколько дней всего до смерти пишущій настоящія строки посѣтилъ его и засталъ Дашкова, правда, нѣсколько какъ будто утомленнаго и съ налетомъ грусти на лицѣ, но все же далекаго по видимости отъ той печальной жизненной развязки, которая его 6 февраля постигла. Близкіе знакомые, видя за послѣднее время, что вѣчная жизнь «на людяхъ» его утомляетъ, принимая въ соображеніе, что возрастъ, въ который онъ вступилъ, не допускаетъ обилія пріемовъ посѣтителей съ безконечными бесѣдами съ ними на ихъ пользу и поученіе, что здоровье его за послѣднія пять лѣтъ нѣсколько сдалось и онъ начинаетъ прихварывать, по всѣмъ этимъ основаніямъ ему усиленно рекомендовали бо̀льшую заботу о себѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о сокращеніи этихъ пріемовъ. И самъ Дашковъ это прекрасно сознавалъ и еще минувшимъ лѣтомъ категорически заявилъ автору настоящей статьи, что двери его кабинета и столовой будутъ всего три раза въ недѣлю открыты для частей и посѣтителей, но... привычка, видимо, сильнѣе насъ: завертѣвшееся колесо столичной жизни съ начала осенняго сезона захватило своими спицами Павла Яковлевича, и темпъ его времяпрепровожденія остался прежній. Отсюда, несомнѣнно, ясно сказывавшееся въ немъ переутомленіе и, какъ окончательный финалъ таковаго,—скоропостижная кончина. Изъ русской дѣйствительности выбылъ превосходный представитель своей родины, горячо ее любившій, много ей послужившій и всѣми данными ему отъ природы силами содѣйствовавшій развитію ея просвѣщенія.

Родъ Дашковыхъ довольно древній, и лѣтописи исторіи впервые заносятъ упоминаніе объ одномъ изъ Дашковыхъ къ 1506 г., какъ выходцѣ изъ Великой Орды. Затѣмъ цѣлый рядъ Дашковыхъ числится въ XVII и XVIII столѣтіяхъ на тѣхъ или иныхъ должностяхъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, и, наконецъ, девятнадцатый вѣкъ выдвигаетъ двухъ Дашковыхъ—дѣда и отца Павла Яковлевича, какъ видныхъ представителей нашего дипломатическаго корпуса. Въ первую четверть этого столѣтія Андрей Яковлевичъ Дашковъ, женатый на баронессѣ Прейсеръ, занимаетъ постъ посланника при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ сере-

динѣ столѣтія сынъ его, дѣйствительный тайный совѣтникъ Яковъ Андреевичъ Дашковъ, женатый на Павлѣ Ивановнѣ Бѣгичевой, является нашимъ посланникомъ въ Швеціи. Отъ брака послѣднихъ родилось пять человѣкъ дѣтей—три сына и двѣ дочери. Старшимъ сыномъ и былъ Павелъ Яковлевичъ, родившійся 28 января 1849 г.

Получивъ первоначальное прекрасное домашнее воспитаніе, гдѣ былъ заложенъ прочный фундаментъ его всегда ярко блиставшей разносторонней эрудиціи, Павелъ Яковлевичъ, въ бытность отца посланникомъ въ Швеціи, сначала учился въ тамошнихъ школахъ, съ любовью впослѣдствіи вспоминая о тамошнихъ здоровыхъ методахъ воспитанія, товарищескихъ корпораціяхъ и тщательности физическаго развитія молодого поколѣнія, согласно мудрому латинскому правилу: «mens sana in corpore sano». На 16-мъ году онъ былъ опредѣленъ въ императорскій Александровскій лицей, который и окончилъ въ декабрѣ 1869 г. Это послѣднее наше привилегированное высшее учебное заведеніе пріобрѣло въ лицѣ новаго воспитанника виднаго члена лицейской семьи, который до конца дней своихъ жилъ всѣми интересами своей almae matris, принимая непосредственное участіе во всѣхъ культурныхъ и общественныхъ проявленіяхъ жизни своихъ былыхъ и настоящихъ товарищей по училищу. Онъ бережно и свято хранилъ традиціи лицея, гордился званіемъ лицеиста, внося въ понятіе этого званія не внѣшнюю мишуру и тщеславіе, а то дворянское джентльменство, которое такъ сродни просвѣщенному англійскому аристократизму. Аристократъ по происхожденію и воспитанію, Дашковъ отличался удивительной простотой, той простотой, которая именно выдѣляется своимъ изяществомъ, доступностью и мягкостью, составляющими удѣлъ прекраснаго домашняго воспитанія и пребыванія въ хорошо тренированной товарищеской средѣ. По выходѣ изъ лицея Павелъ Яковлевичъ былъ зачисленъ на службу по государственной канцеляріи, сверхштатнымъ чиновникомъ которой, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по отдѣленію свода законовъ, онъ числился до самой своей смерти. Но не какъ чиновникъ государственной службы составилъ онъ себѣ имя. При своемъ умѣ, образованіи и связяхъ, пожелай онъ быстро двигаться по служебной іерархической лѣстницѣ, нѣтъ сомнѣнія, мы увидали бы его въ высокихъ служебныхъ и придворныхъ чинахъ. Нѣтъ, не сюда влекло его сердце, и онъ, предпочитая считаться въ сонмѣ скромныхъ и обыкновенныхъ чиновниковъ кодификаціоннаго отдѣла государственной канцеляріи, не претендовалъ на высокіе чины, почетныя награды и званія. Какъ сообщаетъ Е. С. Шумигорскій, лично близко знавшій покойнаго, въ своемъ некрологѣ, ему посвященномъ на столбцахъ «Новаго Времени» (8 февраля), Павелъ Яковлевичъ получивъ первоначальное воспитаніе за границей, былъ до мозга костей русскимъ

человѣкомъ, страстно любившимъ свою родину и вѣрившимъ въ ея мощь и величіе. Намъ положительно извѣстно,—говоритъ онъ—что самая мысль создать коллекцію рукописей и рисунковъ по русской исторіи появилась у него именно подъ вліяніемъ этого чувства въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, къ которому Дашковъ принадлежалъ по рожденію, культивировалось «чужеземство родной

Павелъ Яковлевичъ Дашковъ.

страны» и, послѣ краха помѣщичьей Россіи и развала дѣдовскихъ усадебъ, стали выбрасываться на улицу семейныя бумаги. Еще юношей Дашковъ тратилъ всѣ свои деньги на покупку русскихъ бумагъ и гравюръ въ важнѣйшихъ антикварныхъ центрахъ Европы, куда онѣ сбывались нашими беззаботными соотечественниками. Ту же склонность свою широко проявилъ онъ и въ Россіи, гдѣ заканчи-

валъ свое образованіе въ Александровскомъ лицеѣ и сталъ затѣмъ числиться на службѣ по государственной канцеляріи; сердце его сжималось отъ боли, когда онъ видѣлъ уничтоженіе и гибель русскихъ историческихъ бумагъ, и онъ спасалъ многія изъ нихъ, какъ только являлась къ тому возможность, иногда при участіи другихъ знатоковъ родной старины, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Дашковымъ; въ числѣ ихъ былъ и покойный князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, многими чертами ума и характера напоминавшій П. Я. Дашкова».

Итакъ, собираніе духовнаго русскаго богатства, сохранившагося отъ предковъ, но которому грозила участь безслѣднаго исчезновенія или антипатріотическая его продажа на антикварные западно-европейскіе рынки,—вотъ та задача, которая на зарѣ молодости предстала передъ Дашковымъ и которой онъ отдалъ всѣ силы жизни и часть своихъ значительныхъ денежныхъ средствъ, разсматривая эту задачу, какъ общественный долгъ, какъ служеніе Россіи, служеніе большое и трудное, на пути котораго встрѣчаются многія тернія, особенно въ той постановкѣ этого служенія, какъ Павелъ Яковлевичъ это предопредѣлилъ и установилъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что онъ создалъ у насъ школу составленія частныхъ архивовъ, выработалъ здѣсь методы собиранія и приложилъ къ возсозданію преданій и слѣдовъ погибающей старины тѣ пріемы, которые вѣдомы только самымъ искуснымъ коллекціонерамъ Германіи, Франціи, Англіи. Чего стоятъ только его труды по возсозданію нѣкоторыхъ рукописей Гоголя, въ свое время впервые опубликованныхъ и доставшихся ему отъ вдовы М. П. Погодина въ видѣ изорванныхъ лоскутковъ бумаги, съ которыми справиться и которыя разобрать оказался не въ силахъ извѣстный московскій профессоръ! Дашковъ не ограничивалъ себя опредѣленнаго рода коллекціонированіемъ, преслѣдующимъ одно какое-нибудь заданіе въ примѣненіи, напримѣръ, къ опредѣленной эпохѣ или составной ея части. Онъ пріобрѣталъ широкою рукою все то писанное и печатное, гравированное и рисованное, что содержало въ себѣ хоть нѣкоторое историческое значеніе и имѣло цѣну для исторіи русской жизни, къ какой бы эпохѣ оно ни относилось. Какъ я уже говорилъ въ статьѣ «Наслѣдіе П. Я. Дашкова» («Новое Время», № 12185), какъ нѣкогда историку М. П. Погодину со всѣхъ концовъ Россіи посылали россійскія древности, такъ и къ Дашкову, молва о которомъ, какъ объ извѣстномъ коллекціонерѣ, пользовалась самымъ широкимъ распространеніемъ, отовсюду обращались съ предложеніемъ разныхъ пріобрѣтеній: архивовъ, коллекцій писемъ, рукописей, иллюстрацій и портретовъ. Разница только между Погодинымъ и Дашковымъ была та, что московскій ученый ухитрялся получать все нужное и интересное или даромъ, или за очень незначительную цѣну, а

впослѣдствіи сумѣлъ по довольно выгодной цѣнѣ вручить свое древле-хранилище казнѣ, Дашковъ же за все платилъ наличными деньгами и подчасъ довольно широко. Когда ему дѣлались опредѣленныя предложенія, то онъ часто направлялъ предлагавшаго въ Публичную библіотеку, предоставляя ей первенство пріобрѣтенія и оцѣнку его. Но, какъ извѣстно, наше столичное книгохранилище въ этомъ отношеніи довольно-таки непредпріимчиво и не располагаетъ для цѣлей расширенія своихъ архивныхъ богатствъ достаточными средствами. Отсюда получалось по большей части то, что продавецъ, получивъ отказъ администраціи библіотеки, снова толкался въ двери кабинета Дашкова или приходилъ сюда съ извѣстіемъ о незначительности предложенной суммы. Тогда Павелъ Яковлевичъ, чтобы установить настоящую цѣну «товара», адресовалъ продавца къ редактору «Историческаго Вѣстника», предлагая на судъ послѣдняго установленіе цѣны, въ полной увѣренности, что этотъ нашъ знатокъ исторіи произнесетъ свое слово нелицепріятно и по совѣсти. Такъ производились по большей части операціи пополненія дашковскихъ коллекцій, по крайней мѣрѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ. Такимъ образомъ Дашкову почти ничто не доставалось даромъ, если не считать случайныхъ подарковъ или копій съ иллюстрацій въ тѣхъ изданіяхъ, которыя готовились къ печати при его ближайшемъ участіи, какъ вкладчика сюда портретовъ и разныхъ изображеній. Но это были сущія мелочи; зато было немало случаевъ, когда нѣкоторыя пріобрѣтенія обходились ему съ затратою значительныхъ средствъ, какъ, напримѣръ, пріобрѣтеніе дневниковъ и вообще архива покойнаго министра эпохи Александра II, графа Валуева. По денежному соглашенію съ единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго, Павелъ Яковлевичъ сталъ обладателемъ его богатаго архива, но и тутъ онъ проявилъ широко барство и доказалъ безупречность своего джентльменства. Часть пріобрѣтеннаго архива, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ вынужденъ былъ передать въ Зимній дворецъ, и когда онъ былъ запрошенъ о величинѣ понесеннаго имъ ущерба и какою суммою онъ за это долженъ быть вознагражденъ, Дашковъ отъ послѣдняго уклонился, заявивъ, что въ немъ не нуждается, но что если новые собственники части отчужденнаго имущества желаютъ быть великодушны, то пусть они вознаградятъ то близкое наслѣднику Валуева лицо, которое понесло расходы по его леченію и похоронамъ. Желаніе Дашкова было выполнено, и въ вѣнокъ его имени вплелся новый цвѣтокъ красиваго барскаго великодушія и рыцарскаго безсребрія. Такимъ путемъ въ обладаніи Павла Яковлевича оказались богатыя сокровища русскаго духа, искусства и мысли. По свидѣтельству К. А. Военскаго [1]), посвятившаго Даш-

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы принести К. А. Военскому признательность за предоставленіе въ распоряженіе мое и редакціи «Истор. Вѣстн.» портрета

кову некрологическую памятку «Памяти замѣчательнаго русскаго человѣка» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1906 г., № 32), исторія накопленія Павломъ Яковлевичемъ архивныхъ богатствъ такова:

«Сначала, въ теченіе долгихъ лѣтъ, Дашковъ тратилъ большія средства на пріобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ и рукописей для своего собранія, а впослѣдствіи, среди людей сколько-нибудь заинтересованныхъ въ сохраненіи рѣдкихъ и цѣнныхъ документовъ нашей исторіи, создалось особое убѣжденіе, вѣрнѣе, обаяніе личности, и на вопросъ: что дѣлать съ имѣющимся въ рукахъ рѣдкимъ экземпляромъ рукописи, картины, фотографіи?—самъ собою являлся отвѣтъ: передать П. Я. Дашкову. И не въ Публичную библіотеку, не въ академію, не въ какое-либо офиціальное учрежденіе, гдѣ холодомъ вѣяло и отъ стѣнъ, и отъ людей, несли знатоки-любители свои сокровища, а именно «къ Павлу Яковлевичу», къ тому человѣку, который сбережетъ ихъ съ любовью, съ сознаніемъ принятаго на себя долга хранить и беречь дорогую родную старину... Такъ составилось это поистинѣ колоссальное собраніе, извѣстное не только у насъ, въ Россіи, но и иностранному міру. Чтобы судить о богатствѣ, о полнотѣ собранія П. Я. Дашкова, достаточно сказать, что видѣвшій его лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ хранителей Британскаго музея оцѣнилъ одну только коллекцію гравюръ (не считая рукописей) въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. А вѣдь за послѣднія 10 лѣтъ собраніе неизмѣнно пополнялось! За время «собиранія» покойнымъ своихъ коллекцій, т.-е. въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, въ русской жизни произошло немало выдающихся событій, и несомнѣнно, что нигдѣ не найдется болѣе полнаго ихъ отраженія, съ бытовой и политической точки зрѣнія, чѣмъ въ собраніи П. Я. Дашкова. Естественно, что въ теченіе послѣдняго времени ни одно сколько-нибудь серьезное изданіе художественнаго или историческаго характера, ни одна юбилейная исторія нашихъ правительственныхъ учрежденій, а также значительная часть нашихъ полковыхъ исторій и хроникъ не обошлись безъ «собранія П. Я. Дашкова». Нуженъ «хорошій» портретъ какого-нибудь историческаго лица, художника, министра, полководца или просто замѣчательнаго русскаго человѣка, нуженъ видъ дворца, стараго зданія, виды стараго Петербурга, старой Москвы, необходимъ автографъ мало извѣстнаго, но интереснаго дѣятеля, снимокъ съ рѣдкой грамоты,—и, конечно, если этого не найдешь и въ Публичной библіотекѣ, то у Павла Яковлевича только и можно найти, и надо къ нему итти съ челобитной. И къ нему шли всѣ: одни—съ рекомендаціями, другіе—просто въ надеждѣ, что онъ имъ не откажетъ во имя

Павла Яковлевича, который при семъ и воспроизводится. Покойный все собирался сняться въ послѣдніе мѣсяцы для внесенія своего изображенія въ коллекцію портретовъ сотрудниковъ «Ист. Вѣстн.», поднесенную Сергѣю Николаевичу Шубинскому 1 декабря минувшаго года, но такъ и не удосужился.

серьезности ихъ труда; пріѣзжали важные сановники и скромные провинціалы изъ дальнихъ мѣстъ—и всѣхъ встрѣчалъ онъ съ привѣтливостью истаго русскаго барина, съ неизмѣнной готовностью прійти на помощь дѣлу, съ живымъ интересомъ къ предпринятому труду, нерѣдко увлекаясь имъ не менѣе самого автора. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ ранняго утра до 6—7 часовъ вечера, Павелъ Яковлевичъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ въ своемъ домѣ на Михайловской площади, отдавая себя въ полное распоряженіе случайныхъ посѣтителей и добрыхъ знакомыхъ. Къ нему приходили ученые, литераторы, художники, актеры, монахи, военные, путешественники, министры, иностранцы, юноши и старцы—для всѣхъ онъ былъ неизмѣнно дома, всѣхъ выслушивалъ со вниманіемъ, давая драгоцѣнныя указанія и совѣты».

О значеніи дашковской коллекціи говоритъ и другой нашъ историкъ Е. С. Шумигорскій, утверждая, что «въ области новой и новѣйшей русской исторіи хранилище П. Я. Дашкова, по богатству и рѣдкости заключающагося въ немъ матеріала, можно сопоставить съ важнѣйшими государственными архивами, но въ то же время оно заключаетъ въ себѣ историческіе документы, которые, конечно, по исключительной своей важности ни въ одномъ изъ такихъ архивовъ находиться не могутъ. Достаточно сказать для характеристики коллекціи Дашкова, что въ нее попали въ значительной части частные архивы и семейныя бумаги многихъ литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей новой Россіи». Въ послѣднее десятилѣтіе Павелъ Яковлевичъ уклонялся отъ пріобрѣтенія семейныхъ архивовъ и писемъ частныхъ лицъ, такъ какъ, по его словамъ, такія пріобрѣтенія часто влекутъ за собою для него непріятности со стороны живыхъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ и задѣтыхъ этими архивами и письмами. Поэтому онъ сосредоточился по преимуществу на такихъ покупкахъ, которыя относились только къ лицамъ и учрежденіямъ государственнымъ и общественнымъ.

Цѣнность коллекцій Дашкова, громадныхъ по своему объему и содержанію, съ его кончиною раскрываетъ, однако, и свою слабую сторону. Нужно замѣтить, что онъ работалъ не покладая рукъ на поприщѣ коллекціонированія свыше 40 лѣтъ, исключительно въ единственномъ числѣ, не имѣя при себѣ ни какой-нибудь организованной канцеляріи, ни помощника, ни секретаря. Онъ былъ живымъ началомъ, концомъ и духомъ всего дѣла и все его хранилъ въ лабораторіи своей громадной памяти. Попытки пріурочить къ дѣлу секретаря или помощника, повидимому, не оказались благополучными и намъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи одинъ случай, причинившій меценату-коллекціонеру немало огорченій. Такимъ образомъ, Дашковъ исключительно собственными руками создавалъ свое громадное дѣло, и въ виду отчасти того,

что оно представляло собою вѣчно движущійся круговоротъ очень скораго темпа, онъ физически не былъ въ состояніи придать этому дѣлу внѣшній порядокъ и систему. Коллекціи его не зарегистрировались и не каталогизировались, и порою самъ ихъ владѣлецъ становился втупикъ, гдѣ что найти и гдѣ что обрѣтается. Требовалось время на поиски, на которые уходили дни, недѣли и мѣсяцы, ибо нужно замѣтить, что его архивное имущество было разбито на двѣ части: одна хранилась въ его имѣніи «Надбѣлье» на границѣ Петербургской и Новгородской губ., гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто и часть осени, а другая въ квартирѣ собственнаго дома на Михайловской площади. Главная масса сосредоточена была въ деревнѣ, гдѣ въ подвалахъ, приспособленныхъ спеціально для того и хорошо организованныхъ въ противопожарномъ отношеніи, она и покоилась. Добыть нужное иногда представлялось невозможнымъ до поѣздки въ деревню и возвращенія оттуда къ осени. Поэтому и полученіе просителями тѣхъ или иныхъ матеріаловъ отъ Павла Яковлевича сопровождалось иногда довольно-таки труднымъ процессомъ, особенно принимая во вниманіе ту поистинѣ толчею людей, которую представлялъ его кабинетъ съ ранняго утра. Приходилось за однимъ дѣломъ ходить по нѣсколько разъ, и счастье было изловить его въ одиночествѣ утромъ, еще не утомленнаго поисками, бесѣдами, справками и спорами, отъ которыхъ и молодой человѣкъ могъ бы прійти въ полное изнеможеніе. А Павелъ Яковлевичъ не терялъ ни охоты, ни силъ на пріемы посѣтителей, благодаря чему, по свидѣтельству г. Шумигорскаго, «домъ Павла Яковлевича, съ утра и до вечера открытый для лицъ, изучавшихъ русскую старину во всѣхъ ея отрасляхъ, былъ единственнымъ въ Петербургѣ центромъ, куда стекались всѣ новости по излюбленному имъ дѣлу, гдѣ находили себѣ мѣсто выдающіеся, большіе и малые, ученые труды по русской исторіи, и гдѣ вопросы русской исторической науки дебатировались въ горячихъ и страстныхъ бесѣдахъ между хозяиномъ дома и его гостями, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ научнымъ и общественнымъ толкамъ. Бесѣды эти стоили академическихъ курсовъ, въ особенности для начинавшихъ свою ученую карьеру, и даже превосходили ихъ, когда хозяинъ раскрывалъ предъ слушателями содержаніе многихъ хранившихся у него рукописей, которыя по разнымъ причинамъ не могли еще сдѣлаться достояніемъ печати».

Такая постановка дѣла собиранія коллекцій повела въ результатѣ къ тому, что, по свидѣтельству военнаго писателя В. Жерве («Русскій Инвалидъ» 1910 г., № 31), «Павелъ Яковлевичъ оставилъ глубокій и свѣтлый слѣдъ въ исторіи культурной жизни Россіи послѣдняго времени. Сколько художественныхъ, историческихъ и научно-литературныхъ изданій украсились рисунками изъ его рѣдчайшей коллекціи, сколько цѣннаго матеріала включено въ нихъ изъ той же сокровищницы!..

«Русская книга, въ смыслѣ изданія, сдѣлала большой успѣхъ на нашихъ глазахъ. Шагнули впередъ и исторіи войсковыхъ частей. Многія изъ нихъ вышли въ свѣтъ художественными, даже роскошными изданіями и лучшія изъ нихъ на страницахъ предисловія говорятъ объ особой признательности авторовъ и составителей къ П. Я. Дашкову за широкое содѣйствіе, оказанное имъ въ ихъ трудахъ. Просматривая листы этихъ изданій, читаемъ неизмѣнныя слова: «Изъ собранія П. Я. Дашкова», такъ много говорящія сердцу истиннаго любителя и цѣнителя русской старины.

«Въ военной иконографіи Павелъ Яковлевичъ былъ тѣмъ же тонкимъ знатокомъ, какъ и въ прочихъ областяхъ родного искусства. Онъ удивительно умѣлъ подбирать необходимый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ военной иллюстраціи: сюжеты батальные, бытовые, портреты дѣятелей, виды мѣстностей, карикатуры, русскій и заграничный матеріалъ—все это было знакомо ему до мелочей и охотно отдавалось въ распоряженіе тѣхъ, кто обращался къ нему».

Да, именно для военной исторіографіи и иконографіи заслуги П. Я. Дашкова громадны. Онъ, можно сказать, почти ихъ поставилъ на твердую ногу и, кажется, трудно будетъ назвать одинъ трудъ изъ этой категоріи, трудъ совершенный и выдающійся, который вышелъ бы безъ его содѣйствія и ближайшаго участія. Умилительно было наблюдать, какъ этотъ пожилой и усталый человѣкъ порою возился съ какимъ-нибудь молоденькимъ офицеромъ, откомандированнымъ своею частью для составленія исторіи полка, для работы надъ такимъ трудомъ, создать который у него не было ни научной подготовки, ни знаній, ни технической сноровки. И вотъ тутъ-то нашъ коллекціонеръ проявлялъ во всю широту свою любовь къ отечественному просвѣщенію, воспитывая въ явившемся къ нему на поклонъ представителѣ военной среды историка. Текстъ, иллюстраціи, шрифтъ, бумага, форматъ, обертка—все обсуждалось Дашковымъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, съ указаніемъ, куда и къ кому обратиться, гдѣ что искать и получить и какъ все сдѣлать. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе и обсужденіе далеко не одной внѣшней стороны и техники выполненія, но вникалъ въ дѣло по существу вопроса и часто поучалъ, наводилъ будущаго автора работы, объясняя ему и освѣщая передъ нимъ разные моменты изъ событій, входившихъ въ содержаніе изложенія. Нужно было удивляться тутъ проявленію богатства его памяти, широтѣ обнаруживаемыхъ свѣдѣній и оригинальности и мѣткости сужденій, нужно было удивляться, когда при такомъ образѣ жизни, который онъ велъ, онъ успѣвалъ запастись этими всѣми свѣдѣніями и расположить ихъ въ своемъ знаніи въ такомъ порядкѣ и системѣ! Такимъ образомъ при его непосредственномъ участіи были составлены и изданы исторіи полковъ: Кавалергардскаго, Лейбъ-Гренадерскаго,

Ея Величества Уланскаго, Его Величества Кирасирскаго, Гвардейскаго флотскаго экипажа и т. д. и т. д.

Но не одна военная исторіографія состояла въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Павлу Яковлевичу. Длинный рядъ и многихъ гражданскихъ изданій тѣсно связанъ съ его именемъ: иллюстрированные труды Н. К. Шильдера—исторіи царствованій Павла I, Александра I, Николая I, «Старая Москва» и «Старый Петербургъ» Пыляева, «Русская портретная галлерея», изданная А. С. Суворинымъ, его же изданіе «Записокъ иностранцевъ о Россіи», работы Божерянова, Кутепова, всѣ юбилейныя исторіи нашихъ министерствъ и государственныхъ учрежденій, выпущенныя въ послѣднее время, и т. д., и т. д.—всѣ эти историческіе памятники нашей жизни стали общественнымъ достояніемъ публики въ томъ видѣ, какъ она ихъ получила на книжномъ рынкѣ, только благодаря Дашкову. Редакціи «Древней и Новой Россіи», «Историческаго Вѣстника» имѣли въ его лицѣ, какъ уже сказано было, многолѣтняго и испытаннаго друга и даже редакціи «Былого» и «Минувшихъ Годовъ» немало попользовались для своей иконографіи сокровищами Павла Яковлевича. Академическое изданіе Кольцова, доставившее нашему высшему просвѣтительному учрежденію такую признательность населенія, могло быть осуществлено только при его содѣйствіи, ибо много новаго изъ произведеній нашего народнаго поэта, что вошло въ это изданіе, было получено академіей именно отъ Дашкова.

Трудно, да, пожалуй, и невозможно перечислить все то въ русской наукѣ и литературѣ, относящееся къ послѣдней четверти вѣка, къ чему не приложилъ онъ такъ или иначе свою руку. Свидѣтельствъ его причастности здѣсь осталось налицо немного, развѣ только лаконическая подпись подъ иллюстраціей: «изъ собранія П. Я. Дашкова», или лаконическая благодарность ему автора въ ряду прочихъ признательностей, и только. Отъ всякаго показа на видъ Дашковъ усиленно уклонялся, предпочитая оставаться всегда скромно въ сторонѣ или тѣни. Въ этомъ сказывалось особенное свойство его характера, нѣсколько застѣнчиваго, убѣгающаго широкой общественности и предпочитающаго ту атмосферу домашней интимности, гдѣ онъ являлся истиннымъ вдохновителемъ окружающей среды, ея душою и создателемъ.

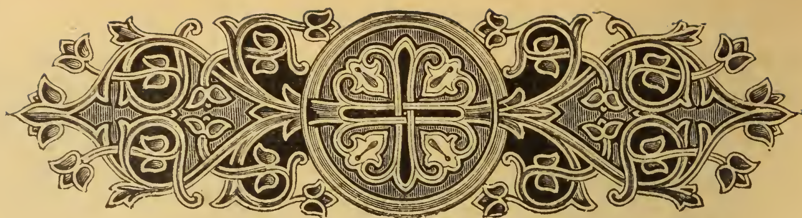
Со смертью Дашкова имъ созданная «милая старина» на Михайловской площади кончила свое бытіе. Остались только дорогія и неизгладимыя о ней воспоминанія, отъ которыхъ вѣетъ точно грустью и прелестью былого. Выпалъ центръ изъ опредѣленнаго угла жизни и нѣтъ къ нему болѣе возврата. Когда я покидалъ кладбище Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ въ фамильномъ склепѣ опустили бренные останки Павла Яковлевича, гдѣ надъ ними раздались послѣдніе звуки пѣснопѣнія «вѣчная память», мнѣ вспомнились стихи поэта, завѣщавшаго о дорогихъ покойникахъ—«не говорить съ тоской: ихъ

нѣтъ, а съ благодарностію—были». Но тоску о быломъ трудно вырвать изъ сердца, хотя, конечно, рядомъ съ нею навсегда останется «благодарность» къ этому хорошему человѣку, нѣкоторымъ приближеніемъ къ которому и мнѣ приходилось пользоваться. И хочется, отъ полноты души хочется, чтобы эта благодарность къ его памяти не только сохранилась въ сердцѣ тѣхъ, кто его близко зналъ, но и у всей Россіи, для которой онъ такъ много поработалъ. А это возможно будетъ, если вопросъ о его архивномъ наслѣдіи будетъ правильно рѣшенъ. Какъ я уже писалъ въ «Новомъ Времени»:

«Желательно, чтобы наслѣдіе Дашкова, какъ опредѣленное накопленное духовное богатство, какъ идея служенія пользѣ русскаго просвѣщенія, продолжало ту свою служебную роль, на созданіе которой было потрачено столько лѣтъ жизни. Сокровища Дашкова должны быть самымъ тщательнымъ образомъ обережены и обращены въ національное достояніе. Какъ это сдѣлать, въ виду наслѣдственныхъ правъ его родни, трудно сейчасъ подсказать. Пусть тѣ общества, гдѣ Павелъ Яковлевичъ состоялъ членомъ, какъ, напримѣръ, «императорское историческое», «военно-историческое», «лицейское» и др., подумаютъ объ этомъ и сдѣлаютъ это предметомъ своихъ собраній и сужденій. Мы не сомнѣваемся, что наслѣдники Павла Яковлевича охотно пойдутъ навстрѣчу разумнымъ желаніямъ по сему предмету и сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы имя представителя ихъ рода никогда не изгладилось изъ памяти поколѣній. Когда самого Дашкова близкіе запрашивали о будущности его архивныхъ богатствъ, онъ скромно заявлялъ, что онъ свое жизненное дѣло сдѣлалъ, а будущее—во власти его наслѣдниковъ. За ними теперь эта власть и слово, а всѣмъ тѣмъ, кто любилъ Павла Яковлевича, кому дорога его славная память, кому онъ при жизни былъ помощью и поддержкою, остается тѣсно сомкнуться хотя бы въ кружокъ или «общество имени Павла Яковлевича Дашкова», чтобы облегчить родственникамъ покойнаго мецената-коллекціонера наиболѣе цѣлесообразное использованіе его богатаго наслѣдія».

Въ томъ же духѣ высказались и нѣкоторые другіе авторы, писавшіе о Павлѣ Яковлевичѣ. Будемъ же надѣяться, что нашъ коллективный литературный голосъ не останется голосомъ празднымъ, а сдѣлаетъ свое дѣло. Пусть такимъ способомъ имя Павла Яковлевича Дашкова будетъ увѣковѣчено, и тропа къ его богатому хранилищу рукописей и портретовъ не зарастетъ забвеніемъ неблагодарныхъ современниковъ и грядущихъ поколѣній.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ М. М. ШЕРШЕВСКАГО.

ОШЕЛЪ съ жизненной арены выдающійся оригинальный человѣкъ: 6-го февраля послѣ краткой, но тяжкой болѣзни, отъ которой онъ было началъ на радость всѣхъ знавшихъ его поправляться, скончался докторъ медицины, лейбъ-медикъ Михаилъ Марковичъ Шершевскій. Смерть эта тяжелая утрата для столичнаго медицинскаго сословія, для русскаго общества, для всѣхъ знавшихъ его близко, любившихъ его и пользовавшихся его врачебными совѣтами и наблюденіемъ. Вѣсть о кончинѣ Шершевскаго для послѣднихъ была настоящимъ ударомъ, отъ послѣдствій котораго люди не такъ-то легко оправляются и съ чѣмъ они не такъ просто примиряются

Часто хворавшій, Михаилъ Марковичъ заболѣлъ въ самомъ концѣ января текущаго года и заболѣлъ на этотъ разъ настолько серьезно, что къ его постели были приглашены доктора. Были призваны лейбъ-медикъ П. К. Березкинъ, А. А. Наукъ, Малама, которые и констатировали въ разосланномъ ими 29 января бюллетенѣ знакомымъ Шершевскаго, что онъ тяжко захворалъ 23 января. «Давно подготовлявшаяся болѣзнь, по ихъ словамъ, подъ вліяніемъ переутомленія, выразилась грознымъ упадкомъ сердечной дѣятельности. Несмотря на принятыя мѣры, состояніе больного продолжаетъ и понынѣ быть тяжелымъ, требуя полнаго душевнаго и тѣлеснаго покоя». Такъ гласилъ тревожный бюллетень, полученный, между прочимъ, и редакторомъ «Историческаго Вѣстника», коего Михаилъ Марковичъ былъ многолѣтнимъ домашнимъ врачомъ и другомъ. Вслѣдъ за симъ, однако, поступило и утѣшительное извѣстіе: кризисъ миновалъ, больному

лучше, разсылка бюллетеней прекращена, но онъ самъ еще не въ состоянiи сноситься письмами съ своими друзьями и знакомыми, столь внимательно и сочувственно отнесшимися къ его болѣзни. Въ среду 3 февраля, превозмогая себя и переламывая свою слабость, Михаилъ Марковичъ выѣхалъ даже изъ дома, чтобы присутствовать на засѣданiи ученаго медицинскаго совѣта, коего состоялъ членомъ и въ занятiяхъ котораго принималъ самое дѣятельное участiе. Въ четвергъ его удостоили своимъ посѣщенiемъ высокопоставленные гости, великiй князь Петръ Николаевичъ съ супругою, великою княгинею Милицей Николаевной, визитъ которыхъ къ пользовавшему ихъ врачу доставилъ ему большое удовольствiе. Но вотъ наступила пятница, ничто не предвѣщало наступленiя трагическаго момента. На зарѣ субботы онъ даже пожелалъ подкрѣпить себя пищей, а въ 10 часовъ утра прислуга застала его въ болѣзненномъ забытiи. Приглашенные вновь врачи констатировали кровоизлiянiе въ мозгъ; началась агонiя, и къ 8 часамъ вечера 6 февраля Шершевскаго не стало.

На слѣдующiй день въ прiемной комнатѣ его квартиры возвышался траурный катафалкъ съ тѣломъ почившаго, усыпаннымъ цвѣтами и вѣнками, и раздавались печальныя слова панихидныхъ пѣснопѣнiй, и многочисленные его знакомые, друзья, представители столичной общественности и товарищи по профессiи молились о «новопреставленномъ рабѣ Божiемъ болягинѣ Михаилѣ». 9-го февраля состоялись его похороны на Смоленскомъ кладбищѣ, которыя описаны въ газетной хроникѣ «Новаго Времени» такъ:

«Проводить покойнаго до мѣста вѣчнаго упокоенiя собрались многiе представители ученыхъ и общественныхъ учрежденiй: Николаевскаго военнаго госпиталя, военно-медицинской академiи, ученаго медицинскаго совѣта. Въ числѣ присутствовавшихъ мы замѣтили: главнаго военно-медицинскаго инспектора лейбъ-медика А. Я. Евдокимова, профессора лейбъ-хирурга Е. В. Павлова, академика И. П. Павлова, лейбъ-хирурга Н. А. Круглевскаго, профессора С. В. Шидловскаго, Р. Р. Вредена, лейбъ-медика П. К. Березкина, лейбъ-хирурга Г. Е. Рейна, профессора Г. И. Турнера, профессора Н. И. Тихомирова, профессора Н. Я. Чистовича и друг., врачей А. А. Наука, Н. Ѳ. Чигаева, Михайлова, А. Е. Кожина, А. А. Двукраева, Д. Ѳ. Соколова и др. Были также и представители и учено-литературныхъ профессiй—академикъ А. Ѳ. Кони, профессоръ Ѳ. А. Браунъ, Б. Б. Глинскiй и др. Собрались также многiе пацiенты знаменитаго терапевта изъ высшаго аристократическаго свѣта. Длинный кортежъ печально двигался по Сергiевской, Литейной, Невскому проспекту, останавливая на себѣ вниманiе многочисленныхъ зрителей. Только въ 12 часовъ 30 минутъ процессiя прибыла на Смоленское кладбище, гдѣ гробъ съ останками былъ перенесенъ на рукахъ присутствовавшихъ, среди которыхъ были и

студенты военно-медицинской академiи, въ церковь Воскресенiя Христова, гдѣ и состоялись торжественное богослуженiе и отпѣванiе. Возвышавшiйся на богатомъ катафалкѣ гробъ былъ весь покрытъ роскошными вѣнками, изъ числа которыхъ выдѣлялись вѣнки, присланные великой княгиней Марiей Павловной, великими князьями Андреемъ и Кирилломъ Владимировичами, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и Анастасiей Николаевной, великимъ княземъ Петромъ Николаевичемъ и Милицей Николаевной, королевскими высочествами княземъ и княгиней черногорскими, отъ ученаго медицинскаго совѣта, студентовъ-медиковъ, Семеновскаго военнаго госпиталя, а также вѣнки его друзей и пацiентовъ—супруговъ С. Н. и Е. Н. Шубинскихъ, кн. Шаховскихъ, Михайловскихъ и др. За богослуженiемъ великолѣпно пѣли соединенные хоры пѣвчихъ, исполнившихъ нѣсколько очень красиво аранжированныхъ церковныхъ пѣснопѣнiй. Въ 2 часа гробъ Михаила Марковича былъ опущенъ въ могилу рядомъ съ могилою его супруги, скончавшейся еще 11 лѣтъ назадъ. Рѣчей на могилѣ произнесено не было, и только слезы присутствовавшихъ свидѣтельствовали, какую тяжелую утрату понесло наше общество со смертью выдающагося медика М. М. Шершевскаго».

Толстый слой земли Смоленскаго кладбища покрылъ гробовую крышку Михаила Марковича, и отъ взоровъ живущихъ навсегда скрылся оригинальный образъ того, кого многiе любили и почитали, авторитету котораго многiе поклонялись, а другiе боялись его язвительнаго и умнаго слова, въ которомъ всегда сквозили острый умъ и авторитетность, составляющiе достоянiе избранныхъ натуръ.

М. М. Шершевскiй родился въ 1847 году и, по окончанiи курса въ медико-хирургической академiи въ 1871 году, защитилъ въ 1873 г. диссертацiю на степень доктора медицины «Объ нервацiи матки». Въ 1878—1880 гг. онъ много работалъ въ разныхъ клиникахъ Германiи и Францiи и состоялъ въ числѣ ближайшихъ слушателей и учениковъ генiальнаго французскаго ученаго Шарко. Результатомъ его научныхъ занятiй явились слѣдующiя его главныя работы: «О заболѣваемости и смертности въ гвардiи и армiи с.-петербургскаго округа» («Военно-Медицинскiй журналъ» 1877 г.), «Пораженiе гортани при атаксiи» («Врачъ» 1881 и «Revue de Médecine» 1881 г.), «Нейрозы кишечнаго кашля» («Врачъ» 1882 г., «Revue de Médecine» 1882 г.), «Vertige Menier'a» («Врачъ» 1882 г.), «Термическiе нейрозы» (ibid. 1883 г.), «Мѣстобоязнь» (ibid.1 884 г. и «Revue de Médecine» 1884 г.), «Къ казуистикѣ болотныхъ лихорадокъ» («Врачъ» 1885 г., по поводу новой болѣзни, заявленной въ Парижѣ профессоромъ Jaceaud); «Значенiе смѣщаемости сердца» («Врачъ» 1886 г.); «Къ патологiи печени» («Врачъ» 1890 г.; «Progrès medicale» 1890 г.); «О резервуарной роли печени» (новая ея функцiя, «Врачъ» 1896 г.); «О ложныхъ порокахъ сердца» (ibid. 1897 г.); «Симптомопатологiя

Михаилъ Марковичъ Шершевскій.

функціонныхъ заболѣваній» (ibid. 1898 г.); «Sur un nouveau signe de Sclerose de la rasse de l'aorte» («Semaine medicale» 1898 г.); «Къ заболѣванію поджелудочной железы» («Врачъ» 1899 г.).

Такова его научно-литературная дѣятельность, размѣры которой, однако, не могутъ считаться очень широкими, особенно принимая во вниманіе природное тяготѣніе покойнаго терапевта къ научному знанію. Это обстоятельство объясняется главнымъ образомъ тою большою врачебною практикою, которая, въ особенности

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, отвлекала его отъ рабочаго стола и заставляла отдавать свои силы и природное дарованіе на служеніе страждущимъ, въ сферѣ каковой практической дѣятельности за нимъ и упрочилась по всей справедливости репутація выдающагося врача. Уже изъ перечня сочиненій и работъ Шершевскаго мы видимъ, къ какому кругу медицинскаго знанія его вниманіе особенно приковывалось; это—внутреннія, сердечныя заболѣванія и нервныя страданія, т. е. та сфера человѣческой жизни и человѣческаго организма, надъ которою въ свое время особенно поработалъ докторъ Шарко. Шершевскій такимъ образомъ у себя въ отечествѣ явился наиболѣе виднымъ представителемъ школы французскаго знаменитаго ученаго и съ честью поддержалъ у насъ какъ перомъ, такъ и на практикѣ методы и завѣты этой школы. Эти-то обстоятельства уже въ 80-хъ годахъ обратили на него вниманіе столичнаго населенія и здѣшняго медицинскаго персонала, которые и стали особенно охотно искать его помощи, ухода и консиліумовъ. Состоя въ теченіе 35 лѣтъ на службѣ мѣстныхъ госпиталей, за исключеніемъ 10 лѣтъ, проведенныхъ въ качествѣ врача при особѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, за леченіе котораго въ 1880 году онъ жалуется званіемъ почетнаго лейбъ-медика (въ 1903 году онъ пожалованъ въ лейбъ-медики), Шершевскій, кромѣ того, получаетъ широкую практику въ нѣкоторыхъ придворныхъ кругахъ и въ высшемъ обществѣ. Такъ, онъ приглашается домашнимъ врачомъ къ великому князю Владиміру Александровичу и великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, къ великому князю Николаю Николаевичу, великому князю Петру Николаевичу и великой княгинѣ Милицѣ Николаевнѣ. Его приглашаютъ на совѣщаніе по поводу здоровья опасно больного, нынѣ покойнаго, великаго князя Георгія Александровича; королевская чета князей черногорскихъ также обращается къ нему для установленія діагноза болѣзни княгини черногорской, по поводу которой западно-европейскіе врачи не могли прійти къ единогласному мнѣнію. Голосъ Шершевскаго, какъ послѣдствія то подтвердили, и оказался тѣмъ голосомъ умнаго и знающаго русскаго врача, который сумѣлъ подойти правильно къ вопросу и указать его рѣшеніе на пользу страждущей больной. Вообще этотъ отмѣченный отъ природы печатью выдающейся даровитости врачъ былъ незамѣнимымъ консультантомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ природа ставила медицинѣ трудные вопросы и загадки, надъ разрѣшеніемъ которыхъ тщетно иногда работали его товарищи по профессіи. Какъ уже говор но было въ «Новомъ Времени» (№ 12183), его консультаціи носили на себѣ характеръ артистической виртуозности и тамъ, гдѣ его коллеги становились втупикъ, онъ смѣло и блестяще подходилъ къ діагнозу и правильно ставилъ таковой на удивленіе и самому больному и своимъ товарищамъ. Тутъ недаромъ употреблено выраженіе «на удивленіе самому больному»,

ибо можно было указать случаи, когда нашъ терапевтъ раскрывалъ такія первопричины заболѣванія, которыя больной скрывалъ и отъ присутствующихъ, и отъ пользовавшихъ его врачей. Онъ какъ бы въ данномъ случаѣ во имя истины и пользы страдающаго срывалъ тщательно опущенную завѣсу жизни, дѣлалъ это смѣлою, рѣзкою рукою, не щадя фальшивой стыдливости пацiента, и благодаря чему только и получалась возможность облегченія его страданій. Въ этихъ діагнозахъ играла не только роль своего рода геніальность, но и та врачебная опытность и тѣ накопленныя громадныя научныя познанія, которыми онъ обогащалъ себя до послѣднихъ дней.

Въ то время, какъ многіе наши выдающіеся врачи, частію силою необходимости, подъ давленіемъ спроса на нихъ, которому они не въ силахъ противостоять, частію въ погонѣ за матеріальными благами, свыше даже физическихъ силъ расширяютъ свою практику, Михаилъ Марковичъ даже какъ бы искусственно сужалъ ее, ограничивалъ опредѣленными рамками времени, предпочитая экономію на этомъ времени посвящать самообразованію и поискамъ новыхъ источниковъ знанія, приносившихъ съ собою послѣднее слово медицинской науки, за которою онъ неустанно и внимательно слѣдилъ. Благодаря этому, ему не пришлось скопить значительныхъ матеріальныхъ средствъ, хотя это и нетрудно было сдѣлать, но зато удалось сохранить за собою какъ бы независимость отъ толпы и стать тѣмъ научнымъ авторитетомъ, къ которому всѣ окружающіе относились съ боязливою почтительностью и уваженіемъ. Рѣдко можно встрѣтить такого независимаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, каковымъ былъ покойный, независимаго отъ требованій повседневности, смѣлости въ кругу своей профессіи и рѣзкости, когда шло дѣло объ истинѣ и ея торжествѣ. Послѣднему обстоятельству онъ готовъ былъ принести въ жертву, и дѣйствительно приносилъ очень часто, и свою популярность, и соображенія матеріальнаго свойства. Въ немъ сказывалась, пожалуй, и нѣкоторая деспотическая властность характера, которая не любитъ подчиняться, по стремится подчинить себѣ окружающихъ. Отсюда обиліе его друзей, которые его, какъ врача, боготворили и за его спиною какъ бы считали свою жизнь обезпеченною отъ злыхъ покушеній на нее природы, и отсюда же обиліе недруговъ, которые не прощали ему ни этой независимости, ни этой авторитетной властности. И не будетъ ошибкою сказать, что послѣднихъ у него было немало, которые злословили его и приписывали ему такія свойства, какихъ онъ именно былъ совершенно чуждъ. Въ одномъ случаѣ онъ позволилъ себѣ, вопреки соображеніямъ этикета и выгодѣ карьеры, высказать одному высоко стоящему лицу горькую и неподкрашенную истину и тѣмъ самымъ лишился въ дальнѣйшемъ доступа туда, куда обычно стягиваются помыслы и вожделѣнія его коллегъ. Въ

другихъ случаяхъ онъ нарочно подчеркивалъ свою независимость отъ протекціи и высоты положенія обращавшихся къ нему и тѣмъ самымъ лишался выгодныхъ паціентовъ. Когда на одномъ изъ пріемовъ одно лицо пожелало въ ущербъ и обходъ другимъ больнымъ получить къ нему доступъ раньше срока исключительно только благодаря своему чиновному званію, Шершевскій отказался совершенно принять это лицо, заявивъ, что пріемъ его ограниченъ имѣющимися налицо въ пріемной комнатѣ больными, и пропустилъ за порогъ своего кабинета какого-то сѣраго обывателя, смиренно дожидавшагося очереди. Онъ этимъ какъ бы подчеркнулъ, что передъ лицомъ врача всѣ больные равны и въ страданіяхъ людская табель о рангахъ не играетъ никакой роли.

Не менѣе рѣзокъ и откровененъ онъ былъ и со своими коллегами. Младшихъ распекалъ за забвеніе той науки, которую имъ преподавали еще недавно на школьной скамьѣ, равныхъ себѣ—за погоню за практикою, лишающую ихъ возможности слѣдить за успѣхами опытнаго знанія новѣйшаго времени.

Что касается круга паціентовъ, то тутъ Шершевскій, съ одной стороны, какъ уже сказано выше, имѣлъ значительное число почитателей, съ другой—пользовался молвою доктора «недоступнаго» и «невидимаго», на пріемъ къ которому трудно попасть, а залучить къ себѣ на домъ еще труднѣе. Эта молва о «недоступности» дѣйствительно имѣла за собою реальныя основы, ибо Шершевскій, по соображеніямъ, о коихъ уже говорено, ограничивалъ собственною волею практику, экономизируя время для научныхъ занятій и сберегая свое личное здоровье, которое было очень пошатнуто и нуждалось также въ постоянномъ уходѣ и береженіи. Отсюда репутація недоступности, къ которой присоединялась и репутація рѣзкости въ родѣ той, которая была свойственна покойному московскому профессору Захарьину. Онъ требовалъ подчиненія своей волѣ со стороны больного, своему авторитету, сражаясь въ данномъ случаѣ съ фантазіями паціента и съ тѣмъ домашнимъ знахарствомъ, которое сплошь и рядомъ ставитъ врачамъ препоны къ правильному пользованію больного.

Нужно было наблюдать Михаила Марковича около тѣхъ больныхъ, которые ему подчинялись, въ него вѣрили, чтобы понять, какое значеніе онъ для нихъ имѣлъ. Снаружи казалось, что онъ просто ихъ деспотъ съ примѣсью нѣкотораго самодурства, позволяющаго ему давать волю своимъ капризамъ и нервамъ, но вотъ передо мною одно изъ его писемъ къ редактору «Историческаго Вѣстника», изъ котораго чрезвычайно характерно выглядываетъ образъ покойнаго, какъ многолѣтняго домашняго врача семейства Шубинскихъ, изучившаго своихъ паціентовъ и дѣлающаго признаніе о своей программѣ дѣйствій. С. Н. Шубинскій задержался въ прошломъ году на дачѣ и написалъ своему другу-доктору о

своемъ позднемъ, по домашнемъ обстоятельствамъ, возвращеніи въ городъ. И вотъ въ отвѣтъ Шершевскій шлетъ ему обширное посланіе, гдѣ говоритъ, давая волю своему сарказму и недовольству: «Люди забываютъ, что есть нѣчто выше насъ и что если врачи могутъ что-либо сдѣлать въ серьезномъ случаѣ, то только не отходя отъ больного и слѣдя за каждой мелочью. Забываютъ и играютъ въ жмурки съ Богомъ и людьми. Я не знаю, какъ и чѣмъ васъ убѣдить, а между тѣмъ это не болтовня, а крайность. И все-таки слова мои будутъ на вѣтеръ сказаны! Какъ изъ Любани уѣхать раньше задуманныхъ всякихъ мелочей! Тяжело это писать и тяжело сознавать, что нѣтъ у меня силъ настоять на своемъ. Заранѣе знаю всѣ доводы, которые будутъ приведены,—и все это вздоръ и значенія не имѣютъ. Да, что я подѣлаю? Истерзаюсь и только. Но преступникомъ противъ совѣсти и предо мною будетъ тотъ, кто не послушается на этотъ разъ моего настоятельнаго совѣта и сердечной просьбы. Вспоминая прошлое и отдавая себѣ ясный отчетъ во всемъ, я могу сказать, что я далеко не Богъ во врачебномъ смыслѣ, но для васъ мнѣ удалось многое сдѣлать только благодаря вдумчивости и глубокому желанію поставить вѣрный діагнозъ. Въ вашей болѣзни—это все. Зная васъ такъ, какъ я, можно даже командовать и самой жизнью. Но... только при условіи частаго наблюденія. Оба вы не обратили вниманія на то, что я безъ нужды сталъ часто наѣзжать. Вы даже привыкли къ этому, не давая себѣ яснаго отчета. Конечно, приходилось и манкировать, но зачастую и это дѣлалось не безъ расчета. Въ основѣ всего этого лежало только одно—узнать всю суть настолько, чтобы въ минуту нужды не быть въ темнотѣ. И на все это мнѣ дается одинъ отвѣтъ: раньше конца ноября никакъ нельзя пріѣхать, потому что то не улажено, то не сварено и тому подобный рядъ важныхъ соображеній. Согласитесь, что это больше, чѣмъ драма. Отнять цѣлыхъ два мѣсяца наблюденія!! Вѣдь это самоубійство!!..»

Когда я ознакомился съ содержаніемъ настоящаго письма, многое изъ докторской манеры Шершевскаго въ отношеніи часто недугующаго редактора «Историческаго Вѣстника» мнѣ стало понятно: и его порою затяжные визиты, гдѣ онъ, какъ будто совершенно игнорируя самочувствіе своего паціента, занималъ время разсказами о себѣ и своей дѣятельности въ ученомъ медицинскомъ совѣтѣ, занятіями и работами котораго онъ очень увлекался; и его внезапныя исчезновенія на долгіе промежутки времени, несмотря на подчасъ настойчивыя приглашенія о прибытіи, что приводило нетерпѣливаго больного въ волненіе и досаду. Все это были со стороны врача методы испытанія паціента, котораго онъ дѣйствительно искренно любилъ и уважалъ и который, быть можетъ, въ послѣднія 10—15 лѣтъ жизни былъ ему самый близкій человѣкъ, которому онъ раскрывалъ свою душу и съ которымъ

дѣлился волнующими его чувствами и думами. Впрочемъ, частыя исчезновенія Шершевскаго имѣли за собою и иныя причины: это былъ больной человѣкъ, съ больнымъ сердцемъ, больною печенью, расшатаннымъ организмомъ. Стоило взглянуть на его желтоватое лицо, по которому постоянно переливали нервныя судороги, бѣлыя тонкія губы, лихорадочно блестящіе чрезъ призматическія стекла очковъ глаза, чтобы сразу понять, что передъ вами далеко не образецъ здоровья; въ данномъ случаѣ какъ-то невольно напрашивалось на языкъ изреченіе: «врачу, исцѣлися самъ». Письма его къ С. Н. Шубинскому почти всѣ переполнены сѣтованіями на свое физическое и душевное недомоганіе, недомоганіе, принимавшее подчасъ очень острый и опасный поворотъ. Отправившись въ 1909 г. за границу для поправленія здоровья и вернувшись оттуда, онъ писалъ своему другу-паціенту: «Хотя и пріѣхалъ 18-го, но до сихъ поръ не въ силахъ былъ и сѣсть. Что я вынесъ нынѣ за границей— одному Богу извѣстно. Только до Берлина доѣхалъ здоровый, а ужъ тутъ основательно заболѣлъ. На четвертый день по выѣздѣ изъ П-га слегъ, и такъ до конца». Эти частыя физическія недомоганія ослабляли его, нервировали, дѣлали не въ мѣру раздражительнымъ и впечатлительнымъ. Эти свойства природы—нервность и раздражительность—находили себѣ богатое питаніе изъ тѣхъ ощущеній, которыя несла ему и отечественная дѣйствительность, особенно въ послѣдній ея историческій періодъ.

Необходимо отмѣтить для полноты портрета Шершевскаго, какъ представителя этой общественности, что онъ былъ изъ ряду выходящій, образованный, просвѣщенный сынъ своего вѣка, для котораго всѣ достоянія этого вѣка далеко не были безразличны. Удаляясь отъ общества и улицы въ тишь своего кабинета извѣстной квартиры на Сергіевской, гдѣ текли его одинокіе дни [1]), онъ посвящалъ свое время не только изученію своей врачебной спеціальности, но и общему чтенію, которое составляло своего рода болѣзненную потребность его природы. Безъ книгъ онъ не могъ существовать, это были его истинные друзья, приносившіе ему и радость, и горе, въ зависимости отъ дарованія писателей. О прочитанномъ онъ любилъ говорить, а когда болѣзнь задерживала его на долго дома, онъ спѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ своимъ другомъ С. Н. Шубинскимъ. Можно было бы привести многія выдержки изъ этихъ его писемъ, но, къ сожалѣнію, онѣ слишкомъ рѣзки и относятся къ живымъ людямъ, о которыхъ говорить сейчасъ неудобно, но одно характерное письмо мы считаемъ все же по нѣкоторымъ со-

---

[1]) Шершевскій былъ вдовцемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ потерялъ и дочь, унесенную недугомъ чахотки, которою она заразилась, ухаживая за своимъ первымъ больнымъ мужемъ. Оставшіяся послѣ нея двое дѣтей, внуки Михаила Марковича, были взяты на попеченіе вторымъ ея мужемъ, извѣстнымъ проф. Ѳ. А. Брауномъ.

ображеніямъ полезнымъ процитировать. Оно касается А. С. Суворина, съ которымъ Михаилъ Марковичъ былъ, къ слову сказать, очень мало знакомъ. Шершевскій писалъ въ смутные дни одного изъ послѣднихъ годовъ своему другу:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ.

«Не удивитесь этому посланію и отнеситесь къ нему снисходительно.

«Если за эту послѣднюю недѣлю я не сошелъ съ ума отъ мучительной, безысходной тоски и одиночества, то только благодаря Суворину. Какъ институтка, пишущая восторженныя письма Жюль Верну, и у меня явилась необходимость подѣлиться, а какъ результатъ—это письмо, которое отниметъ у васъ время и тоску наведетъ. Но не могу не высказать, сколько добра, сколько свѣтлыхъ минутъ доставилъ мнѣ Суворинъ, не театралъ, но Суворинъ-публицистъ-Незнакомецъ своими безконечно молодыми статьями, помѣщенными въ №№ этой недѣли. Я лично готовъ на всякія жертвы, лишь бы оторвать его отъ проклятаго театра и снова и снова пришить къ его дѣтищу—«Новому Времени»... Этотъ рѣдкій по сердцу и теплотѣ таланта, этотъ исключительный человѣкъ, перомъ могущій подчинять себѣ все и вся и безконечно много добра принести бѣдной, измученной Россіи, какъ принесъ мнѣ, изстрадавшемуся въ конецъ. Что бы сдѣлать?

«Я чувствую, что говорю наивныя пошлыя глупости, но вы любите Суворина и вамъ не можетъ быть безразлично мнѣніе хотя бы и моего маленькаго ничтожества. Искреннее сердечное ему спасибо за статью о московскихъ рѣчахъ (Голиц. Владим.) и за вторую передовую статью, хотя и не подписанную...»

Не состоя лично ни въ какомъ «политическомъ приходѣ», не примыкая ни къ какимъ ярко обозначеннымъ общественнымъ группамъ и партіямъ, Шершевскій въ общемъ своемъ міросозерцаніи, поскольку таковое обнимало собою повседневную дѣйствительность въ ея исторической постановкѣ, относилъ себя къ прогрессистамъ-шестидесятникамъ, принявшимъ свое духовное крещеніе изъ завѣтовъ «Современника». Такъ, приглашенный къ участію въ чествованіи 30-лѣтія редакторства С. Н. Шубинскаго, онъ писалъ мнѣ: «Приношу мою глубокую благодарность за приглашеніе и за пріобщеніе меня къ литературной семьѣ «Историческаго Вѣстника». Послѣднее мнѣ особенно дорого, напоминая о тѣхъ далекихъ дняхъ юности и студенчества, когда старая литературная семья «Современника» 60-хъ годовъ закладывала основы моего будущаго міросозерцанія и направляла на путь торный писательства. Свято исполнивъ въ своей области эти завѣты, мнѣ, понятно, дорого все то, что хоть и отдаленно, напоминаетъ о томъ «далекомъ», куда ужъ не вернешься».

Уродливыя крайности нашей сорвавшейся съ цѣпи дѣйствительности въ революціонный періодъ приводили его въ сильнѣйшее раздраженіе, и онъ, не стѣсняясь словами, посылалъ ей укоры и проклятія. Вотъ тоже характерное его письмо къ С. Н. Шубинскому:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ.

«Надо быть выкованнымъ изъ очень хорошей стали и очень, притомъ, крѣпкой закалки, чтобы вынести все то, что творится кругомъ, одновременно выбиваясь изъ силъ, чтобы дотащить до конца свой собственный крестъ, тяжелый, невыносимый и непосильный. Это, несомнѣнно, качество «нашего» поколѣнія. Нынѣшніе, соціалъ-демократы, революціонеры-демократы и пр.... въ сущности, по характеру, воспитанію, чистые аристократы и ничего подобнаго тому, что мы вынесли и выносимъ, имъ не вынести. Но какъ ни крѣпки мы, но долго и намъ не вынести. Я дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ, и прямо злоба закипаетъ во мнѣ, когда вижу на улицѣ щеголя-гимназиста и студента на высокихъ каблукахъ и въ туго натянутыхъ штрипками панталонахъ... Издали видно, что для того, и другого процессъ надѣванія фуражки составляетъ вопросъ жизни, не говоря уже объ особенностяхъ покроя. И эта-то праздная, безмозглая и безграмотная компанія командуетъ Россіей подъ именемъ соціалъ-демократовъ, они-то, предводимые Горькимъ, составляютъ рабочую партію, отъ ея имени пишутъ и говорятъ, называя ихъ товарищами!!!.. Отвернулся отъ Россіи Богъ! Что будетъ худо — мы всѣ предвидѣли, но что Минскіе, Горькіе и гимназисты станутъ надъ нами — это ужъ чудовищно. Удивляются, что благоразумный элементъ какъ бы равнодушенъ. Да, вѣдь если обухомъ по головѣ хватятъ, то долго останешься безъ сознанія; а вѣдь это хуже всякаго обуха. Упразднить все серьезное, научное, какъ вредное и мѣшающее, и кричать о правахъ, свободѣ и переустройствѣ всего вѣкового склада — да вѣдь дальше итти некуда!»

Такъ волновался просвѣщенный шестидесятникъ причудливыми переливами нашей взбудораженной общественности, такъ тосковало его больное сердце по Россіи, такъ пессимистично смотрѣлъ онъ на настоящее и будущее. Вѣчное одиночество, общественная изолированность, несомнѣнно, усиливали щемящее чувство и можно было предвидѣть, что человѣкъ, такъ волнуясь и горя огнемъ, долго не выдержитъ. А тутъ еще несчастный инцидентъ по практикѣ въ одномъ высокопоставленномъ домѣ усилилъ угнетенное состояніе его самочувствія. Роль въ этомъ инцидентѣ нашего терапевта осталась далеко не выясненной, хотя обвиненія пали именно на его голову. Организмъ не вынесъ напряженія, и Шершевскаго подъ утро на 7 февраля не стало. Выбылъ изъ жизненнаго строя круп-

ный человѣкъ, оригинальный, самобытный, оставлявшій по себѣ замѣтный слѣдъ всюду, куда онъ появлялся. Скорбь о понесенной утратѣ ясно сказалась на его похоронахъ и въ тѣхъ краткихъ некрологахъ, которые посвятила ему повременная печать. Остается пожелать, чтобы печать спеціальная, медицинская отвела ему въ своихъ анналахъ надлежащее мѣсто и отмѣтила его жизнь и служеніе страждущему человѣчеству въ надлежащемъ свѣтѣ. Михаилъ Марковичъ Шершевскій заслужилъ добрую память, и имя его долго будетъ поминаться всѣми знавшими его съ благодарностью, любовью и почтеніемъ.

Прибавимъ кстати, что свою богатую медицинскую библіотеку М. М. завѣщалъ недавно открытому Саратовскому университету.

Г. Л. И.

КЪ БІОГРАФІИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ВЪ СВОЕЙ статьѣ «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, мы сообщили нѣсколько подробностей изъ жизни Николая Гавриловича. Теперь намъ сообщенъ новый матеріалъ, за доставленіе котораго приносимъ глубокую благодарность П. А. Никольскому, бывшему смотрителю саратовскаго духовнаго училища.

Николай Гавриловичъ очень интересовался саратовской стариной. Во время его ученья въ семинаріи, въ Саратовѣ жилъ отставной инспекторъ (теперь эта должность называется—помощникъ смотрителя) саратовскаго духовнаго училища, Иванъ Николаевичъ Виноградовъ [1]). Жилъ онъ «на горахъ», далеко отъ дома родителей Николая Гавриловича. (Надо замѣтить, что Саратовъ съ правой стороны окруженъ громаднымъ Глѣбучевымъ оврагомъ, гдѣ живетъ главнымъ образомъ нищета, за Глѣбучевымъ оврагомъ начинается часть города, называющаяся «горами»,—такое названіе дала этой части города гористая мѣстность).

---

[1]) Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ саратовскихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ Ф. В. Духовниковъ (заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ его рукописей, принадлежащихъ теперь М. В. Шмелевой), иногда встрѣчались учителя съ доброй, любящей душой; они обыкновенно служили противовѣсомъ той грубой силѣ, которая господствовала надъ юношествомъ. Снисходительность и участіе къ положенію ученика, ласковое слово съ учащимися считалось по тому времени потерею учительскаго авторитета. Чѣмъ дальше стоялъ отъ учениковъ учитель и чѣмъ суровѣе онъ былъ, тѣмъ лучшею репутаціею пользовался онъ у начальства. И вотъ, среди этого безпросвѣтнаго мрака и жестокости отыскивается человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и отзывчивой душой. Онъ проливаетъ гуманныя чувства на отношенія къ учащимся и парализуетъ ту холодную жестокость, которая безпричинно тяготѣетъ надъ цѣлымъ учебнымъ заведеніемъ. Несомнѣнно, такимъ добрымъ человѣкомъ для саратовскаго духовнаго училища и былъ И. Н. Виноградовъ, занимавшій 30 лѣтъ должность учителя, а потомъ инспектора училища.

Виноградовъ въ свое время отличался смѣлостью и самостоятельностью, чѣмъ, вѣроятно, и привлекалъ къ себѣ сердце свободолюбиваго юноши. Разсказываютъ, что однажды въ училищѣ происходилъ экзаменъ; пріѣхалъ архіерей, а архіереи въ то время отличались большими строгостями, а иногда даже странностями. Архіерей вошелъ въ классъ и сѣлъ, не приглашая садиться Ивана Николаевича. Тому, какъ человѣку хромому, стоять долго было трудно; постоялъ, постоялъ, да и говоритъ: «Ваше преосвященство, позвольте мнѣ сѣсть!» Это, по тому времени, была большая смѣлость.

Къ этому-то Виноградову и ходилъ Николай Гавриловичъ. Несмотря на то, что Иванъ Николаевичъ жилъ очень далеко отъ дома Николая Гавриловича, семинаристъ-Чернышевскій очень часто (почти ежедневно) посѣщалъ Виноградова, который тогда былъ уже глубокимъ старикомъ. Въ то время, уже подъ конецъ своей жизни, Виноградовъ былъ разбитъ параличомъ и проживалъ на полную пенсію; а надо замѣтить, что эта пенсія равнялась 12 руб. 50 коп. (Тогда старшій учитель духовнаго училища получалъ жалованья—12 руб. 50 коп., а младшій—7 р. 15 к. въ мѣсяцъ. Интересно отмѣтить, что въ 1840—1870-хъ годахъ въ Саратовской губерніи, особенно въ уѣздныхъ городахъ, чувствовался сильный книжный голодъ, и вотъ одинъ изъ учителей духовнаго училища въ Петровскѣ, желая пользоваться книгами изъ библіотеки какого-то петровскаго помѣщика, безплатно готовилъ его дѣтей).

Какъ человѣкъ, много пожившій и много видѣвшій, Виноградовъ, понятное дѣло, могъ много интереснаго сообщить Николаю Гавриловичу.

Вотъ нѣсколько воспоминаній очевидца о первыхъ дняхъ послѣ смерти Чернышевскаго и его похоронахъ.

18-го октября 1889 г. П. А. Никольскій, жившій тогда въ Саратовѣ, посѣтилъ квартиру покойнаго писателя.

Какой-то артиллерійскій офицеръ дѣлалъ красками портретъ Николай Гавриловича. Кромѣ офицера, въ квартирѣ почти никого не было. П. А. разговорился съ женой покойнаго, Ольгой Сократовной, и узналъ отъ нея и отъ одной близко знакомой семейству Чернышевскихъ женщины, что Николай Гавриловичъ простудился въ пятницу, 13 октября, когда ѣздилъ на вокзалъ желѣзной дороги отправлять свои письма. Дѣло въ томъ, что Николай Гавриловичъ имѣлъ обычай самъ непосредственно относить свою корреспонденцію на почту. Пригласили врача [1]); онъ опредѣлилъ болотную лихорадку (въ Саратовѣ эта болѣзнь очень сильно распространена, благодаря тому, что городъ лежитъ въ ямѣ, съ одной стороны, и противъ большаго острова на Волгѣ — съ другой. На островахъ, обычно затопляемыхъ во время разлива, разлагается масса всякихъ подвергающихся гніенію веществъ,—а отсюда и нездоровый кли-

[1]) Это былъ г. Брюзгинъ.

матъ города съ его постоянной малярiей и большой смертностью). Докторъ лечилъ Николая Гавриловича отъ этой лихорадки, но больному дѣлалось хуже и хуже. Тогда пригласили еще двухъ врачей— Э. А. Бонвеча и М. И. Кроткова. Эти доктора пользовались репутацiей лучшихъ знатоковъ медицины въ городѣ (первый здравствуетъ еще и теперь, имѣя большую практику, а второй умеръ въ 1890 годахъ, будучи, дѣйствительно, однимъ изъ лучшихъ докторовъ Саратова и прекраснымъ человѣкомъ. М. И. былъ врачомъ при здѣшней семинарiи и оставилъ по себѣ самыя лучшiя воспоминанiя у всѣхъ, кто его зналъ). Если эти доктора не могли оказать помощи Николаю Гавриловичу, то это, думается, объясняется главнымъ образомъ общей ослабленностью организма больного писателя, который не могъ вынести слишкомъ рѣзкой разницы сибирскаго и астраханскаго климатовъ.

17-го октября съ больнымъ неожиданно сдѣлался ударъ, и Николай Гавриловичъ лишился языка; затѣмъ скоро скончался.

Интересная подробность, которая можетъ возбудить подозрѣнiе относительно своей дѣйствительности: на другой день послѣ смерти Николая Гавриловича въ его квартиру рано утромъ, часовъ въ шесть, является домохозяинъ, одѣтый совсѣмъ по домашнему, въ халатѣ и пр., и начинаетъ плакать, подойдя близко къ покойнику. Удивленная супруга Николая Гавриловича спрашиваетъ плачущаго хозяина, что̀ онъ такъ убивается: вѣдь хозяинъ почти совсѣмъ не зналъ покойнаго?

Хозяинъ отвѣчалъ сквозь слезы: «кто же мнѣ теперь заплатитъ за квартиру впередъ?»

18-го октября хоронили Чернышевскаго.

Народу было много, главнымъ образомъ интеллигенцiи, особенно женщинъ и молодежи «извѣстнаго закала», по выраженiю П. А. Никольскаго. Весь катафалкъ былъ покрытъ вѣнками и лентами, среди которыхъ особенно бросались въ глаза надписи: «Уму и таланту отъ молодежи», «Великому писателю отъ интеллигенцiи» и т. д.

Похороны прошли совершенно мирно.

Уже упоминавшаяся нами женщина сообщила автору воспоминанiй, что при жизни Николая Гавриловича дѣвицы NN выдавали себя за его племянницъ [1]). На самомъ же дѣлѣ это были дочери еврея, крещеннаго отцомъ писателя, Гаврiиломъ Ивановичемъ, который, по тогдашнему обычаю, далъ крещенному свою фамилiю; отсюда и семейство еврея стало носить имя Чернышевскихъ.

Александръ Лебедевъ.

---

[1]) Крестники Г. И. Чернышевскаго до сихъ поръ здравствуютъ въ Саратовѣ. Вѣроятно, ихъ считали за родственниковъ великаго писателя, а не они выдавали себя за таковыхъ; дѣло въ томъ, что теперь они, какъ намъ извѣстно, нисколько не претендуютъ на родство съ Чернышевскими. А. Л.

ДНИ КАРАМЗИНСКАГО ЮБИЛЕЯ 1866 ГОДА.

(Отрывокъ «Дневника» Я. К. Грота).

ОТЕЦЪ мой, академикъ Я. К. Гротъ, не оставилъ ни цѣльныхъ записокъ своихъ, ни подробнаго дневника, какихъ онъ и не велъ въ теченіе хотя бы сколько-нибудь значительнаго періода времени или опредѣленной эпохи своей жизни. До конца дней своихъ онъ дѣятельно и неутомимо работалъ въ своей научной области и отдавалъ себя всего и все свое время безъ остатка какъ этой работѣ, такъ и служебнымъ своимъ дѣламъ, а потому не могъ удѣлить времени и на составленіе своихъ воспоминаній, какъ это удается многимъ удалившимся на покой дѣятелямъ на склонѣ ихъ жизни.

А записки или воспоминанія его могли бы дать много цѣннаго и интереснаго за каждый изъ періодовъ или фазисовъ его долгой и разнообразной трудовой жизни, его научной, общественной и служебной профессорско-академической дѣятельности, благодаря его обширнымъ связямъ и отношеніямъ въ самыхъ различныхъ сферахъ и кругахъ общества.

Однакожъ Я. К., если и не велъ постоянно настоящаго дневника, то все же любилъ и чувствовалъ потребность съ молодыхъ лѣтъ, какъ и въ зрѣлые годы, не только отмѣчать на память въ своихъ записныхъ книжкахъ житейскіе факты, событія дня и впечатлѣнія свои, но и записывать свои наблюденія и мысли, явленія и моменты изъ области своей внутренней, душевной жизни.

Впрочемъ, это послѣднее относится главнѣйше къ годамъ его юности и молодости и связано съ его тогдашней упорной работой надъ собой, надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ саморазвитіемъ. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой склонности къ веденію записокъ можетъ служить и изданная «Переписка» его съ его другомъ П. А. Плетневымъ, гдѣ имѣются въ изобиліи записи того и другого порядка, т. е. размышленія общаго характера (автобіографическаго значенія) и ежедневный отчетъ о внѣшнихъ фактахъ и времяпрепровожденіи.

Такимъ образомъ, изъ каждой эпохи жизни Я. К. сохранились замѣтки или записи (конечно, отрывочныя и краткія) того или другого типа: изъ самой ранней эпохи рядъ случайныхъ замѣтокъ и наблюденій, раскрывающихъ его юный внутренній міръ и нравственное развитіе, изъ эпохи финляндской жизни (1840—1853) подобныя же замѣтки и богатый автобіографическій матеріалъ въ «Перепискѣ» съ П. А. Плетневымъ; изъ эпохи 50-хъ годовъ и начала 60-хъ записки о преподавательской дѣятельности при дворѣ и наконецъ съ конца 60-хъ годовъ и до конца жизни имѣются въ записныхъ книжкахъ Я. К. его лаконическія, отрывочныя записи о текущихъ занятіяхъ, посѣщеніяхъ, встрѣчахъ и наиболѣе выдающихся фактахъ и эпизодахъ.

Не разъ Я. К. даже начиналъ вести систематически свой дневникъ, но это не удавалось, ибо не могло быть совмѣщено съ его всегда усиленной научной работой и служебными академическими занятіями, которыми было наполнено съ утра до вечера все его рабочее время.

Предлагаемый здѣсь вниманію читателей отрывокъ дневника изъ конца 1866 года представляетъ собой именно такую попытку вести свой журналъ, но попытку и на сей разъ потерпѣвшую неудачу. На этотъ разъ попытка была, очевидно, вызвана знаменательнымъ событіемъ академической жизни—Карамзинскимъ юбилеемъ, который вывелъ и Я. К. изъ обычной колеи и заставилъ набросать на бумагу свои впечатлѣнія. Печатаемъ ихъ, полагая, что эти современныя событію, бѣглыя замѣтки не лишены историческаго и бытового интереса.

1866.

13-го октября. Получилъ отъ Пекарскаго рукопись его примѣчаній къ «Письмамъ Карамзина» [1]).

Вечеромъ былъ во дворцѣ на балѣ съ братьями жены [2]): праздновалось обрученіе наслѣдника. Видѣлъ вблизи всю царскую фами-

---

[1]) Ко дню столѣтія рожденія Н. М. Карамзина Я. К. Гротъ и П. Пекарскій издали, по порученію академіи наукъ, «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» съ примѣчаніями и указателемъ.

[2]) Н. П. и П. П. Семеновыми.

лію, хорошо разсмотрѣлъ оживленное, веселое, игривое лицо принцессы Дагмары. Къ десяти часамъ все было кончено. Графъ Толстой сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Делянова о желаніи моемъ переговорить съ нимъ и назначилъ мнѣ быть у него въ часъ пополудни въ сюртукѣ.

14-го октября. Я былъ у графа Толстого. Онъ посадилъ меня на диванъ и предложилъ мнѣ папироску. Я принесъ ему отпечатанные листы «Писемъ Карамзина» и потому разговоръ начался съ предстоящаго юбилея. Потомъ говорили о бѣдности казны, о томъ, что новый уставъ академіи еще не можетъ получить ходу, о гимназіяхъ, гдѣ онъ нашелъ во время ревизіи, что учатся очень мало, о нигилизмѣ и двухъ новыхъ органахъ его—«Дѣло» и «Женскій Вѣстникъ», наконецъ объ «Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ» [1]), которому онъ совѣтуетъ быть очень осторожнымъ въ выдачахъ, чтобы не дать поводу къ мысли, что онъ сочувствуетъ извѣстнымъ литераторамъ. Просилъ, чтобы я впредь писалъ ему, когда захочу съ нимъ видѣться, а онъ разочтется съ своимъ временемъ и назначитъ мнѣ свиданіе.

19-е октября. Поутру была у меня княгиня Мещерская (рожденная Карамзина) съ тетрадью писемъ своего отца, прося позволенія продержать ее еще дня два. Вмѣстѣ съ тѣмъ она протестовала противъ напечатанія писемъ родныхъ послѣ его смерти. Я возражалъ, что они необходимое дополненіе къ письмамъ самого Н. М., безъ нихъ картина его жизни не полна, притомъ они служатъ къ чести памяти его и его семьи, и наконецъ будутъ же непремѣнно напечатаны, если не теперь, то позже. Она, видимо, поколебалась, хотя и молчала.

На лицейскомъ обѣдѣ въ гостиницѣ Демута было 22 человѣка. Я прочелъ всѣ пьесы Пушкина на 19-е октября и отрывки изъ исторіи лицея и нѣкоторые другіе стихи Пушкина. Этимъ были очень довольны и провозгласили меня почетнымъ членомъ. Заплатили по 10 рублей 50 копеекъ. Слишкомъ дорого! Зачѣмъ такая роскошь въ яствахъ!

22-е октября. Серебряная свадьба Харламовыхъ [2]). Мы пробыли тамъ до третьяго часа, ужинали.

26-е октября. Обѣдалъ у П. П. Семенова съ датчаниномъ Baron Dirkinck Holmfelt, пріѣхавшимъ сюда въ свитѣ датскаго принца. 69-лѣтній старикъ, но еще пляшетъ; говоритъ на многихъ языкахъ.

Вечеръ провелъ первый разъ у княгини Мещерской (рожденной Карамзиной), которая, рекомендуя меня г-жѣ Батюшковой, назвала меня русскимъ Вильменомъ. Тутъ была Карамзина, бывшая Демидова.

---

[1]) Въ 1866 г. Я. К. былъ избранъ предсѣдателемъ литературнаго фонда (вм. Е. П. Ковалевскаго).

[2]) Н. Н. Харламовъ, товарищъ Я. К. по лицею.

27-е октября. Читалъ во II отдѣленіи начало рѣчи о Карамзинѣ.

1-е ноября. Въ предыдущіе дни пристально занимался примѣчаніями къ «Письмамъ Карамзина» и почти ничего другого не дѣлалъ. Наталія Петровна [1]) страдаетъ сильной простудой и не выходитъ изъ дому. Ея здоровье даже безпокоило меня, но докторъ Казакевичъ успокаиваетъ меня, находя въ ея состояніи только сильную простуду. Она схватила этотъ новый катаръ въ Зимнемъ дворцѣ, на хорахъ, во время бракосочетанія наслѣдника 28-го октября. Я былъ также во дворцѣ и даже въ церкви. 30-го числа, въ воскресенье, назначено было поздравленіе новобрачныхъ; но по нездоровію молодой оно отложено. Воскресенье былъ у меня Влад. Карамзинъ и сидѣлъ довольно долго; я далъ ему неизвѣстное доселѣ французское сочиненіе его отца (набранное уже) [2]), выписанное Пекарскимъ изъ Парижа. Потомъ былъ у княгини Мещерской по ея желанію; они оба сильно боятся, чтобы не устроили въ день юбилея обѣдъ, на которомъ, пожалуй, будутъ разныя заявленія политическихъ партій; такъ, издатель «Вѣсти» уже выразилъ желаніе воспользоваться случаемъ для дворянской демонстраціи. Родные Карамзина не желаютъ также, чтобы сюда пріѣхалъ Погодинъ, такъ какъ онъ намѣренъ извлечь барышъ изъ чтеній передъ юбилеемъ, котораго эффектъ будетъ этимъ ослабленъ.

Сегодня я читалъ у Мещерской, по ея приглашенію, первую половину своей рѣчи о Карамзинѣ. Тутъ были, кромѣ ея и ея мужа: сынъ ея и дочь, сестра ея Лизавета Карамзина, князь Вяземскій, Сербиновичъ и еще какія-то дамы. Чтеніемъ моимъ были очень довольны; княгиня съ чувствомъ и даже со слезами благодарила меня.

Когда будетъ готова вторая половина, я обѣщалъ прочесть и ее. Лиза Карамзина нравится мнѣ какою-то сердечностью.

7-го декабря. Столѣтній юбилей Карамзина отпразднованъ 1-го числа съ честью для академіи. Никогда еще не былъ я такъ занятъ, какъ въ послѣднія недѣли передъ этимъ днемъ. Надо было успѣть напечатать къ этому дню «Письма Карамзина къ Дмитріеву» и приготовить рѣчь [3]), а между тѣмъ шли своимъ чередомъ и дѣла по отдѣленію русскаго языка. Послѣ вышеупомянутаго чтенія у княгини Мещерской было еще чтеніе у Владимира Карамзина за нѣсколько дней до юбилея. Онъ пригласилъ меня къ обѣду вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ и Маркевичемъ, который долженъ былъ читать въ академіи

---

[1]) Жена Я. К. (рожд. Семенова).

[2]) Lettre au spectateur sur la littérature russe. Статья эта была напечатана въ «Spectateur du Nord» 1797 г. и вошла въ академическое изданіе «Письма М. Н. Карамзина къ И. И. Дмитріеву», приложеніе VIII, стр. 473—483.

[3]) Рѣчь Я. К. имѣла заглавіе «Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина»; она вошла вмѣстѣ съ другими въ особое академическое изданіе: «Торжественное собраніе императорской академіи наукъ 1 декабря 1866 г. въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина Спб. 1867 г. (см. «Труды» его, т. II).

вмѣсто князя. Кромѣ того, тутъ обѣдалъ князь Мещерскій (мужъ Карамзиной), князь Д. А. Оболенскій, Россетъ, а во время чтенія пріѣхалъ и поэтъ Ө. И. Тютчевъ и еще нѣсколько человѣкъ. Я читалъ первый, и по окончаніи чтенія всѣ выражали мнѣ свое удовольствіе за полноту, вѣрность и теплоту очерка; а Тютчевъ похвалилъ и простоту, которая, какъ онъ замѣтилъ, нынче сдѣлалась рѣдкостью.

За нѣсколько дней до празднества пріѣхалъ изъ Москвы Погодинъ, и 29-го числа князь Вяземскій, онъ и я собрались въ залѣ академіи для репетиціи. Я уже прежде слышалъ рѣчь Погодина, который почти прямо съ желѣзной дороги пріѣхалъ ко мнѣ, а потомъ вмѣстѣ со мною ѣздилъ къ литографу Брезе, сдѣлавшему портретъ Карамзина для нашего и его изданія, и въ публичную библіотеку, гдѣ и прочелъ мнѣ свою рѣчь въ присутствіи Делянова. Сбирался читать въ академіи и Майковъ, приготовившій стихи по поводу юбилея. Но эти стихи не совсѣмъ нравились не только постороннимъ, но и ему самому. Онъ пріѣзжалъ читать ихъ ко мнѣ, а потомъ я читалъ ихъ у Карамзина въ тотъ же вечеръ, о которомъ я уже говорилъ; и тамъ впечатлѣніе было не совсѣмъ удовлетворительное. Послѣ того я получилъ отъ Майкова, изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ на нѣсколько дней, письмо, въ которомъ онъ отказывался отъ чтенія на юбилеѣ и очень вѣрно самъ указывалъ на недостатки своихъ стиховъ. Поэтому они и не попали въ напечатанную на другой день программу чтеній.

Актъ 1-го числа былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно блистателенъ. Газетныя статьи не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому что всѣ или почти всѣ пишутся съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ къ академіи, а можетъ быть, и къ самому юбилею. Собраніе было назначено въ 12 часовъ,—конечно, для того, чтобы не нужно было дѣлать никакого освѣщенія. Болѣе чѣмъ за недѣлю были разосланы о томъ пригласительныя письма родственникамъ Карамзина и къ другимъ находящимся въ близкихъ съ ними отношеніяхъ лицамъ,—къ ближайшимъ и почетнѣйшимъ письменныя за подписью президента, а къ другимъ печатныя. Между тѣмъ Владиміръ Карамзинъ заявилъ, черезъ Вяземскаго, который писалъ о томъ ко мнѣ, что онъ, сынъ исторіографа, предлагаетъ перенести собраніе на вечернее время и въ такомъ случаѣ беретъ освѣщеніе на себя.

Но такъ какъ приглашенія были уже отчасти посланы, то это не могло устроиться. Вяземскій былъ очень недоволенъ избраннымъ часомъ и выражалъ, что надобно бы съѣзжаться по крайней мѣрѣ не ранѣе часу. Однакожъ, изъ опасенія замѣшательства, онъ самъ отказался отъ этого предложенія. Въ 20-хъ числахъ ноября была весь день такая темень, что можно было опасаться, что и до 2-хъ часовъ нельзя будетъ обойтись безъ огня. Я настаивалъ, чтобы было приготовлено хоть какое-нибудь освѣщеніе. Веселовскій [1]) долго

[1]) Конст. Степ., непремѣнный секретарь имп. академіи наукъ.

упрямился, однакожъ когда я заявилъ, что наслѣдникъ, у котораго я былъ дней за десять передъ тѣмъ съ поздравленіемъ, вполовину обѣщалъ быть въ академіи на празднествѣ, то мое предложеніе было принято и ламповому мастеру Штанге поручено освѣтить залу. Графъ Литке, узнавъ отъ меня о намѣреніи наслѣдника, рѣшился ѣхать ко всѣмъ великимъ князьямъ съ приглашеніемъ. Вѣроятно, и Вяземскій, бывающій часто у императрицы, съ своей стороны, замолвилъ слово о ихъ присутствіи.

1-го декабря прибылъ я въ академію въ половинѣ 12-го и къ удивленію своему увидѣлъ, что уже болѣе половины залы занято посѣтителями. Даже въ самыхъ первыхъ рядахъ, гдѣ были приготовлены кресла для великихъ князей и для дамъ, родственницъ Карамзина, уже сидѣла часть публики.

Зала быстро наполнялась между прочимъ великосвѣтскими особами, сановниками и генералами въ лентахъ, и съ трудомъ можно было впереди отстоять нѣсколько креселъ для почетнѣйшихъ лицъ. Великіе князья Владиміръ и Алексѣй прибыли за десять минутъ до 12 часовъ. Не было еще ни президента, ни непремѣннаго секретаря. Къ счастью, я встрѣтилъ великихъ князей, и они передъ каѳедрой ласково разговаривали со мной. Потомъ явились принцы Ольденбургскій и Лейхтенбергскій, а наконецъ наслѣдникъ. Княгиня Мещерская съ своими дамами прибыла только около этого времени; къ счастью, были заготовлены въ сосѣдней комнатѣ запасныя кресла, которыя я и велѣлъ принести для нихъ. Изъ министровъ тутъ были: Валуевъ, Замятинъ, Зеленый, Мельниковъ, не считая графа Толстого (министра народнаго просвѣщенія), изъ другихъ высшихъ лицъ князь Суворовъ, князь Ливенъ (попечитель), князь Долгоруковъ (Василій Андреевичъ), графъ Шуваловъ (оберъ-гофмаршалъ), баронъ М. А. Корфъ, Титовъ, Грейгъ (товарищъ министра финансовъ), Коцебу (генералъ-губернаторъ), Мухановъ, Деляновъ, графъ Перовскій съ дочерью и проч. Изъ дамъ: графиня Протасова (гофмейстерина), графиня Апраксина, княгиня Трубецкая, графиня Бобринская, графиня Толстая (что при Маріи Александровнѣ), графиня Орлова-Давыдова (рожденная Барятинская), Голохвастова (фрейлина великой княгини Екатерины Михаиловны), Головина, княгиня Оболенская, княгиня Щербатова, Раевская (внучка Ломоносова) и др. Изъ звѣздоносцевъ многимъ пришлось стоять, напримѣръ, Валуеву, Суворову и Титову.

Чтенія продолжались $2^1/_2$ часа. Описаніе ихъ находится въ газетахъ слѣдующихъ дней [1]). Самыя громкія и частыя рукоплесканія достались Погодину или лучше, по крайней мѣрѣ большей частью, отрывкамъ, которые онъ догадался привести изъ письма Карамзина

[1]) «Сѣверная Почта», «Русскій Инвалидъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», etc.

къ императору Александру противъ возстановленія Польши. Хотя оно уже и напечатано въ «Неизданныхъ сочиненіяхъ Карамзина», изданныхъ еще въ 1862 году, но оказалось, что никто не зналъ этого письма, также какъ и самой книги (разумѣется, за немногими исключеніями).

Мнѣ апплодировали довольно сильно по окончаніи моего чтенія, въ числѣ другихъ и великіе князья. По окончаніи Маркевичемъ стиховъ Вяземскаго, Литке объявилъ, что, боясь утомить вниманіе слушателей, уже не будутъ читать рѣчи Устрялова, что было поручено Вельяминову-Зернову, за слабостью голоса самого автора. Многіе, особенно изъ молодежи, не поняли: думали, что это только роздыхъ, и долго ждали, когда уже всѣ разошлись, спрашивая: «развѣ болѣе не будетъ чтенія?» Такъ всѣ были наэлектризованы. Къ концу засѣданія сторожа вздумали зажигать люстры, чтобы не пропало даромъ приготовленное освѣщеніе, хотя какъ нарочно день былъ ясный, даже солнечный.

При выходѣ изъ залы въ проходной комнатѣ производитель дѣлъ Сомовъ [1]) раздавалъ «Письма Карамзина» (изданныя къ этому дню) и стихи Вяземскаго, а такъ какъ первыхъ, которыхъ особенно желали, было готово только 125 экземпляровъ, то естественно, что лишь немногіе изъ какихъ-нибудь 1500 посѣтителей могли получить эту книгу. Послѣ слышались жалобы, что раздача производилась по списку, Богъ знаетъ кѣмъ составленному [2]).

Любопытны были въ слѣдующіе дни толки объ этомъ собраніи [3]).

21-е декабря. Трудна задача вести журналъ. Есть столько другого дѣла, которое отвлекаетъ отъ этого. Наконецъ я собрался продолжать статью объ академическихъ чтеніяхъ.

Послѣ засѣданія ко мнѣ подходили многіе съ изъявленіями. Между прочимъ и президентъ благодарилъ меня, замѣтивъ, что мнѣ это уже не ново. Веселовскій [4]) горячо высказывалъ мнѣ свое удовольствіе, выражая свое негодованіе на то, что Погодинъ хвалитъ Карамзина за его образъ дѣйствій, а самъ поступаетъ совершенно иначе: кланялся и вертѣлся въ прихожихъ, чтобы выхлопотать себѣ ленту, и т. п. Въ слѣдующіе за актомъ дни было нѣсколько обѣдовъ, на которые я былъ приглашенъ съ Погодинымъ: въ понедѣльникъ

---

[1]) Андр. Ив. († 1909), извѣстный впослѣдствіи художественный дѣятель и историкъ русскаго искусства.

[2]) Забыта еще одна подробность. Еще до собранія говорили, что намѣревался пріѣхать и государь, если успѣетъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ и выѣхалъ съ этой цѣлью, но, поравнявшись съ академіей, посмотрѣлъ на часы и проѣхалъ мимо. Я. Г.

[3]) Опускаемъ здѣсь похвалы, которыя Я. К. слышалъ о своей рѣчи, такъ какъ онъ, приводя ихъ, дѣлаетъ оговорку, что записываетъ ихъ здѣсь только «для дѣтей моихъ».

[4]) Конст. Степановичъ.

у Бычкова, позвавшаго и всѣхъ членовъ нашего отдѣленія, во вторникъ у барона М. А. Корфа, въ четвергъ у Делянова.

Корфъ пригласилъ меня съ женой; тутъ же были Бычковъ, Коссовичъ и статсъ-секретарь Сольскій. Въ концѣ стола пили здоровье ораторовъ. Для меня замѣчательнѣе всего былъ разговоръ съ Корфомъ о перемѣнѣ моей карьеры. За обѣдомъ жена его припомнила, какъ мужъ ея отговаривалъ меня отъ плана оставить службу при немъ, представляя невѣрность предпринимаемой мною перемѣны, и спросила, помню ли это я. Корфъ замѣтилъ, что онъ считалъ своею обязанностью предостеречь меня. Я сказалъ, что нахожу его въ этомъ совершенно правымъ «И въ самомъ дѣлѣ,—прибавилъ онъ:—вы бы, конечно, были теперь ужъ гораздо дальше» (разумѣя чины). «Да,—возразилъ Бычковъ:—но тогда Яковъ Карловичъ остался бы въ неизвѣстности, а теперь молодое поколѣніе ужъ говоритъ о немъ съ уваженіемъ». Корфъ согласился, что перемѣна доставила мнѣ значеніе, котораго я бы не пріобрѣлъ на прежней карьерѣ. Признаюсь, что эта минута была для меня торжествомъ, котораго я никогда не забуду, помня, какъ осуждали меня и удивлялись въ свѣтѣ, когда я оставлялъ блестящую гражданскую службу въ государственномъ совѣтѣ [1]).

У Делянова пришлось мнѣ сидѣть около жены министра гр. Толстого, урожденной Бибиковой, и я, какъ умѣлъ, любезничалъ съ нею. Я еще не сказалъ, что министръ народнаго просвѣщенія [2]) не выразилъ мнѣ ни малѣйшаго одобренія, хотя имѣлъ бы къ тому случай, особенно на другой день на актѣ въ университетѣ, гдѣ мнѣ пришлось быть близко отъ него. Вѣроятно, онъ остался недоволенъ тѣмъ, что я, выставляя мысли Карамзина о народномъ просвѣщеніи, имѣлъ видъ, будто хотѣлъ дать наставленіе министру, хотя я вовсе не думалъ о томъ. Притомъ я услышалъ послѣ, что Толстой, воротясь изъ путешествія по Россіи въ сентябрѣ, представилъ государю планъ, по которому не слѣдуетъ безусловно распространять грамоту въ народѣ, я же ясно высказалъ сочувствіе къ противоположному мнѣнію Карамзина. Такъ я себѣ объясняю холодность, которую Толстой явно мнѣ показываетъ послѣ 1-го декабря. Прибавлю, что жена моя слышала, какъ тотчасъ послѣ моего чтенія онъ подошелъ къ наслѣднику и сказалъ ему: «Какъ хорошо Гротъ читаетъ» (т.-е. онъ только хорошій чтецъ). Впрочемъ, это не помѣшало ему въ воскресенье на слѣдующей недѣлѣ позвать меня къ своему столу: тутъ были еще Никитенко, Благовѣщенскій, московскій историкъ Соловьевъ, Могилянскій, П. В. Анненковъ, Вороновъ, Савваитовъ

---

[1]) Срв. объ этомъ въ автобіографическихъ замѣткахъ Я. К. въ кн. «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи» Спб. 1895 г., стр. 31, и V т. «Трудовъ» Я. К. Ср. о пятилѣтней службѣ (1832—38) Я. К. при бар. Корфѣ въ новомъ юбилейномъ изданіи «Государственная канцелярія» (Спб. 1910), стр. 151—2 и 125.

[2]) Т. е. гр. Д. А. Толстой.

и др., всего человѣкъ 12. Министръ былъ чрезвычайно любезенъ и разговорчивъ, разсказывалъ откровенно о своихъ распоряженіяхъ, докладахъ и планахъ, говорилъ, между прочимъ, о своей борьбѣ противъ «не скажу безсмысленнаго, а ослинаго противодѣйствія» духовныхъ и хвасталъ тѣмъ, что въ духовной академіи въ первый разъ назначено ректоромъ лицо изъ бѣлаго духовенства, женатый священникъ Янышевъ. Еще помню я изъ его разговоровъ, что у него много матеріаловъ для біографіи Поццо ди Борго, и что онъ желалъ бы заняться ими лѣтомъ въ деревнѣ.

Въ этотъ вечеръ меня дома уже ждали нѣсколько гостей изъ тѣхъ, которыхъ я позвалъ, чтобы послушать, какъ Майковъ будетъ читать первую часть своей поэмы «Странникъ», то же, что онъ читалъ 3-го числа на карамзинскомъ вечерѣ литературнаго общества (т.-е. общества пособія литераторамъ). Вскорѣ и онъ пріѣхалъ, и собралось всего человѣкъ поболѣе 20-ти, въ томъ числѣ академики нашего отдѣленія Срезневскій и Бычковъ. Были также Григорьевъ, Коссовичъ, Кеневичъ, Кавелинъ, Максимовичъ, Протопоповъ. Чтеніе было прекрасно, и всѣ остались имъ очень довольны. Послѣ «Странника» Майковъ прочелъ еще наизусть свое стихотвореніе о Карамзинѣ, которое онъ готовилъ было къ 1-му декабря, но тогда взялъ назадъ для передѣлки его, потому что самъ былъ недоволенъ имъ.

Я забылъ сказать, что 1-го декабря былъ я званъ на обѣдъ у Карамзина (Вл.), который соединилъ тутъ еще князя Вяземскаго, Погодина, Тютчева, князя Мещерскаго съ двумя сыновьями. Подъ конецъ стола я сказалъ небольшую рѣчь въ память Карамзина его собственными желаніями молодому поколѣнію, которыя прочиталъ изъ окончанія его рѣчи, произнесенной въ 1818 году въ россійской академіи. Вяземскій, вслѣдъ за этимъ, передалъ порученіе государя выразить дѣтямъ Карамзина его сочувствіе къ исторіографу, котораго онъ лично зналъ и помнитъ, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ нимъ во дворцѣ, кажется, въ кабинетѣ покойнаго государя.

Послѣ обѣда явился ректоръ здѣшняго университета, Воскресенскій, съ приглашеніемъ пожаловать на другой день въ университетъ на его годичный актъ, перенесенный на это число съ тѣмъ, чтобы тутъ же прочитать рѣчь профессора Бестужева объ «Исторіи Государства Россійскаго». Немножко позднее приглашеніе.

Книгу и рѣчь свою я доставилъ между прочимъ (прежде офиціальной разсылки) великимъ князьямъ. Гувернеръ Владимира Александровича, Литвиновъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же лично передать это великому князю; тотъ принялъ меня очень ласково, хвалилъ рѣчи и признался, что слышалъ въ академіи много новаго, о чемъ прежде и понятія не имѣлъ, напримѣръ, объ отношеніяхъ Карамзина къ императору Александру. Вотъ польза подобныхъ собраній, посѣщаемыхъ высокими лицами. Воспитатель Алексѣя Александровича, адмиралъ Посьетъ, самъ былъ у меня съ выраженіемъ своей благодарности за

доставленный ему экземпляръ и наговорилъ мнѣ много самыхъ обязательныхъ вещей, какъ онъ перечитывалъ мою рѣчь вмѣстѣ съ женой, какъ онъ былъ тронутъ ею въ академіи, какъ важно, что я такъ познакомилъ общество съ Карамзинымъ, котораго почти вовсе не знаютъ. Надобно знать Посьета, чтобы понять, какую цѣну всѣ эти похвалы имѣютъ въ его устахъ; это человѣкъ не суетный, прямой, искренній и вообще съ высокими достоинствами. Онъ просилъ меня посѣщать его.

27-е декабря. Были слухи, что о рѣчи Погодина въ аристократическомъ кругѣ и еще выше ходятъ неблагопріятные толки, что нѣкоторые распространяютъ, будто академія произвела въ публикѣ демонстрацію противъ нынѣшней системы въ отношеніи къ Польшѣ; однакожъ Литке сказалъ мнѣ, что это несправедливо, что самъ князь Долгорукій успокоилъ его, сказавъ, что говорилъ съ Погодинымъ и убѣдился, что у него не было никакихъ заднихъ мыслей.

28-е декабря. Вотъ разсказъ Майкова, съ которымъ я встрѣтился и гулялъ на улицѣ. Одинъ полковникъ написалъ въ стихахъ разсказы о севастопольской осадѣ. Свое произведеніе отнесъ онъ къ г-жѣ Мессарошъ, издательницѣ «Женскаго Вѣстника», которая его просила о томъ, и встрѣтилъ тамъ всю редакцію: гг. Благовѣщенскаго, Глѣба Успенскаго и др. Это было вечеромъ. Его попросили прочесть свое произведеніе; во время чтенія нѣкоторые изъ слушателей утекали. Потомъ попросили его остаться ужинать и когда 12 бутылокъ портеру развязали языки собравшимся, они стали откровенно объясняться съ нимъ: спрашивали, какъ онъ могъ воспѣть такое событіе, которое слѣдуетъ навсегда предать забвенію, ибо что за жалкая мысль умирать за государя и отечество, что надо лучше употреблять свои силы... Авторъ сталъ сознаваться въ недостаткѣ таланта, но они увѣряли его, что таланта у него довольно, но недостаетъ развитія, что талантъ его только дурно направленъ! Одна нигилистка сознавалась, что она ничего не читаетъ, прочитавъ два раза и два же раза переписавъ своей рукой романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» Для нигилистовъ существуютъ только четыре или пять книгъ, и такимъ образомъ они пребываютъ въ упорномъ невѣжествѣ и апатіи...

Вчера я задумалъ книгу: «Общенародный учитель русской грамоты, или общедоступный толковникъ, общедоступная справочная книга о русской грамотѣ».

29-е декабря. Торжественное собраніе академіи: читали Веселовскій, Никитенко, Безобразовъ. Послѣдній о вліяніи науки на экономическія отношенія въ Европѣ, о министрѣ финансовъ Наполеона, о Штейнѣ, о Канкринѣ. Передъ чтеніями я говорилъ съ министромъ графомъ Толстымъ, котораго просилъ продолжать, по примѣру Головнина, давать по одной тысячѣ рублей обществу для пособія литераторамъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно будетъ дѣлать то же, по-

тому что получилъ на это деньги и уже говорилъ объ этомъ съ директоромъ департамента, но надѣется, что комитетъ будетъ выдавать пособія осмотрительно. Потомъ мы говорили много о портретахъ и между прочимъ объ Уваровѣ.

30-е декабря. Обѣдалъ во дворцѣ у Блудовой; были графиня Толстая (Александра Андреевна, что при великой княгинѣ Маріи Александровнѣ), Александра Алекс. Воейкова (что при Маріи Николаевнѣ, пріѣхавшей изъ Ниццы), Александра Ивановна Козлова (другъ Блудовой [1]), Стремоуховъ (директоръ азіатскаго департамента), князь Вяземскій и поэтъ Тютчевъ. Много говорили о назначенномъ въъ тотъ день вечерѣ въ пользу кандіотовъ.

Сообщилъ К. Гротъ.

[1]) Сестра поэта Козлова.

ЦАРЕУБІЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

II. «Земля и Воля».

VIII.

БЩЕСТВО «Земля и Воля», въ виду разнообразія принятыхъ на себя соціально-политическихъ функцій и въ цѣляхъ наиболѣе точнаго и полнаго ихъ выполненія, было, согласно своей организаціонной программѣ или уставу, раздѣлено на нѣсколько группъ [1]):

«А) Администрація (центръ).—Она, какъ названіе ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣстопребываніемъ администраціи должна быть обязательно столица (Петербургъ). Составъ ея мѣняется, и члены ея выбираются по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа при основаніи общества. Да иначе и не могло быть. Работа была самая египетская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣлами общества, она еще служила бюро для всевозможныхъ справокъ постороннимъ лицамъ. Въ рукахъ администраціи была и «небесная канцелярія» (паспортное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, осо-

---

[1]) «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическаго и общественнаго движенія въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ.

бенно впослѣдствіи, когда запросъ на паспорта увеличился до нельзя. Это вынудило администрацію образовать особую паспортную группу съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія совѣта, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. Совѣтъ собственно не составлялъ отдѣльной группы съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него, со включеніемъ администраціи, входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее отлагательства, то администрація, обыкновенно, обращалась за совѣтомъ и указаніями ко всѣмъ находившимся въ наличности членамъ общества. Практика укрѣпила этотъ обычай, а совѣтъ сталъ существовать фактически, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизмѣ управленія.

«Б) Интеллигентная группа.—Пропаганда, агитація и организація въ средѣ молодежи.

«В) Рабочая группа.—То же въ средѣ рабочихъ.

«Г) «Деревенщина».—Самая многочисленная группа, поприщемъ дѣятельности которой была провинція вообще.

«Д) Дезорганизаторская группа.—Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола и борьба съ тюремной и прочей администраціей, вѣдавшей дѣло дознанія и тюремнаго надзора. Въ виду этого общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для спеціальныхъ случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь всей революціонной партіи. 3) Самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Потому общество возложило на дезорганизаторовъ обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, «изъять это послѣднее изъ обращенія», т.-е. убить. По уставу общества, дезорганизаторской группѣ были предоста-

влены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣла право образовать секцію съ такимъ же направленіемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдетъ это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизаціоннаго свойства должны были вестись строго-конспиративно. Администрація или совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ общихъ чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ; всякія же детали остаются въ глубокой тайнѣ».

Что касается собственно устава общества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то каждой группѣ вмѣнялось въ обязанность всячески вызывать образованіе новыхъ секцій, преслѣдующихъ тѣ же цѣли и по тому же плану, что и общество. Примыкая къ нему, секціи сохраняли полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ виду возможной убыли членовъ, основателю секціи давалось право привлекать къ обществу тѣхъ или другихъ лицъ, согласно уставу. Наконецъ уставъ требовалъ годичнаго пересмотра программы.

Таковъ былъ въ главнѣйшихъ чертахъ тотъ планъ, по коему новое общество соорганизовалось, предполагая въ будущемъ, согласно показаніямъ опыта, вводить сюда необходимыс коррективы, дополненія и измѣненія. Что касается profession de foi общества, то таковое было изложено въ № 1 подпольнаго изданія его, газетѣ подъ тѣмъ же наименованіемъ «Земля и Воля», начавшей издаваться съ 1878 г. Здѣсь мы читаемъ:

«Земля и Воля!» — Вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени вѣрные духу и исторіи своего народа наши предшественники, соціалисты-народники 60-хъ годовъ.

Тѣ же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно нерасчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній и кончая парижской коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонные элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

Революціи дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли они — ничто; въ предѣлахъ ея они — одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время въ данной мѣстности.

Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ земли и воли!

Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли — какъ общаго права всѣхъ людей распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т.-е. вольныхъ и автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, если бы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ.

По тѣмъ же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему предстоитъ громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которыя уже созданы въ умахъ народа.

IX.

Такъ и подъ такимъ политическимъ стягомъ соорганизовались харьково-ростовскіе революціонные кружки (въ томъ числѣ Осинскій и Боголюбовъ, инцидентъ съ которымъ, какъ будетъ разсказано далѣе, далъ поводъ къ покушенію на Трепова) съ разбитыми остатками петербургскихъ мирныхъ пропагандистовъ въ единую политическую ассоціацію «Земля и Воля». По свидѣтельству историка этого общества, Е. Серебрякова [1]), зима 1876—77 гг. протекла для членовъ вновь формирующагося общества въ организаціонной работѣ. «Велись переговоры съ кіевскими и одесскими революціонерами насчетъ присоединенія ихъ къ обществу. Полнаго присое-

[1]) Е. Серебряковъ. «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли»,

диненія, однако, не состоялось, не были установлены тѣсныя федеративныя отношенія. Были собраны справки по всей Россіи объ отдѣльно стоящихъ кружкахъ и лицахъ народническаго направленія, и многіе изъ этихъ кружковъ и лицъ были присоединены къ обществу. Эта усиленная дѣятельность не пропала даромъ: вмѣсто разрозненныхъ группъ революціонеровъ возникла довольно крупная, тѣсно сплоченная организація, которая могла начать дѣйствовать по опредѣленному плану и противопоставить организованной силѣ правительства организованную силу революціонеровъ. Кромѣ этой работы по расширенію и упроченію общества, часть членовъ его продолжала заниматься пропагандой среди молодежи и рабочихъ. Наконецъ дѣятельно велись и приготовленія къ поселеніямъ».

Первое свое возвѣщеніе русскому обществу новая политическая организація рѣшила сдѣлать въ видѣ манифестаціи на Казанской площади, о которой мы уже говорили [1]). Вотъ что по сему предмету повѣствуетъ Е. Серебряковъ: «Въ ту же зиму (76—77 гг.) произошло событіе, на первый взглядъ представлявшее неудачу для общества, но имѣвшее большое вліяніе въ будущемъ. Члены партіи, занимавшіеся пропагандой среди рабочихъ, составили преувеличенное понятіе о числѣ распропагандированныхъ и степени ихъ революціонности. Они утверждали, что возможно собрать нѣсколько тысячъ рабочихъ на площади въ Петербургѣ. Ихъ увлеченіе передалось и другимъ членамъ партіи, и вотъ рѣшено устроить публичную манифестацію, которая была бы въ нѣкоторомъ родѣ смотромъ рабочимъ силамъ въ Петербургѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ познакомила бы общество съ задачами и стремленіями русской революціонной партіи. Вообще этой минафестаціи придавалось огромное агитаціонное значеніе, какъ для рабочихъ, такъ и для молодежи и для общества. Было рѣшено собраться 6 декабря на молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, и если сойдется рабочихъ не менѣе двухъ-трехъ тысячъ, выйти изъ церкви на площадь, развернуть красное знамя, произнести приличествующую данному случаю рѣчь и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Но во всякомъ случаѣ непремѣннымъ условіемъ начала демонстраціи было поставлено присутствіе не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ манифестантовъ. Однако, вопреки принятому рѣшенію, хотя и собралось только 200—300 человѣкъ, нашелся ораторъ, который началъ говорить рѣчь; явившіеся столпились вокругъ него на площади и развернули знамя. Дѣло кончилось, конечно, такъ, какъ многіе предвидѣли. Въ виду малочисленности манифестантовъ полиція направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, а другіе успѣли разбѣжаться. Въ

---

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1910 г., январь.

первую минуту эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе. Но правительство само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокій приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, ужъ не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ». Въ числѣ арестованныхъ былъ и Боголюбовъ.

Пока участники злополучной манифестаціи сидѣли въ домѣ предварительнаго заключенія на Шпалерной улицѣ въ ожиданіи суда, оставшіеся на свободѣ ихъ сотоварищи весною 1877 г. двинулись въ провинцію заводить поселенія съ цѣлью агитаціи и организаціи народа. Этотъ вторичный походъ «въ народъ» г. Серебряковъ описываетъ такъ: «Явились поселенія въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губ., на Кубани, на Дону. Устраивались они приблизительно такъ: выбравъ мѣстность для поселенія, группа отправлялась въ ближайшій городъ, оставляя тамъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, которые становились центромъ, остальные же члены разселялись по всему району данной мѣстности. При разселеніи по деревнямъ революціонеры въ это время стремились занять другое положеніе, чѣмъ въ періодъ пропаганды. Прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеры отправлялись въ народъ въ качествѣ чернорабочихъ, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо они никоимъ образомъ не могли внушить уваженіе и довѣріе крестьянства, привыкшаго почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность,—а потому настоятельною необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру при полной матеріальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла. Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности».

По свидѣтельству цитируемаго автора, «устройство поселеній съ первыхъ же шаговъ встрѣтило массу препятствій. Начальство было на сторожѣ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенныя мастерскія и оставлять занятыя должности, переѣзжать на новыя мѣстности, подъ новыми фамиліями. А тамъ повторялось

то же самое, и рѣдко-рѣдко когда удавалось поселенію просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ или годъ. Но зато въ этихъ исключительныхъ случаяхъ революціонеры заслуживали любовь, уваженіе и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежатъ къ соціалистической партіи, говорили, что если всѣ соціалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ. Такъ, напримѣръ, даже сельскій священникъ давалъ о Гартманѣ показанія весьма благопріятныя и былъ страшно пораженъ, услышавъ, что его знакомецъ—одинъ изъ участниковъ «злодѣйскаго» покушенія. Но, повторяю, мало-мальски прочныя поселенія были рѣдкимъ исключеніемъ: въ большинствѣ случаевъ, въ виду гоненій, поселенцамъ приходилось постоянно перекочевывать». Характерной иллюстраціей для дѣятельности новаго политическаго поселенца съ программой дѣятельности «Земли и Воли» является Соловьевъ, который въ 1879 г. покусился на жизнь императора Александра II. Вотъ что о немъ говоритъ обвинительный актъ. Соловьевъ съ открытіемъ навигаціи 1877 г. отправился въ Самару. Еще ранѣе этого тутъ образовался уже кружокъ соціалистовъ-революціонеровъ, въ которомъ не послѣднюю роль игралъ нѣкто Маркъ Николаевичъ Платоновъ, оказавшійся впослѣдствіи Юріемъ Богдановичемъ, съ которымъ читатели встрѣтятся впослѣдствіи еще не одинъ разъ, черезъ посредство котораго сблизился съ этимъ кружкомъ прибывшій въ Самару Александръ Соловьевъ. Къ этому же кружку принадлежали, между прочими лицами, какой-то Григорій Ивановъ Лебединцевъ и Марія Лешернъ фонъ-Гарцфельдъ, уже испытанная революціонерка-пропагандистка, проживавшая по большей части подъ вымышленнымъ именемъ и фальшивыми паспортами. Уже въ половинѣ мая Соловьевъ подъ именемъ Ивана Сидоровича, при содѣйствіи двухъ товарищей, изъ коихъ одинъ былъ распропагандированный рабочій Семенъ Васильевъ, устраиваетъ кузницу въ селѣ Преображенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Самары, на которую затрачиваетъ деньги, оставшіяся у него отъ прежней педагогической профессіи. Весною 1877 г. въ Самару пріѣхалъ и Николай Богдановичъ, съ цѣлью покупки дома для устройства кузницы, который черезъ посредство брата Юрія и Соловьева познакомился со всѣми поименованными лицами. Въ 20-хъ числахъ того же мѣсяца Соловьевъ съ товарищами бросаетъ кузницу въ Преображенскомъ и переѣзжаетъ въ Самару. Въ то же лѣто Лебединцевъ устраивается волостнымъ писаремъ въ Богдановской волости Бузулукскаго уѣзда, куда помѣщается въ іюнѣ помощникомъ волостного писаря Платоновъ, вмѣстѣ съ которымъ въ сентябрѣ они переводятся на тѣ же должности въ Страховскую волость; здѣсь къ нимъ присоединяется Марія Лешернъ, а Соловьевъ остается въ Самарѣ и проживаетъ съ Иваномъ Ивановичемъ Звѣ-

ревымъ, земскимъ фельдшеромъ, бывшимъ его компаніономъ по кузницѣ въ Преображенскомъ. Этотъ Звѣревъ оказывается впослѣдствіи бывшимъ студентомъ харьковскаго университета Медвѣдевымъ, сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ Шенкурскъ и оттуда бѣжавшимъ. Съ ноября Соловьевъ хлопочетъ о полученіи мѣста сельскаго учителя подъ своимъ настоящимъ именемъ, черезъ инспектора народныхъ училищъ Самарской губ. Каменецкаго, у котораго онъ нѣкоторое время занимается по частному найму; но вслѣдствіе запроса о немъ по мѣсту его прежней службы въ торопецкомъ уѣздномъ училищѣ, на который Соловьевъ не могъ ожидать благопріятнаго для себя отвѣта, онъ 24 декабря взялъ свои бумаги обратно и скрылся. 30 декабря изъ села Страхово скрывается съ Лебединцевымъ и Лешернъ, а 3 января 1878 г. Соловьевъ появляется въ селѣ Алексѣевскомъ, гдѣ состоялъ волостнымъ писаремъ Платоновъ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ на другой день уѣзжаетъ подъ вымышленнымъ предлогомъ въ Самару. Причиною такого одновременнаго и внезапнаго бѣгства означенныхъ лицъ послужило то обстоятельство, что въ Самарѣ по телеграфу получено ими было извѣстіе объ арестѣ 18 декабря въ Петербургѣ дворянки Чепурновой, отправившейся въ Самару, при которой найдены были письма къ самарскимъ соціалистамъ, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ существованіи въ Самарѣ противозаконнаго общества съ революціонными цѣлями, во главѣ котораго стояли Юрій Богдановичъ и Лебединцевъ и къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица. По словамъ самого Соловьева, изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, съ января по май 1878 г. онъ скитался по Тамбовской и Воронежской губерніямъ, гдѣ старался получить мѣсто кузнеца, волостного писаря или сельскаго учителя, но потерпѣлъ во всемъ неудачу и затѣмъ направился въ Саратовскую губернію, надѣясь тамъ встрѣтить людей соціально-революціонной партіи и черезъ нихъ получить какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ. Дѣйствительно, Соловьевъ не ошибся въ своихъ расчетахъ, что доказываетъ, что онъ хорошо зналъ, что дѣлаютъ его единомышленники въ Саратовской губерніи. Въ маѣ въ Вольскомъ уѣздѣ пристраиваются волостнымъ писарями Платоновъ и Лебединцевъ, но съ новыми именами и фальшивыми паспортами, первый—подъ именемъ Витевскаго въ Царевщинской волости, а второй—подъ именемъ Страхова сначала въ Булгаковской, а потомъ въ Балтайской, въ сопровожденіи той же Лешернъ, скрытой подъ фамиліей Сговоровой. При посредствѣ этихъ близкихъ ему людей Соловьевъ поступаетъ волостнымъ писаремъ въ сосѣднюю Стригайскую волость, подъ именемъ Ивана Петровича Печкарева. Въ концѣ ноября того же года Соловьевъ оставляетъ мѣсто стригайскаго волостного писаря, желая получить должность сельскаго учителя, послѣ чего переѣзжаетъ къ Страхову (Лебе-

динцеву) въ с. Балтай. Проживъ тутъ цѣлый мѣсяцъ, Соловьевъ уѣзжаетъ 25 декабря въ Саратовъ вмѣстѣ съ Витевскимъ, возвратившись въ с. Царевщину 27 декабря. Соловьевъ, убѣдившись, что, занимая должность волостного писаря, нельзя принести истинную пользу соціально-революціонному дѣлу, уѣхалъ въ Петербургъ для пріисканія занятій, «болѣе соотвѣтствующихъ цѣлямъ, на служеніе которымъ онъ посвятилъ свою жизнь».

Таковы страницы изъ жизни Соловьева за время его пребыванія въ народѣ, чрезвычайно рельефно рисующія намъ роль здѣсь пропагандистовъ и тѣ позиціи, которыя они выбирали для наиболѣе удобнаго достиженія намѣченныхъ въ Петербургѣ цѣлей. «Такая картина представлялась, по словамъ г. Серебрякова, почти во всѣхъ мѣстахъ. Преслѣдуемые революціонеры вынуждены были постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищей, которыхъ захватывало правительство». По словамъ землевольца Аптекмана, чьи воспоминанія мы неоднократно цитировали по показаніямъ другихъ участниковъ «Земли и Воли»,—«главнымъ образомъ политическія условія дѣйствовали разрушительно на революціонныя наши поселенія, убивая ихъ одновременно повсемѣстно одно за другимъ. Такъ, къ концу 77 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и одного года. Многіе члены этого поселенія были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны. Пропалъ годъ усиленныхъ трудовъ, порваны связи, но вѣра еще крѣпка, силы не надорваны. И вотъ весною 78 г. образовалось въ Саратовской же губерніи новое поселеніе. Въ составъ его вошли лучшія силы самарскаго поселенія и кое-какія уцѣлѣвшаго саратовскаго. Одновременно почти съ этимъ землевольцы основали въ Воронежской губерніи другое поселеніе. Оба эти поселенія по составу лицъ и организаціи не оставляли ничего лучшаго желать. Многіе члены этихъ поселеній впослѣдствіи показали свою способность, энергію и дѣятельность на террористическомъ пути. Но здѣсь, на почвѣ народа, злой рокъ попрежнему преслѣдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія вскорѣ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло послѣ 2 апрѣля 1879 года».

Такова исторія политическихъ поселеній. Каковы же были результаты вторичнаго похода въ народъ?

X.

Мнѣнія участниковъ движенія по сему предмету рѣзко раздѣляются. Одни и главнымъ образомъ г. Серебряковъ приходятъ къ пессимистическому выводу и послѣдній говоритъ: «и помимо полицейскихъ преслѣдованій, поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣ-

ждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсти вліяніе среди крестьянства, они въ концѣ концовъ должны были признать, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ. Исключеніе представило только чигиринское дѣло, но эта организація была создана при исключительныхъ обстоятельствахъ, и при томъ отъ имени царя, на основаніи подложныхъ грамотъ, что, конечно, было въ полномъ противорѣчіи какъ съ самыми принципами революціоннаго соціализма, такъ и съ ближайшими цѣлями партіи. Да и подлогъ могъ имѣть значеніе лишь одинъ разъ, пока не открытъ, повтореніе же всегда неудачно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многіе изъ революціонеровъ-поселенцевъ разочаровались и возвращались въ городъ. Новыхъ же поселеній устраивалось все меньше и меньше. А послѣ 1879 года ихъ и совсѣмъ почти не стало». Провалъ «деревенщины» и перенесеніе центра тяжести дѣятельности общества въ «дезорганизаторскую группу» и послужили, какъ будетъ разсказано далѣе, къ раздѣленію «Земли и Воли» на два общества—«Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», состоявшемуся лѣтомъ 1879 года послѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ революціонеровъ. Совершенно противоположнаго мнѣнія относительно этого движенія держится Г. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу «Исторіи революціонныхъ движеній» А. Туна [1]).

Полемизируя съ Серебряковымъ и отмѣчая нѣкоторые фактическіе недочеты въ его историческомъ очеркѣ «Земли и Воли», онъ говоритъ: «У насъ многіе думаютъ теперь, что «хожденіе въ народъ» прекратилось главнымъ образомъ вслѣдствіе полицейскихъ строгостей. Распространенію такого взгляда очень способствовала устная и печатная пропаганда «народовольцевъ», органъ которыхъ «Народная Воля» уже осенью 1879 года во всеуслышаніе объявилъ, что при нынѣшнихъ полицейскихъ условіяхъ работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ. Въ своей брошюрѣ Е. А. Серебряковъ повторяетъ это мнѣніе, совершенно не считая нужнымъ провѣрить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумѣнію критически отнестись къ своимъ источникамъ, вводитъ читателей въ глубокое заблужденіе. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революціонеровъ по полицейскимъ причинамъ, то въ этомъ прежде всѣхъ другихъ должны были бы убѣдиться именно «деревенщики», послѣднія остатки кото-

[1]) А. Тунъ. «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи». Переводъ В. Засуличъ, Д. Кольцова и др.

рыхъ уже въ серединѣ 1879 года бѣжали,—по словамъ Е. А. Серебрякова,—изъ деревень въ города. Но деревенщики не только не убѣждены въ этомъ и не только не бѣжали въ города, а, напротивъ, съ величайшей горечностью доказываютъ необходимость оставаться въ народѣ и оспариваютъ своихъ городскихъ товарищей, всѣми силами старающихся увѣрить ихъ, что въ народѣ дѣйствовать невозможно. Удивительно, какимъ образомъ Е. А. Серебряковъ не остановился передъ этимъ безспорнымъ и всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, ясно показывающимъ, какъ произвольно и односторонне ходячее у насъ представленіе о причинахъ, заставившихъ большинство нашихъ революціонеровъ конца 70-хъ годовъ покинуть мысль о дѣятельности въ крестьянствѣ, которую не далѣе, какъ за нѣсколько лѣтъ до того, они же считали безусловно необходимой и единственно цѣлесообразной. Въ дѣйствительности дѣло было гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется Е. А. Серебрякову. Дѣятельность въ крестьянствѣ отнюдь не была невозможной; революціонеры справились бы съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ настроеніе продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъ-то и дѣло, что со второй половины семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и «хожденіе въ народъ» потеряло въ ихъ глазахъ почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народѣ не оправдала тѣхъ радужныхъ, можно сказать, почти ребяческихъ надеждъ, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что «соціальную революцію» сдѣлать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надѣялись, что года черезъ два-три. Но извѣстно, что подобная легкомысленная «вѣра» представляетъ собою нѣчто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. «Народъ» пересталъ привлекать ихъ къ себѣ потому, что «хожденіе въ народъ» перестало казаться имъ вѣрнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ. До какой степени это вѣрно, покажетъ слѣдующій примѣръ. Лѣтомъ 1878 года волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ земства, которое было огромнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. Вѣрные своей «бунтарской» программѣ, землевольцы поспѣшили отправиться на Донъ и завязать сношенія съ недовольными. Я былъ однимъ изъ первыхъ попавшихъ туда членовъ «Земли и Воли». Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и убѣдившись, что оно благопріятно для агитаціи, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда немедленно двинулся ко мнѣ на помощь Александръ Михайловъ. Но такъ какъ я спѣшилъ отпечатать «Воззваніе къ славному войску донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участіи «спропагандированныхъ» нами казаковъ, то я выѣхалъ въ Петербургъ,—гдѣ у насъ была тогда тайная типо-

графія,—не дождавшись пріѣзда Михайлова въ Ростовъ на Дону. Это было уже осенью и всего нѣсколько дней спустя большого «провала», погубившаго Ольгу Натансонъ, Адріана Михайлова и многихъ другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія «провала» были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: надо было прежде всего возстановить «центръ», разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Александра Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услыхалъ отъ него мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирѣпыя преслѣдованія; прежде онъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ «агитаціи на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій» и самымъ рѣшительнымъ противникомъ «террора», который называли у насъ тогда дезорганизаціей правительства и о которомъ начали поговаривать уже лѣтомъ 1877 года. Я не согласился съ Александромъ Михайловымъ, но такъ какъ о поѣздкѣ на Донъ членовъ нашей организаціи тогда, дѣйствительно, нельзя было и думать, то я сталъ искать охотниковъ въ средѣ «интеллигентной» революціонной молодежи, не принадлежавшей къ нашему направленію. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои разсказы о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непремѣнно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ. Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ нимъ отправились нѣсколько молодыхъ товарищей изъ Харькова; но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ разсчитывать невозможно, и обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки,—которыхъ насчитывалось тогда уже человѣкъ до пятидесяти,—настойчиво уговаривали ихъ остаться. Попытка агитаціи на Дону—чрезвычайно важная съ точки зрѣнія нашей тогдашней программы—окончилась ничѣмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помѣшала намъ связать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ,—эта полиція по своей неопытности въ такихъ дѣлахъ ничему помѣшать не могла и связи уже начали завязываться,—а просто потому, что мысль объ агитаціи въ массахъ совсѣмъ перестала тогда увлекать

нашу революціонную интеллигенцію. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видѣли, что число лицъ, желающихъ итти «въ народъ», постоянно уменьшается, и что ихъ «поселенія» перестаютъ быть привлекательными для революціонной молодежи. А такъ какъ необходимымъ условіемъ широкаго народнаго возстанія была, въ глазахъ бунтарей, организація народныхъ силъ, а эта организація, въ свою очередь, предполагала безпрерывный и широкій притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи, то существовавшія тогда «поселенія» имѣли для «деревенщиковъ» цѣну только въ той мѣрѣ, въ какой можно было надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ такихъ поселеній явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лицъ, уже поселившихся и дѣйствовавшихъ въ Поволожьѣ, могли имѣть значеніе только какъ авангардъ, возвѣщавшій о приближеніи большой арміи; сами же по себѣ они были такъ слабы, что самый горячій сторонникъ агитаціи въ народѣ переставалъ дорожить ими, какъ только убѣждался, что на новый и гораздо болѣе значительный притокъ въ народъ силъ «интеллигентовъ» разсчитывать уже невозможно. Вотъ почему «деревенщики» такъ горячо возстали противъ террора, которому сначала многіе изъ нихъ горячо сочувствовали, когда убѣдились, что онъ отвлекаетъ симпатіи молодежи отъ агитаціи въ народѣ и направляетъ ихъ въ другую сторону».

Мы привели нарочно въ длинной и полной выдержкѣ мнѣніе г. Плеханова о позиціи, занятой обществомъ «Земли и Воли» въ деревенскомъ, или, правильнѣе, революціонно-аграрномъ вопросѣ. Несомнѣнно, оно грѣшитъ утопистическимъ идеализмомъ и по адресу дѣйствій своей партіи и возможности для нея, при наличіи тогдашняго духовнаго состоянія сельскаго населенія, съ одной стороны, и агрессивныхъ дѣйствій правительственной власти—съ другой, широкаго и благополучнаго развитія своихъ силъ и программы дѣйствій. Авторъ все строитъ на условностяхъ, устанавливаетъ ему желательный ходъ событій,—отсюда и его разпорѣчіе съ г. Серебряковымъ. Итогъ же развитія тогдашнихъ событій, какъ у него, такъ и у г. Серебрякова одинъ: планъ поднятія сельскаго населенія и созданія аграрнаго бунта въ широкомъ масштабѣ не удался, и пропагандисты одинъ за другимъ вернулись изъ своихъ «поселеній» въ города, гдѣ въ большинствѣ случаевъ и влились въ «дезорганизаторскую», или, проще говоря, террористическую, группу. Конечно, отрицать всякія послѣдствія этого вторичнаго хожденія въ народъ подъ угломъ зрѣнія успѣха политической агитаціи невозможно. «Землеволецъ» (Аптекманъ) сводитъ ее къ слѣдующему: «пропаганда въ значительной мѣрѣ обострила въ народѣ то броженіе умовъ, которое еще раньше, вслѣдствіе другихъ вліяній, началось въ немъ. Масса слуховъ и толковъ о передѣлѣ земли и разныхъ другихъ перемѣнахъ, имѣющихъ въ виду интересъ народа, стали распро-

страняться въ его средѣ съ большимъ еще упорствомъ, чѣмъ прежде. Конечно, это вліяніе неуловимо, нельзя его ни измѣрить, ни вычислить, но оно, несомнѣнно, было». Движеніе создало новые и поддержало ранѣе сформированные очаги революціоннаго протестантства, укрѣпило нити, уже протянутыя отъ столичныхъ центровъ къ провинціальнымъ, окрасило общимъ колоритомъ все движеніе и вытравило изъ него тотъ идеализмъ, который былъ внесенъ сюда первыми мирными пропагандистами; на мѣсто *слова* ставится *дѣло*, на мѣсто утопистическихъ мечтаній соціалистическаго порядка выдвигается принципъ борьбы и активной оппозиціи. Программы отчасти Нечаева, отчасти Ткачева берутъ перевѣсъ надъ доктринами Лаврова, а опытъ «поселеній» даетъ основаніе для пересмотра въ ближайшемъ будущемъ всей программы «Земли и Воли» и выдвигаетъ изъ ея рядовъ дѣятелей, сплотившихся впослѣдствіи подъ знаменемъ «Народной Воли».

XI.

Если дѣло по организаціи деревенскихъ поселеній и пропаганды среди сельскаго населенія у новаго общества не давало желаемыхъ ему положительныхъ практическихъ результатовъ, то среди городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи дѣло революціонизированія подвигалось съ большимъ успѣхомъ. На основаніи показаній г. Плеханова, почерпнутыхъ изъ изданія «Соціалъ-Демократъ», Серебряковъ [1]) рисуетъ здѣсь дѣло въ слѣдующемъ положеніи: «Въ сношеніяхъ съ рабочими «землевольцы» всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, самое большое 4—5 человѣкъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873—74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача «землевольцевъ» и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. Старые, по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, интеллигенція. На этихъ людей мы могли вполнѣ положиться. Нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и

---

[1]) Е. А. Серебряковъ. «Очеркъ по исторіи Земли и Воли».

что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольцы» и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т.-е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими; адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ нимъ на «конспиративной квартирѣ», гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходившимся на общія собранія». Члены землевольческой рабочей группы принимали также дѣятельное участіе въ организаціи нѣсколькихъ фабрично-заводскихъ стачекъ въ Петербургѣ, какъ, напримѣръ, на фабрикахъ «Ново-бумагопрядильной», Шоу и др. Землевольцы являлись довѣренными совѣтчиками и отчасти руководителями стачечниковъ, а также состояли въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ основанному въ 1878 г. «Сѣверному союзу русскихъ рабочихъ», о которомъ имѣемъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ В. Л. Бурцева, напечатанной на страницахъ «Былого» [1]). Въ виду того, что въ лицѣ этого союза мы впервые встрѣчаемся съ началомъ правильной рабочей организаціи, являвшейся уже давно «центральной идеей» и «чайковцевъ», и «бакунистовъ», и «впередовцевъ», и «набатовцевъ», и въ виду того, что организаціи подобнаго рода, въ особенности въ послѣдующія революціонныя эпохи, главнымъ образомъ въ текущемъ десятилѣтіи XX вѣка, сыграли крупную роль въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, считаемъ необходимымъ остановиться на этой страницѣ отечественной жизни болѣе подробно.

По показаніямъ г. Бурцева, «Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ» организовался въ 1877—1879 гг. главнымъ образомъ въ Петербургѣ. По задачамъ, которыя ставили себѣ его иниціаторы, онъ

---

[1]) «Былое» 1906 г., № I, В. Л. Бурцевъ, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи».

должен былъ вылиться въ чисто-рабочую организацію, состоящую въ тѣснѣйшей связи со всей предыдущей исторіей революціоннаго движенія и развивавшуюся подъ непосредственнымъ вліяніемъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые занимались пропагандою по фабрикамъ и заводамъ въ періодъ 1872—74 гг. Въ составѣ этой организаціи встрѣчались и рабочіе, распропагандированные еще въ эпоху 60-хъ годовъ. «Союзъ,—говоритъ г. Бурцевъ,—рѣшилъ вести все дѣло усиліями однихъ рабочихъ и рѣзко отнесся къ революціонерамъ изъ интеллигенціи, какъ будто видѣлъ въ нихъ главныхъ виновниковъ слабаго развитія рабочихъ организацій въ Россіи. Рабочіе «Союза» хотѣли имѣть «свою» газету, но первымъ условіемъ ставили, чтобы она издавалась, составлялась и редактировалась самими рабочими. Глухая борьба была объявлена интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ во имя самостоятельной рабочей пропаганды. Это привело «Союзъ», особенно въ началѣ, къ чисто экономической дѣятельности, а на практикѣ «Союзъ» почти никогда такъ и не выходилъ изъ рамокъ узкаго экономизма въ то время, какъ вся политическая борьба русскихъ революціонеровъ съ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ и потрясала его до основъ. Отрицательный взглядъ членовъ «Союза» на интеллигенцію очень часто затруднялъ дѣятельность «Союза», и его членамъ нерѣдко приходилось дѣлать отступленія отъ своихъ апріорныхъ рѣшеній и обращаться за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ. «Союзъ» образовался еще въ концѣ 1877 г., когда въ Петербургѣ революціонная атмосфера была необыкновенно оживлена послѣ только что окончившагося процесса 50-ти и во время происходившаго процесса 193-хъ. Просуществовалъ «Союзъ» до половины 1879 г. или даже, можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Викторъ Обнорскій и Степанъ Халтуринъ. Тотъ и другой еще въ началѣ 70-хъ годовъ успѣли побывать въ кружкѣ лучшихъ пропагандистовъ того времени, Обнорскій, кромѣ того, долго жилъ за границей среди эмигрантовъ. За границей онъ былъ близокъ къ «набатовцамъ», которые ярко подчеркивали необходимость политической борьбы съ правительствомъ... За границей же Обнорскій хорошо познакомился съ редакціей «Работника», издававшагося по иниціативѣ пропагандистовъ, впослѣдствіи судившихся по процессу 50-ти,—при немъ же «набатовцы» готовили свой спеціальный для рабочихъ органъ, который, впрочемъ, такъ и не появился. Въ Россію Обнорскій пріѣхалъ съ готовымъ планомъ организаціи «Союза», и здѣсь онъ вскорѣ вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ Халтуринымъ принялся за организацію рабочихъ. Въ эту свою работу Обнорскій и Халтуринъ сразу внесли очень многое, что они усвоили во время своихъ сношеній съ революціонерами,—отъ нихъ же они взяли цѣликомъ и то отрицательное отношеніе къ интеллигенціи и идеализированіе

рабочаго, что составляло потомъ отличительную черту ихъ программы. Въ Россіи Обнорскій скрывался нелегальнымъ около двухъ лѣтъ,—за это время онъ по дѣламъ союза ѣздилъ за границу. Въ рабочихъ кругахъ онъ повсюду оставлялъ глубокое впечатлѣніе,—рабочіе его любили, и онъ умѣлъ ихъ привязывать къ себѣ. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1879 г., въ 1880 г. осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ... Халтуринъ и до ареста Обнорскаго и послѣ его ареста былъ душой «Союза». Когда же онъ усомнился въ возможности при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ организовать самостоятельную рабочую партію, онъ осенью 1879 г. примкнулъ къ партіи «Народной Воли» и выступилъ какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ террористовъ. Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 г. [1]) Халтуринъ, какъ членъ партіи «Народной Воли», велъ пропаганду среди рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, участвовалъ въ побѣгѣ ссыльныхъ, принялъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова, за что судился и былъ повѣшенъ въ мартѣ 1882 г.».

По свидѣтельству г. Бурцева, въ первый годъ своего существованія «Союзъ» развивался слабо. Все ограничивались устройствомъ среди рабочихъ небольшихъ кружковъ самообразованія, организаціей кассъ взаимопомощи, агитаціонными собраніями въ 25—30 человѣкъ. «Союзъ» принималъ также нѣкоторое участіе и въ общей политической жизни Петербурга, а члены его мечтали съ самаго начала объ изданіи собственной рабочей газеты, что имъ удалось съ малымъ успѣхомъ осуществить лишь въ 1880 г. Прокламаціонная же ихъ дѣятельность окрѣпла лишь, когда союзъ вошелъ въ непосредственное сношеніе въ «Землей и Волей» и въ его распоряженіе для печатанія программъ, прокламацій и воззваній была предоставлена нелегальная политическая типографія. Участіе «Союза» въ стачкахъ и демонстраціяхъ постепенно усиливалось, но никогда не было доминирующимъ въ рабочей средѣ,—утверждаетъ г. Бурцевъ.—Изъ частнаго письма Халтурина... видно, что онъ очень внимательно слѣдилъ за студенческимъ движеніемъ 1878 г. и мечталъ поддержать студентовъ уличной демонстраціей рабочихъ, которая, почему-то, однако, не состоялось. Въ декабрѣ 1878 г. число членовъ «Союза» доходило до 200, и 23-го и 30-го декабря этого года они устроили два «генеральныхъ собранія», послѣ чего «Союзъ» открыто заявилъ о своемъ существованіи.

«Часто, ссылаясь на слова Халтурина, очень вѣроятно, не разъ, дѣйствительно, объяснявшаго неудачи «Союза» тѣмъ, что красный терроръ революціонеровъ вызывалъ бѣлый терроръ правительства и тѣмъ разрушалъ рабочія организаціи, многія неудачи «Союза» приписывали начинавшемуся тогда развиваться террористическому движенію,—говоритъ г. Бурцевъ.—Такое объясненіе неудачъ «Союза»

---

[1]) Взрывъ былъ имъ подготовленъ и приведенъ въ исполненіе.

очень поверхностное и невѣрное. Террористическое движеніе внесло тогда необыкновенное оживленіе во всѣ слои общества, и рабочіе въ этомъ отношеніи не могли быть исключеніемъ. Причины неудачъ въ дѣятельности «Союза» лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его организаціи, а также въ томъ, что въ «Союзѣ» съ конца 1877 г. все время очень близкими людьми для Обнорскаго и Халтурина, принимавшими участіе въ дѣлахъ «Союза», были супруги Рейхштейнъ, провокаторы-агенты Третьяго Отдѣленія. Благодаря имъ, жандармы знали очень многое о дѣлахъ «Союза» и когда только имъ хотѣлось, разрушали его планы и арестовывали его членовъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1879 г. Рейхштейнъ, по постановленію исполнительнаго комитета, былъ убитъ наканунѣ подготовленныхъ имъ массовыхъ арестовъ. Обнорскаго арестовали сейчасъ же послѣ опубликованія программы «Союза», а Халтуринъ скрывался нелегальнымъ. Жандармы, такимъ образомъ, благодаря внутренней провокаціи, могли близко познакомиться со всей организаціей «Союза» и потомъ послѣ даже исчезновенія супруговъ Рейхштейновъ, они безъ особеннаго труда парализовали дѣятельность «Союза» всякій разъ, когда это имъ нужно было,—напримѣръ, при постановкѣ рабочими типографіи, изданіи прокламацій, укрывательствѣ нелегальныхъ».

XII.

Программа «Союза» выпущена была въ январѣ 1879 г. при содѣйствіи землевольческой типографіи въ видѣ прокламаціоннаго воззванія къ товарищамъ-рабочимъ Вотъ она [1]):

КЪ РУССКИМЪ РАБОЧИМЪ!

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего соціальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

---

[1]) «Былое» 1906, № 1.

Въ члены этого Союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью соціальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію. Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собраніе уполномочиваетъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальныя фракціи Союза удерживаютъ за собою автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общей программой, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполненія плановъ Союза и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

Библіотека имѣетъ цѣлью безплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

«Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ», тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ соціально-демократической партіи Запада, ставитъ своей программой:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то посредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою поставило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинетъ и у насъ рабочее сословіе, и заставитъ заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга эта не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ мы зовемъ теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанію обращаемся мы.

Великая соціальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ—и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу.

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло—дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы,—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ?—простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только не понятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ той силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію».

Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную, братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечомъ истины, идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ!

Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ. Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы — плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которою бы вы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необхо-

димой для дружнаго отпора врагу. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

Вслѣдъ за этою программой появились и другія воззванія «Союза» къ рабочимъ по поводу протекавшихъ тогда фабричныхъ стачекъ, а также и отвѣтъ «Союза» на привѣтственное обращеніе къ нему со стороны партіи «Земли и Воли», написанное Д. Клеменцемъ и напечатанное въ № 3 «Земли и Воли». Авторъ статьи-привѣтствія писалъ:

«Сдѣлается ли «Сѣверный Союзъ», какъ надѣются его основатели, «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ соціально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготѣющихъ къ нему окрестностей,—во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплоататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ» — отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ — все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣвернаго Союза»: — вы выступаете теперь на политическое поприще, какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣверный Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ),—предъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣвернаго Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программы различныхъ соціалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣвернаго Союза,—а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплоатируемыхъ съ эксплоататорами посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ, — а положенія революціонной программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатируются.

«О воззрѣніяхъ «Сѣвернаго Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только по тому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ, развиты весьма подробно (по программѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ); говорится и объ отмѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ— аграрные же вопросы оставлены втунѣ.

«Неизвѣстно, намѣренъ ли «Сѣверный Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли, или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отмѣны выкупныхъ платежей за землю, переразверстки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она—программа соціалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго».

«Далѣе авторъ находитъ ошибки «Союза» въ организаціонной части его программы, указываетъ на возможность провала, благодаря недостаточности конспиративности, говоритъ о недостаткахъ изложенія программы и т. д.

Свою статью авторъ кончаетъ такими словами:

«Обращаясь въ первый разъ къ собратьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣверному Союзу» не грѣхъ бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертью положили первые камни соціально-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова привѣтствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опасностями, которыя стоятъ на вашемъ пути! Вы развернули знамя—держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже клеветой своихъ собратій, которые уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете, о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете ли вы свое дѣло до конца, или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ — все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества».

На статью въ № 4 «Земли и Воли» о «Союзѣ» члены его отвѣчали редакціи открытымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ № 5 «Земли и Воли». Вотъ главные отрывки изъ него.

«Съ выраженіемъ крайняго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, немногословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенныя въ № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомысліи, противорѣчіяхъ, упрекали за слогъ, а многіе даже

прямо относились съ недовѣріемъ, видя въ нашей программѣ произведеніе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не довѣряютъ нашимъ силамъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во многихъ)...

«Мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволить намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды, — и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній». Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ—этимъ дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки, слѣдовательно, на осуществленіе его разсчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенные планы и расчеты и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основного нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ что такъ было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціальнаго вопроса; а осмысленность въ движеніи, какъ и сами знаете, есть, въ свою очередь, опять весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмысленности соціальной революціи мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже черезчуръ увлеклись разсмотрѣніемъ своего городского положенія, черезчуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада, и вотъ оказалось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень немного мѣста. Но да извинятъ насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричный, а улучшеніе быта перваго даже важнѣе, потому что тогда ни одинъ кулакъ не вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху...

«Увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо идутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельскохозяйственныхъ училищъ, — вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей программѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованіями...

«При слабости еще организаціи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирной агитаціи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая борьба, какъ активное участіе и агитація во время стачекъ, исключается пока изъ нашей программы дѣйствій. Напротивъ, мы должны пользоваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, гдѣ бы могли открыто заявить свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы понимаете насъ и если сознаете всю важность правильной постановки и рѣшенія вопросовъ въ дѣлѣ нашей организаціи, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многимъ».

Состоя въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ столичнымъ рабочимъ сословіемъ, «Союзъ», однако, не можетъ считаться вдохновителемъ и организаторомъ всѣхъ протекавшихъ въ тѣ дни въ Петербургѣ стачекъ, въ коихъ, однако, революціонеры принимали горячее участіе, какъ, напримѣръ, Гобстъ, повѣшенный въ 1879 г., Александръ Михайловъ, Осинскій, Плехановъ, П. Поповъ и многіе другіе.

Кромѣ мѣстнаго значенія въ Петербургѣ, «Союзъ» находился въ сношеніяхъ и съ другими рабочими центрами Россіи, какъ, напримѣръ, съ фабрично-заводскимъ райономъ царства Польскаго.

Заключая свое повѣствованіе о Сѣверномъ Союзѣ рабочихъ, г. Бурцевъ говоритъ:

«Дѣятельность «Союза» съ весны 1879 г. намъ почти совершенно неизвѣстна. Мы знаемъ, что Халтуринъ и послѣ ареста Обнорскаго упорно занятъ былъ организаціей рабочихъ и созданіемъ типографіи для органа, но неудачи его преслѣдовали. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и вліятельныя рабочія организаціи были невозможны при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, и потому на первый планъ поставилъ борьбу за политическую свободу, борьбу противъ самодержавія и непосредственно противъ Александра II. Когда ему удалось, какъ хорошему слесарю, получить работу въ Зимнемъ дворцѣ, онъ предложилъ исполнительному комитету партіи Народной Воли собственный планъ новаго террористическаго акта,—и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на выполненіе этой задачи.

«Какъ шли дѣла «Союза», когда Халтуринъ работалъ надъ приготовленіемъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, мы не знаемъ. Кажется, своихъ связей съ своими друзьями-рабочими онъ не прекращалъ и въ этотъ народовольческій періодъ своей дѣятельности, и во время пребыванія во дворцѣ,—подъ его руководствомъ продолжалась пропаганда и организація петербургскихъ рабочихъ и подготовлялся рабочій органъ. Въ февралѣ 1880 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, друзьямъ Халтурина,—не знаю, выступали ли они тогда, какъ члены «Союза»,—удалось выпустить 1-й и единственный номеръ своего журнала «Заря Рабочаго». Этотъ номеръ и набирался, и печатался, и составлялся, и редактировался самими рабочими. Типографія «Зари Рабочаго» вмѣстѣ съ очень многими рабочими была взята въ концѣ февраля 1880 г., вскорѣ послѣ отпечатанія № 1-го,—полиціи удалось захватить почти цѣликомъ все изданіе, и спасено было очень немногое число его экземпляровъ.

«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» болѣе не возобновлялся. Какъ нѣчто аналогичное ему, въ 1880 г. на югѣ возникъ «Южно-русскій рабочій союзъ» по иниціативѣ Е. Н. Ковальскаго и Щедрина. На сѣверѣ дѣло пропаганды среди рабочихъ переходитъ въ руки народовольцевъ. Они еще въ 1880 г. сорганизовали рабочіе

кружки въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ концѣ 1880 г., главнымъ образомъ при участіи Желябова и Коковскаго (ум. въ 1881 г.), была выработана программа рабочихъ членовъ Партіи «Народной Воли» и начала выходить «Рабочая Газета»...

Соціально-демократическія организаціи, возникшія съ конца 80-хъ годовъ, а потомъ организаціи соціалистовъ-революціонеровъ въ половинѣ 90-хъ годовъ нашли въ рабочей средѣ готовую почву, вспаханную ихъ предшественниками. Они взяли въ свои руки дѣло пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, начатое въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и продолженное въ началѣ 80-хъ годовъ партіей «Народной Воли».

XIII.

Въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ стояла партія «Земли и Воли» къ тогдашней жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стараясь по всякому поводу вызвать въ этой жизни вспышки неудовольствій, протестовъ, сходки и манифестаціи. Надо отмѣтить, что связь революціоннаго кружка со студенчествомъ была настолько тѣсною, что обоюдныя силы какъ бы переливались изъ одного конца въ другой и въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ выступали къ концу 70-хъ годовъ медико-хирургическая академія и технологическій институтъ, гдѣ революціонная агитаціи находила себѣ къ тому времени наиболѣе удобную почву. О нѣкоторыхъ эпизодахъ тогдашняго участія партіи «Земли и Воли» въ жизни учащихся сообщаетъ г. Аптекманъ-Землеволецъ. Вотъ что онъ повѣствуетъ по сему предмету: «Землевольцамъ хорошо было извѣстно возбужденное состояніе молодежи и они рѣшили еще на Большомъ своемъ совѣтѣ для агитаціонныхъ цѣлей воспользоваться этимъ. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа Палена, указывалось именно на вопіющія злоупотребленія и насилія, противъ которыхъ готовы были протестовать всѣ хорошіе люди. Указывалось на непрерывно производимые обыски, аресты, высылки, на ничѣмъ не мотивированное продолжительное предварительное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему oubliitt'окъ, которую начало практиковать правительство, и на прочія возмутительныя репрессаліи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ напечатанъ въ «Вольной типографіи» и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ совѣтѣ «волковская демонстрація», въ медико-хирургической академіи случилось маленькое событіе, вызвавшее въ ея стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академическаго начальства. Манифестація это была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра II изъ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встрѣчу, на которой должны

были присутствовать представители города, земства, ученыхъ корпорацій и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ случаѣ весьма неблаговидные пріемы. Оно хорошо знало настроеніе всего студенчества, а потому оно рѣшило поступить по собственному усмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколько студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, причемъ очень прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованья. Находившійся въ то время въ библіотекѣ академіи землеволецъ рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ голосовъ созвана на скорую руку сходка въ библіотеку, и было рѣшено немедленно вызвать начальника академіи Быкова для объясненій. Сказано—сдѣлано. Нѣсколько человѣкъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библіотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычной (это было поздно вечеромъ) сходкой; но особенно обнаруженіемъ его продѣлки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обличая его неблаговидный поступокъ Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные депутаты лишены были ихъ полномочій, причемъ заявили, что никакихъ депутатовъ они по этому случаю посылать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится, такъ дѣйствительно и было: «на торжественной встрѣчѣ» депутатовъ отъ академическаго студенчества не было. Одновременно почти съ этимъ случилось другое событіе, окончательно возбудившее молодежь. Въ клиникѣ умеръ Жилинскій, три года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинскаго. Раздраженная толпа студенчества отправилась въ академическую библіотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были въ обращеніе листки уже отпечатаннаго адреса, и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Палену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человѣкъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ въ назначенный для демонстраціи день въ библіотекѣ медико-хирургической академіи собралось до 80 человѣкъ. Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло, навѣрное бы, выгорѣло, если бы тутъ не вмѣшались марксисты [1]), которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя на-

[1]) Тогдашніе марксисты являлись сторонниками теоріи Лаврова и были противниками элемента политической борьбы.

родниками, устраиваютъ протестъ политическаго характера. Землевольцы оправдывались тѣмъ, что протестъ не столько политическій, сколько гуманитарный, къ которому должна примкнуть всякая сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ землевольцы спохватились и, воспользовавшись небольшой передышкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосованіе: 1) Слѣдуетъ ли вообще протестовать? 2) Если же слѣдуетъ, то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ. Къ сожалѣнію, наступилъ вечеръ, и потому рѣшено устроить демонстрацію на слѣдующій день. Но на другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякій смыслъ. Впрочемъ, землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи, отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное число лицъ изъ молодежи и такимъ образомъ надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Такъ систематически, пользуясь каждымъ подходящимъ случаемъ, землевольцы вливали въ студенческую среду элементъ политики и стремились придать политическую окраску всѣмъ движеніямъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, возникавшимъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. А волненіями были тогда охвачены почти всѣ наши высшія учебныя заведенія, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, причемъ волненія эти бравшія свои источники часто изъ чисто домашнихъ обстоятельствъ академической жизни, подъ искусной агитаціонной рукой революціонеровъ обращались въ маленькіе политическіе пожары, каждый разъ выбрасывавшіе въ революціонную среду немало жертвъ. Учебныя заведенія были какъ бы систематически обложены революціонерами осадными машинами, которыя и наносили имъ, какъ мирнымъ разсадникамъ просвѣщенія, постоянныя бреши, откуда и вываливались въ замутившуюся политическую общественность многіе и многіе даровитые представители учащейся среды, послѣ чего ихъ связь съ наукою и мирною просвѣтительною дѣятельностью оказывалась навсегда порванною. Можно сказать, что именно въ описываемый періодъ союзъ революціи съ учащейся средою былъ наиболѣе прочно и формально закрѣпленъ, и всѣ волненія, сказавшіяся въ харьковскомъ, московскомъ, кіевскомъ университетахъ, пошли исключительно на цѣли революціонныя. Домашнія обстоятельства и разныя требованія, выставляемыя студентами, академическаго порядка были только видимостью, за кулисами которой работали искусныя агитаціонныя руки изъ землевольческаго лагеря.

Такимъ образомъ партія «Земли и Воли», установивъ тѣсныя сношенія съ рабочей и учащейся средою, послѣдовательно

и умѣло на глазахъ правительства раскидывала свою сѣть политическаго уловленія и обращалась въ дѣйствительно грозную силу, крѣпкую качественно и количественно, цементированную единствомъ политическаго импульса, фанатизированную задачею борьбы, во имя которой не останавливались передъ жертвами. Такое ея состояніе и положеніе давало ей, при наличіи общихъ условій отечественной жизни, о коихъ было уже достаточно говорено и передъ лицомъ той исключительно полицейско-бюрократической программы дѣйствій правительства, которую мы очертили въ предыдущей части,-властное положеніе въ обществѣ съ характеромъ своего рода второго «подпольнаго» правительства, могущаго при удачномъ стеченіи обстоятельствъ оказать на существующее законное правительство значительное давленіе въ духѣ уступокъ либеральнымъ программамъ 60-хъ годовъ. Борьба развертывалась широкая, гдѣ на одной сторонѣ стояла грозная сила репрессій, во имя существующаго порядка вещей, какъ таковой установился къ второй половинѣ 70-хъ годовъ, безъ всякихъ уступокъ желаніямъ общественности, а на другой—смѣлый порывъ къ натиску съ смутнымъ эпилогомъ въ будущей исторической перспективѣ, но сильный и для многихъ симпатичный своею дерзновенностью и критикою того, что всѣми признавалось какъ отсталое и не соотвѣтствующее новымъ запросамъ исторической жизни и нуждамъ страны и народа. Изъ такого положенія дѣлъ мы наблюдаемъ, что послѣ нѣкотораго перерыва, обнимающаго собою почти цѣлое десятилѣтіе, и представители передовой журналистики уже не пассивно, какъ это имѣло мѣсто въ это десятилѣтіе, а активно протягиваютъ руку молодымъ силамъ революціи и такъ или иначе пытаются поддержать ихъ, одни перомъ и своими легальными и нелегальными произведеніями, а другіе и явнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ революціоннаго порядка. П. Л. Лавровъ былъ послѣднимъ виднымъ представителемъ литературы 60-хъ годовъ, который оказался подъ ударами репрессіи этого десятилѣтія. Послѣ того наступаетъ какъ бы нѣкоторый перерывъ въ активной связи литературы съ оппозиціей. Вторая половина 70-хъ годовъ возстанавливаетъ эту связь, и въ лицѣ Н. К. Михайловскаго Г. Ив. Успенскаго, С. Н. Кривенка мы видимъ видныхъ и талантливыхъ писателей, которые цѣликомъ становятся на сторону революціоннаго движенія этого десятилѣтія.

Мы уже говорили о духовномъ единеніи Н. К. Михайловскаго съ народничествомъ 70-хъ годовъ въ періодъ его проповѣди «мирной пропаганды» [1]). Н. С. Русановъ въ статьѣ «Политика Н. К. Михайловскаго», напечатанной сначала въ «Быломъ» [2]), а потомъ вошедшей въ его книгу «Соціалисты Запада и Россіи», говоритъ о близости

---

[1]) «Истор. Вѣстн.» 1909 г., октябрь.

[2]) «Былое» 1907 г., іюль.

публициста «Отечественныхъ Записокъ» къ тогдашнему революціонному движенію такъ: «...Михайловскій почти въ эту же эпоху или нѣсколько позже обращался къ обществу съ нелегальнымъ «Летучимъ Листкомъ», помѣченнымъ апрѣлемъ 1878 года, въ которомъ говорились вещи, можетъ быть, ближе всего,—накануне возникновенія народовольческаго направленія, — подходившія къ тому, что пропагандировалось Ткачевымъ, хотя въ обратномъ порядкѣ. Дѣйствительно, Михайловскій въ упомянутомъ «Листкѣ», составлявшемъ... приложеніе къ тогдашней подпольной газетѣ «Начало», громко ставилъ правительству требованіе «конституціи, земскаго собора» и развивалъ эту мысль слѣдующимъ энергичнымъ образомъ: «Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественной безопасности». Это предвосхищеніе исполнительнаго комитета находитъ свою аналогію,—въ обратной, какъ я уже сказалъ, послѣдовательности,— въ программѣ «Набата»: тамъ «ближайшая цѣль революціи» выставлялась въ видѣ «захвата политической власти, созданія революціоннаго государства». А затѣмъ это «революціонное государство» должно уже развивать свою «конституціонную дѣятельность»: «чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, «народной думы» и санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность».

«Во всякомъ случаѣ и само «Начало» и «Летучій Листокъ» не приходились еще ко двору наиболѣе распространенному тогда направленію землевольчества. И прокламація Михайловскаго имѣла мало успѣха. Многіе, даже изъ довольно близко стоявшихъ тогда къ революціоннымъ «центрамъ», не подозрѣвали, кому она принадлежитъ. И лишь позже было узнано, что она была писана тѣмъ самымъ перомъ, которое страшно привлекало къ себѣ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ вниманіе враждующихъ революціонныхъ фракцій, плѣняя всѣхъ ихъ по очереди однѣми мыслями и отталкивая и разочаровывая всѣхъ ихъ по очереди же другими. Во второй половинѣ 1878 года, когда я познакомился съ Михайловскимъ у С. Н. Кривенка, онъ былъ уже несомнѣннымъ «политикомъ», какъ былъ «политикомъ» или, по крайней мѣрѣ, быстро становился имъ и самъ хозяинъ, находившійся тогда подъ сильнымъ вліяніемъ Николая Константиновича. Но, конечно, о народовольчествѣ съ его политической программой не было еще и рѣчи: то было скорѣе настроеніе, чѣмъ опредѣленное политическое міровоззрѣніе. Михайловскій шелъ въ этомъ направленіи, отчасти натолкнутый на такія мысли чтеніемъ Дюринга, котораго въ эту эпоху онъ усиленно изучалъ и которымъ очень увлекался. Происхожденіе «справедливости» изъ чувства нормальной «мести», месть за боль, за оскорбленіе, за по-

праніе человѣческаго достоинства было, если не ошибаюсь, тѣмъ пунктомъ ученія Дюринга, который всего болѣе интересовалъ Михайловскаго. Терроризмъ землевольцевъ находилъ, съ этой точки зрѣнія, эффектное философское обоснованіе. А возникшее рѣзко политическое настроеніе увлекало Михайловскаго все дальше по пути, освѣщаемому взглядами Дюринга насчетъ господствующей роли «политики» и «насилія» въ человѣческой исторіи: какъ теорія, народовольчество возникло у насъ въ значительной степени «подъ знакомъ» дюрингизма...»

Нѣсколько спустя, когда авторъ вступилъ на литературное поприще и принялъ участіе въ «Новостяхъ» и «Недѣлѣ», онъ сталъ чаще встрѣчаться у Кривенка съ Михайловскимъ. Здѣсь, по его словамъ, «съ нимъ (Михайловскимъ) встрѣчались уже сложившіеся тогда въ партію народовольцы, изъ которыхъ обыкновенно тамъ бывали: очень распространенный въ литературныхъ сферахъ Николай Александровичъ (псевдонимъ и понынѣ здравствующаго лица) и А. П. Корба. Самъ же Михайловскій нерѣдко захаживалъ въ извѣстную всѣмъ тогда библіотеку на Невскомъ, устроенную для книгъ политическимъ, сидѣвшимъ по тюрьмамъ, и временно находившуюся въ завѣдываніи А. И. Эртеля. Сюда приходили на свиданіе съ Михайловскимъ самые крупные и сильно законспирированные члены партіи «Народной Воли», которымъ было неудобно видѣться съ нимъ на частныхъ квартирахъ. Н. К. Михайловскій наконецъ-то обрѣлъ партію взрослыхъ и дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящихъ политическихъ дѣятелей... Съ народовольцами Михайловскій сошелся ближе, чѣмъ съ какой-либо изъ предшествующихъ революціонныхъ партій. По отношенію къ «Народной Волѣ» онъ не испытывалъ ни въ общемъ, ни въ крупныхъ частностяхъ того отсутствія настоящей солидарности, которая мѣшала ему раньше принимать ближе къ сердцу интересы той или другой фракціи. Съ другой стороны, и народовольцы могли быть удовлетворены вполнѣ статьями Михайловскаго изъ того періода. Ибо знаменитый публицистъ со свойственнымъ ему блескомъ и оригинальностью развивалъ то тотъ, то другой пунктъ новаго міросозерцанія въ легальной прессѣ, въ жадно читавшихся тогда «Отечественныхъ Запискахъ» и въ то же время печаталъ въ «Народной Волѣ» письма, подписанныя Гроньяромъ, и безыменныя статьи, производившія сенсацію не только въ революціонныхъ, но и въ либеральныхъ кругахъ и заставлявшія читателей задаваться вопросомъ, кто же былъ ихъ авторъ; наконецъ, дѣятельно участвовалъ въ составленіи историческаго письма исполнительнаго комитета Александру III».

Таково было отношеніе Н. К. Михайловскаго къ революціоннымъ кружкамъ, отношеніе, проникнутое интимной близостью, со времени образованіи партіи «Народной Воли», но и до того отмѣченное сочувствіемъ къ тому движенію, которое выливалось въ оринизацію общества «Земли и Воли».

XIV.

С. Н. Кривенко, впослѣдствіи довольно популярный въ литературныхъ кружкахъ народникъ, въ 70-хъ годахъ не представлялъ собою той авторитетной силы, каковыми были Михайловскій и Успенскій, и о его роли въ землевольческомъ движеніи мы вплоть до его ареста и ссылки уже въ 80-хъ годахъ мало имѣемъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя приведены выше г. Н. Русановымъ (Рускинъ). Иначе стоитъ дѣло съ Гл. Успенскимъ, объ участіи котораго въ революціонномъ движеніи даетъ воспоминаніе А. И. Иванчинъ-Писаревъ на страницахъ «Былого» [1]).

Отмѣтивъ, что Глѣбъ Ивановичъ въ 80-хъ годахъ «былъ знакомъ, отчасти даже друженъ со многими видными членами партіи «Народной Воли»—Юріемъ Богдановичемъ, Желябовымъ, Кибальчичемъ, А. П. Корба, Лангансомъ, Перовской, Саблинымъ, Львомъ Тихомировымъ и др.», выдѣливъ поклоненіе нашего народника-беллетриста передъ извѣстной революціонеркой В. Фигнеръ, авторъ передаетъ нѣкоторые любопытные эпизоды изъ близости Успенскаго къ революціонному движенію, какъ семидесятыхъ годовъ, такъ и слѣдующаго десятилѣтія. «Въ Парижѣ въ 1875 году Гл. Ив. живо интересовался всѣми вопросами, находившими отраженіе, съ одной стороны, въ газетѣ «Впередъ» Лаврова, съ ея проповѣдью «чистой пропаганды», и съ другой—въ органахъ боевого направленія, гдѣ рекомендовался путь «пропаганды дѣйствій». Во «Впередъ» онъ напечаталъ фельетонъ «Шило въ мѣшкѣ не утаишь», воспроизведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современность» за 1906 годъ. Выступленіе въ революціонномъ органѣ, несомнѣнно, доставило Гл. Ив. удовольствіе, какъ первая попытка писать не «для лавочки», потому что, когда вскорѣ появилась въ газетѣ замѣтка присяжнаго повѣреннаго А. А. Ольхина о русскихъ судахъ, онъ послалъ ему вырѣзку этой статьи вмѣстѣ съ своимъ фельетономъ... и поощрялъ его на дальнѣйшее сотрудничество. Въ письмѣ была, между прочимъ, фраза: «присылайте намъ еще», позволяющее допустить, что въ этотъ моментъ Гл. Ив. считалъ газету даже своимъ дѣломъ. Эта неосторожная фраза оказалась чреватой послѣдствіями. Письмо къ А. А. Ольхину попало въ руки полиціи, и на Успенскаго было обращено вниманіе...» «Сношенія съ революціонерами не проходили для Успенскаго безслѣдно и были случаи, что онъ самъ принималъ активное участіе въ кое-какихъ изъ практическихъ начинаніяхъ и, хотя никакихъ серьезныхъ каръ не терпѣлъ, но два раза привле-

[1]) «Былое» 1907 г., октябрь. «Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ». А. И. Иванчина-Писарева.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

кался къ дознаніямъ. По своимъ симпатіямъ онъ стоялъ ближе къ представителямъ «пропаганды дѣйствіемъ», нежели къ «лавристамъ», и свое отрицательное отношеніе къ руководителямъ «Впередъ» выразилъ въ разсказѣ «Неизлечимый». Этотъ разсказъ произвелъ свое дѣйствіе на Петра Лавровича, и послѣдній, по ознакомленіи съ нимъ, сказалъ:

— Да, этотъ разсказъ Успенскаго—лучшее доказательство, что мои писанія не удовлетворяютъ. Я знаю Глѣба Ивановича. Онъ—фотографическая пластинка, схватывающая лишь то, что имъ хорошо продумано. Онъ никогда не позволилъ бы себѣ ставить меня на одну доску съ болтуномъ Португаловымъ, если бы репутація въ глазахъ молодежи не пошатнулась.

Вскорѣ за симъ Лавровъ, признавая добросовѣстно, что онъ осталъ отъ революціоннаго вѣка и что событія революціоннаго порядка обогнали движеніе его философской мысли, сложилъ съ себя званіе редактора «Впередъ», оставшись только его простымъ сотрудникомъ. Г. Иванчинъ-Писаревъ передаетъ и веселые эпизоды изъ революціонной практики Успенскаго, не игравшіе собственно въ развитіи движенія какой-либо роли, но только характерно обрисовывающіе обликъ талантливаго писателя и позволяющіе зачислить его въ число несомнѣнныхъ участниковъ движенія 70-хъ годовъ, помогавшихъ этому движенію и перомъ и дѣломъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что революціонеры, объединившіеся подъ стягомъ общества «Земля и Воли», успѣли значительно упрочить свои связи въ разныхъ полезныхъ имъ кругахъ отечественной общественности, найти себѣ здѣсь преданныхъ друзей, принявшихъ въ главныхъ чертахъ программу общества и способствовавшихъ ея упроченію и признанію, какъ силы реально существующей, дѣйствующей и имѣющей жизненное значеніе въ историческомъ развитіи судебъ Россіи. И такое признаніе было для молодого общества чрезвычайно важно, ибо давало ему власть надъ всѣми прочими, еще разрозненными революціонными кружками и единицами, не успѣвшими или почему-либо не пожелавшими влиться въ оформившуюся организацію. Дабы признать это оформленіе фактомъ непреложнымъ, имѣющимъ право доминированія надъ остальными теченіями отечественной жизни, общество «Земли и Воли» отъ имени его «исполнительнаго комитета», который не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдующимъ таковымъ же комитетомъ «Народной Воли», издало въ 1879 г. «объявленіе» съ приложеніемъ къ нему красной печати, въ которомъ orbi et urbi говоритъ со всей революціонной арміей, какъ власть имущее и какъ бы требующее себѣ подчиненія, признанія своего главенства и принимающее на себя отвѣтственность за событія отечественной жизни въ ея революціонныхъ проявленіяхъ. Воспроизводимъ этотъ любопытный «актъ», заимствуя его фотографическій снимокъ изъ журнала «Былое» (1906 г., іюнь).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ

Исполнительнаго Комитета Русской Соціально Рево люціонной партіи

Новый путь, принятый въ послѣднее время Русской Соціально-Революціонной Партіей и выразившійся въ убійствахъ: барона фонъ-Гейкинга, ростовскаго шпіона Никонова и другихъ аналогичныхъ фактахъ, подалъ поводъ къ появленію значительнаго количества подметныхъ писемъ угрожающаго содержанія, какъ должностнымъ, такъ и частнымъ лицамъ, не рѣдко подъ фирмою Исполнительнаго Комитета, отъ имени котораго были совершены вышесказанные факты.

Нравственная отвѣтственность, принятая нами за наши дѣйствія, заставляетъ насъ заявить публикѣ, что авторы этихъ угрожающихъ писемъ не имѣютъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, а часто и съ Революціонной партіей, ничего общаго. Самимъ же этимъ авторамъ считаемъ нужнымъ объяснить: Революціонерамъ,—что исходящія отъ нихъ угрозы должны исполняться ими самими и подъ ихъ отвѣтственностью, проходимцамъ,—что мы будемъ преслѣдовать ихъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ.

Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ недоразумѣній, всѣ исходящія отъ насъ заявленія будутъ на бланкахъ Исполнительнаго Комитета и за его печатью.

Объявленіе «Исполнительнаго Комитета»

Въ составъ «исполнительнаго комитета», выпустившаго этотъ своего рода «законодательный циркуляръ», входили Осинскій, казненный въ томъ же 1879 г., Попко, умершій на Карѣ въ 1885 г., Сентянинъ, оказавшій вооруженное сопротивленіе и умершій въ до суда, Ивичевичъ, смертельно раненый при вооруженномъ сопротивленіи, и другіе.

Документъ этотъ, которому партія «Земли и Воли» придавала серьезное значеніе, былъ отпечатанъ въ ея собственной «Вольной типографіи», гдѣ ею печатались и нумера основаннаго въ 1878 г. органа партіи подъ наименованіемъ «Земля и Воля», откуда нами и были приведены ея распубликованныя программы. Всѣхъ номеровъ этого органа вышло 5, съ 1-го ноября 1878 г. по апрѣль 1879 г. Кромѣ этого, вышло 5 №№ «Листка Земли и Воли» съ 12 августа по 8 іюля 1879 г. И газетъ и листковъ издавались въ количествѣ отъ 1500 до 3000 экземпляровъ. Газета имѣла 20 печатныхъ страницъ, гдѣ помѣщались сначала одна или двѣ передовыя статьи, нѣсколько корреспонденцій изъ провинціи, фельетонъ и разныя извѣстія, обнимающія собою хронику революціонной жизни и другія явленія отечественной дѣйствительности, заслуживающія вниманія надъ угломъ революціоннаго зрѣнія. «Листокъ Земли и Воли» имѣлъ четыре страницы и заключалъ въ себѣ прокламаціи «исполнительнаго комитета», хронику арестовъ и одно или два выдающихся извѣстія.

Рѣшивъ вопросъ объ органѣ, землевольцы приступили къ пересмотру программы и устава общества. «Программу оставили безъ измѣненія,—повѣствуетъ г. Серебряковъ [1]).—Пересмотръ же устава потребовалъ большихъ дебатовъ и преній въ виду того, что измѣненія, вносимыя въ него, клонились къ большей централизаціи и дисциплинѣ въ обществѣ. Необходимость этихъ измѣненій выяснилась слѣдующимъ лѣтомъ, когда многіе провалы и неудачи являлись послѣдствіемъ недостаточности единства въ дѣйствіяхъ и исполнительности въ порученіяхъ. Большинство хотя и признавало эту необходимость, но съ трудомъ соглашалось на дисциплину и централизацію. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этихъ вопросовъ авторъ воспоминаній о Михайловѣ: «По смыслу выработаннаго въ началѣ 1877 г. временнаго устава петербургскаго основного кружка, программма общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея, сообразно съ указаніями опыта. Но такъ какъ весною 1878 года у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практичности нашей программы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикальнаго

---

[1]) «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли».

измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта немалую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основаннаго кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ... Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя знакомства ея членовъ». Во время этихъ же собраній была сдѣлана Валеріаномъ Осинскимъ попытка внести политическій элементъ въ программу общества. Это было встрѣчено рѣзкими протестами. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этого предложенія участникъ съѣзда (Аптекманъ): «предложеніе, вызвавшее цѣлую бурю на собраніи, было внесено В. Осинскимъ. Оно касалось введенія политическаго элемента вообще въ нашу программу и усиленія дезорганизаторской дѣятельности въ частности. «Деревенщики» рѣзко протестовали противъ этого предложенія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозначены границы дезорганизаторской дѣятельности; предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Пренія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго-народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ».

Итакъ, еще въ 1879 г. «деревенщики» оставались при своихъ аграрныхъ иллюзіяхъ. Послѣдующія событія разбили эти иллюзіи, и общество «Земли и Воли» всѣмъ ходомъ дальнѣйшихъ революціонныхъ событій вынуждено было стать на тотъ путь, который ему указывалъ Осинскій. Дезорганизаторская группа брала верхъ надъ деревенщиками, и идея «поселеній» отступила передъ идеей террора.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДИНЪ ИЗЪ БОЛЬНЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

I.

ДЕЯ о необходимости государственнаго призрѣнія увѣчныхъ и больныхъ воиновъ и ихъ семействъ получила признаніе еще въ глубокой древности у наиболѣе культурныхъ народовъ съ высоко развитою гражданственностью, каковы греки и римляне.

У грековъ, особенно у аѳинянъ, инвалиды окружались большимъ почетомъ и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Способнымъ къ труду предоставлялись мѣста на общественной службѣ, соотвѣтствовавшія ихъ уменьшенной трудоспособности, напримѣръ, мѣста хранителей общественныхъ зданій, сторожей при храмахъ, необременительныя должности при магистратахъ и т. п.

Неспособные къ труду инвалиды и ихъ семейства щедро содержались на счетъ государства; на народныхъ играхъ и въ театрѣ имъ отводились почетныя мѣста. Почетъ, окружавшій ветерановъ, распространялся и на ихъ дѣтей; такъ, сыновья ветерановъ по достиженіи совершеннолѣтія публично одарялись почетнымъ оружіемъ и бронею.

Въ Римѣ ветераны и увѣчные получали въ собственность земли изъ числа отобранныхъ у покоренныхъ народовъ; этимъ путемъ достигалась двойная цѣль: ветераны получали вознагражденіе за понесенные труды и лишенія и за доблесть, приведшую къ побѣдѣ надъ врагомъ, а завоеванныя земли прочнѣе укрѣплялись за государствомъ. Помимо вознагражденія землями, ветераны получали

двойную или тройную долю военной добычи и содержаніе, достигавшее въ правленіе императоровъ пятисотъ рублей на наши деньги.

Въ средніе вѣка въ феодальныхъ государствахъ потерявшіе возможность продолжать службу въ войскахъ ратники оказывались въ безвыходной нищетѣ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они получали скудное содержаніе отъ своихъ властелиновъ или монастырей. Напримѣръ, во Франціи при Филиппѣ-Августѣ и его преемникахъ практиковалось размѣщеніе инвалидовъ по одному или нѣсколько человѣкъ по монастырямъ, гдѣ они отправляли должности церковныхъ служителей.

Безучастное отношеніе феодальныхъ государей къ безпомощнымъ инвалидамъ находитъ объясненіе въ тогдашней организаціи войскъ: арміи состояли большею частью изъ наемниковъ-профессіоналовъ, являлись личной дружиной феодала, и платой за кровь и жизнь своихъ наймитовъ онъ ограничивалъ всѣ свои обязательства по отношенію къ нимъ. Еще менѣе считалъ онъ нужнымъ заботиться о судьбѣ своихъ искалѣченныхъ вассаловъ, жизнь которыхъ составляла полную его собственность.

Съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ послѣдовала перемѣна въ отношеніи государей и правительствъ къ инвалидамъ. Идея о необходимости въ той или иной формѣ вознаграждать пострадавшихъ на войнѣ и обезпечивать ихъ существованіе и существованіе ихъ семействъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ различныхъ государствахъ. Обезпеченіе это выражается въ назначеніи правительственныхъ пенсій и въ учрежденіи инвалидныхъ домовъ, начало которымъ было положено еще Людовикомъ Святымъ, основавшимъ убѣжище для воиновъ, ослѣпшихъ во время крестового похода. Во Франціи же, при Людовикѣ XI, было введено назначеніе пенсій солдатамъ. При Францискѣ I было установлено, что уволенные за неспособностью къ службѣ въ отставку военные должны освобождаться отъ податей и повинностей кромѣ того, отставнымъ солдатамъ была назначаема пенсія въ размѣрѣ получаемаго на службѣ жалованья. Генрихъ IV учредилъ первый инвалидный домъ, передавъ въ пользованіе инвалидамъ «королевскій домъ христіанскаго милосердія» въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо. Такія же учрежденія были основаны и въ провинціи, причемъ на содержаніе инвалидовъ была назначена половина всего благотворительнаго фонда Франціи; натуральная повинность по содержанію инвалидовъ въ монастыряхъ была обращена въ денежную. Въ Англіи престарѣлые и тяжелораненые воины размѣщались по монастырямъ; право опредѣленія принадлежало первоначально королямъ и основателямъ монастырей, но съ Іоанна Безземельнаго стало принадлежностью исключительно высшихъ духовныхъ особъ. Испанія пошла далеко впередъ въ дѣлѣ призрѣнія пострадавшихъ на войнѣ солдатъ; тамъ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ было установлено, чтобы инвалидъ,

потерявшій здоровье послѣ 10 лѣтъ службы, принимался на полное содержаніе государства.

Людовикъ XIV, ведшій свои знаменитыя затяжныя войны, проявлялъ особую заботливость по отношенію къ инвалидамъ; имъ между прочимъ былъ основанъ грандіозный «королевскій инвалидный домъ» (Hôtel royal des Invalides) для раненыхъ на войнѣ, а также состарившихся на службѣ нижнихъ чиновъ. Учрежденіемъ инвалиднаго дома, содержимаго на средства государства, Людовикъ XIV установилъ тотъ принципъ, что призрѣніе раненыхъ не должно быть дѣломъ одного милосердія, а входить въ кругъ обязанностей государства, защищая интересы котораго они проливали свою кровь. Въ пользу инвалиднаго дома было даже запрещено принимать частныя пожертвованія. На содержаніе дома были опредѣлены суммы, уплачиваемыя духовенствомъ за получаемыя ими мѣста, а также 0,2 процента со всѣхъ ассигновокъ на военные расходы. Учрежденіе получило большія привилегіи, а сами инвалиды были удостоены королемъ такой, напримѣръ, чести, что при посѣщеніи имъ дома инвалидовъ они замѣняли отрядъ его тѣлохранителей-гвардейцевъ. Во главѣ инвалиднаго дома былъ поставленъ особый губернаторъ высшаго генеральскаго званія, а общій надзоръ порученъ военному министру. Въ домѣ нашли пріютъ до 400 офицеровъ и около 3000 солдатъ.

Примѣръ Людовика XIV нашелъ подражаніе и у другихъ европейскихъ государей. Англійскій король Вильгельмъ Оранскій передалъ свой богатѣйшій замокъ Гринвичъ для помѣщенія въ немъ 6,000 матросовъ. Фридрихъ Великій построилъ въ Берлинѣ инвалидный домъ по образцу парижскаго, но меньшихъ размѣровъ. Императрица Екатерина II также положила основаніе инвалидному дому въ Петербургѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, достроенному уже въ царствованіе императора Павла I.

Инвалидные дома, явившись въ свое время и при извѣстныхъ условіяхъ благодѣтельными учрежденіями, скрывали, однако, въ своей организаціи, какъ и всѣ заведенія подобнаго типа, немало недостатковъ, къ числу которыхъ надо главнымъ образомъ отнести тяжелый богадѣленно-госпитальный режимъ. Недовольство обитателей «Hôtel des Invalides» своимъ положеніемъ сказалось въ петиціи, поданной ими въ 1792 году національному собранію. Эпиграфомъ къ ней были поставлены слова: «пенсія и свобода». Собраніе сдѣлало постановленіе, согласно которому инвалидамъ предоставлялось выбирать между помѣщеніемъ въ инвалидномъ домѣ и пенсіей.

Съ уменьшеніемъ сроковъ службы, введеніемъ всеобщей воинской повинности и съ гигантскимъ ростомъ армій, дающихъ на войнѣ громадное количество увѣчныхъ, вмѣстить которыхъ въ инвалидные дома не представилось бы никакой возможности,

учрежденія эти теряютъ почти всякое практическое значеніе и влачатъ свое существованіе лишь какъ пережитокъ старины.

Въ настоящее время основнымъ видомъ призрѣнія солдатъ, пострадавшихъ на войнѣ и вообще ставшихъ инвалидами вслѣдствіе полученныхъ на службѣ поврежденій, является обезпеченіе ихъ пенсіями. Мы въ самыхъ общихъ чертахъ разсмотримъ принятыя въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ нормы этого обезпеченія.

Вездѣ оклады пенсій дѣлятся на нѣсколько классовъ въ зависимости отъ степени воинскаго званія и сообразно тяжести полученныхъ ранъ и увѣчій, вообще соотвѣтственно степени утраты трудоспособности. Замѣтимъ, кстати, что впервые такое дѣленіе встрѣчается въ Голландіи, гдѣ въ 1781 году была установлена слѣдующая любопытная система вознагражденія пострадавшихъ на войнѣ. За потерю обоихъ глазъ раненый получалъ единовременное пособіе въ размѣрѣ 1,500 гульд., за потерю одного глаза—350 гульд., двѣ руки оцѣнивались отъ 1,500—1,200 гульд., одна рука 450—300 гульд., обѣ ноги 700—450 гульд., одна 350—200 гульд.; кромѣ того, полный инвалидъ, совершенно неспособный къ труду, получалъ по одному червонцу въ недѣлю.

Наиболѣе совершенной является постановка дѣла призрѣнія инвалидовъ въ Германіи, давно прославившейся образцовымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ своей государственной машины. Постановка эта совершенна не только по размѣрамъ обезпеченія, но и по способу проведенія законоположеній въ жизнь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по вниканію, такъ сказать, государственной власти во всѣ потребности увѣчныхъ защитниковъ великаго нѣмецкаго «фатерланда».

Нижніе чины имѣютъ право на пенсію[1]): 1) послѣ выслуги 18 лѣтъ, 2) независимо выслуги, въ случаѣ болѣзни и увѣчья, дѣлающихъ неспособными къ труду и вызванныхъ условіями службы, и 3) при неспособности къ военной службѣ послѣ 8 лѣтъ службы и вообще неспособности къ труду, независимо отъ того, произошла ли эта неспособность вслѣдствіе несенія служебныхъ обязанностей, или внѣ службы. При полной неспособности къ труду фельдфебель получаетъ 427 р. въ годъ, старшій унтеръ-офицеръ—342 р., младшій—285 р., рядовой—256 р.; при частичной неспособности къ труду пенсія исчисляется пропорціонально полнымъ окладамъ, въ зависимости отъ степени трудоспособности. Послѣ 18 лѣтъ службы пріобрѣтается право на половину полнаго оклада независимо отъ состоянія здоровья; за каждый слѣдующій годъ службы пенсія увеличивается на $^3/_{100}$ до полнаго оклада. Добавочныя пенсіи назначаются: 1) за участіе

---

[1]) Заимствуемъ свѣдѣнія о Германіи изъ статьи ген. Грулева въ «Вѣстникѣ общества повсем. пом. пострад. на войнѣ солд. и ихъ семьямъ» за 1908 г., № 2.

въ военныхъ дѣйствіяхъ и 2) престарѣлымъ. Первая выдается въ размѣрѣ 7 р. 22 к. въ мѣсяцъ, причемъ если общій размѣръ пенсіи вмѣстѣ съ добавочной ниже 285 р. въ годъ, то въ возрастѣ 55 лѣтъ и выше назначается добавка за старость въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма пенсіи равнялась 285 р. Добавочная пенсія—въ размѣрѣ отъ 12 р. 54 к. въ мѣсяцъ до 25 р. 65 к. въ мѣсяцъ—назначается еще въ случаѣ увѣчья или сумасшествія при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вдовы нижнихъ чиновъ, погибшихъ на службѣ, получаютъ отъ 6 р. 90 к. до 12 р. 42 к. въ мѣсяцъ въ зависимости отъ званія мужа На воспитаніе дѣтей, а также отцу, дѣду, матери или бабкѣ погибшаго отпускается пособіе по 4 р. 83 к. въ мѣсяцъ на душу.

Большой интересъ, особенно для насъ, представляетъ самый порядокъ полученія пенсій. Тогда какъ у насъ для выхлопотанія пенсіи требуются долгіе мѣсяцы, а иногда годъ и болѣе, въ Германіи на выполненіе всѣхъ формальностей до выдачи самой пенсіи полагается всего двѣ недѣли. Все исчерпывается подачей прошенія командиру части, который препровождаетъ его на заключеніе врача, производящаго освидѣтельствованіе и составляющаго инвалидный листъ, причемъ онъ же указываетъ и точный размѣръ полагающейся пенсіи. Дѣло идетъ на утвержденіе высшаго начальства (корпуснаго врача), и пенсія немедленно выдается.

Помимо пенсій, государство предоставляетъ прослужившимъ 12 лѣтъ на военной службѣ мѣста въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Право на занятіе такихъ должностей по желанію можетъ быть замѣнено ежегодной пенсіей въ 68½ р. или единовременнымъ пособіемъ въ 712½ рублей.

Въ довершеніе всего, полные инвалиды, нуждающіеся въ постороннемъ уходѣ, могутъ быть помѣщаемы въ инвалидные дома, внутреннему быту которыхъ приданъ семейный, уютный характеръ и въ которыхъ инвалиды находятъ пріютъ со всей своей семьей. Тѣ изъ инвалидовъ, которые еще могутъ нести легкую караульную службу, помѣщаются въ такъ называемыя «инвалидныя компаніи» (Invalidencompagnien), размѣщенныя по мелкимъ городамъ. Они носятъ форму и представляютъ подобіе военной организаціи, пользуясь, однако, полной свободой во всемъ укладѣ своей жизни и проживая съ семьями на частныхъ квартирахъ. Инвалидные дома и компаніи учреждены по закону 29 іюня 1781 года, послѣ Франко-Прусской войны.

Во Франціи [1]), въ зависимости отъ степени полученныхъ на службѣ поврежденій, лишающихъ потерпѣвшаго возможности заботиться

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о постановкѣ дѣла призрѣнія инвалидовъ въ иностранныхъ государствахъ помѣщены въ пространномъ докладѣ д-ра С. П. Мунта общему собранію о-ва повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ 13 дек. 1909 г. и любезно предоставлены авторомъ въ наше распоряженіе.

о собственномъ пропитаніи, установлены 3 разряда пенсіонныхъ окладовъ. Въ первомъ разрядѣ (слѣпота или потеря двухъ членовъ) размѣръ пенсіи колеблется отъ 52 р. 81 к. въ мѣсяцъ для фельдфебеля до 30 р. 47 к. для рядового; по второму разряду (потеря руки, ноги или лишеніе возможности пользоваться двумя членами) пенсія назначается въ предѣлахъ отъ 40 р. 63 к. до 23 р. 44 к., по 3-му разряду (потеря одного члена или тяжкія раны) фельдфебель получаетъ 31 р. 25 к., а рядовой 18 р. 75 к.; если же потерпѣвшій прослужилъ болѣе 25 лѣтъ, то пенсіи назначаются по 2-му разряду. Въ случаѣ частичной и временной нетрудоспособности выдаются пособія въ размѣрѣ отъ 187½ р. до 63 р. для фельдфебеля и 112½—37½ р. для рядового. Вдовы нижнихъ чиновъ, умершихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей въ мирное время, получаютъ половину, а убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ—¾ оклада пенсіи 2-го разряда, независимо отъ того, выслужилъ ли пенсію самъ нижній чинъ, или нѣтъ.

Въ Австро-Венгріи нижнимъ чинамъ, утратившимъ послѣ 10 лѣтъ службы здоровье безъ потери способности къ труду, назначаются пенсіи въ размѣрѣ отъ 7 р. 20 к. для старшаго фельдфебеля до 2 р. 40 к. для рядового. Такія же пенсіи назначаются и не прослужившимъ 10 лѣтъ, но утратившимъ трудоспособность. Для получившихъ раны на войнѣ установлены, въ зависимости отъ степени раненій, прибавки по 9 р. 60 к., 6 р. 40 к. или 3 р. 20 к. въ мѣсяцъ. На исполненіе всѣхъ формальностей для полученія пенсіи, даже при извѣстномъ формализмѣ австрійской бюрократіи, требуется около двухъ мѣсяцевъ. Вдовы получаютъ пенсіи отъ 5 р. 36 к. (вдова фельдфебеля) до 1 р. 60 к. (рядового), вдовамъ убитыхъ пенсіи увеличиваются на 50%, а нетрудоспособнымъ дается еще особая прибавка по 3 р. 20 к. въ мѣсяцъ. На дѣтей выдается по 1 р. 60 к. въ мѣсяцъ.

Полные инвалиды, по желанію, помѣщаются въ инвалидные дома, находящіеся въ Вѣнѣ, Прагѣ, Лембергѣ и Тирнау. Здѣсь они получаютъ полное содержаніе, до табака включительно, и, благодаря отличной постановкѣ дѣла, весьма довольны своимъ положеніемъ. Очень рѣдки случаи, чтобы они просили пенсію вмѣсто помѣщенія въ инвалидномъ домѣ.

Италія также занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣлѣ обезпеченія пострадавшихъ на военной службѣ. Здѣсь установлены пенсіи трехъ категорій, опять-таки въ зависимости отъ выслуги лѣтъ и отъ характера полученныхъ на службѣ поврежденій; для фельдфебеля эти пенсіи выражаются такъ: 69 р. 28 к., 55 р. 41 к., 22 р. 81 к.; для рядового: 21 р. 89 к., 16 р. 88 к. и 9 р. 38 к. въ мѣсяцъ. Принимая во вниманіе скромные оклады жалованья, получаемые итальянскимъ чиновничествомъ, нельзя не признать приведенные размѣры пенсій высокими. Вдова и дѣти получаютъ половину

максимальной пенсіи, причитавшейся нижнему чину, независимо отъ числа лѣтъ его службы. Правами на пенсію пользуются также родители и малолѣтніе братья и сестры покойнаго, если онъ былъ ихъ единственной поддержкой.

Англіи, комплектующей свою армію изъ наемниковъ, приходится, въ видахъ привлеченія на военную службу большаго контингента лицъ, обращать особое вниманіе на вознагражденіе отставныхъ нижнихъ чиновъ. Она тратитъ на пенсіи отставнымъ значительныя суммы, выражающіяся во многихъ милліонахъ. Оклады пенсій установлены пяти классовъ. При полной утратѣ трудоспособности нижніе чины-европейцы получаютъ отъ 50 р. 40 к. до 21 р. 60 к., при частичной потерѣ—отъ 43 р. 20 к. до 7 р. 20 к., въ мѣсяцъ, въ зависимости отъ срока службы, обстоятельствъ, при которыхъ получено поврежденіе, и прежняго поведенія на службѣ. Для полныхъ инвалидовъ существуетъ инвалидный домъ въ Челси, учрежденный на 2800 человѣкъ. Вдовамъ нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ или увѣчій, полученныхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, выдается отъ 20 р. 57 к. до 10 р. 29 к. въ мѣсяцъ, смотря по классу, къ которому отнесенъ покойный; на каждаго ребенка (мальчикамъ до 14 лѣтъ, дѣвочкамъ до 16) выдается отъ 4 р. 10 к. до 3 р. 10 к.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ главнѣйшія европейскія государства разрѣшили вопросъ объ обезпеченіи участи пострадавшихъ на войнѣ и вообще при несеніи военной службы, вопросъ, имѣющій громадное значеніе въ смыслѣ созданія въ рядахъ защитниковъ родины бодраго настроенія и спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Безъ увѣренности, что отечество не пуститъ по міру семьи погибшаго или изувѣченнаго и самому инвалиду не придется протягивать руку за подаяніемъ, немного найдется охотниковъ жертвовать самоотверженно собою, и это обстоятельство должно роковымъ образомъ сказаться въ тотъ моментъ, когда судьбы государства будутъ находиться въ рукахъ солдатъ. Въ самоотверженной храбрости японскихъ солдатъ, говорятъ, немалую роль играло сознаніе, что ихъ семьи не будутъ брошены государствомъ и обществомъ на произволъ судьбы. У нашихъ солдатъ такой увѣренности не могло быть. Изъ послѣдующаго будетъ видно—почему.

Правительственная помощь въ Японіи [1]) увѣчнымъ и неспособнымъ къ труду выражается въ назначеніи пожизненной пенсіи отъ 6 до 15 іенъ въ мѣсяцъ, кромѣ единовременнаго пособія по выходѣ изъ лечебнаго заведенія, въ безплатномъ леченіи въ больницахъ, курортахъ и санаторіяхъ, въ предоставленіи раненымъ преимуществъ при поступленіи на должности въ правительственныя, обще-

---

[1]) Заимствуемъ свѣдѣнія изъ статьи Е. Норда въ «Вѣстникѣ общества повсемѣстной помощи» за 1909 г., №№ 5—6.

ственныя и городскія учрежденія. Семьямъ погибшихъ выдаются пенсіи по количеству дѣтей, которыя, кромѣ того, получаютъ образованіе на казенный счетъ. Если принять во вниманіе болѣе чѣмъ скромный уровень потребностей низшихъ слоевъ населенія Японіи, гдѣ рабочій считаетъ себя счастливымъ, когда онъ обезпеченъ ежедневнымъ заработкомъ круглымъ счетомъ въ 30 копеекъ, то намъ станетъ ясно, что японскій инвалидъ не можетъ желать для себя лучшей доли.

Россія въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ защитниковъ родины и вообще потерявшихъ здоровье на службѣ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ значительно отстала въ настоящее время отъ другихъ странъ; на ряду съ этимъ неудовлетворительно у насъ призрѣніе семей нижнихъ чиновъ, призываемыхъ по мобилизаціи, и въ этомъ обстоятельствѣ надо искать одну изъ причинъ недовольства и безпорядковъ среди запасныхъ, призывавшихся на службу въ минувшую войну.

Призрѣніе инвалидовъ впервые узаконено у насъ Петромъ I, который въ 1720 году приказалъ помѣщать инвалидовъ въ монастыряхъ и богадѣльняхъ, съ выдачей жалованья по гарнизонному окладу. При Екатеринѣ II отправка въ монастыри была отмѣнена и для водворенія инвалидовъ были назначены особые города, числомъ 31, причемъ былъ опредѣленъ штатъ призрѣваемыхъ въ 4,655 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и офицеровъ. Понятно, что призрѣвались далеко не всѣ инвалиды. Въ 1796 г. при введеніи новыхъ штатовъ германскихъ батальоновъ, устроенныхъ изъ неспособныхъ уже нести полевую службу, повелѣно формировать при этихъ батальонахъ инвалидныя роты Въ 1811 г. инвалиды раздѣлены на подвижныхъ, служащихъ и неслужащихъ, или неспособныхъ. Изъ первыхъ образованы подвижныя инвалидныя роты, а изъ вторыхъ—въ уѣздныхъ городахъ команды служащихъ и неслужащихъ инвалидовъ. Послѣднія въ 1823 г. расформированы.

18 августа 1814 года Александромъ I были учрежденъ комитетъ для заслуженныхъ воиновъ, носящій нынѣ названіе Александровскаго комитета о раненыхъ [1]). Съ учрежденіемъ этого комитета связано имя Петра Павловича Пезаровіуса, основателя газеты «Русскій Инвалидъ», собравшаго при помощи этого изданія около 400,000 рублей, которые и послужили первоначальнымъ фондомъ комитета.

По дѣйствующимъ у насъ нынѣ законоположеніямъ, правительственая помощь раненымъ и семьямъ погибшимъ на войнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Раненые получаютъ пенсіи

---

[1]) Исторія учрежденія комитета изложена въ очеркѣ С. Н. Шубинскаго «Забытый филантропъ». См. его «Историческіе разсказы и очерки», изд. 1908 г., стр. 579.

изъ Александровскаго комитета о раненыхъ и государственнаго казначейства, заболѣвшіе на войнѣ и потерявшіе поэтому трудоспособность получаютъ пенсіи изъ казначейства и могутъ получать ежегодныя пособія изъ Александровскаго комитета. По степени утраченной трудоспособности, нижніе чины, получающіе пенсіи изъ комитета, раздѣляются на три класса, причемъ размѣръ пенсій выражается слѣдующимъ образомъ, по классамъ: унтеръ-офицеръ: 90, 63 и 48 р. въ годъ; рядовой: 84, 57 и 34 р. въ годъ. Изъ государственнаго казначейства потерявшіе на войнѣ отъ ранъ или болѣзни способность къ личному труду получаютъ ежемѣсячное трехрублевое пособіе, а нуждающіеся въ постороннемъ уходѣ шестирублевое. Причисленнымъ къ классу болѣзненныхъ Александровскій комитетъ выдаетъ ежегодно по прошенію единовременное пособіе въ размѣрѣ: рядовому отъ 20—30 р., унт.-офицеру отъ 25—35 р. и фельдфебелю отъ 30—40 рублей. Вдовы рядовыхъ, погибшихъ на войнѣ, имѣютъ право на пенсію въ 48 р. въ годъ отъ комитета и на трехрублевое въ мѣсяцъ пособіе отъ казны. Учрежденный въ минувшую войну Алексѣевскій комитетъ выдаетъ дѣтямъ погибшихъ на войнѣ или умершихъ впослѣдствіи отъ ранъ и болѣзней, полученныхъ на войнѣ, пособіе въ размѣрѣ 24, 30 или 40 рублей въ годъ въ зависимости отъ города, гдѣ они живутъ. Необходимо прибавить, что назначеніе пенсій обусловлено неимѣніемъ у раненаго дохода, превышающаго 300 рублей.

Этимъ исчерпывается правительственная помощь инвалидамъ и семьямъ погибшимъ на войнѣ. Нечего и говорить, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ жизни существующія у насъ нормы призрѣнія являются давно устарѣвшими. Но дѣло не только въ одномъ этомъ. Полученіе пенсій обставлено требованіями соблюденія такихъ формальностей, такими проволочками, а иногда сопряжено и съ такими непосильными расходами (наприм., поѣздки на освидѣтельствованіе, расходы по выправкѣ документовъ, по писанію про, шеній, мало ли потребуется расходовъ при долговременной волокитѣ), что для многихъ и многихъ дѣлается недоступнымъ. Весьма многіе лишаются права на пенсію лишь вслѣдствіе неимѣнія требуемыхъ по закону документовъ. Сплошь и рядомъ случается, наконецъ, что нижніе чины даже не знаютъ, что имъ слѣдуетъ отъ казны пенсія или пособіе. Вообще нашему безграмотному, темному мужику нелегко добиться пенсіи. Достаточно сказать, что изъ 200,000 слишкомъ раненыхъ въ японскую войну подъ покровительство Александровскаго комитета по ноябрь 1909 года было принято менѣе 53 тысячъ.

Не вдаваясь въ подробности и отсылая интересующихся къ статьямъ г. Ор. Фр., помѣщеннымъ въ «Вѣстникѣ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ» за 1909 годъ, въ №№ 3—6, гдѣ этотъ вопросъ подробно разобранъ, мы укажемъ лишь на то печальное явленіе, что указанному выше

обществу въ своей дѣятельности приходится нерѣдко встрѣчаться съ инвалидами еще турецкой кампаніи 1877 года, не получающими пенсіи, и даже съ севастопольскими ветеранами. Да и требуются ли какія-либо документальныя подтвержденія? Всѣмъ намъ съ дѣтства знакомы грустныя зрѣлища слѣпыхъ, безрукихъ, безногихъ ветерановъ, иногда даже одѣтыхъ въ истрепанныя солдатскія шинели, просящихъ подаянія по городамъ и весямъ всей матушки Россіи. Кого не наводилъ на грустныя размышленія молящій окликъ этихъ героевъ, этихъ защитниковъ родины и создателей мощи и величія Россіи: «подайте Христа ради убогому солдату». Да, поистинѣ долготерпѣливъ народъ русскій и «святая скотинка», какъ говорилъ Драгомировъ, нашъ русскій солдатъ.

Даже съ полученіемъ пенсіи мытарства инвалида не кончаются. Пенсіи выдаются изъ казначейства, куда пенсіонеры должны каждый разъ являться, тратя иногда на поѣздки значительную часть пенсіи.

Недостатки нашего законодательства о призрѣніи пострадавшихъ на войнѣ и ихъ семействъ обратили на себя вниманіе государственной думы. 96-ю ея членами 26 мая 1909 г. было внесено законодательное предположеніе, принятое единогласно въ засѣданіи 25 ноября. Существенными чертами этого предположенія являются: увеличеніе окладовъ пенсій, раздѣляемыхъ, въ зависимости отъ степени болѣзней и пораненій, на 10 разрядовъ и колеблющихся отъ 180 до 18 руб. въ годъ; назначеніе пенсіи за утрату трудоспособности и въ мирное время; выдача пенсіи изъ одного источника; упрощеніе порядка освидѣтельствованій и дѣлопроизводства и выдача пенсіи по мѣсту жительства пенсіонера. Правительство приняло на себя выработку законопроекта, и подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошина уже работаетъ по этому вопросу междувѣдомственное совѣщаніе, съ участіемъ и представителей обществъ, взявшихъ на себя попеченіе о раненыхъ.

Законодательное предположеніе 96 членовъ Г. Думы вноситъ существенныя улучшенія въ дѣло обезпеченія пострадавшихъ на военной службѣ и упорядочиваетъ процедуру исходатайствованія пенсій. Но не можемъ не отмѣтить, что предположеніе страдаетъ нѣкоторой прямолинейностью, подводя всѣхъ подъ одинъ ранжиръ. Такъ, намъ кажется, слѣдовало бы выдѣлить участвовавшихъ въ сраженіяхъ и особенно отличившихся. Не принята во вниманіе престарѣлость, при наступленіи которой слѣды раненій будутъ давать себя сильнѣе чувствовать; не принята во вниманіе и предшествовавшая долговременная сверхсрочная служба. Во всемъ этомъ законопроектъ значительно отстаетъ отъ германскаго закона. Наконецъ, нельзя не признать въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточными и предположенныя нормы пенсіонныхъ окладовъ. Если

раненый имѣетъ въ деревнѣ готовый уголъ и родную семью, то 15 р. въ мѣсяцъ вполнѣ обезпечиваютъ его существованіе; но въ условіяхъ городской жизни, при быстро растущей дороговизнѣ слѣпецъ или полный калѣка съ трудомъ можетъ влачить жалкое существованіе. Совершенно не упомянуто въ законодательномъ предположеніи о семьяхъ раненыхъ и убитыхъ. Этотъ пробѣлъ является уже совершенно непонятнымъ.

II.

Мы изложили въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность государственной власти по призрѣнію инвалидовъ. Но заботами правительственныхъ органовъ далеко не можетъ быть исчерпана вся та безконечная область нуждъ, которая вносится въ жизнь сотенъ тысячъ жизней каждой войной. Какъ бы широко законъ ни предусмотрѣлъ всѣ потребности заинтересованныхъ лицъ, онъ никогда не охватитъ всей жизни съ ея многообразными проявленіями. Поэтому и въ данномъ вопросѣ, въ дѣлѣ излеченія язвъ войны, громадная роль должна принадлежать общественнымъ организаціямъ. Принять на себя эту роль есть прямая обязанность общества уже по одному тому, что при всеобщей воинской повинности армія является не обособленной кастой солдатъ-профессіоналовъ, а частью того же общества, временно призванной подъ знамена. Съ другой стороны, не всѣмъ классамъ въ равной мѣрѣ и даже не всѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, способнымъ носить оружіе, приходится участвовать, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, какъ, напримѣръ, льготы по образованію или семейному положенію, въ отбываніи воинской повинности и въ защитѣ государства, и поэтому нравственный долгъ такихъ лицъ личнымъ трудомъ или матеріальными средствами принять участіе въ отплатѣ людямъ, принесшимъ въ жертву всему обществу свое здоровье и жизнь. Сознаніе, что ихъ лишенія, страданія и жертвы будутъ по достоинству оцѣнены всѣмъ народомъ, является для защитниковъ родины однимъ изъ могучихъ стимуловъ къ самоотверженнымъ подвигамъ и надежнымъ факторомъ успѣха арміи въ борьбѣ съ непріятелемъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ общество энергично работаетъ въ дѣлѣ оказанія помощи жертвамъ войны. Рядъ благотворительныхъ организацій принимаетъ на себя заботу о всевозможныхъ нуждахъ инвалидовъ, ставя своей цѣлью—довести матеріальное ихъ благосостояніе до прежней нормы. Тáкія задачи прямо намѣчаются въ уставахъ многихъ обществъ этого рода. Трудно перечислить всѣ виды помощи и всѣ заботы, которыми культурное, гражданственно развитое населеніе окружаетъ своихъ защитниковъ, идя навстрѣчу всѣмъ ихъ нуждамъ.

Наибольшею интенсивностью отличается дѣятельность общественныхъ организацій для помощи инвалидамъ въ Германіи. Минуя болѣе мелкія, мы назовемъ три, простирающія свою дѣятельность на всю Германію. Первымъ по времени возникновенія является «Victoria National Invaliden-Stiftung», основанное въ 1866 году принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Оно выдаетъ пенсіи и пособія, пріискиваетъ мѣста, воспитываетъ, обучаетъ дѣтей инвалидовъ и опредѣляетъ ихъ на службу, выдаетъ ссуды и вноситъ залоги за инвалидовъ при опредѣленіи на мѣста, снабжаетъ протезами, устраиваетъ на курорты. Общество имени императора Вильгельма (Kaiser Wilhelm Stiftung) помогаетъ широко пенсіями и пособіями; оно раскинуло сѣть своихъ отдѣловъ, которыхъ насчитывается 823, по всей Германіи. Весьма интересною является дѣятельность общества «Invalidendank» (благодарность инвалидамъ), поставившаго своей задачей доставить инвалидамъ доступный ихъ уменьшенной трудоспособности заработокъ. Для этой цѣли оно учредило бюро для указанія мѣстъ, контору объявленій, продажу театральныхъ билетовъ, комиссіонную контору и книготорговлю.

Во Франціи широко развили свою дѣятельность три общества: общество помощи раненымъ воинамъ, имѣющее 50,000 членовъ, ассоціація французскихъ дамъ, союзъ женщинъ Франціи. Имущества и капиталы всѣхъ этихъ обществъ, представители которыхъ образуютъ главный комитетъ французскаго Краснаго Креста, составляютъ въ совокупности около 20 милліоновъ франковъ, а ежегодный доходъ первыхъ двухъ превышаетъ 650 тысячъ франковъ.

Дѣйствующій въ Австріи Бѣлый Крестъ успѣлъ съ 1882 года по 1909 годъ создать 46 лечебныхъ заведеній въ различныхъ курортахъ и оказать помощь 13,622 инвалидамъ и 5,748 членамъ ихъ семействъ. Кромѣ этого общества, успѣшно работаютъ въ дѣлѣ всевозможной помощи инвалидамъ Тевтонскій орденъ, австрійское патріотическое общество и дамскій комитетъ.

Итальянскій Красный Крестъ насчитываетъ до 20,000 человѣкъ и носитъ, какъ и у насъ, полуофиціальный характеръ.

Въ Россіи до Японской войны существовало нѣсколько обществъ для помощи инвалидамъ, но дѣятельность ихъ не выходила изъ рамокъ узкой филантропіи. Красный Крестъ, ставящій своей задачей оказаніе помощи раненымъ во время войны и помощь населенію въ стихійныхъ бѣдствіяхъ, слабо проявляетъ попеченіе о пострадавшихъ на войнѣ въ мирное время. Съ послѣднимъ выстрѣломъ, затихшимъ на полѣ сраженія, Красный Крестъ приступаетъ къ демобилизаціи, постепенно ликвидируя свои учрежденія. Что же касается дѣятельности его комитетовъ для оказанія помощи увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и для оказанія пособія вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ, то о ней почти ничего не слышно. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ дѣятельности Краснаго Креста

въ военное время, нельзя тѣмъ не менѣе ожидать отъ него кипучей работы по устройству жертвъ войны и умѣнья объединить въ этой работѣ широкіе слои общества, хотя бы уже потому, что, будучи учрежденіемъ бюрократическимъ, онъ не можетъ работать рука объ руку съ общественными силами.

Во время Японской войны возникло немало обществъ и кружковъ, задававшихся цѣлью облегчить положеніе возвращающихся съ театра военныхъ дѣйствій раненыхъ нижнихъ чиновъ; однако послѣ неудачнаго исхода кампаніи этотъ общественный подъемъ смѣнился полнымъ равнодушіемъ къ участи несчастныхъ жертвъ войны, и благотворительнымъ учрежденіямъ за прекращеніемъ притока средствъ пришлось ликвидировать свои дѣла. Вниманіе общества было къ тому же всецѣло поглощено событіями нашей внутренней жизни. Повсюду начали вспыхивать мятежи, забастовки, вооруженныя возстанія. Казалось, наступаетъ полный развалъ Россіи. Тутъ было не до инвалидовъ. А между тѣмъ поѣзда одинъ за другимъ выбрасывали въ столицы и большіе города все новыя и новыя толпы израненныхъ и больныхъ защитниковъ родины. Положеніе ихъ, не вызывавшее почти ни въ комъ сочувствія, было по истинѣ трагическое. Вотъ какъ описываетъ его въ «Новомъ Времени» г. Эль-Эсъ:

«На носилкахъ и костыляхъ они отправлялись въ госпитали и лазареты. Многіе изъ нихъ еще мечтали, что вернется къ нимъ прежняя сила. И когда у нихъ зарастали зіяющія раны оторванныхъ рукъ и ногъ, ихъ, какъ «выздоровѣвшихъ», отправляли на родину. Но эти люди слышали, что имъ за ихъ раны и увѣчья полагается какая-то помощь, какія-то деньги, и они толпами повалили въ штабы, управленія, благотворительныя учрежденія. И вездѣ ихъ встрѣчали вопросами: «Аттестатъ у тебя есть? Перевязочное свидѣтельство есть?» Нѣтъ, у нихъ никакихъ свидѣтельствъ не было: ихъ громоздили въ вагоны, часто полумертвыхъ, часто много часовъ и дней валявшихся на поляхъ и скалахъ, пока счастливый случай не наводилъ на нихъ санитаровъ... Имъ наскоро перевязали раны и отправили за тысячи верстъ. Никакихъ документовъ съ нихъ не спрашивали и никакихъ не давали: документомъ былъ раненый человѣкъ, но что будетъ съ нимъ дома, гдѣ безъ паспорта человѣкъ—не человѣкъ, объ этомъ не думали. И люди, измученные и изболѣвшіеся, очутились буквально на улицѣ.

«Тщетно стучались они въ двери канцелярій, казенныхъ и благотворительныхъ: «докажи, что ты раненый», говорили тамъ безногимъ и безрукимъ. Требованія эти были законны, потому что по закону каждому раненому должно выдаваться перевязочное свидѣтельство. Но солдатъ этого не зналъ, а если кто и зналъ, то спросить не рѣшался. И десятки тысячъ нашихъ израненныхъ защитниковъ вернулись на родину, утерявъ на полѣ сраженія свои

гражданскія права, ставъ безпаспортными. Послѣ безплодныхъ и томительныхъ хлопотъ отправлялись они къ себѣ по домамъ, и тамъ не могли добиться ни пособія, ни пенсіи, ни льготы по взысканію повинностей; хотя всего этого они тоже требовали по закону, но у нихъ не было бумажки съ печатью. Между тѣмъ они были больны, голодны и глубоко обижены тѣмъ, что имъ не дали того, что они заслужили своей кровью и службой. И въ этомъ создавался трагизмъ положенія, разрѣшавшійся буйствами запасныхъ, глухимъ броженіемъ, переходившимъ такъ часто въ кровавые безпорядки. Въ революціонной смутѣ сыгралъ немалую роль и неуловимый солдатскій документъ...

«Навѣрное, многіе въ Россіи помнятъ, какъ на улицахъ столицъ и другихъ городовъ, гдѣ сосредоточивались раненые, бродили и ползали изувѣченные солдаты, побиравшіеся Христовымъ именемъ. Сначала имъ подавали довольно охотно, потомъ охладѣли: слишкомъ было ихъ много, и они надоѣли. Мнѣ всегда вспоминается одинъ такой калѣка, совсѣмъ молодой бѣлокурый солдатъ, съ ногами, отрѣзанными выше колѣнъ. Этотъ получеловѣкъ, казавшійся странно маленькимъ среди обгонявшей его толпы, принималъ подаяніе съ молчаливой благодарностью.

«— Что же ты дѣлать теперь будешь?—спросилъ я его.

«— На шарманку собираю. Можетъ, что-нибудь и заработаю,—довѣрчиво сказалъ онъ, посматривая своими кроткими глазами и жмурясь отъ солнца.

«Да, вотъ что,—подумалъ я:—нашему изувѣченному солдату надо собирать подаяніе на шарманку, чтобы не умереть на улицѣ». И, вѣроятно, проходившимъ мимо молодымъ солдатамъ запала въ память эта мучительная картина».

Но не всѣ проходили мимо этихъ несчастныхъ безучастно или отдѣлываясь лишь денежной подачкой. Среди лицъ, по роду своей дѣятельности сталкивавшихся съ ними ближе и пристальнѣе всматривавшихся въ ихъ положеніе и нужды, нашлись и такія, которыя не задумались пожертвовать свой трудъ, свое время и средства, чтобы сдѣлать все возможное для несчастныхъ страдальцевъ, терпѣвшихъ не только физическія, но и ужасныя нравственныя муки. Эти лица такъ говорятъ о мотивахъ, побудившихъ ихъ начать свою дѣятельность, и принципѣ, который былъ положенъ ими въ ея основаніе:

«Возвращеніе раненыхъ въ свои родныя гнѣзда не прежними сильными работниками, кормильцами своихъ семействъ, а калѣками съ уменьшенной трудоспособностью, съ яснымъ сознаніемъ, что прибытіе ихъ въ родную семью не принесетъ уже ей прежней пользы, а можетъ вызвать только обостреніе нужды, вызывало у запасныхъ горькія и тяжелыя мысли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—отчаяніе и ропотъ.

«Именно съ этимъ настроеніемъ запасныхъ, высказываемымъ въ неофиціальной, но искренней и правдивой формѣ, и приходилось знакомиться врачамъ и сестрамъ милосердія, принимавшимъ участіе въ работахъ по эвакуаціи больныхъ и раненыхъ на родину. Сознаніе, что этимъ солдатамъ придется вернуться въ деревню безъ счастья побѣдителей, съ тяжелымъ правственнымъ угнетеніемъ и столкнуться при этомъ съ бѣдственнымъ положеніемъ семьи, побудило лицъ, которымъ пришлось войти въ непосредственное соприкосновеніе съ этимъ острымъ жизненнымъ вопросомъ, могущимъ имѣть въ смутное время, переживаемое родиной, роковыя послѣдствія, соорганизоваться съ цѣлью по мѣрѣ силъ и возможности прійти своей частной инициативой на помощь государству.

«Эти лица выдѣлили изъ своего состава организаціонный комитетъ, которому и было поручено приступить немедленно къ выработкѣ устава общества, основнымъ принципомъ дѣятельности котораго должно было явиться созданіе вокругъ вернувшихся на родину солдатъ атмосферы братскаго участія и уваженія, какъ къ лицамъ, принесшимъ въ жертву свое личное счастье на общую пользу, и оказаніе имъ помощи въ наиболѣе пріемлемой для нихъ формѣ, не унижающей въ нихъ достоинства и не имѣющей значенія единовременной подачки».

Этими учредителями новаго общества съ такими симпатичными задачами, которые въ минуту полнаго равнодушія общества къ близкому ихъ сердцу дѣлу не опустили безпомощно рукъ и съ твердой вѣрой, что не оскудѣла русская земля людьми, любящими родину, кликнули кличъ своимъ единомышленникамъ, были врачи Н. Е. Габриловичъ и С. П. Мунтъ и сестры милосердія добровольцы, Е. В. Авенаріусъ, Е. Н. и М. Н. Ильины, Н. Э. Кильштедтъ, Л. Ф. Мѣдникова, Е. Г. Опочинина, Е. Т. Федоровская, В. В. Цемирова и Ф. П. Купчинскій. Призывъ ихъ былъ услышанъ, и на помощь имъ изо всѣхъ слоевъ общества явились живыя силы, не щадившія ни труда, ни средствъ для поддержки новаго, широко задуманнаго дѣла, дѣла не только братской любви и христіанскаго милосердія, но и громаднаго государственнаго значенія. Въ такомъ опредѣленіи намѣченной учредителями дѣятельности, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія.

Съ легкой руки Григоровича и Шеллера-Михайлова, выставившихъ па судъ общественный «акробатовъ благотворительности», у насъ установилось въ широкой публикѣ да и въ части печати пренебрежительное отношеніе къ различнымъ благотворительнымъ кружкамъ и вообще частнымъ филантропическимъ предпріятіямъ. Правда, очень часто дѣятельность благотворительныхъ обществъ болѣе утѣшаетъ скучающихъ дамъ-филантропокъ, чѣмъ тѣхъ, въ чью пользу такія общества основаны, но отъ по-

добной филантропіи дѣятели вновь созидаемой общественной организаціи отмежевались съ самаго начала. Въ призывахъ, съ которыми они обратились къ русскому обществу, они опредѣленно указывали, что смотрятъ на дорогое имъ дѣло, какъ «на гражданскій долгъ передъ родиной, который повелѣваетъ каждому русскому стать за огражденіе благополучія и чести солдатъ, свято исполнившихъ свой долгъ, и озаботиться устройствомъ ихъ семействъ, нуждающихся въ поддержкѣ». Въ основу своего отношенія къ пострадавшимъ согражданамъ и братьямъ они клали принципъ, чтобы «благотворительность не проявлялась крошками, падающими съ барскаго стола, а выражалась настоящей, искренней, сердечной и чисто братской поддержкой и касалась всѣхъ сторонъ экономическаго и нравственнаго быта обращающихся за помощью».

Уставъ общества, получившаго нѣсколько громоздкое названіе «Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ» былъ утвержденъ 23 января 1906 г., и оно сразу широко развернуло свою дѣятельность, обусловивъ ее предоставленіемъ для каждаго желающаго возможности самаго широкаго контроля надъ всѣми своими начинаніями и предпріятіями. Организація помощи пострадавшимъ на войнѣ, которую намѣтило общество, заключалась въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Общество рѣшило покрыть всю Россію сѣтью своихъ отдѣловъ и попечительствъ, которые, состоя изъ мѣстныхъ людей, могущихъ лично провѣрить степень нужды пострадавшихъ на войнѣ и выяснить, какія мѣры необходимы для устройства ихъ благополучія, проводили бы повсемѣстно въ жизнь программу общества. Принимая во вниманіе темноту массы увѣчныхъ солдатъ, которые сплошь и рядомъ не знаютъ, куда обратиться за помощью въ своей безвыходной нуждѣ, не подозрѣвая даже, что имъ полагается правительственная пенсія или пособіе, отдѣлы должны сами итти навстрѣчу ихъ нуждамъ. Для этой цѣли отдѣлы принимаютъ всѣ мѣры къ выясненію количества проживающихъ въ районѣ ихъ дѣятельности пострадавшихъ на войнѣ солдатъ и семей убитыхъ, путемъ сношеній съ волостными правленіями, земскими и воинскими начальниками и полиціей, и берутъ на себя всѣ хлопоты по улучшенію ихъ положенія.

Понятно, что до открытія такой сѣти организацій общества вся тяжесть работы пала на долю центральнаго учрежденія въ Петербургѣ, и до сихъ поръ еще несущаго бо́льшую часть труда по выполненію намѣченныхъ задачъ. Трудъ этотъ еще осложняется сношеніями съ открытыми мѣстными отдѣлами и заботами по организаціи новыхъ. А задачи, поставленныя себѣ обществомъ, были не легки. Соотвѣтствующія статьи устава очень мало и обще говорятъ объ объемѣ дѣятельности общества. Жизнь вѣчно опережаетъ мертвую букву уставовъ и законовъ, и ея безконечныя про-

явленія, запросы и нужды трудно предусмотрѣть и включить въ тѣсныя рамки писанной программы. И надо отдать справедливость, что молодое учрежденіе, какъ живая общественная организація, никогда не ограждалась отъ этихъ запросовъ бронею устава, развертывая свою дѣятельность все шире и шире, соотвѣтственно требованіямъ жизни.

Въ общихъ чертахъ дѣятельность общества въ дѣлѣ оказанія помощи пострадавшимъ на войнѣ сводится къ слѣдующему: 1) оно принимаетъ на себя всѣ хлопоты по исходатайствованію пенсій и пособій отъ правительственныхъ, общественныхъ и даже частныхъ учрежденій; 2) заботится о возстановленіи ослабленной трудоспособности, предоставляя леченіе, обучая доступному ремеслу и снабжая инструментами; 3) пріискиваетъ должности, соотвѣтствующія трудоспособности раненыхъ; 4) оказываетъ матеріальную помощь, главнымъ образомъ для поправленія разстроеннаго войной хозяйства; 5) организуетъ общественныя силы и собираетъ средства для обезпеченія во время возможной будущей войны семействъ запасныхъ, уходящихъ въ ряды дѣйствующей арміи. Послѣдній пунктъ придаетъ дѣятельности общества особенный интересъ и особо важное значеніе, и мы поговоримъ еще о немъ болѣе подробно.

Въ моментъ открытія общества не улеглась еще острая нужда въ немедленной матеріальной помощи возвращавшимся съ театра войны раненымъ, и общество, идя навстрѣчу этой нуждѣ, оказывало посильную поддержку обращавшимся къ нему солдатамъ. Одновременно выяснилась необходимость дать хотя временный пріютъ раненымъ, остававшимся на улицѣ по выходѣ изъ лечебныхъ заведеній или пріѣзжавшимъ изъ провинціи для хлопотъ о пенсіи и вообще для устройства своихъ дѣлъ. Въ этой заботѣ на помощь обществу пришло вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, которое уступило въ пользованіе обществу небольшой домъ съ флигелемъ на 5-й Рождественской улицѣ (№ 14). Здѣсь было устроено общежитіе на 40 кроватей. Впослѣдствіи пришлось расширить его, нанявъ для этой цѣли домъ на окраинѣ Петербурга, на Охтѣ, и въ послѣднее время въ обоихъ общежитіяхъ общества помѣщаются въ среднемъ до 200 человѣкъ. Предпочтеніе при пріемѣ отдается наиболѣе увѣчнымъ и больнымъ. За время своего пребыванія въ общежитіи призрѣваемые могутъ обучиться какому-либо мастерству—сапожному, портняжному, столярному, фуражечному и веревочному въ мастерскихъ, открытыхъ при обществѣ. За 1908 годъ въ общежитіяхъ перебывало всего 1,094 человѣка, содержаніе которыхъ обошлось обществу около 23 тысячъ рублей. При общежитіяхъ же состоитъ лазаретъ.

Упомянувъ объ одномъ изъ отдѣловъ общества, кстати замѣтимъ, что внутренняя организація его, обезпечивающая стройную

и плодотворную работу, сложилась такъ: центральное правленіе, вѣдающее всѣми дѣлами общества, и отдѣлы его: справочное бюро, ведущее всѣ дѣла по выправленію пенсій, пособій, опредѣленію на мѣста и вообще по всѣмъ нуждамъ нижнихъ чиновъ; комитетъ по организаціи мѣстныхъ отдѣловъ; медицинскій отдѣлъ; общежитіе; попечительный совѣтъ, оказывающій денежную помощь; ремесленный отдѣлъ и отдѣлъ по усиленію средствъ. Мѣстные отдѣлы повторяютъ въ существенныхъ чертахъ организацію центральнаго правленія.

Когда масса обездоленныхъ защитниковъ родины прослышала, что есть такое общество, которое не только выдаетъ «способіе», но и берется выхлопотать кому слѣдуетъ отъ казны и «способіе», и пенсію, общество было осаждено буквально толпами раненыхъ, увѣчныхъ, больныхъ и даже совершенно здоровыхъ, но имѣвшихъ какія-либо законныя притязанія и по чутью направившихся сюда; всѣ они долго тщетно обивали пороги великолѣпныхъ канцелярій и теперь шли съ послѣдней надеждой на правду, на милость людскую въ маленькій ветхій домишко на одной изъ окраинъ столицы. Здѣсь они сотнями запружали комнаты, лѣстницу, дворъ, терпѣливо выжидая, когда очередь дойдетъ до нихъ и «сестрица» разберетъ ихъ нужду, дастъ совѣтъ, напишетъ «бумагу». Было засыпано общество и градомъ самыхъ разнообразныхъ просьбъ, посыпавшихся изъ всѣхъ уголковъ Россіи, сплошь и рядомъ безъ адреса и съ фантастическими искаженіями названія. Чтобы охарактеризовать дѣятельность общества въ этомъ направленіи, достаточно сказать, что за три года черезъ справочное бюро прошло болѣе 80 тысячъ бумагъ, изъ нихъ за послѣдній отчетный годъ (1908 г.) около 40 тысячъ. Интересны отдѣльныя цифры отчета. Такъ, въ 1908 году снято копій съ документовъ 9,669, заведено дѣлъ о нижнихъ чинахъ и ихъ семьяхъ—3,403, послано запросовъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ—2,152, а всего бумагъ 25,992. Несмотря на то, что прошло уже около пяти лѣтъ послѣ войны, наплывъ нуждающихся въ помощи общества не ослабѣваетъ. Это понятно, если вспомнить, что раненыхъ и убитыхъ въ послѣднюю войну было около 240 тысячъ. Для несенія того громаднаго труда, который выпадаетъ на долю справочнаго бюро, понадобилась бы цѣлая канцелярія съ обширнымъ штатомъ служащихъ, но въ этомъ отношеніи на помощь обществу явились добровольные сотрудники и сотрудницы, безкорыстно отдающіе свой трудъ и время на пользу раненыхъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу объ отношеніи широкихъ слоевъ общества къ вновь возникшему начинанію. Какъ отнеслись къ нему нуждавшіеся въ помощи, мы уже видѣли. Каково же было отношеніе тѣхъ, отъ кого зависѣло дать эту помощь? Сначала, какъ говоритъ г. С. М. въ статьѣ, помѣщенной въ первомъ нумерѣ

«Вѣстника Общества», «съ недовѣріемъ, ощупью стали подходить къ нему люди изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, изстрадавшіеся душой за судьбу родины; пытливо и долго присматривались они къ дѣятельности комитета и только тогда, когда убѣждались въ искренности чувствъ его дѣятелей, приглашавшихъ ихъ итти на тяжелый и отвѣтственный трудъ, сливались съ нимъ и отдавались его дѣятельности всѣмъ изболѣвшимъ своимъ сердцемъ, всѣми силами». Большую роль сыграла отдача всего дѣла подъ широкій общественный контроль. И до сихъ поръ засѣданія центральнаго правленія остаются публичными, и на нихъ допускаются всѣ интересующіеся дѣлами общества, члены и не члены.

Въ результатѣ уже черезъ три мѣсяца существованія число членовъ превышало тысячу человѣкъ, а средствъ было собрано на 10,000 рублей, да на такую же сумму имѣлось имущества. Крайне интересно, что солдаты вѣрно оцѣнили значеніе для нихъ общества, и изъ полковъ стали поступать длинные именные списки пожертвованій, собранныхъ буквально по копейкамъ, часто съ приложеніемъ трогательныхъ адресовъ и писемъ.

Весьма сочувственно отнеслись къ дѣятельности общества высшая правительственная власть, а также правительственныя, общественныя, нѣкоторыя (къ сожалѣнію, и къ стыду, добавимъ, большинства—немногія) городскія и земскія учрежденія, поддержавшія общество субсидіями и полнымъ содѣйствіемъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Синодъ разрѣшилъ обществу повсемѣстный церковный сборъ, являющійся главной статьей доходовъ общества, военное министерство, министерство внутреннихъ дѣлъ, сенатъ и Александровскій комитетъ дѣлаютъ ежегодно крупныя пожертвованія.

Немало усилій приложило общество къ тому, чтобы побѣдить апатію, равнодушіе и недовѣріе провинціальной публики. То обстоятельство, что собранныя средства остаются на мѣстахъ и расходуются на мѣстныя нужды, немало содѣйствовало успѣху образованія мѣстныхъ отдѣловъ, которые возникаютъ непрерывно въ различныхъ пунктахъ имперіи, отъ Финляндіи до далекихъ окраинъ Сибири, привлекая въ свой составъ людей всѣхъ національностей, безъ различія положенія и политическихъ убѣжденій. Здѣсь есть командующіе войсками, губернаторы, офицеры, чиновники, священники, городскіе и земскіе дѣятели, предводители дворянства, адвокаты, врачи, купцы, крестьяне. Есть попечительства, цѣликомъ состоящія изъ крестьянъ. Есть отдѣлы, состоящіе цѣликомъ изъ нѣмцевъ и латышей (Прибалтійскій край), изъ поляковъ (Польша), изъ татаръ и т. д. Дѣло становится всероссійскимъ, всенароднымъ.

Мѣстные отдѣлы, которые по плану общества должны быть основаны въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, и попечительства—въ каждой волости, удовлетворяютъ самыя разнообразныя нужды пострадавшаго отъ войны населенія. Вотъ на выдержку

нѣсколько примѣровъ дѣятельности отдѣловъ. Ананьевскій отдѣлъ вошелъ въ главное управленіе земледѣлія съ ходатайствомъ о предпочтительной продажѣ земель изъ фонда землеустроительной комиссіи безземельнымъ и малоземельнымъ нижнимъ чинамъ, и ходатайство это было уважено главнымъ управленіемъ. Курганскій отдѣлъ устраиваетъ «братскіе кружки» изъ нѣсколькихъ лицъ, берущіе на свое попеченіе каждый нуждающуюся семью инвалида. Иркутскій—устраиваетъ дѣтскій пріютъ и общежитіе. Ялтинскій—санаторію для туберкулезныхъ. Гатчинскій—санаторію для нервнобольныхъ солдатъ. Томскій собираетъ средства для устройства убѣжища для инвалидовъ Сибири. Рыльскій отдѣлъ развиваетъ свою дѣятельность въ такомъ масштабѣ. Приводимъ отчетъ. На канцелярію 24 р., на покупку усадьбы, избы и лошади раненому Маренцову—350 р., покупка раненому Мягкому лошади, телѣги и сбруи—100 р., на покупку сиротамъ воиновъ зимней одежды и сапогъ—150 р. и т. д. Павловскій отдѣлъ принимаетъ мѣры къ устройству сбыта издѣлій нижнихъ чиновъ и къ развитію кустарнаго промысла. Отдѣлы опредѣляютъ на мѣста, въ курорты, убѣжища, дѣтей въ школы и пріюты, ходатайствуютъ о безплатномъ отпускѣ лѣса и земли, о выправкѣ утерянныхъ документовъ, о безплатномъ проѣздѣ, по претензіямъ къ казнѣ и желѣзнымъ дорогамъ, о сложеніи недоимокъ, о выдачѣ медалей и орденовъ,—нѣтъ возможности привести весь перечень нуждъ, на которыя приходится откликаться мѣстнымъ отдѣламъ.

Но удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ не исчерпывается значеніе мѣстныхъ отдѣловъ. Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ роль ихъ, какъ ячеекъ, около которыхъ группируются общественныя силы всей страны, объединяясь въ великомъ дѣлѣ—создать во время всегда возможной войны мощную поддержку, моральную и матеріальную, для защитниковъ родины, снявъ съ ихъ души бремя заботъ объ оставленныхъ дома семьяхъ. Врядъ ли надо много говорить о значеніи этого вопроса для состоянія духа мобилизованныхъ частей, а слѣдовательно и для успѣшнаго дѣла будущей войны? Гнетущая мысль о нуждѣ близкихъ сердцу можетъ смутить и сильныхъ духомъ. Печальныя явленія среди запасныхъ въ послѣднюю войну показали, что солдатъ, уходя на войну, долженъ быть спокоенъ за участь семьи. Между тѣмъ въ призрѣніи семействъ запасныхъ есть немало дефектовъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются недостаточность пособій и полный произволъ въ ихъ назначеніи. Комиссіей, разсматривающей существующія на этотъ счетъ законоположенія, надо полагать, будутъ выработаны болѣе совершенныя нормы призрѣнія и устранены выясненные на практикѣ дефекты, но въ этой области всегда будетъ открыто обширное поле для примѣненія общественной самодѣятельности, хотя бы въ видѣ контроля за дѣйствіями мелкой мѣстной администраціи, о злоупотре-

бленіяхъ которой столько писалось въ минувшую войну. Въ мирное время мѣстные отдѣлы и попечительства должны, по плану общества, вести списки запасныхъ, подлежащихъ призыву, съ обозначеніемъ ихъ семейнаго положенія. Съ момента объявленія мобилизаціи организаціи общества принимаютъ на себя всѣ заботы объ обезпеченіи семей ушедшихъ на войну всѣми видами правительственной и общественной помощи и сами оказываютъ поддержку изъ фонда, образованнаго въ мирное время.

Мы слышали, что правительствомъ намѣчается поручить дѣло призрѣнія семей запасныхъ попечительствамъ, образуемымъ при каждой мелкой земской единицѣ и состоящимъ изъ представителей мѣстной правительственной и выборной власти. Невольно является вопросъ: не естественно ли было бы передать все это важное дѣло уже готовымъ общественнымъ организаціямъ общества повсемѣстной помощи, дополнивъ ихъ агентами правительства, и вручить такимъ образомъ обезпеченіе семей защитниковъ родины лицамъ, которымъ дорого это дѣло, которыя уже знакомы съ нуждами семействъ, лишающихся работниковъ, и которыя уже заранѣе знаютъ, какими формами правительственной и общественной помощи эти нужды могутъ быть удовлетворены.

Большое моральное значеніе должно имѣть и другое начинаніе общества, направленное къ тому, чтобы поселить увѣренность въ средѣ народной, что страна цѣнитъ заслуги солдата и благоговѣйно относится къ памяти воина, положившаго свою жизнь при защитѣ отечества. Общество задумало увѣковѣчить память павшихъ въ бою солдатъ занесеніемъ ихъ именъ на доски или на стѣны ихъ приходскихъ церквей. Для проведенія этой идеи въ жизнь при обществѣ учреждена комиссія, почетное предсѣдательство въ которой принялъ на себя великій князь Михаилъ Александровичъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, особенно въ Сибири, уже откликнулись на мысль, поданную обществомъ, и надо думать, что этотъ способъ увѣковѣченія памяти родныхъ героевъ, какъ близкій и понятный русскому человѣку, широко привьется.

Для болѣе широкой пропаганды своихъ идей и для установленія взаимной связи между организаціями на мѣстахъ, которыхъ, кстати сказать, образовано уже во всей Россіи 503 (изъ нихъ 202 мѣстныхъ отдѣла, 74 попечительства и 229 уполномоченныхъ) и число которыхъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ, а также для взаимнаго ознакомленія ихъ съ дѣятельностью другъ друга, общество издаетъ свой органъ «Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи», удѣляющій много мѣста разработкѣ вопросовъ призрѣнія инвалидовъ и ихъ семействъ. Дѣятельность общества была замѣчена правительствомъ, пригласившимъ его представителей къ участію въ пересмотрѣ и разработкѣ законовъ о призрѣніи нижнихъ чиновъ и семействъ запасныхъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что полезная, высокогуманная и патріотическая дѣятельность общества получила признаніе на высотѣ престола, и 31 марта прошлаго года Государь Императоръ соизволилъ принять общество подъ свое Высочайшее покровительство. Во время пребыванія своего въ Ливадіи Государь пожаловалъ обществу денежное пособіе на пріобрѣтеніе въ Ялтѣ зданія для устройства санаторіи.

Въ числѣ почетныхъ членовъ общества состоятъ великія княгини Ольга и Ксенія Александровны, Анастасія Николаевна, Елизавета Өеодоровна и Елизавета Маврикіевна, великіе князья Михаилъ Александровичъ, Николай Николаевичъ, Николай, Александръ и Сергій Михаиловичи, королева эллиновъ Ольга Константиновна и принцесса Евгенія Максимиліановна.

Мы подробно остановились на дѣятельности общества, считая необходимымъ отмѣтить разительный примѣръ созданія въ атмосферѣ нашего привычнаго недѣланія и пагубной россійской нѣтовщины нѣсколькими энергичными и самоотверженными людьми крупнаго общественнаго дѣла, выросшаго въ предпріятіе огромнаго государственнаго значенія.

Практическіе результаты ихъ дѣятельности таковы. Число членовъ превышаетъ десятокъ тысячъ. Годовой балансъ (одного лишь Петербурга) за 1908 годъ—77,466 р. Одно лишь петербургское правленіе въ той или иной степени облегчило участь болѣе 12,000 человѣкъ. Организацій въ имперіи образовано 503 (по ноябрь 1909 года), и число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Моральный итогъ не менѣе важенъ: въ массу народную брошено зерно сознанія, что правительство и все русское общество относится съ уваженіемъ и благодарностью къ лицамъ, принесшимъ въ жертву родинѣ свое здоровье, счастье и всю жизнь, и что пострадавшій на войнѣ солдатъ не будетъ по возвращеніи оставленъ безъ помощи, что семья его не будетъ оставлена на произволъ судьбы, а будетъ окружена попеченіями общества, которое замѣнитъ ей кормильца.

Зерно это принесетъ великій плодъ.

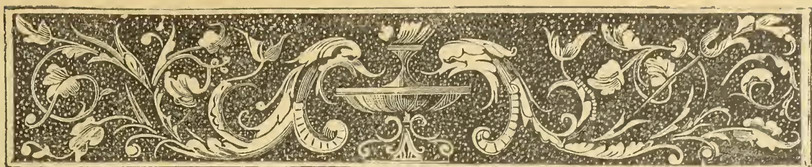
«Великая и благодѣтельная идея,—говоритъ г. Эль-Эсъ:—но на помощь ей должны прійти и правительство и общество. Организація такой государственной важности не должна быть въ зависимости отъ случайной благотворительности. Нѣтъ, дѣло должно быть поставлено иначе. Это дѣло всероссійское. Такое учрежденіе должно имѣть постоянный бюджетъ, который далъ бы ему возможность увѣренно работать безъ гнетущаго опасенія остаться внезапно безъ копейки. Можетъ быть, опредѣленнымъ процентомъ съ военнаго фонда, доходомъ съ благотворительнаго налога или другимъ какимъ путемъ, но общество должно быть обезпечено».

Нетрудно подвести итоги всему сказанному. Всемірное разоруженіе—пока еще достояніе мечтателей, и государство, которое желаетъ мирно выполнять свое культурпое предназначеніе и отстоять свои жизненные интересы, должно быть сильнымъ. Нельзя быть сильнымъ, не имѣя мощной духомъ арміи. А мощный духъ защитники родины сохранятъ лишь тогда, когда родина будетъ для нихъ не злой мачехой, а любящей, заботливой матерью.

Намъ особенно надо помнить это, обращая взоры на Востокъ, покрывающійся время отъ времени зловѣщимъ туманомъ. Счеты наши съ нимъ далеко еще не кончены...

Н. А. Т.

ДОМЪ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА БЛИЗЪ МОСКВЫ.

(Новая страница въ біографію романиста).

АЧИНАЯ съ конца тридцатыхъ годовъ,—говоритъ біографъ знаменитаго автора «Басурмана», «Ледяного дома» и «Послѣдняго Новика», С. А. Венгеровъ:—біографическій матеріалъ о Лажечниковѣ крайне скуденъ...» [1]). Въ частности, совсѣмъ мало свѣдѣній имѣется о годахъ, прожитыхъ И. И. Лажечниковымъ въ Москвѣ, по выходѣ его окончательно въ отставку.. Въ воспоминаніяхъ А. К. Жизневскаго [2]) объ И. И. Лажечниковѣ приведены 18 писемъ этого послѣдняго изъ Витебска и Москвы (первое, впрочемъ, помѣчено Тверью), но между московскими, 10-мъ и 11-мъ, письмами какъ разъ восьмилѣтній перерывъ (20 августа 1855 г.—10 іюня 1863 г.) [3]).

Между тѣмъ у нас подъ рукой лежатъ документы, писанные рукою романиста и дополняющіе его біографію. Изъ этихъ бумагъ видно, что 68-лѣтній И. И. Лажечниковъ хотѣлъ устроить себѣ уютное гнѣздышко подъ Москвою и, дѣйствительно, устроилъ, но ненадолго. Это гнѣздышко-домъ доселѣ стоитъ въ Троекуровѣ въ томъ видѣ, какъ его задумалъ Лажечниковъ.

Окрестности Москвы, какъ ближнія, такъ и дальнія, давнымъ-давно извѣстны своею красотою. Кто ими не восторгался! Кого они не плѣняли—отъ легко воспламеняемыхъ поэтовъ до уравновѣшенныхъ ученыхъ! Сельцо Хорошово, Троекурово тожъ, уже име-

---

[1]) Полн. собр. соч. И. И. Лажечникова, изд. 1899 г., т. I, стр. CXV.

[2]) А. К. Жизневскій († 1897 г.), извѣстный тверской археологъ.

[3]) «Памяти И. И. Лажечникова», Тверь, 1895 г.

немъ своимъ рекомендуется. Это подмосковное сельцо, по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, прошлое его освѣщено И. Е. Забѣлинымъ, который пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кунцово и древній сѣтунскій станъ», что въ XVI столѣтіи Троекурово было сельцомъ и принадлежало окольничему И. И. Годунову, потомъ перешло къ князю И. Ѳ. Троекурову, а отъ него къ его сыну, князю Б. И. Троекурову (1627 г.), и затѣмъ ко внуку И. Б. Троекурову (1678 г.), при которомъ, вѣроятно, построена въ немъ каменная церковь во имя Николы съ придѣломъ Алексѣя митрополита, какъ о томъ значится въ 1704—1709 гг., когда село принадлежало уже дѣтямъ И. Б. Троекурова—Алексѣю, Петру, Александру и племянницѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Троекуровымъ. Въ то время село обыкновенно называлось Хорошовымъ, по красотѣ мѣстоположенія, и Троекуровымъ стало прозываться уже по имени постоянныхъ на цѣлое столѣтіе его владѣльцевъ.

Отъ Троекуровыхъ Хорошово переходило изъ рукъ въ руки, которыя не могли удержать старины отъ разрушенія, такъ что теперь мѣстные жители не въ состояніи указать любопытному, гдѣ же именно стоялъ деревянный царскій дворецъ, въ которомъ, со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, «во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались и выѣзжали нерѣдко сюда на лѣтнее временное житье».

Приглянулось Троекурово-Хорошово и И. И. Лажечникову, и вотъ онъ рѣшилъ построиться тамъ, гдѣ все навѣвало историческія были. Правда, далѣе онъ дѣйствуетъ по довѣренности свояченицы Анны Ивановны Озеровой, но хозяйская причастность его проглядываетъ въ самой заботливости о томъ, изъ чего и какъ надо строить въ Троекуровѣ домъ, чтобы онъ обошелся сравнительно недорого, былъ удобенъ и прочен, короче сказать: Лажечниковъ строилъ домъ по своему вкусу и сообразно своимъ эстетическимъ желаніямъ.

17 мая 1860 года статскій совѣтникъ И. И. Лажечниковъ, въ качествѣ повѣреннаго свояченицы Анны Ивановны Озеровой, заключилъ купчую съ коллежскимъ ассесоромъ И. В. Винокуровымъ 1-мъ, продавшимъ 14 десятинъ 655 кв. саженъ ненаселенной земли съ разнаго рода угодьями при селѣ Троекуровѣ. А 23 іюля того же года Лажечниковъ заключилъ условіе съ подрядчикомъ Смирновымъ касательно постройки дома; писатель самъ составилъ планъ дома, причемъ все предусмотрѣлъ; по лажечниковскому плану домъ долженъ былъ быть «длиною на двадцати аршинахъ и въ поперечникѣ на десяти аршинахъ», «къ оному дому» подрядчикъ обязывался «прирубить кухню въ три стѣны и пристроить парадное крыльцо съ рамами для оконъ и наружною дверью и черное крыльцо съ сѣнцами и двумя чуланами, стѣны должны быть поставлены на дубовыхъ стульяхъ прочныхъ, обшитыхъ тесовымъ

цокулемъ, поставить стѣны изъ хорошаго сосноваго лѣса не ниже пяти вершковъ въ срубѣ, настлать черные накаты, смазать ихъ и натаскать на нихъ землю, стѣны надлежащимъ образомъ законопатить, построить террасу къ фасу на рѣчку (Сѣтунь), съ перилами и балконъ къ мезонину, срубить мезонинъ по плану на десяти и шести аршинахъ съ двумя комнатами...» Дальше указанія простирались вплоть до послѣдней заслонки.

За землю Винокурову было заплачено 1,875 рублей, а за домъ подрядчику 2,900 рублей, и подрядчикъ долженъ былъ закончить постройку и внутреннюю отдѣлку дома «не позже 1 мая 1861 года,

Домъ Лажечникова въ селѣ Хорошовѣ.

такъ, чтобы г-нъ Лажечниковъ съ семействомъ его могъ безпрепятственно и съ удобностью перейти въ него для житья».

Подрядчикъ, повидимому, былъ малосостоятельный владимирскій крестьянинъ; стройку онъ затянулъ до конца мая мѣсяца; расчетъ между Лажечниковымъ и Смирновымъ былъ конченъ 16 іюня 1861 года, причемъ они подписались «иска другъ къ другу не имѣть».

Въ построенномъ съ такою заботливостью домѣ въ историческомъ селѣ Лажечниковымъ не довелось долго хозяйничать. На слѣдующій годъ усадьба продается статской совѣтницѣ Александрѣ Андреевнѣ Бояркиной, сыну которой она принадлежитъ и теперь [1]).

---

[1]) Это врачъ-акушеръ Серг. Яковл. Бояркинъ, любезно предоставившій намъ документы.

Предъ нами письмо:

«Милостивый Государь,

Яковъ Александровичъ [1]).

«Тройку нанять будетъ дорого. Мы наймемъ крытыя дрожки, въ которыя сядетъ Анна Ивановна [2]) и женщина, о которой вы говорили; а вы поѣдете въ своемъ экипажѣ. Такъ какъ мой слуга необходимъ на дачѣ, то не возьмете ли вы его вмѣсто кучера? Въ такомъ случаѣ, вы заѣдете къ намъ [3]), а переѣзжать будете въ Шелепихѣ, гдѣ перевозятъ гораздо скорѣе, чѣмъ на Драгомиловскомъ перевозѣ, и дорога сократится.

Вашъ покорнѣйшій слуга

«21 апрѣля 1862». И. Лажечниковъ.

Почти за мѣсяцъ до этого письма — 29 марта—земля и домъ уже были запроданы Лажечниковымъ Бояркиной въ 1-мъ департаментѣ московской гражданской палаты. Любопытно отмѣтить, что Бояркина уплатила за землю съ «господскимъ домомъ, избой людской и скотнымъ дворомъ, съ двумя коровами и лошадью и прочими хозяйственными вещами» 4,700 рублей, т.-е. на 75 рублей менѣе того, что уплатилъ Лажечниковъ за землю Винокурову и подрядчику Смирнову. Весь инвентарь пошелъ даромъ...

Почему произошла столь быстрая и явно убыточная продажа имѣньица, неизвѣстно [4]), но она зато еще подкрѣпляетъ лажечниковскія слова въ завѣщаніи: «состоянія женѣ и дѣтямъ моимъ не оставляю никакого, кромѣ честнаго имени, каковое завѣщаю и имъ самимъ блюсти и сохранить въ своей чистотѣ».

Г. Бояркинъ продаетъ имѣніе. Лажечниковскій домъ, можетъ быть, доживаетъ свой вѣкъ: хотя ему и нѣтъ полныхъ 50 лѣтъ и строенъ онъ добросовѣстно и любовно, тѣмъ не менѣе на немъ замѣчается разрушительный осадокъ времени. Новый владѣлецъ, вѣроятно, повалитъ его и поставитъ другой, конечно, не «во вкусѣ умной старины». И вотъ это-то, главнымъ образомъ, заставило меня сфотографировать стѣны, въ которыхъ еще чувствуется тѣнь стараго романиста.

Павелъ Россіевъ.

---

[1]) Отецъ предыдущаго.

[2]) Озерова.

[3]) Въ Москвѣ Лажечниковы жили на Дѣвичьемъ полѣ, въ сосѣдствѣ съ М. П. Погодинымъ.

[4]) Едва ли можно ставить такую продажу въ связь съ безгрѣшнымъ прикосновеніемъ И. И. Лажечникова къ растратѣ суммъ тверского приказа общественнаго призрѣнія и необходимостью пополнить растрату, производившуюся чиновниками во время вице-губернаторства И. И. въ Твери.

АСТРАХАНЬ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Ы ПРИБЛИЖАЕМСЯ къ Астрахани. Панорама волжскаго берега почти не мѣняется цѣлыя сотни верстъ. Все тотъ же унылый ландшафтъ, наводящій скуку, та же ширь, тѣ же пески и островки, на которыхъ сидятъ тысячи дикихъ утокъ. Пароходная дѣтвора—а въ этотъ рейсъ ея болѣе чѣмъ достаточно—бросаетъ отъ бездѣлья въ птицъ каменьями и любуется, какъ утки, въ испугѣ, вереницей летятъ къ берегу. Только глубокомысленные философы-пеликаны — или, поздѣшнему, птицы-бабы—не обращаютъ на запугиванія никакого вниманія и не двигаются съ мѣста.

Изрѣдка встрѣчаются казачьи станицы. Однообразіе береговъ нижняго плеса убійственно дѣйствуетъ на пассажировъ. Разговоръ какъ-то не клеится. Только на носу парохода собралась наша компанія--«товарищей по несчастью», остритъ кто-то. Одни мы ведемъ бесѣду па разнообразныя темы. Остальная публика или сидитъ въ каютахъ, или «удовлетворяетъ нужды желудка», т.-е. попросту—обѣдаетъ.

Общее вниманіе обращаетъ на себя одна изъ нашихъ собесѣдницъ, «душа общества». Это дѣвушка лѣтъ 20—22, некрасивая, со скуластымъ лицомъ, но очень симпатичная, общительная и заразительно веселая. Ея звонкій смѣхъ раздается по всему пароходу.

Она не ходитъ, а бѣгаетъ, поминутно срываясь съ мѣста. Съ самаго ранняго утра она уже на ногахъ. Кто-то изъ нашей компаніи, улыбаясь, говоритъ ей: «Вамъ бы не дѣвочкой родиться, а мальчикомъ». И всѣ мы, любуясь ею, сознаемся, что это правда.

Она—слушательница парижскаго университета. На Волгѣ она въ первый разъ. Мощная рѣка, по которой она ѣдетъ чуть не отъ Твери, видимо, производитъ на нее сильное впечатлѣніе, и она внимательно смотритъ на оба берега.

— Знаете, съ кѣмъ вы разговаривали?—спрашиваетъ меня капитанъ парохода уже въ виду Астрахани:—вѣдь это княжна К., дочь извѣстнаго анархиста!

Пришлось пожалѣть, что не узналъ этого раньше. На волжскихъ пароходахъ, впрочемъ, прекрасно обходятся безъ «представленій». Ѣдешь нѣсколько дней, разговариваешь съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, а, прощаясь, въ концѣ концовъ такъ и не знаешь, кто твой бывшій собесѣдникъ.

Съ нами ѣхалъ еще студентъ медицинскаго факультета московскаго университета, лѣтъ 28—30. Физіономія некрасивая и даже самая обыкновенная, но въ глазахъ свѣтится желѣзная воля. —Куда вы ѣдете?—«Въ Астрахань, въ распоряженіе губернатора...» Оказывается, что въ Астраханской губерніи много политическихъ ссыльныхъ.—«Смотрите,—продолжаетъ студентъ, показывая свои десны:—въ страшномъ Нарымѣ былъ. Вотъ какъ цынга отдѣлала!.. Сперва сослали въ Колу. Обстановка была такая ужасная, что я рѣшилъ бѣжать,—чего бы мнѣ это ни стоило,—въ Архангельскъ, хлопотать у губернатора облегченія своей участи. Черезъ нѣсколько дней Энгельгардтъ принялъ меня и разрѣшилъ поселиться въ Архангельскѣ. Выхожу изъ губернаторскаго дома, а сыщики ужъ тутъ какъ тутъ, выслѣживаютъ меня. Объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, и они оставили меня въ покоѣ».

Объ Энгельгардтѣ студентъ отозвался тепло. Да и всѣ, кто лично зналъ этого недюжиннаго администратора и государственнаго дѣятеля, поминаютъ его добромъ. Къ несчастью, мы не могли сразу найти достойнаго преемника покойному.

II.

Съ Волги Астрахани почти не видно. Передъ вами только соборъ, доминирующій надъ городомъ и замѣтный, говорятъ, уже за тридцать верстъ. Безконечные ряды баржъ, лодокъ, барокъ-бѣлянъ покрываютъ кормилицу-Волгу. На ней какое-то лихорадочное оживленіе. То туда, то сюда шныряютъ баркасы и пароходы, парусныя шхуны. Цѣлая «щетина» мачтъ. На пристаняхъ кипитъ работа. Глядя на все это, и вы невольно становитесь нервнымъ. Вотъ онъ

Старогостинный дворъ въ Астрахани.

«Ливерпуль», какъ звалъ его часто увлекавшійся не въ мѣру Евгеній Марковъ, «русская Венеція», «каспійская Александрія»!

Воды, дѣйствительно, хоть отбавляй. Совсѣмъ Венеція! Съ сѣвера и запада—главное широкое русло Волги, съ востока—ея рукавъ, многоводная Большая Болда, съ юга—рѣчки Царевка и Бегча, въ самомъ городѣ—Кутумъ и Варваціевъ каналъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что Астрахань лежитъ на островѣ.

Города не видно со стороны рѣки потому, что $^7/_8$ его частей возвышаются надъ уровнемъ Волги немногимъ болѣе $8^1/_2$ футовъ, остальная же часть лишь на 6,3—7,7 фута. Чтобы понять опасность, грозящую Астрахани ежегодно, слѣдуетъ помнить, что Волга во время половодья поднимается почти на двѣ сажени. Слѣдовательно, весь городъ неминуемо былъ бы заливаемъ водою, если бъ его не догадались обнести отовсюду землянымъ валомъ. Общая длина валовъ и береговыхъ укрѣпленій достигаетъ почтенной цифры тридцати пяти верстъ. Но если они и спасаютъ Астрахань отъ катастрофы, то лишь до извѣстной степени. Они убоги и мало надежны, не говоря уже о томъ, что ихъ поддержаніе обходится городской кассѣ очень дорого.

Въ памятный день 16-го мая 1867 года Волга прорвалась на такъ называемой Косѣ и ринулась на городъ. Его спасъ извѣстный милліонеръ-благотворитель Александръ Александровичъ Сапожниковъ, скончавшійся въ 1887 году. Въ критическую минуту онъ приказалъ укрѣплять берегъ... мѣшками съ мукой! Эту муку брали изъ лавокъ за его счетъ. Такіе люди вывелись въ Астрахани, да и въ остальной Россіи едва ли найдешь ихъ.

Ниже уровня моря городъ лежитъ на 68 футовъ.

III.

Дѣлая поворотъ, нашъ пароходъ медленно подходитъ къ пристани, и черезъ нѣсколько минутъ мы сходимъ на берегъ.

Я не былъ въ Астрахани цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ; но въ ней та же грязь и пыль, тотъ же гомонъ толпы, та же тропическая жара, та же дурманящая и всюду, даже на пароходѣ, преслѣдующая васъ вонь отъ рыбы и тузлука, т.-е. разсола. Но что же дѣлать! «Городъ,—остроумно замѣчаетъ нѣкій бытописатель Астрахани,—живетъ рыбными промыслами, судоходствомъ, торговлею. Все это безъ грязи и вони не обходится. Отъ рыбныхъ тузлуковъ, воблы, селедки и судака-малосола о-де-колономъ не пахнетъ, а мазутъ, деготь и т. п. не смоешь».—Ну, какой же тогда «Ливерпуль» ваша Астрахань! Просто Астрахань—и только.

Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ какой-то оборванецъ предложилъ мнѣ свои услуги—донести вещи до гостиницы.

Никольская улица въ Астрахани.

Мы храбро пробиваемся на набережной сквозь толпу народа. Нуждаясь въ постоянныхъ рабочихъ рукахъ, Астрахань привлекаетъ къ себѣ значительный процентъ пришлаго населенія, преимущественно мужчинъ. Послѣднихъ въ городѣ до 52,3°/₀ всего населенія.

Эта многоязычная толпа, отовсюду стекшаяся на заработки, гудитъ. Здѣсь и персы, и армяне, и калмыки, и русскіе, и татары, и киргизы, и евреи! Вотъ красивые загорѣлые крючники-персы отъ нечего дѣлать показываютъ свое искусство, играя въ чехарду, и отпускаютъ площадныя шутки. «Забитый народъ, господинъ!» замѣчаетъ мой носильщикъ-чичероне...—А какихъ-нибудь 170 лѣтъ тому назадъ эти персы при геніальномъ Надиръ-шахѣ заставили дрожать всю Азію!

Русскіе флегматично развалились на солнышкѣ на набережной и уплетаютъ лукъ и огурцы, покрытые густымъ слоемъ пыли. Вотъ идетъ любезный соотечественникъ съ цѣлою связкой сушеной воблы на шеѣ. Эстетика и обоняніе, очевидно, плохо развиты у него.

Юркіе сыны гонимаго племени показываются на набережной изрѣдка, и то въ роли комиссіонеровъ. Въ Астрахани они свили себѣ прочное гнѣздо. Писчебумажные магазины почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Вообще, инородческій элементъ въ Астрахани довольно силенъ,—около 25°/₀ на 150,000 всего населенія. Капиталы въ рукахъ армянъ—Агамжановыхъ, Ліанозовыхъ, Сергѣевыхъ и прочихъ.

Пройдите въ лѣтній праздничный день по Астрахани и понаблюдайте толпу. Среди нея вы встрѣтите массу женщинъ, отталкивающихъ по внѣшности и циничныхъ по манерамъ, какъ и ихъ «предметы», или, въ лучшемъ случаѣ, шустрыхъ, болтливыхъ и подчасъ остроумныхъ. Весь этотъ сбродъ пришелъ на заработки—готовить въ прокъ рыбу и собирать виноградъ. О нравственности здѣсь много не думаютъ, а любятъ просто, à la Арцыбашевъ. Здѣсь къ вашимъ услугамъ и «сильные самцы», и «розовыя безхвостыя кобылы», употребляя картинное выраженіе нашего знаменитаго писателя-моралиста. Подписывая контрактъ съ рыбопромышленникомъ, женщина, какъ выражается сама она, «продается вся, со всѣми потрохами»...

Пока вы идете по городу, васъ окружаетъ великое множество нищихъ, оборванцевъ и пьяницъ. Пьянаго я видѣлъ даже возлѣ самаго архіерейскаго дома въ Кремлѣ, мирно спящимъ на церковной паперти. «Насъ этимъ не удивишь,—иронически говоритъ, слушая меня, знакомый астраханецъ:—чуму, батенька, видали, и не одинъ разъ, на всю Европу прославились!..»

Побывавъ съ проводникомъ во всѣхъ мѣстныхъ старыхъ и новыхъ «отеляхъ», отличающихся грязью и дороговизной, мы съ трудомъ нашли подходящее помѣщеніе. Іюнь—время горячее; гостиницы полны рыбопромышленниками,—и съ васъ дерутъ, сколько

Часть Московской улицы въ Астрахани.

вздумается. За крошечный номеръ съ потасканной мебелью и нелегальными жильцами въ придачу, въ третьемъ этажѣ, вы платите 2 р.—2 р. 50 к. На бѣду, меня приняли за рыбопромышленника и только потомъ узнали, что имѣютъ дѣло съ представителемъ едва ли не самой необезпеченной профессіи...

IV.

Покончивъ съ «проклятымъ» для каждаго туриста квартирнымъ вопросомъ и различными формальностями, я отправился гулять по городу, гдѣ, какъ я уже упоминалъ, не былъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

За это время центръ Астрахани измѣнился до неузнаваемости: на улицахъ масса новыхъ домовъ, часто красивой архитектуры; завелся даже электрическій трамвай,—но тѣ же костоломные тротуары, плохія мостовыя, отсутствіе освѣщенія, та же бѣшеная, чисто азіатская, ѣзда по городу—астраханскихъ тузовъ!

Противъ губернаторскаго дома, въ небольшомъ, по тѣнистомъ Александровскомъ саду—памятникъ императору Александру II, сооруженный въ 1884 году по проекту Опекушина и очень напоминающій кишиневскій. Но какъ небрежно содержится этотъ памятникъ,—его рѣшетка повалилась, безобразные фонари давно требуютъ ремонта, прилегающія къ монументу дорожки сада изрыты и покрыты шелухой отъ подсолнечниковъ! Изящная рѣшетка сада—и отвратительная панель! И это въ лучшей части Астрахани, на глазахъ администраціи!

Губернаторскій домъ, находящійся противъ сада, довольно красивъ. Но какъ-то странно видѣть, что его нижній этажъ занятъ магазинами. Астраханское губернское правленіе помѣщается въ частномъ зданіи, хотя у казны есть свое пустопорожнее мѣсто для постройки присутственныхъ учрежденій.

V.

Любителямъ старины не мѣшаетъ побывать въ губернскомъ архивѣ, гдѣ дѣла свалены цѣлыми грудами въ сыромъ подвалѣ и гніютъ отъ сырости и солончаковой воды. Но попасть въ астраханскій архивъ не такъ-то легко. Губернскій архиваріусъ—старикъ далеко не изъ любезныхъ.

Являюсь къ единому изъ «власть имущихъ», почтительно показываю командировочное свидѣтельство и прошу оказать «просвѣщенное содѣйствіе». Но грозное начальство смотритъ на протянутый листъ съ высоты величія и, пробурчавъ: «Свидѣтельство потрепано. Мнѣ не до васъ»,—грубо поворачивается спиною. Очевидно,

Домъ губернатора въ Астрахани.

пребываніе среди «восточныхъ челаэковъ» выработало въ грозномъ вершителѣ моихъ судебъ особый способъ обращенія съ просителями. Спасибо губернатору, что далъ разрѣшеніе на занятія въ архивѣ!

VI.

На самомъ высокомъ изъ четырехъ параллельно идущихъ бугровъ города, раздѣленныхъ солончаковыми болотами, стоитъ астраханскій кремль, «вмѣститель святынь». Начатый постройкой въ 1582 году и оконченный въ правленіе царя Бориса, около 1589 года, онъ столько разъ разваливался потомъ и отстраивался заново, что въ настоящее время ничто не напоминаетъ объ его прежнемъ видѣ. Его зубчатыя стѣны мѣстами разобраны на безобразящія его пристройки, но онъ все еще имѣетъ $4^1/_2$ сажени въ вышину и 2 сажени въ толщину. Съ грандіознымъ смоленскимъ кремлемъ, конченнымъ постройкой при томъ же Годуновѣ, его и сравнивать нечего. Въ кремлѣ уцѣлѣли четыре башни. Одна изъ нихъ, Жаркова, трехъэтажная, высотой около девяти саженъ.

Кремлевскій каѳедральный Успенскій соборъ, которымъ такъ восторгался Иванъ Аксаковъ въ бытность свою въ Астрахани, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сооруженъ въ 1710 г, на мѣстѣ древней церкви, освященной въ 1602 году. Вышиной онъ 30 саженъ. Архитектура его величественна и изящна. Соборъ двухъэтажный. Въ верхней церкви замѣчателенъ иконостасъ, около 11 саженъ высоты. Ризница собора заслуживаетъ особеннаго вниманія. Между прочимъ здѣсь хранится драгоцѣнная митра, украшенная 672 камнями, въ томъ числѣ хризолитомъ болѣе вершка въ діаметрѣ! Эта митра сдѣлана изъ девяти прежнихъ митръ въ 1790 году въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Ее цѣнятъ въ 150,000 рублей! На другой митрѣ, 1810 года, огромная жемчужина съ голубиное яйцо величиною.

Изъ прочихъ вещей, находящихся въ соборной ризницѣ, интересенъ посохъ перваго астраханскаго митрополита, несчастнаго Іосифа, нѣсколько крестовъ, плащаница 1466 года, взятое у Марины Мнишекъ евангеліе и т. д. У евангелія преосвященнаго Меѳодія, занимавшаго астраханскую каѳедру съ 1758 по 1776 годъ, верхняя доска изъ чистаго золота. Доска—тоже московской работы—вѣситъ 35 фунтовъ. Она осыпана драгоцѣнными камнями и представляетъ вмѣстѣ съ ними стоимость въ 120,000 рублей. Очень цѣннымъ считался когда-то и образъ Владимірской Божьей Матери, подаренный собору воеводой П. М. Салтыковымъ. На образѣ была надпись, которой каждая буква, длиной около двухъ вершковъ, была густо усыпана жемчугомъ, а самая риза богато украшена драгоцѣнными каменьями. И вотъ одинъ изъ астраханскихъ преосвященныхъ, Петръ Любарскій, взялъ образъ къ себѣ, «изъ любопыт-

Рѣка Кутумъ.

ства и любви къ столь священнымъ предметамъ». Преосвященный «археологъ» вернулъ его только черезъ шесть лѣтъ «въ цѣлости», но, увы!—драгоцѣнныхъ камней и жемчуга на ризѣ уже не оказалось...

Въ соборѣ хранится также походный образъ фельдмаршала Шереметева. Этотъ образъ былъ у него на груди, когда онъ вошелъ въ Астрахань послѣ усмиренія «свадебнаго» бунта. Наконецъ, въ соборѣ находятся одежды мученика-митрополита Іосифа и облаченія астраханскихъ митрополитовъ. Царскія врата въ соборѣ серебряныя, стоимостью въ 130,000 рублей. Пожертвованы въ 1818 году мѣстнымъ купцомъ-благотворителемъ А. П. Сапожниковымъ.

Красивую соборную колокольню выстроилъ въ 1813 году извѣстный Варвакисъ. На ней колоколъ вѣсомъ около 1,500 пудовъ. Циферблатъ огромныхъ часовъ колокольни имѣлъ болѣе сажени въ діаметрѣ. Ихъ мелодичный бой былъ слышенъ въ цѣломъ городѣ.

Въ настоящее время соборная колокольня разобрана, такъ какъ грозила паденіемъ. Новая колокольня будетъ, повидимому, тоже изящнымъ и монументальнымъ сооруженіемъ, которое, однакожъ, едва ли будетъ гармонировать съ соборомъ.

Изъ иновѣрческихъ астраханскихъ церквей замѣчательно красивъ въ архитектурномъ отношеніи армянскій соборъ свв. Петра и Павла, построенный въ 1771 году. Здѣсь хранится превосходная копія съ картины Рафаэля «Снятіе со креста». Копія такъ хороша, что какіе-то туристы—по разсказамъ, конечно, англичане,—предлагали за нее десять тысячъ рублей. Картину постигла потомъ печальная, но обычная у насъ судьба: какой-то церковный староста, мѣняя раму картины, приказалъ обрѣзать края копіи, которые оказались, на бѣду, больше самой рамы. Въ оградѣ петропавловскаго собора могила крупнаго астраханскаго благотворителя, рыбопромышленника Ліанозова.

Католическая церковь въ Астрахани не представляетъ въ архитектурномъ отношеніи ничего особеннаго. Вербовкой «духовныхъ чадъ» для нея занимались, между прочимъ, іезуиты. Въ Астрахани они появились въ 1805 году и первымъ дѣломъ открыли пансіонъ для дѣтей. Они успѣшно улавливали ихъ въ свои сѣти, пока правительство не выгнало, наконецъ, святыхъ отцовъ изъ русскихъ предѣловъ. Съ исчезновеніемъ учителей закрылся и самый пансіонъ.

Магометанскія мечети—персидская и татарская—тоже самыя обыкновенныя сооруженія.

VII.

Мѣстность между Пыточной башней кремля и Волгой называется Косою. Это новый, богатый и торговый, но грязный кварталъ Астрахани. Лѣтъ около двухсотъ тому назадъ Коса была покрыта водою, такъ что къ кремлю подъѣзжали на лодкахъ. Напримѣръ, Петръ

Великій во время персидскаго похода 1722 года подплылъ къ кремлю на яхтѣ. Теперь вода ушла, но для защиты Косы отъ наводненій пришлось сдѣлать валъ.

Если, съ одной стороны, Коса—самое оживленное и торговое мѣсто города, съ другой—она и самое буйное. Близость Волги съ ея рабочимъ населеніемъ даетъ себя чувствовать. Нигдѣ вы не увидите такого количества алгвазиловъ, какъ на Косѣ, нигдѣ не натолкнетесь на такую массу уличныхъ безобразниковъ, какъ на ней.

Главная улица Косы—Никольская. Улица небольшая и довольно узкая, со зданіями заурядной архитектуры, но оживленная. На ней конторы самыхъ крупныхъ фирмъ, страховыхъ и транспортныхъ обществъ, масса магазиновъ, кухмистерскихъ, ресторановъ и... портерныхъ. Здѣсь не только скандалятъ и распускаютъ сплетни про представителей торговаго міра, но и à propos пускаются въ излишнія откровенности съ пріѣзжими, которыхъ видятъ въ первый разъ.

Если вы вздумаете поселиться въ гостиницѣ на Никольской, вы въ первый же день жестоко раскаетесь. Васъ доведутъ до бѣлаго каленія безконечный грохотъ экипажей по отвратительной мостовой и шумъ трамвая, который въ Астрахани начинаетъ работу чуть не съ шести часовъ утра.

Противъ Пыточной башни огромный трехъэтажный, весьма красивой архитектуры, домъ братьевъ Гантшеръ, одной изъ богатѣйшихъ еврейскихъ торговыхъ фирмъ на Волгѣ. Домъ сверху донизу занятъ магазинами. Въ немъ есть удобства, пока еще довольно рѣдкія въ провинціи,—подъемныя машины и электрическое освѣщеніе.

Отъ Никольской улицы идетъ Шоссейная, недурно обстроенная и оканчивающаяся у Камышинскаго моста на рѣкѣ Кутумѣ.

Около Краснаго моста на томъ же Кутумѣ—городской базаръ, Большія Исады.

На Исадахъ поистинѣ «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Это въ своемъ родѣ этнографическій музей. Мычанье воловъ и противный крикъ верблюдовъ дополняютъ картину.

Побывать на Исадахъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность каждому туристу.

Самый Кутумъ шириной съ нашу Фонтанку. Его берега мѣстами очень хорошо обстроены. Здѣсь немало прекрасныхъ домовъ, принадлежащихъ богатому астраханскому купечеству.

Противъ кремля, вблизи дома Гантшеровъ,—монументальное, но сильно запущенное зданіе «русскаго» гостинаго двора, законченное постройкой въ 1825 году, по проекту де-Педри, при городскомъ головѣ Сапожниковѣ. Чтобы судить о размѣрахъ этого сооруженія, слѣдуетъ принять во вниманіе, что одного кирпича пошло въ дѣло восемь милліоновъ штукъ. Главный корпусъ гостинаго двора выходитъ на Соборную улицу, остальная часть—на Москов

скую. Послѣдній корпусъ перестроенъ заново. Архитектура весьма изящная, но все зданіе грязно и облуплено.

Пройти мимо той части гостинаго двора, которая выходитъ на Соборную улицу, и не быть обруганнымъ кишащими здѣсь оборванцами—своего рода счастливая случайность. Дѣло въ томъ, что здѣсь устроена,—не знаю, съ разрѣшенія ли «предержащихъ» властей, или самовольно—толкучка, точь-въ-точь, какъ у насъ на Фонтанкѣ, противъ Александровскаго рынка. Мнѣ передавали, что ранѣе астраханскіе хулиганы нападали на всѣхъ болѣе или менѣе прилично одѣтыхъ встрѣчныхъ, а въ особенности на казаковъ, и что только съ назначеніемъ новаго вице-губернатора, г. Масальскаго, эти возмутительныя безобразія прекратились.

Отъ кремля начинается главная и лучшая улица Астрахани—Московская, или Екатерининская, которая не посрамила бы любого губернскаго города.

На Московской улицѣ находится, кромѣ губернаторскаго дома, великолѣпное, которому могутъ смѣло позавидовать многіе наши города, еще не оконченное зданіе городской управы, вмѣстѣ съ сосѣднимъ, тоже еще строящимся домомъ женской гимназіи. Послѣднія сооруженія занимаютъ цѣлый кварталъ. Тутъ же вы видите реальное училище, изящную казенную палату и казначейство, частный театръ, лучшій книжный магазинъ и проч.

На этой же улицѣ красивой архитектуры церковь Рождества Богородицы, самая старая въ городѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ освященная въ 1709 году, и стоящій на бугрѣ женскій Благовѣщенскій монастырь, окруженный стѣною съ башнями. На Московскую улицу выходитъ и единственный сколько-нибудь благоустроенный садъ въ городѣ—Александровскій, или Губернаторскій. Садъ окруженъ нѣсколькими улицами. На одной изъ нихъ, противъ того же сада, самая изящная постройка въ Астрахани—новый домъ войскового управленія астраханскаго казачьяго войска. Офицерское войсковое собраніе, тоже очень красивое, находится на окраинѣ города.

Одна изъ наиболѣе оживленныхъ и лучшихъ улицъ Астрахани—Полицейская, гдѣ, между прочимъ, помѣщается зданіе почтамта и мужской гимназіи, одной изъ старѣйшихъ въ Россіи. Недавно выстроенный домъ почтамта большой, но грязный.

Полицейская улица считалась когда-то первой въ городѣ, что не мѣшало ей славиться своею непролазною грязью, о которой существуетъ немало ходячихъ анекдотовъ. Послѣ дождя астраханцы должны были, лишь бы не утонуть въ грязи, нанимать извозчика для переѣзда на другую сторону Полицейской улицы. Изъ большихъ губернскихъ нашихъ городовъ это практикуется еще—говорю по личному печальному опыту—только на окраинахъ Херсона.

Идя по Полицейской улицѣ, вы доходите до знаменитаго въ лѣтописяхъ Астрахани Варваціева канала, соединяющаго Кутумъ съ Волгой.

Рыбная биржа въ Астрахани.

Каналъ былъ начатъ въ 1744 году, по проекту Петра Великаго, для осушенія почвы Астрахани, но, за неимѣніемъ средствъ, работы были прекращены. Онѣ возобновились только въ 1810 году, когда за дѣло взялся извѣстный астраханскій благотворитель, грекъ Иванъ Андреевичъ Варвакисъ, или Варваци. Въ 1817 году онъ окончилъ каналъ, затративъ на работы около 200,000 рублей. По Высочайшему повелѣнію, каналъ, называвшійся раньше Астраханскимъ, былъ переименованъ въ Варваціевъ.

Каналъ мелокъ и узокъ—въ половодье его глубина достигаетъ едва десяти футовъ, а ширина лишь двадцать саженъ—заплылъ иломъ и служитъ въ настоящемъ своемъ видѣ постояннымъ разсадникомъ маляріи. Вслѣдствіе этого извѣстный астраханскій рыбопромышленникъ-благотворитель С. М. Ліанозовъ, палаццо котораго стояло на берегу канала, рѣшилъ углубить каналъ вмѣстѣ съ Кутумомъ и въ 1894 году ассигновалъ на это 300, 000 рублей. Ліанозовъ поставилъ городу одно условіе: чтобы всѣ новые доходы, которые могли открыться послѣ углубленія канала, поступали въ фондъ благотворительныхъ учрежденій имени его, Ліанозова. Къ несчастью, послѣдній вскорѣ умеръ, не успѣвъ довести до конца свой грандіозный проектъ. Его сынъ и наслѣдникъ Г. С. Ліанозовъ пріобрѣлъ за границей землесосъ за 80,000 рублей, но чрезъ нѣсколько времени отказался отъ продолженія работъ и передалъ землесосъ городу вмѣстѣ съ капиталомъ въ 175,000 рублей. Тогда астраханская городская управа въ 1897 году заключила контрактъ съ инженеромъ Симоновымъ, который и взялся углубить каналъ за 145,000 рублей. Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ, а каналъ все еще «чистятъ». Эта операція производится весьма оригинальнымъ—чтобы не сказать болѣе—способомъ. Взятую изъ середины канала грязь рабочіе сваливаютъ въ воду—у береговъ того же канала. Грязь снова уплываетъ на средину канала, ее опять вычерпываютъ и снова кладутъ у берега и т. д. Все это дѣлается на виду полуторастатысячнаго населенія и на глазахъ властей. Капиталъ Ліанозова постепенно «усыхаетъ». Чума ли появится, или холера—городъ беретъ на борьбу съ ними деньги изъ того же капитала.

Упомянувъ о Варваціевомъ каналѣ, нельзя обойти молчаніемъ недюжинную личность самого филантропа.

Его біографія немногословна, но поучительна.

Родился Варвакисъ въ 1750 году на небольшомъ островѣ Псари и съ юныхъ лѣтъ выдѣлился своей отвагой. Едва нашъ флотъ появился, въ Первую турецкую войну, въ архипелагѣ, двадцатилѣтній Варвакисъ вооружилъ на свой счетъ фрегатъ и поступилъ на русскую службу.

Въ чесменскомъ сраженіи Иванъ Андреевичъ отличился и въ награду получилъ чинъ лейтенанта. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира турки, не обращая вниманія на то, что Варвакисъ

былъ русскимъ офицеромъ, арестовали его вмѣстѣ съ его судномъ и, несомнѣнно, казнили бы, если бъ въ дѣло не вмѣшался нашъ посолъ при константинопольскомъ дворѣ. Но, освободивъ Варвакиса, турки оставили его безъ средствъ, и онъ долженъ былъ пѣшкомъ отправиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь его обласкали, выдали ему отъ имени императрицы тысячу золотыхъ въ награду и затѣмъ опредѣлили на службу въ Астрахань. Въ Астрахани Иванъ Андреевичъ нашелъ свою судьбу. Занявшись рыболовствомъ, онъ составилъ себѣ колоссальное состояніе и, повидимому, игралъ въ городѣ большую роль. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Турчанинову отъ 9-го ноября 1781 года знавшій Варвакиса Суворовъ говоритъ: «На досугѣ... Варваци, первый министръ (т.-е. при астраханскомъ губернаторѣ Якоби), пишетъ халдейскую книгу на Мазарини». Послѣднее какъ бы намекаетъ на то, что Суворовъ былъ съ Варвакисомъ въ натянутыхъ отношеніяхъ.

За оказанное ему благодѣяніе Иванъ Андреевичъ съ лихвой отплатилъ правительству. Такъ, въ персидскую войну 1806 года онъ безвозмездно перевозилъ на своихъ судахъ провіантъ нашимъ войскамъ и, кромѣ того, широко благотворилъ. Въ Астрахани онъ выстроилъ больницу, которую обезпечилъ капиталомъ, соборную колокольню, кончилъ Астраханскій каналъ и на свой счетъ перекинулъ черезъ него и Кутумъ нѣсколько мостовъ, представляющихъ солидное сооруженіе и въ настоящее время, выстроилъ въ Таганрогѣ греческій монастырь и проч. Онъ не забывалъ и своихъ земляковъ на Псари и, по завѣщанію, оставилъ имъ крупную сумму. Скончался Иванъ Андреевичъ 10-го января 1825 года. Память о немъ живетъ въ Астрахани до сихъ поръ; но городу стыдно и грѣшно, что онъ все еще не почтилъ своего благодѣтеля хотя бы бюстомъ на одной изъ астраханскихъ площадей.

VIII.

Чтобы судить, какъ велики торговые обороты Астрахани, слѣдуетъ замѣтить, что въ ней болѣе двухъ тысячъ торговыхъ предпріятій, въ томъ числѣ 800 гильдейскихъ, съ оборотомъ въ 93 милліона рублей. Вся торговля Россіи съ Востокомъ происходитъ черезъ нее. Какъ портовый городъ, Астрахань по числу судовъ уступаетъ только Одессѣ, но по числу парусныхъ судовъ занимаетъ въ Россіи первое мѣсто. Въ навигацію 1906 года въ Астрахань пришло 993 буксирныхъ парохода, грузилось и выгружалось 4,544 баржи, судна и лѣсныхъ плота. Работой было занято 44,296 человѣкъ, отправлено грузовъ Волгой 238.241,469 пуд. на сумму 155.172,166 р., привезено 54.467,155 пудовъ на сумму 37.347,464 рубля. Морскихъ судовъ пришло 5,418, ушло 5,308. Изъ-за границы было привезено

товаровъ 1.287,868 пудовъ на сумму 4.986,351 рубль, вывезено 607,701 пудъ на 985,526 рублей. Обороты каботажа громадные: было привезено 259.241,013 пудовъ на сумму 168.512,963 рубля и вывезено 21.761,768 пудовъ на сумму 48.070,668 рублей. Такимъ образомъ, торговый оборотъ Астрахани достигаетъ колоссальной цифры 405.075,138 рублей! Зато торговля мѣстными произведеніями не велика. Астрахань вывозитъ исключительно фрукты и овощи. Первыхъ въ 1906 году вывезено на 364,949 рублей; изъ нихъ до 244,777 пудовъ винограда, до 250,000 пудовъ арбузовъ и дынь и до 279,826 пудовъ помидоровъ, баклажанъ, огурцовъ, перцу, луку, картофеля и проч. Главные предметы вывоза—нефть, рыба, соль, фрукты, овощи и хлопокъ, привоза—хлѣбъ и дрова.

Астрахань одинъ изъ крупнѣйшихъ нефтяныхъ рынковъ. Здѣсь нефть продается, покупается и посылается для отправки во внутрь Россіи, преимущественно Волгой.

Несомнѣнно, что съ окончаніемъ желѣзной дороги, доведенной пока до пристани Бузана, въ сорока верстахъ отъ города, торговля Астрахани должна еще болѣе увеличиться. Въ настоящее же время сообщеніе съ Астраханью по желѣзной дорогѣ неудобно уже потому, что поѣзда ходятъ лишь три раза въ недѣлю. Этой дорогѣ вообще не везетъ: зимой—снѣжные заносы, лѣтомъ—песчаные, отъ летучихъ барханныхъ песковъ. Щиты не помогаютъ: пескомъ засыпаетъ даже между колесами. Постройка бузанскаго моста страшно затянулась. До сихъ поръ перекинуто всего три пролета. На пароходѣ же дерутъ по 1 р. 50 к. съ человѣка и груза не берутъ.

Когда-то, въ 1770 году, въ городѣ было много шелкомотальныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, въ общемъ до 130 фабрикъ и до 10 заводовъ, принадлежавшихъ армянамъ, но теперь число фабрикъ и заводовъ Астрахани всего 116, съ ничтожною суммой производства въ 6.409,166 рублей, изъ которыхъ на долю одного водочнаго завода падаетъ болѣе трехъ милліоновъ рублей.

Городской бюджетъ болѣе милліона рублей, изъ которыхъ 10% расходуется на народное образованіе и свыше 15% на медицинскую часть.

Къ сожалѣнію, городское хозяйство ведется далеко не образцово, и на 1909 годъ ожидается крупный дефицитъ болѣе 100,000 рублей, покрыть который предположено уменьшеніемъ расходовъ на благоустройство города, остановкой ремонта мостовыхъ и мощенія улицъ! Еще совсѣмъ недавно Астрахань получила по завѣщанію благотворителей огромные капиталы; но въ распоряженіи ими не было, повидимому, строгаго контроля. Упраздненіе 1% сбора съ привозимыхъ въ городъ товаровъ печально отразилось на астраханскомъ бюджетѣ. Съ тѣхъ поръ городъ не можетъ удовлетворить самымъ настоятельнымъ своимъ потребностямъ. Замощена Астрахань только на половину булыжникомъ, привозимымъ изъ Яро-

Погрузка рыбы на набережной.

славля. Изъ пятнадцати городскихъ мостовъ каменнаго или желѣзнаго нѣтъ ни одного!

Хотя городъ расширяется, на его медицинскую часть тратится не многимъ болѣе 15%. Неудивительно, что санитарное состояніе Астрахани отвратительно и что она принадлежитъ къ числу вымирающихъ городовъ. Грязь и низменное мѣстоположеніе довели цифру смертности до 48 на тысячу, повышающуюся въ иной годъ до 64%! Холера и чума такъ же хорошо знакомы Астрахани, какъ и на мѣстѣ родины, въ далекихъ Бомбеѣ и Мадрасѣ. Больница, домъ умалишенныхъ и богадѣльня находятся на южной оконечности города, на такъ называемомъ Паробичевомъ бугрѣ и становятся тѣсными для многочисленныхъ паціентовъ.

IX.

Культурная жизнь въ Астрахани довольно развита. Кромѣ гимназій мужской и женской, реальнаго училища и семинаріи, есть мореходная школа, школа огородничества и садоводства, музыкальное училище, армянская семинарія, мусульманское училище, художественно-техническіе классы, не считая нѣсколькихъ частныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ школъ.

Музеевъ не одинъ и между ними—городской Петровскій (естественно-историческій и археологическій), ихтіологическій управленія рыбными и тюленьими промыслами и военный музей при офицерскомъ собраніи астраханскаго казачьяго войска, самый молодой изъ всѣхъ трехъ.

Петровскій музей наиболѣе богатый. Содержится въ образцовомъ порядкѣ. Въ археологическомъ отдѣлѣ большая коллекція монетъ монгольскихъ, Золотой Орды и русскихъ, предметы, добытые при раскопкѣ столицы Сарая, остатки допотопныхъ животныхъ и т. д. Хорошъ этнографическій отдѣлъ, особенно калмыцкій, рыболовный и судоходный, собраніе образцовъ соли и очень богатый отдѣлъ флоры и фауны Астраханской губерніи. О Петрѣ напоминаетъ очень немногое. Изъ послѣдняго можно указать развѣ на большую картину, находившуюся когда-то на нижегородской выставкѣ и изображающую смотръ императоромъ каспійскаго флота въ Астрахани передъ походомъ въ Персію въ 1722 году, да бронзовую статуэтку Петра, даръ покойнаго А. П. Бахрушина. Въ 1909 году въ Астрахани возникла мысль о постановкѣ въ городѣ памятника геніальному преобразователю Россіи, но эта мысль зародилась не въ головахъ гг. астраханцевъ, а принадлежитъ губернатору И. Н. Соколовскому...

Въ ихтіологическомъ музеѣ хранятся коллекціи рыбъ, ихъ пищи и паразитовъ, орудія рыболовства, модели рыболовныхъ судовъ

и промысловыхъ построекъ, принадлежностей тюленьихъ промысловъ и проч. Среди чучелъ рыбъ есть замѣчательные экземпляры бѣлугъ и тюленей.

Военный музей, основанный по мысли полковника астраханскаго казачьяго войска И. А. Бирюкова, пока невеликъ и занимаетъ всего одну комнату. Здѣсь вы видите портреты наказныхъ астраханскихъ атамановъ, грамоты, пожалованныя войску, старинное вооруженіе, сочиненія, относящіяся къ исторіи астраханскаго казачества, и т. д. Все собрано съ большою любовью и содержится въ замѣчательномъ порядкѣ.

X.

Газетъ въ Астрахани нѣсколько, какъ и журналовъ. Основателемъ астраханской прессы слѣдуетъ считать нѣмца Вейсгопфена, преподавателя нѣмецкаго языка въ астраханской гимназіи. 29 января 1813 года онъ выпустилъ первый нумеръ, единственной тогда въ Астрахани, газеты «Восточныя Извѣстія», а въ 1816 году сталъ издавать «Азіатскій Музыкальный Журналъ» учитель музыки Добровольскій. Оба изданія очень рѣдки. Въ настоящее время въ Астрахани, кромѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», издаются: «Астраханскій Вѣстникъ», «Епархіальныя Вѣдомости», «Астраханскій Листокъ», «Волга», «Русская Правда»—органъ мѣстнаго отдѣленія союза русскаго народа, «Астрахань», татарская газета «Идль» и журналы «Извѣстія общества астраханскихъ врачей» и «Садоводство и огородничество». Для города съ 150,000 населеніемъ десять газетъ и журналовъ не особенно много.

Ученыхъ обществъ нѣсколько—общества врачей, садоводства и огородничества, сельскаго хозяйства и проч. Зато книжныхъ магазиновъ... одинъ—г. Никольскаго! Остальные скорѣй писчебумажныя или книжныя лавки. Въ Астрахани есть недурная общественная библіотека и другая—при управленіи рыбными и тюленьими промыслами. Трамвай, Восточное общество, общество «Кавказъ и Меркурій» и товарищество Нобель имѣютъ собранія книгъ исключительно для своихъ служащихъ.

XI.

Астраханскій портъ основанъ въ 1722 году Петромъ, но заложенъ только въ 1826 году, и не на томъ мѣстѣ, гдѣ назначилъ ему быть императоръ, а въ юго-западной части города, рядомъ съ таможней. Портъ видѣлъ когда-то лучшіе дни. Въ немъ былъ плавучій докъ, механическій заводъ и нѣсколько эллинговъ. Въ 1867 году портъ упразднили, въ виду неудобнаго сообщенія съ моремъ, и

перевели въ Баку, а всю мѣстность порта передали вмѣстѣ съ постройками обществу «Кавказъ и Меркурій». Въ порту осталось только нѣсколько мастерскихъ.

Чудная аллея съ вѣковыми деревьями, когда-то любимое мѣсто прогулокъ астраханскаго бомонда, ведетъ къ порту. Теперь онъ страшно запущенъ. Всюду грязь и неблагоустройство. Пруды покрыты тиной и изобилуютъ развѣ огромными зелеными лягушками, на диво пріѣзжимъ.

Достопримѣчательность порта—каменный сарай, построенный въ 1861 году для храненія драгоцѣнныхъ памятниковъ пребыванія Петра въ Астрахани—его плезиръ-яхты и верейки, спеціально выстроенныхъ для персидскаго похода въ казанскомъ адмиралтействѣ.

«Домикомъ» Петра сарай называютъ неправильно, такъ какъ императоръ вовсе не жилъ въ немъ въ 1722 году.

Такъ называемый «домикъ» окруженъ изгородью и содержится хорошо, хотя посѣтителей мало,—онъ постоянно закрытъ и открывается только послѣ предварительнаго ходатайства.

Яхта и верейка сохраняются не въ первоначальномъ видѣ. Въ послѣдній разъ ихъ ремонтировали еще въ 1824 году, и съ тѣхъ поръ онѣ пришли въ ветхость. Кромѣ этихъ судовъ, въ сараѣ хранятся оружіе, инструменты и морскія принадлежности.

Другая достопримѣчательность астраханскаго порта—изящная тріумфальная арка, сооруженная въ 1871 году въ память посѣщенія Астрахани императоромъ Александромъ II.

XII.

Время основанія Астрахани нельзя опредѣлить съ точностью. Мѣсто, занимаемое городомъ, было заселено, повидимому, еще въ IV вѣкѣ нашей эры. Но татарская Астрахань была заложена татарами Золотой Орды въ XIII вѣкѣ, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ древней столицы хазаръ, Итила, основаннаго, вѣроятно, въ III столѣтіи. Татарская Астрахань лежала верстахъ въ десяти выше нынѣшней, на Жареномъ бугрѣ. Послѣ распаденія Золотой Орды, Астрахань, въ послѣдней четверти XV вѣка, дѣлается столицей самостоятельнаго астраханскаго царства.

Новое царство вскорѣ привлекло къ себѣ вниманіе сосѣдей и, между прочимъ, Москвы, зорко слѣдившей за всѣмъ происходившимъ. Вспыхнувшіе въ новомъ царствѣ раздоры и междоусобія, причемъ одинъ ханъ вступалъ на престолъ послѣ умерщвленія другого, еще болѣе ослабили Астрахань, и она, въ концѣ концовъ, въ 1554 году сдѣлалась данницей Москвы. Послѣдній царь астраханскій, Дербышъ, или Дервишъ-Алей, ставленникъ Москвы, тяготясь своимъ положеніемъ, отказался платить дань и завелъ сношенія съ сосѣдями. Тогда, въ 1557 году, московскія войска вступили въ Астра-

хань и объявили ее присоединенной къ Россіи, оставивъ въ городѣ русскій гарнизонъ.

Но и русской Астрахани грозили непріятели—калмыки, татары, вольница и проч. Такъ, въ 1564 году подъ стѣнами города появились турки, но, узнавъ о приближеніи сильнаго московскаго войска, бѣжали. Сознавая опасное положеніе города, первый астраханскій воевода, Черемисиновъ, около 1568 года перенесъ его съ праваго берега на лѣвый. Такимъ образомъ, нынѣшняя Астрахань городъ чисто русскій.

Новому городу также не жилось спокойно. Въ 1605 году его громятъ терскіе и донскіе казаки, а спустя два года въ немъ вспыхиваетъ бунтъ противъ царя Василія, гдѣ видную роль играетъ Хворостининъ. Въ 1614 году Астрахань взялъ и разграбилъ Заруцкій. Объявивъ сына Дмитрія царемъ, онъ вмѣстѣ съ царицей Мариной засѣлъ въ кремлѣ, предоставивъ городъ въ распоряженіе своихъ шаекъ. Выведенное изъ терпѣнія населеніе взялось за оружіе и прогнало сторонниковъ Заруцкаго. Въ 1660 году взбунтовались противъ московскаго правительства татары, а пять лѣтъ спустя подъ стѣнами Астрахани появился новый страшный врагъ—Разинъ. Онъ повелъ приступъ противъ города, но былъ отбитъ и ушелъ. Въ 1667 году разинцамъ удалось овладѣть Астраханью. Черезъ три года она снова попала въ ихъ руки и страшно пострадала.

24-го іюня 1670 года Разинъ съ многочисленнымъ сбродомъ подошелъ къ кремлю и въ три часа ночи началъ приступъ. Для защиты астраханской крѣпости имѣлись артиллерія, бревна, камни, смола и кипятокъ; но все оказалось безполезнымъ. При появленіи атамана гарнизонные стрѣльцы забили въ набатъ и перешли на сторону Разина. Дворяне, сотники, боярскіе люди, пушкари и множество народа были перебиты. Воевода, князь Прозоровскій, послѣ мужественной защиты, былъ тяжело раненъ въ животъ копьемъ и перенесенъ вѣрными слугами въ каѳедральный соборъ, куда спѣшилъ и митрополитъ Іосифъ, близкій другъ Прозоровскаго. Между тѣмъ соборъ все болѣе и болѣе наполнялся бѣглецами. Они вздумали было защищаться; но вскорѣ церковныя двери подъ напоромъ мятежниковъ упали, и толпа разинцевъ ворвалась въ храмъ. Въ соборѣ началась рѣзня, при чемъ погибло болѣе четырехсотъ человѣкъ. Разинъ самъ выволокъ Прозоровскаго изъ церкви и сбросилъ съ раската. Чрезъ нѣсколько дней такая же участь постигла и малолѣтнихъ дѣтей воеводы. Ихъ было двое—старшему одиннадцать и младшему восемь лѣтъ. Послѣ пытки ихъ повели къ кремлевской стѣнѣ и повѣсили за ноги. Младшій сынъ чудомъ остался живъ. Вслѣдъ за рѣзней въ Астрахани начался грабежъ, послѣ чего Разинъ ввелъ въ городѣ казацкіе порядки. Оставивъ въ Астрахани своихъ единомышленниковъ, Василія Уса и Ѳедора Шелудяка, самъ Разинъ въ іюнѣ 1671 года пошелъ вверхъ по Волгѣ.

Но въ Астрахани еще оставался митрополитъ Іосифъ, пользовавшійся большою популярностью среди населенія. Онъ продолжалъ смѣло читать народу царскіе указы и увѣщевать его. Разинцы рѣшили тогда избавиться отъ опаснаго противника, а мужественный митрополитъ своимъ поведеніемъ ускорилъ свою смерть.

11-го іюня 1671 года Іосифъ въ полномъ облаченіи явился въ казацкій кругъ и обратился къ разинцамъ со словомъ увѣщанія. Послѣдніе съ яростью бросились на митрополита. Іосифъ успѣлъ сбросить съ себя одежду—мятежники не рѣшались наложить на него руки, пока онъ былъ въ облаченіи митрополита,—и отдался въ руки враговъ. Его жгли на угольяхъ, нещадно били и, въ заключеніе, сбросили съ кремлевской стѣны. Въ послѣднюю минуту, когда его посадили на край стѣны и хотѣли столкнуть, владыка испугался и потащилъ за собой своего палача. Тогда его положили бокомъ на край стѣны и сбросили. Его смерть произвела сильное впечатлѣніе даже на убійцъ, которые въ ужасѣ стояли нѣсколько минутъ надъ его трупомъ. Прахъ Іосифа покоится въ церкви Владимирской Божіей Матери.

Въ томъ же году правительственныя войска, подъ начальствомъ Милославскаго, отняли Астрахань у разинцевъ.

Много страдалъ городъ и отъ стихійныхъ бѣдствій. Чума, землетрясенія, пожары, наводненія и холера уносили массу жертвъ. Чума 1692—1693 гг. изъ 16,000 жителей похитила около 11,000 человѣкъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, а чума 1728 года унесла болѣе половины населенія. Въ 1709, 1767 и 1858 годахъ были памятные пожары. Въ послѣдній годъ городъ горѣлъ пять дней! Въ 1823 году въ Астрахани впервые появилась холера.

Въ 1705 году въ городѣ разнесся вздорный слухъ, будто Петръ намѣренъ насильно выдать русскихъ дѣвушекъ замужъ за нѣмцевъ. Но настоящимъ поводомъ къ возстанію служили преобразованія государя, породившія массу недовольныхъ.

Одинъ изъ нихъ, Степанъ Москвитянинъ, пришелъ въ Астрахань изъ Москвы и сталъ агитировать среди стрѣльцовъ и старовѣровъ. Въ 1705 году Степанъ собралъ партію и приступилъ къ дѣлу—распустивъ слухъ, будто Петра не стало и будто астраханскій воевода Ржевскій и чиновники — измѣнили православной вѣрѣ и стали брить бороды и одѣваться въ иностранное платье. Кончивъ свою миссію, Степанъ, какъ это часто бываетъ, отошелъ на задній планъ, а на сцену выступилъ посадскій Яковъ Носовъ съ товарищами.

Однажды на базарѣ злоумышленники объявили, что въ теченіе семи лѣтъ православныхъ свадебъ въ Астрахани не будетъ, а за это время русскіе должны будутъ выдавать своихъ дочерей и сестеръ за нѣмцевъ. Въ городѣ начались усиленныя вѣнчанья. Такъ, въ одинъ день повѣнчали сто паръ! Вмѣстѣ со свадьбами началось повальное пьянство, чѣмъ и воспользовался Носовъ.

Въ самый Петровъ день заговорщики вломились черезъ Пречистенскія ворота въ кремль. Стоявшій въ воротахъ офицеръ былъ убитъ лично Носовымъ. Такъ же покончили съ капитаномъ-грекомъ и тремя матросами изъ иностранцевъ. Ударили въ набатъ, и въ Астрахань повалили толпы черни со стрѣльцами. Бунтовщики кинулись искать воеводу и мимоходомъ убили нѣсколькихъ офицеровъ. Сторону возставшихъ принялъ и архимандритъ Рувимъ, настоятель Воскресенскаго монастыря, заготовившій въ монастырѣ запасы провизіи и оружія.

30-го іюня погибъ Ржевскій, и въ тотъ же день Носова выбрали атаманомъ. На слѣдующій день весь астраханскій гарнизонъ присягнулъ стоять за старую вѣру и другъ друга до послѣдняго издыханія. Мятежники послали эмиссаровъ на Донъ, Терекъ и Уралъ, увѣщевая казаковъ возстать за старину. Въ Красномъ и Черномъ Яру стрѣльцы, дѣйствительно, взбунтовались и двинулись къ Царицыну, но были отбиты. Казаки, къ счастью, остались спокойными. Поднялись зато терскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ гребенскими казаками.

Въ Москвѣ Петръ узналъ о бунтѣ и немедленно отправилъ въ Астрахань корпусъ войскъ подъ командой фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Астрахань была въ рукахъ стрѣльцовъ. Шереметевъ послалъ имъ письмо съ требованіемъ сдачи, но отвѣта не получилъ. Бунтовщики, между тѣмъ, готовились къ оборонѣ, выжгли астраханскія предмѣстья, зарядили пушки и вооружили чернь.

12-го марта 1706 года Шереметевъ пріѣхалъ въ Іоанно-Предтеченскій монастырь. Здѣсь его осадили бунтовщики, но были отбиты. Тогда стрѣльцы сдѣлали вылазку изъ Астрахани, но потерпѣли рѣшительное пораженіе. Бросивъ пушки и знамена, они засѣли за валомъ и открыли огонь. Правительственныя войска взяли валъ приступомъ и загнали стрѣльцовъ въ кремль. Послѣ бомбардировки осажденные сдались вмѣстѣ съ Носовымъ. Послѣдній и 272 человѣка наиболѣе виновныхъ были арестованы и подъ сильнымъ конвоемъ отправлены въ Москву. Здѣсь около ста человѣкъ казнили, а остальныхъ виновныхъ, по распоряженію Петра, отправили въ шведскій походъ, гдѣ всѣ они до послѣдняго сложили свои головы.

«Свадебный» бунтъ послужилъ темой для одного изъ романовъ покойнаго графа Саліаса.

В. А. Алексѣевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ III. Спб. 1909 г.

Вышедшій третій томъ обширнаго труда великаго князя Николая Михайловича обнимаетъ эпоху отъ 1818—1826 гг. и заключаетъ въ себѣ интересныя подробности сближенія царственныхъ супруговъ и послѣднихъ дней жизни Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны. Въ первой главѣ третьяго тома заключаются краткая характеристика эпохи конгрессовъ, отрывки изъ мемуаровъ г-жи Фрейштадтъ, фрейлины матери Елизаветы Алексѣевны, перваго пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны Дарагана, описаніе сближенія между супругами въ 1818—1824 годахъ и письма императрицы къ маркграфинѣ Баденской. Во второй—описаніе поѣздки ихъ величествъ въ Таганрогъ, кончина Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны 1825—1826 гг., ея характеристика и письма, относящіяся къ періоду этого времени. Затѣмъ слѣдуетъ приложеніе, въ которомъ находятся письма и записки Александра I къ императрицѣ отъ января по ноябрь 1825 г. и ея письма къ Лагарпу и различнымъ лицамъ, между прочимъ переписка съ Карамзинымъ отъ 1818—1826 г., письма Маріи Ѳеодоровны къ графинѣ Строгановой и маркграфинѣ Баденской, протоколъ вскрытія тѣла императрицы 5-го марта 1826 г., извлеченіе изъ письма доктора Штоффрегена къ брату въ Ригу, къ его женѣ и къ маркграфинѣ Баденской, выдержки изъ альбома Елизаветы Алексѣевны и въ заключеніе записки Уварова, касающіяся императрицы Елизаветы. Въ общемъ третій томъ этого труда составляетъ 778 страницъ большого формата и снабженъ 27 рисунками и 3 факсимиле рукописей и является значительнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи.

Зиму и весну 1818 г. Елизавета Алексѣевна провела въ Москвѣ, посѣщая церкви и монастыри. Новизна обстановки, не похожей на ея обычный обиходъ, ее заинтересовала, и она писала матери, что всѣ монастыри, видѣнные ею въ такихъ красивыхъ мѣстностяхъ, заставляютъ ее думать, что когда-нибудь она кончитъ жизнь въ подобномъ уединеніи. Императоръ вернулся въ Москву въ февралѣ и провелъ тамъ три недѣли, въ теченіе которыхъ онъ вмѣстѣ съ обѣими императрицами присутствовалъ на открытіи памятника Минину и Пожарскому. Затѣмъ онъ отправился въ Варшаву на открытіе сейма, послѣ чего совершилъ поѣздку по военнымъ поселеніямъ и посѣтилъ Одессу, Крымъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ и Рязань. Его отъѣздъ огорчалъ Елизавету, о чемъ она писала матери: «уѣхалъ онъ инкогнито, рано утромъ, когда всѣ спали, согласно его вкусу и манерѣ».

Императоръ возвратился въ Москву 17-го іюня, а 3-го іюля состоялся торжественный въѣздъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III, пробывшаго въ Москвѣ 11 дней среди разнообразныхъ празднествъ въ его честь, что дало поводъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ написать матери: «Вы часто видѣли, дорогая мама, механическія куклы, представляющія или охоту, или свадьбу, или что другое: подымается замочный язычокъ, и вся исторія начинаетъ кружиться, такъ что невозможно ее остановить. Такой вы должны себѣ представить вашу дочь, мама: она занимаетъ мѣсто въ подобномъ же механизмѣ и кружится съ субботы; вѣроятно, она такъ прокружится до конца іюля и будетъ счастлива, если въ этомъ непрестанномъ движеніи она найдетъ нѣсколько минутъ отдохновенія своей душѣ». Очевидно, Елизавета не находила отрады въ круговоротѣ придворныхъ развлеченій и, по ея собственному выраженію, «плыла, уносимая потокомъ, безъ удовольствія для себя и пользы для кого бы то ни было». «Это называется,—говоритъ она,—покоряться судьбѣ: надо признаться, очень капризная бываетъ судьба на свѣтѣ».

19-го іюня всѣ высочайшія особы отправились въ Петербургъ, гдѣ въ честь прусскихъ гостей продолжались празднества еще нѣсколько недѣль, а также въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, Кронштадтѣ и Красномъ Селѣ. Эти празднества утомили всѣхъ, а главное Елизавету Алексѣевну, тѣмъ болѣе, что ей предстояло заграничное путешествіе къ родителямъ, предпринимавшееся по настоянію Александра противъ ея желанія, несмотря на часто выражаемыя въ письмахъ къ матери намѣренія повидаться съ нею. 23-го августа Александръ уѣхалъ на Ахенскій конгрессъ, а 29-го отправилась и Елизавета въ дальній путь. Ея пребываніе на родинѣ было печально и непродолжительно въ виду смерти единственнаго ея брата, великаго герцога Карла, скончавшагося отъ общаго истощенія. Хотя Елизавета Алексѣевна не была къ нему близка, главнымъ образомъ по причинѣ его женитьбы на Стефаніи Богарне, родственницѣ врага Россіи, но все-таки его кончина ее опечалила. Прежняя родина потеряла для нея свою прелесть, ее тянуло домой въ Россію, куда ее влекло болѣе сильное чувство. «Навѣрно не знаю момента моего отъѣзда,—писала она графинѣ Строгановой:—мнѣ скажутъ: «уѣзжай», и я уѣду; но у нихъ не будетъ времени сказать мнѣ: «возвращайся!» Я буду уже въ дорогѣ, когда они это произнесутъ». По ея словамъ, если бы не мать, она тотчасъ бы убѣжала оттуда, гдѣ все

причиняло ей страданія и гдѣ она нашла только воспоминанія о разбитомъ счастіи и разбитыхъ надеждахъ. По волѣ судьбы, это путешествіе доставляло ей одни огорченія: на обратномъ пути она хотѣла навѣстить Екатерину Павловну, королеву вюртембергскую, но послѣдняя почти внезапно скончалась, и врачи не допустили присутствія Елизаветы на похоронахъ. Смерть сестры очень опечалила Александра; императрица-мать хотя и была огорчена, но, по мнѣнію Александра, никогда еще не была такъ спокойна въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы покоряясь судьбѣ. Елизавета впослѣдствіи въ письмахъ къ матери замѣчаетъ, что императрицу-мать болѣе интересовало путешествіе, тамошнее общество и климатъ и безпокоиться о ней безполезно: она уже перебирала всѣхъ невѣстъ, какія могли быть будущими женами короля вюртембергскаго.

Утомленная путешествіемъ и пережитыми впечатлѣніями, Елизавета Алексѣевна вернулась въ Петербургъ 26-го января 1819 г., мѣсяцемъ позже Александра, возвратившагося съ конгресса, и была въ унылому настроеніи, хотя изъ письма къ матери видно, что Александръ встрѣтилъ ее привѣтливо и пожелалъ, чтобы прежде, чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, она заѣхала въ Царское Село. Императрица старалась удаляться отъ шумной, несмотря на трауръ, жизни двора; Александръ тоже искалъ уединенія. Она писала матери, что они ведутъ крайне замкнутую жизнь и это не вслѣдствіе перенесеннаго Александромъ горя, потери сестры, какъ говорили газеты, а единственно по его личному расположенію: общество его стѣсняло, а такъ какъ онъ не любилъ себя стѣснять, то и жилъ, какъ ему хотѣлось. Здоровье Елизаветы Алексѣевны слабѣло: она поддерживала свои силы шоколадомъ и портеромъ и жаловалась на то, что ея кровь, вѣроятно, стала очень холодна, такъ какъ ее это не горячило. Въ противоположность Елизаветѣ Алексѣевнѣ, утомлявшейся поѣздками въ экипажѣ по загороднымъ дворцамъ, Александръ, «любившій процессъ передвиженія болѣе, чѣмъ цѣль поѣздки, нигдѣ такъ хорошо себя не чувствовавшій, какъ въ коляскѣ», опять собрался въ отъѣздъ въ концѣ іюля въ Архангельскъ.

Елизавета чувствовала себя чужой въ императорской семьѣ; императрица-мать открыто выражала предпочтеніе великому князю Николаю и его женѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Сестры императора относились къ Елизаветѣ недружелюбно, и въ одномъ изъ писемъ она говоритъ: «Что касается зла, вносимаго сестрами въ наши отношенія съ императоромъ, то въ сущности бѣдная королева вюртембергская участвовала въ этомъ болѣе, чѣмъ ея сестра, а послѣдняя только усиливала дозу, когда онѣ были вмѣстѣ. Я думаю, что одна, особенно теперь, она не много сдѣлаетъ». Что касается Николая и его жены, то изъ любви къ нимъ императрица-мать позволяла имъ принимать неумѣстный тонъ и обращеніе съ императорской четой. «Александрина,—писала Елизавета Алексѣевна,—прескверно воспитана и не знаетъ, что значитъ уваженіе и почтеніе относительно меня и императора менѣе чѣмъ кого-либо. Императрица-мать или не видитъ, или не смѣетъ ничего сказать; зато императоръ очень хорошо это чувствуетъ, но по мотивамъ, зависящимъ отчасти отъ его характера, отчасти отъ ложной манеры смотрѣть на вещи, ничего не говоритъ, тогда какъ нѣсколькими словами онъ могъ бы установить порядокъ. Мы часто говорили объ этомъ съ императоромъ, но это служитъ лишь къ тому, чтобы доказать мнѣ его ложную

манеру смотрѣть на вещи». По мнѣнію Елизаветы, Александра Θеодоровна казалась «лучше одна, безъ мужа и если бы она вступила въ другую семью, то была бы иною; но, попавъ старымъ ребенкомъ (19 лѣтъ) въ кругъ, гдѣ нашла своего мужа, фальшиваго, надменнаго и низкаго, который ее вышколилъ въ томъ же смыслѣ, свекровь (не говоря уже объ остальныхъ), которая была его первой служанкой, императора, не взявшаго, какой ему надлежало, тонъ, не удивительно, что молодая особа, невоспитанная, усвоила ихъ тонъ и манеры».

Константинъ Павловичъ настолько недружелюбно относился къ Елизаветѣ, что она съ каждымъ годомъ все болѣе этимъ возмущалась. «Когда я его не вижу, писала она матери:—я объ этомъ не думаю; но если онъ здѣсь, я принуждена признать эти недружелюбныя чувства во всемъ, до манеры на меня смотрѣть. Признаюсь, что это падаетъ мнѣ на сердце и я чувствую тогда себя совсѣмъ одинокой, потому что мною всегда жертвуютъ ради семейныхъ соображеній».

Единственную привязанность къ себѣ она встрѣтила въ юной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, выказавшей съ первыхъ шаговъ выдающійся умъ и способности и во всемъ превосходившей своего мужа, самаго скучнаго молодого человѣка, какого Елизавета знала. «Нелюбезный и со всѣми манерами дурновоспитаннаго мальчика, вы понимаете,—писала она матери:—какъ мало привлекателенъ великій князь, ея мужъ, для бѣдной Елены. Въ сущности Михаилъ добръ, я считаю его гораздо лучше Николая по характеру, но дурное воспитаніе, полученное этими князьями, еще добавляется обожаніемъ брата Константина. Это его идеалъ!»

Нотка счастливой для Елизаветы перемѣны въ отношеніяхъ къ ней императора собственно проскальзываетъ въ январѣ 1822 г. Въ перепискѣ съ матерью появляется пробѣлъ на цѣлый мѣсяцъ. «Васъ удивитъ дата моего письма, дорогая и добрая мама,—пишетъ она.—Я сама себя не узнаю; мнѣ кажется, что я путешествую и пріѣхала къ иностранному принцу, какъ я и сказала императору,—съ такимъ изысканнымъ вниманіемъ онъ меня принимаетъ. Мотивъ этого перемѣщенія не иной, какъ выполненіе одного плана, составленнаго нами осенью, когда мы уѣзжали изъ Царскаго Села, съ тѣмъ, что я время отъ времени буду являться къ императору, когда онъ будетъ удаляться туда. Различныя обстоятельства помѣшали мнѣ его выполнить въ послѣдніе два мѣсяца и различныя же обстоятельства заставили меня съ удовольствіемъ принять выполненіе этого плана, независимо отъ того, что императоръ, повидимому, желалъ этого, а мнѣ нѣтъ необходимости говорить вамъ, что я люблю пользоваться всякимъ случаемъ, когда могу быть съ нимъ». Лѣтніе аппартаменты Елизаветы были холодны для этого сезона, а потому императоръ насильно заставилъ ее занять часть его помѣщенія, а главное предоставилъ ей свою спальню, которую чрезвычайно любилъ. На другой день она извѣщала, что пріятно провела день и послѣ обѣда до поздняго вечера каталась съ императоромъ въ саняхъ. По возвращеніи онъ пожелалъ, чтобы она сидѣла у него въ кабинетѣ, пока онъ работаетъ. Настроеніе Елизаветы повеселѣло; она уже заявляетъ, что она не врагъ веселью, хотя предпочитаетъ балу у Николая общество императора. Однако наслаждаться Елизаветѣ пришлось недолго: императоръ снова собрался въ путь. Она написала матери плачевное письмо, гдѣ говоритъ, что, кромѣ горя видѣть императора

отправляющимся на неопредѣленное время и всего, что воображеніе можетъ нарисовать страшнаго и ужаснаго для него внѣ Россіи, независимо отъ этого, она въ горѣ еще потому, что осталась опять одна, совсѣмъ одна въ семьѣ, гдѣ нѣтъ и тѣни расположенія къ ней, гдѣ всего менѣе она его находила по мѣрѣ того, какъ годы и испытанія дѣлали ее менѣе воспріимчивой къ легкомысленнымъ развлеченіямъ, а между тѣмъ «привязанность становилась для ея сердца все болѣе необходимой». «Если бы я могла удалиться отъ двора,—писала она:—было бы иначе. Я могла бы найти пріятное развлеченіе въ другого рода обществѣ, но въ томъ, которое составляетъ дворъ, нѣтъ ничего ни для ума, ни для души, а когда принужденъ вращаться въ этомъ кругу съ горемъ въ сердцѣ, то это нѣчто въ родѣ ада. Если бы я могла удалиться! Никогда еще не тревожило меня это желаніе. Но я не вижу, какъ это сдѣлать!»

«Этотъ дворъ», дворъ императрицы-матери, ее возмущалъ, также какъ и поведеніе Маріи Θеодоровны. «Императрица-мать,—пишетъ Елизавета,—ослабла до такой степени, что молодой дворъ, «ея дѣти», заставляетъ ее дѣлать такія вещи и такъ поступать, что она, нѣтъ и пятнадцати лѣтъ тому назадъ, первая порицала бы себя за это. Ея ежедневное общество напримѣръ, въ Павловскѣ, состоитъ изъ молодыхъ дѣвушекъ и офицериковъ, и это даетъ тонъ, который оскорбляетъ всѣхъ. Это одна изъ тысячи вещей, на которыя приходится смотрѣть, не имѣя возможности ихъ передѣлать. Мы часто объ этомъ сѣтуемъ съ императоромъ». По ея словамъ, «бѣжать» и «спѣшить» вотъ девизъ императорской семьи, «вотъ какъ проходитъ жизнь безполезно для кого бы то ни было, безъ наслажденія для себя». Марія Θеодоровна вообще, согласно письмамъ Елизаветы, сохранила свою любовь къ удовольствіямъ и наслаждалась даваемыми празднествами болѣе, чѣмъ присутствіемъ пріѣзжавшей къ ней дочери Маріи Павловны, скоро забывала постигавшія ее несчастія, какъ смерть дочери и болѣзни сына, увлекаясь веселіемъ, нарядами и празднествами. Вопреки обычаю справлять годовщину смерти великой княгини Александры Павловны, она однажды разрѣшила устроить въ этотъ день завтракъ съ танцами, и по этому поводу Елизавета Алексѣевна, возмущенная нарушеніемъ этикета и религіознаго обычая, пишетъ матери: «Такъ какъ императрица первая одобряетъ забвеніе подобныхъ приличій, то я ей предсказываю, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти въ годовщину будутъ танцовать, если представится случай. Не у меня одной тяжело на сердце за будущее бѣдной Россіи. Императрицу-мать не узнать! Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась легкомысленна и суетна и, какъ молодая женщина, пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ и правами».

Въ октябрѣ 1823 г. Елизавету постигло новое горе: умерла ея любимая старшая сестра Амалія, долго жившая въ Россіи, а въ 1824 г. заболѣлъ Александръ рожистымъ воспаленіемъ ноги. Елизавета, несмотря на свои недуги, навѣщала его, и эта болѣзнь ихъ еще болѣе сблизила. Она дорожила каждымъ ласковымъ словомъ Александра. Когда здоровье императора немного возстановилось и онъ могъ сидѣть въ креслѣ, состоялось вѣнчаніе Михаила Павловича съ принцессой Шарлоттой Вюртембергской. Эта церемонія совершалась въ походной церкви, поставленной въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ сидѣлъ императоръ.

Весну и лѣто императоръ и Елизавета Алексѣевна провели въ Петергофѣ, но послѣ отъѣзда деверей Елизаветѣ очень хотѣлось отправиться куда-нибудь путешествовать; но Александръ, по ея словамъ, не любилъ ни брать ее съ собой, ни отпускать одну. Это вызвало съ ея стороны жалобы: «Всякій можетъ сказать: я отправляюсь туда или туда! Мой конюхъ говоритъ: я отправляюсь купаться въ море; я же не могу этого сказать!» Между тѣмъ здоровье Елизаветы ослабѣвало; она дѣлала усилія, чтобы ѣздить верхомъ, но чувствовала неохоту и рѣшила, что состарилась. Въ концѣ іюня Александръ былъ пораженъ страшнымъ горемъ: умерла его любимая дочь отъ М. А. Нарышкиной, и Елена Павловна, несмотря на свои 17 лѣтъ, сразу догадалась, что этимъ обстоятельствомъ должна воспользоваться Елизавета для своей выгоды. Она первая, ночью, сообщила ей объ этомъ, чтобы императрица выразила ему соболѣзнованіе и еще болѣе закрѣпила расположеніе къ ней. Изъ письма Елизаветы къ матери по поводу поступка Елены Павловны видно, что императоръ бесѣдовалъ съ императрицей объ этой дочери и сообщилъ свою тревогу за благополучный исходъ еще въ началѣ болѣзни. Императоръ самъ написалъ Елизаветѣ о постигшемъ его горѣ. Эта потеря, быть можетъ, послужила еще болѣе для скрѣпленія ихъ узъ.

Въ ноябрѣ 1824 г. Петербургъ постигло небывалое наводненіе, очень встревожившее Елизавету. «Наше поколѣніе ничего не видѣло подобнаго,—писала она матери:—но въ 1777 г. вода поднималась на футъ выше. Всѣ лошади съ экипажами, ожидавшія у дворца, были выпряжены и поставлены въ коридоры, обратившіеся въ конюшни. На другой день вода поднялась, какъ въ 1777 г. На одной фабрикѣ близъ взморья погибло 200 человѣкъ». Вслѣдствіе сильнаго вѣтра во дворцѣ не всѣ печи топились, и Елизавета простудилась. Императоръ окружилъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ и даже своихъ сестеръ не допускалъ ее безпокоить визитами. Хотя у императрицы уменьшился кашель, но она была страшно слаба и обливалась потомъ.

Государь велъ переговоры съ врачами о выборѣ мѣстопребыванія для больной. Сначала хотѣли отправить ее въ Италію, но она и слышать не хотѣла о путешествіи за границу, да къ тому же докторъ Вилье сказалъ ей: «Вы растаете отъ потѣнія, если васъ встрѣтитъ въ Италіи жара». Переговоры не привели къ рѣшительному шагу, и Елизавета осталась на зиму въ Петербургѣ, что еще болѣе подкосило ея здоровье. Въ то время ей было 45 лѣтъ и она сохранила гибкую талью и привлекательность. Наконецъ мѣстопребываніемъ былъ выбранъ Таганрогъ. Александръ былъ въ мрачномъ настроеніи, безпокоясь о здоровьи Елизаветы. Кромѣ того, его взволновалъ доносъ Шервуда о тайныхъ обществахъ. 1-го сентября 1825 г. государь отправился въ Таганрогъ и прибылъ туда 13-го, а государыня, въ сопровожденіи князя Волконскаго, статсъ-секретаря Лонгинова, камеръ-фрейлинъ Валуевой и княжны Волконской и двухъ врачей, отправилась 9-го сентября и ѣхала тише, чтобы не утомляться, поэтому она была тамъ только 23-го. Тамъ Александръ окружалъ ее самою нѣжной заботой. 19-го октября она сообщала матери, что императоръ отправляется въ Крымъ; 8-го ноября она писала, что онъ возвратился оттуда больнымъ, а 19-го ноября: «Нашъ ангелъ на небѣ, а я на землѣ, самая несчастная изъ всѣхъ оплакивающихъ его». Въ письмѣ отъ 2-го декабря она писала: «Я предвидѣла, что изъ его болѣзни сдѣ-

лаютъ исторію, будто онъ не хотѣлъ принимать лекарство, потому что одинъ день, второй по его пріѣздѣ и четвертый, какъ приключилась лихорадка, онъ отказался сейчасъ же принять лекарство, но затѣмъ онъ все принималъ, что хотѣли. Затѣмъ правда, что въ теченіе 24 часовъ онъ упрямо отказывался пустить кровь, но тогда это уже было поздно, и самое упрямство и манера выражаться доказывали, что онъ не совсѣмъ былъ въ памяти. Это было въ ночь съ 14-го на 15-е, а утромъ 15-го онъ согласился. Теперь говорятъ, что онъ не хотѣлъ принимать лекарство и это было причиной его смерти. Надо было ему предложить пустить кровь въ началѣ болѣзни, когда онъ былъ въ полной памяти, тогда бы онъ скорѣе рѣшился». До послѣдней минуты онъ нѣжно держалъ руку Елизаветы на груди, а потомъ отпустилъ ее и скрестилъ свои руки какъ бы для молитвы. Нѣсколько разъ онъ произносилъ: «Не могутъ ли... Надо бы...» и не кончалъ фразы. Наконецъ онъ сказалъ: «Не могутъ ли выслать всѣхъ». Между тѣмъ въ комнатѣ никого не было, кромѣ доктора, находившагося въ углу, гдѣ онъ не могъ его видѣть, и, можетъ быть, лакея. Потомъ прибавилъ по-русски: «Прошу васъ», какъ будто его тревожили, и по-французски: «Я хочу спать».

Первые два дня послѣ смерти государь казался моложе, чѣмъ былъ, и очень красивымъ. Въ первый день у него было такое веселое, довольное и оживленное лицо, будто онъ сейчасъ встанетъ, но затѣмъ послѣдовалъ процессъ разложенія. «Я не должна быть счастлива на этомъ свѣтѣ,—писала Елизавета Алексѣевна матери:—вотъ тайна моей судьбы: я должна страдать». Гробъ оставался открытымъ все время; его закрыли лишь за нѣсколько дней до отправленія въ Петербургъ, но лицо и руки были покрыты. «Я не хотѣла его открыть,—пишетъ Елизавета матери:—мнѣ казалось, что это осквернитъ его память: онъ такъ заботился о своей наружности и ему не понравилось бы, чтобы на него смотрѣли, когда онъ такъ измѣнился». При перевезеніи тѣла въ монастырь гробъ слегка прикрыли крышкой, но тамъ опять открыли: лицо оставалось прикрытымъ.

Августѣйшій авторъ говоритъ: «Неужели найдутся еще любители и защитники легенды превращенія императора Александра I въ сибирскаго старца Θеодора Козьмича по прочтеніи писемъ Елизаветы Алексѣевны, которую не могли не считать сообщницей своего супруга въ дѣлѣ его мнимаго исчезновенія». Одинаково онъ отрицаетъ желаніе Александра отречься отъ престола, приводимое покойнымъ Н. К. Шильдеромъ въ своемъ трудѣ объ Александрѣ I, по выраженію августѣйшаго автора, увлекательномъ разсказѣ, напоминающемъ скорѣе романъ, можетъ быть, весьма поучительный, гдѣ воображеніе писателя подчасъ дополняетъ историческую правду въ желанномъ духѣ».

При жизни императора Елизавета отказалась брать милліонъ дохода, не смотря на настойчивыя просьбы Александра, а довольствовалась 200,000 р., которыя ассигнуются великимъ княгинямъ, ссылаясь на то, что Россія имѣетъ много другихъ расходовъ, и брала на туалетъ 15,000 рублей въ годъ; остальныя же деньги тратила на дѣла благотворительности. Послѣ его смерти она отказалась отъ предложеннаго ей милліона въ годъ, принявъ закономъ установленные 600,000 рублей. Только на этотъ разъ она выставляла другой мотивъ для отказа: «Не буду повторять, что уже сказала въ этомъ письмѣ относительно мотива, заставившаго меня отказаться отъ милліона: это не «униженіе», а скорѣе

«гордость» и было бы болѣе унизительно принять его и допустить, чтобы сказали, что меня осыпаютъ благодѣяніями». Елизаветѣ было тяжело принять эту милость отъ Николая. Еще ранѣе она писала: «Признаюсь, что мнѣ всегда приходится дѣлать усиліе, чтобы называть Николая императоромъ. Я такъ была увѣрена, что столько не проживу, чтобы видѣть его на этомъ мѣстѣ. Но это усиліе я дѣлаю и всегда буду дѣлать».

Дѣлать это усиліе ей долго не пришлось: съ каждымъ днемъ она все болѣе и слабѣла. Въ послѣднемъ письмѣ къ матери уже изъ Харькова, отъ 26 апрѣля 1826 г., она сообщала, что погода отличная, дороги прекрасныя, сезонъ пріятный, все кажется красивымъ, только она страдаетъ и душою и тѣломъ, она чувствуетъ, что есть чѣмъ наслаждаться, но сама наслаждаться не можетъ. Изъ письма Лонгинова видно, что Елизавета едва могла доѣхать до Калуги. Въ Болховѣ, гдѣ они остановились обѣдать, Елизавета, которая давно уже была не въ состояніи ѣсть, такъ какъ каждая ложка супа вызывала у нея жестокій кашель, сильно перемѣнилась. «Тутъ замѣчена была нами ужасная перемѣна,—писалъ Лонгиновъ:—глаза мутные, подъ глазами двѣ жилы надулись толщиной въ палецъ, синія, оттого носъ казался такъ широкъ, что какъ будто не принадлежалъ ея физіономіи; борода отвисла и ротъ былъ раскрытъ; не хотѣлось ей рукой поднять бороду, а потому она старалась плечомъ сіе сдѣлать и долго трудилась, языкъ ея тоже не былъ свободенъ и безъ жалости нельзя было слушать, что она говорила; слухъ ея также ослабѣлъ и она спрашивала два-три раза объ одномъ и томъ же, что было сказано обыкновеннымъ голосомъ, къ которому она привыкла. Въ Бѣлевѣ насилу она взошла по лѣстницѣ, какъ сдѣлалась вся потной. Съѣвъ немного саго, она легла спать, не позволивъ камеръ-юнгферамъ ночевать въ своей комнатѣ, чего и въ обычаѣ не было, но спать не могла и до четырехъ часовъ утра была въ безпокойствѣ, часто звонила и призывала, а въ четыре часа спросила: есть ли близко докторъ, но потомъ сказала, что не нужно. Заглянула къ ней камеръ-юнгфера—спитъ. Вторично вошла—спитъ необычайно тихо. Наконецъ вошла въ третій разъ, а за нею докторъ Рейнгольдъ. Она приблизилась и видитъ: ротъ раскрытъ, бездыханность и смертная блѣдность. Самъ врачъ вошелъ, приблизился и нашелъ ее мертвой, вѣроятно, за полчаса». Можно сказать: уснула вѣчнымъ сномъ 4-го мая половина пятаго часа утра»,—пишетъ Лонгиновъ.

По словамъ августѣйшаго автора, этой умной, образованной, сердечной женщинѣ недоставало равновѣсія ума и сердца, и часто разсудокъ затемнялъ первые сердечные порывы; отсутствіемъ этого равновѣсія можно объяснить загадку недовольства. «Когда временами она желала исправить ошибки разума,—говоритъ онъ:—то запаздывала исполненіемъ намѣченнаго и впадала въ еще большее разочарованіе. Вотъ лейтмотивъ ея земного прозябанія. Поэтому и обликъ императрицы получился такой туманный, несмотря на лучезарные порывы. Но обликъ этотъ служилъ дополненіемъ «сфинкса, не разгаданнаго до гроба», спутницей котораго ей суждено было быть. И когда звѣзда погасла—исчезъ и млечный путь».

В. Т.

Русская историческая библіотека, издаваемая императорскою археографическою комиссіею, т. XXVI. Донскія дѣла. Книга третья. Спб. 1909. Стр. IV+56+1022+83.

Третій томъ «Донскихъ дѣлъ» составляетъ продолженіе изданія переписки по сношеніямъ Московскаго государства съ донскимъ войскомъ, хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этотъ томъ вошли дѣла съ 1646 по 1648 г. Напечатанные документы касаются пріѣздовъ въ Москву и обратныхъ отпусковъ на Донъ казачьихъ атамановъ и есауловъ со станицами казаковъ, дачи имъ жалованья, дѣлъ о наборѣ на Донъ ратныхъ людей и т. п.

Несмотря на свое однообразіе, документы эти даютъ намъ правдивую картину той политики, которой держалось московское правительство по отношенію къ казачеству. Пользуясь услугами казаковъ, какъ передовой своей силы въ борьбѣ съ крымскими татарами, нагайцами и калмыками, Москва, несмотря на свою отдаленность отъ Дона, не переставала слѣдить за жизнью казачества и была освѣдомлена о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ его средѣ. По нѣсколько разъ въ годъ пріѣзжали въ Москву казачьи атаманы за государевымъ жалованьемъ и военными припасами. Въ приказахъ съ нихъ подробно снимались «распросныя рѣчи» о томъ, что дѣлается у нихъ на Дону, объ ихъ походахъ и о «вѣстяхъ», дошедшихъ къ нимъ изъ сосѣднихъ странъ. Этимъ «рѣчамъ» придавалось такое значеніе, что иногда воеводы, чрезъ города которыхъ приходилось проѣзжать казачьимъ станицамъ въ Москву, «донскихъ казаковъ у себя держатъ многое время, а сами, ихъ распрося, пишутъ ихъ рѣчи ко государю, а хотятъ себѣ чести и выслуги чужою службою, а сами собою никакихъ вѣстей провѣдать не умѣютъ и службы своей собою не кажутъ» (стр. 574). Не мало приходилось Москвѣ бороться съ «воровствомъ» казаковъ: они разбойничали и въ предѣлахъ Московскаго государства и внѣ его, дѣлая набѣги на сосѣднія, даже дружественныя намъ страны, особенно Персію. Воронежскій воевода Андрей Бутурлинъ пишетъ: «И тѣ, государь, казаки, по твоему государеву указу, жили на Воронежѣ многоя время, дожидались съ Москвы твоихъ государевыхъ пословъ; а живучи, государь, анѣ на Воронежѣ озарничели, многихъ воронежцовъ побивали и грабливали, и налогу всякую, стоя на дворѣхъ, многимъ людемъ чинили» (стр. 464).

Въ Астрахань къ воеводамъ въ 1647 г. посылается царемъ грамота съ упреками, что они не воспрепятствовали казакамъ грабить Гилянь и Баку; въ грамотѣ указывается, что это можетъ нарушить добрыя отношенія съ шахомъ, «а межъ насъ обѣихъ великихъ государей дружба и любовь и ссылка и никоторой-де недружбы нѣтъ. А по такимъ-де вашимъ нынѣшнимъ дѣламъ межь насъ великихъ государей, всчинаетца ссора» (стр. 570).

Многіе документы III тома «Донскихъ дѣлъ» ясно показываютъ, что колонизація Дона русскими выходцами была не только дѣломъ частной инициативы, но и само московское правительство принимало въ ней дѣятельное участіе. Это видно изъ списковъ вольнымъ людямъ, «прибраннымъ для отсылки на Донъ въ прибавку казачьему войску». Въ нихъ имена переселенцевъ насчиты-

ваются цѣлыми тысячами. Переселенцамъ безъ оружія давалось «по четыре рубли да по самопалу человѣку, а у которыхъ вольныхъ людей самопалы свои есть по пяти рублевъ съ полтиной человѣку» (стр. 616).

Въ приложеніи къ книгѣ напечатаны списки воеводъ по городамъ и личнаго состава приказовъ, упоминаемыхъ въ документахъ, а также указатели личный и географическій. Третій томъ «Донскихъ дѣлъ» былъ приготовленъ къ печати членомъ комиссіи В. Г. Дружининымъ и изданъ подъ его наблюденіемъ.

В. Троцкій.

Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1910 г. С.-Петербургъ. Книжка 1-ая. Цѣна 1 р. 50 к.

Высочайше утвержденное 27 августа 1907 года русское военное историческое общество, удостоенное титула «императорскаго» 20 октября того же года, занимаясь изученіемъ русской военной старины. издаетъ по уставу своему, кромѣ такъ называемыхъ трудовъ своихъ, еще и особый журналъ, выходящій въ неопредѣленные сроки особыми книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. Въ этихъ книжкахъ помѣщаются изслѣдованія, относящіяся къ русской и военно-морской исторіи, и біографіи военныхъ дѣятелей и лицъ, имѣющихъ отношеніе къ военной исторіи; 2) мемуары, записки и мелкіе историческіе документы; 3) описаніе собраній, музеевъ, рѣдкихъ книгъ, а также разборъ вновь вышедшихъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, относящихся къ военной исторіи, и 4) хроника, т. е. разныя извлеченія изъ протоколовъ собраній и журналовъ совѣта, а также изъ періодической печати, касающіяся интересовъ общества, свѣдѣнія о дѣятельности разрядовъ и отдѣловъ общества, свѣдѣнія о членахъ общества, некрологи умершихъ членовъ и т. д.

Соотвѣтственно этимъ главнымъ 4 отдѣламъ журнала и составлена первая книжка, статьи которой, чуждыя исключительно военной спеціальности, читаются очень легко и представляютъ большой интересъ всякому образованному человѣку, и не принадлежащему къ нашей арміи. Для подтвержденія этихъ нашихъ словъ передадимъ въ краткихъ словахъ содержаніе лежащей предъ нами первой книжки. Она начинается очень любопытною статьею С. А. Гулевича—«Участіе императорской фамиліи въ сформированіи государственныхъ ополченій». Въ этой статьѣ авторъ, упомянувъ, что въ Россіи до Петра Великаго армія состояла большею частью изъ ополченій, которыя съ переходомъ арміи въ регулярную обращаются только въ подспорье этой арміи и при томъ въ необходимые моменты,—останавливается на первомъ, въ современномъ значеніи этого слова ополченіи, созванномъ лишь въ царствованіе знаменитой казанской помѣщицы (Екатерины II) въ 1774 г., когда восточный край ея имперіи былъ охваченъ пугачевскимъ мятежомъ. При этомъ авторъ приводитъ очень характерный и любопытный документъ—всеподданнѣйшій адресъ казанскаго дворянства съ которымъ предоставляемъ читателямъ ознакомиться непосредственно самимъ,

онъ слишкомъ дліненъ, чтобы привести его здѣсь. Послѣдующимъ ополченіемъ явилось такъ называемое «земское войско», собранное по мысли императора Александра I въ 1806—7 годахъ, когда мы вели войну съ Наполеономъ, ознаменованную сраженіями при Пултускѣ и Прейсишь Ейлау и закончившуюся Тильзитскимъ миромъ. Это земское войско предполагалось собрать въ числѣ 600.000 человѣкъ слишкомъ, но на дѣлѣ было собрано не болѣе 200 тысячъ, причемъ членами императорской фамиліи была сформирована особая «ополченская часть», получившая по своимъ основателямъ наименованіе «императорскаго батальона милиціи»; онъ былъ составленъ изъ крестьянъ царскихъ вотчинъ. Впечатлѣніе, произведенное участіемъ императорской фамиліи въ образованіи этого ополченія 1806—7 годовъ, было громадно и вызвало обильныя и разнообразныя пожертвованія на ополченіе со стороны всего населенія. Авторъ очень подробно говоритъ объ этомъ ополченіи 1806—7 годовъ, расформированномъ въ началѣ 1808 года, послѣ чего очень скоро—года черезъ четыре—Россія была принуждена выставить новое ополченіе въ знаменитомъ 1812 году. Этому ополченію, отличавшемуся во многихъ сраженіяхъ Отечественной войны, будетъ, безъ сомнѣнія, посвящено дальнѣйшее изложеніе Гулевича, которое ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ слѣдующемъ 2-мъ отдѣлѣ помѣщенъ любопытный дневникъ секундъ-майора Черниговскаго карабинерьнаго полка барона Рейнгольда (Родіона) фонъ-Каульбарса, который былъ родной племянникъ извѣстнаго генерала Карла фонъ Каульбарса, личнаго друга знаменитаго фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, со слезами на глазахъ говорившаго, какъ тяжела была для него утрата этого стараго и вѣрнаго друга 21 декабря 1787 года. Самъ Рейнгольдъ Каульбарсъ находился въ нашей арміи въ 1789 и 1790 годахъ и велъ свой дневникъ, въ которомъ довольно подробно описаны знаменитыя битвы Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ, весьма отчетливо обрисована походная и лагерная жизнь русскихъ войскъ въ эту войну и приведены эпизоды, интересные и для тѣхъ войсковыхъ частей, которыя участвовали въ турецкихъ походахъ 1789—1790 годовъ. Къ сожалѣнію, Р. Каульбарсъ въ своемъ дневникѣ ничего не говоритъ о личностяхъ такихъ дѣятелей, какъ Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, и не вдается въ подробныя описанія того, что имѣло къ нимъ извѣстное отношеніе. Этого рода свѣдѣнія были помѣщены Р. Каульбарсомъ въ позднѣйшемъ его трудѣ «Свѣдѣнія о фамиліи Каульбарсовъ» (Nachrichten über die Familie Kaulbars).

Нельзя не поблагодарить издателя дневника, П. Н. Симанскаго, за то, что онъ помѣстилъ наиболѣе интересныя выдержки изъ этихъ свѣдѣній, относящіяся до Румянцова и Суворова, частью въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ надлежащихъ мѣстахъ, частью въ предисловіи, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о Каульбарсахъ вообще. Кромѣ того, текстъ дневника снабженъ г. Симанскимъ множествомъ любопытныхъ примѣчаній и читается съ большимъ интересомъ.

Въ томъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) небольшое донесеніе Петру I отъ Ѳедора Апраксина о боѣ на рѣкѣ Ижорѣ въ 1708 году причемъ указаны и потери, нами понесенныя въ этомъ бою; 2) а также справка о дѣлѣ при Ялтѣ 19 іюля 1774 года изъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. Въ этомъ дѣлѣ отли-

чились особенно двѣ роты Брянскаго мушкатерскаго полка, павшія смертію храбрыхъ въ неравномъ и кровавомъ рукопашномъ бою съ турками на Ялтинскомъ посту 19 іюля 1774 года. При этомъ также выяснилось, что знаменитый позднѣе М. И. Голенищевъ-Кутузовъ служилъ въ 1774 г. подполковникомъ въ гренадерскомъ батальонѣ Московскаго легіона, который въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года былъ вызванъ по тревогѣ въ деревню Алушта (недалеко отъ Ялты, какъ извѣстно) для противодѣйствія высадившимся туркамъ при деревнѣ Алуштѣ и занявшимъ эту деревню, а также близлежащія: Шумъ и Демерджи. При нашей атакѣ турецкаго укрѣпленія при деревнѣ Шумъ 24 іюля 1774 г. Голенищевъ-Кутузовъ «былъ раненъ пулею навылетъ межъ глазъ».

Выше приведеннаго вполнѣ достаточно для подтвержденія высказаннаго нами, что статьи новаго журнала имѣютъ общій интересъ для всѣхъ и каждаго. Остается добавить еще, что самое изданіе книжекъ, печатаемыхъ въ типографіи А. Суворина, прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ безспорно дешево; цѣна журналу всего по подпискѣ пять рублей въ годъ, цѣна же книжки въ отдѣльной продажѣ всего 1 р. 50 к. Нельзя не пожелать журналу самаго широкаго распространенія. Будетъ болѣе нежели странно, если имъ не обзаведутся всѣ многочисленныя библіотеки нашихъ полковъ и всякаго наименованія другихъ военныхъ отдѣльныхъ частей. **П. Майковъ.**

А. П. Смирновъ. «Жизнь для другихъ. Сборникъ историческихъ и бытовыхъ разсказовъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб. 1910. Стр. 471. Цѣна 1 р. 50 к.

Большое знаніе быта и исторіи сквозитъ во всѣхъ разсказахъ покойнаго автора. Интересъ молодыхъ читателей не ослабѣваетъ до конца разсказа и производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе. Очень живо написаны разсказы «Пугачевецъ» и «Измѣнникъ», характерная быль XVIII столѣтія. Послѣдняя рисуетъ Кавказъ, крѣпость Грозную, эту позабытую въ настоящее время жизнь военныхъ, закинутыхъ далеко отъ родины, окруженныхъ хитрымъ врагомъ Пугачевымъ. «Отецъ Алексѣй», «Старый учитель» и «Настасья Петровна» переносятъ читателя въ современный міръ, въ школьную жизнь, въ жизнь деревни и тоже чрезвычайно интересно написаны, безъ современныхъ кривизнъ. Но главное, что цѣнно въ этой книгѣ, это ярко проведенная черезъ всѣ разсказы мысль, поставленная заголовкомъ изданія—«Жизнь для другихъ», именно, что были люди, для пользы ближнихъ поступавшіе своими собственными интересами, отдавшіе всю свою дѣятельность, чтобы помогать другимъ. Книга снабжена рисунками.

Г. П.

Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ XI. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Ц. 2 р. Спб. 1909.

Главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба въ теченіе непродолжительнаго времени издано одиннадцать томовъ (готовится къ печати томъ XII) документовъ, касающихся подготовки къ Отечественной войнѣ и находящихся въ богатомъ хранилищѣ военно-ученаго архива. Матеріалы эти будутъ имѣть драгоцѣнное значеніе при разработкѣ замѣчательнѣйшаго эпизода Отечественной исторіи, а для облегченія пользованія ими приложены къ изданію два алфавита— именъ и географическій и указатель войсковыхъ частей, военныхъ и административныхъ учрежденій. Нельзя, однако, не пожалѣть, что изданіе этихъ матеріаловъ не было предпринято ранѣе, чтобы заблаговременно облегчить работы по составленію исторіи Отечественной войны къ столѣтнему ея юбилею.

Л. Н.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Составлены подъ редакціей Н. Спасскаго. Вятка. 1910.

Книжка, по обыкновенію, весьма богата содержаніемъ. Кромѣ обычныхъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній, въ ней мы находимъ рядъ историческихъ статей и одну статью этнографическую.

Г. А. Замятинъ далъ весьма обстоятельный «Историческій очеркъ возникновенія въ городѣ Слободскомъ общественнаго Анфилатова банка», плодъ продолжительныхъ изысканій въ архивахъ Слободского, Петербурга и Вологды. Празднующій свой столѣтній юбилей Анфилатовскій банкъ въ городѣ Слободскомъ обычно считается у насъ первымъ городскимъ общественнымъ банкомъ въ Россіи. Г. Замятинъ исправляетъ эту неточность: первый въ Россіи городской общественный банкъ былъ открытъ въ городѣ Вологдѣ въ 1789 году, но уставъ его не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ; уставъ же Анфилатовскаго банка прошелъ всѣ законодательныя инстанціи, и въ этомъ отношеніи банкъ Анфилатова былъ, дѣйствительно, первымъ въ Россіи. Основанный по силѣ высочайшаго указа 29-го октября 1809 года, торжественно открытый 31-го декабря 1810 года, Анфилатовскій банкъ созданъ всецѣло по иниціативѣ и усиліями слободского купца К. А. Анфилатова. Всѣ обстоятельства и перипетіи возникновенія банка, источники его устава, вліянія, подъ которыми находился основатель банка,—все это подробно и обстоятельно выяснено авторомъ по первоисточникамъ.

Въ статьѣ «Вятскій край во время Великой Сѣверной войны» Л. Н. Спасская рисуетъ живую картину печальнаго, даже бѣдственнаго, состоянія Вятской области въ началѣ XVIII вѣка. Замѣчательно, что всѣ первыя десятилѣтія новыхъ столѣтій были для Россіи временемъ тяжелыхъ испытаній. Но если сравнить только что миновавшую нашу разруху съ началомъ XVIII вѣка, то нынѣшнія бѣдствія весьма сильно блѣднѣютъ и стушевываются. Изъ далекой отъ театра военныхъ дѣйствій Вятки ужасное положеніе Россіи въ началѣ

XVIII вѣка виднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Россія напрягала всѣ свои силы въ борьбѣ со шведами. Отъ вятчанъ, обѣднѣвшихъ подъ игомъ цѣлаго ряда неурожаевъ, правительство безъ конца требовало денегъ, различныхъ строительныхъ матеріаловъ натурой, мастеровъ и рабочихъ тысячами. Между тѣмъ мѣстные инородцы подняли мятежъ. Даже плѣнные шведы, которыхъ въ большомъ количествѣ привели въ Вятку, безнаказанно чинили беззащитнымъ вятчанамъ всякія обиды и безчинства.

Тому же автору принадлежитъ капитальный (181 стр.) «Историческій очеркъ вятской маріинской женской гимназіи за 50 лѣтъ ея существованія (1859—1909). Очеркъ составленъ главнымъ образомъ по офиціальнымъ отчетамъ, но оживленъ личными воспоминаніями автора и другихъ лицъ и полонъ хорошо написанныхъ характеристикъ.

Гр. Верещагину принадлежитъ краткій, но интересный этнографическій очеркъ «Знахарство въ Вятской губерніи»; Н. Н. Блинову—замѣтка о недавней «находкѣ могилъ и костей въ городѣ Сарапулѣ». Некрологи Р. Н. Рума и профессора А. В. Попова заканчиваютъ интересный научный отдѣлъ книжки.

Д. Зеленинъ

Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Издается подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи А. С. Синявскаго. Екатеринославъ. 1909. Стр. VI + 166 + 23. Ц. 1 р.

Екатеринославская архивная комиссія просуществовала шесть лѣтъ и за это время успѣла издать пять выпусковъ своей «Лѣтописи», правда, наполненныхъ преимущественно сырымъ матеріаломъ, который, тѣмъ не менѣе, какъ извлеченный по большей части изъ архивовъ, представляетъ много цѣннаго для мѣстной исторіи. Кромѣ того, члены комиссіи немало поработали по изученію и описанію мѣстныхъ архивовъ. Въ третій выпускъ «Лѣтописи» вошла и крупная работа Я. П. Новицкаго—«Исторія города Александровска». Казалось бы, что уже этимъ однимъ четыре главныхъ работника комиссіи— А. С. Синявскій, Я. П. Новицкій, И. Ѳ. Вертоградовъ и В. А. Бѣдновъ—должны были привлечь серьезное вниманіе екатеринославцевъ, возбудить ихъ къ соучастію въ историческихъ работахъ по изученію родного края, но не тутъ-то было: екатеринославцы остались глухи къ ихъ призыву. Не чая, видимо, и въ дальнѣйшемъ болѣе живого участія со стороны мѣстныхъ любителей исторіи, археологіи и этнографіи, товарищъ предсѣдателя А. С. Синявскій почему-то, на нашъ взглядъ, поспѣшилъ изданіемъ въ свѣтъ пятаго выпуска, хотя послѣ изданія четвертаго—довольно содержательнаго (см. нашу рецензію въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1908 г., № 8) не прошло и года. Вмѣсто того, чтобы наполнять жиденькій томикъ (V выпускъ «Лѣтописи») перепечатками изъ другихъ изданій, сравнительно недавнихъ годовъ (напримѣръ, «Автобіографія протоіерея Карпа Павловскаго» изъ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1861 г. и др.), смѣло можно было бы выждать, по крайней мѣрѣ, еще годъ. Просматривая уже одно оглавленіе настоящаго выпуска, убѣждаешься,

что тутъ только и можно остановиться на однихъ «Матеріалахъ для исторіи запорожскихъ казаковъ», заимствованныхъ изъ запорожскаго сѣчевого архива за 1770 и 1771 гг. и переданныхъ г. Новицкому, который ихъ напечаталъ, извѣстнымъ историкомъ Запорожья и Новороссійскаго края А. А. Скальковскимъ въ 1888 году. «Матеріалы» эти содержатъ: 1) жалобы казаковъ на притѣсненія и обиды, 2) переписку по поводу сооруженія въ запорожскихъ вольностяхъ крѣпостей днѣпровской линіи, и 3) переписку, касающуюся внутренняго устройства и порядковъ въ Запорожьѣ. Если назовемъ еще небольшое предисловіе Я. П. Новицкаго, почему-то слишкомъ запоздалое, къ его же интересному сборнику: «Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ», который былъ напечатанъ въ 1908 г. въ IV выпускѣ «Лѣтописи» екатеринославской архивной комиссіи, то, пожалуй, совершенно исчерпаемъ могущее заинтересовать историка и этнографа содержаніе пятаго выпуска «Лѣтописи».

Много и даже непростительно виновато въ малоуспѣшности работъ комиссіи мѣстное интеллигентное общество и въ особенности гг. педагоги многочисленныхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній, но, взявшись за дѣло, надо же и обществу представить что-либо болѣе серьезное и интересное, иначе—одна трата на печать и бумагу и безъ того малыхъ денежныхъ средствъ комиссіи.

В. Рудаковъ.

Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. II. 1910. Цѣна 6 руб.

О первой части капитальнаго труда Ю. Романовскаго и А. фонъ-Шварца «Оборона Портъ-Артура» былъ уже данъ своевременно отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1908 г., ноябрь). Нынѣ вышла вторая часть, заканчивающая собою это капитальное сочиненіе.

Составлена книга съ большимъ знаніемъ дѣла: оба составителя—участники портъ-артурской эпопеи, украшенные георгіевскими крестами; притомъ одинъ изъ нихъ—офицеръ генеральнаго штаба, другой—военный инженеръ, и сочетаніе въ авторахъ ихъ спеціальностей весьма благопріятно отразилось на книгѣ. Собрано въ ней все, что появлялось до сего времени въ печати; нѣкоторые эпизоды освѣщены вновь. Къ несомнѣнному достоинству этого крупнаго сочиненія должно отнести спокойный, уравновѣшенный тонъ, насколько, конечно, его можно соблюсти въ такомъ жгучемъ, еще не зажившемъ вопросѣ, какъ недавняя борьба за Портъ-Артуръ.

Не взирая на военные термины и военные вопросы, сочиненіе гг. Романовскаго и фонъ-Шварца прочтется съ выдающимся интересомъ всякимъ читателемъ-неспеціалистомъ, чему поможетъ увлекательный, литературный языкъ, которымъ написана вся книга. Въ интересахъ истины, которая одна только должна быть цѣлью всякаго изслѣдованія, нужно пожелать, чтобы наше общество, сбитое съ толку лубочными, партійными изданіями, ознакомилось съ борьбою за Портъ-Артуръ посредствомъ разбираемаго труда гг. Романовскаго и фонъ-Шварца.

Внѣшность изданія не заставляетъ желать ничего лучшаго. Составители, видно, обратили на это обстоятельство свое вниманіе.

Къ книгѣ приложенъ перечень книгъ и статей, написанныхъ объ оборонѣ Портъ-Артура на русскомъ языкѣ.

Изящной, украшенной множествомъ рисунковъ и чертежей, книгѣ «Оборона Портъ-Артура» слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія среди читающаго общества. **М. Соколовскій.**

Вл. Семеновъ. Цѣна крови. Спб. 1910 г. Стр. III+221. Ц. 1 р.

Настоящія записки о послѣдней войнѣ г. Вл. Семенова служатъ продолженіемъ ранѣе (въ 1908 г.) напечатанныхъ «Расплаты» и «Боя при Цусимѣ», которыя съ большимъ интересомъ были прочитаны публикой и удостоились перевода на нѣкоторые европейскіе языки.

Въ настоящей книгѣ авторъ живо и правдиво описываетъ конецъ Цусимскаго боя, пересадку вмѣстѣ съ тяжело раненымъ адмираломъ Рожественскимъ на миноносецъ «Бѣдовый» и захватъ его японцами; о пребываніи въ плѣну, объ обратномъ путешествіи въ Россію и о безпорядкахъ, которые бывшимъ плѣннымъ пришлось встрѣтить при соприкосновеніи съ родной жизнью. Заканчиваетъ онъ свое повѣствованіе упрекомъ по адресу тѣхъ, благодаря которымъ нашъ флотъ очутился въ такомъ безпомощномъ состояніи, что побѣда была совершенно невообразима, и которые до сихъ поръ сидятъ у себя «подъ шпицемъ» и плодятъ канцелярщину, отстранивъ отъ дѣла обновленія и воскрешенія флота опытныхъ моряковъ, знающихъ всѣ больныя мѣста нашего флота и вынесшихъ многое изъ цусимскаго пораженія. Оттѣняя необычайно участливое отношеніе врачебнаго японскаго персонала къ плѣннымъ, авторъ живо и увлекательно разсказываетъ о якобы «рыцарскомъ», какъ писалось въ нѣкоторыхъ японофильскихъ газетахъ, отношеніи японцевъ къ военноплѣннымъ, о режимѣ «арестантскаго лазарета», которому подвергались наши плѣнные раненые, о строгой цензурѣ писемъ и газетъ, не только русскихъ, но даже и англійскихъ. Въ японцахъ, по словамъ г. Вл. Семенова, несмотря на сильное вліяніе европейской цивилизаціи, еще очень глубоко сидитъ врожденное убѣжденіе, заставляющее ихъ смотрѣть на своихъ плѣнниковъ, какъ на рабовъ, которымъ они имѣютъ полное право причинить всякій вредъ, до смерти включительно, надъ которыми они съ удовольствіемъ глумятся, потѣшаются ихъ безпомощностью и т. п. И если они не могли дѣлать этого открыто нашимъ плѣнникамъ, какъ противнаго европейской цивилизаціи, которой подражаетъ вся Японія, то они все-таки старались хоть исподтишка какъ-нибудь поглумиться надъ плѣннымъ, особенно если онъ изъ старшихъ, выказать свою силу и власть. Авторъ говоритъ между прочимъ и объ участіи японцевъ въ революціонной пропагандѣ среди нашихъ плѣнныхъ. «Наше правило,—говорили они въ оправданіе:—вреди врагу, чѣмъ можешь». Затѣмъ авторъ разсказываетъ объ обратномъ путешествіи въ Петербургъ черезъ Владивостокъ и Сибирь, которая въ то время была вся охвачена революціоннымъ пламенемъ. Пьяная толпа грабила и разбивала склады и магазины,

во Владивостокѣ желѣзная дорога была въ рукахъ бунтовщиковъ, товарищескіе «комитеты» распоряжались на ней и пропускали только поѣзда съ запасными да съ раненымъ адмираломъ Рожественскимъ, которому народъ и депутаціи отъ рабочихъ устраивали шумныя встрѣчи, справлялись о его здоровьѣ, разспрашивали о Цусимскомъ боѣ. Эти страницы книги написаны г. Семеновымъ чрезвычайно живо и могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для исторіи революціоннаго движенія, какъ оно отразилось на дальневосточной окраинѣ. Вмѣстѣ съ названными выше первыми частями воспоминаній весь трудъ г. Семенова заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ правдивая и умная лѣтопись страданій русскихъ моряковъ во время послѣдней войны. Б. Г.

«Готовься къ войнѣ. Банзай!» Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1909. 381 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ недавно появилась на нѣмецкомъ языкѣ книга, очевидно, написанная американцемъ, хорошо знакомымъ съ народомъ, порядками и нравами заатлантической республики. Въ книгѣ этой, прекрасно переведенной на русскій языкъ, авторъ въ живой и остроумной формѣ описываетъ состоявшееся будто бы два года спустя послѣ русско-японской войны нападеніе японцевъ на западные берега сѣверной Америки, причемъ лозунгомъ желтолицыхъ служитъ теперь «господство на Тихомъ океанѣ» и месть за Канагавскій договоръ 1854 года, когда американскій адмиралъ Перри вынудилъ японцевъ открыть свои порты для американской торговли, и за вмѣшательство Рузвельта въ портсмутскіе переговоры, лишившее Японію столь жадно ожидавшейся ею контрибуціи. Съ необычайною скрытностью, имѣющею девизомъ «никогда не говори, но всегда помни», съ терпѣніемъ и упорствомъ японцы задолго до войны успѣли, по фантазіи автора, сосредоточить въ западныхъ штатахъ Америки, подъ видомъ рабочихъ и мелкихъ торговцевъ, многотысячную армію солдатъ и офицеровъ, имѣвшихъ между собою тайную тѣсную связь, непрерывно контролируемыхъ и ожидавшихъ сигнала къ общему нападенію. Несмотря на состоявшійся законъ объ ограниченіи иммиграціи, на который, будто бы, охотно согласилась Японія, мирное нашествіе желтолицыхъ свободно шло черезъ Мексику и Канаду. Такъ же искусно было доставлено въ разобранномъ видѣ вооруженіе, лафетныя колеса въ видѣ фермерскихъ фургоновъ и самыя орудія въ желѣзныхъ столбахъ, предназначенныхъ для фабричныхъ построекъ; точно также были скуплены и размѣщены по странѣ лошади. Объектомъ нападенія былъ назначенъ С.-Франциско, главный городъ побережья, обладавшій портомъ и береговыми батареями. Авторъ картинно описываетъ, какъ въ назначенный день и часъ, конечно, безъ объявленія войны, закопошился желтолицый кварталъ С.-Франциско и выбросилъ изъ своихъ подземелій цѣлыя полчища «двуногихъ крысъ», одѣтыхъ частью въ японскіе, частью въ скупленные у отставныхъ солдатъ американскіе мундиры. При этомъ ничто не было забыто: всѣ телеграфныя и телефонныя проволоки были перерѣзаны, безпроволочный телеграфъ перехваченъ высокою трубою газового завода, принадлежащаго богатому японцу, всѣ поѣзда, направленные съ востока, были безпрепятственно впускаемы въ С.-Франциско и ни одинъ не былъ выпу-

щепь обратно, что дало возможность сосредоточить во власти японцевъ громадный подвижной составъ, доставленный самими американцами. При такихъ условіяхъ, т. е. при полной неожиданности удара, подобнаго удару грома съ безоблачнаго неба, сопротивленіе было немыслимо и побережье трехъ штатовъ—Вашингтона, Орегона и Калифорніи—оказалось въ рукахъ врага. Точно также предательски и чисто были уничтожены двѣ тихо-океанскія эскадры американскаго флота. Послѣ этого авторъ описываетъ панику, охватившую восточные штаты, взрывъ негодованія, сплотившій разнородные элементы населенія, въ отвѣтъ на унизительныя предложенія мирнаго договора, долгія приготовленія къ войнѣ, горькія неудачи въ началѣ кампаніи и, наконецъ, торжество республиканскихъ войскъ, охваченныхъ дружнымъ чувствомъ патріотизма.

Въ заключеніе замѣтимъ, что если фантазія автора тщательно обработала планъ вторженія японцевъ, то планъ изгнанія ихъ съ американской территоріи едва намѣченъ. Оно и понятно: авторъ выяснилъ полную неготовность американцевъ къ оборонительной войнѣ, совершенное отсутствіе матеріальной части и всевозможныхъ запасовъ, а сформированіе арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ требуетъ не нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ полагаетъ авторъ, а нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ первые годы, пока армія не закалится въ боевомъ опытѣ, должны быть сопряжены съ тяжелыми неудачами. Казалось бы, въ виду такого врага, какъ Японія, американцамъ слѣдовало бы при своихъ громадныхъ финансовыхъ средствахъ создать прежде всего такой флотъ, борьба съ которымъ была бы немыслима со стороны маленькой и сравнительно бѣдной Японіи.

Книжка читается съ интересомъ, переведена моряками-спеціалистами (четырьмя гардемаринами) и издана изящно. Л. Н.

Архивъ Раевскихъ. Томъ II. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1909. Стр. XVI+666.

О первомъ томѣ этого весьма цѣннаго въ общеисторическомъ отношеніи изданія мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1909 годъ, № 5). Въ настоящій второй томъ его вошли письма, по преимуществу, нѣкоторые другіе документы (свыше 620) за 1830—1838 года, т.-е. за періодъ времени отъ смерти Н. Н. Раевскаго старшаго до женитьбы Н. Н. Раевскаго младшаго; главною своею массою они касаются частной жизни и служебной дѣятельности послѣдняго. Въ жизни Н. Н. Раевскаго младшаго эти годы имѣли большое значеніе. По злой волѣ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, онъ въ 1829 году былъ не только отстраненъ отъ командованія Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и лишенъ предназначавшихся ему наградъ, но даже подвергнутъ аресту за якобы «тайныя сношенія съ лезгинцами» (см. объ этомъ подробности въ «Описи письменнымъ дѣламъ», относящимся до устраненія его отъ командованія, стр. 43—74, и въ письмѣ Н. Н. Раевскаго къ А. Х. Бенкендорфу, стр. 90—96). Только черезъ два года удалось ему сдать благополучно свой полкъ и вернуться въ Россію, гдѣ онъ, однако, въ теченіе шести лѣтъ только «числился по службѣ», сначала состоящимъ по кавалеріи, потомъ со-

стоящимъ при начальникѣ 4-й гусарской дивизіи, далѣе при командирѣ второй бригады 2-й конно-егерской дивизіи и, наконецъ, снова состоящимъ по кавалеріи. Къ концу 1837 года Н. Н. Раевскій получилъ назначеніе начальникомъ перваго отдѣленія черноморской прибрежной линіи, гдѣ съ успѣхомъ проявилъ свои недюжинныя воинскія и административныя способности. За этотъ годъ и слѣдующіе его переписка, или, точнѣе, письма къ нему Е. А. Головина, М. П. Лазарева, князя А. С. Меншикова, А. С. Траскина, П. Х. Граббе, М. М. Ольшевскаго, графа М. С. Воронцова, А. И. Казначеева, А. П. Ермолова, Р. И. Дорохова и нѣкоторыхъ другихъ пріобрѣтаютъ значеніе важнѣйшихъ документовъ для исторіи войны съ кавказскими горцами, какъ рисующія театръ военныхъ дѣйствій и взаимныя отношенія военачальниковъ не по официальной ихъ перепискѣ между собою, а по частнымъ письмамъ, въ которыхъ незачѣмъ да и трудно было скрывать свои чувства въ сношеніяхъ съ такимъ живымъ, общительнымъ и прямымъ человѣкомъ, какимъ былъ Н. Н. Раевскій.

Время до 1837 года Н. Н. Раевскій старался заполнить занятіями хозяйствомъ въ родовыхъ помѣстьяхъ и въ своемъ крымскомъ имѣніи Тессели и принялъ живое участіе въ образованіи московскаго общества любителей садоводства. Его переписка по этому поводу съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ботаниковъ того времени—Ѳ. Б. Фишеромъ, написавшимъ ему до 30 писемъ, а также письма къ нему Х. Х. Стевена, Н. А. Гартвиса и др.,—представляютъ несомнѣнный интересъ какъ для исторіи общества, такъ и вообще для исторіи ботаники въ Россіи. Къ этому же періоду жизни Н. Н. Раевскаго относятся небезынтересныя для исторіи русской общественности письма къ нему его сосѣдокъ по крымскому имѣнію—баронессы Ю. Беркгейма (и ея мужа Ф. Х. Беркгейма) и княгини А. С. Голицыной, носительницъ того мистическаго направленія, которое широко распространилось у насъ во вторую половину царствованія императора Александра I. Любопытны ихъ настойчивыя старанія, воспользовавшись временнымъ настроеніемъ Н. Н. Раевскаго, сдѣлать его прозелитомъ своего ученія.

Литературный интересъ придаютъ настоящему тому «Архива Раевскихъ» письма съ упоминаніемъ имени Пушкина (хотя большая часть ихъ уже обнародована ранѣе въ разныхъ изданіяхъ, о чемъ всюду имѣются указанія въ примѣчаніяхъ редактора), проектъ письма (январь 1832 года) Н. Н. Раевскаго къ графу А. И. Чернышеву съ редакціонными поправками А. С. Пушкина; письма В. А. Жуковскаго (апрѣль 1838 года), письмо Л. В. Дубельта (1834 г.) съ отзывомъ о Н. А. Полевомъ, котораго авторъ письма называетъ «безбожникомъ», и письмо поэта П. А. Гвоздева (1838 годъ).

Что касается собственно семейной переписки Н. Н. Раевскаго съ матерью и сестрами, то она и въ настоящемъ томѣ занимаетъ весьма незначительное мѣсто и остается только пожалѣть, что ея не сохранилось.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на обиліе, и мѣстами довольно подробныхъ, примѣчаній редактора, обращавшагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ архивнымъ источникамъ. Примѣчанія эти главнымъ образомъ біографическаго характера, сообщающія наиболѣе подробныя свѣдѣнія о М. Вл. Юзефовичѣ, С. Г. Чиляевѣ, декабристѣ Н. Н. Семи-

чевѣ, Н. Вс. Всеволожскомъ, А. М. Безобразовѣ, В. Арк. Башмаковой (внучкѣ знаменитаго генералиссимуса князя А. В. Суворова), Н. Ив. Кривцовѣ, А. И. Казначеевѣ, Д. Е. Башмаковѣ, Р. И. Дороховѣ, Л. А. Нарышкинѣ, Т. Б. Потемкиной, А. Ф. Спада, А. С. Траскинѣ, Е. А. Головинѣ, Л. С. Пушкинѣ, Л. Як. Люльє, Н. А. Гвоздевѣ, Н. Х. Граббе, графѣ Г. А. Ржевусскомъ и др.

Въ видѣ «дополненій» къ настоящему тому Б. Л. Модзалевскій помѣстилъ: купчую А. Н. Шемякина на земли, проданныя ему княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ (1783 годъ); довѣренность А. Н. Шемякина—Н. Т. Шемякину (1787 годъ); нѣсколько писемъ, дополненія и поправки къ первому тому и указатель, а въ видѣ «приложеній»—портретъ Н. Н. Раевскаго младшаго, видъ на Аю-Дагъ изъ Карасана въ 1835 году, портретъ А. М. Раевской (рожденной Бороздиной), десантъ генералъ-майора Н. Н. Раевскаго въ Туапсе 12-го мая на Аю-Дагъ изъ Карасана въ«1835 гоуу, портретъ А М. Раевской (рожденной Бороздиной), десантъ генералъ-майора Н. Н. Раевскаго въ Туапсе 12-го мая 1838 года (съ картины Айвазовскаго), русское укрѣпленіе у рѣки Туапсе, копію съ старинной акварели—«Храбрѣйшій оборонитель Смоленска, герой боя Бородинскова и высотъ Монматрскихъ генералъ Николай Раевской»,—и родословную таблицу рода Раевскихъ. **В. Рудаковъ.**

Сочиненія, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Изданіе харьковскаго университета. Харьковъ. 1910. Стр. XIX+926. Ц. 4 руб.

Василій Назаровичъ Каразинъ (1773—1842), положившій основаніе императорскому харьковскому университету, является крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ первой половины XIX вѣка: вся его жизнь, полная энергіи, была посвящена на служеніе русскому просвѣщенію и распространенію среди общества необходимыхъ и полезныхъ для него научныхъ знаній. Кромѣ того, Каразинъ находился въ перепискѣ съ императорами: Павломъ I, Александромъ I и Николаемъ I и государственными людьми своего времени: графомъ Сперанскимъ, графомъ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, графомъ Аракчеевымъ, шефомъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфомъ, графомъ Киселевымъ и многими другими.

Харьковскій университетъ, въ виду исполнившагося столѣтія своего существованія, почтилъ память Каразина не только постановкой ему памятника, но и изданіемъ собранія его сочиненій и писемъ. Иниціаторъ и редакторъ этого изданія профессоръ Багалѣй собралъ разнообразныя сочиненія Каразина, отчасти уже напечатанныя въ повременныхъ историческихъ изданіяхъ, отчасти находившіяся до сихъ поръ неизвѣстными въ русскихъ библіотекахъ и архивахъ. Всѣ статьи распредѣлены редакторомъ на пять отдѣловъ.

Самымъ важнымъ изъ нихъ является первый, къ которому отнесены статьи политическаго и статистико-экономическаго характера, какъ, напримѣръ, извѣстное письмо Каразина къ императору Александру I, въ коемъ В. Н. предлагаетъ государю проводить въ жизнь либеральную программу управленія, затѣмъ «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», «Польскій вопросъ въ

1839 году» и мн. др. Всѣ статьи этого отдѣла уже появлялись въ печати; въ настоящемъ изданіи возстановлены нѣкоторые пропуски, дѣлавшіеся ранѣе по цензурнымъ условіямъ.

Второй отдѣлъ занимаютъ отчеты, рѣчи и статьи Каразина, относящіеся къ дѣятельности созданнаго имъ филотехническаго общества, которое, по мысли В. Н., должно было «распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краю Россійской имперіи».

Въ отдѣлѣ третьемъ помѣщены статьи Каразина по технической химіи, географіи, метеорологіи и сельскому хозяйству.

Въ четвертый отдѣлъ г. Багалѣемъ внесены статьи по исторіи, исторіи литературы и просвѣщенія. Большая часть документовъ этого отдѣла напечатана по рукописямъ, находящимся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; изъ нихъ «Историческая записка о приношеніи слободскихъ дворянъ на университетъ» печатается впервые. Записка обрисовываетъ дѣятельность Каразина по открытію въ Харьковѣ университета и даетъ картину той борьбы съ провинціальными интригами и мелкими самолюбіями, которую пришлось переживать В. Н., чтобы провести въ жизнь свою идею.

Пятый отдѣлъ книги занятъ бумагами и письмами Каразина къ разнымъ лицамъ. Редакторъ изданія для этого отдѣла списалъ въ публичной библіотекѣ цѣлую серію неизвѣстныхъ донынѣ писемъ Каразина къ Василію Григорьевичу Анастасевичу. Анастасевичъ работалъ вмѣстѣ съ Каразинымъ при открытіи министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году, а затѣмъ состоялъ при попечителѣ виленскаго учебнаго округа князѣ А. А. Чарторыйскомъ и былъ извѣстенъ, какъ выдающійся лингвистъ и безкорыстный дѣятель на пользу просвѣщенія, ученыхъ и литераторовъ.

Многія письма по ходатайству харьковскаго университета были извлечены редакторомъ изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и департамента полиціи. Письма Каразина касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, какъ его личной, такъ и общественной жизни. Выраженія ихъ оригинальны, многія изъ нихъ блещутъ мѣткостью сравненій, юморомъ и силою чувства. Для характеристики приведемъ, напримѣръ, письмо къ князю Салтыкову отъ мая 1815 г. (стр. 719): «Адресъ-календарь, едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, наполняетъ теперь 700 слишкомъ, безъ включенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ, безполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рыщущіе по бульварамъ, но дѣти, учащіяся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы».

Или вотъ въ какихъ выраженіяхъ проситъ Каразинъ императора Николая I разобраться въ столкновеніи его съ всемогущимъ шефомъ жандармовъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ (стр. 778): «у насъ дворянъ въ передней иногда обиженный, умышленно подниметъ шумъ, чтобы господинъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина: что и со мной случилось. Но умнѣй господинъ, въ слѣдъ за симъ начинаетъ уже допросъ. И ваше императорское величество, конечно, также поступите».

При письмахъ, къ сожалѣнію, не сдѣланы редакторомъ указанія, въ какомъ именно изъ хранилищъ находится то или другое письмо; такія примѣчанія могли бы очень пригодиться лицамъ, которымъ придется работать по вопросамъ, касающимся дѣятельности Каразина. Нѣтъ также и оглавленія писемъ, что затрудняетъ пользованіе ими.

Къ изданію приложены снимки съ портретовъ В. Н. Каразина и его жены и виды помятниковъ—надмогильнаго въ г. Николаевѣ и поставленнаго нынѣ въ саду харьковскаго университета. **В. Троцкій.**

Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Т. I. Стр. 406. Цѣна 1 р. 50 коп. Т. II. Стр. 367. Ц. 1 руб. 50 к. Спб. 1909.

Читая книги г. Пресса, съ каждой прочитанной страницей все больше и больше поражаешься широтой интересовъ автора, разнообразіемъ тѣхъ объектовъ, которые останавливаютъ на себѣ его вниманіе. О чемъ только не пишетъ г. Прессъ: читаешь о Гаршинѣ и черезъ нѣсколько страницъ объ Абдурахманѣ, эмирѣ Афганистана, статья о Короленкѣ и сейчасъ же о Палестинѣ, китайскіе романы; далѣе парижская коммуна 1871 года и сейчась же античная поэзія, Джонъ Локкъ, а рядомъ редакторъ «Нивы» В. Свѣтловъ. Вотъ ужъ дѣйствительно «какая смѣсь одеждъ и лицъ»! Прямо ошеломляетъ это разнообразіе интересовъ, эта пестрота объектовъ наблюденія и вниманія. Есть, конечно, люди съ поразительными энциклопедическими знаніями и знаніями, при томъ солидными, и если бы г. Прессъ принадлежалъ къ этой категоріи людей, то, разумѣется, ничего сказать въ упрекъ его книгамъ было бы нельзя, но авторъ не принадлежитъ къ этой категоріи, его очерки не обнаруживаютъ серьезнаго знанія предмета, они—поверхностныя замѣтки человѣка, хотя и впечатлительнаго, умнаго, но человѣка, вниманіе котораго останавливается на томъ или другомъ предметѣ лишь нѣсколько минутъ, чтобы сейчасъ же перейти на другой, мысль котораго скользитъ по поверхности, не углубляясь. Разнообразіе темъ сообщаетъ статьямъ поверхностность, не даетъ автору возможности углубиться въ каждую и дальше элементарныхъ мыслей, избитыхъ приговоровъ онъ не идетъ, за нѣкоторыми исключеніями. Мысли автора въ своемъ большинствѣ—святыя истины, но истины, давно сдѣлавшіяся архаизмами, напримѣръ, разсужденіе его о возмутительности, съ точки зрѣнія нравственныхъ законовъ, войны (статья о Гаршинѣ), о разводѣ (въ статьѣ о братьяхъ Мергеритахъ).

Есть въ книгахъ мѣста, которыя свидѣтельствуютъ, что во многое авторъ не способенъ вдуматься, и въ то же время поражаютъ диктаторскимъ тономъ. Въ этомъ отношеніи особенно печальное впечатлѣніе производитъ высокопарная тирада о новѣйшей русской литературѣ и современныхъ писателяхъ, поражающая легкостью, съ которою судитъ о нихъ авторъ, диктаторскимъ тономъ, совершенной немотивированностью приговора (статья о В. Свѣтловѣ). Огульное, безъ доказательствъ обвиненіе производитъ самое невыгодное для г. Пресса впечатлѣніе. Читая этотъ обвинительный актъ, можно подумать, что это обличеніе какого-нибудь почаевскаго Иліодора, а не умнаго, интеллигентнаго, не лишеннаго художественнаго чутья человѣка, какимъ обнаруживаетъ себя авторъ въ

другихъ мѣстахъ книги. Есть, правда, темныя пятна въ нашей новѣйшей литературѣ, но говорить о ней, какъ о цѣломъ, что «она выступаетъ противъ общечеловѣческой нравственности, противъ права всякой семейной и общественной добродѣтели, она идеализируетъ пьянство, проституцію, дикость, невѣжество и жестокость»—это значитъ ровно ничего и не понимать въ новѣйшей русской литературѣ, дѣлать непростительную логическую ошибку—возводитъ частное въ общее.

Жаль, что г. Прессъ не сосредоточивается на чемъ-либо одномъ, разнообразіе объектовъ несетъ за собою поверхностность, элементарность, жаль потому, что нѣкоторыя мѣста книгъ показываютъ, что авторъ способенъ на большее, чѣмъ поверхностные очерки, обнаруживаетъ наличность вдумчивости, иногда художественнаго чутья. Къ тому же нельзя отрицать у г. Пресса чисто литературный талантъ: онъ пишетъ живо, литературно.

Написанныя живо, литературно, затрагивая живыя темы, не утомляя вниманія читателя, не утруждая работу его мысли, статьи г. Пресса съ интересомъ прочтутся такъ называемымъ «среднимъ» читателемъ, который не любитъ задумываться, сосредоточиваться, напрягать свою мысль, но серьезнаго читателя, читателя, ищущаго не занимательности, а мысли, не удовлетворятъ книги г. Пресса.

А. Фоминъ.

Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909. Стр. 2 нен. + 88. Ц. 50 коп.

Архимедъ говорилъ, что если бы ему дали точку опоры внѣ земли, то онъ могъ бы повернуть землю. Г. Мережковскій возьмется повернуть и перевернуть любой предметъ, опираясь на него же самого. Онъ способенъ поставить вверхъ ногами Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевскаго при помощи самихъ же Гоголя, Пушкина, Достоевскаго и Толстого. Наконецъ объектомъ его критическихъ экспериментовъ сталъ Лермонтовъ. Г. Мережковскому захотѣлось доказать, что Лермонтовъ былъ единственнымъ дѣйственнымъ, борющимся, бунтующимъ духомъ въ русской литературѣ, которая всегда только смирялась и смиряла. «Тишь да гладь—въ созерцательномъ аскетизмѣ Гоголя, въ созерцательномъ эстетизмѣ Тургенева, въ православной реакціи Достоевскаго, въ буддійскомъ недѣланьѣ Л. Толстого; лермонтовская дѣйственность вѣчно борется съ пушкинской созерцательностью, вѣчно ею побѣждается и сейчасъ побѣждена, какъ будто окончательно раздавлена... Вотъ и смирились. Во внѣшней политикѣ—до Цусимы, а во внутренней—до того, о чемъ и говорить непристойно,—до Ната Пинкертона... Созерцаніе безъ дѣйствія, молитва безъ подвига, великая литература безъ великой исторіи—это никакому народу не прощается, не простилось и намъ. На этой-то страшной мертвой точкѣ, на которой мы сейчасъ находимся, не пора ли вспомнить, что въ русской литературѣ, русской дѣйствительности, кромѣ услышаннаго призыва: смирись, гордый человѣкъ,—есть и другой, неуслышанный: возстань, униженный человѣкъ,—кромѣ послѣдняго служенія, есть и послѣдній бунтъ,—кромѣ Пушкина,

есть и Лермонтовъ... Скрытой борьбою съ Лермонтовымъ была донынѣ вся русская литература,—не предстоитъ ли намъ борьба съ Пушкинымъ? Съ вѣчною истиной бороться нельзя. Пушкинъ—такая же вѣчная истина, какъ Лермонтовъ, или, вѣрнѣе, одна изъ двухъ половинъ этой истины. Нельзя бороться съ Пушкинымъ какъ съ однимъ изъ двухъ, но можно какъ съ единственнымъ. Вопросъ, отъ котораго зависитъ наше спасеніе или погибель: какъ соединить себя съ народомъ, наше созерцаніе съ нашимъ дѣйствіемъ, Пушкина съ Лермонтовымъ?..» Для построенія этой соблазнительной и, правду сказать, эффектной схемы «самодержецъ цитатъ», какъ назвалъ кто-то вѣрно и остроумно г. Мережковскаго, призвалъ свою вѣрную армію. Цитаты съ одной стороны, съ другой—смѣлая шумиха красивыхъ фразъ, въ которыхъ выдается за непреложную истину то, что не только сомнительно, но просто едва ли и можетъ быть доказано. Таковы ничѣмъ не мотивированныя утвержденія, что «о Пушкинѣ говорили много и кое-что сказали, а о Лермонтовѣ говорили мало и ничего не сказали» (вспоминается нашъ величайшій критикъ, Бѣлинскій, который не только «кое-что сказалъ» о Лермонтовѣ, но и понялъ его и лучше, и глубже, чѣмъ Пушкина); что Лермонтовъ теперь «приблизился къ намъ», и «вдругъ захотѣлось о немъ говорить», хотя интересъ къ нему въ наши дни, замѣтно, не ниже и не выше прежняго; что русская литература баюкаетъ сонъ русскаго народа колыбельной пѣсенкой бездѣйственнаго эстетизма, тогда какъ именно пѣсенъ бездѣйственныхъ созерцателей, Тютчевыхъ и Фетовъ, у насъ никто не хотѣлъ слушать, и они посейчасъ остаются поэтами «для немногихъ» и т. п. За «доказательствами» у г. Мережковскаго дѣло не стоитъ. Такъ, Пушкинъ «смирился», потому что заключилъ компромиссъ съ правительствомъ и на свой вопросъ: «жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?» «удовольствовался (?) плоскими стишками митрополита Филарета»; другихъ доводовъ г. Мережковскій не приводитъ, и весь океанъ пушкинской мысли и поэзіи остается въ этомъ отношеніи неизслѣдованнымъ. Лермонтовъ же «не смирился», и это доказывается его стихами: «устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ недолго я еще благодарилъ» и проч., хотя—цитировать такъ ужъ цитировать—г. Мережковскій забываетъ про признаніе Лермонтова: «тогда смиряется души моей тревога... и въ небесахъ я вижу Бога...» Впрочемъ, самъ же критикъ признаетъ, что желаніе демона «съ небомъ примириться»—«признаніе самого Лермонтова, первый намекъ на богосыновство въ богоборчествѣ». Въ основѣ же своей это противоположеніе Пушкина Лермонтову, это желаніе окрасить одного въ одинъ сплошной цвѣтъ, а другого—въ другой—жертва, ненужная и безплодная жертва, которую умный критикъ принесъ на алтарь своей выдумки, чтобы во что бы то ни стало поставить на своемъ. Нѣтъ, и въ Пушкинѣ, и въ Лермонтовѣ сказалась одна и та же душа, одного народа, одной литературы, душа не только національная, но и общечеловѣческая, въ которой много сложности и загадочности, и которую никогда не приведешь къ одному знаменателю. И бороться съ Пушкинымъ намъ нечего, потому что онъ, со всей русской литературой купно, не отрицаетъ дѣйственности для пустого «созерцанія», и если служитъ духу «смиренія», то не тупого, рабскаго послушанія, а смиренія передъ истиной, того духовнаго мира, ради котораго иногда поднимается вовсе

не духовный мечъ. Самая смерть Пушкина, который не былъ способенъ ужиться съ Бенкендорфами, какъ уживались же другіе, и такъ же, какъ Лермонтовъ, не опочилъ на лонѣ примиренія, а погибъ въ открытомъ, самомъ эмпирическомъ бунтѣ противъ дѣйствительности, роднитъ обоихъ поэтовъ, не говоря уже объ общности ихъ поэзіи въ единой метафизической сущности, отрицающей зло, бунтующей противъ зла,—иначе она не была бы въ концѣ концовъ поэзіей. И такъ же г. Мережковскій роднится въ этомъ отрицаніи пушкинской дѣйственности съ Писаревымъ.

Но попутно г. Мережковскій сказалъ много умнаго о Лермонтовѣ и тонко анализировалъ, внѣ принятой тенденціи, нѣкоторые элементы его поэзіи. За эти частности ему простится «первородный» грѣхъ его книжки.

М. Б.

В. Розановъ. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909. Стр. 316. Ц. 1 р. 50 к.

Да, именно впечатлѣнія, впечатлѣнія непосредственной прекрасной русской натуры отъ соприкосновенія съ страною классическихъ чудесъ, какою по всей справедливости считается Италія. В. В. Розановъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ современныхъ русскихъ писателей, съ оригинальнымъ самобытнымъ умомъ, съ обширной и разнообразной эрудиціей, съ затѣйливымъ полетомъ мысли въ высь и ширь, въ первый разъ очутился за рубежомъ своей родины и повѣдалъ читателямъ о видѣнномъ и слышанномъ тамъ въ небольшой книжкѣ, которая стоитъ многихъ философскихъ трактатовъ, описаній путешествій, сплошь и рядомъ представляющихъ собою недобросовѣстныя выписки изъ разныхъ путеводителей, разбавленныхъ цвѣтами празднаго краснорѣчія. Конечно, путешествовать по слѣдамъ г. Розанова съ его книжкой въ рукахъ невозможно: для этого нужно быть самимъ г. Розановымъ, этимъ чудакомъ и талантливымъ русскимъ оригиналомъ, который часто проходитъ мимо главнаго, что составляетъ центръ данной мѣстности, безъ всякаго вниманія и равнодушно и останавливается вдругъ на подробностяхъ, на второстепенномъ и по поводу послѣдняго роняетъ такую мѣткость мысли, которая врядъ ли доставалась въ удѣлъ многимъ русскимъ туристамъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ, иногда на одной страницѣ, онъ окунаетъ читателя въ древній міръ давно отжившей жизни, выкалываетъ оттуда двѣ-три черты, освѣщаетъ ихъ по-своему, сближаетъ съ современностью или противопоставляетъ ей и создаетъ цѣлое оригинальное міросозерцаніе, гдѣ жизнь языческая и христіанская переплетаются между собою родственными духовными нитями, цементируются идейнымъ единствомъ и являютъ удивленному читателю такія страницы человѣческаго бытія, которыя дотолѣ оставались ему невѣдомыми или ускользали отъ его пониманія. Какая-нибудь одна древне-римская или греческая колонна, половая плита запущеннаго языческаго храма, вывѣтрившаяся отъ времени статуя, моментъ католическаго богослуженія или страничка быстро несущейся повседневной жизни даютъ ему поводъ и основаніе для характернаго сужденія, оригинально брошенной мысли, кото-

рыя, въ чужой аргументаціи и обработкѣ, могли бы лечь въ основаніе цѣлыхъ трактатовъ, сухихъ, вялыхъ, не убѣдительныхъ, но quasi очень умныхъ, которыя никого не убѣждаютъ, а лишь отталкиваютъ отъ истины. Но у нашего философа-оригинала брошенная мысль есть уже дѣло прошедшее, къ которому онъ не возвращается, но которую читателю полезно имѣть въ виду при чтеніи дальнѣйшихъ повѣствованій автора и для уразумѣнія міросозерцанія автора и его общей философской точки зрѣнія. Немного «язычникъ» по складу своего ума и глубоко-русскій человѣкъ по составу своего сердца г. Розановъ идетъ мимо чудесъ Западной Европы, по ея живописнымъ мѣстоположеніямъ, гдѣ сама природа въ согласіи съ трудами рукъ человѣческихъ сдѣлала все для свѣтлаго житья, онъ шествуетъ здѣсь порою съ устремленнымъ куда-то вдаль восторженнымъ взоромъ, порою съ поникшею грустно головою и вдругъ останавливается,— что-то защемило въ его сердцѣ, защемило сладко и больно: онъ вспомнилъ свою родину, простую великорусскую кудрявую березку, и точно вся стоящая передъ нимъ живая и мертвая панорама исчезла куда-то за предѣлы его мысленнаго взора. Да, родина съ ея пахучими зелеными березками, со всѣми ея патріархальными нелѣпостями и несуразностями, со всѣмъ ея отсталымъ жизненнымъ обиходомъ,—вотъ тотъ центръ, куда сходятся помыслы и ощущенія г. Розанова, когда онъ бродитъ по улицамъ Рима, Неаполя, Мюнхена, заходитъ на богослуженія въ католическіе храмы, заглядываетъ въ былыя римскія ристалища или картинныя галереи или поднимается по отвердѣвшему пеплу огнедышащихъ горъ. Россія, русское—вотъ что онъ несетъ бережно, какъ святыню, въ своемъ сердцѣ и куда онъ постоянно возвращается памятью и помыслами. Милый костромичъ! Какъ онъ умилительно хорошъ, когда вдругъ, среди своихъ философскихъ разсужденій, вспоминаетъ дорогую родину и, не стѣсняясь величіемъ Западной Европы, античной и настоящей, трогательно простираетъ вдаль къ сѣверу свою благословляющую руку и съ любовью шепчетъ: родина, Россія...

Часто читаешь и слышишь по адресу г. Розанова многіе укоры за его отношеніе къ православію и россійской церковности. На него падаютъ негодующіе перуны нашихъ церковныхъ дѣятелей чуть ли не съ амвоновъ храмовъ, и какъ жалки становятся всѣ эти схоластическія причитанія передъ тою массою любви именно къ православной Россіи, которая такъ обильно сочится черезъ настоящую книгу г. Розанова. Она—лучшій отвѣтъ на всѣ обращенные къ нему укоры, лучшее его оправданіе. Его «Итальянскія впечатлѣнія», написанныя въ легкой формѣ, удивительно умное, душевное, серьезное произведеніе и обширное по своему идейному содержанію. Эту книгу нельзя прочесть одинъ разъ, ее надо перечитать и вновь перечитать: въ ней такая масса духовнаго матеріала, освѣжающаго, бодрящаго, что она въ нашъ достаточно безталанный вѣкъ является какъ бы лучомъ свѣта, согрѣвающимъ и оживляющимъ изсохшее чувство читателя. Ей—почетное мѣсто и въ нашихъ классныхъ библіотекахъ, и въ ученическихъ курсахъ преподаванія, и въ библіотекахъ ученыхъ, и въ свѣтскихъ гостиныхъ скучающихъ обывателей. Она всякому читателю на пользу, поученіе и удовольствіе. Б. Г.

А. Е. Кауфманъ. Коронованный узникъ. Изъ тайнъ Ильдизъ-Кіоска. Спб. 1910. Стр. 135. Цѣна 75 к.

Послѣ преобразованія Турецкой имперіи въ конституціонное государство г. Кауфманъ находился въ гор. Константинополѣ, гдѣ и былъ очевидцемъ необычайнаго подъема и энтузіазма, охватившаго почти все населеніе турецкой столицы по случаю переворота. Онъ проникъ и въ столь недоступный прежде Ильдизъ-Кіоскъ, откуда исходили всѣ распоряженія о звѣрскихъ расправахъ надъ подданными Абдулъ-Гамида. Послѣдній былъ убѣжденнымъ представителемъ ученія, по которому государство приравнивалось къ человѣческому организму, гдѣ разсуждаетъ одна голова, а прочіе органы повинуются разуму. По этой аналогіи, Абдулъ-Гамидъ считалъ исключительно самого себя источникомъ законодательной, судебной и исполнительной власти, не отвѣтствуя передъ народомъ за свою дѣятельность и считая себя непогрѣшимымъ.

Эту самовластность Абдулъ-Гамида раздѣляла и его бюрократія, всегда заодно съ нимъ возстававшая противъ всякихъ гарантій основныхъ правъ гражданъ (свободы совѣсти, слова, вѣроисповѣданія, неприкосновенности личности и т. д.), противъ участія избранныхъ представителей народа въ отправленіи государственной власти и установленія строгой отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ обязательнымъ для всѣхъ закономъ.

Абдулъ-Гамидъ крайне ярко за послѣднее время олицетворялъ въ своемъ лицѣ режимъ абсолютизма. Существуетъ множество изслѣдованій политическаго гнета, связаннаго въ Турціи съ именемъ Абдулъ-Гамида, но книга г. Кауфмана наиболѣе подробно посвящена личной жизни послѣдняго тирана въ Турціи. Эта жизнь столько же тѣсно связана съ гаремомъ, сколько и съ политикой. Главный охранитель гарема, евнухъ, пользовался при Абдулъ-Гамидѣ огромнымъ вліяніемъ. Это была страшная сила. Отъ него и секретаря исходили всѣ распоряженія о расправахъ надъ обыкновенными смертными и даже министрами, почему-либо не угодившими имъ. Они свергали министровъ, какъ пѣшекъ. Оба считались шефами главнаго штаба арміи шпіоновъ. Во главѣ шпіонажа стояли одалиски, которыхъ халифъ навязывалъ своимъ сановникамъ въ жены и которыя были обязаны доносить обо всемъ, происходящемъ у ихъ новыхъ властелиновъ. Подозрительность Абдулъ-Гамида доходила до того, что министры и паши не имѣли права въ собственномъ домѣ вести бесѣду за закрытыми дверями. Случалось, что иностранецъ-гость, полагая, что дверь оставлена открытой по разсѣянности, закрывалъ ее, но ужасъ на лицѣ хозяина показывалъ ему, что закрытіе двери можетъ навлечь большую опасность: дежурившіе въ передней шпіоны не замедлили бы донести султану о подозрительной бесѣдѣ за закрытыми дверьми.

«Черный кабинетъ» и цензура тяготѣли надъ частной перепиской и литературой. Доходило до того, что въ субботнемъ номерѣ газеты не могли сообщать о непогодѣ въ пятницу, ибо въ этотъ день султанъ отправлялся въ мечеть и, стало быть, яркое солнце должно было освѣщать его путь. Объ урожаѣ и состояніи промышленности и торговли разрѣшалось давать только благопріятныя свѣдѣнія. Изъ одного учебника по химіи была вычеркнута формула H_2O, такъ

какъ высокообразованный цензоръ заподозрилъ, что составитель учебника намекаетъ, что Hamid II—нуль. Нечего и говорить, что не разрѣшалось упоминать о республикѣ, конституціи, свободѣ, равенствѣ.

Когда былъ убитъ Карно, то онъ былъ произведенъ во французскіе короли, затѣмъ сообщалось, что онъ умеръ внезапно отъ удара. Императрица австрійская умерла-де отъ грудной жабы, а португальскій король и его наслѣдникъ также умерли естественною смертью. Сербскій король Александръ и королева, если судить по старымъ турецкимъ газетамъ, продолжали здравствовать еще года два по ихъ кончинѣ, а затѣмъ скончались отъ удара молніи.

Изувѣрства совершались не только надъ печатью, но Абдулъ-Гамидъ самолично составилъ планъ истребленія всего мужского населенія Арменіи. Погромщиковъ вооружали съ головы до ногъ, а у армянъ отобрали даже кухонные ножи и топоры, чтобы лишить ихъ возможности защищаться.

Вмѣстѣ съ звѣрствами во внутренней политикѣ Абдулъ-Гамида господствовали поголовное взяточничество и хищенія чиновниковъ. Пищевые продукты, огромныя партіи аммуниціи и обозы по нѣскольку разъ продавались и покупались, оставаясь нетронутыми въ складахъ. Интендантскіе склады постоянно горѣли. По инвентарю добычей пламени становилось отсутствовавшее, но оплаченное казною солдатское довольствіе. Панама доходила до того, что залежи ископаемыхъ богатствъ, уголь, свинецъ, марганецъ—все это было превращено продажнымъ министромъ земледѣлія въ источники доходовъ для иностранныхъ предпринимателей, Абдулъ-Гамида и его клевретовъ. Одновременно съ этимъ государственныя земли стали переходить въ личную собственность двора султана. Когда у султана не хватало денегъ на содержаніе двора, онъ выжималъ ихъ насильно у своихъ подданныхъ и у турецкихъ, армянскихъ и греческихъ банкировъ. Съ банкирами обыкновенно не церемонились. Болѣе назойливыхъ сажали въ тюрьму, а имущество ихъ конфисковывалось. Иныхъ прямо отправляли на тотъ свѣтъ.

«Теперь,—говоритъ г. Кауфманъ:—когда пали ильдизскія твердыни, мы получили возможность провѣдать здѣсь «тайны двора» бывшаго обывателя Ильдизъ-Кіоска, нынѣшняго «аллатинскаго узника»...

А. М. Нечаева.

Ф. Ліонъ. Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Долинскаго. Спб. 1910. Стр. 204. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящая небольшая книжка является попыткою освѣтить дворцовыя событія изъ несчастнаго царствованія сербскаго короля Александра и участія въ этихъ событіяхъ королевы Драги, которая именно и названа «прекрасною грѣшницею». Частью матеріалъ этой придворной хроники-романа почерпнутъ изъ «достовѣрныхъ документовъ», въ свое время опубликованныхъ въ сербскихъ офиціальныхъ изданіяхъ, частью онъ долженъ быть отнесенъ на счетъ вымысла автора, основаннаго на мѣстныхъ слухахъ, пріукрашенныхъ фан-

тазіей писавшаго настоящую хронику, съ колоритомъ на манеръ писанія французскихъ бульварныхъ романистовъ. Трагическая судьба сербской царственной четы даетъ, несомнѣнно, богатую пищу беллетристамъ именно для романовъ кровавой категоріи, къ числу которыхъ относится и произведеніе Ф. Ліонъ. Вымыселъ здѣсь переплетается съ дѣйствительностью частью въ цѣляхъ заинтересовать читателей, частью въ цѣляхъ реабилитаціи Милана и нѣкотораго оправданія его несчастнаго сына, бывшаго, по описанію автора, когда-то нѣжнымъ и любящимъ сыномъ, одареннымъ отъ природы даже хорошими задатками, но подъ вліяніемъ злого генія, Драги Машиной, обратившагося въ мелодраматическаго героя во вкусѣ романовъ Евгенія Сю и Понсонъ-дю-Терайля. Сладострастный, безхарактерный и недалекій, онъ исключительно руководится въ своихъ поступкахъ велѣніями супруги, которая искусно и руководитъ всѣми нитями заговоровъ, какъ въ предѣлахъ Сербіи, такъ и за границею ея, честолюбивыхъ и злодѣйскихъ заговоровъ, обезпечивающихъ ей путь къ престолу и животную похоть юнаго сербскаго короля. Въ этихъ видахъ Драга пользуется всяческими средствами устраненія опасныхъ ей конкуренто къ и противниковъ ея дерзкихъ замысловъ и низменныхъ желаній. Она идетъ по пути, усѣянному трупами, и въ изображеніи автора является какимъ-то дѣйствительно злымъ духомъ, дышащимъ наружною, необычною красотою съ черною, однако, душою самой послѣдней преступницы. Она заражаетъ все кругомъ началомъ преступности и тѣмъ самымъ пріуготовляетъ то послѣднее и главное преступленіе, жертвою котораго 12 іюня 1900 г. падаетъ сама и ея несчастный слабохарактерный мужъ. Возясь непрестанно съ разными любовными интригами, авторъ самому ходу заговора и развязкѣ его отвелъ очень мало мѣста, какъ вообще мало отвелъ мѣста и всему тому историческому фону, на которомъ именно разыгралась кровавая драма 12 іюня. Въ наличности повѣствованія имѣются только добрые или добродушные люди и одна злодѣйка, которая и руководитъ всѣми ихъ дѣйствіями и приводитъ все окружающее въ желанное ей движеніе. Эта старинная манера писанія, при слабомъ литературномъ дарованіи автора, не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія на читателей, ослабляетъ драматизмъ главнаго заключительнаго событія и отводитъ всей книжкѣ значеніе спекулятивнаго изданія, разсчитаннаго на низкій уровень запросовъ читателей, интересующихся, однако, историческимъ чтеніемъ. Переводъ сдѣланъ неудовлетворительно. Г.

«Чары Египта въ его памятникахъ». Роберта Хиченса. Переводъ съ англійскаго кн. А. Оболенской. Спб. 1910 г.

Очерки Хиченса появились въ прошломъ году отдѣльными выпусками въ американскомъ журналѣ «The Century», а затѣмъ изданы въ видѣ изящнаго тома съ иллюстраціями. Въ русскомъ переводѣ книга появилась, къ сожалѣнію, безъ иллюстрацій, а лишь съ заставками, имѣющими отношеніе къ Египту. Не найдетъ также читатель въ книгѣ обстоятельнаго описанія Египта и его памятниковъ и достопримѣчательностей. Хиченсъ даетъ намъ рядъ яркихъ художе-

ственныхъ «эскизовъ» и поэтическихъ изображеній очаровавшихъ его египетскихъ видовъ. Чувствуется при чтеніи книги, что авторъ знаетъ и безгранично любитъ Египетъ, но старый Египетъ съ его пирамидами, сфинксами и храмами. Онъ съ негодованіемъ говоритъ, что современные ревнители прогресса усердно портятъ Египетъ клубами дыма изъ фабричныхъ трубъ и желѣзными дорогами и грязнятъ дивный Нилъ, по которому въ древнѣйшее время ѣздили учиться уму-разуму у египтянъ, а теперь возятъ уголь... На ряду съ описаніями Евг. Маркова, Мордовцева, Андреевскаго, Скальковскаго и др., книга Хиченса не является особенно цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу... А. К.

«Какъ я нажилъ свыше 500.000.000 долларовъ». Мемуары американскаго милліардера Дж. Д. Рокфеллера. Съ иллюстраціями, портретомъ и автографами. Спб. 1909. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

Наши отечественные богачи и крезы не грѣшатъ писательствомъ. Ихъ имена почти никогда не появляются на обложкахъ книгъ. Этого нельзя сказать объ американскихъ милліонерахъ и милліардерахъ. Иные изъ нихъ стяжали себѣ право на безсмертіе не только своими огромными состояніями и колоссальными пожертвованіями на общеполезныя дѣла, но и писательскими трудами.

Мемуары американскаго милліардера Джона Рокфеллера должны были бы сдѣлаться настольною книгою для каждаго русскаго промышленника и купца. Въ нихъ они найдутъ для себя много поучительнаго и назидательнаго. Рокфеллеръ обстоятельно знакомитъ съ искусствомъ брать и искусствомъ давать, т. е. благотворить. Книга его и состоитъ изъ двухъ частей, въ которыхъ преподаны оба эти искусства.

Мемуары американскаго милліардера, появившіеся недавно на англійскомъ языкѣ, были тотчасъ переведены на другіе языки и, между прочимъ, и на русскій. Автобіографія Рокфеллера полна, дѣйствительно, интереса. Изъ нея мы узнаемъ, какъ юноша, долго и тщетно обивавшій пороги лавокъ и конторъ, ища мѣста по окончаніи имъ торговой школы, сдѣлался впослѣдствіи основателемъ всемірно извѣстной фирмы «Standard Oil Company» и «королемъ керосинопромышленниковъ». Своею карьерой Рокфеллеръ обязанъ своему трудолюбію, добросовѣстному отношенію къ дѣлу, своей настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли и коммерческому генію.

Если керосиновыя лампы горятъ въ хижинахъ маориса въ горахъ Новой Зеландіи и китолововъ Гренландіи, освѣщаютъ жилища китайцевъ, каффровъ, индѣйцевъ и другихъ обитателей далекой Африки и Азіи, то это благодаря Рокфеллеру. Вмѣстѣ со свѣтомъ керосиновой лампы проникли въ отдаленныя и заброшенныя страны и лучи культуры.

Освѣтительныя и просвѣтительныя заслуги Рокфеллера вознаграждались, разумѣется, съ большой лихвой. По самому скромному расчету, биржевая стоимость громаднаго состоянія его составляетъ не менѣе 2.000.000,000 долларовъ или свыше 4 милліардовъ. Доля участія Рокфеллера въ «Standard Oil Company», при основномъ капиталѣ въ 100.000,000 долларовъ, составляетъ 50%. Доходы компаніи превышаютъ въ среднемъ 80.000,000 долларовъ въ годъ. Около

нея кормится цѣлая армія служащихъ въ 75,000 человѣкъ, не считая рабочихъ и мелкихъ служащихъ. Въ одной Европѣ компанія располагаетъ болѣе чѣмъ 70 громадными гаванями, 4,000 складовъ на сушѣ, 16 заводами, 4,000 вагоновъ-цистернъ, 2,000 фургоновъ-цистеръ, 150 пароходами, изъ коихъ одинъ «Ирокезъ» съ его баржей могутъ въ одинъ грузъ взять не менѣе 7.200,000 пудовъ.

На свою коммерческую дѣятельность авторъ мемуаровъ смотритъ, какъ на нѣкую культурную миссію. Онъ распространялъ просвѣщеніе въ дикихъ странахъ, обогащалъ своихъ многочисленныхъ служащихъ знаніями по этнографіи и языкамъ, создалъ въ Америкѣ много благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, основалъ женскій университетъ въ Чикаго, субсидируетъ или даже содержитъ три университета на своей родинѣ, основалъ «институтъ Рокфеллера», гдѣ открыто не одно средство для борьбы со злокачественными болѣзнями. Не было ни одного благотворительнаго учрежденія, котораго не субсидировалъ бы щедрый филантропъ.

Джонъ Рокфеллеръ,—какъ мы говорили,—знаетъ хорошо «искусство брать» и «искусство давать». Первое онъ основательно изучилъ въ родительскомъ домѣ. Уже въ раннемъ дѣтствѣ маленькій Джонъ велъ «книгу счетовъ», куда аккуратно заносилъ всѣ приходы и расходы. Семи лѣтъ отъ роду онъ вступилъ на путь коммерціи, сдѣлавъ подъ руководствомъ матери свое «первое дѣло». У него было нѣсколько подаренныхъ ему матерью индюшекъ, выкормкой и продажей которыхъ онъ и занимался. Молодой коммерсантъ прошелъ суровую воспитательную школу и за непохвальныя и некоммерческія операціи получалъ порою изрядное количество «березовыхъ розогъ», котораго онъ не заносилъ въ свою бухгалтерію. Домашнему режиму Рокфеллеръ приписываетъ свои успѣхи на коммерческомъ поприщѣ.

Прослуживъ годъ даромъ въ одной фирмѣ, Рокфеллеръ чрезъ два года уже основываетъ на скромныя средства фирму «Рокфеллеръ и Кларкъ», а тамъ постепенно и исподоволь дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія, покоряя себѣ существующіе рынки и создавая новые.

Былъ ли счастливъ авторъ «Мемуаровъ»?—спросятъ насъ.

«По-моему,—говоритъ онъ,—тотъ ошибается, кто вздумаетъ утверждать, что большое богатство необходимо вызываетъ своимъ послѣдствіемъ или обусловливаетъ счастье его обладателей. Богачи тоже только люди, какъ и другіе, и если богатство способно доставлять имъ чувство удовлетворенія, то этому основаніе находится только въ томъ счастливомъ положеніи, что они способны къ совершенію поступковъ, которые могутъ доставить чувство удовлетворенія и другимъ».

И, какъ мы видѣли, Рокфеллеръ совершалъ немало поступковъ, «которые доставляли чувство удовлетворенія и другимъ». И нашимъ крезамъ слѣдовало бы брать съ него примѣръ, а для этого имъ небезполезно будетъ познакомиться съ рокфеллеровскими мемуарами. Жаль только, что переводъ мѣстами нѣсколько корявый, какъ можно было убѣдиться изъ только что приведенной цитаты и что книгоиздательство «Колумбія» назначило сравнительно высокую цѣну за книгу. Впрочемъ, и то сказать: для настоящихъ и будущихъ милліардеровъ—1 р. 50 к.—цѣна не высокая...

А. Евг.

Садакичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской. Съ 49-ю иллюстраціями. Спб. 1909. Стр. 104. Цѣна 3 руб.

Японское искусство... Каждый разъ при этихъ словахъ въ воображеніи нашемъ встаетъ особый міръ—экзотическій, изящный, загадочный, полный тайны и въ то же время ясности, міръ, управляемый какъ будто какими-то особыми законами, съ начала до конца очаровательный, спокойный и замкнувшійся, прекрасный и непостижимый, а главное—міръ, постигшій то, къ чему только недавно стало подходить современное намъ европейское искусство. И невольно припоминаются красивыя слова Р. Мутера, которыми онъ начинаетъ главу, предшествующую послѣднему отдѣлу его книги—«Да будетъ свѣтъ!» «Въ томъ же году, когда на выставкѣ Салона появился «Вѣяльщикъ» Милле, а Курбе писалъ своихъ «Каменотесовъ», далеко на Востокѣ умеръ человѣкъ по имени Гокусаи—послѣдній великій представитель тысячелѣтней живописи, которая не имѣла своихъ Рафаэлей, Корреджіо или Тиціановъ и все же была искусствомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова». Вотъ ключъ къ пониманію всего великаго японскаго искусства, и приведенныя слова нѣмецкаго историка искусства могли бы служить великолѣпнымъ эпиграфомъ къ книгѣ Гартмана.

Авторъ называетъ свою книгу первой попыткой популярнаго изложенія исторіи японскаго искусства. Это—вѣрно. Спеціальныхъ изслѣдованій и изданій отдѣльныхъ произведеній, попавшихъ въ музеи Европы и частныхъ коллекціонеровъ, изслѣдованій и изданій, предназначенныхъ для «экспертовъ и знатоковъ»,—немало въ западной литературѣ по искусству. Кое-что найдется и на русскомъ языкѣ. Но сжатаго общаго обзора, написаннаго притомъ доступно, красиво и живо, какъ книга С. Гартмана, у насъ пока не имѣлось. «Я старался,—говоритъ авторъ,—искренне и внимательно воспроизвести главныя фазы и отличительныя черты, показать постепенный ростъ съ древнѣйшаго періода до нашего времени этого искусства, имѣющаго въ своемъ развитіи такое поразительное сходство съ искусствомъ Европы. Въ послѣднемъ, какъ и въ первомъ, примитивное искусство было религіознымъ, и въ обоихъ—средневѣковый періодъ смѣнился эпохой возрожденія. Въ XVII столѣтіи блестящая эпоха правленія Токугава соотвѣтствуетъ эпохѣ Людовика XV, въ томъ же столѣтіи классическіе идеалы смѣнились реалистическими тенденціями какъ въ Японіи, такъ и въ Европѣ». Конечно, въ этихъ аналогіяхъ нѣтъ ничего новаго, такъ какъ только близорукій не можетъ не замѣтить послѣдовательной и неумолимой смѣны направленій въ любой области, въ томъ числѣ въ «застывшихъ», или «неподвижныхъ», культурахъ всего Востока, начиная хотя бы съ Китая и кончая Византіей. Ничего «застывшаго» или «неподвижнаго» въ мірѣ нѣтъ. Всюду, оказывается, дѣйствуютъ одинаковые эволюціонные законы, и каждое новое наблюденіе только подтверждаетъ старую мысль—объ отсутствіи новаго подъ луной. Но въ данномъ случаѣ аналогіи цѣнны потому, что, во-первыхъ, теченія въ искусствѣ европейскомъ намъ сравнительно хорошо извѣстны, у насъ есть точка отправленія при сравненіи; во-вторыхъ, мы такъ привыкли мыслить опредѣленными образами, нашъ мозгъ такъ устроенъ, что каждое новое свѣдѣніе

мы должны обязательно помѣстить въ извѣстную клѣтку, рядомъ съ извѣстнымъ, уже фиксированнымъ. Вотъ почему подобныя сравненія—новаго съ хорошо извѣстнымъ—являются нелишними.

С. Гартманъ поступаетъ правильно, сообщая мало свѣдѣній біографическаго характера и почти не указывая разныхъ именъ одного и того же мастера (японскіе художники обыкновенно нѣсколько разъ мѣняютъ свои имена), останавливаясь лишь на болѣе яркомъ, выдающемся и прекрасномъ. Изъ всѣхъ восьми отдѣловъ, написанныхъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, интересомъ, знаніемъ дѣла и вполнѣ англійской тщательностью, особенно цѣнны «Ренессансъ. Школа Кано», «Вліяніе японскаго искусства на западную культуру», «Архитектура и скульптура», «Художественная промышленность (Керамика и фарфоръ. Металлы и бронза. Лакированныя издѣлія)» и «Современное японское искусство». Можно пожалѣть развѣ, что послѣдняя глава написана слишкомъ кратко и мѣстами лишь въ общихъ фразахъ: для многихъ она была бы самой интересной.

Хорошій переводъ гармонируетъ съ изящной внѣшностью книги. Рисунки исполнены и подобраны недурно, хотя переводчица извиняется, что для иллюстрацій пришлось довольствоваться главнымъ образомъ тѣми оригиналами, которые нашлись въ Петербургѣ. Для русскаго читателя это обстоятельство можетъ быть учтено, намъ кажется, какъ безусловный плюсъ.

И. Александровъ.

Н. И. Троицкій. Тріединство Божества. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей исторіи искусства. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ 65-ю рисунками. Тула. 1909. 87 стр. Цѣна 1 р.

Въ основу изданнаго труда положенъ докладъ, сдѣланный на XIV-мъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ. Первое изданіе разошлось, потребовалось второе, выпущенное въ 1200 экземплярахъ. Затронувъ вопросъ о тройственности Божества, авторъ доказываетъ, на основаніи данныхъ археологіи и исторіи искусства, что идея св. Троицы—тріединство Божества—свойственна была всѣмъ религіямъ древнихъ народовъ, всѣмъ періодамъ человѣческой культуры и человѣческаго искусства. Археологическіе памятники самыхъ отдаленныхъ временъ ярко отражаютъ идею троичности. Три—было излюбленнымъ числомъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и искусствѣ человѣческихъ обществъ. Древній языческій богъ Триглавъ-Святовидъ, которому поклонялись прибалтійскіе славяне, какъ видно изъ самаго наименованія его, изображался съ тремя головами. Богъ этотъ, по понятіямъ славянъ, господствовалъ надъ всѣмъ міромъ, ему подвластны были три царства: небесное, земное и преисподнее. У русскихъ славянъ въ начальную эпоху жизни Русскаго государства чтились три божества: Богъ неба, Перунъ и Волосъ. На предполагаемой прародинѣ славянъ Прикарпатьѣ, какъ и у прибалтійскихъ славянъ, чтился Триглавъ. Въ XVIII в. въ Сибири остяки приготовляли своихъ идоловъ съ тремя головами. Идея тріединства не чужда и одной изъ древнѣйшихъ въ мірѣ культуръ—китайской.

Священная книга «И», свидѣтельствуя о сотвореніи міра великою вещественною единицею, говоритъ: «она есть три и три суть она». Философы Китая Лаодзы и Конфуцій VII—VI вѣковъ до Р. Х. поддерживаютъ это древнее ученіе. Въ Индіи бога Шиву изображаютъ въ трехъ лицахъ. Японцы, монголы, халдеи, ассирійцы, арабы, финикіяне, египтяне, греки, римляне, кельты, жители Америки— всѣ оставили несомнѣнные признаки троичности ихъ верховныхъ божествъ. У евреевъ существуетъ три имени Бога: Іегова, Елогимъ и Адонаи, которыя замѣняются часто одно другимъ, какъ равное равнымъ. Авторъ приводитъ слѣдующее выраженіе изъ еврейскаго произведенія «Таргумъ»: «пріидите и видите тайну слова (имени Божія) Елогимъ: въ немъ есть три чина и каждый изъ нихъ имѣетъ свое отличіе, но, несмотря на то, они суть едино и во едино соединены, или другъ отъ друга не отдѣлены».

Приводимыя авторомъ данныя изъ исторіи искусства и археологіи, по его мнѣнію, должны положительно служить лучшей защитой истины христіанскаго догмата о Тріединомъ Богѣ, какъ вѣчной истины, бывшей достояніемъ болѣе или менѣе яснаго сознанія всѣхъ народовъ всѣхъ временъ и получившей свое наивысшее выраженіе въ христіанскомъ откровеніи. Богатая захватывающая тема, весьма разработанная и иллюстрированная многочисленными рисунками, несомнѣнно, заинтересуетъ читателя. Памятники прошлаго еще разъ громко свидѣтельствуютъ со страницъ книги Троицкаго: «Новое есть только хорошо забытое старое». А. Мироновъ.

«Русскій Календарь А. С. Суворина на 1910 г.». (39-й годъ изд.). 592 стр. Ц. 1 р. (1 р. 40 к. и 1 р. 60 к. въ переплетѣ). Изд. А. С. Суворина.

Изданный, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, «Русскій Календарь А. С. Суворина на 1910 годъ» представляетъ собою объемистый томъ въ 592 стр. мелкой убористой печати и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ помѣщены: святцы, календари всѣхъ главныхъ исповѣданій населяющихъ Россію народовъ, астрономическія и метеорологическія свѣдѣнія, россійскій императорскій домъ и всѣ прочія императорскія и королевскія династіи. Второй отдѣлъ занимаетъ статистическій ежегодникъ календаря, составленный на основаніи всѣхъ послѣднихъ годовыхъ отчетовъ правительственныхъ учрежденій, изданныхъ къ началу текущаго года. Сюда вошли: территорія и населеніе Россійской имперіи, церковь, финансы, внѣшняя торговля, народная нравственность, сельское хозяйство, заводская и фабричная промышленность и торговля, народное здравіе, средства сообщеній и сношеній, страховое дѣло въ Россіи, народное образованіе, войско и флотъ, кредитъ и акціонерное дѣло. Статистическій ежегодникъ занимаетъ около 200 стр. и иллюстрированъ діаграммами, наглядно изображающими финансово-экономическое положеніе Россіи и расходы Россіи на образованіе. Третій отдѣлъ составляетъ справочная книжка изъ 14 подотдѣловъ, съ обширными необходимыми каждому свѣдѣніями, касающимися ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ обществъ, печати, законовъ, судовъ (съ формами прошеній и образцами дѣловыхъ бумагъ), банковыхъ, торгово-

промышленныхъ и финансовыхъ свѣдѣній, метрологіи, желѣзныхъ дорогъ и пароходствъ, почты, телеграфа и телефона, практическихъ свѣдѣній по медицинѣ, сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и скотолеченія, разныхъ справочныхъ свѣдѣній для жителей столицъ, театровъ и клубовъ и личнаго состава правительственныхъ учрежденій. Въ календарѣ ежегодно помѣщаются русская и общая лѣтописи событій и некрологи, имѣющіе, несомнѣнно, историческій интересъ. Въ приложеніе вошли статьи о нитробациллахъ (новые пути въ сельскомъ хозяйствѣ), обширныя статистическія данныя важнѣйшихъ государствъ, міровая добыча золота и серебра и проч.

Въ медицинскомъ отдѣлѣ календаря на 1910 г. помѣщены обширныя практическія свѣдѣнія по гигіенѣ питанія, водолеченію, сохраненію зрѣнія и подачѣ помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Календарь иллюстрированъ многими рисунками и портретами: Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и многихъ видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и къ нему приложена карта желѣзныхъ дорогъ.

При многочисленности, разнообразіи и трудности полученія многотомныхъ отчетовъ правительственныхъ учрежденій, составленный для «Русскаго Календаря» статистическій ежегодникъ, дающій превосходное пособіе для изученія Россіи, является необходимой настольной книгой, откуда можно почерпнуть массу полезныхъ свѣдѣній, знаніе которыхъ обязательно для каждаго образованнаго человѣка, любящаго свое отечество. Также справочная книжка календаря настолько полно и толково составлена, что читается легко и съ большимъ интересомъ.

N.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Сумасшествіе Филиппа V Испанскаго.—Въ послѣдней книжкѣ «Feuilles d'Histoire» Альберъ Жираръ [1]) передаетъ исторію болѣзни Филиппа V испанскаго, внука Людовика XIV, согласно документамъ, найденнымъ въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Честолюбивые замыслы второй жены Филиппа, Елизаветы Фарнезе, удержать испанскій престолъ въ пользу ея сыновей, волновали Европу, для которой было не безразлично, предстоитъ ли управлять страною вмѣсто Филиппа его женѣ. По этой причинѣ за здоровьемъ Филиппа такъ тщательно слѣдили, что въ канцеляріи французскаго посольства находятся офиціальныя донесенія.

Будучи принцемъ, Филиппъ никогда не отличался блестящими способностями. Апатичнаго характера отъ природы, онъ въ юности провелъ жизнь въ Версалѣ, занимаясь уроками, молитвой и охотой. Обладая необычайнымъ аппетитомъ и чрезмѣрно влюбчивымъ темпераментомъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ уже «тронулся умомъ», слишкомъ злоупотребляя этими единственными его удовольствіями. Его интеллектуальная жизнь заключалась въ узкой набожности. Съ 1702 г. во время итальянскаго похода, разлучившаго его съ женою, онъ началъ ощущать приступы «газовъ», которые впослѣдствіи омрачили его разсудокъ. «Причина зла,—писалъ его наперсникъ Лувилль,—въ цѣломудріи короля. Мало людей, которые въ восемнадцать лѣтъ подвергались бы подобной болѣзни. Однако непріятно, если подобная добродѣтель производитъ столь дурныя послѣдствія». Въ 1718 г. съ нимъ приклю-

---

[1]) La Folie de Philippe V. Par Albert Girard. «Fenilles d'Histoire». Janvier. 1910.

чился новый, еще болѣе серьезный припадокъ. Сенъ-Симонъ, видѣвшій тогда Филиппа, описываетъ его сгорбленнымъ, маленькимъ, съ виду глуповатымъ человѣкомъ, растягивавшимъ слова. Имъ внезапно овладѣвали то страхъ, то припадки бѣшенства. Поэтому никто не удивился, когда въ 1724 г. онъ отрекся отъ престола изъ страха лишиться жизни при встрѣчающихся многочисленныхъ случаяхъ, какіе бываютъ съ королями. «Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ,— говорилъ онъ,—съ моимъ сыномъ, но я спасу свою душу». Съ громадными усиліями удалось королевѣ и маршалу Тессэ заставить Филиппа снова вступить въ управленіе королевствомъ.

Третій припадокъ приключился съ нимъ въ іюнѣ 1727 г., вслѣдствіе дурного пищеваренія. Опять имъ овладѣли страхъ и меланхолія. Королева поспѣшила отдалить отъ него всѣхъ ради своего личнаго вліянія. Единственныя лица, допускавшіяся къ нему, были: его кормилица, инфанты, два духовника, капитанъ тѣлохранителей и слуги. Особенно королева боялась новаго отреченія со стороны Филиппа и поэтому не покидала его ни на шагъ. Она прекратила нѣкоторыя религіозныя службы, чтобы не давать пищи его болѣзненному сомнѣнію. Королю приходилось довольствоваться въ день обѣдней безъ пѣнія, а вечеромъ молитвой по четкамъ, исповѣдью нѣсколько разъ въ недѣлю и причастіемъ разъ въ недѣлю. Королева не безъ основанія слѣдила за нимъ, такъ какъ идея объ отреченіи не покидала его больного мозга.

Въ іюнѣ 1728 г. онъ передалъ президенту Кастильскаго совѣта записку, въ которой давалъ распоряженіе приготовить все для отреченія. Тотъ предупредилъ королеву, и она устроила мужу сцену. Съ этого времени между супругами происходили частыя ссоры, и король подвергся еще болѣе строгому надзору. Въ ту эпоху между Испаніей и Франціей держались мирныя отношенія, и французскій посланникъ былъ тамъ persona grata; поэтому королева довѣряла ему всѣ свои домашнія дѣла. Король, по ея словамъ, часто ее билъ, также какъ исповѣдника, доктора и всѣхъ, кто къ нему приближался. Онъ самъ себѣ кусалъ руки и считалъ себя умершимъ, спрашивая, почему его не хоронятъ; иногда онъ говорилъ, что у него нѣтъ ногъ или рукъ. Онъ всегда очень много ѣлъ, ссылаясь на то, что ему это необходимо для существованія. Королева попробовала прибѣгнуть къ помощи французскаго посланника Бранка, чтобы отговорить короля отъ отреченія, такъ какъ, будто бы, французскій король, его племянникъ, ему это запретилъ. Но мысль объ отреченіи никакъ нельзя было изгнать изъ его мозга.

Видя, что ему мѣшаютъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, онъ убѣжалъ изъ дворца. 20 іюля 1728 г. произошла слѣдующая странная сцена. Въ пять часовъ утра король поднялся и въ рубашкѣ, съ босыми ногами, хотѣлъ выйти изъ дому. Проснувшаяся королева бросилась къ нему и объяснила, въ какомъ смѣшномъ положеніи онъ окажется. Онъ снова легъ въ постель и никогда не хотѣлъ сказать, куда намѣревался уйти. На немъ была длинная рубашка королевы, доходившая ему до пятокъ. Вслѣдствіе маніи, видѣть повсюду отраву, даже посредствомъ бѣлья, онъ носилъ рубашку королевы, и то послѣ того, какъ она уже ее надѣвала. Попытку бѣжать онъ возобновлялъ нѣсколько разъ, и королева заставила его въ іюлѣ мѣсяцѣ поклясться предъ евангеліемъ, что онъ

болѣе не будетъ стремиться къ отреченію; но это не помѣшало ему черезъ нѣсколько дней снова бѣжать изъ дому. Остановленный камеристкой королевы, онъ принялся драться съ Елизаветой, прибѣжавшей на помощь. «Она сказала, докладывалъ посланникъ, что болѣе съ нимъ не будетъ раздѣлять супружескаго ложа. Онъ проплакалъ весь день и отказался работать съ министрами. Королева усилила за нимъ наблюденіе, прибавила въ его комнатѣ караулъ и распорядилась, чтобы тамъ спалъ еще одинъ человѣкъ».

Въ такой постоянной траги-комической обстановкѣ жила королевская чета. Филиппъ отказывался вставать съ постели, не произносилъ ни слова и, когда что-нибудь дѣлали не по его желанію, впадалъ въ ярость. У него являлись странные капризы: то онъ приказывалъ въ мартѣ мѣсяцѣ раскрывать окна, ссылаясь на жару, то въ іюнѣ кутался въ одѣяла и не позволялъ открывать окна. Жара въ его комнатѣ стояла удушливая, еще болѣе невыносимая отъ его крайней неопрятности. Онъ упрямо не давалъ себя брить, стричь себѣ волосы и ногти, изъ опасенія, что усилится его болѣзнь. Его волосы такъ отросли, что вылѣзали изъ-подъ парика, съ которымъ онъ никогда не разставался. Ногти на ногахъ были такіе длинные, что онъ не могъ ходить, и находились въ ужасно неряшливомъ состояніи. Одна нога у него распухла, и онъ всегда держалъ ее на воздухѣ, помахивая ею, и такъ какъ онъ часто раскрывался, то можно было видѣть, что его животъ раздутъ. Въ его мозгу зарождались самыя странныя мысли относительно его бытія; онъ считалъ себя мертвымъ, отравленнымъ, превратившимся въ лягушку и по ночамъ иногда издавалъ ужасные крики. Но когда онъ говорилъ съ посланникомъ о дѣлахъ, то выказывалъ удивительную память и разсуждалъ совершенно здраво.

Никогда еще королю не было такъ худо съ тѣхъ поръ, какъ его разумъ омрачился, и никогда кризисъ не тянулся такъ долго, какъ въ этотъ разъ. Наконецъ съ Рождества 1728 г. ему стало лучше и такъ длилось до 1730 г. Дворъ перебрался въ Севилью въ 1729 г., и тамъ было подписано соглашеніе между Франціей и Испаніей. Такимъ образомъ политическій горизонтъ прояснился и королю сдѣлалось лучше: онъ сталъ подыматься съ постели, ловилъ удочкой рыбу и рисовалъ. Однако королева, все еще опасавшаяся отреченія отъ престола, чтобы лишить Филиппа возможности писать, не давала ему для рисованія ничего, кромѣ катышка бѣлой бумаги, намазанной сажей. Французскій посланникъ Роттенбургъ, замѣнившій Бранка, свидѣтельствовалъ, что въ ту эпоху король выказывалъ ясный умъ въ разговорѣ о дѣлахъ и удивительную память о военныхъ событіяхъ. Вопросъ объ отреченіи былъ забытъ и ничего болѣе не возбуждало между королемъ и королевой споровъ, когда въ 1731 г. появился новый мотивъ для ссоръ.

Филиппъ повелъ своеобразный образъ жизни: днемъ спалъ, а жилъ ночью. Завтракалъ онъ въ 11 часовъ вечера, работалъ съ министрами до 2 часовъ ночи, потомъ ужиналъ и ложился спать въ 6 часовъ утра. Вставъ въ 2 часа, онъ отправлялся къ обѣднѣ. Королева обращала его вниманіе на то, что обѣдня послѣ двѣнадцати часовъ противна каноническимъ правиламъ, но такъ какъ она отправлялась къ обѣднѣ въ 10 часовъ утра, то король нарочно слушалъ службу въ 5 часовъ вечера. Теперь споръ объ отреченіи замѣнился новымъ вопросомъ объ обѣднѣ.

Въ свою очередь, королева отличалась тоже несноснымъ характеромъ. Авторитетъ, который она могла имѣть надъ королемъ, она сама уничтожала своей запальчивостью; при этомъ она употребляла неприличную брань даже съ придворными. Филиппъ сдѣлался подозрителенъ и довѣрялся только своему старому брадобрею—единственному слугѣ, котораго королева не могла подкупить. Иногда теряя терпѣніе, король билъ ее, хотя онъ все-таки любилъ ее по привычкѣ. Въ мартѣ 1731 г. онъ придумалъ ее раздражать слѣдующимъ образомъ: какъ только она заснетъ, онъ открывалъ окна и производилъ невообразимый шумъ, чтобы ее разбудить, такъ что несчастной женщинѣ удавалось спать только три часа въ сутки. Не съ одной королевой онъ устраивалъ такія продѣлки: замѣтивъ, что министръ, являвшійся для подписи бумагъ, расположенъ подложить на видное мѣсто ту бумагу, которую находилъ нужнымъ подписать первой, король бралъ ее и тщательно укладывалъ подъ другія бумаги. Тѣмъ болѣе онъ старался выказывать себя тираномъ, чѣмъ менѣе чувствовалъ себя способнымъ быть самостоятельнымъ.

Такое необычайное существованіе вела королевская семья, запертая въ неопрятной грязной комнатѣ съ нѣсколькими слугами. Свидѣтелемъ подобнаго несчастнаго существованія со времени соглашенія между Франціей и Испаніей, какъ уже говорилось, былъ французскій посланникъ и когда онъ находился у нихъ и королева хотѣла чего-нибудь добиться отъ короля, то прибѣгала къ его помощи, и съ этой цѣлью они пользовались именемъ Франціи. Все это создало между королевой и посланникомъ своего рода узы, и для Франціи было выгодно пользоваться довѣріемъ короля-маніака и «невѣроятной» королевы, такъ какъ странность испанскаго двора состояла въ томъ, что дѣла уборной невозможно было отдѣлить отъ министерскихъ дѣлъ.

Однако посланнику приходилось запасаться большой дозой терпѣнія. Однажды Роттенбургъ пришелъ къ королю и нашелъ его и королеву очень обрадованными извѣстіемъ, полученнымъ отъ вдовствующей королевы Пармы. Все шло весело, какъ вдругъ король приказалъ женѣ прочитать обѣдню. Она принялась искать въ своемъ часословѣ то, что хотѣлъ король, но не могла найти. И вотъ завязался споръ относительно различныхъ молитвъ и вообще относительно римской литургіи. Посланника пригласили быть посредникомъ; тотъ принялся извиняться, ссылаясь на свое незнаніе, и хотѣлъ уйти, но его три раза удерживали и до половины четвертаго ему пришлось выслушивать ихъ споръ.

Король былъ всегда прескверно одѣтъ; по цѣлому году онъ не мѣнялъ одежды, и неудивительно, что она обращалась въ лоскутья, «особенно штаны, распоровшіеся отъ пояса до пятъ». Собственно говоря, они мало ему служили для прикрытія тѣла, и когда онъ сидѣлъ, то видны были обнаженныя икры. Прежде ихъ чинилъ его довѣренный лакей, но это ему надоѣло, и онъ перестал ими заниматься. Тогда король сталъ требовать у камеристки королевы шелку и самъ сталъ ихъ зашивать. Иногда передъ его уходомъ къ обѣднѣ, королева сама пришпиливала лоскутья одежды булавками, и онъ позволялъ ей это дѣлать. При этомъ онъ выказывалъ большое хладнокровіе.

Съ 1731 г. король измѣнилъ свой режимъ: вмѣсто того, чтобы весь день лежать, онъ совсѣмъ отказался ложиться и все время проводилъ за столомъ, оставаясь такъ отъ семи до восьми часовъ, и даже однажды заснулъ и проспалъ пять часовъ. Если же онъ ложился въ постель, то приказывалъ будить себя черезъ четверть часа. Во время такого длительнаго времяпровожденія за столомъ, если онъ не спалъ, то много ѣлъ, особенно говядину, что иногда вызывало у него плохое пищевареніе. Съ 1728 г. состояніе его здоровья сильно измѣнилось, а въ 1731 г. у него на ногахъ появилась опухоль, цвѣтъ лица сдѣлался мертвенно-блѣднымъ, само лицо отекло, такъ же, какъ и руки, что считали признакомъ водянки. Однако онъ не чувствовалъ жажды и пилъ за ѣдой только два кубка, мало вина и много горячей воды. Несмотря на опухоль ногъ, король день и ночь находился на ногахъ. Онъ поочередно безъ всякой причины бывалъ то веселъ, то скученъ и безусловно ничему не оказывалъ предпочтенія. Испанцы считали его заколдованнымъ. О немъ разсказывали анекдоты, которые, по словамъ посланника, противно слушать и еще противнѣе передавать. Слухъ прошелъ объ его отреченіи, и королева сдѣлалась еще осторожнѣе: она стала прятать короля какъ можно лучше и заботилась, чтобы государственныя дѣла шли ровно, безъ толчковъ.

Въ концѣ 1732 г. новый капризъ короля еще болѣе осложнилъ положеніе. Въ августѣ 1732 г. второй сынъ Филиппа V и Маріи-Луизы Савойской, его первой жены, достигъ совершеннолѣтія. Со времени смерти его старшаго брата онъ назывался принцемъ Астурійскимъ. Это обезпечивало престолонаслѣдіе безъ регентства въ случаѣ смерти или отреченія короля. Потому Елизаветѣ приходилось еще болѣе опасаться, что она не будетъ управлять королевствомъ отъ имени пасынка. Совершеннолѣтіе сына погрузило Филиппа въ глубокую меланхолію. Онъ вспомнилъ, что взялъ власть въ руки противъ своего желанья, и теперь, когда его сынъ достигъ совершеннолѣтія, рѣшился уступить ему свое мѣсто. Но прежнія неудачныя попытки отречься отъ престола заставили его придумать геніальный способъ для достиженія намѣченной цѣли: онъ прекратилъ управлять государствомъ,—забастовалъ. Съ этой цѣлью Филиппъ приговорилъ себя къ безмолвію и въ теченіе двухъ недѣль не проронилъ ни одного слова со своими министрами; напротивъ, съ герцогомъ Астурійскимъ былъ очень нѣженъ. Такъ дѣло шло до 1732 г. Несмотря на свое безмолвіе, онъ держалъ себя довольно кротко, но съ конца года отказался видѣть премьера Патино, и посредницей между ними была королева. Кромѣ того, онъ ежедневно измѣнялъ свою подпись и никогда не ставилъ ее на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это заставляло всѣхъ сомнѣваться въ подлинности его подписи, и распространился слухъ, что король болѣе ни во что не вмѣшивается. Его любимый слуга Бріеръ предложилъ ему заниматься съ де-Ла-Пацомъ вмѣсто Патино. «Ла-Пацъ скотина,—отвѣтилъ Филиппъ:—хотя добрякъ; но я велю каждый день приходить ко мнѣ французскому посланнику, человѣку правдивому и неспособному меня обманывать».

Хотя отреченіе короля не было безусловное, тѣмъ не менѣе отъ этого страдали государственныя дѣла и вопросъ о Патино становился острымъ. Онъ служилъ сюжетомъ для безконечныхъ споровъ между королевой и ко-

ролемъ, приходившимъ въ ярость отъ одного имени Патино. Въ концѣ концовъ королева придумала необыкновенный способъ, о которомъ французскій посланникъ докладывалъ своему правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Эта королева, чтобы заставить короля приняться за работу съ Патино, говорятъ, давала королю возбуждающее силы питаніе, способное породить въ немъ желаніе обладать ею. Ея цѣлью было ни на что не соглашаться, пока Патино не начнетъ работать съ королемъ. Но это средство, производившее дѣйствіе четыре года тому назадъ (тогда королю было 46 лѣтъ), теперь не подѣйствовало и составъ ничего не произвелъ въ его организмѣ».

Такимъ образомъ для Филиппа V 1734 г. былъ еще годиной кризиса. Одинъ французъ, по имени Плиссэ, отправившійся въ Испанію для переговоровъ по торговымъ дѣламъ, такъ его рисуетъ: «У него было изсушенное лицо, блѣдно-мертвеннаго цвѣта. Онъ едва могъ надѣть на голову шляпу, и то соединивъ обѣ сильно дрожавшія руки и употребивъ на это много времени. У него не было никакого развлеченія и въ его умѣ была одна мысль, что онъ боленъ, однако онъ не хотѣлъ принимать никакого лекарства. Послѣдней его маніей было нежеланіе пить. Его глаза потухли. У него едва хватало силъ сѣсть въ кресло на колесахъ и ему было безразлично, повезутъ ли его направо, или налѣво. Въ 1736 г. у короля появилась жестокая икота, стоны и крики, похожіе на рыканье. Эта икота обыкновенно появлялась послѣ ужина; она продолжалась съ нѣкоторыми передышками до самой его смерти.

Донесенія посла прекращаются въ августѣ мѣсяцѣ 1738 г. Впрочемъ, по словамъ автора, съ этого времени положеніе короля не имѣетъ важности: третій вѣнскій трактатъ только что былъ подписанъ: оба сына Елизаветы Фарнезе съ этихъ поръ пристроились и честолюбіе ихъ матери было удовлетворено. Филиппъ V пережилъ долго эту дату и умеръ 9 іюня 1746 г. отъ лопнувшей вены въ половинѣ второго дня шестидесяти двухъ лѣтъ.

— Взглядъ Родэна на реализмъ въ искусствѣ.—Въ послѣднемъ нумерѣ «La Revue»[1]) Поль Гзелль передаетъ свою бесѣду со скульпторомъ Родэномъ о реализмѣ въ искусствѣ. Французскій скульпторъ окружаетъ себя многочисленными живыми моделями—мужскими и женскими, которыя цѣлый день находятся въ его мастерской обнаженными. Онъ безпрестанно смотритъ на нихъ и такимъ образомъ изучаетъ мускулы, когда они въ дѣйствіи, такъ какъ, по его мнѣнію, зеркаломъ души является не одно лицо, но каждый мускулъ, каждая часть тѣла выражаютъ душевное состояніе. При этомъ онъ не прибѣгаетъ къ обычнымъ пріемамъ художниковъ ставить модель на пьедесталъ, такъ называемый столъ, и заставлять ее принимать ту или другую позу, выпрямлять или сгибать ей ноги или руки, однимъ словомъ, дѣйствовать какъ съ искусственной моделью. Напротивъ, онъ ждетъ, когда его модель приметъ самостоятельно интересную для него позу, и тогда онъ ловитъ каждое ея движеніе. Поэтому авторъ статьи замѣтилъ ему, что не модели въ его распоряженіи, а онъ самъ въ ихъ распоряженіи, на что Родэнъ отвѣтилъ: «Я не въ ихъ распоряженіи, а въ распоряженіи природы. Мои собратья, безъ со-

---

[1]) «Le Réalisme dans l'art». A. Rodin. «La Revue» 1 Fevrier 1910.

мнѣнія, имѣютъ свои причины работать, какъ вы говорите. Но, приневоливая такъ природу и обращаясь съ человѣческими существами, какъ съ куклами, они рискуютъ воспроизвести искусственныя и мертвыя произведенія. Что до меня, искателя истины и изслѣдователя жизни, я остерегаюсь подражать ихъ примѣру. Я воспроизвожу движенія, подмѣченныя мною, но не я ихъ предписываю».

Иногда Родэнъ дѣлаетъ нѣкоторыя указанія модели, но тщательно избѣгаетъ прикасаться къ ней, чтобы поставить ее въ извѣстную позу, желая изображать лишь то, что дѣйствительность представляетъ его глазу. «Во всемъ я повинуюсь природѣ,—замѣтилъ онъ,—и никогда не имѣю притязанія ей приказывать. Единственное мое честолюбіе—вѣрно служить ей». На лукавое замѣчаніе Гзелля, что природа совсѣмъ не такая, какой она является въ его произведеніяхъ, Родэнъ возразилъ, насупивъ брови: «Нѣтъ, такая».—«Вы принуждены ее измѣнить?»—«Никоимъ образомъ! Я бы проклялъ себя, если бы это сдѣлалъ». Для доказательства справедливости своего мнѣнія Гзелль указалъ на то обстоятельство, что слѣпки не производятъ того же впечатлѣнія, его работа. Подумавъ, Родэнъ отвѣтилъ, что это справедливо, но что слѣпокъ гораздо менѣе вѣренъ, чѣмъ его произведеніе. Причина этому—невозможность все время, пока дѣлается слѣпокъ, чтобы модель сохранила неизмѣнную позу, тогда какъ онъ хранитъ ее въ памяти и все время проситъ модель сообразоваться съ его воспоминаніемъ. «Болѣе того,—сказалъ Родэнъ,—слѣпокъ не производитъ внутренняго содержанія; я же, кромѣ того, воспроизвожу духъ, который, конечно, составляетъ часть природы. Я вижу всю истину, а не только внѣшность».

По его мнѣнію, артистъ видитъ природу не такой, какъ она является простому смертному, потому что вдохновеніе показываетъ ему внутреннюю правду, находящуюся подъ наружной. «Единственный принципъ въ искусствѣ—копировать, что видишь. Нѣтъ рецепта для усиленія красоты природы. Надо только ее видѣть». «Конечно,—говоритъ Родэнъ,—посредственность, копируя, никогда не создастъ образцоваго произведенія; а это потому, что въ дѣйствительности онъ смотритъ «не видя» и съ какими бы малѣйшими подробностями ни отмѣчалъ онъ каждую мелочь—результатъ выйдетъ плоскій и безъ «характера». Но ремесло артиста не для посредственностей: лучшіе совѣты не придадутъ имъ таланта. Напротивъ, артистъ «видитъ», т.-е. его глазъ, привитый къ его сердцу, глубоко читаетъ въ сердцѣ природы. Вотъ почему артисту надо только вѣрить своимъ глазамъ. Въ природѣ все прекрасно для артиста». При этихъ словахъ авторъ вспомнилъ о статуѣ Родэна на поэзію Виллона «Belle Heaulmière», изображавшей обнаженную старуху, бывшую куртизанку, когда-то блестящей красоты, но съ годами сдѣлавшуюся безобразной и бросающую отчаянные взгляды на свое увядшее тѣло. Здѣсь Родэнъ стоитъ не ниже поэта. Напротивъ, въ этомъ произведеніи, возбуждающемъ ужасъ и отвращеніе, выступаетъ грандіозная печаль, безконечная скорбь несчастной веселой души, которая, ощущая молодость и вѣчную красоту, безпомощно присутствуетъ при позорномъ увяданіи своего покрова: это антитеза духовнаго существа, требующаго безконечной радости, и тѣла, умирающаго, разлагающагося и

уничтожающагося. Дѣйствительность угасла и тѣло въ агоніи, но мечта и желаніе—безсмертны. Вотъ мысль Родэна въ этомъ произведеніи, и ни одинъ еще художникъ никогда не воспроизводилъ старость съ такой грубостью и жестокостью. Нѣчто въ родѣ этого есть во Флоренціи: это статуя Донателло, изображающая обнаженную старую женщину, прикрывающую разрушающееся тѣло лишь своими волосами. Это св. Магдалина въ пустынѣ. Только чувства у обоихъ произведеній разныя: Магдалина въ своемъ желаніи отреченія, кажется, тѣмъ болѣе сіяетъ радостью, чѣмъ становится отвратительнѣе; старая же Heaulmière въ ужасѣ видитъ себя похожей на трупъ.

Впечатлѣніе, производимое этой старухой Родэна на публику, не пугаетъ скульптора, и восклицанія: «Фи, какъ это безобразно!» а также женщины, прикрывающія руками свои лица, чтобы не видѣть такого ужаснаго зрѣлища, вызываютъ у Родэна искренній смѣхъ. «Надо думать, что мое произведеніе—краснорѣчиво, если производитъ такое глубокое впечатлѣніе и, безъ сомнѣнія, эти особы боятся такой жестокой философской истины. Мнѣ единственно важно мнѣніе людей со вкусомъ, и я былъ въ восторгѣ собрать ихъ голоса по поводу моей старой Heaulmière; я какъ та римская пѣвица, отвѣтившая на народное гиканье: «Equitibus cano» (Я пою только для знатоковъ). Незнатоки воображаютъ, что кажущееся имъ безобразіе въ природѣ не есть артистическій матеріалъ. Онѣ хотѣли бы нами запретить производить то, что ихъ оскорбляетъ и не нравится имъ въ природѣ. Съ ихъ стороны—это большая ошибка. Что обыкновенно называется «безобразіемъ» въ природѣ, то въ искусствѣ можетъ обратиться въ большую красоту. Безобразнымъ называютъ все, что уродливо, вредно, что внушаетъ идею о болѣзни, слабости и страданіяхъ, что противоположно правильности, признаку и условію здоровья и силъ: горбатый—безобразенъ, кривоногій—безобразенъ, нищета въ лохмотьяхъ—безобразна. Безобразна также душа и поведеніе безнравственнаго человѣка, вредящаго обществу, безобразна душа отцеубійцы, измѣнника и безсовѣстнаго честолюбца. И совершенно законно заклеймить ихъ эпитетомъ «гнусный». Но когда великій писатель или художникъ овладѣетъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ безобразій—тотчасъ же ударомъ магическаго жезла превращаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ красоту: это алхимія, феерія».

По его словамъ, въ искусствѣ единственной красотой служитъ все то, что имѣетъ «характеръ». Характеръ—это высшая истина какого-нибудь естественнаго зрѣлища—прекраснаго или безобразнаго и даже это то, что можно назвать двойной истиной, потому что внутренняя истина выражается внѣшней: это душа, чувство, идея, переданныя чертами лица, дѣйствіями человѣческаго существа, тонами неба и линіями горизонта. Поэтому для крупнаго артиста все въ природѣ представляетъ «характеръ», его наблюденія глубоко проникаютъ въ скрытый смыслъ всѣхъ вещей. То, что разсматривается въ природѣ какъ «безобразіе», часто представляетъ болѣе характера, чѣмъ то, что считается «прекраснымъ». Въ искаженіи болѣзненнаго лица, въ порочной физіономіи, во всѣхъ уродливостяхъ, въ увяданіи—во всемъ этомъ внутренняя истина скорѣе обнаруживается, чѣмъ въ правильныхъ чертахъ. А такъ какъ красоту искусства дѣлаетъ единственно могущество характера, то часто случается, что чѣмъ безобразнѣе

существо въ природѣ, тѣмъ оно прекраснѣе въ искусствѣ. Въ искусствѣ то безобразно, что не имѣетъ характера, т.-е. не представляетъ ни внутренней, ни внѣшней истины. Безобразно въ искусствѣ все фальшивое, искусственное, что старается казаться красивымъ и прекраснымъ, вмѣсто того, чтобы являться выразительнымъ, все, что шаловливо и драгоцѣнно, что улыбается безъ всякаго повода, что изысканно безъ смысла, что преклоняется или важничаетъ безъ причины, все, что безъ души и безъ истины, все, что показной красоты или граціи, все—что лжетъ. Когда артистъ, съ намѣреніемъ прикрасить природу, прибавляетъ зелени къ веснѣ, розоваго цвѣта къ зарѣ, пурпура на юныя губы, онъ создаетъ безобразіе, потому что—онъ лжетъ. Когда онъ сглаживаетъ гримасу горя, слѣды помятаго старостью лица, отвратительность злости, когда онъ отдѣлываетъ природу, когда онъ ее скрашиваетъ, приряживаетъ, сглаживаетъ, чтобы понравиться невѣжественной публикѣ —онъ создаетъ безобразіе, потому что боится правды.

Для артиста, достойнаго этого имени, все прекрасно въ природѣ, потому что его глаза неустрашимо принимаютъ всю внѣшнюю истину, безъ труда въ ней читаютъ, какъ въ открытой книгѣ, всю внутреннюю правду. Ему только стоитъ взглянуть на человѣческое лицо, чтобы распознать душу: ни одна черта его не обманетъ; лицемѣріе для него такъ же прозрачно, какъ искренность, покатость лба, малѣйшее нахмуриваніе бровей, бѣгающій взоръ—все обнаруживаетъ предъ нимъ человѣческое сердце.

Онъ изслѣдуетъ сложный умъ животныхъ, онъ также повѣренный неодушевленной природы: деревья и цвѣты говорятъ съ нимъ какъ съ другомъ. Жизнь для него безконечное наслажденіе, безпрестанное восхищеніе, страстное опьяненіе. Не потому, что ему все кажется хорошимъ, такъ какъ страданіе, которое такъ часто затрагиваетъ любимыя существа и его самого, жестоко изобличило бы этотъ оптимизмъ но для него вс прекрасно потому, что онъ непрестанно шествуетъ при свѣтѣ духовной истины. Да, даже въ страданіяхъ, даже въ смерти любимыхъ существъ, до измѣны друга, великій артистъ, я подразумѣваю подъ этимъ словомъ поэта, какъ и художника и скульптора, находитъ трагическое наслажденіе восторга. Иногда его сердце подвергается пыткѣ, но еще сильнѣе, чѣмъ его горе, онъ испытываетъ рѣзкую радость: понимать и объяснять. Во всемъ, что онъ видитъ, онъ ясно ощущаетъ намѣреніе судьбы. Онъ устремляетъ восторженный взглядъ человѣка, угадавшаго повелѣніе судьбы, на свое собственное томленіе, на свои самыя тяжелыя раны. Обманутый дорогимъ для него существомъ, онъ шатается подъ ударомъ, затѣмъ собирается съ силами, укрѣпляется и разсматриваетъ вѣроломнаго, какъ прекрасный образецъ низости, онъ привѣтствуетъ неблагодарность, какъ опытъ, обогатившій его душу. Его восторгъ иногда страшенъ, но это еще одно счастье, потому что въ этомъ—безпрерывное обожаніе истины. Когда онъ замѣчаетъ существа, уничтожающія одинъ другого, молодость, которая увядаетъ, силу, которая гнется, потухающій геній, когда онъ видитъ лицомъ къ лицу волю, предписывающую всѣ эти темные законы, то болѣе, чѣмъ когда, для него наслажденіе узнать и насытиться истиной,—и онъ страшно счастливъ!

— Современная Японія.—Въ нѣкоторыхъ японскихъ газетахъ и журналахъ находятся статьи, по которымъ можно прослѣдить психологическія черты современныхъ японцевъ. Японцевъ обыкновенно считаютъ очень скрытными и хитрыми, и главнымъ правиломъ ихъ соціальной жизни считается: «скрывай свою мысль». Эта черта признается и самими японцами. По словамъ японскаго автора Ятсу въ журналѣ «Кіо Коронъ», японцы другъ другу не довѣряютъ—по той причинѣ, что каждый японецъ не только старается скрытничать, но у всѣхъ есть склонность казаться лучше, чѣмъ они въ дѣйствительности. Отсюда естественно является необходимость—никогда не довѣрять другимъ, и въ результатѣ рождаются натянутыя отношенія, которыя обыкновенно мѣшаютъ сближенію. Именно эта черта отличаетъ японца отъ европейца.

Но если вообще японецъ хочетъ казаться лучше, чѣмъ есть, то это не значитъ, что онъ такъ порочепъ. Молодежь, напримѣръ, по мнѣнію другого автора Танаки Хоцуни, въ томъ же журналѣ, была лѣтъ тридцать тому назадъ развратнѣе теперешней. Прежде, если у студента не было болѣе ни іены, онъ бѣжалъ закладывать свои вещи и на вырученныя деньги кутилъ, поэтому ростовщики видѣли его чаще, чѣмъ учителя. И мало того: пусть бы онъ веселился, но нѣтъ: онъ предавался разврату. Однако онъ все-таки находилъ время заниматься умственнымъ развитіемъ. Теперь другое дѣло: молодежь одрябла. Не то было въ началѣ эры меиджи. Почти всѣ участвовавшіе въ революціонномъ движеніи были не старше 30 лѣтъ: Ито, Ямагата, Матсуката, Окума—всѣ они вступили въ политическую борьбу въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Теперь же, жалуется авторъ, молодые люди въ двадцать лѣтъ еще дѣти, неспособные ни на какую общественную службу. Очень немного исключеній среди нихъ. Чему приписать такой упадокъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Главнымъ образомъ—безволію». Затѣмъ семья стала не та, что прежде. Дѣти смотрятъ на отцовъ, какъ на стариковъ съ отсталымъ умомъ. Родители болѣе не могутъ ничему учить дѣтей, а соприкосновеніе послѣднихъ съ обществомъ—безплодно: оно больше не развиваетъ и не укрѣпляетъ ихъ характеровъ.

Большимъ вредомъ для соціальнаго воспитанія, согласно другому автору Оцаки Юкіо, служитъ японская пресса, которую слѣдуетъ вполнѣ преобразовать. Большинство японскихъ журналистовъ, по его словамъ, представляетъ сбродъ, который пишетъ, не научившись своему ремеслу. Поэтому печатаются самыя возмутительныя вещи, только развращающія молодежь. Въ прежнія времена самураи составляли общество, въ которомъ не допускались безнравственныя произведенія; теперь другое дѣло: нравы испортились.

То же говоритъ и Куройва въ «Іорузу Шомо», находя, что очень развившееся реалистическое и натуралистическое направленіе въ литературѣ служитъ существенно опасной пропагандой, развращающей нравы. По его мнѣнію, истинное искусство отвергаетъ эту выставку сладострастія, которая имѣетъ притязаніе замѣщать собою прославленіе любви и выраженіе чувствъ и страстей—обычныхъ темъ романа. Послѣдствіемъ такой литературы являются извращенія стремленій юношества. Эту опасность настолько сознаютъ въ Японіи, что даже

былъ поднятъ вопросъ о полицейскихъ мѣрахъ для изъятія изъ обращенія непристойныхъ книгъ.

Хотя въ Японіи, какъ и на Западѣ, есть писатели моралисты, но, по словамъ японца Юджиро въ «Ниппонъ ойоби Ниппонсинъ», никто ихъ не слушаетъ. Политическіе дѣятели и дѣльцы заявляютъ, что философскія размышленія ихъ не касаются; большинство же писателей, особенно романистовъ, усматриваютъ въ нихъ лишь препятствіе къ свободѣ писать, что хочешь. Широкіе круги общества смотрятъ на моралистовъ только какъ на мечтателей. Уже съ давнихъ временъ японцы осмѣивали китайцевъ, когда послѣдніе говорили о Конфуціи. Весь Дальній Востокъ всегда питалъ антипатію къ урокамъ морали, съ которой несовмѣстимо ученіе Бушидо, такъ какъ многіе моралисты проповѣдуютъ то, чего сами на практикѣ не примѣняютъ. Поэтому книги о морали для японцевъ— мертвая буква, и этихъ реформаторовъ японцы всѣ единогласно признаютъ неискренними и не имѣющими серьезнаго воздѣйствія на народныя массы. Самъ авторъ не вполнѣ согласенъ съ этимъ воззрѣніемъ, но требуетъ отъ моралистовъ согласованія слова и дѣла.

Въ то время, какъ консервативные японцы жалуются на испорченность нравовъ, молодежь, въ свою очередь, возмущается строгими мѣрами цензуры, преслѣдующей народившуюся натуралистическую школу. Эта строгость распространяется не только на театральныя сочиненія, но еще болѣе на литературныя. Особенно строго отнеслись цензора къ произведенію Икуты Эйгоро «Большой городъ», изъ-за котораго даже возникъ судебный процессъ. Предъ судомъ адвокаты требовали независимыхъ правъ для литературы, ссылаясь на то, что искусство все облагораживаетъ. Однако министерство народнаго просвѣщенія требовало даже, чтобы чтеніе спорныхъ мѣстъ происходило при закрытыхъ дверяхъ. Въ концѣ концовъ автору вынесли обвинительный приговоръ.

Такъ же сурово японская цензура относится и къ иностраннымъ сочиненіямъ. Переводы произведеній Зола въ Японіи строго запрещены; Мольеръ также напугалъ японцевъ. Когда появилось первое японское изданіе Мольера, то на второмъ же томѣ была пріостановлена его продажа. Ваказиги Сабиро переводилъ Мольера съ англійскаго текста, и потому у французовъ возникаетъ вопросъ: неужели отъ двойного перевода прибавилось столько соли, что японцы даже испугались, или японцы XX вѣка гораздо щепетильнѣе Людовика XIV? Японцы будто бы болѣе всего испугались у Мольера большого количества обманутыхъ мужей и неуважительнаго обращенія сыновей съ отцами. Впрочемъ, запрещеніе наложено лишь на нѣкоторыя пьесы и подробности, тогда какъ «L'amour médecin» давно разыгрываютъ въ театрѣ Менжица. Такимъ образомъ, первымъ иностраннымъ авторомъ въ Японіи является Мольеръ. Его «L'avare», озаглавленный по-японски «Natsukosod», играютъ тамъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Теперь, кромѣ того, на японскихъ сценахъ появились произведенія Ибсена въ переводѣ на японскій языкъ.

Вообще молодое поколѣніе японцевъ многимъ недовольно. Одинъ изъ ихъ представителей Кіяма Кумаджиро рѣзко критикуетъ школьную организацію въ Японіи и находитъ, что она сильно прихрамываетъ. Университеты не испол-

няютъ того, что отъ нихъ въ правѣ ожидать; ихъ программа исключительно академическая и только набиваетъ головы такими знаніями, которыя не приносятъ никакой практической пользы и потому слѣдуетъ ее совершенно преобразовать. Прежде всего онъ находитъ, что профессора слишкомъ стары и придерживаются отжившаго метода; необходимо ихъ замѣстить новыми, которыхъ надо назначать на трехлѣтній и пятилѣтній періодъ съ условіемъ возобновленія его, если они этого заслуживаютъ. Затѣмъ предметы преподаванія должны итти въ ногу съ прогрессомъ: надо основать новыя каѳедры согласно новымъ завоеваніямъ въ области науки. Прежде назначенія профессора должны дать доказательства своихъ способностей или посредствомъ конференціи, или напечатанныхъ трудовъ, или путешествій за границу и т. д.

Въ Японіи очень часты самоубійства, какъ и на Западѣ, и чаще всего поводомъ является несчастная любовь. Эта современная болѣзнь, совсѣмъ незнакомая древнимъ японцамъ, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Мпками Санхи въ своей статьѣ въ «Шигаку Цасши». Прежніе влюбленные рѣдко прибѣгали къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Только при шогунахъ Токугава XVI вѣка и въ началѣ XVII было нѣсколько примѣровъ; напротивъ, теперь самоубійство процвѣтаетъ. Причинъ для такихъ рѣшительныхъ мѣръ—много. Прежде всего—вѣра въ будущую жизнь: любовники несчастны въ этой жизни и рѣшаютъ, что на томъ свѣтѣ ничто ихъ не разлучитъ и для ихъ любви уже болѣе не будетъ препятствій. Затѣмъ Бушидо учитъ ихъ, что смерть вовсе не страданіе, а скорѣе радость, и женщина отъ него узнаетъ, что не слѣдуетъ сближаться съ мужчиной до свадьбы; если же она не можетъ состояться, то японка рѣшаетъ, что смерть уничтожитъ всѣ преграды для любви. Брачный вопросъ волнуетъ японскую молодежь, которая требуетъ въ этой области полнаго преобразованія и отмѣны брака по родительскому повелѣнію. Обычай не допускать общенія между молодежью обоего пола ведетъ къ тому, что будущіе супруги совершенно не знаютъ другъ друга и браки въ большинствѣ случаевъ—несчастны. Наконецъ, большое вліяніе на умы имѣетъ литература, особенно романы. Японскіе романисты описываютъ самоубійства, какъ актъ героизма. Японская любовь такъ же, какъ и европейская, сильнѣе смерти. Вообще японецъ не боится смерти, особенно на полѣ сраженія. Идеалъ японца: «скорѣе умереть красиво, чѣмъ жить позорно, и съ этимъ девизомъ они бросаются на войнѣ впередъ. Презрѣніе къ жизни—характерная черта японцевъ. Смерть—главная тема японской поэзіи. Это не значитъ, что японецъ не любитъ жизнь, но онъ ею не дорожитъ. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что бонзы не пугаютъ ихъ страшнымъ судомъ: японскій «тотъ свѣтъ» совсѣмъ не такъ страшенъ—тамъ всѣ находятъ покой, какъ добрые, такъ и злые.

Очень распространяется въ Японіи одна секта—тенрикіо, относительно недавно появившаяся. Ея основателемъ былъ Накаяма Мики, болѣе извѣстный подъ популярнымъ именемъ Омики Онъ жилъ отъ 1798—1887 г. Его ученіе близко къ ученію Жанъ-Жака Руссо, и мысль его та, что человѣкъ родился добрымъ, но его испортило общество. Сначала душа было совершенствомъ, но подъ вѣковою пылью она потускнѣла, какъ зеркало. Эта пыль разнообразная: она восьми различныхъ родовъ. Авторъ Като подробно ихъ разсматриваетъ

въ своей статьѣ въ «Рикую Цасши». Она можетъ исчезнуть съ помощью божественной милости, которой можно добиться, исполняя свои семейныя обязанности: супружескія, сыновнія и общественныя; особенно же этого можно достичь дѣлами благотворительности, напримѣръ, милостыней. Тенрикіо совѣтуетъ оставлять свои богатства сектѣ, такъ какъ, согласно ея ученію, собственность не индивидуальна, а принадлежитъ общинѣ. Тенрикіо признаетъ коллективизмъ. Теперь въ этой сектѣ имѣется много послѣдователей, потому что она извлекаетъ пользу изъ богословскихъ и философскихъ споровъ между буддистами и христіанами.

Современная Японія, конечно, такъ же прогрессируетъ въ порокахъ, какъ и Европа. Въ статьѣ Бансемона въ «La Revue» находятся по этому вопросу любопытныя подробности. Начиная съ полиціи, Японія ни въ чемъ не уступаетъ европейцамъ. Японскіе полицейскіе проницательны, хитры, тонки: у нихъ хорошее чутье и они рѣдко попадаются впросакъ. Между тѣмъ нигдѣ такъ не процвѣтаетъ воровство и съ такой смѣлостью, какъ въ Токіо, Осака и въ большинствѣ многолюдныхъ центровъ имперіи. Карманные воры тамъ составляютъ синдикаты и ихъ организація повсюду распространяетъ свои отдѣленія, съ роскошью, неизвѣстной ни въ какой другой странѣ. Полиція находится съ ворами въ лучшихъ отношеніяхъ и если время отъ времени ловитъ воришекъ и засаживаетъ въ тюрьму, то это бываетъ рѣдко: чаще всего они продолжаютъ вести свое прибыльное ремесло. Если, по несчастію, попадается главарь, то отдѣлывается штрафомъ и тремя недѣлями тюремнаго заключенія. Полиція знаетъ, гдѣ скрывается воръ, но любезно закрываетъ глаза. На замѣчаніе автора одинъ японецъ отвѣтилъ ему: «Развѣ вы не знаете дружескаго соглашенія между полиціей и воровскими учрежденіями». Конечно, полицейскія власти отрицаютъ это и увѣряютъ, что японскимъ полицейскимъ не надо учиться у Шерлока Холмса и что всякую пропажу они непремѣнно отыщутъ. А дѣлается это очень просто: воры раздѣляютъ Токіо по участкамъ, «ойябунъ»—центръ операцій, и каждый синдикатъ имѣетъ свой участокъ, въ которомъ другіе не имѣютъ права работать. Этого правила крѣпко держатся японскіе воры. Когда полицейскому заявляютъ, въ какой улицѣ пропала вещь, онъ уже заранѣе знаетъ, кто воръ, такъ какъ въ полиціи извѣстны всѣ воры, работающіе въ каждомъ «ойябунѣ». Если они не всегда находятъ пропавшую вещь, то лишь потому, что колеблются: «стоитъ ли стараться, хорошо ли потерпѣвшіе вознаградятъ полицію?»

Такой безпорядокъ естественно вызываетъ въ японскомъ обществѣ негодованіе; обыватели начали выражать неудовольствіе и просили очистить полицію отъ вредныхъ элементовъ. Наконецъ происшедшій въ Токіо одинъ скандалъ заставилъ произвести въ полиціи серьезную чистку. Новый начальникъ Хондо энергично принялся за это дѣло. Одинъ изъ воровскихъ синдикатовъ находился въ томъ же кварталѣ, гдѣ главное полицейское управленіе. Начальникомъ этого отдѣла состоялъ знаменитый японскій воръ Хинги, по прозванію «Портной»—истинный король токійскихъ воровъ. Новому начальнику полиціи удалось захватить Хинги и его помощника. Въ воровскомъ жилищѣ нашелся цѣлый складъ ворованныхъ вещей, которыя были возвращены владѣльцамъ.

Такимъ образомъ воровское гнѣздо было разорено, и вся шайка разбѣжалась по другимъ городамъ. Способъ, къ которому прибѣгали воры для своихъ работъ, былъ описанъ въ газетахъ, такъ что публика уже знаетъ всѣ ихъ пріемы и остерегается.

Японскіе воры учатся воровскому ремеслу съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Еще въ колыбели ихъ пріучаютъ, къ этому, развивая имъ ловкость рукъ. Затѣмъ, какъ только они начинаютъ подрастать, имъ ежедневно даютъ уроки. Кромѣ того, въ члены общества принимаются всевозможные подонки общества и неудачники, такъ что количество этихъ паразитовъ все увеличивается. Наиболѣе ловкіе дѣлаются преподавателями воровскаго ремесла и служатъ коноводами. Но всего любопытнѣе, что у всѣхъ японскихъ воровъ безкорыстное отношеніе къ своему сообществу. Ни одинъ изъ воровъ не скроетъ украденной вещи отъ своего начальника: все принадлежитъ «ойябуну», и начальникъ располагаетъ всѣми крадеными вещами по своему усмотрѣнію для потребностей общины. Онъ находится въ сношеніяхъ съ укрывателями, которые платятъ за украденныя вещи по предварительному уговору 20% и 30%. Они же даютъ въ долгъ воровскому начальнику денегъ и, дѣлаясь его кредиторомъ, понуждаютъ должника къ новымъ кражамъ. Теперешніе японскіе воры рѣдко воруютъ кошельки, находя это не доходнымъ предпріятіемъ; чаще всего въ кошелькахъ лежитъ такъ мало денегъ, что не стоитъ рисковать. Они предпочитаютъ воровать драгоцѣнныя украшенія, особенно головныя шпильки, для чего употребляются шелковины съ тяжестью на концѣ. Спрятавъ въ рукѣ шелковину, воръ невинно приближается къ жертвѣ, живо накидываетъ свой незатѣйливый приборъ на булавку съ того конца, гдѣ тяжесть, затѣмъ слегка дергаетъ, и булавка слѣдуетъ за шелковиной. Жертва даже не чувствуетъ этого движенія; такъ ловко и легко японскій воръ исполняетъ его.

Особенно ловки японскіе желѣзнодорожные воры, всегда изящно одѣтые и по внѣшнему виду вполнѣ заслуживающіе довѣрія. Обыкновенно они работаютъ въ вагонѣ или на пароходѣ вдвоемъ, но дѣлая видъ, что незнакомы между собою. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ по чемодану, наполненному старыми газетами. Они входятъ въ одно отдѣленіе, а чемоданы кладутъ въ другое и, пользуясь моментомъ, когда какой-нибудь пассажиръ, оставивъ вещи, отправится на поиски себѣ другого мѣста, берутъ его вещи и относятъ въ свои чемоданы. Когда потерпѣвшій замѣтитъ пропажу и заявитъ кондуктору или капитану, они подходятъ къ послѣднему и разсказываютъ, что недавно они также были жертвами воровства при тожественныхъ условіяхъ. Иногда они берутъ чемоданы безъ дна и прикрываютъ ими украденные чемоданы, такъ что можно спокойно выйти на любой станціи безъ всякаго подозрѣнія. На трамваяхъ они работаютъ особеннымъ способомъ. Собственныя руки у нихъ подъ верхней одеждой, а на колѣняхъ невинно покоятся искусственныя, въ то время какъ природныя работаютъ въ карманѣ сосѣда. Вообще японскіе воры обладаютъ невообразимымъ талантомъ къ воровству. Обыкновенно, говорятъ въ Токіо, тамошній опытный воръ разстегнетъ одежду жертвы, возьметъ, что ему надо, и опять застегнетъ, такъ что потерпѣвшій даже не замѣтитъ этого. Помощникъ Хинги держалъ пари, что при свидѣтеляхъ, уже предупрежденныхъ,

онъ выпетъ изъ кошелька сосѣда золотую монету и снова положитъ кошелекъ. Всѣ глаза устремлены были на его руки и слѣдили за каждымъ его движеніемъ, владѣлецъ кошелька былъ предупрежденъ, но работа вора была такая чистая, что никто не замѣтилъ момента пропажи.

Война съ Россіей до сихъ поръ лежитъ тяжелымъ бременемъ въ экономическомъ отношеніи на Японіи. Налоги сильно увеличены; жизнь вздорожала съ 1900 г. по меньшей мѣрѣ на четверть. Женщины принуждены исполнять самыя тяжелыя работы. Въ угольныхъ копяхъ ихъ работаетъ 13,000 противъ 75,000 мужчинъ и на металлургическихъ заводахъ 9,600 противъ 62,000 человѣкъ мужчинъ.

Кромѣ матеріальныхъ потеръ, война отразилась и на душевномъ состояніи японцевъ: у нихъ сильно развилась жестокость, и смертоубійства съ каждымъ днемъ все умножаются и становятся болѣе и болѣе жестокими. Другимъ зломъ японцы считаютъ знаки отличія за военную доблесть. За послѣдніе три года среди японцевъ оказалось болѣе 2000 человѣкъ, украшенныхъ медалями. Это явленіе вызываетъ среди самихъ же японцевъ замѣчанія, что хотя военная доблесть и должна быть вознаграждена, но прежде всего въ націи слѣдуетъ развивать гуманныя идеи, между тѣмъ какъ война противорѣчитъ имъ, и чрезмѣрныя вознагражденія за нее даютъ пищу животной силѣ и пріучаютъ къ ней народъ.

— Отовсюду.—Вопросъ: Шекспиръ или Бэконъ авторъ знаменитыхъ драмъ?—принимаетъ неожиданный оборотъ. Быть можетъ, авторъ ихъ и не Шекспиръ и не Бэконъ, а третье лицо, о которомъ и не подозрѣвали. По крайней мѣрѣ, Демблонъ написалъ цѣлый рядъ статей, совершенно развѣнчивающихъ Шекспира, но и не въ пользу вообще Бэкона. Онъ отыскалъ третье лицо: это молодой посланникъ Рутландъ, посѣщавшій Венецію, Равенну, Данію и города, гдѣ разыгрываются шекспировскія драмы. Рутландъ былъ разносторонне образованъ, тогда какъ Шекспиру далеко не хватало образованія. Имя Шекспира служило лишь ширмой автору, для котораго въ то время небезопасно было сочинять пьесы съ политическими намеками, и за эту услугу Рутландъ заплатилъ Шекспиру. Хотя Демблонъ приводитъ много неопровержимыхъ доказательствъ этому предположенію, но все-таки нельзя еще сказать, что шекспировскій вопросъ совершенно рѣшенъ

Касаясь Шекспира, упомянемъ о появившейся въ Даніи книгѣ инспектора полиціи, Августа Голля: «Уголовные типы у Шекспира». Онъ, какъ ученикъ Ломброзо, изучалъ эти типы, но разница между ними та, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ на сторонѣ Шекспира. «Онъ даетъ намъ типы,—говоритъ Голль,—не природныхъ преступниковъ, но сдѣлавшихся ими подъ вліяніемъ своихъ страстей. И поэтому одно и то же преступленіе можетъ быть совершено различными людьми и подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ. Калибанъ—преступникъ природный, но Брутъ сдѣлался имъ вслѣдствіе политической ненависти; Кассій—по ложной теоріи доктринера, Яго же отмѣченъ «эротической» жестокостью и т. д. Въ заключеніе Голль совѣтуетъ прочесть Шекспира всѣмъ криминалистамъ.

Въ «Bibliotheque Universelle» Морисъ Дюмуленъ сообщаетъ нѣкоторыя черты характера Людовика XVI. Его мелочность буржуазнаго свойства до-

ходила до того, что въ самыя трудныя трагическія минуты жизни вмѣсто того, чтобы разсматривать важные вопросы и остановиться на мужественномъ рѣшеніи, Людовикъ XVI велъ мелочные расчеты и записывалъ всякій мелкій расходъ. Такъ, 27 декабря 1776 г. онъ запесъ въ свою книгу: «уплатилъ Жюльену Леруа за часы 24,000 ливровъ; 25 апрѣля—уплатилъ Вуазену за геометрическій приборъ 648 ливровъ; 16 ноября 1777г.—далъ королевѣ для Эстергази 18,000 ливровъ». Графъ Эстергази находился подъ покровительствомъ Маріи Антуанетты. Еще дофиномъ Людовикъ XVI уже записывалъ всякую мелочь вродѣ: 2 карандаша, 1 книгу, одинъ пробочникъ, 3 книги, 1 бріошъ 12 су. Эта похвальная экономія для обыкновеннаго гражданина порицается Дюмуленомъ, который находитъ, что могущественному королю надлежитъ думать не о такомъ вздорѣ.

«Societa nationale per la storia del Risorgimenti italiano» (національное историческое общество итальянскаго возрожденія) продолжаетъ выполнять научныя и патріотическія задачи. Основавъ въ Миланѣ, Венеціи, Туринѣ и Римѣ областные комитеты, оно основало и во Флоренціи, подъ президентствомъ Цаниккелли, такое же общество и помѣщаетъ отчетъ о своихъ работахъ въ издаваемомъ съ 1908 г. журналѣ «Il Risorgimento italiano», подъ редакціей Манцоне. Кромѣ того, итальянское правительство само старается вполнѣ освѣтить эту эпоху, и однимъ изъ его начинаній была покупка библіотеки Криспи, заключающей чрезвычайно интересные документы, относящіеся до 1848—1860 г., главнымъ образомъ касающіеся двухъ Сицилій. Вездѣ понемногу основались конкурсы съ цѣлью подробно ознакомить итальянцевъ съ главными лицами и событіями эпохи Risorgimento при помощи сочиненій, оплачиваемыхъ преміями отъ 500 до 10,000 лиръ. Такимъ образомъ, современная Италія, заботясь о національномъ воспитаніи, даетъ толчокъ для широкаго распространенія историческихъ трудовъ. Вообще за послѣднее время Италія значительно обогатилась сочиненіями по исторіи. Особенно похвально, что само правительство поощряетъ начинанія по распространенію просвѣщенія и историческаго сознанія народа въ широкихъ кругахъ общества и даже положило начало новой аристократіи—интеллектуальной. Недавно король сдѣлалъ починъ этому новому порядку вещей, приславъ историку Пасквале Виллари, одному изъ представителей общества Данте Аллигіери, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея орденъ Аннунціаты, дававшій право на званіе кузена короля. До сихъ поръ этотъ орденъ короли жаловали лишь высочайшимъ особамъ и самымъ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ. Собственно говоря, Вилларъ не только историкъ: онъ началъ свою карьеру съ Савонаролы, но написалъ также немало трудовъ по соціальнымъ вопросамъ.

Біографамъ г-жи Сталь приходится понемногу прибавлять къ штату ея поклонниковъ новыхъ лицъ. Бенжаменъ Констанъ, Монморанси, Жорданъ, Шлегель, Барантъ, де-Рокка, Талейранъ, Баррасъ, Ламетъ Риббэнъ, Монти, Альборгетти и Балкъ—уже извѣстны. Теперь прибавился еще новый поклонникъ—донъ Педро де-Суза. По словамъ дю-Мулэна, автора статьи въ «Revue hebdomadaire», Суза былъ сынъ португальскаго посланника въ Римѣ. Его представили г-жѣ Сталь въ 1805 г. въ то время, когда она развлекалась въ

Италіи отъ семейнаго траура и огорченій, причиненныхъ ей Бенжаменомъ Констаномъ. Въ это время она запрягла въ свою колесницу, какъ тогда выражались, двухъ крупныхъ поэтовъ: Альборгетти, революціоннаго Тиртея, и Монти, «граціознаго» Данте, которому она писала: «Везувій и вы—одно». Донъ Педро былъ просто поэтъ любитель, но поэтъ двадцати четырехъ лѣтъ, съ синими очами, черными кудрями. Г-жа Сталь послала ему стихи — ничтожные, въ чемъ сама сознавалась, но въ то же время материнскіе и пылкіе. При лунномъ свѣтѣ они осматривали развалины Колизея, и она написала ему въ прозѣ: «Мы были современниками на обломкахъ вѣковъ, насъ соединялъ одинъ культъ всего прекраснаго, и съ высоты небесъ отецъ простилъ мнѣ счастье, къ которому примѣшивалось столько слезъ, счастье, все покрытое тучами». Вначалѣ изъ дружбы донъ Педро объявилъ ей о своемъ намѣреніи жениться на молоденькой жительницѣ Пьемонта, мадемуазель Парронъ. Г-жу Сталь не очень это огорчило, но потомъ она задумала сдѣлать его своимъ зятемъ, онъ же влюбился въ итальянку, которая не была его невѣстой, а потому между г-жей Сталь и дономъ Педро послѣдовало охлажденіе. Однако въ 1806 г. эта связь снова завязалась и длилась еще съ годъ. «Corinne» появилась въ 1807 г. и нѣтъ никакого сомнѣнія, что героиня этого романа нарисована по образцу самого автора. Нѣкоторыя черты въ фигурѣ Освальда заимствованы у Педро де-Суза, и въ письмахъ г-жи Сталь къ нему находятся наброски многихъ эпизодовъ этой книги.

Черезъ три года, въ 1810 г., когда г-жѣ Сталь минуло 43 года, она молніеносно съ первой встрѣчи страстно увлеклась красивымъ, умнымъ и рыцарски вѣжливымъ двадцатитрехлѣтнимъ молодымъ офицеромъ, Жаномъ де-Рокка. Страсть свою она плохо скрывала, и вскорѣ всѣ замѣтили это увлеченіе, а Бенжаменъ Констанъ едва не дрался съ Рокка на дуэли. Обоюдное влеченіе такъ было неотразимо, что 1 мая 1811 г. они рѣшились обвѣнчаться, несмотря на упорные совѣты друзей и близкихъ лицъ, отговаривавшихъ молодого человѣка отъ неравнаго по возрасту брака. Рокка рѣшилъ, что душа возраста не имѣетъ и потому у него былъ всѣмъ одинъ отвѣтъ, что г-жа Сталь изъ всѣхъ женщинъ наиболѣе достойна любви и обожанія, а именно за то, что она могла быть его матерью, онъ любитъ ее еще сильнѣе и докажетъ всѣмъ, что весенніе дни могутъ быть во всякомъ возрастѣ. Черезъ два года, 7 апрѣля, у г-жи Сталь появился залогъ любви—сынъ, котораго записали подъ именемъ Луи-Альфонсъ Жилэ. Ребенка передали подъ условіемъ строгой тайны доктору Жюрино изъ Лапжиро (департаментъ Юры). Однако ея врагъ Наполеонъ зорко слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ посредствомъ своихъ агентовъ во главѣ съ барономъ де-Мелэнъ. Донесенія послѣдняго полны острыхъ насмѣшекъ, между прочимъ относительно ея хитрости: чтобы скрыть свое положеніе, она сказала, что у нея водянка, отъ которой она такъ «чудесно исцѣлилась». Наполеонъ, конечно, былъ радъ поставить г-жу Сталь въ смѣшное положеніе и распространилъ въ обществѣ содержаніе доноса. На г-жу Сталь посыпались эпиграммы, и она должна была уѣхать въ Коппе. Но и тутъ ее не оставилъ въ покоѣ Наполеонъ, и ей пришлось разстаться съ Франціей. Она со всей семьей сначала поѣхала въ Вѣну, затѣмъ въ Петербургъ и Стокгольмъ и вернулась въ Коппе только

послѣ сверженія своего врага. Но Рокка, еще до знакомства съ г-жею Сталь раненый въ испанской войнѣ и лишившійся ноги, заболѣваетъ, и вся семья переселяется въ Италію. Г-жа Сталь вся отдалась уходу за больнымъ. На ея несчастье, въ началѣ зимы 1817 г. она вернулась съ семьею въ Парижъ, гдѣ у нея сдѣлался параличъ послѣ паденія съ лѣстницы. Болѣе всего она боялась умереть, не простившись съ мужемъ, и ее больную носили къ нему въ комнату. Предъ смертью 13 іюля 1817 г. въ завѣщаніи она признала свой бракъ съ де-Рокка и рожденіе сына. Дѣтей она просила считать его своимъ братомъ. Де-Рокка не долго пережилъ ее: онъ умеръ въ январѣ 1818 г.

— Въ «Literarische Echo» помѣщенъ набросокъ Зола о критикахъ, которыхъ онъ приравниваетъ къ жабамъ. Зола совѣтуетъ начинающимъ авторамъ пріучать свой литературный желудокъ, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи переваривать глупости и пошлости критиковъ относительно нихъ и ихъ сочиненій. Если литературный желудокъ не крѣпокъ, т.-е. если васъ смущаетъ, огорчаетъ или раздражаетъ критика, то онъ совѣтуетъ его закалить, ежедневно натощакъ проглатывая живую жабу. «Расходъ этотъ небольшой, особенно, если покупать ихъ дюжинами,—говоритъ онъ,—зато чрезъ нѣсколько лѣтъ вы создадите себѣ хорошій литературный желудокъ, способный переваривать самую ужасную статью современнаго критика». «Я съ своей стороны,—говоритъ онъ далѣе,— предъ тѣмъ, какъ сѣсть за работу, ежедневно въ продолженіе тридцати лѣтъ глотаю жабы, прочитывая семь-восемь газетъ, ожидающихъ меня на столѣ. Если не въ одной, то въ другой, я всегда нахожу такую жабу въ видѣ грубаго упрека, оскорбительной карикатуры, цѣлаго залпа лжи или злостныхъ нападокъ,—и я добровольно глотаю ихъ. Если въ первое время онѣ мнѣ были непріятны, то послѣ третьей или четвертой дюжины—я сталъ невоспріимчивъ. Теперь на старости лѣтъ, я ихъ проглатываю безъ малѣйшаго труда. Дошло даже до того, что если нѣтъ ежедневной порціи жабъ, мнѣ чего-то не хватаетъ. Онѣ стали частью моей жизни и составляютъ для меня то, что называется пряностью въ кушаньи. Это лучшее возбуждающее средство. И такимъ жабамъ я обязанъ лучшими страницами, которыя когда-либо были мною написаны».

Въ стокгольмскомъ журналѣ «Ord och Bild» Гаральдъ Ніельсенъ разсматриваетъ вопросъ о новомъ направленіи шведской литературы. Онъ говоритъ, что самый крупный шведскій поэтъ Перъ Халльстромъ является представителемъ реакціи, послѣдовавшей послѣ царившаго натурализма. Хейденстамъ, Фродингъ, Сельма Лагерлефъ, получившая нобелевскую премію, и даже Стриндбергъ были авторами этого движенія. Къ нимъ можно присоединить и Пера Халльстрома. Будучи инженеромъ, онъ отправился въ Америку, но его манило назадъ на родину и въ царство фантазіи. Поэтому въ его сочиненіяхъ видны постоянныя усилія соединить четырехъ властителей его души: разумъ, инстинктъ, раціонализмъ и мистицизмъ.

Говоря о Швеціи, приведемъ наблюденія француза Бельссора, помѣщенныя на страницахъ «Revue des deux Mondes». Его поразила непроизводительная затрата силъ во всемъ, что касается знаменитаго шведскаго центра интеллектуальнаго развитія—упсальскаго университета. Начиная съ архитектурной постройки зданія, повсюду проглядываютъ ненужныя и дорогія украшенія.

тогда какъ съ другой стороны замѣтенъ недостатокъ практическаго комфорта. Но все это пустяки въ сравненіи съ тою лишней затратой времени, которой подвергають молодежь: для достиженія степени доктора требуется десять лѣтъ. Какую профессію ни выберешь, менѣе, какъ чрезъ восемь лѣтъ ее не изучишь. Между тѣмъ въ упсальскомъ университетѣ программа та же, что и въ другихъ европейскихъ университетахъ; но причина кроется въ неумѣніи шведовъ работать; они слишкомъ любятъ жить въ свое удовольствіе; кромѣ того, виноваты одуряющія зимнія ночи и длинныя лѣтнія ночи. Не будь соревнованія, шведскіе студенты, не имѣя возможности сократить время ученія, вскорѣ потеряли бы изъ виду слишкомъ отдаленную цѣль, которую они преслѣдуютъ.

Раздача нобелевскихъ премій, изъ которыхъ одна присуждена между прочимъ и г-жѣ Сельмѣ Лагерлефъ, вызвала въ разныхъ странахъ неудовольствіе шведской академіей, завѣдывающей раздачей. Французскіе критики удивлены, что преміи не дали Еленѣ Кей. По поводу этого въ «Mercure de France» находится отвѣтъ Фритьофа Пальмера. Элленъ Кей, говоритъ онъ, имѣетъ непомѣрную смѣлость проповѣдывать религію любви протестантамъ. Это предпріятіе гораздо рискованнѣе, чѣмъ отправиться въ качествѣ миссіонера проповѣдывать христіанство среди антропофаговъ Поэтому съ нею обошлись, какъ съ обольстительницей юношества, развратительницей нравовъ. Для того, чтобы сдѣлать брешь въ существующей религіозной системѣ, она сочла необходимымъ основать новую религію жизни. Хотя она и защищается отъ пессимизма, но интересуется судьбою, созданной обществомъ слабому полу. Она работала для освобожденія женщины, въ то же время желала предохранить ее отъ омужествленія, потому что она апостолъ материнства и культа красоты. Ея произведенія, какъ и ея мысль—стремленіе къ добротѣ. Она великая посредница между націями и лицами самыми интернаціональными, какія только существуютъ отъ Лиссабона до Токіо во всѣхъ интеллектуальныхъ слояхъ общества; у нея есть повсюду личные друзья и только собственная страна не признаетъ ее.

Въ «Neue Freie Presse» Нордау выражаетъ тоже недовольство системой распредѣленія премій. По его словамъ, за десять лѣтъ преміи достались десяти поэтамъ и писателямъ. Однимъ изъ первыхъ былъ премированъ Сюлли Прюдомъ, Кардучи же пять лѣтъ презрительно обходили и дали премію наканунѣ смерти. За прозу и даже научную вознагражденъ былъ Моммсенъ, потомъ за философію Эйкенъ; между тѣмъ Герберта Спенсера, въ то время благополучно здравствовавшаго, Рибо, Вундта—обошли. «Что такое Сенкевичъ въ міровой литературѣ?—спрашиваетъ Нордау—Единственное его право на премію—плодовитость, любовь къ своему народу и популярность, но писателей съ подобными особенностями творчества—не мало. Въ заключеніе онъ говоритъ, что шведская академія, очевидно, награждаетъ не отдѣльныхъ лицъ, а представителей симпатичныхъ ей націй или даже правительствъ. Франція была вознаграждена два раза, Германія, Италія, Англія, Испанія, Норвегія и Швеція, и почему-то нѣтъ среди нихъ Россіи. Не потому ли, что академія не сочувствуетъ отношеніямъ русскаго правительства къ финляндцамъ? Такимъ образомъ нобелевская премія потеряла свое значеніе, какъ признаніе

заслугъ лица, превратилась въ дипломатическую любезность и, будучи послѣдовательной, шведская академія должна въ ближайшемъ будущемъ присудить Нобелевскую премію японцу или младотурку».

Англія, строго придерживающаяся своихъ историческихъ традицій, опасаясь грозныхъ послѣдствій нарушенія гигіены, рѣшилась пожертвовать стариннымъ обычаемъ цѣловать Библію во время присяги. Въ настоящее время, какъ сообщается въ «Hebdo Débats», съ этимъ обычаемъ англичане распростились: теперь оно замѣнено менѣе выразительнымъ жестомъ, но предохраняющимъ отъ возможности получить какую-нибудь заразную болѣзнь, а именно принимающій присягу беретъ Библію въ руку и держитъ ее во время присяги. 27 января новаго стиля впервые былъ примѣненъ этотъ обычай. Въ Bow Street изъ двадцати свидѣтелей около полдюжины приняли присягу по старому обычаю, настолько сильна привычка: по этому было легко узнать ихъ профессію—это были или сутяги, или полицейскіе. А въ Hackney Coroner это новшество послужило случаемъ для маленькой комедіи. Согласно первоначальному тексту закона, присягающій только поднимаетъ руку, но лорды осложнили этотъ законъ тѣмъ, что поднятая рука должна взмахнуть библіей. Коронный судья очутился въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ тамъ находилось тринадцать присяжныхъ засѣдателей, обязанныхъ принять коллективную присягу. «Васъ всѣхъ тринадцать прицѣпить къ одной библіи,—сказалъ онъ,—будетъ смѣшное зрѣлище, а съ другой стороны лондонскій County Council не далъ въ мое распоряженіе тринадцати необходимыхъ мнѣ библій: у меня ихъ только двѣ. Запрягитесь шесть или семь присяжныхъ къ каждой библіи. Это будетъ еще комичнѣе, но я ничего тутъ не могу подѣлать». Обѣ группы присяжныхъ схватились за два тома, но такъ какъ они держали ихъ слишкомъ низко, то судья громко закричалъ имъ: «Выше! такъ требуютъ буква и духъ закона!»—«Но,—возразилъ одинъ изъ присяжныхъ,—среди насъ есть люди низкаго роста: что же—имъ встать на стулъ?»—«Пусть маленькіе подымутся, а большіе опустятся», глубокомысленно отвѣтилъ судья. Присяжные подчинились этой евангельской заповѣди—и засѣданіе открылось.

Бывшій юбилей австрійскаго императора Франца-Іосифа послужилъ темой для цѣлаго нумера австро-венгерскаго журнала «Oesterreichische Rundschau». Между прочимъ тамъ говорится, что это торжество не относилось къ личности: оно посвящалось идеѣ, которая символизировала жизнь и личность императора, такъ какъ, несмотря ни на какіе удары, поражавшіе его и Австрію въ теченіе 60 лѣтъ его царствованія, въ этотъ торжественный день Францъ-Іосифъ стоитъ предъ глазами всей Европы и по своему спокойствію и улыбающемуся величію не имѣетъ равнаго среди всѣхъ государей. Его Австрія, смерть которой столько разъ объявляли, также сумѣла, несмотря на всѣ споры о ея раздѣлѣ, внушить другимъ народамъ вѣру въ свою жизненность и свое будущее. «Насъ отдѣляетъ пропасть отъ эпохи, когда Францъ-Іосифъ вступилъ на тронъ: тогда народъ годился лишь платить налоги и поставлять солдатъ, теперь народъ—все». Эту пропасть заполнилъ своимъ царствованіемъ Францъ-Іосифъ. Если вначалѣ границы и вліяніе Австріи значительно уменьшились, то внутреннее развитіе страны столь значительно увеличилось, что можно безъ

большого огорченія смотрѣть на это кажущееся уменьшеніе мірового вліянія. Безъ сомнѣнія, борьба между собой національностей тормозитъ движеніе впередъ Австріи, но императоръ въ этомъ не виноватъ, такъ какъ всю жизнь направлялъ свои силы противъ этого разъединенія. Та же идея объединенія вдохновила Франца-Іосифа относительно балканскихъ государствъ. Анексія Босніи и Герцеговины не была необдуманнымъ шагомъ, но точкой разрѣшенія политическаго вопроса вполнѣ законченнаго и очень логичнымъ заключеніемъ думъ цѣлой жизни. Какъ по естественнымъ законамъ одному движенію наслѣдуетъ другое, которое уничтожаетъ первое, такъ первому этапу—занятію страны, по естественному ритму, теперь наслѣдуетъ второй этапъ—анексія. И никто не имѣетъ права протестовать противъ этого акта австрійской политики. Династіи и сербскіе государственные люди до послѣдняго дня доказывали иное, чѣмъ свое намѣреніе цивилизовать народы, и не видно, чтобы они измѣнили подобное управленіе страною. Когда Францъ-Іосифъ внезапно былъ призванъ управлять страною, это былъ едва восемнадцатилѣтній юноша, еще наканунѣ слушавшій лекціи своихъ учителей. Теперешніе ученики, жалующіеся на чрезмѣрность занятій, безъ сомнѣнія, не перенесли бы той пространной программы ученія, какую проходилъ императоръ еще наканунѣ восшествія на престолъ.

Въ «Nineteenth Century» разсматривается любопытный вопросъ: могутъ ли геніальные люди быть хорошими мужьями? Сидней Лоу отрицаетъ возможность этого счастья и приводитъ доказательства. По его словамъ, собственно, великіе писатели рѣдко женятся и если женятся, то ихъ бракъ бываетъ несчастливъ, напримѣръ: изъ англійскихъ писателей двадцать пять совсѣмъ не были женаты, двадцать были счастливы въ бракѣ, а двадцать три несчастливы, напримѣръ: Шекспиръ, Мильтонъ, Драйденъ, Свифтъ, Аддисонъ, Штернъ, Шелли, Байронъ, Карлейль, Рéскинъ, Диккенсъ, Теккерей, Розетти, Фицджеральдъ. Жены Розетти и Шелли кончили жизнь самоубійствомъ; Теккерея и Соути—сошли съ ума. Счастливыми оказались: Дефоэ, Стеель Фильдингъ, Смолеттъ, Джонсонъ, Шериданъ, Вордсвортъ, Скоттъ, Мооръ, Дарвинъ, Теннисонъ, Браунингъ и т. д. Лоу считаетъ главной причиной семейнаго несчастья писателя его постоянное пребываніе дома. «Если бы Карлейль,—говоритъ онъ,—работалъ гдѣ-нибудь въ конторѣ отъ 10 ч. до 4 ч.— г-жа Карлейль была бы самой счастливой женщиной». Онъ заканчиваетъ той мыслью, что домашнее несчастье геніальныхъ людей составляетъ часть закона природы. Безъ сомнѣнія, оно насъ предохраняетъ отъ преждевременной производительности расы сверхчеловѣковъ.

По поводу двадцатилѣтней годовщины смерти вѣнскаго драматурга Анценгрубера, въ «Literarische Echo» говорится, что онъ былъ жертвой оперетки. Несмотря на его знаменитость въ свое время, онъ, однако, не былъ достаточно оцѣненъ. Въ Вѣнѣ его «отвѣдывали», но мало играли, и причиной этому служили опереточные композиторы, отвлекавшіе отъ него всю массу вѣнской публики. Сначала Оффенбахъ, затѣмъ Штраусъ, а потомъ Легаръ, композиторъ «Веселой вдовы», были его соперниками. Даже послѣ смерти теперь къ нему относятся несправедливо, считая его только «поэтомъ съ направленіемъ», по-

тому что въ его время велась горячая борьба за свободомысліе и радикализмъ. Въ дѣйствительности же сама публика въ то время вкладывала болѣе направленія въ пьесы, чѣмъ самъ поэтъ.

Въ мадридскомъ журналѣ «Lectura» Хамезъ Броссе, касаясь популярности американскаго поэта Уальта Уитмана, говоритъ: чтобы лучше понять Сѣверную Америку—надо ознакомиться съ поэзіей Уальта Уитмана, а чтобы оцѣнить этого автора, необходимо имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ интеллектуальной эволюціи Соединенныхъ Штатовъ. Съ Уитманомъ мы далеко отъ традиціонной англо-саксонской поэзіи. Въ Англіи и Европѣ мало читаютъ сѣверо-американскихъ писателей, по крайней мѣрѣ десять лѣтъ тому назадъ ихъ мало читали. Эммерсона, Поэ, Уальта Уитмана, «великую троицу» молодой Америки, знали лишь нѣкоторые литераторы, изучавшіе новые горизонты. Поклонники классической поэзіи смутно допускали Лонгфелло, и то лишь ссылались на его «Эванжелину». Эмерсонъ считался ученикомъ Карлейля; Поэ—галюцинатомъ; Уальтъ Уитманъ—чѣмъ-то въ родѣ Беранже для демократическихъ янки. Но съ тѣхъ поръ измѣнился взглядъ на Уитмана: Германія съ жаромъ принялась его изучать, Италія переводить, Франція расхваливать, такъ что въ настоящее время народился уитманизмъ въ противовѣсъ ницшеизму.

— Смерть Андреа Коста и Эдуарда Рода.—Въ ночь на 19 января въ Имолѣ скончался послѣ продолжительныхъ страданій отъ болѣзни сердца крупная фигура—ветеранъ соціалистовъ и вице-предсѣдатель итальянской палаты депутатовъ, Андреа Коста. Онъ родился въ Имолѣ въ 1851 г.; его отецъ мелкій колбасникъ, отдалъ сына учиться въ гимназію. По окончаніи курса Андреа отправился въ Болонью, гдѣ занимался подъ руководствомъ Кардуччи и между ними завязалась дружба. Однако ему было не до ученія: онъ попалъ въ водоворотъ анархо-соціалистическаго движенія съ Бакунинымъ во главѣ и съ пыломъ, свойственнымъ южному темпераменту, весь отдался новой идеѣ. Это было время, когда итальянская молодежь еще не остыла послѣ борьбы за объединеніе Италіи, бросалась проповѣдывать идеи интернаціонализма или присоединялась къ послѣдователямъ идей Маццини. Бакунинъ сразу обратилъ вниманіе на пылкаго, упорнаго двадцатилѣтняго Коста и взялъ его себѣ въ секретари. Тогда у него велась борьба съ Марксомъ, и Коста, горячій сторонникъ Бакунина, сталъ выступать на всѣхъ собраніяхъ, страстно возставая противъ Маркса и марксистовъ. Итальянское правительство подъ впечатлѣніемъ парижской коммуны поспѣшило пресѣчь это опасное для нея движеніе. Прежде всего оно закрыло секцію интернаціонала, а потомъ принялось за конфискаціи революціонной литературы и наконецъ добралось до Коста, заключивъ его въ тюрьму. Чрезъ пять мѣсяцевъ Коста былъ освобожденъ. Онъ отправился изъ тюрьмы прямо на конгрессъ въ Женеву и объявилъ тамъ, что ждать болѣе нечего, такъ какъ Италія готова къ возстанію. Въ 1874 г. въ январѣ онъ призывалъ итальянцевъ къ немедленнымъ ѣйствіямъ—къ «мятежу и насилію» и самъ энергично работалъ, исполняя приказанія Бакунина, тайно проживавшаго въ Болоньѣ. Однако среди членовъ бакунинскаго кружка было немало предателей, которые выдали съ головой Коста, и его снова арестовали. Бакунинъ съ 200 своихъ сторонниковъ отправился въ Имолу, чтобы овладѣть

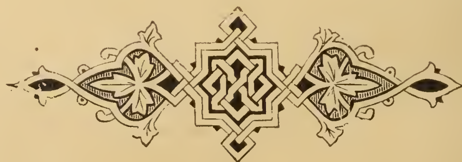
арсеналомъ, но часть ихъ была забрана, часть бѣжала вмѣстѣ съ Бакунинымъ. Просидѣвъ два года въ предварительномъ заключеніи, Коста дождался судебнаго процесса 79-ти, который длился три года. Главный обвиняемый былъ Коста, котораго блестяще защищали знаменитые адвокаты, и самъ онъ произнесъ зажигательную рѣчь. Обвиняемыхъ оправдали, и Коста снова пытался открыть отдѣлы интернаціонала вмѣстѣ съ тайно пріѣхавшимъ въ Италію Малатестой, но тутъ опять его ждала неудача: въ домѣ Карси, гдѣ онъ скрывался, его арестовали и заключили болѣе чѣмъ на четыре мѣсяца въ тюрьму. Поэтому его отправили въ Имолу, гдѣ ему вынесли обвиненіе въ мятежахъ Равенны, Беневенто и др. Промежутокъ времени отъ тюрьмы до тюрьмы онъ предсѣдательствовалъ на конгрессахъ, собраніяхъ и писалъ прокламаціи. Но тюрьмы его утомили, и онъ принялся за книги, а чрезъ три мѣсяца отправился въ Парижъ, гдѣ въ 1878 г. его арестовали за открытіе секціи. На этотъ разъ судъ приговорилъ его къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ и пяти годамъ спеціальнаго надзора и штрафу въ 300 франковъ. Но Коста не пришлось отбывать это наказаніе: президентъ Греви далъ ему амнистію.

По освобожденіи Коста принужденъ былъ вернуться въ Италію: онъ напечаталъ свое знаменитое письмо «друзьямъ въ Романью», въ которомъ отказывался отъ прежнихъ идей, ссылаясь на то, что они слишкомъ замыкаются въ себя, заняты логикой своихъ идей и составленіемъ революціонной программы, а на условія, въ которыхъ живутъ рабочіе, не обращаютъ вниманія. Поэтому онъ предлагалъ основать соціалистическую партію, а интернаціоналъ относилъ уже къ историческому прошлому. За это на него посыпались со стороны недавнихъ друзей оскорбительные эпитеты, какъ: предатель, измѣнникъ и т. д. Въ Болоньѣ тайно собрались послѣдователи Маркса, и такимъ образомъ основалась новая партія, соціалистическая, которая стала издавать въ Миланѣ «Международный журналъ соціализма». Однако полиція накрыла журналъ, а Коста отправили въ Имолу и подвергли надзору. Въ апрѣлѣ 1881 г. Коста выпустилъ первый нумеръ «Avanti», но онъ былъ конфискованъ, редакторъ же Мончини арестованъ. Въ августѣ Коста впервые открыто выступилъ противъ анархистовъ на конгрессѣ въ Римини. По его словамъ, «соціализмъ и анархизмъ исключаютъ другъ друга: исторія погребла анархизмъ, доказавъ его безжизненность; будущее—за соціализмъ». Маццинистамъ, предлагавшимъ ему итти совмѣстно, онъ отказалъ, а приглашалъ ихъ въ парламентъ работать, добиваясь лучшихъ условій жизни для рабочихъ, а не ограничиваться пустой болтовней. Для Коста начался второй этапъ—съ первымъ было порвано. Его избрали депутатомъ сначала Равенны, а потомъ отъ Имолы. Онъ былъ первый соціалистъ на депутатскомъ креслѣ. Однако тюремныя наказанія для него еще не окончились и въ 1888 г. по обвиненію въ избіеніи городовыхъ (придирка) его присудили къ трехлѣтнему тюремному заключенію, но предсѣдатель камеры Панкера уговорилъ его удалиться за границу. Чрезъ полтора года онъ вернулся, попавъ подъ амнистію. Этимъ не окончились его тюремныя злоключенія, и онъ сидѣлъ еще нѣсколько разъ. Въ послѣдній разъ, уже измученный борьбой и больной, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ оставался болѣе двухъ лѣтъ. Это было концомъ прежней его славы, и онъ уже болѣе не игралъ той значи-

тельной роли ни въ палатѣ, ни въ парламентѣ. Однако ореолъ героя и мученика до смерти окружалъ его. Ради куска насущнаго хлѣба Коста былъ и столяромъ, и носильщикомъ, и подмастерьемъ.

Имѣя политическихъ враговъ, Коста не зналъ недруговъ—всѣ были расположены къ его благородной личности. Когда впервые онъ занялъ предсѣдательское мѣсто, то всѣ единодушно, центръ, правая и лѣвая, привѣтствовали его долго не смолкавшими рукоплесканіями. Самыя противоположныя партіи и между ними клерикальная горячо выражали ему свое уваженіе. По случаю его смерти Имола одѣлась въ трауръ, всѣ торговыя заведенія были закрыты, на окнахъ красовались траурные флаги. Тѣло Коста было отправлено въ Болонью, такъ какъ въ Имолѣ не имѣется крематорія.

На 53 году жизни скончался въ Грассѣ извѣстный французскій романистъ критикъ Эдуардъ Родъ, долгое время занимавшій каѳедру по исторіи литературы въ женевскомъ университетѣ. Онъ родился въ Ніонѣ (Швейцарія), а учился въ Германіи, свое философское міросозерцаніе выработалъ подъ вліяніемъ Ренана, Шопенгауэра и Толстого. Поэтому во всѣхъ его романахъ звучитъ грустная серьезная нотка, а его герои задаются самоанализомъ и разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ бытія. Двадцати двухъ лѣтъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ началъ свою литературную дѣятельность со смѣлой защиты Зола, подвергавшагося сильнымъ нападкамъ. Нѣкоторое время онъ придерживался реалистическаго направленія, но оно было не въ его натурѣ. Лучшимъ его произведеніемъ въ художественномъ отношеніи считается «Roches Blanches». Свою же практическую мораль онъ проводитъ между прочимъ въ «Sacrifie», «La vie de Michel Tessier», «Trois coeur». Изъ серьезныхъ научныхъ трудовъ: «Les idées morales du temps présent», «Wagner et l'esthétique allemande». Родъ немало постарался для ознакомленія французовъ съ идеями русскихъ писателей, напримѣръ, Толстого и Достоевскаго. Усидчивый и добросовѣстный писатель, Родъ, однако, никогда не имѣлъ шумнаго успѣха, и въ послѣднее время интересъ къ его произведеніямъ порядочно ослабъ и, говорятъ, это его угнетало. Роду нѣсколько разъ предлагали занять кресло среди безсмертныхъ, но онъ отказывался, не желая измѣнять своему отечеству, такъ какъ для этого надо натурализироваться.

СМѢСЬ.

Празднованіе 300-лѣтія освобожденія Троице-Сергіевой лавры. Еще наканунѣ, 11 января, сергіево-посадскіе хоругвеносцы принесли въ даръ обители хоругви, а горожане—цѣнное евангеліе въ серебряномъ окладѣ. Въ 6 час. вечера 10 января въ Троицкомъ соборѣ было совершено торжественное всенощное бдѣніе, за которымъ поминались царь Василій Шуйскій, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, патріархъ Гермогенъ, архимандритъ лавры Іоасафъ, келарь Авраамій Палицынъ, воеводы и защитники обители преподобнаго. 11 января во всѣхъ лаврскихъ храмахъ были совершены раннія заупокойныя литургіи и панихиды, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти всѣмъ защитникамъ обители. Въ Троицкомъ соборѣ литургія въ этотъ день была совершена ректоромъ академіи преосвященнымъ Ѳеодоромъ, епископомъ волоколамскимъ, въ сослуженіи намѣстника лавры архимандрита Товіи. Панихида послѣ литургіи была совершена преосвященнымъ Ѳеодоромъ, въ сослуженіи о. намѣстника лавры, казначея, екклесіарха о. Аполлоса и 16 іеромонаховъ, при архидіаконѣ Пантелеимонѣ. Заупокойная литургія была совершена 11 января также въ приписной къ лаврѣ Пятницкой церкви, на стѣнахъ которой еще доселѣ сохранились слѣды отъ пушечныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Къ самому дню празднества въ обитель преподобнаго Сергія прибылъ сводный батальонъ 221-го Троице-Сергіевскаго резервнаго полка. Исторія этого полка ставится въ связь съ стрѣльцами, къ которымъ принадлежала и часть защитниковъ обители, при-

сланныхъ когда-то изъ Москвы въ лавру подъ начальствомъ Долгорукова и Голохвастова. Ко всенощному бдѣнію прибыли въ обитель преосвященные Трифонъ дмитровскій и Анастасій серпуховскій, московскій губернаторъ свиты Его Величества генералъ-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, командиръ 17-го армейскаго корпуса П. П. Яковлевъ, командиръ Троице-Сергіевскаго полка полковникъ Оболешевъ и гг. офицеры. Передъ всенощнымъ бдѣніемъ нижніе чины Троице-Сергіевскаго полка прикладывались къ мощамъ преподобнаго, у раки котораго каждый получилъ отъ о. намѣстника икону и листокъ съ описаніемъ осады лавры. Въ 6 час. лаврскій царь-колоколъ возвѣстилъ о началѣ всенощнаго бдѣнія въ Троицкомъ соборѣ и въ трапезной церкви. Въ соборѣ всенощное бдѣніе было совершено при участіи епископовъ Трифона дмитровскаго, Ѳеодора, ректора академіи, оо. архимандритовъ—намѣстника Товіи, ректора московской семинаріи Бориса, ректора виѳанской семинаріи Гавріила, синодальнаго ризничаго Димитрія и священника Троице-Сергіевскаго полка. За всенощнымъ бдѣніемъ настоятель Ново-Спасскаго монастыря архимандритъ Макарій произнесъ назидательное слово. Въ числѣ богомольцевъ въ соборѣ Троицкой лавры были московскій губернаторъ В. Ѳ. Джунковскій, командиръ 17-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ П. П. Яковлевъ, профессора академіи и др. Въ трапезной церкви всенощное бдѣніе было совершено преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ. 12 января литургія была совершена во всѣхъ храмахъ лавры и Сергіева посада. Въ соборѣ литургію совершали преосвященные Трифонъ и Ѳеодоръ, въ сослуженіи оо. архимандритовъ Товіи, Макарія—настоятеля Новоспасскаго монастыря, Бориса—ректора московской семинаріи, Макарія—настоятеля Петровскаго монастыря, протоіерея Восторгова и старшей братіи лавры. Въ трапезной церкви литургію совершалъ преосвященный Анастасій серпуховскій. Въ Троицкомъ соборѣ въ числѣ молящихся были московскій губернаторъ, командиръ 17-го армейскаго корпуса, полковникъ и офицеры Троицкаго полка, представители города и академіи. За причастнымъ стихомъ въ Троицкомъ соброѣ о. протоіереемъ Восторговымъ было сказано прекрасное слово. По окончаніи литургіи преосвященный Трифонъ сказалъ нѣсколько словъ по поводу рескрипта Государя Императора, присланнаго на имя владыки митрополита по случаю знаменательнаго празднества въ обители преподобнаго Сергія. Потомъ о. намѣстникъ прочелъ самый рескриптъ. Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ установленныхъ многолѣтій совершенъ былъ крестный ходъ кругомъ обители, въ которомъ принимали участіе преосвященные Трифонъ, Анастасій, Ѳеодоръ и сослужившіе имъ оо. архимандриты и все духовенство съ братіею лавры. Крестный ходъ закончился около 2 часовъ дня. По окончаніи крестнаго хода гости собрались въ покояхъ владыки митрополита. Здѣсь преосвященнымъ Анастасіемъ были оглашены привѣтственныя телеграммы отъ владыки митрополита, отъ статсъ-секретаря Столыпина и др. Изъ покоевъ владыки митрополита, гдѣ гостямъ была предложена закуска, всѣ гости прослѣдовали въ монастырскую трапезу, которая закончилась въ 4 часа. Предъ началомъ трапезы московскимъ губернаторомъ В. Ѳ. Джунковскимъ предложено было отправить на Высочайшее имя телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, что

и было съ энтузіазмомъ принято собраніемъ. Весь день стеченіе молящихся въ обители было громадное.

Въ Литературномъ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева 2 февраля состоялось годичное собраніе членовъ Литературнаго фонда. Открывая собраніе, Н. И. Карѣевъ указалъ на тотъ матеріальный кризисъ, который переживаетъ нынѣ фондъ послѣ 50 лѣтъ своего существованія. Ожидалось, что юбилей напомнитъ русскому обществу о существованіи этого старѣйшаго литературнаго учрежденія и оно откликнется на его насущныя нужды. Но вмѣсто этого явились новые кліенты, которымъ необходима настоятельная помощь, и ее, скрѣпя сердце, приходится давать въ самыхъ минимальныхъ дозахъ. Къ сожалѣнію, масса молодыхъ литераторовъ не состоитъ членами фонда, а ихъ участіе могло бы также дать средства. Послѣ этого секретарь общества В. Д. Набоковъ доложилъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности комитета за минувшій годъ. Изъ нихъ видно, что комитетъ выдалъ пособія 503 лицамъ на сумму 28,832 р. и, кромѣ того, пришлось отказать за недостаткомъ средствъ и по другимъ мотивамъ 156 лицамъ, обращавшимся въ комитетъ. Отчетъ отмѣчаетъ, что по случаю 50-лѣтія Л. Ѳ. Пантелѣевъ взялъ на себя расходы (400 р.) по изданію историческаго очерка Литературнаго фонда и, кромѣ того, пожертвовалъ 2,000 р. процентными бумагами. Н. И. и С. А. Карѣевы пожертвовали 1,000 р. и столько же пожертвовала издательская фирма И. Д. Сытина. Увеличили средства фонда Тургеневскій вечеръ, давшій чистыхъ 2,254 р., и музыкально-литературный вечеръ въ Тенишевскомъ училищѣ, давшій 803 р. Дѣятельность фонда выразилась еще въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ объ освобожденіи дѣтей неимущихъ литераторовъ отъ платы за право ученія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и др. Н. Ѳ. Анненскій познакомилъ собраніе съ денежнымъ отчетомъ и констатировалъ, что его приходится заключить съ дефицитомъ въ 752 р. 56 к., который можно покрыть, по примѣру послѣднихъ двухъ лѣтъ, изъ Пушкинскаго фонда. Противъ этого возсталъ Н. С. Таганцевъ, который настаивалъ на неприкосновенности этого фонда и необходимости его пополнить. Затѣмъ заслушанъ былъ докладъ ревизіонной комиссіи, которая констатировала, что все дѣлопроизводство ведется правильно, но замѣчается, что комитетъ не можетъ устоять противъ настойчивыхъ просьбъ нѣкоторыхъ кліентовъ. Н. И. Карѣевъ иллюстрировалъ фактами крайнюю нужду маленькихъ литераторовъ. Н. Ѳ. Анненскій добавилъ, что современныя условія русской дѣйствительности плодятъ литературный пролетаріатъ и необходимо ему всѣми мѣрами прійти на помощь. Собраніе утвердило отчетъ и выразило благодарность комитету. Въ заключеніе произведены были выборы новыхъ членовъ комитета вмѣсто выбывающихъ за окончаніемъ срока Н. И. Карѣева, Н. Ѳ. Анненскаго, А. С. Посникова, В. Я. Богучарскаго и профессора Э. Л. Радлова. Избраны большинствомъ голосовъ: академикъ Н. А. Котляревскій, А. В. Пѣшехоновъ, Е. Н. Чириковъ, Е. Н. Султанова (Лѣткова) и профессоръ С. Е. Савичъ. Въ совѣтъ по управленію домомъ писателей избраны: С. Д. Протопоповъ, К. С. Баранцевичъ и г. Березниковъ. Баллотировались въ члены Литературнаго фонда и избраны слѣдующія лица: Ѳ. К. Соллогубъ, М. М. Винаверъ, В. А. Теляковскій, М. М. Ѳедоровъ и Ю. А. Доморацкій. По предло-

женію Д. А. Линева рѣшено познакомить предстоящій въ Петербургѣ съѣздъ литераторовъ съ положеніемъ дѣлъ Литературнаго фонда въ интересахъ привлеченія новыхъ членовъ.

Русское библіологическое общество. Въ концѣ минувшаго 1909 года исполнилось 10 лѣтъ со времени основанія въ С.-Петербургѣ небольшою группою по большей части молодыхъ ученыхъ и писателей русскаго библіологическаго общества. Имена этихъ членовъ-учредителей, продолжающихъ и посейчасъ начатое ими благое дѣло, стали теперь уже болѣе или менѣе извѣстными въ научномъ и литературномъ мірѣ, а потому не лишне привести ихъ: С. А. Адріановъ, В. Ѳ. Боцяновскій, Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, А. І. Лященко, Вл. Н. Перетцъ, А. Е. Прѣсняковъ, В. Е. Рудаковъ, К. І. Храневичъ, П. Н. Шефферъ и мн. др.

Цѣль общества опредѣлялась такъ: «содѣйствовать теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обозрѣнія всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ». Столь обще и широко выражаемая цѣль общества въ первые же годы его существованія нашла себѣ довольно обширное примѣненіе: возникъ цѣлый рядъ секцій при обществѣ: библіографическая, историко-литературная, секція библіотековѣдѣнія, книговѣдѣнія и печатнаго дѣла, археографическая, филологическая и др.; послѣдовали многочисленные рефераты и сообщенія; вскорѣ появились одинъ за другимъ два тома, весьма содержательныхъ и интересныхъ, «Литературнаго Вѣстника». Но наступившая послѣ этого японская война и сопровождавшія ее внутреннія событія на нѣсколько лѣтъ задержали движеніе научныхъ обществъ вообще, въ томъ числѣ и русскаго библіологическаго. Послѣднее, однако, вѣрное первоначальнымъ задачамъ, продолжало свою работу въ тиши, понемногу, отзываясь на всѣ современныя литературныя событія и отмѣчая все выдающееся на литературно-книжномъ рынкѣ. Въ 1908 г., несмотря на отсутствіе денежныхъ средствъ, русское библіологическое общество вновь возродилось къ намѣченной болѣе широкой дѣятельности; завязало близкія сношенія съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и путемъ болѣе оживленныхъ сношеній съ учеными обществами и редакціями надѣется поднять интересъ къ библіологіи и книгѣ вообще и привлечь къ себѣ наибольшее число членовъ, такъ какъ только въ солидарности интересовъ и въ совмѣстныхъ усиліяхъ можетъ крыться успѣхъ всякаго дѣла. Дѣло же библіографіи у насъ до сихъ поръ въ большомъ загонѣ; между тѣмъ настоятельность въ современномъ знаніи выхода въ свѣтъ извѣстной книги и появленія статьи и въ своевременной оцѣнкѣ достоинствъ той или другой возрастаетъ все болѣе и болѣе. Поэтому остается только благодарить неутомимыхъ библіографовъ и пожелать имъ успѣха въ ихъ полезнѣйшемъ научномъ цѣлѣ, которое да вызоветъ къ себѣ побольше сочувствія въ обществѣ и привлечетъ притокъ новыхъ матеріальныхъ средствъ, для скорѣйшаго и лучшаго осуществленія задуманныхъ обществомъ мѣропріятій. Въ 10-мъ годовомъ общемъ собраніи общества, состоявшемся въ январѣ 1910 года, избраны: президентомъ общества—А. М. Ловягинъ, вице-президентомъ—В. Ѳ. Боцяновскій, секретаремъ—В. Е. Рудаковъ, казначеемъ—К. І. Храневичъ и библіотекаремъ—А. І. Лященко.

Въ палестинскомъ обществѣ. 24 января, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта князя А. А. Ширинскаго-Шахматова, состоялось собраніе императорскаго православнаго палестинскаго общества. Собраніе удостоили своимъ присутствіемъ высокопреосвященные Тихонъ, архіепископъ ярославскій, и Іоаннъ, архіепископъ полтавскій, преосвященные Арсеній, епископъ псковскій, и Серафимъ, епископъ кишиневскій, статсъ-секретарь М. П. Галкинъ-Враской, дѣйствительный тайный совѣтникъ И. А. Зиновьевъ, сенаторъ Н. П. Боголюбовъ и многія другія высокопоставленныя лица. Собраніе выслушало отчетъ о состояніи дѣлъ общества за 1908—9 годъ. Общество продолжало свою просвѣтительную дѣятельность среди православнаго населенія Палестины и благотворительную дѣятельность среди русскихъ паломниковъ въ Святую Землю. Въ отчетномъ году подъ покровительствомъ общества перебывало въ Палестинѣ 6,260 паломниковъ и, кромѣ того, палестинскія учрежденія общества дали у себя пріютъ участникамъ 7 учебно-воспитательныхъ экскурсій изъ Россіи. Шестью амбулаторіями общества въ палестинскихъ городахъ была оказана медицинская помощь 113,600 чел. Въ школахъ общества въ отчетномъ году обучалось 10,715 дѣтей, при общемъ расходѣ на школы въ 90,000 руб. Среди пожертвованій на дѣла общества за отчетный годъ первое мѣсто занимаютъ 15,000 руб., перешедшіе по духовному завѣщанію архіепископа одесскаго Іустина. По утвержденіи отчета собраніе единогласно избрало въ почетные члены: И. Л. Горемыкина и Н. В. Чарыкова, помощникомъ предсѣдателя М. П. Степанова, въ члены совѣта: М. Н. Галкинъ-Враского, М. П. Боткина и И. Е. Шевича, въ составъ ревизіонной комиссіи избраны: Н. П. Боголюбовъ, А. К. Боярскій и Н. А. Кошелевъ и кандидатами къ нимъ: А. А. Кашинцевъ, Н. А. Мѣдниковъ и Б. А. Тураевъ.

25-лѣтній юбилей неофилологическаго общества. 24 января, въ 2 часа дня, въ актовомъ залѣ университета состоялось торжественное засѣданіе неофилологическаго общества при петербургскомъ университетѣ по случаю исполнившагося 25-лѣтія его дѣятельности. На эстрадѣ, гдѣ былъ помѣщенъ убранный зеленью портретъ покойнаго основателя общества и его пожизненнаго предсѣдателя, академика А. Н. Веселовскаго, заняли мѣста предсѣдатель общества Ѳ. А. Браунъ, члены комитета профессоръ Ѳ. Ѳ. Зѣлинскій, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, Шишмаревъ, Тіандеръ и профессоръ Буличъ. Среди публики, явившейся почтить общество въ день его юбилея, были попечитель петербургскаго учебнаго округа графъ Мусинъ-Пушкинъ, академики, профессора разныхъ учебныхъ заведеній и много студентовъ и курсистокъ. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя Ѳ. А. Брауна, благодарившаго всѣхъ собравшихся на праздникъ общества и предложившаго почтить вставаніемъ память почившихъ главныхъ дѣятелей общества А. Н. Веселовскаго, профессора Ор. Ѳ. Миллера, А. Н. Пыпина, профессора И. Н. Жданова, профессора Ернштедта и Петра Ис. Вейнберга. Секретарь общества профессоръ Д. К. Петровъ прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности общества за 25 лѣтъ. Въ настоящее время общество насчитываетъ 269 членовъ, при немъ образованы двѣ секціи: лингвистическая и педагогическая. За недостаткомъ средствъ общество до сихъ поръ не можетъ издавать журналъ, гдѣ бы могли печататься труды чле-

новъ общества. По прочтеніи отчета о дѣятельности общества, начались привѣтствія депутацій. Первой привѣтствовала общество депутація отъ совѣта профессоровъ петербургскаго университета въ составѣ ректора И. И. Боргмана, проректора Э. Д. Гримма и декана В. А. Жуковскаго. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ депутацій: отъ историко-филологическаго факультета (профессора И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и профессоръ М. И. Ростовцевъ), отъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ (академики А. А. Шахматовъ, Ламанскій и Фортунатовъ), отъ высшихъ женскихъ курсовъ (профессоръ Гревсъ), отъ курсовъ Раева, отъ историко-филологическаго института, отъ педагогической академіи, отъ историческаго общества (профессоръ Н. И. Карѣевъ), отъ философскаго общества (профессоръ А. И. Введенскій и И. И. Лапшинъ), отъ археологическаго общества (академикъ Ламанскій), отъ студентовъ филологическаго факультета и др. Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, за подписью августѣйшаго предсѣдателя и академиковъ А. Шахматова, В. Истрина, Н. Котляревскаго, А. Соболевскаго, Н. Кондакова и Ф. Фортунатова, былъ поднесенъ адресъ, въ которомъ выражается увѣренность, что «общество и будущею дѣятельностью своею закрѣпитъ то свое значеніе и ту славу, которыя созданы непрерывными трудами секцій общества и блестящими докладами его членовъ, среди которыхъ былъ и дорогой отдѣленію покойный Ал. Ник. Веселовскій». По окончаніи чествованія профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій сдѣлалъ блестящій докладъ о поэмѣ Овидія «Героини», причемъ иллюстрировалъ свои положенія одною изъ 15-ти частей поэмы въ собственномъ стихотворномъ переводѣ. Въ заключеніе предсѣдатель профессоръ Ѳ. А. Браунъ огласилъ списокъ почетныхъ членовъ общества. Избраны: Алексѣй Николаевичъ Веселовскій (братъ покойнаго Александра Николаевича), Ѳ. Е. Коршъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, академикъ Ф. Ф. Фортунатовъ, поэтъ-переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ, провансальскій поэтъ Мистраль, иностранные ученые Луи Леже, А. Морель-Фатіо, Л. Виммеръ, В. Томсенъ, А. Норенъ, Ф. Іонсонъ, Г. Пауль, В. Мейеръ, Любке, Г. Греберъ, В. Ферстеръ, Піо Райна, А. д'Анкона, Г. Шюкъ, Седеріельмъ.

Литературно-театральный музей. А. А. Бахрушинъ обратился въ академію наукъ съ предложеніемъ принять въ даръ матеріалы, собранные имъ въ теченіе 15 лѣтъ для учрежденія литературно-театральнаго музея. Въ ходатайствѣ указывается, что матеріалы эти распадаются на три отдѣла: литературный, театральный и музыкальный. Литературный отдѣлъ состоитъ изъ автографовъ и рукописей русскихъ и иностранныхъ писателей и композиторовъ, писемъ разныхъ лицъ, документовъ, относящихся къ ихъ жизни и дѣятельности, портретовъ и т. д. Театральный отдѣлъ обнимаетъ различныя реликвіи какъ выдающихся артистовъ и артистокъ, такъ и заурядныхъ работниковъ сцены, ихъ портреты (живописные, карандашные, гравированные, литографированные, фотографическіе) и скульптуры, автографы, литературу объ артистахъ, карикатуры, старинныя пьесы (рукописныя и печатныя), старинные театральные аттрибуты, эскизы декорацій, предметы, касающіеся театральныхъ постановокъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, костюмы, изготовленные по рисункамъ извѣстныхъ художниковъ, афиши, планы и рисунки театровъ,

архивные документы о театрѣ въ Россіи и т. д. Въ музыкальный отдѣлъ входятъ старинныя ноты и коллекція старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ. По предложенію А. А. Бахрушина, музей долженъ оставаться въ Москвѣ и носить названіе «Литературно-театральный музей академіи наукъ имени А. Бахрушина». Музей, пока закрытый для публики, помѣщается въ домѣ А. А. Бахрушина, въ Замоскворѣчьѣ, на углу Лужнецкой и Валовой улицъ. Кромѣ большой библіотеки, музей г. Бахрушина имѣетъ спеціальныя витрины, посвященныя Пушкину, Гоголю, Бѣлинскому, Грибоѣдову, Островскому. Далѣе имѣется цѣнная коллекція театральныхъ макетъ и художественныхъ работъ для сценическихъ постановокъ; въ число ихъ входятъ работы покойнаго А. П. Ленскаго. По исторіи театра музей имѣетъ еще модели постановокъ мистерій въ Западной Европѣ, а также въ Россіи въ старое время (напримѣръ, «вертепъ»). Есть также рѣдкости по драмѣ, оперѣ, балету. Имѣется большая коллекція музыкальныхъ инструментовъ, какъ новѣйшихъ, такъ и историческихъ, а также музыкальные инструменты народовъ Востока и разныхъ дикарей. Интересны альбомы автографовъ писателей, рисунки декорацій временъ управленія въ 40-хъ годахъ казенными театрами Гедеонова; портретъ Пушкина работы Мазера и оригиналъ посмертной маски съ поэта. Недавно г. Бахрушинъ пріобрѣлъ также архивъ по опекѣ надъ А. С. Пушкинымъ. Имѣются еще постановки «Гамлета», написанныя графомъ Сологубомъ, рисунки Лансере, Билибина, Врубеля, Рериха, Добужинскаго и много др.; рукопись «Соборянъ» Лѣскова, альбомъ С. Д. Пономаревой съ посвященіями Пушкина, Крылова и др., черновикъ-тетрадь А. Жемчужникова (афоризмы Кузьмы Пруткова), всеподданнѣйшій докладъ цензурнаго вѣдомства о недопустимости постановки «Горе отъ ума» съ собственноручной на поляхъ помѣткой Николая I о томъ, что пьеса имъ, напротивъ, разрѣшается къ постановкѣ; витрина, посвященная И. Ѳ. Горбунову, съ его записками; витрины артистовъ и сценическихъ дѣятелей: Мочалова, М. С. Щепкина, Музиля, П. М. Медвѣдева, Е. Н. Жулевой, Живокини, В. В. Самойлова, И. В. Самарина, В. А. Макшеева, Н. Н. Соловцова; витрины Глинки, Сѣрова, Чайковскаго и В. В. Стасова; портреты, вещи и модели ногъ извѣстныхъ танцовщицъ: Цукки, Тальони, Кшесинской, Павловой, Баратъ и т. д.; коллекція карикатуръ на артистовъ и представителей сцены. Хранится еще экземпляръ сумароковскаго «Гамлета» Ѳ. Волкова, по которому знаменитый артистъ исполнялъ заглавную роль, лѣпную работу—проектъ памятника Гоголю—А. П. Ленскаго, слѣпокъ съ руки Кубелика, портретная галерея домашней труппы одного изъ графовъ Шереметевыхъ, относящаяся къ XVIII столѣтію, и мн. др.

Выставка коллекцій монголо-сычуаньской экспедиціи. 1 февраля въ новомъ зданіи русскаго географическаго общества (Демидовъ пер., 8а) открылась выставка коллекцій монголо-сычуаньской экспедиціи подполковника П. К. Козлова. Главный интересъ выставки заключается въ коллекціяхъ, вывезенныхъ экспедиціей изъ открытаго древняго города Хара-Хото. Въ большомъ количествѣ представлена буддійская иконопись на шелку и холстѣ. Несмотря на то, что Хара-Хото находится въ развалинахъ свыше 800 лѣтъ, живопись очень хорошо сохранилась. Въ особыхъ витринахъ выставлены предметы

древней культуры. Тутъ и образцы одежды, обуви, посуды, глиняные и деревянные предметы религіознаго культа, денежные знаки, деревянные бурханы и т. д. Въ одной изъ витринъ собраны остатки пищи, найденные экспедиціей: орѣхи, горохъ, косточки фруктовъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе коллекція клише съ надписями на языкѣ «Си-ся» (мертвый языкъ). На томъ же языкѣ написаны найденныя въ большомъ количествѣ рукописи. Въ настоящее время удалось уже разобрать около 150 словъ. Привезенная изъ Хара-Хото библіотека представляетъ большой интересъ съ научной точки зрѣнія. Экспедиція собрала большую коллекцію, изображающую древній и современный буддизмъ. Останавливаютъ на себѣ вниманіе буддійская иконопись, миніатюры лабранской работы, монголо-тибетскія ладонки, божества Дара, Докшитъ и др. Въ буддійскомъ отдѣлѣ, кромѣ того, выставлены тибетскія ткани, шляпы ламы, украшенія тонгутки, тонгутская обувь, музыкальные инструменты—гонгъ, литавры, мандалъ, мраморная флейта и т. д. Китайскій отдѣлъ богато представленъ древней и современной живописью и лубочными картинками. Здѣсь также интересныя тибетскія сукна, бронзовыя издѣлія, китайская и индо-тибетская парча, китайское оружіе и пр. Въ особой витринѣ находится интересная модель китайскаго судна, спущеннаго въ Ян-цзы-цзянъ. Недалеко отъ этой витрины стоятъ двѣ большія религіозныя трубы, принесенныя въ даръ далай-ламой русскому географическому обществу. Въ отдѣльной комнатѣ расположены рѣдкія растенія, собранныя С. С. Четыркинымъ въ центральной и южной Монголіи, провинціи Ганьсу, на озерѣ Кукуноръ, въ оазисѣ Дынъ-юань-инъ и т. д.

Общество изученія Смоленской губ. [1]). Вотъ уже годъ, какъ въ Смоленскѣ возникло общество изученія Смоленской губ. и проектъ его устава получилъ утвержденіе. Молодое общество поставило себѣ очень широкія задачи, заставившія его на одномъ изъ «общихъ собраній» разбиться на нижеслѣдующія секціи: 1) археологія и исторія; 2) географія, антропологія и этнографія; 3) геологія, минералогія, почвовѣдѣніе; 4) ботаника; 5) зоологія; 6) агрономія; 7) статистика, медицинская статистика, преступность; 8) народное образованіе; 9) обычное право; 10) промышленность, кооперативныя учрежденія; 11) торговля и пути сообщенія; 12) метеорологія. Кромѣ того, при обществѣ учрежденъ особый фотографическій отдѣлъ, съ цѣлью собрать снимки всякихъ видовъ, селъ, деревень, усадебъ, городищъ, церковницъ, урочищъ, а также типовъ, не только людей, но и породъ скота и пр. Черезъ посредство мѣстнаго органа общество уже обратилось ко всѣмъ лицамъ и любителямъ фотографіи съ просьбою доставлять снимки или даже негативы, не стѣсняясь ихъ качествомъ и количествомъ, такъ какъ все присланное будетъ обрабатываться, классифицироваться и и распредѣляться по отдѣламъ. Мѣстная землевладѣлица княгиня Е. К. Святополкъ-Четвертинская предоставила обществу безплатно прекрасное помѣщеніе въ ея домѣ, находящемся рядомъ съ

[1]) Сообщила Е. Клетнова.

музеемъ княгини Тенишевой. Тамъ будутъ размѣщаться коллекціи общества, состоящія пока главнымъ образомъ изъ чучелъ всевозможныхъ породъ мѣстныхъ птицъ. Но и помимо орнитологіи намѣчаются и собираются коллекціи по другимъ естественно-историческимъ отдѣламъ. Тутъ же общество надѣется сосредоточить свою библіотеку, въ которой желало бы собрать по возможности всѣ сочиненія, книги, брошюры и даже рукописи, относящіяся до Смоленской губерніи, а равно и всякія произведенія авторовъ, прирожденныхъ смолянъ или вообще своей служебной или общественной дѣятельностью такъ или иначе связанныхъ со Смоленскомъ. Въ общество всѣмъ своимъ составомъ вошелъ «агрономическій кружокъ студентовъ-смолянъ» московскаго агрономическаго института, который уже фактически и, надо сказать, весьма удачно проявилъ свою дѣятельность, во-первыхъ, устройствомъ нѣсколькихъ общедоступныхъ лекцій, прочитанныхъ московскими профессорами, но главное—устройствомъ этимъ лѣтомъ подвижныхъ показательныхъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ по деревнямъ и селамъ Смоленскаго уѣзда. Выставка была собрана изъ различныхъ, доступныхъ крестьянину земледѣльческихъ машинъ, взятыхъ въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ складѣ, изъ образцовъ посѣвныхъ сѣмянъ и минеральныхъ удобрительныхъ туковъ, изъ картограммъ, чертежей и волшебнаго фонаря съ коллекціей туманныхъ картинъ. Затѣмъ весь этотъ скрабъ водруженъ на нѣсколько подводъ, которыя передвигали его изъ селенья въ селенье и такимъ необычнымъ транспортомъ уже создавали себѣ рекламу. Въ извѣстныхъ селеніяхъ караванъ останавливался, разбиралъ свое содержимое, а для размѣщенія его пользовался преимущественно пустующими въ лѣтнее время школьными зданіями. Сюда появлялись сперва деревенскіе любопытствующіе ребятишки и подростки, за ними взрослые. Кончалось тѣмъ, что въ праздничные дни въ особенности выставку посѣщали сотни крестьянъ и съ возрастающимъ интересомъ разсматривали, испытывали и выражали желаніе пріобрѣтать экспонаты, а также слушали лекціи, но особенно вели собесѣдованія. Выставка продолжалась около мѣсяца въ іюнѣ и эту первую пробу нагляднаго проведенія въ деревняхъ сельско-хозяйственныхъ знаній слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе удавшейся. Результаты ея сказались тотчасъ и въ приговорахъ для перехода къ травосѣянію и въ пріобрѣтеніи окучниковъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ орудій усовершенствованнаго типа, и въ выпискѣ цѣлыми обществами минеральныхъ удобреній. На будущій годъ уже многія уѣздныя земства ассигновали извѣстныя суммы на устройство подобныхъ выставокъ въ своихъ районахъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ безусловно отмѣтить, что годичное существованіе юнаго общества проявило себя не только чисто-научной, но и практически-полезной дѣятельностью и надо надѣяться, что въ будущемъ оно сумѣетъ достойно справиться со всѣми своими сложными и многообразными задачами и тѣмъ самымъ возбудить къ себя общественное сочувствіе и интересъ.

Чествованіе «Русской Мысли». 6 февраля въ большомъ залѣ литературно-художественнаго кружка чествовали В. М. Лаврова по случаю исполнившагося 30-лѣтія существованія «Русской Мысли». Въ чествованіи участвовало до 60 человѣкъ. Среди нихъ находились: Н. В. Давыдовъ, профессоръ

А. А. Кизеветтеръ, профессоръ Л. М. Лопатинъ, профессоръ И. А. Каблуковъ, предсѣдатель общества любителей русской словесности А. Е. Грузинскій, члены общества, предсѣдатель совѣта общества дѣятелей періодической печати Ю. А. Бунинъ, предсѣдатель правленія общества И. И. Поповъ, почетный академикъ И. А. Бунинъ, редакторъ «Вѣстника Воспитанія» Н. Ф. Михайловъ, Д. И. Тихомировъ, В. И. Немировичъ-Данченко, артистки: А. А. Яблочкина, Н. А. Микулина, артисты: князь А. И. Сумбатовъ, К. Н. Рыбаковъ, О. А. Правдинъ, г-жи Н. А. Вербицкая, А. Р. Крандіевская, М. П. Чехова и др. представители литературы и общественные дѣятели. Первую рѣчь за ужиномъ сказалъ Н. В. Давыдовъ, освѣтившій 30-лѣтнюю дѣятельность В. М. Лаврова, какъ издателя «Русской Мысли» и одного изъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ, и выразившій ему благодарность за то, что сдѣлано имъ для русской литературы и русскаго общества. Обширную рѣчь произнесъ профессоръ А. А. Кизеветтеръ, отмѣтившій, что В. М. жертвовалъ для журнала «Русская Мысль» не только свои средства, но и свою жизнь. Онъ сроднился съ журналомъ и жилъ его интересами. В. М. началъ это изданіе въ благопріятное время для русской печати, но скоро началось время реакціи, когда у всѣхъ опустились руки, и въ это время упадка и реакціи В. М. не падалъ духомъ, а напротивъ, всѣхъ призывалъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Затѣмъ ораторъ отмѣтилъ широкое значеніе участія въ журналѣ В. А. Гольцева. Въ заключеніе онъ поднялъ бокалъ за здоровье заслуженнаго пловца, который пустилъ свою ладью, когда кипѣла въ морѣ буря, и выкинулъ флагъ со словами: «Свобода, просвѣщеніе и благо народа». Предсѣдатель общества россійской словесности А. Е. Грузинскій привѣтствовалъ юбиляра отъ лица общества любителей русской словесности, какъ одного изъ сочленовъ. Касаясь переводовъ В. М. Лаврова, ораторъ указалъ на ихъ литературное значеніе. Въ особую заслугу поставилъ онъ переводы Сенкевича и распространеніе его идей и стремленій въ русскомъ обществѣ. «Русская Мысль» просуществовала 30 лѣтъ, а это при условіяхъ русской политической жизни—Маѳусаиловы годы,—заключилъ свою рѣчь г. Грузинскій. Далѣе произнесены рѣчи А. И. Южинымъ, отмѣтившимъ, что «Русская Мысль» была объединяющимъ центромъ между литературой и театромъ, а также Н. Ф. Михайловымъ и В. И. Немировичемъ-Данченко. Послѣ рѣчей А. И. Южинъ прочиталъ привѣтственныя телеграммы: отъ С. А. Муромцева, сенатора А. Ѳ. Кони, П. Б. Струве, отъ общества дѣятелей періодической печати и литературы, «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Слова», отъ наборщиковъ «Русской Мысли», И. И. Иванюкова, Н. Н. Златовратскаго, В. О. Ключевскаго, М. А. Стаховича, П. Д. Боборыкина, Г. Н. Ѳедотовой, М. Н. Ермоловой, Д. А. Дриля, А. Ѳ. Фортунатова, профессора Лаврова, А. Р. Ледницкаго, Вас. Ив. Немировича-Данченко, арт. Книпперъ, профессора Н. И. Карѣева, профессора К. И. Новгородцева и др.

Чествованіе памяти А. П. Чехова. По случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня рожденія А. П. Чехова въ Петербургѣ состоялся рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ памяти покойнаго писателя. Съ большой торжественностью и при громадномъ стеченіи разнообразной публики прошелъ вечеръ, устроенный 15 января литературнымъ обществомъ, и вечеръ, состоявшійся

16 января въ залѣ Тенишевскаго училища, по инициативѣ Литературнаго фонда. На томъ и другомъ вечерѣ С. А. Адріановъ прочиталъ докладъ, въ которомъ далъ характеристику литературной дѣятельности А. П. Чехова и выяснилъ его значеніе для русскаго общества. Въ литературномъ обществѣ сдѣлала докладъ О. А. Шапиръ, остановившаяся подробно на женскихъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ «поэта среднихъ и хмурыхъ людей». Громадный успѣхъ на этомъ вечерѣ имѣли чтенія разсказовъ и отдѣльныхъ отрывковъ изъ произведеній покойнаго писателя. Выступали г-жи: Іолшина, Майская и Л. Б. Яворская, гг.: Е. Н. Чириковъ, Ф. Н. Елисѣевъ, князь В. В. Барятинскій, Дм. Цензоръ, Н. Н. Ходотовъ и др. На вечерѣ въ залѣ Тенишевскаго училища А. А. Лукьяновъ прочиталъ свое стихотвореніе «На смерть Чехова». М. Г. Савина, Н. Н. Ходотовъ и В. И. Петровъ разыграли двѣ сцены изъ драмы «Ивановъ». Публика много разъ вызывала артистовъ. Въ сценахъ изъ чеховской драмы «Чайка» съ громаднымъ успѣхомъ выступали М. А. Ведринская (Нина Зарѣчная), В. И. Всеволодскій (Тригоринъ) и В. Э. Мейерхольдъ (Треплевъ). Въ чтеніяхъ приняли участіе: артистка императорскихъ театровъ Д. М. Мусина, В. Г. Іолшина, артистъ П. В. Самойловъ и др. На вечерѣ, устроенномъ литературно-художественнымъ кружкомъ имени Я. П. Полонскаго, П. М. Родецкій сдѣлалъ докладъ на тему: «А. П. Чеховъ съ точки зрѣнія наслѣдственности». С. Ф. Годлевскій посвятилъ свою рѣчь Чехову, какъ писателю и человѣку, а В. Н. Ладыженскій подѣлился съ присутствующими своими воспоминаніями о покойномъ писателѣ. Въ литературномъ отдѣленіи приняли участіе: Д. М. Мусина, М. А. Владиміровъ, О. А. Голубева, Л. Н. Шувалова, Е. Г. Зотова, С. И. Яковлевъ, Н. Н. Ходотовъ, А. А. Санинъ, В. В. Чеховъ, Е. П. Петрова, В. И. Петровъ и др. Поставлены были отдѣльныя сцены изъ «Чайки», читались 2-й актъ изъ «Дяди Вани», «Тоска», «Предложеніе» и др. По почину общества народныхъ университетовъ въ залѣ Тенишевскаго училища состоялась публичная лекція, посвященная памяти А. П. Чехова. Лекторомъ предъ многочисленной публикой выступилъ К. И. Арабажинъ. Отозвались и наши театры. 16 января въ Маломъ театрѣ былъ поставленъ «Вишневый садъ». На слѣдующій день та же пьеса шла въ Александринскомъ театрѣ. Въ Новомъ драматическомъ театрѣ были поставлены 17 января «Три сестры». Театры были переполнены. Въ Новомъ театрѣ состоялся 17 января очень удачный вечеръ въ память А. П. Чехова, привлекшій многочисленную публику, совершенно переполнившую театръ. На авансценѣ красовался большой бюстъ А. П. Чехова, утопавшій въ цвѣтахъ. М. Н. Невѣдомскій прочиталъ докладъ о покойномъ писателѣ. Затѣмъ были инсценированы и прочитаны нѣкоторые разсказы Чехова. Въ вечерѣ приняли участіе многіе писатели и артисты. Между прочимъ, выступили Д. М. Мусина, О. Э. Озаровская, І. А. Балабанъ, В. В. Чеховъ, Е. Н. Чириковъ и др. Въ Москвѣ чеховскій день начался двумя панихидами на могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Присутствовали: О. Л. Книпперъ-Чехова, сестра М. П. и И. П. Чеховы и артисты Художественнаго театра. Вторая панихида была совершена по инициативѣ кружка студентовъ имени Чехова. На могилу возложено нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ Художественнаго театра, отъ союза драматическихъ писателей. Въ $11^1/_2$ часовъ, по

иниціативѣ Художественнаго театра, совершена панихида въ приходской церкви. Въ 1 часъ дня въ Художественномъ театрѣ состоялось Чеховское утро, привлекшее цвѣтъ московскаго общества. На утрѣ присутствовали: Л. Андреевъ съ женой, художникъ Сѣровъ, композиторъ Скрябинъ и мн. др. Артисты Художественнаго театра размѣстились на сценѣ за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Среди нихъ была и г-жа Книпперъ. В. И. Немировичъ-Данченко предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ; затѣмъ произнесъ рѣчь о роли Чехова въ Художественномъ театрѣ и попутно далъ характеристику Чехова, какъ человѣка. Послѣ рѣчи артисты исполнили одинъ актъ изъ «Иванова», сидя за столомъ, безъ суфлера. Исполненіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на многочисленную публику и вызвало бурю аплодисментовъ. Затѣмъ И. А. Бунинъ прочелъ уже напечатанныя воспоминанія о Чеховѣ. Потомъ былъ разыгранъ третій актъ изъ «Дяди Вани», также сидя и безъ грима. Закончилось утро исполненіемъ двухъ чеховскихъ сценокъ «Унтеръ Пришибѣевъ» и «Хирургія». Для семьи покойнаго была отведена прекрасная ложа, украшенная цвѣтами. Въ Введенскомъ народномъ домѣ былъ поставленъ «Ивановъ». Спектакль привлекъ такую массу публики, что половинѣ не хватило мѣста. Передъ спектаклемъ В. Е. Ермоловъ произнесъ рѣчь, посвященную Чехову. Въ засѣданіи чеховскаго студенческаго кружка участвовали Вл. И. Немировичъ-Данченко, Качаловъ и др. Въ таганрогской думѣ состоялось торжественное засѣданіе въ память Чехова. Городской голова въ своей рѣчи отмѣтилъ любовь писателя къ родному городу, выразившуюся въ постоянныхъ щедрыхъ подаркахъ городской библіотекѣ и горячемъ участіи въ сооруженіи въ Таганрогѣ лучшаго въ Россіи памятника Петру Великому. Въ полтавскомъ городскомъ театрѣ состоялся торжественный спектакль, посвященный памяти Чехова. Были произнесены рѣчи и возложены вѣнки на бюстъ покойнаго писателя. Тихвинское «общество образованія» чествовало память Чехова литературнымъ вечеромъ въ помѣщеніи земской управы. Въ Николаевѣ состоялось чествованіе памяти покойнаго постановкой въ городскомъ театрѣ «Дяди Вани». Въ Минскѣ въ русскомъ собраніи и драматическомъ театрѣ состоялись празднества, посвященныя памяти Чехова.

Юбилей князя В. П. Мещерскаго. 14 января, въ двѣнадцать часовъ въ квартирѣ издателя-редактора «Гражданина» собрались его почитатели. Начался молебенъ, а затѣмъ была поднесена юбиляру икона, копія съ одной изъ древнихъ шереметевскихъ иконъ византійскаго письма. Затѣмъ начались привѣтствія: былъ прочитанъ адресъ отъ правой печати, отъ союза русскаго народа, очень хорошіе стихи прочла постоянная сотрудница «Гражданина», г-жа Уманецъ. По окончаніи этихъ привѣтствій состоялся завтракъ, во время котораго были произнесены рѣчи: членомъ государственнаго совѣта Платоновымъ, предсѣдателемъ союза русскаго народа А. И. Дубровинымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ союза русскаго народа М. Ф. Булацелемъ и другими. Всѣ рѣчи сводились къ тому, что въ лицѣ князя Мещерскаго идеи самодержавнаго строя находили вѣрнаго и искренняго поборника, оставшагося непреклоннымъ въ самыя тяжелыя минуты общественнаго шатанія. Юбиляръ, крайне растроганный, отвѣчалъ небольшой рѣчью, въ которой благодарилъ присутствовав-

шихъ за содѣйствіе и участіе, которое онъ встрѣтилъ въ лицѣ своихъ единомышленниковъ, собравшихся сегодня на его юбилей. Завтракъ прошелъ съ большимъ оживленіемъ и задушевностью. Среди присутствовавшихъ находились генералъ-адъютанты: Дубасовъ и Ниловъ, члены государственнаго совѣта Стишинскій, Шлиппе, Брянчаниновъ, Штюрмеръ, Платоновъ и Галкинъ-Враской; членъ государственной думы, издатель газеты «Земщина», С. К. Володиміровъ; предсѣдатель русскаго собранія графъ Гейденъ; сенаторы: Охотниковъ, Огаревъ и Неклюдовъ; товарищъ министра юстиціи Чаплинъ; графини Игнатьева и Толстая, княгини Орбеліани, Огарева и др. Тутъ же находился бывшій министръ торговли и промышленности В. И. Тимирязевъ. Среди многочисленныхъ привѣтствій камергеръ Н. Ф. Бурдуковъ прочиталъ слѣдующую телеграмму генералъ-лейтенанта Е. В. Богдановича: «Болѣзнь принудила меня остаться дома въ день вашего праздника, дорогой юбиляръ, и лишила возможности лично привѣтствовать васъ съ пятидесятой годовщиною вашей разнообразной, неистощимой и всегда глубоко-патріотической литературной дѣятельности. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ мысленно обнять васъ сегодня, сердечно-уважаемый князь Владиміръ Петровичъ, что праздную нынче свой собственный маленькій юбилей: сегодня исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ я сталъ неизмѣннымъ читателемъ произведеній пера вашего. Какъ далеко уходятъ мои воспоминанія и какіе свѣтлые дни рисуетъ мое воображеніе! Мнѣ видится наше дружеское сближеніе въ Кіевѣ, въ генералъ-губернаторство Анненкова, вспоминается пышность и веселье «боярскаго схода», блестящіе танцы въ русскихъ костюмахъ, ваше великолѣпное описаніе праздника въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и статья Каткова, привѣтствовавшаго вѣяніе русскаго духа въ Кіевскомъ краѣ. Благо вамъ, отъ праздниковъ молодости до юбилейныхъ дней старости сохранившему въ сердцѣ и въ мысляхъ этотъ русскій духъ среди всѣхъ треволненій, колебаній и смутъ минувшаго полувѣка! Вашъ юбиляръ-читатель слишкомъ сжился съ писателемъ-гражданиномъ, чтобы согласиться на разлуку съ нимъ, и старый издатель «Каѳедры Исаакіевскаго собора» твердо вѣритъ, что не умолкнетъ голосъ «Гражданина», не оскудѣетъ перо князя Мещерскаго и, какъ воинъ на своемъ посту, онъ не выпуститъ изъ рукъ оружія своей мысли, доколѣ непреложная высшая воля не скажетъ «довольно». Будемъ вѣрить, что еще долго не раздастся это слово, и пожелаемъ дорогому юбиляру многихъ и многихъ лѣтъ неустанной патріотической проповѣди въ духѣ русскихъ историческихъ началъ». Отъ союза правой печати было прочитано слѣдующее привѣтствіе: «Глубокоуважаемый князь Владиміръ Петровичъ! Полвѣка тому назадъ вы избрали стезю писателя, вы почувствовали и поняли, что на этомъ, хотя трудномъ, но широкомъ и свободномъ поприщѣ вашъ патріотизмъ и ваши блестящія дарованія сумѣютъ сдѣлать больше для блага Россіи, чѣмъ служба даже въ первыхъ рядахъ блестящей петербургской бюрократіи, среди которой вы по рожденію и воспитанію, безспорно, могли разсчитывать на быстрый успѣхъ. Рядомъ блестящихъ романовъ изъ жизни большого свѣта вы рано упрочили за собою заслуженную извѣстность крупнаго и яркаго художника слова, но ультра-либеральныя западническія вѣянія въ царствованіе императора Александра II заставили вашу прозорливую го-

сударственную мысль всецѣло сосредоточиться на защитѣ національныхъ началъ русской государственности, и вы стали журналистомъ. Часто одинокій, постоянно преслѣдуемый быстро множившеюся, якобы, прогрессивною печатью, вы мужественно продолжали борьбу за дорогія вамъ русскія начала и всегда умѣли силою своей убѣжденности и таланта заставлять считаться не только общество, но и правительство съ «Гражданиномъ», вами основаннымъ около сорока лѣтъ тому назадъ и по сей день вами руководимымъ. Послѣ незабвеннаго Михаила Никифоровича Каткова, вы долго оставались почти единственнымъ передовымъ борцомъ въ печати противъ разрушительной проповѣди западнаго либерализма, давно выродившагося въ Россіи въ позорное пресмыкательство предъ Европой и въ рабій космополитизмъ. Но ни преслѣдованія, ни насмѣшки, ни постоянное торжество вашихъ политическихъ противниковъ въ правящей сферѣ, ни подкравшаяся старость не побѣдили вашей непреклонной воли, вашего адамантоваго духа писателя-патріота. Теперь, глубокочтимый князь Владиміръ Петровичъ, вы не одинъ. Тяжкія потрясенія, пережитыя Россіей за послѣдніе годы инородческой смуты, окружили васъ густою толпою единомышленниковъ и сотрудниковъ. Всѣ искренно любящіе свою родину поняли глубокую правоту того дѣла, которому вы отдали полвѣка вашего служенія русскимъ народнымъ идеаламъ на литературно-публицистическомъ поприщѣ. Русскій народъ проснулся отъ вѣковой дремоты и выставилъ уже однажды въ разгарѣ послѣдней смуты безчисленное ополченіе вѣрныхъ своихъ дѣтей на защиту въ кровавыхъ схваткахъ тѣхъ же началъ, за которыя вы полвѣка безъ перерыва изо дня въ день, капля за каплей теряли молодость, личное счастье, жизненныя силы, самую жизнь. Оглянитесь, князь, на современное вамъ русское общество той поры, когда вы начали свою дѣятельность публициста, и всмотритесь въ настроеніе огромной части нынѣшняго общества. Вѣрьте, что въ растущемъ изо дня въ день среди всѣхъ сословій родного вамъ народа національномъ движеніи вы найдете живые всходы тѣхъ добрыхъ сѣмянъ, которыя вы полвѣка широко сѣяли и неутомимо продолжаете сѣять. И пусть эта увѣренность поддержитъ вашу слабѣющую руку для дальнѣйшихъ трудовъ и дастъ вамъ то глубокое душевное удовлетвореніе исполненнаго долга, которое будетъ сопутствовать вамъ, какъ самая драгоцѣнная награда за полувѣковый подвигъ вашъ во славу русскаго Царя-Самодержца и на благо родного великаго народа. Выразить вамъ въ нынѣшній знаменательный день вашей жизни эти мысли и чувства вмѣстѣ съ своими сердечными благопожеланіями союзъ единомышленной вамъ правой русской печати почитаетъ долгомъ своего глубокаго уваженія и искренней преданности». Всеобщее вниманіе было обращено на подаренный юбиляру фотографическій портретъ Государя Императора съ надписью: «Князю В. П. Мещерскому. Неутомимому борцу за сохраненіе историческихъ устоевъ для правильнаго развитія Русскаго государства. Николай. 14 января 1910». Въ теченіе дня къ князю В. П. Мещерскому заѣзжали предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ, с.-петербургскій градоначальникъ свиты Его Величества генералъ-майоръ Драчевскій и многія другія высокопоставленныя лица. Получены привѣтствія отъ министра финансовъ

статсъ-секретаря В. Н. Коковцова, главноуправляющаго вѣдомствомъ императрицы Маріи князя Голицына, издателя «Новаго Времени» А. С. Суворина, изъ Москвы отъ протоіерея Восторгова, отъ епископа Иннокентія изъ Кіева и отъ многихъ другихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей.

Юбилей М. Н. Ермоловой. Исполнившееся 30 января 40-лѣтіе артистической дѣятельности Маріи Николаевны Ермоловой публично отпраздновано быть не могло. М. Н. пожелала уклониться отъ всякихъ офиціальныхъ чествованій и рано утромъ уѣхала къ Г. Н. Ѳедотовой. Несмотря на это, многочисленныя привѣтствія и поздравленія поступали весь день. Въ отсутствіе М. Н. у нея въ домѣ перебывали очень многіе представители театра, литературы, общественные дѣятели. Между прочими были съ визитомъ московскій городской голова и управляющій московской конторой императорскихъ театровъ. Малый театръ привѣтствовалъ юбилей Ермоловой слѣдующей телеграммой: «Дорогая Марія Николаевна! Мы не можемъ отказаться отъ радости принести вамъ сегодня нашу сердечную любовь, нашу сердечную дружбу и наши горячія пожеланія силъ и здоровья на счастье нашего дорогого театра. Будьте сильны и бодры неизмѣнно, какъ неизмѣнна къ вамъ любовь наша». Кромѣ этого привѣтствія отъ лица Малаго театра, были отдѣльныя поздравленія и телеграммы: отъ семьи Садовскихъ, Г. Н. Ѳедотовой, Е. К. Лешковской, А. И. Южина, О. А. Правдина и другихъ артистовъ. Отъ Художественнаго театра былъ присланы двѣ вазы съ цвѣтами и при нихъ слѣдующее привѣтствіе: «Безконечно счастливы привѣтствовать васъ со всей искренностью нашей любви и преданности. Скромно слѣдующіе за вами, вашимъ тепломъ согрѣтые, вашей вѣрой вдохновляемые». Слѣдуютъ подписи всѣхъ артистовъ Художественнаго театра съ К. Станиславскимъ и Вл. И. Немировичемъ-Данченко во главѣ. Далѣе были телеграммы: отъ русскаго театральнаго общества, отъ театра г. Незлобина, литературно-театральнаго комитета, С. А. Муромцева, А. А. Кизеветтера, Н. В. Давыдова, профессора Лопатина и др. Александринскій театръ привѣтствовалъ слѣдующей телеграммой: «Всѣ наши мысли сегодня съ вами, великая краса, слава и гордость нашей сцены и жизни». Цѣлый рядъ телеграммъ слѣдовалъ отъ отдѣльныхъ лицъ изъ Петербурга, и въ ихъ числѣ «Радости русской сцены низкій поклонъ отъ Савиной». Всего прислано было до 200 телеграммъ.

Аракчеевская Мадонна. Въ соборѣ села Грузина, былой резиденціи всесильнаго временщика временъ Александра I графа А. А. Аракчеева, находится дивное изображеніе Богоматери съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Недавно село Грузино посѣтила группа петербуржцевъ, любителей старины. Ихъ прямо провели въ соборъ и показали одну изъ главныхъ достопримѣчательностей—аракчеевскую Мадонну Петербуржцы были поражены художественностью работы. Имъ объяснили, что Мадонну, по спеціальному заказу графа Аракчеева, писалъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія какой-то знаменитый въ свое время итальянскій художникъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ, знатокъ «аракчеевщины», сдѣлалъ поразительное открытіе: ликъ Мадонны—портретъ всесильной «управительницы» Аракчеева, извѣстной Настасьи Минкиной; ликъ Младенца—портретъ сына Настасьи, прижитаго ею отъ времен-

щика. Въ виду такого сенсаціоннаго открытія пріѣзжіе любители старины, само собой разумѣется, надолго задержались у аракчеевской Мадонны. И при дальнѣйшемъ осмотрѣ случайно сдѣлали новое, еще болѣе замѣчательное открытіе. Складки одежды Мадонны образовывали собою портретъ самого графа Аракчеева. Аракчеевъ очень чтилъ Мадонну. Она висѣла въ грузинскомъ дворцѣ, въ спальнѣ временщика. Когда Настасья Минкина за ея жестокость была убита грузинскими дворовыми, Аракчеевъ часами плакалъ и молился передъ Мадонной. Впослѣдствіи Мадонну перенесли въ грузинскій соборъ. Вѣсть о сдѣланномъ петербуржцами открытіи долетѣла до Новгорода. Архіепископъ новгородскій преосвященный Гурій немедленно командировалъ въ Грузино для провѣрки епископа тихвинскаго Андроника. Епископъ Андроникъ вернулся и подтвердилъ, что все, ставшее извѣстнымъ объ аракчеевской Мадоннѣ,—правда. 19 января въ засѣданіи предварительнаго комитета по созыву въ Новгородѣ областного археологическаго съѣзда епископъ Андроникъ сообщилъ, что аракчеевская Мадонна, въ виду обнаруженнаго кощунства, будетъ убрана изъ грузинскаго собора.

Памятникъ М. Ю. Лермонтову. Устроительный комитетъ всероссійскаго съѣзда художниковъ, на основаніи полномочій, предоставленныхъ ему учрежденнымъ съ Высочайшаго соизволенія комитетомъ по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову, объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника поэту М. Ю. Лермонтову въ городѣ С.-Петербургѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Памятникъ Лермонтову, сооружаемый на средства, дарованныя Государемъ Императоромъ, королевой эллиновъ и высочайшими особами и пожертвованныя воинскими частями, учрежденіями и заведеніями военнаго и другихъ вѣдомствъ, а также частными лицами, будетъ поставленъ предъ Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ, въ которомъ воспитывался поэтъ и гдѣ развился и окрѣпъ его геній. Для памятника будетъ выдѣлена часть сада, выходящаго на Ново-Петергофскій проспектъ, противъ Пріютской улицы. 2) Участвующія въ конкурсѣ лишь отечественныя художественныя силы представляютъ: скульпторы: модель въ $^1/_{14}$ натуральной величины, художники же: фасады и планъ памятника въ $^1/_{14}$ натуральной величины и перспективный видъ въ произвольномъ масштабѣ. Памятникъ долженъ представлять статую поэта въ формѣ одного изъ полковъ, въ которомъ онъ служилъ, на гранитномъ пьедесталѣ, желательно въ стилѣ имперіи, въ виду того, что все зданіе построено въ этомъ характерѣ. Высота всего памятника опредѣлена приблизительно въ 11,5 аршинъ надъ уровнемъ земли. 3) Расходы на памятникъ, считая въ томъ числѣ и фундаментъ, не должны превосходить 30 тысячъ рублей. 4) Модели и проекты памятника должны быть представлены въ законченномъ видѣ 25 апрѣля 1910 года, ровно къ 5 часамъ вечера, въ комитетъ по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову, С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, д. 24, зданіе училища. Отвергнутые проекты должны быть взяты авторами въ теченіе мѣсяца по окончаніи работъ жюри. Послѣ этого срока невзятые проекты поступаютъ въ собственность Лермонтовскаго при училищѣ музея. 5) При проектѣ должны быть приложены: пояснительная записка и смѣта, а

также, въ запечатанномъ конвертѣ, имя, отчество, фамилія и мѣстожительство автора, а на этихъ конвертахъ, равно какъ на пояснительныхъ запискахъ и смѣтахъ, долженъ быть обозначенъ девизъ или знакъ, подъ какимъ будетъ представленъ проектъ. 6) Для оцѣнки конкурсныхъ проектовъ приглашены въ жюри 12 членовъ комитета по сооруженію памятника, 12 членовъ устроительнаго комитета всероссійскаго съѣзда художниковъ и 2 литератора. Оцѣнка производится наличнымъ составомъ членовъ. Три проекта, признанныхъ лучшими, будутъ повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора. 7) Исполненіе Высочайше одобреннаго проекта поручается автору, если таковымъ окажется скульпторъ, въ противномъ случаѣ комитетъ оставляетъ за собою право поручить исполненіе памятника скульптору, причемъ автору, по детальной разработкѣ имъ своего проекта, уплачивается сумма въ размѣрѣ 10 процентовъ окончательной стоимости памятника. Авторъ принятаго проекта обязанъ въ три мѣсяца закончить статую въ одну четвертую дѣйствительной величины. 8) По вопросу, связанному съ исполненіемъ памятника, авторъ участвуетъ въ засѣданіяхъ соединенныхъ комитетовъ на правахъ члена. Соединенные комитеты наблюдаютъ за художественнымъ исполненіемъ проекта и, въ случаѣ неуспѣшности воплощенія идеи въ четверть величины фигуры, они имѣютъ право пригласить для исполненія другое лицо, при установляемомъ соединенными комитетами размѣрѣ вознагражденія автору. 9) За дополнительными справками, а также за полученіемъ особенныхъ плановъ сада и фотографій прилегающей мѣстности и за данными по изслѣдованію почвы подъ мѣстомъ памятника желающіе участвовать въ конкурсѣ имѣютъ обращаться въ комитетъ по сооруженію памятника. 10) Въ случаѣ уничтоженія проектовъ и моделей пожаромъ, а также поврежденій моделей и порчи проектовъ, могущихъ случиться, несмотря на самое осторожное и тщательное обращеніе съ ними, авторы не имѣютъ права требовать какого-либо вознагражденія.

Конкурсъ на проектъ памятника М. Д. Скобелеву въ Москвѣ. Императорская Николаевская военная академія объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника въ Москвѣ національному герою Михаилу Дмитріевичу Скобелеву. Требованія проекта таковы: 1) Памятникъ М. Д. Скобелеву долженъ изображать его верхомъ на лошади, помѣщенной на постаментѣ. Положеніе лошади и поза М. Д. Скобелева, а также форма его одежды предоставляются выбору авторовъ проекта. 2) Конская статуя должна быть бронзовая, высотою не меньше 5 аршинъ. 3) Постаментъ долженъ быть гранитный; на двухъ продольныхъ его сторонахъ должны быть барельефы изъ боевой жизни М. Д. Скобелева: на одной—изъ войны 1877—78 гг., а на другой—изъ войны въ Средней Азіи. На лицевой сторонѣ надпись: «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. 1843—1882 г.». На задней сторонѣ надпись: «Напоминаю войскамъ, что скоро и намъ можетъ предстоять боевое испытаніе; прошу всѣхъ объ этомъ знать и крѣпить духъ молитвою и размышленіемъ, дабы свято до конца исполнить, что требуетъ отъ насъ долгъ присяги и честь имени русскаго». 4) Памятникъ долженъ быть обнесенъ рѣшеткой съ канделябрами по угламъ. 5) Мѣсто для постройки памятника на площади Тверской улицы, противъ дома генералъ-губернатора, причемъ памятникъ лицевой стороной долженъ быть обра-

щенъ къ послѣднему. 6) Стоимость памятника съ рѣшеткой, разсчитанная по цѣнамъ города С.-Петербурга, не должна превосходить 120,000 руб. 7) Проектъ памятника, т.-е. статуи и постамента, долженъ состоять: а) изъ модели въ гипсѣ или воскѣ по выбору автора, б) детальныхъ чертежей постамента и в) подробныхъ расчетовъ стоимости памятника и прочности сооруженія. 8) Величина статуи въ модели должна быть отъ 10 до 12 вершковъ, не считая постамента. 9) Проектъ долженъ быть представленъ безъ обозначенія фамиліи авторовъ, но помѣченъ девизомъ. Къ проекту прилагается запечатанный конвертъ съ тѣмъ же девизомъ на немъ. Въ конвертѣ заключается и адресъ автора. 10) Послѣдній срокъ представленія проекта для городскихъ—полдень 25 мая 1910 г. Къ этому сроку проекты должны быть доставлены въ канцелярію императорской Николаевской военной академіи (Петербургъ, Суворовскій проспектъ, д. № 32б). Для иногородныхъ участниковъ конкурса указанный предѣльный срокъ относится ко дню сдачи проектовъ памятника въ мѣстное почтовое учрежденіе, въ доказательство чего почтовая квитанція должна быть представлена по приведенному выше адресу не позже 5 іюня 1910 г. 11) Изъ проектовъ, представленныхъ на конкурсъ и безусловно удовлетворяющихъ программѣ, четыре проекта, признанные лучшими, получаютъ премію. Первая премія назначается въ 1,000 р., вторая въ 500 р., третья въ 300 р. и четвертая въ 200 р. 12) Комиссію судей для разсмотрѣнія представленныхъ проектовъ и присужденія премій, подъ предсѣдательствомъ начальника императорской Николаевской военной академіи, составятъ: правитель дѣлъ названной академіи, два члена конференціи той же академіи по ея выбору и два члена по выбору начальника академіи, по одному представителю отъ городского управленія Москвы, высшей гражданской власти въ Москвѣ, штаба московскаго военнаго округа, инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, техническаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, императорскаго русскаго военно-историческаго общества, общества архитекторовъ-художниковъ и двухъ представителей отъ императорской академіи художествъ (одинъ скульпторъ и другой архитекторъ), при дѣлопроизводителѣ по назначенію начальника академіи. Личный составъ комиссіи судей будетъ объявленъ въ февралѣ 1910 г. 13) Изъ числа непремированныхъ проектовъ императорская Николаевская военная академія оставляетъ за собой право пріобрѣсти въ свое распоряженіе всякій изъ выбранныхъ ею проектовъ за 150 р. каждый. 14) Премированные, а также пріобрѣтенные проекты составляютъ полную собственность Николаевской военной академіи и могутъ быть ею использованы въ цѣломъ или въ частяхъ при постройкѣ памятника, а равно могутъ быть ею и опубликованы. 15) Премированіе и пріобрѣтеніе того или другого проекта не даетъ автору его права на приглашеніе къ строительству памятника. 16) Проекты, не удостоенные преміи и не пріобрѣтенные Николаевской военной академіей въ собственность, по желанію авторовъ, возвращаются имъ вмѣстѣ съ запечатанными конвертами черезъ лицъ, которыя предъявятъ квитанціи, выданныя при пріемѣ проектовъ, или почтовыя расписки, свидѣтельствующія объ отправленіи проектовъ. Проекты, не взятые обратно авторами въ продолженіе шести мѣсяцевъ, поступаютъ въ собственность императорской Николаевской военной академіи. 17) Для по-

лученія данныхъ по составленію проекта памятника, какъ-то: фотографіи М. Д. Скобелева, плана мѣста, на которомъ предполагается установить памятникъ, свойства грунта на этомъ мѣстѣ и фотографіи строеній, окружающихъ избранную для постановки памятника площадь, а равно за всѣми справками слѣдуетъ обращаться въ канцелярію императорской Николаевской военной академіи. Здѣсь же можно видѣть и снять копію съ портрета М. Д. Скобелева въ натуральную величину. Всѣ запросы по справкамъ о выдачѣ данныхъ для составленія проекта памятника будутъ приниматься въ теченіе шести недѣль со дня объявленія конкурса, послѣ чего никакія обращенія по этому поводу въ Николаевскую академію приниматься уже не будутъ.

НЕКРОЛОГИ.

Боткинъ, С. С. 29 января наука потеряла одного изъ видныхъ дѣятелей въ лицѣ профессора военно-медицинской академіи, почетнаго лейбъ-медика Сергѣя Сергѣевича Боткина. Въ $8^1/_2$ час. утра онъ умеръ отъ кровоизліянія въ мозгу. С. С. родился 13 декабря 1859 года. Въ 1879 году онъ окончилъ вторую с.-петербургскую гимназію съ золотой медалью и поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета с.-петербургскаго университета. Окончивъ курсъ университета со степенью кандидата въ 1883 году, С. С. былъ награжденъ серебряной медалью за сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О вывѣтриваніи полевыхъ шпатовъ». Въ томъ же году онъ поступилъ на третій курсъ военно-медицинской академіи, которую окончилъ въ 1886 году первымъ съ награжденіемъ преміей Буша и занесеніемъ имени на мраморную доску. Оставленъ при академіи по конкурсу на три года въ числѣ врачей для усовершенствованія и въ продолженіе этого времени занимался въ терапевтической клиникѣ у своего отца профессора С. П. Боткина. Въ 1889 году С. С. уѣхалъ на три года за границу, гдѣ преимущественно занимался патологической анатоміей у профессора Реклингаузена въ Страсбургѣ, у профессора Флюгге въ Бреславлѣ по бактеріологіи и въ Берлинѣ у профессора Коха по вопросамъ объ иммунитетѣ и въ терапевтической клиникѣ профессора Гергарда. По возвращеніи въ Россію С. С. получилъ званіе приватъ-доцента академіи и былъ выбранъ на мѣсто старшаго ординатора въ городскую барачную больницу имени профессора С. П. Боткина, гдѣ и работалъ до 1894 года, когда состоялось его избраніе профессоромъ военно-медицинской академіи по каѳедрѣ заразныхъ болѣзней и бактеріологіи. Въ 1896 году С. С. былъ переведенъ на каѳедру академіи терапевтической клиники, занявъ такимъ образомъ каѳедру своего отца. Въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины С. С. представилъ работу, подъ заглавіемъ: «Вліяніе солей рубидія и цезія на сердце и

кровообращеніе въ связи съ законностью физіологическаго дѣйствія щелочныхъ металловъ». Затѣмъ имъ опубликованы слѣдующія работы: «Къ вопросу о связи между химическими свойствами и физіологическимъ дѣйствіемъ щелочныхъ металловъ первой группы по Менделѣеву», «О желудочномъ сокѣ при скорбутѣ», «Колебанія въ составѣ желудочнаго сока при острыхъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ», «Къ вопросу о патологической анатоміи инфекціонной желтухи», его гематологическія изслѣдованія при инъекціи туберкулина и при фибринозномъ воспаленіи легкихъ и тетанусѣ, которыя легли въ основу ученія о лейкоцитолизѣ, «О гастроэнтеритахъ во время холеры», «Описаніе новой анаэробной бактеріи, вызывающей масляно-кислое броженіе молока», «Объ иммунитетѣ» и др. Особенно выдающіеся вклады въ науку сдѣланы были С. С. главнымъ образомъ по бактеріологіи, изслѣдованію крови и инфекціоннымъ болѣзнямъ. По указаннымъ вопросамъ было высказано имъ на своихъ лекціяхъ, читанныхъ студентамъ, много оригинальныхъ мыслей, которыя служили темами для диссертацій и для отдѣльныхъ работъ его многочисленныхъ учениковъ. Въ настоящемъ году С. С. предполагалъ издать свои клиническія лекціи по болѣзнямъ крови и нѣкоторыя изъ нихъ сохранились подробно записанными. Въ 1904 году, лишь только началась война съ Японіей, С. С., не считая для себя возможнымъ стоять въ такое время въ сторонѣ отъ народнаго дѣла, въ слѣдующій же мѣсяцъ уѣхалъ на войну и сперва въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ обязанности помощника главноуполномоченнаго Краснаго Креста сѣверо-восточнаго района дѣйствующей арміи. Затѣмъ онъ былъ назначенъ главноуполномоченнымъ Краснаго Креста сѣверо-восточнаго района дѣйствующей арміи и оставался на войнѣ вплоть до ея окончанія. Не говоря о томъ, что С. С. пришлось положить много труда на борьбу съ болѣзнями, на устройство новыхъ лазаретовъ и на огромное количество исходившихъ отъ него различныхъ административныхъ распоряженій, онъ занимался также и научнымъ изученіемъ формъ теченія болѣзней на Востокѣ. Такъ, имъ впервые было отмѣчено особое клиническое теченіе нѣкоторыхъ тифовъ, названныхъ имъ впослѣдствіи «манчжурскими тифами», при которыхъ была выдѣлена изъ крови и особая палочка. С. С. сдѣлалъ докладъ объ этихъ тифахъ на недавно происходившемъ терапевтическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Это былъ на рѣдкость добрый и отзывчивый человѣкъ. Врачи, работавшіе въ клиникѣ С. С., видѣли въ немъ не только незамѣнимаго наставника съ огромнымъ клиническимъ опытомъ, но и друга. Онъ всегда принималъ близко къ сердцу всѣ ихъ несчастія и выручалъ ихъ изъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, за что они остались неоплатно ему обязанными. Уходя изъ клиники, врачи разносили съ собой славу о рѣдкихъ душевныхъ качествахъ С. С. по различнымъ мѣстамъ нашей родины и такимъ образомъ онъ извѣстенъ, какъ добрый, хорошій человѣкъ не только ограниченному кругу людей, близко знавшихъ его, но и всей Россіи. С. С. всегда удивительно сердечно относился къ больнымъ, любилъ ихъ и они потеряли въ немъ не только одного изъ лучшихъ врачей, но и незамѣнимаго человѣка. (Некрологъ его: «Нов. Вр.», № 12172).

† **Геровскій, Ю. М.** 12 января скоропостижно скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей зарубежной Руси докторъ Ю. М. Геровскій. Покойный при-

надлежалъ къ тому кружку галичанъ, который вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть перелома галицко-русской жизни со времени предоставленія Галиціи въ полное распоряженіе полякамъ. Когда въ 1873 году установлены были въ Австріи прямые выборы въ парламентъ, покойный былъ главнымъ руководителемъ избирательной кампаніи, давшей тогда галичанамъ 17 парламентскихъ депутатовъ—число, потомъ уже не повторявшееся до послѣдней парламентской реформы. Избранный тогда въ депутаты, Ю. М. состоялъ секретаремъ русскаго парламентскаго клуба. Въ 1884 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ львовскаго «Народнаго Дома» и, благодаря его стараніямъ, устроена была при этомъ главномъ тогдашнемъ центрѣ русской жизни въ Галичинѣ публичная библіотека. Въ библіотекари былъ приглашенъ извѣстный галицкій публицистъ Б. И. Дѣдицкій. Немалую заслугу покойнаго составляютъ и его заботы по постройкѣ второй городской церкви во Львовѣ. Въ 1887 г. Геровскій былъ переведенъ на службу въ Инсбрукъ. Во Львовѣ поляки считали его опаснымъ. Его тирольское изгнаніе раздѣлялъ съ нимъ вмѣстѣ и его тесть, извѣстный представитель Угорской Руси А. И. Добрянскій. Геровскій, однако, поддерживалъ сношенія съ родиной, а по окончаніи службы рѣшилъ посвятить ей остатокъ своихъ силъ. Въ 1895 г. онъ основалъ адвокатскую канцелярію въ селѣ Вашковцахъ, около Черновецъ. Русскіе крестьяне находили здѣсь всегда благожелательный совѣтъ, поддержку и защиту. Домъ Геровскихъ въ Черновцахъ былъ всегда открытъ для всѣхъ русскихъ людей, служа однимъ изъ центровъ мѣстнаго русскаго кружка, въ частности кружка русской университетской молодежи. Можно положительно сказать, что въ развитіи русской общественности въ Черновцахъ домъ Геровскихъ сыгралъ очень замѣтную роль. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12166).

† **Гольденштедтъ, К. Г.** Во Владивостокѣ 10 января скончался на 69 г. отъ роду ученый агрономъ и садоводъ Карлъ Георгіевичъ Гольденштедтъ. Смерть унесла одного изъ піонеровъ Дальняго Востока, одного изъ скромныхъ тружениковъ по насажденію культуры Уссурійскаго края. 40 лѣтъ назадъ, прибывъ въ Хабаровскъ на должность чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, покойный тотчасъ же получилъ важное порученіе: изслѣдовать фауну Приморской области. Неустаннымъ трудомъ, напрягая всю свою энергію, работая при самыхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, покойный справился съ возложенной на него задачей. По своимъ дѣльнымъ отчеамъ и по правдивымъ донесеніямъ онъ знакомилъ начальствующихъ лицъ того времени съ истиннымъ положеніемъ дѣла; большинство проектовъ, касающихся землеустройства и садоводства края, проведено было въ жизнь благодаря точнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ неутомимаго, скромнаго ученаго. Кромѣ того, стремясь развить благосостояніе края, покойный по собственному почину первый сталъ примѣнять здѣсь способы культивированія дикихъ растеній. Не ограничиваясь рамками офиціальнаго порученія, Гольденштедтъ при всякомъ новомъ открытіи или достигнутомъ успѣхѣ дѣлился своими трудами съ агрономическими обществами, чѣмъ многимъ подвинулъ впередъ и обогатилъ спеціальную литературу. Послѣ пятилѣтняго упорнаго труда покойный оставилъ должность при генералъ-губернаторѣ и занялся своимъ соб-

ственнымъ хозяйствомъ. Его стремленiемъ было увеличить здѣсь на окраинѣ сельско-хозяйственное производство, поставить его на возможную высоту и личнымъ примѣромъ ввести улучшенiе въ немъ, для чего изъ его питомниковъ широкой рѣкой разливались по краю безплатно лучшiе полезные образцы породъ растенiй. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12179).

† **Коммиссаржевская, В. Ѳ.** 10 февраля въ Ташкентѣ, заразившись на мѣстномъ базарѣ натуральной оспой, скончалась талантливая и популярная драматическая артистка Вѣра Ѳедоровна Коммиссаржевская. В. Ѳ. (родилась въ 1863 г.), дочь извѣстнаго пѣвца Ѳедора Петровича Коммиссаржевскаго, въ первый разъ, еще въ качествѣ начинающей любительницы, выступила на сценѣ въ Москвѣ, въ Нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ сыграла роль Бетси въ «Плодахъ просвѣщенiя», а затѣмъ, вмѣстѣ съ К. С. Станиславскимъ, въ «Горящихъ письмахъ» Гнѣдича. Уже эти робкiе дебюты обнаружили дарованiе В. Ѳ., и покойный И. П. Киселевскiй убѣдилъ ее окончательно посвятить себя сценѣ. Началомъ сценической карьеры артистки слѣдуетъ считать 17 сентября 1893 г., когда она въ Новочеркасскѣ, въ труппѣ Синельникова, выступила въ зудермановской «Чести» (Леонора). Въ Москвѣ же, бывшей колыбелью таланта артистки, необычайно торжественно былъ отпразднованъ пятнадцатилѣтнiй юбилей сценической дѣятельности ея, 17 октября 1908 г. Большая часть сценической карьеры Коммиссаржевской протекла въ Петербургѣ, гдѣ она, послѣ трехъ лѣтъ службы въ провинцiи, въ 1896 году вступила въ труппу Александринскаго театра. Войдя на Александринскую сцену уже опытной, разнообразной и популярной артисткой, сразу занявъ очень видное мѣсто, Коммиссаржевская, къ величайшему сожалѣнiю, не встрѣтила здѣсь благопрiятной для развитiя таланта атмосферы, и въ 1902 году, всего послѣ шести лѣтъ службы, оставила казенную сцену. Съ этого момента начинается скитальческая жизнь артистки. Два послѣднихъ года уходятъ на гастроли въ провинцiи, гдѣ ея имя уже окружено ореоломъ любви и поклоненiя, и на кратковременныя, впрочемъ,—гастроли въ петербургскомъ Маломъ театрѣ. Наконецъ, 17 октября 1904 года въ Петербургѣ, въ театрѣ «Пассажъ», открывается собственный театръ Коммиссаржевской съ В. Ѳ. во главѣ. Обаянiе самой В. Ѳ., высокая интеллигентность труппы и строгая литературность репертуара скоро завоевали молодому театру прочныя симпатiи и поставили его на твердую почву. Лучшiя созданiя В. Ѳ. появились здѣсь; здѣсь же впервые появился цѣлый рядъ пьесъ молодыхъ драматурговъ нашихъ и здѣсь же, какъ нигдѣ болѣе въ Петербургѣ, сразу возникла живая, интимная связь между актеромъ и отзывчивой, художественно-чуткой аудиторiей. Слѣдующiе два сезона, до весны прошлаго 1909 г. протекли уже въ «Драматическомъ» театрѣ на Офицерской. Это былъ перiодъ особенно напряженныхъ художественныхъ исканiй В. Ѳ., главнымъ образомъ въ сферѣ методовъ сценической постановки. Къ лѣту прошлаго 1909 г. Коммиссаржевская разочаровалась въ избранномъ ею новомъ методѣ постановокъ и, распростившись съ Петербургомъ, отправилась съ труппой въ обширное полуторагодовое турнэ по провинцiи, съ репертуаромъ уже не модернистскаго характера, а съ рядомъ старыхъ пьесъ, составившихъ ранѣе ея славу. Мѣсяца два назадъ В. Ѳ. заявила о своемъ рѣшенiи совсѣмъ покинуть сцену тотчасъ по

окончаніи турнэ и отдаться педагогической дѣятельности, для чего она подготовила созданіе общественной школы. Перечислить всѣ созданія Коммиссаржевской или хотя бы лучшія изъ нихъ—очень трудно; среди безконечнаго ряда ея ролей, создавшихъ ей великую славу и большую любовь, отмѣтимъ роли въ «Безприданницѣ», «Дикаркѣ», «Родинѣ», «Боѣ бабочекъ», «Эльгѣ», «Дачникахъ», «Авдотьиной жизни», «Иванѣ Миронычѣ», «Огняхъ Ивановой ночи», «Сестрѣ Беатрисѣ», «Вѣчной сказкѣ», «Франческѣ да-Римини», «У вратъ царства», «Строителѣ Сольнесѣ» и мн. др. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 41).

† **Кругликовъ, С. Н.** Русскій музыкальный міръ понесъ тяжелую утрату: въ ночь на 9 февраля въ Москвѣ скончался Семенъ Николаевичъ Кругликовъ—одинъ изъ самыхъ образованныхъ теоретиковъ и выдающихся критиковъ первопрестольной. Къ его работамъ и отзывамъ чутко прислушивались всѣ интересующіеся музыкой, и компетенція его стояла внѣ всякаго сомнѣнія. Скончавшійся былъ московскимъ выразителемъ идей и тенденцій «могучей кучки», несмотря на то, что въ юныхъ лѣтахъ считался ярымъ итальяноманомъ. Онъ родился въ 1851 году и получилъ первое свое музыкальное образованіе отъ матери, бывшей ученицы Виллуана (по фортепіано) и Віотти (по пѣнію). Рѣшающую же роль сыграло въ его жизни сближеніе съ кружкомъ Балакирева. Послѣ этого онъ позабылъ и о лекціяхъ въ московскомъ университетѣ (по математическому факультету), и о занятіяхъ въ институтахъ путей сообщенія, горномъ и лѣсномъ. Онъ сдѣлался ученикомъ творца «Садко», и по возвращеніи его въ 1879 г. въ Москву судьба его была рѣшена: два года спустя начинается его профессіональная музыкальная дѣятельность. Онъ приглашенъ былъ читать теорію музыки и гармоніи въ музыкальномъ училищѣ Шостаковскаго, преобразованномъ въ 1883 г. въ музыкально-драматическое училище московскаго филармоническаго общества, и завѣдывать музыкальнымъ отдѣломъ газеты «Современныя Извѣстія». Вскорѣ имя его пріобрѣтаетъ ту репутацію, которая осталась за нимъ до послѣднихъ дней. Она содѣйствовала его избранію на должность директора въ только что названномъ училищѣ и приглашеніямъ сотрудничать въ разныхъ изданіяхъ. Его статьи печатались въ «Искусствѣ», «Артистѣ», «Музыкальномъ Обозрѣніи», «Музыкальномъ Труженикѣ», «Русской Музыкальной Газетѣ», «Новостяхъ Дня» и проч. и пользовались всеобщимъ вниманіемъ. Въ бумагахъ покойнаго осталось немало интереснаго, касающагося жизни и дѣятельности В. С. Калинникова матеріала. Вѣдь года три тому назадъ Кругликовъ писалъ на страницахъ «Музыкальнаго Труженика»: «Отнюдь не покинулъ я мысли посвятить Вас. Серг. Калинникову такого рода трудъ, который бы въ одномъ томикѣ соединилъ его біографію, коллекцію его важнѣйшихъ писемъ и критическій взглядъ на него, какъ композитора. Но выпущу такой ему посвященный томикъ, примѣняясь къ какому-нибудь знаменательному моменту изъ протекшихъ послѣ кончины Калинникова лѣтъ. Онъ скончался въ 1900 г.—до десятилѣтія недалеко». И все-таки Кругликовъ не дожилъ до этой знаменательной даты. Онъ скончался до 29 декабря—когда, согласно его обѣщанію, можно было ожидать выпуска обѣщанной біографіи Калинникова. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости», 1910 г., № 33).

† **Лебедевъ, А. С.** 27 января скончался профессоръ харьковскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ, памятный Москвѣ по первымъ годамъ своей научной дѣятельности. Покойный, сынъ сельскаго священника Московской губерніи, родился въ 1832 году и воспитывался сначала въ виѳанской семинаріи, а потомъ въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ вторымъ магистромъ богословія (1856 г.). Съ 5 ноября 1856 года онъ былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора въ московской семинаріи, въ которой затѣмъ состоялъ преподавателемъ всеобщей исторіи (1858—1859 г.), а послѣ двухлѣтняго преподаванія въ херсонской семинаріи (1859—1861 гг.) снова перемѣщенъ въ московскую семинарію и занималъ мѣсто профессора церковной исторіи (1861—1869 гг.). Какъ хорошій знатокъ своей науки, А. С. въ 1869 году былъ избранъ харьковскимъ университетомъ въ профессоры церковной исторіи и находился на этой каѳедрѣ свыше сорока лѣтъ (1869—1910 гг.). Почившему профессору принадлежали многіе научные труды. Изъ нихъ особенно извѣстны: магистерская диссертація «О нравственномъ достоинствѣ гражданскихъ законовъ Моисеевыхъ» (Москва, 1856 г.), рядъ статей по церковной исторіи въ духовныхъ журналахъ—«Душеполезномъ Чтеніи», «Православномъ обозрѣніи» и въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія», а также вереница трудовъ въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ—«Русскомъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Вѣстникѣ Европы», «Чтеніяхъ общества исторіи», «Русской Старинѣ» и «Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества». Въ числѣ послѣднихъ его изслѣдованій явилась книга: «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности», по архивнымъ документамъ, съ портретами и автографами (Харьковъ, 1902 г., XIV—228 стр.). За многіе свои научные труды А. С. былъ удостоенъ honoris causa степени доктора русской исторіи (1894 г.), а за пятидесятилѣтнюю дѣятельность на ученомъ поприщѣ—торжественнаго празднованія своего юбилея харьковскимъ университетомъ (5 ноября 1906 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 24).

† **Майкова, С. М.** Дочь генерала-отъ-артиллеріи и двоюродная сестра извѣстнаго поэта А. А. Майкова, Софья Михайловна Майкова родилась 28 іюня 1835 года въ Петербургѣ, въ Литейной части котораго и прожила свой вѣкъ, за исключеніемъ двухлѣтняго ея пребыванія въ 1882—1884 гг. за границею, по преимуществу въ Италіи. Она получила очень хорошее воспитаніе въ домѣ родителей и знала особенно хорошо главнѣйшіе европейскіе языки, въ томъ числѣ итальянскій, и одно время немало трудилась надъ составленіемъ итальянско-русскаго словаря, оставшагося, впрочемъ, неизданнымъ, за неимѣніемъ желающихъ предпринять такое изданіе. Глубоко убѣжденная въ необходимости распространенія широкаго образованія среди народа, она вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 году перешла отъ отвлеченной мысли къ самому дѣлу и занялась, безплатнымъ, конечно, обученіемъ дѣтей бѣднаго населенія столицы, сперва, такъ сказать, частнымъ образомъ, а позднѣе открыла школу, выдержавъ необходимый при этомъ для званія домашней учительницы экзаменъ, въ такомъ возрастѣ, когда подобныхъ экзаменовъ не держатъ, и горячо предалась этому святому дѣлу. Рано отказавшись отъ удовольствій и

развлеченій столичной жизни, С. М. вмѣстѣ съ обученіемъ дѣтей занялась и переводною литературою, причемъ, не желая себя связывать какими-либо сроками, никогда не брала переводовъ для редакцій періодическихъ журналовъ, но предпочитала, сдѣлавъ переводъ и тщательно его исправивъ и даже переписавъ, отдавать таковой печатать книгопродавцамъ-издателямъ, причемъ, конечно, извлекала, какъ всѣмъ извѣстно, самую ничтожную выгоду. Она переводила прекраснымъ языкомъ, не допуская никакихъ самовольныхъ исключеній изъ текста или фантастическихъ передѣлокъ, столь нерѣдко встрѣчаемыхъ, и держалась близко и точно текста. Переводы г. Майковой выдержали по нѣсколько изданій, такъ, напримѣръ, «Послѣдній изъ могиканъ», романъ Купера, имѣлъ 3 изданія. «Царство сказокъ», повѣсть Карменъ-Сильва, а также «Лазутчикъ», Гофмана, два изданія, «Дѣтство и юность великихъ людей», г. Колэ, тоже 2 изданія. С. М. преимущественно занималась переводами съ англійскаго языка извѣстныхъ сочиненій Смайльса и обогатила нашу переводную литературу длиннымъ рядомъ его сочиненій; именно она перевела его «Самодѣятельность»—въ 1872 года, «Характеръ»—въ 1872 году (9 изданій), «Бережливость» — въ 1876 г., «Вѣчный труженикъ», жизнеописаніе шотландскаго натуралиста — въ 1877 г. (имѣло 5 изданій), «Долгъ»—въ 1882 г. (имѣло 3 изданія), «Самостоятельная дѣятельность»—въ 1888 г., «Путешествіе мальчика вокругъ свѣта»—въ 1893 г. Послѣдніе годы здоровье усердной переводчицы, расшатанное отъ своеобразнаго по преимуществу режима жизни, принудило ее покинуть и обученіе дѣтей, и переводы; она всецѣло предалась дѣлу благотворительности среди бѣднаго столичнаго люда, причемъ до того глубоко вѣрила въ правдивость всѣхъ разсказовъ лицъ, обращавшихся къ ней за помощью, что возмущалась и даже обижалась высказываемыми самымъ скромнымъ образомъ сомнѣніями по поводу этихъ разсказовъ. С. М. скончалась отъ болѣзни рака 20 декабря 1909 года и погребена 23-го числа того же мѣсяца въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ.

† **Обреимовъ, В. И.** На 67-мъ году жизни скончался Василій Ивановичъ Обреимовъ, педагогъ-математикъ, имя котораго въ широкихъ кругахъ читающей публики связывается, главнымъ образомъ, съ двумя небольшими книжками «Тройная головоломка» и «Математическіе софизмы». За свою жизнь, полную почти непрерывныхъ скитаній, В. И. имѣлъ много учениковъ и немало друзей и, несомнѣнно, извѣстіе о послѣдовавшей кончинѣ В. И. вызоветъ во всѣхъ, кто зналъ его при жизни, горестное чувство. Тихій, скромный, просто-симпатичный, когда вы смотрѣли на него издалека, онъ привлекалъ васъ къ себѣ необыкновенно устойчивой душевной силой, особой красотой души, когда вы подходили къ нему ближе, особенно, если жизнь сближала васъ съ нимъ вплотную около педагогическаго дѣла. Изумительна была его власть надъ дѣтьми. Спокойный, ровный, съ рѣдкими вспышками вспыльчивости, строгій къ себѣ, требовательный къ работѣ учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно доброжелательный, онъ пользовался какимъ-то особымъ уваженіемъ среди дѣтей. Признаніе его авторитета со стороны учениковъ происходило какъ-то само собой. Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ искусственнымъ пріемамъ для снисканія этого авторитета—на такіе пріемы онъ органически былъ неспособенъ. Его

душевная чистота, правдивость и доброе чувство ко всѣмъ, особенно же къ дѣтямъ, сразу овладѣвали дѣтской душой. В. И. являлся полной противоположностью практическимъ натурамъ, которыя, ломая препятствія, обходя ихъ или постепенно преобразуя ихъ, заставляютъ жизнь въ концѣ концовъ итти по тому руслу, по которому это имъ угодно. Во всемъ, что касалось практической жизни, практической обстановки, онъ былъ, можно сказать, ребенокъ. Наталкиваясь на практическія препятствія, онъ не справлялся съ ними и, не вынося никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, уходилъ въ сторону. Этимъ объясняется, что, будучи лично необычайно скромнымъ, крайне неприхотливымъ человѣкомъ, онъ прожилъ жизнь, полную непрерывныхъ скитаній. В. И. родился въ гор. Чебоксарахъ въ 1843 г. Окончивъ курсъ въ ярославской гимназіи, В. И. поступилъ въ казанскій университетъ, на математическій факультетъ. По окончаніи университетскаго курса онъ попадаетъ въ 1869 г. учителемъ гимназіи въ Екатеринбургъ. Въ 1871 г. мы его застаемъ въ Вяткѣ, гдѣ В. И. сближается съ покойнымъ Павленковымъ и принимаетъ участіе въ его издательскихъ предпріятіяхъ вятскаго періода. Педагогической работы онъ здѣсь не прекращаетъ; устраиваетъ подготовительную школу и постоянно занимается частными уроками. До 1885 г. жизнь В. И. была очень безпокойной: онъ появляется то въ Петербургѣ, то въ далекихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ занимается отчасти педагогической работой, отчасти газетной дѣятельностью. Съ 1885 г. 7 лѣтъ живетъ въ деревнѣ на частномъ урокѣ. Съ 1892 г. четыре года онъ проводитъ въ Женевѣ, работая по математикѣ въ женевскомъ университетѣ. Съ 1896 по 1901 г.—опять идутъ годы скитаній при не прерывающейся педагогической работѣ. Наконецъ, въ 1901 г. В. И. появляется въ Петербургѣ въ Тенишевскомъ училищѣ. Затѣмъ въ теченіе короткаго времени занимаетъ мѣсто директора лѣсного коммерческаго училища. Послѣдніе $1^1/_2$ года его преподавательская дѣятельность сосредоточивается въ сиротскомъ институтѣ императора Николая I въ Гатчинѣ и въ нормальной общеобразовательной школѣ. Несмотря на непрерывный педагогическій трудъ, В. И., умирая, оставилъ семью безъ всякихъ средствъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 34).

† **Палашковскій, С. Е.** Сергѣй Егоровичъ Палашковскій родился въ 1843 г. и въ 1863 г. окончилъ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Былъ на постройкахъ на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ (между прочимъ на Курско-Харьковско-Азовской) начальникомъ участковъ. Затѣмъ былъ выбранъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ общества Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Благодаря настойчивымъ стараніямъ С. Е., общество получило концессію на сооруженіе линіи Тифлисъ—Баку, которой С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге и были строителями. Немедленно послѣ войны 1877 г. общество въ дополненіе къ Бакинской линіи получило еще постройку Батумской вѣтви. Затѣмъ С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге были построены Батумскій портъ, Тквибульская каменноугольная желѣзная дорога и перестроенъ Сурамскій перевалъ. Во время постройки Закавказской желѣзной дороги, въ цѣляхъ развитія на ней движенія, С. Е. было создано каспійско-черноморское товарищество исключительно для вывоза русскаго керосина за границу. Трудно передать тотъ колоссальный трудъ, который вынесъ С. Е. для организаціи дѣлъ этого товарищества, его борьбу

съ могучей американской организаціей по всемірной торговлѣ нефтью Standard Oil C° Склады товарищества покрыли густой сѣтью весь бассейнъ Средиземнаго моря, и американцы, продававшіе свой керосинъ чуть не въ самомъ Батумѣ, были оттѣснены до Лондона, гдѣ установилась демаркаціонная линія американскаго керосина и русскаго. Съ другой стороны склады были открыты въ Индіи, Индо-Китаѣ, Китаѣ и Японіи, гдѣ русскій керосинъ имѣлъ огромное преимущество передъ американскимъ, благодаря доставкѣ его туда черезъ Суэцкій каналъ на собственныхъ пароходахъ товарищества подъ русскимъ флагомъ. Четыре года неимовѣрнаго труда и борьбы начали уже завоевывать прочную почву этому громадному и чисто русскому дѣлу, какъ возгорѣлась извѣстная финансовая война Бисмарка съ Россіей. Deutsche Bank закрылъ кредитъ каспійско-черноморскому товариществу, котораго не поддерживалъ ни одинъ банкъ въ Россіи (въ томъ числѣ, конечно, и Государственный банкъ), и предпріятіе было продано Ротшильду. Затѣмъ С. Е. опять-таки вмѣстѣ съ А. А. Бунге были построены Новороссійскій портъ, значительная часть Одесскаго порта, перестроенъ и болѣе чѣмъ втрое расширенъ и оборудованъ Потійскій портъ, были сдѣланы значительныя работы въ Петербургскомъ портѣ и было произведено много желѣзнодорожныхъ работъ всякаго рода на дорогахъ Бологое—Псковъ, Харьковъ—Балашевъ, Восточно-Донецкой, Бердянской, Бологое—Полоцкъ, построено множество огромныхъ мостовъ, между прочимъ черезъ Донъ, черезъ Вислу въ Варшавѣ и Новогеоргіевскѣ и черезъ Волгу у Астрахани. Покойнымъ С. Е. вмѣстѣ съ А. А. Бунге организовано черноморское строительное общество, главнымъ образомъ для проведенія въ жизнь желѣзобетонныхъ сооруженій, исполнившее много построекъ на югѣ Россіи, основано общество для добыванія рѣдкихъ металловъ, и заводъ этого общества, находящійся въ С.-Петербургѣ, сталъ первый поставлять эти металлы за границу. С. Е. былъ также иниціаторомъ золотопромышленнаго общества. Благодаря его же трудамъ, начало оправляться и возродилось Ленское золотопромышленное товарищество. Къ послѣднимъ созданіямъ покойнаго Палашковскаго относятся начатыя имъ уже работы по орошенію Муганской степи въ Закавказьи и Ейская желѣзная дорога въ Черноморской области Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь С. Е. удалось добиться того, что акціи этой дороги помѣщены едва ли не впервые исключительно въ Россіи и владѣльцами ихъ являются городъ Ейскъ и богатыя черноморскія станицы. Смерть застала С. Е. въ самый разгаръ проведенія имъ постройки Ташкентской желѣзной дороги (Арысь—Пишпекъ въ Семирѣченской области). Онъ провидѣлъ значеніе этого богатѣйшаго края для Россіи, значеніе колонизаціи его исключительно русскими людьми и важное значеніе этой линіи, какъ начала цѣлой сѣти дорогъ въ этой окраинѣ въ экономическомъ, государственномъ и стратегическомъ отношеніяхъ. Онъ умеръ 10 декабря отъ воспаленія легкихъ въ Каннахъ, куда поѣхалъ отдохнуть на рождественскіе праздники среди своей семьи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12157).

† **Радинъ, И. О.** 21-го января внезапно скончался отъ грудной жабы ветеринарный врачъ И. О. Радинъ, извѣстный по своей энергичной и плодотворной дѣятельности въ московскомъ губернскомъ земствѣ за долгій 27-лѣтній

періодъ времени. По окончаніи въ 1880 году курса въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ покойный въ слѣдующемъ году поступилъ на службу московскаго губернскаго земства, въ которомъ тогда только еще начиналась ветеринарная организація и земство имѣло лишь четырехъ ветеринарныхъ врачей. Въ это время московское земство принимало мѣры противъ чумы рогатаго скота, распространявшейся по Россіи, и тяжелая и отвѣтственная работа возложена была на И. О. съ его тремя товарищами. Работа эта была исполнена ими съ успѣхомъ. По прекращеніи чумы покойному пришлось принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ съ сапомъ, а съ 1893 г. въ наблюденіи за гуртовымъ скотомъ, поступающимъ на скотопромышленный рынокъ, для охраны губерніи отъ заноса гуртами заразныхъ болѣзней. Участвуя въ совѣщаніяхъ земскихъ ветеринарныхъ врачей, И. О. много труда вложилъ въ разработку вопросовъ по страхованію скота, по борьбѣ съ бѣшенствомъ, устройству ветеринарныхъ амбулаторій и вообще въ дѣло развитія ветеринарной помощи въ губерніи. По представленію губернской управы онъ пожалованъ былъ званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина за его неутомимые и полезные труды, а въ 1906 г., по случаю 25-лѣтія его земской службы, губернское собраніе выразило ему благодарность за его плодотворную и самоотверженную дѣятельность. Въ 1907 г. И. О. вышелъ въ отставку. Губернская управа, узнавъ объ его кончинѣ, послала его семьѣ телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія, а отъ ветеринарной организаціи явилась депутація и передала семьѣ покойнаго чувства скорби его товарищей. Похороны И. О. состоялись на еврейскомъ Дорогомиловскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 19).

† **Цабель, А. Г.** Въ ночь на 9 февраля скончался Альбертъ Генриховичъ Цабель, извѣстный виртуозъ на арфѣ, заслуженный профессоръ петербургской консерваторіи. А. Г. родился въ Берлинѣ въ 1835 г. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ проявлять музыкальныя способности. Отецъ его, редакторъ «National-Zeitung», подарилъ мальчику на елку маленькую арфу, и этотъ счастливый случай разъ навсегда опредѣлилъ призваніе мальчика. Не зная музыкальной азбуки, онъ уже сталъ разыгрывать на игрушечномъ инструментѣ слышанныя имъ пѣсни и мало-по-малу достигъ такого умѣнья, что его стали приглашать играть въ салоны и онъ быстро пріобрѣлъ извѣстность въ берлинскомъ обществѣ. Услыша его, Джакомо Мейерберъ, знаменитый уже авторъ «Гугенотовъ», такъ былъ удивленъ талантомъ мальчика, что позаботился немедленно о музыкальномъ его образованіи помѣстивъ его въ такъ называемый «Singinstitut» Себастьяна Баха. Мальчикъ при выдающейся музыкальности обладалъ красивымъ голосомъ (дискантомъ), выдѣляясь въ хорѣ учениковъ. Затѣмъ Мейерберъ устроилъ его безплатно пенсіонеромъ короля прусскаго въ королевское музыкальное училище, директоромъ котораго онъ былъ тогда. Здѣсь подъ главнымъ руководствомъ Гримма и закончилъ свое музыкальное образованіе А. Г., получивъ по окончаніи курса въ подарокъ отъ короля арфу. Молодой виртуозъ приглашенъ былъ въ оркестръ Гунгля и съ нимъ совершилъ турнэ по Америкѣ, а по возвращеніи оттуда побывалъ и въ Россіи, выступивъ въ Павловскѣ въ только что устроенномъ вокзалѣ. Оркестромъ дирижировалъ тотъ же

Гунгль. Возвратившись послѣ трехлѣтней отлучки въ Берлинъ, Цабель занялъ мѣсто солиста въ королевской оперѣ, а въ 1855 году былъ приглашенъ на такое же мѣсто въ Большой театръ въ Петербургѣ, гдѣ процвѣтала тогда итальянская опера. Сольныя выступленія Цабеля производили большой эффектъ независимо отъ его виртуознаго таланта еще и потому, что онъ впервые сталъ играть на арфѣ съ двойными педалями, изобрѣтенной Себастьяномъ Эраромъ, тогда какъ его предшественникъ Шульцъ игралъ еще на арфѣ старой конструкціи. Въ оркестрѣ петербургской императорской оперы Цабель прослужилъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и его талантливую игру у насъ очень цѣнили и прекрасно еще помнятъ. Извѣстность онъ сразу пріобрѣлъ самую широкую и тогда же вмѣстѣ съ Вурмомъ и Чіади былъ приглашенъ во дворецъ къ наслѣднику цесаревичу, будущему императору Александру III, интересовавшемуся музыкой и игравшему на тромбонѣ. Наслѣдникъ нерѣдко музицировалъ въ этой компаніи. Впослѣдствіи Цабель получилъ званіе солиста Его Величества. Съ 1862 г. началась и другая дѣятельность Цабеля. Познакомившись въ концѣ 50-хъ годовъ съ Антономъ Рубинштейномъ, онъ принялъ большое участіе въ учрежденіи, по мысли Рубинштейна, петербургской консерваторіи, и въ его бумагахъ хранится уставъ ея на нѣмецкомъ языкѣ. Съ самаго основанія консерваторіи Цабель былъ профессоромъ арфы до послѣдняго времени, когда, лѣтъ восемь тому назадъ, разбитый параличомъ, долженъ былъ ее оставить. Число учениковъ и особенно ученицъ А. Г. очень велико. Педагогическій опытъ Цабеля запечатлѣнъ имъ въ школѣ для арфы, изданной у Циммермана. Среди своихъ товарищей, профессоровъ и преподавателей, А. Г. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью, такъ же, какъ и среди ученическаго персонала. Корректное, ровное, спокойное обращеніе и доброе, отзывчивое сердце никогда не забудутъ всѣ знавшіе почившаго. Влюбленный въ свой инструментъ, Цабель былъ выдающимся знатокомъ арфы. Видя хорошо далеко несовершенное знаніе арфы композиторами, онъ написалъ «Слово къ господамъ композиторамъ по поводу практическаго примѣненія арфы въ оркестрѣ» (изданіе 1899 г., Циммермана, есть второе, дополненное изданіе). Рихардъ Вагнеръ, будучи въ Петербургѣ въ 1863 г., когда ставились отрывки изъ «Нибелунговъ», обратился къ нему съ просьбой передѣлать неудобно написанную имъ партію арфы въ «Валкиріи», что Цабель и исполнилъ, сдѣлавъ аранжировку для двухъ арфъ. Сохранились интересныя письма Вагнера къ Цабелю по этому поводу. Цабелю же принадлежатъ партіи арфы и каденціи во многихъ балетахъ, ставящихся на Маріинской сценѣ. Такимъ образомъ, имя Цабеля въ исторіи развитія техники арфы не можетъ быть забыто. Но онъ оставилъ еще и не менѣе 70-ти опусовъ собственныхъ сочиненій для арфы, обогативъ весьма бѣдную литературу этого инструмента. Во главѣ сочиненій стоитъ его концертъ для арфы въ четырехъ частяхъ, съ оркестромъ, принятый въ Парижѣ, какъ конкурсная пьеса. Изъ его сочиненій назову еще красивую програмную балладу въ трехъ частяхъ («Ожиданіе у озера», «Встрѣча», «Прощаніе»), «Легенду», «Murmure de la Cascade», «Marguerite douloureuse au rouet». Многія сочиненія, въ томъ числѣ и струнный квартетъ, остались въ рукописяхъ. Сочиненія Цабеля не только виртуозны, но и отличаются тонкимъ художественнымъ вку-

сомъ. Мелодическая красота соединяется въ нихъ нерѣдко съ гармонической изысканностью. А. Г. былъ очень энергиченъ и времени даромъ въ своей жизни не тратилъ, не оставляя, напримѣръ, техническихъ упражненій до самаго послѣдняго времени, пока дозволяло здоровье. А парализованный, онъ продолжалъ писать свои сочиненія лѣвой рукой, и, кромѣ того, писалъ и свои воспоминанія. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 41).

† **Шенрокъ, В. И.** 29 января въ Москвѣ скончался Владимиръ Ивановичъ Шенрокъ, хорошо извѣстный какъ неутомимый біографъ и изслѣдователь Гоголя. Большая часть жизни В. И. Шенрока прошла въ Москвѣ; онъ переселился сюда вскорѣ послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ, занимаясь педагогической дѣятельностью и историко-литературными трудами. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ въ здѣшней 3-й гимназіи и нѣкоторое время занималъ должность помощника инспектора въ университетѣ. Но главной своей задачей В. И. поставилъ изученіе жизни, творчества и писемъ Гоголя. Въ этой области имъ было сдѣлано очень много. Уже въ 80-хъ годахъ онъ выпустилъ «Указатель къ письмамъ Гоголя» и затѣмъ приступилъ къ систематическому собиранію матеріаловъ для біографіи Гоголя, которые и были выпущены имъ въ 4-хъ большихъ томахъ. Послѣ смерти Н. С. Тихонравова В. И. продолжалъ начатое покойнымъ академикомъ изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя, и подъ его редакціей вышли два послѣдніе тома (6-й и 7-й). Затѣмъ В. И. спеціально занялся письмами Гоголя, и въ результатѣ этихъ трудовъ появилось «Собраніе писемъ Гоголя», выпущенное въ 4-хъ томахъ въ 1901 г. Гоголю посвящено было и еще нѣсколько работъ и статей, печатавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ трудовъ о Гоголѣ, В. И. помѣстилъ рядъ статей и очерковъ біографическихъ и по исторіи русской литературы и русскаго театра. Онъ занимался біографіей своихъ предшественниковъ по изученію Гоголя—П. А. Кулиша и Н. С. Тихонравова, напечаталъ біографическіе очерки поэта Языкова, профессора Н. Я. Грота, Н. Д. Фонвизиной («Одна изъ женъ декабристовъ») и др. Къ исторіи русскаго театра относятся его статьи о Мочаловѣ, «Максимовъ и Мартыновъ», «Семейство Самойловыхъ», «Изъ исторіи русскаго театра». Скончался В. И. на 57-мъ году жизни. Послѣдніе годы покойный провелъ въ больницѣ на Канатчиковой дачѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 26).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи г. Темникова.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья В. Темникова «Ващукъ-Выгорскій», причемъ я, В. А. Самоновъ, въ примѣчаніи на страницѣ 623 указанъ какъ нынѣ умершій, между тѣмъ сообщеніе это не вѣрно, ибо я живъ и совершенно здоровъ. Какъ участникъ и очевидецъ событій, я считаю многіе факты, а равно и матеріалы, которыми пользовался г. Темни-

ковъ, не соотвѣтствующими дѣйствительности и той исторической правдѣ, которая одна могла бы освѣтить личность Ващука и всѣхъ тѣхъ, которые были участниками этой удивительной исторіи пресловутаго губернатора-революціонера.

Пока указываю на крайне обидное для меня и Ващука заявленіе г. Толпыго, въ которомъ сказано: «При послѣдней фразѣ вошелъ прокуроръ кутаисскаго окружнаго суда Толпыго, на котораго оба офицера произвели впечатлѣніе выпившихъ». По сему поводу заявляю, что ни я, ни Ващукъ пьяны не были, ибо едва ли Ващукъ могъ такъ толково и разумно задавать вопросы Старосельскому, какъ это онъ дѣлалъ, и я могъ поступить такъ, какъ я поступилъ съ г. Толпыго.

Дѣло въ томъ, что когда Ващукъ и я и Старосельскій поднялись наверхъ въ кабинетъ губернатора, то Ващукъ сталъ смѣло задавать Старосельскому крайне непріятные для него вопросы; въ этотъ моментъ кто-то, очевидно, подслушивавшій за дверью, внезапно отворилъ въ кабинетъ дверь и хотѣлъ войти, я схватилъ ручку двери и не пустилъ неизвѣстнаго мнѣ господина и спросилъ его:

— Что вамъ угодно?

— Я долженъ присутствовать здѣсь,—сказалъ мнѣ неизвѣстный господинъ въ судейской формѣ.

— На какомъ основаніи?

— Я прокуроръ кутаисскаго суда.

— Очень жаль. Сейчасъ вамъ здѣсь дѣлать нечего. Вы упустили свое время; какъ прокуроръ, вы должны были раньше арестовать сами Старосельскаго, какъ губернатора, измѣнившаго долгу и присягѣ! Теперь вамъ здѣсь дѣлать нечего, ибо капитанъ присланъ, по Высочайшему повелѣнію, сдѣлать то, чего вы своевременно не сдѣлали.

— Но я все же долженъ присутствовать.

При этихъ словахъ г. Толпыго дерзко хотѣлъ протискаться въ дверь, но я съ силой заперъ ее на ключъ и совершенно избавился отъ назойливаго прокурора, который слишкомъ поздно вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ «Государева ока» и, видимо, хотѣлъ посодѣйствовать Старосельскому выйти изъ положенія, которое дѣйствительно было «хуже губернаторскаго».

Я думаю, что г. Толпыго съ явнымъ умысломъ передалъ В. Темникову о выпившихъ офицерахъ, съ цѣлью отомстить Ващуку и мнѣ за то комическое или даже просто глупое положеніе, въ которое онъ попалъ, желая спасти Старосельскаго. Я, какъ участникъ усмиренія забастовки и бывшій подъ начальствомъ генерала Алиханова, полковника Гаврилова, помню все точно и настолько отчетливо о всѣхъ событіяхъ, что своевременно печатно разскажу эту крайне интересную исторію, а пока скажу всѣмъ печатнымъ обвинителямъ Ващука, что дай Богъ, чтобы всѣ тѣ, которые могли или были должны быстро и рѣшительно подавить смуту, столь же были «невропатами и эпилептиками», какъ Ващукъ, который, безспорно, своими дѣйствіями и распоряженіями много посодѣйствовалъ усмиренію возстанія. Къ сожалѣнію, по порученію генерала Алиханова, мнѣ пришлось арестовать Ващука въ гор. Поти, привести въ Квирилы и лично сдать его генералу Алиханову. **В. А. Самоновъ.**

II.

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» за августъ 1909 г., въ ст. Б. Б. Глинскаго «Крамола, реакція и терроръ» на стр. 618-й сказано, что вслѣдъ за арестомъ сына арестованъ былъ и самъ смотритель (мой покойный отецъ), полковникъ Богородицкій. Это невѣрно, послѣ ареста моего брата отцу лично гр. Лорисъ-Меликовымъ, безъ объясненія причинъ, было предложено подать въ отставку съ правомъ на выборъ—производство въ чинъ генералъ-майора, или усиленной пенсіи. Со стороны отца послѣдовалъ категорическій отказъ и просьба предать его суду, если есть за нимъ вина. Послѣ этого послѣдовалъ приказъ объ его отставкѣ.

Богородскій.

III.

П. А. Плавильщиковъ.

(Замѣтка кстати).

Онъ родился 24 марта 1760 года, умеръ въ 1812 году; слѣдовательно, замыкается 150-лѣтіе со дня рожденія и не за горами столѣтіе съ кончины замѣчательнаго русскаго человѣка.

Какъ выдающійся драматическій актеръ своего времени, какъ писатель, драматургъ и проповѣдникъ «самобытнаго россійскаго вкуса», какъ теоретикъ сценическаго искусства и врагъ ложно-классическихъ пареній и условностей во всемъ, наконецъ, какъ образованный и умный человѣкъ, который «далеко бы пошелъ и его видѣли бы мы въ большихъ людяхъ, не привяжись Петръ Алексѣевичъ къ театру» [1]), Плавильщиковъ уже довольно освѣщенъ, истолкованъ и согрѣтъ историками театра да отчасти и тѣми, кто имѣлъ возможность наслаждаться игрою его и наблюдать его внѣ сцены [2]). Поэтому въ своей замѣткѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ лишь о кончинѣ Петра Алексѣевича Плавильщикова.

Вступленіе Наполеона въ коренныя русскія области вызвало народную войну. Москва ждала непріятеля. Угасала веселая обывательская жизнь, наступало время гражданскихъ подвиговъ. До трагедій ли Озерова; до сладкихъ ли звуковъ прекрасныхъ пѣвицъ было теперь москвичамъ? «Спасайте отечество!» и «Спасайся, кто можетъ!» вотъ чего требовало время отъ однихъ, вотъ что оно подсказывало другимъ и, между прочимъ, сценическимъ дѣятелямъ. И любимцы Аполлона и Москвы, обреченной на сожженіе, пустились кто куда, бросая недвижимости на произволъ судьбы.

Очевидно, что не всѣ артистки и артисты отличались безпечностью; напротивъ, въ собственныхъ домахъ жили и Плавильщиковъ, и Шушеринъ, и Мара.

---

[1]) Слова профессора-поэта А. Ѳ. Мерзлякова.

[2]) Статьи А. Н. Сиротинина въ «Историч. Вѣстн.» и «Артистѣ» (1891), біографія, написанная А. А. Ярцевымъ, воспоминанія проф. П. В. Побѣдоносцева, Ильина, Макарова и друг.

И вотъ московскихъ актеровъ мы видимъ кого гдѣ. Цѣлый ансамбль спасается отъ новаго Навуходоносора и его полчищъ на Волгѣ; заштатный Плесъ (которому, мимоходомъ сказать, въ этомъ году исполняется 500 лѣтъ) принимаетъ московскихъ бѣглецовъ и получаетъ возможность узнать ихъ искусство. Знаменитая оперная пѣвица Елизавета-Гертруда Мара спасается въ Ревель и остается тамъ до конца жизни; домъ ея со всѣмъ имуществомъ погибъ въ пожарѣ Москвы. Плавильщиковъ уѣзжаетъ въ виду непріятеля, направляясь къ сѣверу. Извѣстно, что онъ уѣзжалъ больнымъ, и то, что ему тягостно было разставаться съ Москвою и съ домомъ. Насколько Шушеринъ «радовался», увидя впослѣдствіи развалины на мѣстѣ уютнаго гнѣздышка, радовался, какъ принесшій свою жертву для блага родины, настолько Плавильщиковъ не скрывалъ своего горя, оставляя для подобной же жертвы нажитое собственными трудами.

Необходимость отъѣзда, когда надо было еще оставаться въ постели, огорченія да, конечно, и ѣзда въ осеннее время—сцѣпленіе всѣхъ этихъ условій и обстоятельствъ свело въ могилу П. А. Плавильщикова.

Кто ѣдетъ по Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дорогѣ отъ Рыбинска къ Бѣжецку и далѣе, тотъ можетъ видѣть мѣсто кончины Плавильщикова. Не болѣе, какъ въ 3-хъ верстахъ отъ полустанка Подобино, расположилось на возвышеніи село Ханеево (а не Ханенево). Тутъ и умеръ Плавильщиковъ; въ сельской церкви сохранилась буквально слѣдующая запись: «столичнаго города Москвы придворный актеръ Петръ Алексіевъ погребенъ священникомъ Александромъ Ивановымъ съ дьячкомъ Тимофѣемъ Галактіоновымъ и пономаремъ Афанасіемъ Лавровымъ». Днемъ кончины показано 15-е число октября, а не 18-е, какъ обыкновенно повторяли біографы Плавильщикова. Умеръ онъ, по записи, «неизвесною болезнію» и (что, разумѣется, ошибочно) «96 лѣтъ» [1]).

Отъ могилы П. А. Плавильщикова не сохранилось никакого слѣда на сельскомъ кладбищѣ. Нечего говорить, что никто изъ окрестныхъ жителей не вѣдаетъ о «какомъ-то Плавильщиковѣ» и что, вообще, никто не паломничалъ въ старые годы на могилу одного изъ передовыхъ русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка и не позаботился о поддержаніи его могилы, между тѣмъ какъ могила, напримѣръ, помянутой выше пѣвицы Е. Г. Мара видится на Цигельскопельскомъ кладбищѣ въ Ревелѣ.

П. Россіевъ.

[1]) Справка добыта вслѣдствіе любезнаго содѣйствія о. настоятеля Ханеевскаго храма, свящ. Николая Никольскаго, которому за то приносится глубокая благодарность.

можно привести въ исполненіе, то заранѣе скажу вамъ, что вы и всѣ тѣ, кто приметъ въ немъ участіе, будете награждены достойнымъ образомъ.

Лентъ, стоявшій возлѣ стола, за которымъ сидѣлъ Іаковъ, сдѣлалъ низкій поклонъ и, принявъ таинственный видъ, спросилъ:

— Что бы вы сказали, ваше величество, если бы я и тѣ, кто участвуетъ въ этомъ планѣ, предоставили вамъ возможность овладѣть Тоуеромъ?

— Я сказалъ бы, что вы сдѣлали очень много,—отвѣчалъ Іаковъ.— Но вѣдь вамъ нужно было бы не только захватить Тоуеръ, но и удержать его за собою.

— Вашему величеству этого бояться нечего,—возразилъ Лентъ.— Мы надѣемся захватить Тоуеръ внезапно. Мы сдѣлаемъ нападеніе съ тѣмъ большей смѣлостью, что, какъ обнаружилось, многіе изъ высшихъ начальниковъ крѣпости преданы вашему величеству и окажутъ намъ помощь.

— Я увѣренъ, что въ Тоуерѣ у меня есть друзья,—воскликнулъ король.—Но продолжайте, сэръ.

— Долженъ доложить вашему величеству, что у насъ есть отъ пяти до шести тысячъ хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ людей. Мы полагаемъ, что ихъ будетъ довольно для осуществленія нашего замысла. Если же разразится возстаніе, то число ихъ, по крайней мѣрѣ, утроится.

— Это очень удивительно, сэръ,—промолвилъ король.—Я и не зналъ, что у меня въ Лондонѣ столько приверженцевъ.

— И я тоже,—присоединился лордъ Мельфордъ.—Надѣюсь, что вы имѣете доказательства того, что говорите?

— Я хотѣлъ бы теперь же предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, мистеръ Лентъ,—сказалъ Іаковъ.—Прежде всего позвольте узнать, какимъ образомъ вы разсчитываете захватить Тоуеръ?

— А вотъ какимъ, ваше величество,—отвѣчалъ Лентъ.—Когда мы сдѣлаемъ всѣ нужныя приготовленія и назначимъ опредѣленный день, тысяча человѣкъ изъ нашихъ, одѣтыхъ въ штатское платье, но съ оружіемъ, соберутся на Тоуеръ-Гиллѣ и въ концѣ улицы Темзы маленькими партіями, чтобы не привлекать на себя вниманія, и будутъ ждать сигнала. Когда внѣшнія ворота и мостъ будутъ заняты надежными людьми, тогда будетъ данъ знакъ. Это легко сдѣлать при помощи нашихъ людей въ крѣпости. Они не только пропустятъ насъ, но и выдадутъ намъ всѣ пушки. Менѣе чѣмъ въ полчаса мы овладѣемъ крѣпостью и введемъ туда гарнизонъ въ двѣнадцать тысячъ стойкихъ солдатъ.

— Долженъ сознаться, что этотъ планъ представляется мнѣ возможнымъ,—сказалъ, подумавъ, Іаковъ.—Но какъ привести его въ исполненіе? Кто возьметъ на себя руководство нападеніемъ?

— Да, въ этомъ-то и вопросъ,—подтвердилъ лордъ Мельфордъ.

— Позволю себѣ удовлетворить ваше любопытство,—гордо отвѣчалъ Лентъ.—Я могу назвать лордовъ Февертама, Стаффорда, Бальтимора и сэра Вильяма Гаринга.

— Конечно, все это славныя имена,—сказалъ король.—Они почти ручаются за успѣхъ.

— Къ намъ готовы присоединиться и многіе другіе. Мы увѣрены, что ваше величество будете въ Уайтголлѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ мы захватимъ Тоуеръ.

Іаковъ въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Боюсь, что это будетъ не такъ-то скоро,—промолвилъ онъ.

— Ваше величество имѣете полную возможность разомъ обезпечить успѣхъ,—продолжалъ Лентъ.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ.

— Намекъ мистера Лента вполнѣ ясенъ, государь,—сказалъ лордъ Мельфордъ.—Онъ хочетъ устранить принца Оранскаго.

— На это я и намекалъ, ваше величество,—подтвердилъ Лентъ.—Таково мнѣніе не только тѣхъ благородныхъ лордовъ, которыхъ я назвалъ уже, но и всѣхъ католиковъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться.

— Отъ нашего врага въ Англіи легко отдѣлаться при помощи какого-нибудь дезертира французской арміи,—сказалъ докторъ Бромфильдъ.—Ихъ найдутся сотни, которые взялись бы за это.

— Предоставьте это дѣло намъ,—замѣтилъ лордъ Мельфордъ.—И не безпокойтесь объ этомъ. Какой отвѣтъ прикажете, государь, дать лордамъ Февертаму и другимъ?—спросилъ онъ короля.

— Я еще подумаю. Вѣдь мистеръ Лентъ ѣдетъ обратно не сейчасъ.

— Я недолго здѣсь останусь,—возразилъ Лентъ:—если только ваше величество этого не потребуете. Я обѣщалъ своимъ друзьямъ скоро привезти имъ отвѣтъ и обнадежилъ ихъ, что онъ будетъ для нихъ благопріятенъ.

— Если дѣло приметъ другой оборотъ, то я боюсь, что даже самые горячіе приверженцы вашего величества падутъ духомъ,—прибавилъ Джонъ Фенвикъ.

— Совершенно вѣрно!—воскликнулъ капитанъ Чарнокъ.

— Вы еще не высказались, капитанъ,—сказалъ король, обращаясь къ Вальтеру.—Скажите намъ ваше мнѣніе.

— Если бы мнѣ пришлось подавать свой голосъ, государь, то я, конечно, подалъ бы его за устраненіе узурпатора.

— Путемъ убійства?—строго спросилъ король.

— Нѣтъ, другимъ путемъ, государь,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Въ такомъ случаѣ и мы голосовали бы съ вами,—воскликнули присутствовавшіе.

Аудіенція была кончена.

Сломить колебанія короля оказалось не такъ-то легко, какъ предполагали сначала, и хотя отецъ Петръ и старался убѣдить его, что не будетъ грѣха умертвить такого узурпатора, какъ принцъ Вильгельмъ Оранскій, Іаковъ не соглашался и стоялъ на своемъ.

Не могла вырвать его согласія и королева, несмотря на то, что она имѣла огромное вліяніе на своего царственнаго супруга.

Пробывъ въ Сенъ-Жерменѣ недѣлю, Лентъ уѣхалъ, потерпѣвъ полную неудачу относительно короля.

Но никто не зналъ, какія инструкціи дали ему королева и лордъ Мельфордъ.

V.

Заговоръ.

Въ Сенъ-Жерменѣ то и дѣло появлялись курьеры: одни пріѣзжали, другіе уѣзжали. Черезъ нихъ шло все сообщеніе съ Англіей, и письма по почтѣ отправлялись очень рѣдко, въ исключительныхъ только случаяхъ.

Беатриса получила отъ отца всего два-три письма, но она не безпокоилась о немъ, имѣя о немъ извѣстія отъ своего родственника, полковника Тильдеслея. Спокойствіе ея было, однако, нарушено появленіемъ въ Сенъ-Жерменѣ отца Джонсона. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Майерскофа и сообщилъ Беатрисѣ, что ея отецъ опасно заболѣлъ. Онъ привезъ ей также письмо отъ полковника, въ которомъ тотъ просилъ ее немедленно возвращаться домой.

Какъ ни грустно было Беатрисѣ разставаться съ королевой, къ которой она успѣла сильно привязаться, она безъ колебаній рѣшилась послѣдовать призыву полковника. Да королева и сама не задерживала ее.

— Мнѣ будетъ очень жалко разстаться съ вами, дорогая Беатриса,—сказала она.—Ваше присутствіе было чрезвычайно полезно для меня, но я не буду васъ задерживать. Вы, однако, должны обѣщать, что вернетесь ко мнѣ обратно, какъ только вамъ позволятъ обстоятельства.

— Я никогда не была такъ счастлива, какъ въ бытность у вашего величества въ Сенъ-Жерменѣ. Надѣюсь вернуться сюда не въ отдаленномъ будущемъ. Мой родственникъ, полковникъ Тильдеслей, не пишетъ, какая болѣзнь у моего отца. Но отецъ Джонсонъ разсказывалъ, что его силы быстро падаютъ и что онъ опасается близкаго конца. Надѣюсь, что мнѣ удастся застать его въ живыхъ.

— Сколько времени употребилъ отецъ Джонсонъ на переѣздъ?—спросила королева.

— Больше недѣли, хотя онъ ѣхалъ съ возможной скоростью Мы поѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ. Кромѣ того, меня будетъ сопровождать Вальтеръ Кросби. Мы сядемъ на корабль въ Діеппѣ, гдѣ уже нанято небольшое судно, которое и доставитъ насъ на англійскій берегъ.

— Вы отлично все устроили,—сказала королева.—И я увѣрена, что вамъ удастся избѣжать опасности. Вы должны теперь проститься съ его величествомъ и съ принцемъ. Не знаю, что мой сынъ будетъ дѣлать безъ васъ.

При мысли о принцѣ Беатриса едва могла удержать слезы. Онъ оказался легокъ на поминѣ и вошелъ въ комнату матери, едва заговорили о немъ.

— Капитанъ Кросби сейчасъ сказалъ мнѣ,—заговорилъ мальчикъ, схвативъ фрейлину за руку:—что вы уѣзжаете изъ Сенъ-Жермена. Надѣюсь, что это невѣрно?

— Увы, принцъ, вамъ сказали правду,—возразила Беатриса.—Я не разсталась бы съ вами, если бъ могла. Но мой отецъ очень боленъ, и я должна ѣхать къ нему.

— Очень жаль,—съ искреннею скорбью произнесъ мальчикъ.—Мы будемъ чувствовать ваше отсутствіе.

— Я только что говорила то же самое,—сказала королева.

— Если вы останетесь тамъ подольше, то мы можемъ встрѣтиться съ вами въ Уайтголлѣ. Мистеръ Лентъ сказалъ, что король скоро будетъ тамъ,—продолжалъ принцъ.

— Будемъ надѣяться, что мистеръ Лентъ сказалъ правду.

— Вотъ идетъ мой мужъ: онъ, очевидно, хочетъ проститься съ вами,—сказала королева, указывая на короля, входившаго въ сопровожденіи Вальтера Кросби и отца Джонсона.

— Я очень огорченъ извѣстіемъ, что вы собираетесь покинуть насъ,—сказалъ король.—Когда вы думаете отправиться?

— Какъ можно скорѣе, государь,—отвѣчала Беатриса.—Я могу собраться въ одинъ часъ.

— Въ такомъ случаѣ, все будетъ готово къ вашему отъѣзду. Я уже приказалъ подать вамъ лошадей.

— Вы такъ добры, государь!—воскликнула она.

— Капитанъ Кросби разсчитываетъ быть въ Руанѣ сегодня вечеромъ,—замѣтилъ Іаковъ.—Я думаю, что это едва ли возможно, но вы, конечно, можете попробовать.

— Она прекрасно ѣздитъ верхомъ, и къ вечеру мы успѣемъ пріѣхать, государь,—сказалъ Вальтеръ.

— Я то же думаю,—согласился и отецъ Джонсонъ.

— Что жъ, попробуйте,—продолжалъ король.—Я васъ провожу до Манта.

— Какъ, вы, государь!—воскликнула Беатриса.—Я не могла ожидать такой чести.

— Сегодня прекрасная погода, и мнѣ будетъ пріятно проѣхаться,—отвѣчалъ Іаковъ.

— Позволь мнѣ ѣхать съ тобой!—обратился къ отцу принцъ.

— Нѣтъ, этого нельзя. Разстояніе слишкомъ велико для тебя, и притомъ мы поѣдемъ быстро.

Принцъ принялъ обиженный видъ, но король остался твердъ и настоялъ на своемъ.

Черезъ часъ все было готово къ отъѣзду.

Простившись съ королевой, Беатриса стала собираться въ дорогу и надѣла свое платье для верховой ѣзды. Всѣ туалеты, которые она брала съ собой, уложились въ одинъ чемоданъ, отданный на попеченіе служанки.

По приказанію короля для Беатрисы и ея спутниковъ были поданы превосходныя лошади. Полдюжинѣ конныхъ слугъ приказано было проводить ихъ до Діеппа. Іаковъ взялъ съ собою только двухъ слугъ и всю дорогу бесѣдовалъ исключительно съ отцомъ Джонсономъ.

Оглянувшись на замокъ, въ которомъ она была такъ счастлива, и вспоминая любезный пріемъ, который ей оказала королева, Беатриса не могла подавить своего волненія и успѣла овладѣть собою только тогда, когда кавалькада подъѣзжала уже къ Манту.

Милостиво попрощавшись съ отъѣзжающими, Іаковъ выразилъ надежду, что Беатриса застанетъ своего отца въ живыхъ, и далъ ей порученіе къ полковнику Тильдеслею. Затѣмъ онъ повернулъ обратно въ Сенъ-Жерменъ, а Беатриса съ провожатыми двинулась дальше къ Руану, куда и прибыла за часъ до полуночи.

Луна ярко сіяла на небѣ, и башни и живописныя зданія этого красиваго города, прорѣзаннаго величавой рѣкой, четко выдѣлялись на темномъ фонѣ.

Путники остановились въ большой гостиницѣ недалеко отъ собора, на рыночной площади. Утомившись послѣ дороги, Беатриса сейчасъ же удалилась на покой.

На другой день рано утромъ путники отстояли обѣдню въ великолѣпномъ соборѣ. Беатриса горячо молилась о здоровьѣ отца.

Но надежда найти его въ живыхъ была очень слаба, и она приготовилась ко всему худшему. Тревога не давала ей возможности насладиться всѣми красотами собора и заставляла ее рваться дальше.

Было еще довольно рано, когда путники пустились въ дальнѣйшій путь въ Діеппъ. Оглянувшись на красивый городъ, лежавшій за ними, Беатриса не могла не вздохнуть.

Мѣстность вдоль рѣки Сены, по которой они теперь проѣзжали, представляла полную противоположность съ чудными долинами, но Беатриса не замѣчала этой перемѣны: ея единственнымъ желаніемъ, казалось, было достичь скорѣе мѣста назначенія.

Отъѣхавъ отъ Діеппа мили двѣ, путники нагнали партію каторжанъ. Эти несчастные имѣли самый жалкій видъ: въ лохмотьяхъ, съ непокрытой головой, они шли босые, съ тяжелыми цѣпями на шеѣ.

Вальтеру показалось, что онъ узналъ одного изъ нихъ. Конный стражникъ, ѣхавшій возлѣ него, подтвердилъ его наблюденіе, назвавъ его Вандааленомъ. Это былъ тотъ самый голландецъ, который покушался убить короля Іакова.

Замѣтивъ, что разговоръ шелъ о немъ, Вандааленъ крикнулъ Вальтеру:

— Король Іаковъ обѣщалъ мнѣ прощеніе. Вотъ какъ онъ держитъ свое королевское слово!

— Молчи!—крикнулъ конвойный:—или я прикажу дать тебѣ плетей. Я веду ихъ въ Діеппъ, гдѣ для нихъ заготовлены три галеры,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Вальтеру.

Кавалькада двинулась дальше и, обогнувъ слѣва прелестный замокъ д'Аркъ, скоро достигла этого приморскаго городка, раскинувшагося подъ охраной замка, расположеннаго на высокой скалѣ къ западу отъ гавани.

Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, Діеппъ представлялъ собою небольшой, но зажиточный приморскій городокъ съ деревянными домиками, тѣснившимися въ чрезвычайно узкихъ улицахъ. Это обстоятельство и погубило его, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ тотъ же самый годъ, мѣсяца два спустя, адмиралъ Россель и сэръ Джорджъ Берклей рѣшили послѣ неудачной осады Бреста, который доблестно защищался подъ начальствомъ знаменитаго Вобана, сдѣлать высадку на берегу Нормандіи и бомбардировать Діеппъ.

Обитатели городка приготовились всѣми силами защищаться и загородили входъ въ гавань, затопивъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ камнемъ. Но это средство не помогло.

Осыпая городъ бомбами и гранатами, англійскій адмиралъ зажегъ его въ разныхъ мѣстахъ и спалилъ его до тла. Отъ всего города остался только замокъ и нѣсколько домиковъ около форта Палэ.

Когда наши путники прибыли въ Діеппъ, въ его гавани стояло нѣсколько судовъ, въ томъ числѣ и три галеры для каторжанъ. То были некрасивыя, странной формы суда, длиною въ сто пятьдесятъ и шириною въ пятьдесятъ футовъ, съ огромными веслами, которыя торчали по бокамъ. На каждой галерѣ было пятьдесятъ скамеекъ, по двадцати пяти на каждой сторонѣ, къ которымъ приковывались каторжане. Каждому изъ нихъ давалось весло въ пятьдесятъ футовъ длиною, съ тяжелою ручкой, уравновѣшивавшей его тяжесть.

Такова была страшная работа, къ которой былъ приговоренъ

несчастный Вандааленъ. За малѣйшую провинность начальникъ галеры могъ безнаказанно засѣчь его до смерти.

Беатриса нѣсколько успокоилась, узнавъ, что небольшое судно, нанятое отцомъ Джонсономъ, ждетъ ихъ въ гавани.

Капитанъ заявилъ, что онъ будетъ готовъ къ отплытію черезъ три часа, когда начнется приливъ. Было условлено, что онъ доставитъ пассажировъ прямо къ берегамъ Суссекса.

Разузнавъ обо всемъ, Беатриса сошла съ лошади и вмѣстѣ съ священникомъ отправилась помолиться о здоровьѣ отца въ старинную церковь св. Іакова. Когда она опустилась на колѣни, у ней явилось какое-то предчувствіе, что ея отца уже нѣтъ въ живыхъ. Изъ церкви она явилась прямо на корабль. Жена капитана, красивая женщина среднихъ лѣтъ, отвела ее въ лучшую каюту и не покидала ее во все время переѣзда.

Слуги, посланные съ нею королемъ Іаковомъ, остались въ гостиницѣ. Они должны были хорошенько дать отдохнуть лошадямъ, такъ что въ обратный путь имъ можно было двинуться только на другой день.

Имѣя два часа свободнаго времени, Вальтеръ рѣшился осмотрѣть городъ. Ему очень понравились маленькіе деревянные домики, но ему и въ голову не приходило, что скоро они будутъ уничтожены его земляками.

Когда онъ возвращался въ гавань, партія каторжанъ вступала въ городъ. Встрѣча, которую имъ устроили добрые обитатели Діеппа, крайне удивила его. Вмѣсто того, чтобы пожалѣть этихъ несчастныхъ, жители осыпали ихъ проклятіями, такъ что имъ приходилось скорѣе спасаться на свои галеры. Начальникъ конвоя пригласилъ Вальтера посмотрѣть, какъ они будутъ спускаться въ трюмъ и усаживаться по своимъ мѣстамъ, но тотъ отказался и пошелъ дальше.

Экипажъ «Святой Луціи»—такъ назывался корабль, нанятый для Беатрисы,—состоялъ изъ трехъ человѣкъ и мальчика. Для небольшого судна этого было совершенно достаточно. Самъ капитанъ Пьеръ Шабо былъ человѣкъ расторопный и опытный.

Въ назначенное время все было готово къ отплытію. Маленькій корабль былъ выведенъ на буксирѣ изъ гавани, поднялъ паруса и, благодаря попутному вѣтру, скоро скрылся изъ глазъ.

Въ теченіе сутокъ не попалось навстрѣчу ни одного враждебнаго судна. Только въ отдаленіи то тамъ, то сямъ мелькали иногда паруса. Ночью за ними гнался англійскій бригъ, сдѣлавшій по нимъ три или четыре выстрѣла. Пользуясь темнотой, имъ удалось скрыться невредимо. За исключеніемъ этого случая, переѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ совершился спокойно, а путники прибыли въ Ньюгавенъ на слѣдующее утро.

Рыбачья лодка быстро свезла ихъ на берегъ.

VI.

Въ родномъ гнѣздѣ.

Въ тѣ времена якобитовъ и папистовъ, которые пытались тайно высадиться на англійскій берегъ, хватали и отправляли въ тюрьму. Той же участи подверглись бы и пассажиры, высадившіеся въ Ньюгавенѣ, если бы имъ не удалось обмануть бдительность береговой стражи. Но Вальтеръ Кросби и отецъ Джонсонъ не въ первый разъ совершали такой переѣздъ и знали, какъ нужно дѣйствовать въ такихъ случаяхъ.

Они подвигались впередъ лишь тогда, когда впереди нельзя было подозрѣвать присутствія враговъ. Не останавливались они и въ гостиницахъ, не наведя предварительно подробныхъ справокъ о ихъ хозяевахъ.

Въ Ньюгавенѣ жилъ нѣкто Маркъ Вистонъ, на котораго путники могли смѣло положиться. Они сразу направились къ его дому, который находился въ верхней части города и, предложивъ ему крупную награду, уговорили его отвезти ихъ въ закрытой повозкѣ въ домъ нѣкоего мистера Моксалля, близъ Льюиса.

Моксалль былъ католикъ и якобитъ. Не будучи знакомы съ нимъ лично, Вальтеръ Кросби и отецъ Джонсонъ были, однако, вполнѣ увѣрены, что онъ окажетъ имъ самое радушное гостепріимство и поможетъ продолжать путь дальше.

И они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ.

Послѣ завтрака путники двинулись въ каретѣ по довольно дикой мѣстности, покрытой лѣсомъ, въ Вакехерсилъ Плэсъ—старинное красивое зданіе, принадлежащее написту сэру Никласу Кольпепперу, крѣпко державшему сторону короля Іакова.

Сэръ Никласъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ оказать услугу родственницѣ полковника Тильдеслея, такъ какъ ему было извѣстно о благосклонности къ ней королевы, которой она пользовалась въ Сенъ-Жерменѣ.

Онъ принялъ всѣ мѣры для того, чтобы облегчить поѣздку Беатрисы въ Ланкаширъ, далъ ей и ея спутникамъ лошадей и посовѣтовалъ имъ ѣхать къ мистеру Понсонби, который, съ своей стороны, дастъ имъ возможность ѣхать дальше.

Дѣйствительно, мистеръ Понсонби принялъ путниковъ съ распростертыми объятіями и доставилъ ихъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Беркширѣ, который, въ свою очередь, отвезъ ихъ въ Нортамптонъ.

Спать путникамъ приходилось очень недолго и всѣ удивлялись, какъ Беатриса могла не чувствовать усталости. Бодрость

духа не покидала ее, и она безпрестанно торопила спутниковъ, совѣтуя имъ не обращать на нее вниманія.

На шестой день послѣ отъѣзда изъ Ньюгавена они достигли Манчестера и остановились въ гостиницѣ «Бычьей Головы». Здѣсь Беатриса узнала, что ея отецъ умеръ. Онъ скончался въ тотъ самый день, когда она выѣхала изъ Сенъ-Жермена, и былъ похороненъ въ Престонѣ въ церкви св. Іоанна.

Это извѣстіе поразило ее. Она только и поддерживала себя надеждой снова увидѣть отца. Теперь же, когда оправдались ея опасенія, всѣ силы, казалось, покинули ее. Сначала ей казалось, что она не въ состояніи будетъ ѣхать дальше, но потомъ она уступила мягкимъ настояніямъ Вальтера и отца Джонсона и рѣшила сдѣлать послѣднее усиліе и добраться до Майерскофа, которому теперь предстояло стать ея домомъ. Она съ трудомъ садилась на лошадь, но по мѣрѣ того, какъ всадники приближались къ мѣсту назначенія, силы ея поднимались. Спутники, видя такую перемѣну, едва вѣрили своимъ глазамъ. Она не жаловалась во время путешествія, но была вся поглощена мрачными мыслями.

Ночью путники прибыли въ Престонъ. Первымъ дѣломъ Беатриса отправилась на могилу отца. Помолившись и поплакавъ, она почувствовала большое облегченіе.

Съ облегченнымъ сердцемъ направилась она дальше въ Майерскофъ. Ее сопровождалъ только Вальтеръ. Отецъ Джонсонъ отправился туда заранѣе, чтобы предупредить о ея прибытіи полковника Тильдеслея.

Сначала она ѣхала молча, но по мѣрѣ того, какъ бѣжала дорога, завязывалась и бесѣда.

— Я чувствую, что я дурно обошлась съ вами, Вальтеръ, такъ сильно предавшись своему горю. Простите меня,—начала Беатриса.

— Я сильно страдалъ за васъ, Беатриса,—отвѣчалъ онъ:—и если я не рѣшался утѣшать васъ, то потому, что чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ на это. Судя по всему тому, что мнѣ приходилось слышать, я былъ почти увѣренъ, что вы никогда уже не увидите вашего отца. Но, конечно, я не могъ сказать вамъ этого.

— Благодарю васъ за вашу осторожность. Если бъ я знала, что пріѣду слишкомъ поздно, я, можетъ быть, и не поѣхала бы и такимъ образомъ не исполнила бы своего долга.

— Ради вашего спокойствія вамъ, по-моему, лучше было бы возвратиться обратно.—промолвилъ Вальтеръ

— А знаете, у меня было много дурныхъ примѣтъ во время пути, и я боюсь, что мы уже не можемъ надѣяться на былое счастье. Будущее представляется мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ. Здѣсь въ Ланкаширѣ составляется огромный заговоръ противъ прави-

тельства, и дѣло, конечно, должно кончиться гибелью лучшихъ семей.

— Я не согласенъ съ вами,—возразилъ онъ:—и думаю, что кое-въ чемъ этотъ заговоръ будетъ очень удаченъ. Что же остается католикамъ, какъ не поднять возстаніе? Преслѣдованія, которымъ они подвергаются, становятся невыносимы.

— Я знаю это!—воскликнула она.—Но въ то же время я чувствую, что возстаніе будетъ роковымъ для насъ, для нашего дѣла, для нашей религіи. Протестантская партія сильнѣе насъ и она должна восторжествовать. Во время нашего пути я всесторонне изучала положеніе и пришла именно къ такому заключенію. Боюсь, что, несмотря на всѣ наши усилія, нашъ добрый король Іаковъ не вернется на тронъ. Я почти увѣрена, что не будетъ возстановлена и наша религія.

— Не нужно ни въ чемъ отчаиваться,—попробовалъ утѣшить ее Вальтеръ.—По моимъ соображеніямъ, король Іаковъ вернется сюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ совершится и все остальное.

— Да помогутъ намъ небеса!—пылко воскликнула Беатриса.— Но я не могу питать такихъ надеждъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось повидать опять королеву. Мнѣ кажется, что я разсталась съ ней уже давнымъ-давно!

— Если у васъ такое желаніе, то вы можете, вѣдь, и вернуться въ Сенъ-Жерменъ,—замѣтилъ Вальтеръ.—Я увѣренъ, ея величество будетъ очень рада увидѣть васъ.

— Можетъ быть, я дѣйствительно и уѣду обратно,—отвѣчала Беатриса.—Посмотримъ.

Въ это время сквозь просѣку парка показался Майерскофъ. Беатриса остановила лошадь и стала смотрѣть на него.

Благодаря прекрасной погодѣ, или потому, что она давно не была здѣсь, мѣстность представилась ей такой красивой, какой она никогда не видала ее прежде.

Старинный домъ какъ будто улыбался ей и звалъ ее къ себѣ, и эта мысль навѣвала на нее удивительное спокойствіе.

— Какъ мирно все вокругъ этого дома!—воскликнула она.— Можно подумать, что его обитатели наслаждаются полнымъ счастьемъ. Боюсь, однако, что оно не составляетъ удѣла моего родственника.

— Онъ вполнѣ заслуживаетъ его,—сказалъ Вальтеръ.—Здѣсь нѣтъ другого такого человѣка, какъ полковникъ Тильдеслей.

— Это, конечно, такъ. Но онъ слишкомъ запутался съ якобитами, слишкомъ вдался въ ихъ заговоры, и теперь у него нѣтъ ни спокойствія, ни безопасности. Каждую минуту онъ долженъ быть готовъ бѣжать изъ этого дома, каждую минуту его могутъ схва-

тить и увезти отсюда. Хуже всего,—прибавила она, вздрагивая:—что онъ можетъ умереть на эшафотѣ.

— Во всякомъ случаѣ онъ умретъ за благое дѣло,—произнесъ Вальтеръ.—Но я увѣренъ, что его ждетъ лучшая доля.

Въ воротахъ парка, которыя были раскрыты настежь, стоялъ Горнби. Сіяя отъ радости, старый дворецкій поздравилъ Беатрису съ возвращеніемъ въ родныя мѣста.

— Радъ васъ видѣть опять, дорогая лэди,—воскликнулъ онъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія въ его искренности.—Всѣ слуги тосковали по васъ, а я больше всѣхъ. А полковникъ былъ самъ не свой безъ васъ.

Затѣмъ Горнби разсыпался было въ сожалѣніяхъ по поводу смерти ея отца, но, увидѣвъ, какъ огорчаютъ ее эти напоминанія, смолкъ и обратился потомъ къ Вальтеру.

Полковникъ Тильдеслей ожидалъ Беатрису передъ домомъ. Увидѣвъ ее, онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу и прижалъ ее къ своему сердцу.

Хотя Беатриса уже заранѣе предвкушала эту встрѣчу, рисуя ее себѣ приблизительно такъ, какъ она и произошла въ дѣйствительности, однако свиданіе это слишкомъ сильно подѣйствовало на нее. Войдя въ домъ, она сейчасъ же направилась въ комнату, которую привыкла считать своею.

Вскорѣ она вполнѣ овладѣла собою и вышла въ залъ.

Между тѣмъ полковникъ дружески здоровался съ Вальтеромъ, который искренно любилъ его и былъ радъ его видѣть.

Явился и отецъ Джонсонъ. По настоятельной просьбѣ Беатрисы онъ долженъ былъ итти въ церковь и отслужить тамъ молебенъ, на которомъ присутствовали и Вальтеръ съ Тильдеслеемъ.

Скоро обнаружилось, что Беатриса черезчуръ переутомилась отъ слишкомъ длиннаго и быстраго пути. Она стала жаловаться на упадокъ силъ и, удалившись, по совѣту полковника, въ свою комнату, больше уже не показывалась въ этотъ день.

Утромъ ей сдѣлалось хуже, а къ вечеру она опасно заболѣла.

Вальтеръ Кросби поскакалъ въ Ланкастеръ—самый близкій городъ, гдѣ можно было найти врача, и привезъ съ собою доктора Давенпорта, которому Тильдеслей вполнѣ довѣрялъ: Давенпортъ лечилъ неоднократно его покойную жену.

Осмотрѣвъ больную, докторъ заявилъ, что она заболѣла отъ чрезмѣрнаго утомленія. Выслушавъ разсказъ Вальтера о путешествіи, которое они только что совершили, онъ назначилъ больной лекарство, поднимающее дѣйствіе сердца, разсчитывая, что оно будетъ имѣть хорошее дѣйствіе.

Полковникъ Тильдеслей сильно тревожился за больную, и доктору пришлось заночевать въ Майерскофѣ. Время отъ времени

онъ давалъ больной капли и къ утру слѣдующаго дня объявилъ, что она уже внѣ опасности. При надлежащемъ покоѣ она должна была скоро поправиться.

Тяжелую ночь пришлось провести Вальтеру и полковнику, которые нѣсколько успокоились лишь къ утру, когда стало извѣстно, что Беатрисѣ лучше. Хотя кризисъ и миновалъ, она все еще была очень плоха и нѣсколько дней не показывалась изъ своей комнаты. Ее могли навѣщать только ея прислуга, докторъ, спасшій ей жизнь, и отецъ Джонсонъ.

У полковника Тильдеслея были и другія заботы. Какъ завѣдомый приверженецъ изгнаннаго короля и вѣрный сынъ папы, онъ былъ особенно замѣтенъ для правительства. Когда въ 1680 г. былъ изданъ законъ объ амнистіи, Тильдеслей вмѣстѣ съ двумя-тремя своими пріятелями нарочно не былъ подведенъ подъ него, какъ продолжающій сопротивляться правительству.

Вскорѣ былъ изданъ новый законъ, уполномочивавшій судей отдавать распоряженія объ арестѣ, обыскѣ и конфискаціи оружія и боевыхъ запасовъ въ домахъ папистовъ. Лошади, стоившія дороже пяти фунтовъ, также отбирались у частныхъ лицъ въ пользу короля.

Положеніе полковника при такихъ условіяхъ было очень опасно, но друзья успѣвали увѣдомлять его, когда ему грозила какая-нибудь опасность. Недавно они предупредили его, что власти напали на слѣдъ большого якобитскаго заговора, въ который, можетъ быть, замѣшаютъ и его. Всѣ боялись, что Тайный совѣтъ дастъ приказъ о его арестѣ. Приходилось, слѣдовательно, принимать всѣ возможныя мѣры предосторожности.

Полковникъ Тильдеслей не разъ получалъ подобныя предостереженія и прежде и почти пересталъ обращать на нихъ вниманіэ. Но на этотъ разъ дѣло было слишкомъ серьезно, и Вальтеръ совѣтовалъ ему не пренебрегать предупрежденіемъ.

Обдумавъ дѣло, какъ слѣдуетъ, Вальтеръ пришелъ къ заключенію, что заговоръ, о которомъ говорило предупрежденіе, былъ не что иное, какъ планъ захватить Тоуеръ, предложенный Лентомъ королю Іакову. Онъ не могъ только понять, какимъ образомъ заговоръ могъ обнаружиться такъ быстро. Неужели объ немъ донесъ тотъ, кто самъ его наладилъ?

Вальтеръ всегда сомнѣвался въ надежности Лента, а теперь его прежнія подозрѣнія получили новую силу.

Послѣ аудіенціи у короля, на которой онъ изложилъ свой планъ заговора, Лентъ уѣхалъ изъ Сенъ-Жермена, захвативъ съ собою и бумаги, которыя могли бы подкрѣпить его доносъ. Почти сейчасъ же послѣ его прибытія въ Лондонъ пошли слухи о большомъ заговорѣ якобитовъ, которые, несомнѣнно, предвѣщали боль-

шіе аресты. Вальтеръ теперь не сомнѣвался, что не кто иной, какъ самъ Лентъ, выдалъ заговорщиковъ. Побудить его къ этому могла предложенная правительствомъ награда—вѣдь оно платило доносчикамъ очень щедро, надѣляя ихъ изъ имущества тѣхъ, которые подвергались осужденію. На этотъ разъ для конфискаціи были намѣчены, очевидно, самые богатые изъ якобитскихъ дворянъ.

Въ этомъ гнусномъ дѣлѣ первымъ помощникомъ для всѣхъ доносчиковъ былъ главный прокуроръ Ааронъ Смитъ. Онъ принималъ шпіоновъ у себя въ канцеляріи и, научивъ ихъ, какъ дѣйствовать, передавалъ ихъ съ рукъ на руки своему помощнику Куллепфорду, отъ котораго они получали дальнѣйшія инструкціи.

Если Лентъ дѣйствовалъ по внушенію этихъ господъ,—а было похоже на то,—въ такомъ случаѣ положеніе полковника Тильдеслея становилось очень опаснымъ: негодяй, очевидно, не остановится передъ предательствомъ. Если бы удалось получить приказъ объ арестѣ полковника, то Лентъ, зная расположеніе Майерскофа, могъ бы всегда выбрать для нападенія наиболѣе слабое мѣсто, и всѣ приготовленія къ защитѣ оказались бы напрасными. Нападающіе, очевидно, перероютъ весь домъ и паркъ въ поискахъ за драгоцѣнностями хозяина, которыя были спрятаны, о чемъ Ленту хорошо было извѣстно. А его обширная коллекція оружія и лошади навѣрно будутъ конфискованы.

Вальтеръ не говорилъ полковнику о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ и ограничился лишь тѣмъ, что посовѣтовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе.

— Нельзя пренебрегать полученными предупрежденіями, полковникъ,—сказалъ какъ-то Вальтеръ, сидя съ хозяиномъ въ большомъ залѣ.—Вамъ нечего ждать пощады отъ правительства, которое поставило васъ внѣ закона. Что же вы намѣрены дѣлать, если будетъ отданъ приказъ о вашемъ арестѣ? Вы такъ и дадите себя арестовать?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нужно приготовиться къ защитѣ или бѣжать.

— Какъ могу я защищаться? —мрачо произнесъ полковникъ.—Положимъ, я могу отбить одно нападеніе. Но на слѣдующій день противъ меня явится еще болѣе сильный отрядъ, и я долженъ буду уступить. Майерскофъ не крѣпость, да и людей у меня нѣтъ.

— Это, конечно, вѣрно,—согласился Вальтеръ.—Но все-таки вы не должны покоряться.

— Что же прикажете мнѣ дѣлать? Придется, по всей вѣроятности, покинуть отечество и искать убѣжище во Франціи.

— Напрасно,—возразилъ Вальтеръ.—Держитесь здѣсь, пока можно, и разсчитывайте на то, что счастливый случай васъ выру-

читъ. Можетъ произойти нѣчто такое, чего мы теперь и не предвидимъ. Вильгельма Оранскаго могутъ убить. Можетъ случиться возстаніе или вторженіе. Тогда положеніе дѣла сразу перемѣнится.

— Мы такъ часто обманывались въ своихъ расчетахъ на возстаніе, что я потерялъ всякую надежду на него,—отвѣчалъ Тильдеслей.—А что касается вторженія, то, боюсь, его совсѣмъ и не будетъ.

— Все возможно,—промолвилъ Вальтеръ.—Но вамъ нужно избѣжать ареста во что бы то ни стало.

При этихъ словахъ въ залъ вошелъ отецъ Джонсонъ. Узнавъ, о чемъ шелъ разговоръ, онъ выразилъ твердую увѣренность, что заговоръ былъ выданъ Лентомъ и что теперь слѣдуетъ ждать появленія въ Майерскофѣ полицейскаго отряда.

— Что онъ явится сюда—это я предвижу по многимъ признакамъ,—продолжалъ священникъ.—Явится съ нимъ и Лентъ. Онъ вѣдь знаетъ всѣ тайники дома. Когда онъ пріѣхалъ сюда въ первый разъ, я вообразилъ, что онъ вполнѣ надежный человѣкъ и, къ несчастью, ввѣрился ему. Я жестоко браню теперь себя за эту неосторожность. Но если онъ явится сюда съ приказомъ объ арестѣ, то не найдетъ уже здѣсь ни денегъ, ни цѣнностей, ни серебра.

— Онъ не долженъ найти ничего,—воскликнулъ полковникъ.—Надо все заранѣе увести.

— Не долженъ онъ захватить и оружіе, а также лошадей

— Совершенно вѣрно.

— Кромѣ того, нужно, чтобы онъ не могъ найти васъ, полковникъ, иначе вы скоро очутитесь въ Ланкастерской крѣпости.

— Я не могу бросить домъ.

— Можетъ быть, этого и не нужно,—возразилъ отецъ Джонсонъ:—хотя въ Сенъ-Жерменѣ вы были бы въ большей безопасности. Но мѣры предосторожности нужно принять немедленно. Спрячьте серебро и цѣнныя вещи и прикажите увести куда-нибудь лошадей.

— Я сдѣлаю, какъ вы совѣтуете,—отвѣчалъ полковникъ.

Посовѣтовавшись затѣмъ съ вѣрнымъ Горнби, онъ рѣшилъ измѣнить свои планы. Дворецкій считалъ, что лучше всего не трогать ни серебра, ни цѣнныхъ вещей.

— Послѣдуйте, сударь, моему совѣту и оставьте все такъ, какъ есть,—началъ онъ.—Если вы начнете вывозить все отсюда, то вы только навлечете на себя новыя опасности. Если обыскъ будетъ, то, я не сомнѣваюсь, мы успѣемъ къ нему приготовиться. Наконецъ мы во всякомъ случаѣ не позволимъ грабителямъ увезти отсюда ихъ добычу. По тѣмъ же соображеніямъ я совѣтую вамъ не отводить вашихъ лошадей. Пусть стоятъ въ конюшнѣ. Онѣ могутъ понадобиться вамъ, и тогда вамъ придется пожалѣть о томъ, что ихъ нѣтъ.

— Ты правъ, Горнби,—сказалъ полковникъ.—Твой планъ совпадаетъ съ моимъ. Серебро и цѣнныя вещи могутъ пригодиться при случаѣ, ибо я знаю по опыту, что при обыскѣ можно и подкупить. Что касается лошадей, то, конечно, онѣ будутъ побыстрѣе драгунскихъ и помогутъ мнѣ скрыться отъ нихъ.

— Я такъ и думаю, господинъ полковникъ,—сказалъ дворецкій.—Съ вашего позволенія я сдѣлаю всѣ приготовленія и приму мѣры на случай ожидаемаго визита. Посѣтители встрѣтятъ здѣсь горячій пріемъ, а если съ ними явится и мистеръ Лентъ, то мы окажемъ ему особую честь.

На этомъ разговоръ окончился, и дворецкій удалился.

Но поднявшаяся тревога не соотвѣтствовала, повидимому, опасности.

Все было спокойно, и въ этой мѣстности не было ни одного ареста. Полковникъ Тильдеслей сталъ было уже надѣяться, что буря пронеслась мимо.

VII.

Приключенія Вальтера въ Лондонѣ.

Тѣмъ временемъ Беатриса поправилась настолько, что могла уже выходить изъ своей комнаты. Ея появленіе вызвало общую радость обывателей Майерскофа. Она все еще была слаба, но румянецъ уже вернулся къ ней. Нечего, однако, было и думать ѣхать въ Ньюгавенъ.

— Мнѣ нужно подѣлиться съ вами кое-чѣмъ,—сказалъ ей какъ-то Вальтеръ, когда они остались вдвоемъ.—У меня есть планъ, исполненіе котораго я отложилъ до тѣхъ поръ, пока не переговорю съ вами. Я хочу ѣхать въ Лондонъ и добиться тамъ въ Уайтголлѣ свиданія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ сэромъ Джономъ Тренчардомъ. Я предполагаю также повидаться съ главнымъ прокуроромъ мистеромъ Аарономъ Смитомъ.

— Да вѣдь это же наши смертельные враги!—воскликнула молодая дѣвушка.

— Потому-то я и хочу ихъ видѣть,—возразилъ онъ.—Я увѣренъ, что отъ нихъ я могъ бы получить очень цѣнныя указанія.

— Васъ, навѣрно, тамъ арестуютъ.

— Напротивъ, я думаю, что меня примутъ съ распростертыми объятіями. Оба они сильно поощряютъ доносчиковъ, а я именно и хочу явиться подъ видомъ одного изъ нихъ. Я постараюсь увѣрить ихъ, что у меня есть важныя государственныя тайны, которыя я хочу имъ открыть. Они знаютъ о моихъ связяхъ съ партіей якобитовъ и, конечно, повѣрятъ мнѣ.

— Такой способъ дѣйствій, можетъ быть, и удастся, но я не могу его одобрить: онъ недостоинъ васъ.

— Противъ врага хорошъ всякій способъ дѣйствій. Кромѣ того, это значитъ бороться съ нимъ его же оружіемъ. Этотъ негодяй и измѣнникъ Лентъ, очевидно, нанятъ Аарономъ Смитомъ, чтобы погубить жизнь нашихъ друзей, а я хочу ихъ спасти и поэтому-то и рѣшаюсь рискнуть. Отецъ Джонсонъ и я послѣднее время того и ждемъ, что полковникъ Тильдеслей будетъ арестованъ по доносу Лента.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнула она.—Я ничего не слыхала объ этомъ.

— Отъ васъ нарочно все скрывали. Но я боюсь, что опасность еще не прошла.

— Это очень тревожное извѣстіе. Вы окажете огромную услугу друзьямъ, если разстроите замыслы этихъ негодяевъ. Вы уже говорили о вашемъ планѣ съ полковникомъ?

— Говорилъ. Онъ находитъ его слишкомъ рискованнымъ и старается убѣдить меня отказаться отъ этой попытки.

— Я тоже хотѣла отговаривать васъ, Вальтеръ. Но, выслушавъ васъ, я не могу не согласиться съ вами. Поѣзжайте, а я буду горячо молиться о вашемъ успѣхѣ.

— Вы меня подбодрили,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Когда вы предполагаете отправиться?—спросила она.

— Въ самомъ непродолжительномъ времени. Мнѣ нужно быть въ Лондонѣ именно теперь, и долго ждать здѣсь не приходится.

— Вы ѣдете одинъ?

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Мнѣ очень хотѣлось бы ѣхать съ вами,—продолжала она.— Но, къ сожалѣнію, это невозможно.

— Я понимаю,—промолвилъ онъ со вздохомъ.—Вы не можете оказать мнѣ какую-нибудь помощь. Я долженъ обдѣлать все одинъ. Всѣ приготовленія я уже сдѣлалъ, остается только приказать подать себѣ лошадь.

— Стало быть, намъ нужно проститься сейчасъ.

— Такъ будетъ лучше. Передайте мой привѣтъ полковнику и отцу Джонсону.

Съ этими словами Вальтеръ прижалъ ее къ своей груди. Отъ охватившаго ихъ сильнаго волненія они не могли промолвить ни слова и разстались молча.

Минутъ черезъ десять Вальтеръ шелъ уже къ конюшнямъ. Онъ былъ одѣтъ въ дорожный костюмъ и несъ съ собой небольшой чемоданъ. По дорогѣ ему попался полковникъ Тильдеслей, которому волею-неволею пришлось разсказать о задуманной поѣздкѣ въ Лондонъ.

— Долженъ вамъ откровенно сознаться, дорогой полковникъ, что мнѣ не хотѣлось прощаться съ вами,—сказалъ Вальтеръ.— Вы, конечно, легко поймете меня, почему и не осудите меня, надѣюсь. Я сообщилъ свой планъ Беатрисѣ, которая передастъ вамъ всѣ подробности. Я надѣюсь скоро вернуться и привезти вамъ хорошія извѣстія.

— Если вы ничего не имѣете противъ,—воскликнулъ полковникъ:—то я провожу васъ до Престона.

— Напротивъ, я буду чрезвычайно радъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Это придастъ мнѣ бодрости.

Въ конюшнѣ они нашли Горнби, который распорядился уже осѣдлать для Вальтера сильнаго коня. Сбоку сѣдла были прикрѣплены пистолеты, а спереди плащъ. Чемоданъ привязали сзади.

— Надѣюсь, вы не сердитесь на меня, полковникъ,—почтительно сказалъ Горнби.—Но я не могъ не помочь капитану Кросби въ осуществленіи плана, который,—одобрите вы его, или нѣтъ,— имѣетъ въ виду вашу же пользу.

— Ты поступилъ правильно, Горнби,—отвѣчалъ полковникъ.— Если капитанъ рѣшился привести въ исполненіе свой замыселъ, то я ничего не имѣю противъ этого. Будемъ надѣяться, что все пойдетъ хорошо. А теперь распорядись осѣдлать мою лошадь поскорѣе!

— Какъ, и вы ѣдете въ Лондонъ, полковникъ!—воскликнулъ удивленный дворецкій.

— Тебя не касается, куда я ѣду. Я возьму съ собою только одного грума.

Изъ своей комнаты, изъ которой открывался видъ на въѣздную аллею, Беатриса видѣла, какъ Вальтеръ и полковникъ, сопровождаемые грумомъ, проѣхали черезъ подъемный мостъ и выѣхали на дорогу. Вальтеръ взглянулъ на это окно и сдѣлалъ своей невѣстѣ прощальный жестъ рукою.

Беатриса долго слѣдила за нимъ, пока они ѣхали по дорогѣ. Когда всадники наконецъ скрылись изъ виду, она оторвалась отъ окна и воскликнула съ выраженіемъ полнаго отчаянія:

— Увижусь ли еще съ нимъ когда-нибудь?

Невесело ѣхалъ въ Престонъ полковникъ Тильдеслей. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ предчувствія, что Вальтеръ напрасно подвергаетъ себя опасности. Онъ не отговаривалъ его отъ затѣи, но не могъ и подбодрить его.

Самъ Вальтеръ былъ въ довольно хорошемъ настроеніи. Предпріятіе, которое онъ затѣялъ, какъ разъ соотвѣтствовало его характеру, склонному ко всякаго рода приключеніямъ. Мысль о неудачѣ какъ-то не приходила ему въ голову. Напротивъ, онъ твердо вѣрилъ, что ему удастся оказать огромную услугу какъ

полковнику Тильдеслею, такъ и другимъ ланкаширскимъ якобитамъ.

Когда всадники достигли Престона и настало время проститься, полковникъ въ послѣдній разъ сдѣлалъ попытку отговорить своего спутника отъ дальнѣйшаго путешествія и вернуться въ Майерскофъ. Но Вальтеръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Нѣтъ, полковникъ, я теперь ужъ не хочу возвращаться назадъ,—сказалъ онъ.—Не вижу причинъ, почему я долженъ отказаться отъ моего плана.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—отвѣчалъ полковникъ.—Скажу только, что буду сердечно радъ видѣть васъ опять у себя здравымъ и невредимымъ. Но прежде, чѣмъ мы разстанемся, скажите, не нужно ли вамъ денегъ? Вотъ мой кошелекъ.

— Думаю, что я захватилъ довольно,—сказалъ Вальтеръ.—Впрочемъ, не откажусь отъ вашего любезнаго предложенія.

Пожелавъ другъ другу всего хорошаго, они разстались, и каждый поѣхалъ своей дорогой.

Полковникъ Тильдеслей пробылъ въ Престонѣ часа два-три. Онъ поспѣшилъ повидаться съ Тоунлеемъ, который жилъ въ домѣ одного своего пріятеля, и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ наединѣ.

— Мы, несчастные якобиты, подвергаемся теперь большой опасности,—сказалъ Тоунлей.—Богъ одинъ знаетъ, что съ нами будетъ, если только обстоятельства не повернутся въ нашу пользу. Мы все ждемъ возстанія и вторженія, но ничего подобнаго нѣтъ и нѣтъ. Намъ обѣщали освободить насъ отъ узурпатора, а онъ все еще сидитъ на тронѣ. Мы съ вами да еще лордъ Молинэ, повидимому, намѣчены въ жертву, и я боюсь, что намъ не удастся убѣжать и избѣгнуть заключенія въ тюрьму.

— Мнѣ не хочется оставлять Майерскофъ,—отвѣчалъ гость.—Иначе я, конечно, поспѣшилъ бы въ Сенъ-Жерменъ, захвативъ съ собою и миссъ Тильдеслей. Но я долженъ еще дождаться возвращенія изъ столицы капитана Кросби. По новостямъ, которыя онъ привезетъ съ собою, видно будетъ, что намъ дѣлать дальше.

— Очень можетъ быть, что онъ и не вернется совсѣмъ,—промолвилъ Тоунлей,—и мы скоро услышимъ, что его заключили въ Тоуэръ.

— По правдѣ сказать, я этого не думаю; но если это случится, я немедленно отправлюсь во Францію.

— Мнѣ кажется, слѣдовало бы собрать всѣхъ нашихъ друзей,—сказалъ Тоунлей,—и обсудить, что намъ дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Это непремѣнно нужно сдѣлать,—согласился съ нимъ Тильдеслей:—необходимо только соблюдать въ этомъ случаѣ особую

осторожность, какъ бы не провѣдали объ этомъ правительственные шпіоны и доносчики. Иначе насъ непремѣнно арестуютъ. Гдѣ намъ лучше собраться, въ Тоунлеѣ или въ Майерскофѣ?

— Лучше всего собраться черезъ недѣлю у меня,—отвѣтилъ Тоунлей.—Я приглашу и всѣхъ другихъ.

— Можете на меня разсчитывать. Можетъ быть, и капитанъ Кросби вернется къ этому времени изъ Лондона. Тогда я привезу его съ собою.

— Непремѣнно постарайтесь,—сказалъ Тоунлей.

Вскорѣ Тильдеслей ѣхалъ обратной дорогой къ себѣ въ Майерскофъ.

Что касается Вальтера, то, разставшись съ полковникомъ и проѣхавъ Престонъ, онъ остановился на короткое время въ Чорлеѣ. Переночевавъ затѣмъ въ Манчестерѣ, онъ рано утромъ двинулся дальше и къ завтраку былъ уже въ Макльфильдѣ.

Лошадь бѣжала бодро, и къ вечеру Вальтеръ достигъ уже Дерби. Отсюда онъ направился на Нортгамптонъ и поздно вечеромъ на четвертый день прибылъ наконецъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ остановился въ гостиницѣ «Королевы» на улицѣ Страндъ. Хозяинъ этой гостиницы, Никласъ Праймъ былъ тайный якобитъ, и его домъ служилъ мѣстомъ сбора всей партіи.

Сильно утомившись отъ продолжительной поѣздки, Вальтеръ проснулся на другой день довольно поздно и, сойдя въ общую залу, засталъ тамъ только одного слугу.

Заказавъ для себя завтракъ, онъ объявилъ, что хотѣлъ бы переговорить съ самимъ хозяиномъ. Праймъ сейчасъ же явился. Поздоровавшись съ гостемъ, хозяинъ сказалъ:

— Я слышалъ, что кто-то прибылъ сегодня ночью, но я никакъ не думалъ, чтобы это были вы, сударь. Совѣтую вамъ держаться какъ можно осторожнѣе,—прибавилъ онъ, понижая голосъ.— Безопасность еще не наступила для нашихъ друзей. Съ того времени, какъ открыли заговоръ, произведено немало арестовъ. Ожидаются дальнѣйшіе аресты.

— Я отлично знаю объ этомъ, Праймъ,—сказалъ Вальтеръ:— хотя, долженъ сказать, я думаю, что тутъ и не было никакого заговора. Кажется, все это устроилъ Лентъ. Скажите, онъ еще здѣсь, въ городѣ?

— Вчера онъ былъ здѣсь. Берегитесь его! Онъ очень опасный человѣкъ.

— Онъ негодяй, но я надѣюсь сдѣлать его безвреднымъ при помощи еще большаго негодяйства.

— Отъ души желаю вамъ удачи, сударь, и съ своей стороны готовъ помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ могу.

Вальтеръ съ аппетитомъ засѣлъ за принесенный завтракъ и, покончивъ съ нимъ, вышелъ изъ гостиницы и пошелъ по улицѣ Страндъ по направленію къ Черингъ-Кроссъ.

Его бравый видъ и красивая фигура невольно привлекали къ нему общее вниманіе, такъ что нѣкоторые долго смотрѣли ему вслѣдъ.

Одинъ изъ этихъ ротозѣевъ, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ на него какъ-то особенно внимательно, вдругъ повернулъ назадъ и пошелъ за нимъ.

Бросивъ восхищенный взглядъ на конную статую, украшающую площадь Черингъ-Кроссъ, Вальтеръ направился прямо къ Уайтголлю, который былъ какъ разъ передъ нимъ.

Этотъ огромный, великолѣпный дворецъ сохранялся почти въ томъ же видѣ, въ какомъ его застала внезапная смерть Карла II. Слѣдующее царствованіе не внесло въ него никакихъ передѣлокъ, восшествіе на престолъ Вильгельма также ни въ чемъ не измѣнило его внѣшности.

Дворецъ представлялъ собою огромное зданіе, въ которомъ помѣщались королевскіе аппартаменты, комнаты фрейлинъ и придворныхъ чиновъ и дворцовая хозяйственная часть.

Къ дворцу примыкали помѣщенія для высшей знати, красивая домашняя церковь, длинная широкая каменная галерея, прекрасный садъ съ четыреугольными клумбами, украшенными статуями, площадка для игры, на которой «веселый монархъ» и его придворные состязались почти каждый день въ мячъ, и наконецъ загороженное мѣсто, гдѣ происходили любимые при дворѣ пѣтушиные бои.

Несмотря на отсутствіе симметріи и однообразіе, Уайтголль имѣлъ необыкновенно живописный видъ, особенно если смотрѣть на него со стороны рѣки, откуда онъ лучше всего былъ виденъ, или со стороны воротъ, увѣковѣченныхъ на рисункахъ Гольбейна.

Вальтеръ хорошо зналъ этотъ старинный дворецъ, въ которомъ онъ долго жилъ въ счастливую пору своей молодости. Онъ остановился передъ нимъ и, вперивъ въ него взоръ, внутренно прочиталъ молитву, чтобы изгнанный изъ него король вернулся въ него опять.

Пока Вальтеръ стоялъ передъ дворцомъ, человѣкъ, слѣдовавшій за нимъ отъ улицы Страндъ, поравнялся съ нимъ: Вальтеръ узналъ въ немъ Лента и невольно нахмурился.

Не замѣчая, или дѣлая видъ, что онъ не замѣчаетъ неудовольствія молодого человѣка, Лентъ вѣжливо приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Очень радъ васъ видѣть въ Лондонѣ, капитанъ Кросби. Я думалъ, что вы еще въ Сенъ-Жерменѣ.

— Я удивленъ, видя васъ здѣсь, сэръ,—отвѣчалъ Вальтеръ.— Должно быть, вашъ огромный заговоръ рухнулъ, такъ какъ Тоуеръ до сихъ поръ не въ вашихъ рукахъ.

— Не говорите такъ громко, сэръ,—прошепталъ Лентъ.— Насъ могутъ услышать. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами. Не хотите ли сдѣлать со мною прогулку по парку?

— Теперь я занятъ,—холодно отвѣчалъ Вальтеръ.

— Подождите одну минуту, сэръ!—вскричалъ Лентъ.—Скажите, гдѣ вы остановились, и я зайду къ вамъ.

Вальтеръ не далъ ему отвѣта и быстро пошелъ домой.

— Не уйдешь отъ меня, мой милый,—проворчалъ ему вслѣдъ Лентъ.—У тебя, очевидно, здѣсь есть какое-то дѣло. Ты, можетъ быть, хочешь стать шпіономъ. Ну, если такъ, тогда ты будешь имѣть дѣло со мной. А теперь посмотримъ, куда ты идешь.

VIII.

Вальтеръ въ пасти льва.

Не зная, что за нимъ слѣдятъ, Вальтеръ прошелъ сквозь широкія дворцовыя ворота, въ которыхъ стояли два конныхъ стражника и нѣсколько часовыхъ, и вступилъ на главный дворъ.

Какъ памятенъ ему этотъ дворъ! Но теперь онъ далеко не такъ оживленъ, какъ въ тѣ времена, когда Вальтеръ былъ еще пажомъ. Тогда здѣсь толпилось множество разряженныхъ придворныхъ, а теперь лишь кое-гдѣ виднѣлись кое-какія фигуры. Самъ дворецъ имѣлъ какой-то мрачный, унылый видъ, словно онъ самъ чувствовалъ, что пережилъ свою славу.

Взглянувъ мимоходомъ на Банкетную залу, Вальтеръ двинулся на другой конецъ двора, гдѣ были сосредоточены главнѣйшія правительственныя учрежденія. Скоро онъ былъ передъ казначействомъ—огромнымъ зданіемъ, лежавшимъ между канцеляріею лорда-камергера и помѣщеніемъ Тайнаго совѣта. Вальтеръ быстро поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ переднюю, изъ которой шелъ длинный коридоръ. Тутъ стояло нѣсколько привратниковъ и разсыльныхъ, которые повели его въ канцелярію сэра Джона Тренчарда, находившуюся въ концѣ коридора. Въ первой комнатѣ, въ которую они вступили, сидѣло за столами нѣсколько клерковъ. Одинъ изъ нихъ, повидимому, сразу узналъ Вальтера и вызвался доложить о немъ сэру Джону Тренчарду.

Черезъ нѣсколько минутъ клеркъ вернулся и повелъ Вальтера въ другую комнату, окна которой выходили во внутренній дворцовый садъ. Посреди его стояла, къ удивленію Вальтера, конная статуя короля Іакова.

Сэръ Джонъ сидѣлъ одинъ за столомъ, на которомъ лежали какія-то бумаги.

Это былъ красивый мужчина лѣтъ сорока, богато одѣтый въ яркій камзолъ, шитый золотомъ, въ длинномъ парикѣ и галстукѣ изъ брюссельскихъ кружевъ. Широкіе рукава его камзола также были украшены кружевами.

При входѣ Вальтера сэръ Джонъ поднялся и, вѣжливо поклонившись, просилъ посѣтителя садиться.

— Не въ первый разъ мы встрѣчаемся съ вами, капитанъ Кросби,—началъ онъ.—Я помню васъ еще въ дѣтствѣ, когда вы считались самымъ красивымъ пажомъ короля Карла II. Помню васъ и офицеромъ въ гвардіи короля Іакова. Съ тѣхъ поръ наружность ваша не измѣнилась.

— Вы льстите мнѣ, сэръ Джонъ,—сказалъ Вальтеръ съ улыбкою.

— Нисколько. Съ тѣхъ поръ я много слышалъ о васъ. Мнѣ передавали, что недавно вы спасли въ Сенъ-Жерменѣ вашего августѣйшаго покровителя отъ руки убійцы. Надѣюсь, вы явились сюда не для того, чтобы требовать награды за этотъ подвигъ?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Я не прошу никакой награды, сэръ Джонъ,—возразилъ Вальтеръ.—Если бы я просилъ, то, конечно, не сюда мнѣ слѣдовало бы обратиться.

— Чему же я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ, капитанъ Кросби?—спросилъ сэръ Джонъ, мѣняя тонъ.—Если вы хотите сдѣлать мнѣ какое-нибудь предложеніе, то я готовъ съ радостью васъ выслушать. Я знаю, у васъ былъ прекрасный случай собрать важныя свѣдѣнія, и я полагаю,—прибавилъ онъ многозначительно:—что это обстоятельство слѣдовало бы учесть. Скажите, вы давно были въ Ланкаширѣ?

— Я только что пріѣхалъ оттуда.

— Ахъ, вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ вы могли бы сообщить кое-что о тамошнихъ якобитахъ и папистахъ, которые вѣчно заняты разными заговорами?

— Я могу очень мало прибавить къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы уже получили отъ мистера Лента.

— Ахъ, такъ вы слышали о немъ? Мистеръ Лентъ сообщилъ мнѣ многое, но мы желали бы знать все подробно, особенно относительно полковника Тильдеслея, Тоунлея, лорда Молинэ и другихъ. Послѣднее время эти господа доставили намъ немало хлопотъ, и ихъ нужно успокоить.

— И вы просите меня помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, сэръ Джонъ? А что вы можете мнѣ за это предложить?

— Большую награду.

— Опредѣлите сумму точнѣе.

— Мой милый капитанъ, торгуясь со мною, вы не должны забывать, что вы сами отдались въ мои руки. Я вѣдь могу арестовать васъ. Нѣтъ,—прибавилъ онъ поспѣшно,—нѣтъ, я, конечно, не имѣю такого намѣренія, а вы можете положиться на щедрость правительства.

— Такъ дѣло у насъ не пойдетъ, сэръ Джонъ,—рѣшительно сказалъ Вальтеръ.—Нужно точнѣе условиться относительно размѣра суммы—и суммы не маленькой. Отвѣта я могу и подождать,—прибавилъ онъ.—Завтра въ этотъ же часъ я опять зайду къ вамъ, и къ этому времени вы, вѣроятно, уже обдумаете мое предложеніе.

— Условіе нужно сдѣлать немедля. Мы хотимъ арестовать съ дюжину этихъ ланкаширскихъ дворянъ. Я желалъ бы, чтобы вы переговорили съ прокуроромъ Аарономъ Смитомъ. Условиться вы можете и съ нимъ.

— Я готовъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но я могу его теперь и не застать.

— Я не могу пойти къ нему съ вами,—сказалъ Тренчардъ:—но я пошлю за его довѣреннымъ секретаремъ мистеромъ Кулленфордомъ.

Съ этими словами онъ позвонилъ въ серебряный колокольчикъ, стоявшій на столѣ. Явился разсыльный.

— Позовите сюда немедленно мистера Кулленфорда,—сказалъ Тренчардъ.

— Мистеръ Кулленфордъ въ пріемной,—отвѣчалъ разсыльный.

— Вотъ кстати, позовите его сюда.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ страннаго вида человѣкъ. На его лицѣ ясно была написана хитрость и дерзость, а его манеры были вкрадчивы и почтительны.

Дюжій, коренастый и краснощекій, онъ былъ одѣтъ въ неуклюжій сѣрый сюртукъ, на ногахъ у него были чулки и башмаки съ четыреугольными носками, голову украшалъ небольшой парикъ.

Поклонившись почтительно Тренчарду, онъ бросилъ быстрый, испытующій взглядъ на Вальтера.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ Джонъ,—произнесъ онъ.—Вы желали меня видѣть?

— Отведите этого господина къ вашему начальнику. Скажите, что онъ присланъ мною. Онъ самъ изложитъ ему, въ чемъ дѣло.

Мистеръ Кулленфордъ поклонился.

— Могу узнать имя этого господина?—спросилъ онъ.

— Да, но только по секрету. Капитанъ Кросби.

— Тотъ, который спасъ короля Іакова въ Сенъ-Жерменѣ?

— Тотъ самый.

— Онъ хочетъ сдѣлать разоблаченія?

— Это зависитъ отъ той суммы, которую мнѣ предложатъ,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Передайте вашему начальнику, чтобы онъ условился съ мистеромъ Кросби относительно суммы,—сказалъ Тренчардъ.

— Слушаю. Не угодно ли будетъ пожаловать за мною?—промолвилъ Кулленфордъ, обращаясь къ Вальтеру.

— Мы съ вами увидимся завтра, капитанъ,—сказалъ Тренчардъ.

— Непремѣнно, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ Вальтеръ, откланиваясь.

Канцелярія мистера Аарона Смита стояла направо отъ широкой улицы, которая вела отъ внѣшняго двора къ Скотландъ-Ярду. Мѣсто было довольно бойкое, такъ какъ улица отличалась многолюдствомъ. Противъ канцеляріи была расположена гауптвахта.

Въ помѣщеніе мистера Смита ходъ былъ прямо съ улицы. Никакихъ часовыхъ здѣсь не было.

Мистеръ Кулленфордъ старался быть общительнымъ и хотѣлъ указать Вальтеру главнѣйшія учрежденія, но тотъ скоро далъ ему понять, что онъ знаетъ эти мѣста не хуже его самого.

Когда они явились въ канцелярію мистера Аарона, оказалось, что прокуроръ былъ занятъ, и Вальтеру пришлось ждать пріема болѣе получаса.

Ааронъ Смитъ, судя по физіономіи, былъ, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія. Настоящее его имя было Лазарь. Онъ уже давно перемѣнилъ религію и выдавалъ себя за настоящаго протестанта. Его черные проницательные глаза вопросительно уставились на Вальтера, когда Кулленфордъ, представивъ его прокурору, вышелъ изъ комнаты. Видно было, что Ааронъ Смитъ представлялся самому себѣ чрезвычайно важной персоной. Впрочемъ, онъ обошелся съ Вальтеромъ вѣжливо и предупредительно.

— Очень радъ васъ видѣть, капитанъ Кросби—сказалъ онъ.— Вы именно то лицо, которое намъ нужно. Мы можемъ щедро оплатить ваши услуги. Признаюсь, я на нихъ никакъ не разсчитывалъ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда нѣсколько минутъ тому назадъ мистеръ Кулленфордъ назвалъ мнѣ ваше имя, прибавивъ, что васъ прислалъ сюда сэръ Джонъ Тренчардъ, чтобы уладить дѣло окончательно.

— Въ наше время люди мѣняютъ принципы, какъ одежду,— сказалъ Вальтеръ.—До сего времени я былъ якобитомъ.

— Это достаточно извѣстно всѣмъ,—замѣтилъ мистеръ Ааронъ.— Я не буду спрашивать, что привело васъ къ столь внезапной перемѣнѣ убѣжденій. Предполагаю, однако, что вы, вѣроятно, разочаровались въ вашихъ симпатіяхъ?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и когда узналъ, что Лентъ за свое сообщеніе получилъ крупныя деньги, я подумалъ, почему бы и мнѣ не сдѣлать того же самаго?

— Очень радъ, что вы такъ быстро поняли свои интересы, капитанъ Кросби,—сказалъ прокуроръ.—Теперь вамъ представляется возможность заработать крупную сумму. Никто, конечно, не можетъ упрекнуть васъ въ томъ, что вы рѣшили использовать такой случай.

— Я не увѣренъ въ этомъ, сэръ,—возразилъ Вальтеръ.—Думаю, что меня будутъ сильно бранить.

— Ну, не слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что люди говорятъ!—воскликнулъ мистеръ Смитъ.—Ваши свѣдѣнія будутъ для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ сообщенія Лента. Онъ не пользуется хорошей репутаціей и только срамитъ правительство.

— Сколько же вы мнѣ дадите, позвольте васъ спросить?

— Извините меня, капитанъ Кросби, я не могу дать сейчасъ же отвѣта на этотъ вопросъ,—отвѣчалъ Ааронъ Смитъ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ. Вашъ отвѣтъ не можетъ нисколько повліять на меня. Я самъ назначилъ себѣ сумму.

— Какую же сумму вы хотите?—спросилъ Смитъ.—Подойдемъ прямо къ дѣлу безъ дальнихъ разговоровъ.

— Десять тысячъ фунтовъ.

— Десять тысячъ фунтовъ!—воскликнулъ прокуроръ, откидываясь отъ изумленія назадъ.—Господи помилуй! Это гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ, гораздо больше, чѣмъ мы могли бы дать!

— Отлично, сэръ,—произнесъ Вальтеръ.—Въ такомъ случаѣ не будемъ больше и толковать объ этомъ.

Но мистеръ Ааронъ не могъ, конечно, разстаться съ нимъ такимъ образомъ.

— Если бы мы не пригласили Лента,—сказалъ онъ:—то тогда, конечно, было бы иное дѣло. А теперь какъ отъ него отдѣлаться? Этого мы не можемъ.

— А почему бы и не отдѣлаться?—спросилъ Вальтеръ.

— Но вѣдь сдѣлка съ нимъ заключена,—возразилъ мистеръ Ааронъ.

— Отлично, уплатите ему и прогоните его. Это будетъ для васъ лучше всего. Вы же согласны, что онъ только вредитъ правительству.

— Надо обдумать это дѣло,—сказалъ прокуроръ.—Я не могу дать теперь рѣшительнаго отвѣта.

— Я условился съ сэромъ Джономъ Тренчардомъ покончить это дѣло завтра,—продолжалъ Вальтеръ.—Можетъ быть, вы успѣете къ тому времени переговорить съ нимъ.

— Я такъ и хочу сдѣлать,—отвѣчалъ мистеръ Смитъ.—Мы съ вами скоро столкуемся.

Онъ пожалъ ему руку самымъ дружелюбнымъ образомъ и самъ отворилъ ему дверь.

Выйдя изъ комнаты, Вальтеръ встрѣтилъ Кулленфорда, который, очевидно, его поджидалъ.

— Надѣюсь, что дѣло уладилось къ вашему удовольствію, капитанъ Кросби?—спросилъ онъ.

— Пока еще ничего не уладилось,—отвѣчалъ тотъ.

— Очень жаль,—замѣтилъ Кулленфордъ.—Но я вижу, въ чемъ дѣло. Тутъ есть одно препятствіе, которое нужно удалить. Я поговорю съ самимъ мистеромъ Смитомъ. Онъ не будетъ колебаться въ выборѣ между вами и Лентомъ.

— Надѣюсь, что не будетъ,—сказалъ, смѣясь, Вальтеръ.

Не успѣлъ Вальтеръ удалиться изъ канцеляріи, какъ туда влетѣлъ легкій на поминѣ Лентъ. Онъ былъ страшно взволнованъ и яростно набросился на Кулленфорда, который еще оставался въ пріемной.

— Я знаю, кто здѣсь былъ сейчасъ, и знаю, зачѣмъ онъ сюда приходилъ!—вскричалъ онъ.

— Отлично, кто же именно здѣсь былъ?—послѣдовалъ спокойный вопросъ.

— Капитанъ Кросби. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ сюда, видѣлъ, какъ онъ вышелъ. Я могу сказать, что онъ говорилъ и дѣлалъ, какъ будто бы онъ былъ передо мною. Онъ хочетъ сдѣлать доносъ на своихъ друзей въ Ланкаширѣ. Онъ хочетъ войти въ сдѣлку съ вашимъ начальникомъ и такимъ образомъ отнять у меня заработокъ. Но я этого не позволю, слышите, не позволю! — кричалъ Лентъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Мнѣ кажется, вашего позволенія никто и не спрашиваетъ,—возразилъ Кулленфордъ.—Надо еще узнать, дѣйствительно ли капитанъ Кросби обращался къ моему начальнику съ такими предложеніями.

— Я увѣренъ въ этомъ,—твердилъ Лентъ.—Зачѣмъ же иначе приходилъ сюда этотъ Кросби?

— Этого я вамъ не могу сказать. Вамъ лучше спросить объ этомъ у самого мистера Смита.

— Я и спрошу. Я скажу ему свое рѣшеніе. Будьте добры доложить ему обо мнѣ, сэръ.

Кулленфордъ хотѣлъ было что-то возразить, но на бѣду въ этотъ моментъ самъ Ааронъ Смитъ вышелъ въ пріемную. Волею неволею приходилось принять назойливаго посѣтителя.

Ихъ разговоръ длился больше часу. Лентъ вышелъ отъ прокурора съ гнѣвнымъ видомъ и сказалъ Кулленфорду угрожающимъ тономъ:

— Не думаю, чтобы капитанъ Кросби отправился въ Манчестеръ.

— Почему же?—съ любопытствомъ спросилъ тотъ.

— Узнаете все въ свое время,—отвѣчалъ Лентъ, выходя изъ канцеляріи.

Желая еще разъ посмотрѣть на дворецъ, въ которомъ онъ провелъ столько счастливыхъ дней, Вальтеръ снова вступилъ на большой дворъ и обошелъ его кругомъ, осматривая каждое зданіе, мимо котораго онъ проходилъ.

Ему хорошо была извѣстна судьба каждаго изъ нихъ: всѣ они были тѣсно связаны съ исторіей «Веселаго монарха». Вотъ здѣсь помѣщался Киллигру, здѣсь отецъ Патрикъ, здѣсь мистриссъ Керкъ, съ которой онъ былъ близко знакомъ.

Постоявъ немного, онъ двинулся дальше къ флигелю, который занимали графини Кесльмэнъ, Фальмоутъ и Суффолькъ. Вотъ аппартаменты королевы, вотъ и фрейлинскія комнаты. Ахъ, что это были за прелестныя созданія, фрейлины!

Съ смѣшаннымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на всѣ эти зданія, гдѣ жило столько замѣчательныхъ лицъ.

Во времена Карла II Уайтголльскій дворецъ былъ въ расцвѣтѣ своего блеска. Онъ былъ сосредоточіемъ красоты, знатности, веселости и остроумія.

А теперь? Вальтеръ даже не задавалъ себѣ такого вопроса. Съ перваго взгляда видно было, что это уже не тотъ веселый дворецъ, какимъ онъ былъ во времена Карла.

Ему и въ голову не приходило, что черезъ пять лѣтъ—въ январѣ 1698 г.—произойдетъ страшный пожаръ, который въ нѣсколько часовъ истребитъ большую часть историческихъ зданій, на которыя онъ теперь смотрѣлъ.

«Пламя этого пожара,—говоритъ одинъ современный писатель,—превратило въ пепелъ все, что стояло ему на пути отъ Тайнаго совѣта до Банкетной залы и Скотландъ-Ярка. Огонь прежде, чѣмъ удалось его погасить, распространился до воротъ герцога Ормонда».

Этимъ пожаромъ было уничтожено около ста пятидесяти зданій, гдѣ жила большею частью высшая придворная знать.

Побродивъ нѣкоторое время по прелестному внутреннему саду и по другимъ уголкамъ, будившимъ въ немъ сладкія воспоминанія, Вальтеръ очутился, самъ не зная какъ, около собственнаго подъѣзда королевы, выходившаго на Темзу. Здѣсь стояла шлюпка, приготовленная, очевидно, для королевы, судя по суетившимся около нея придворнымъ служителямъ.

Погода была великолѣпная и какъ нельзя болѣе годилась для прогулки.

Вальтеръ вспомнилъ, какъ пріятно было когда-то кататься по Темзѣ на этой великолѣпной шлюпкѣ. Онъ вздохнулъ о давно минувшихъ дняхъ и приготовился было удалиться отсюда, какъ

можно скорѣе, какъ вдругъ показалась блестящая группа, впереди которой шелъ дежурный офицеръ, а сзади нѣсколько служителей въ королевской ливреѣ. Не было сомнѣнія, что гордо глядѣвшая, богато одѣтая дама, возлѣ которой шли оберъ-камергеръ и сэръ Джонъ Тренчардъ, была не кто иная, какъ сама королева.

Теперь уже было поздно бѣжать, и Вальтеръ, выступивъ въ смущеніи впередъ, сдѣлалъ ея величеству глубокій поклонъ.

Пораженная его наружностью, королева спросила у окружающихъ, кто это такой. Графъ Нотингемъ не могъ удовлетворить ея любопытство, но тутъ выдвинулся сэръ Джонъ Тренчардъ и сообщилъ о Кросби все, что королевѣ угодно было знать. Ея величество была, видимо, удивлена, съ замѣтнымъ любопытствомъ взглянула на Вальтера и пожелала, чтобы сэръ Тренчардъ представилъ ей капитана.

Тотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе, и Вальтеръ былъ принятъ весьма милостиво.

— Я не ожидала видѣть васъ здѣсь, капитанъ Кросби,—произнесла королева.—Я полагала, что вы въ Сенъ-Жерменѣ. Я слышала о вашемъ благородномъ поступкѣ, который вы недавно совершили.

— Я только исполнилъ мой долгъ, всемилостивѣйшая государыня,—съ поклономъ отвѣчалъ Вальтеръ.

— Вашему величеству да будетъ извѣстно, что капитанъ Кросби оставилъ Сенъ-Жерменъ,—сказалъ сэръ Тренчардъ многозначительно.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула королева.—Я хотѣла бы переговорить съ нимъ. Скажите, чтобы онъ явился завтра въ Кенсингтонскій дворецъ.

— Въ которомъ часу прикажете?—осторожно спросилъ сэръ Джонъ.

— Въ двѣнадцать. Я буду ждать васъ, капитанъ Кросби,—обратилась королева прямо къ нему.

Вальтеръ низко поклонился.

Когда королева стала спускаться къ шлюпкѣ, графъ Нотингемъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, подалъ ей руку и повелъ ее по набережной.

Сэръ Тренчардъ слѣдовалъ за ними, но не сѣлъ въ шлюпку и вернулся обратно.

Онъ нашелъ Вальтера на прежнемъ мѣстѣ и сказалъ ему, что королева отправилась въ Гринвичъ.

— Счастливый вы человѣкъ, капитанъ Кросби,—началъ онъ съ улыбкой.—Сами будете виноваты, если не сдѣлаете быстро карьеры. Вы положительно понравились ея величеству.

— Вы льстите мнѣ, сэръ Джонъ,—замѣтилъ Вальтеръ.

— Нѣтъ, это вѣрно. Вы, конечно, и сами это замѣтили. Я никогда не видалъ, чтобы королева такъ милостиво къ кому-нибудь отнеслась. Я очень удивился словамъ, которыя ея величество приказала передать вамъ. Когда я откланялся ей, она еще разъ приказала не забыть привезти васъ завтра въ Кенсингтонскій дворецъ. Приходите ко мнѣ въ 11 часовъ.

— Не премину, сэръ Джонъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но я еще не условился съ мистеромъ Аарономъ Смитомъ.

— Я такъ и думалъ. Возникли какія-нибудь недоразумѣнія? Вскорѣ послѣ того, какъ вы вышли отъ мистера Смита, появился Лентъ, узнавшій какимъ-то образомъ о томъ, что вы здѣсь, и угадавшій ваши намѣренія. Онъ заявилъ мистеру Смиту, что онъ не можетъ дѣйствовать совмѣстно съ вами и что онъ отплатитъ всѣмъ, въ случаѣ, если его захотятъ уволить. Его поведеніе указываетъ, что онъ чрезвычайно раздраженъ. Я полагаю, что мистеръ Смитъ могъ бы покончить съ нимъ разомъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Положеніе создалось непріятное, но вы объ этомъ не пожалѣете. Завтра можетъ случиться нѣчто неожиданное, и намъ лучше будетъ подождать вашего свиданія съ королевой. Вы можете и не вмѣшивать себя въ борьбу противъ якобитовъ. Но если вы рѣшите быть намъ полезнымъ, то я велю уволить Лента. Я долженъ еще прибавить, что я еще не видалъ его, да и не желаю видѣться съ нимъ, если онъ придетъ. Это я могу вамъ обѣщать.

— Хорошо, сэръ Джонъ,—сказалъ Вальтеръ.—Я приду условиться съ вами завтра. До свиданія.

Изъ Уайтголла Вальтеръ возвратился въ гостиницу «Королевы» и, войдя въ столовую, приказалъ подать себѣ обѣдъ и стаканъ вина.

Онъ уже кончилъ обѣдать и потягивалъ вино, какъ вдругъ вошли два человѣка и, оглядѣвъ кругомъ комнату, усѣлись за столикомъ противъ него и приказали служителю подать бутылку бургонскаго.

Оба они были въ парикахъ, въ краснаго цвѣта камзолахъ, высокихъ сапогахъ и шляпахъ съ перьями, но, очевидно, не принадлежали къ дворянству.

Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, оба отцѣпили свои шпиги и положили ихъ на столъ рядомъ со шляпами, не безъ нѣкоторой намѣренности, какъ показалось Вальтеру.

Посѣтители говорили громко, но ихъ голоса были сиплы и такъ же непріятны, какъ и ихъ манеры.

Вальтеръ спросилъ слугу, не знаетъ ли онъ, кто это такіе. Тотъ отвѣчалъ, что это капитанъ Стампъ и капитанъ Стенеръ, что они не служатъ въ войскѣ, что это извѣстные забіяки и буяны,

которые не выходятъ изъ игорныхъ домовъ, и неизвѣстно, на какія средства живутъ.

— Не люблю я ихъ, сударь,—сказалъ Праймъ,—и ни за что не пустилъ бы ихъ въ общую залу, если бъ могъ. Но они разнесутъ меня, если я вздумаю не пустить ихъ. Не отвѣчайте на ихъ вызывающія рѣчи, сударь. Вотъ все, что я могу вамъ сообщить.

— Постараюсь держать себя какъ можно хладнокровнѣе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Но мнѣ кажется, они уже сдѣлали какое-то дерзкое замѣчаніе на мой счетъ. Если они еще разъ это сдѣлаютъ, то я проучу ихъ. На всякій случай дайте мнѣ палку.

— Лучше бы держать себя спокойно и не связываться съ ними, сударь.

— Постараюсь,—сказалъ Вальтеръ.

Праймъ вышелъ изъ комнаты и вернулся съ тяжелой дубиной, которую Вальтеръ положилъ на столъ около себя, чтобы въ случаѣ надобности она была подъ рукой.

Видъ этой дубинки, повидимому, произвелъ устрашающее дѣйствіе на обоихъ капитановъ. Они перестали острить на счетъ Вальтера и занялись своимъ виномъ.

Бутылка была уже пуста, когда въ залѣ появился Лентъ. Онъ, казалось, не видѣлъ Вальтера и присѣлъ къ буянамъ, которые, повидимому, поджидали его.

— Вы запоздали, мистеръ Лентъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Мы ужъ покончили съ бутылкой, какъ видите.

— И управились бы и со второй безъ васъ, если бъ вы не пришли,—подтвердилъ Стенеръ.

— У меня было дѣло,—отвѣчалъ Лентъ, какъ бы извиняясь:—но я ушелъ, какъ только оказалось возможнымъ. Человѣкъ, принеси еще бутылку бургонскаго и чистые стаканы!

Самъ Праймъ бросился исполнять его приказаніе.

— Наливайте, господа,—сказалъ Лентъ, наполняя свой стаканъ до краевъ.—Я хочу предложить тостъ.

Тѣ не заставили себя долго ждать.

— Ну, теперь тостъ!—вскричалъ Стампъ.

— Мы должны выпить его стоя,—сказалъ Лентъ.—Я предложу тостъ, который долженъ принять каждый вѣрноподданный. Да здравствуетъ король Вильгельмъ III и да погибнутъ его враги!

Всѣ наполнили стаканы и встали, кромѣ Вальтера.

— Какъ! вы отказываетесь выпить при такомъ тостѣ?—заревѣлъ капитанъ Стампъ.

— Наливайте скорѣе стаканъ и встаньте,—зарычалъ Стенеръ.

Вальтеръ продолжалъ сидѣть.

— Этотъ малый, должно быть, якобитъ,—вскричалъ Лентъ среди общей сумятицы.

— Клянусь небомъ! Вы выпьете вашъ стаканъ, или я волью вамъ его въ глотку!—произнесъ Стампъ, обнажая шпагу и направляясь къ Вальтеру.

— Троньте меня только!—закричалъ Вальтеръ и ударилъ его дубиной по плечу съ такою силою, что шпага вылетѣла у него изъ рукъ.

Лентъ и Стенеръ бросились на помощь къ своему другу. Произошло бы побоище, въ которомъ Вальтеру могло бы сильно достаться, если бы въ дѣло не вмѣшался самъ хозяинъ, его слуги и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ и не уговорили молодого человѣка удалиться поскорѣе изъ комнаты.

Вальтеръ не забылъ захватить съ собою дубинку, на случай, если нападеніе повторится на дворѣ.

Онъ простоялъ на дворѣ минутъ десять, но, вопреки его ожиданіямъ, Лентъ и его друзья не явились. Вышелъ только хозяинъ.

— Вы очень нетактично вели себя, капитанъ Кросби, извините, что я это говорю,—произнесъ Праймъ.—Вы должны были выпить при этомъ тостѣ, какъ бы вамъ это ни было непріятно.

— Да, я и самъ чувствую, что поступилъ неловко,—возразилъ Вальтеръ.—Но я не могъ примириться съ нахальствомъ этого Лента, чувствуя, что онъ нарочно вызываетъ меня.

— Теперь всѣ они успокоились,—продолжалъ Праймъ.—Но вы не должны возвращаться, пока они не выйдутъ оттуда. Иначе произойдетъ новая свалка.

— Сколько времени они еще тамъ пробудутъ?

— Постараюсь, чтобы они убрались къ девяти часамъ,—сказалъ Праймъ.

— Отлично, тогда я вернусь въ половинѣ десятаго. Вотъ ваша палка. Она мнѣ очень пригодилась. Принесите теперь мою шпагу. Она у меня въ спальнѣ.

Праймъ взялъ палку и поспѣшилъ въ комнату Вальтера, откуда скоро вернулся со шпагой.

Былъ прекрасный теплый вечеръ, и молодой человѣкъ направился къ Сентъ-Джемскому парку. Часа два гулялъ онъ въ немъ, наслаждаясь хорошей погодой. Выйдя изъ парка, онъ медленно пошелъ по улицѣ Pall-Mall.

Становилось уже темно. Когда онъ дошелъ до Кокспеpъ-стрита, на колокольнѣ церкви св. Мартина пробило девять часовъ. Помня свои слова, онъ погулялъ еще съ полчаса и отправился къ себѣ, въ гостиницу «Королевы».

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло и такъ какъ на дворѣ гостиницы не было ни одного фонаря, онъ уже съ трудомъ различалъ экипажи, стоявшіе въ огромномъ сараѣ на правой сторонѣ. Ему показалось, что онъ слышитъ какой-то шорохъ въ сараѣ. Онъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Это онъ! Теперь онъ въ нашихъ рукахъ! – донеслось до него.

Полагая, что это голосъ Лента, котораго онъ считалъ способнымъ на всякую гадость, Вальтеръ обнажилъ шпагу и принялъ оборонительную позу.

Онъ, конечно, могъ бы позвать кого-нибудь на помощь, но предпочиталъ защищать себя самому.

Въ этотъ моментъ изъ сарая появилась какая-то темная фигура со шпагой въ рукѣ. Завязалась схватка... Кросби быстро сдѣлалъ выпадъ и, повидимому, ранилъ нападавшаго: по крайней мѣрѣ слышно было, какъ его шпага со звономъ упала на мостовую двора.

Готовилось, очевидно, убійство, ибо изъ сарая выскочили еще два человѣка съ шпагами въ рукахъ и яростно напали на него.

Вальтеръ защищался всѣми силами, но, видя, что ему не справиться съ врагами, сталъ громко кричать. На его крики прибѣжали изъ конюшни два кучера съ фонарями. Въ то же время показался изъ дома Праймъ съ прислужниками. Но прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ успѣлъ добѣжать до мѣста, гдѣ происходила схватка, противники Вальтера бросили его и скрылись.

Къ счастью, молодой человѣкъ оказался невредимымъ.

Когда суматоха успѣла уже прекратиться, на дворѣ появились полицейскій съ сторожами. Но теперь уже не было никакой надобности въ ихъ присутствіи. Они предложили было догонять преступниковъ, но никто не изъявилъ согласія послѣдовать ихъ совѣту. Узнавъ, что у одного изъ нападавшихъ была выбита шпага, они принялись ее искать, но ея не было: очевидно, раненый успѣлъ унести ее съ собою.

На землѣ были видны пятна крови, указывавшія, что негодяй былъ раненъ довольно серьезно.

Хозяинъ спросилъ Вальтера, будетъ ли онъ преслѣдовать покушавшихся на его жизнь судебнымъ порядкомъ, но тотъ отвѣтилъ отрицательно.

— Не стоитъ больше волноваться изъ-за этого дѣла,—сказалъ онъ: негодяи и такъ достаточно наказаны.

IX.

Вальтеръ Кросби и Королева Марія.

На слѣдующей день Вальтеръ отправился къ назначенному времени въ Уайттолльскій дворецъ.

У дверей казначества онъ нашелъ красивый экипажъ, поджидавшій, очевидно, сэра Джона Тренчарда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, дѣйствительно, вышелъ изъ своей канцеляріи и, дружески поздоровавшись съ Вальтеромъ, пригласилъ его къ себѣ въ экипажъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

